КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXX. 1890 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. IV. Я. П. Шульгина. (1—21)

II. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. VIII—XII. О. П. Роговой (22—58).

III Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (59—87).

IV. Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани (волынской губ., ровенскаго уѣзда). Ѳ. Кудринскаго. (88—104).

V. Надъ Днѣстромъ. Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ Осипа Федьковича. (105—116).

VI. Документы, извѣстія и замѣтки. Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. Сообщилъ В. Ю. Разбойникъ Тараненко. Бориса Познанскаго. Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. П. Шафранова. Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. Г. І. Вержбицкаго. Некрологъ. Г. (105-135).

VII. Библіографія. 1) Дополненія и поправки къ Собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря В. В. Латышева. 2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 годахъ на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго. В. Латышевъ. Проф. Ѳ. Г. Мищенка. Stanisław Smolka. Kiejstut i Ingełło П. Г. Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. П. Кандинина. Ѳ. И. Булгаковъ Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. П. Ж. Ѳ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. В. Я. Обозрѣніе журналовъ. (136—169).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Лѣтопись Подгорецкаго монастыря.

2) Свадебныя пѣсни въ лубен. у., полт. губ. Собралъ В. М.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особеностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ XXX.

1890 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензур. Кіевъ, 20-го іюля 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

ГЛАВА 4.

Мѣры правительства Рѣчи Посполитой противъ коліевъ.

Извлекши съ возможною полнотою изъ Кодненской книги все то, чѣмъ характеризуются участники коліивщины, отъ ватажковъ до послѣднихъ пособниковъ возставшихъ крестьянъ включительно, мы считаемъ нелишнимъ обратиться теперь къ характеристикѣ дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея, собравъ для этого тѣ мелкіе разрозненные факты, какіе по данному вопросу встрѣчаемъ и въ той же Кодненской книгѣ, и у польскихъ мемуаристовъ.

Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка все войско Рѣчи Посполитой, дѣлившееся издавна на двѣ большія части—литовскую и польскую, не заключало въ себѣ даже по спискамъ 17000. Но и изъ этого числа на защиту интересовъ государства въ предѣлахъ украинскихъ воеводствъ, гдѣ разразилась коліевщина, приходилась всего только четверть польской части войска. А такъ какъ во всей польской части было 12000 солдатъ, то въ каждой изъ четырехъ „партій“ этой части могло быть по

[1]) „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 6.

Библиотека "Руниверс"

3000 человѣкъ. Быть можетъ, при надлежащей воинской дисциплинѣ такого числа обученныхъ военному строю солдатъ было бы вполнѣ достаточно для подавленія крестьянскаго движенія 1768 года, особенно если принять въ разсчетъ численную слабость возставшихъ; но въ томъ то и дѣло, что при отсутствіи въ польскомъ войскѣ дисциплины и „украинская партія“, какъ и три остальныя, никогда не заключала въ себѣ и двухъ третей полагавшагося въ ней числа людей. Обыкновенно *регментарь*, т. е. начальникъ партіи самъ бывалъ въ отсутствіи и его замѣнялъ кто-нибудь изъ его подчиненныхъ, которому онъ давалъ титулъ „стражника“. Въ свою очередь очень часто не бывали при войскѣ и *ротмистры*, т. е. начальники хоругвей, на которыя дѣлилась вся партія; эти тоже замѣщали себя—*поручиками*, которые однако опять таки часто уѣзжали въ свои помѣстья, сложивъ обязанности по командѣ хоругвью на *намѣстниковъ*. Но, кромѣ начальствующихъ, не бывало часто на лицо и „*товарищей*“ и „*шереговыхъ*“, изъ которыхъ составлялись хоругви. Подъ товарищами же разумѣлись исключительно дворяне, записывавшіеся добровольно въ хоругвь, и ихъ бывало при нормальномъ порядкѣ по 25 человѣкъ въ хоругви, а подъ „шереговыми“—тѣ слуги товарищей, которыхъ эти послѣдніе приводили съ собою обыкновенно въ количествѣ 3—4 человѣкъ для образованія хоругви. Благодаря указаннымъ удаленіямъ во свояси и начальниковъ, и подчиненныхъ, нерѣдко въ хоругви, вмѣсто нормальнаго по штатамъ числа 100—125 человѣкъ, бывало всего человѣкъ 30—40. И подобная недостача въ людяхъ случалась тѣмъ чаще, что на содержаніе ихъ не хватало средствъ: казенныя средства, которыя ротмистры получали отъ регимента для распредѣленія между товарищами, часто растрачивались на частныя нужды и путежи, такъ что волей неволей приходилось распускать по домамъ часть солдатъ. Притомъ же кичившіеся титуломъ „товарищей“ паны часто вовсе не думали о своихъ обязанностяхъ, считая себя неуязвимыми со стороны суда при существовавшихъ военныхъ непорядкахъ [1]).

---

1) Kitowicz. Opys obyczajow i zwyczajow. T. II, стр. 74—84.

Библиотека "Руниверс"

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ изъ „украинской партіи“ нерѣдко на лицо бывало человѣкъ 700 и много много если 1000. Съ такими же силами, еще недисциплинированными, трудно было дѣйствовать противъ трехъ-четырехъ гайдамацкихъ ватагъ численностью въ 2000 и въ 1000 душъ и противъ значительнаго числа болѣе мелкихъ гайдамацкихъ загоновъ. Надо было подавлять и сравнительно организованныя группы возставшихъ, предводительствуемыя Желѣзнякомъ, Швачкой, Неживымъ, Бондаренкомъ, и давить загоны, ведшіе, быть можетъ, еще болѣе опасную партизанскую войну. А если еще принять въ разсчетъ враждебныхъ польскому правительству барскихъ конфедератовъ, которыхъ королю надо было также усмирить, то военное ничтожество какихъ-то 700—1000 чел. должно предстать предъ нами съ полной очевидностью.

Въ первое время движенія мы поэтому вовсе не встрѣчаемъ въ документахъ даже упоминаній о польскихъ отрядахъ. Желѣзнякъ, Швачка, Неживый, Бондаренко и всѣ загоны встрѣчаютъ только оборону со стороны поляковъ, но не нападеніе; но и оборона ведется безъ помощи жолнѣровъ. И въ Лисянкѣ, и въ Умани, и въ Бѣлой Церкви, и въ Каневѣ—повсюду сами обыватели, поляки и жиды, ведутъ защиту да еще кой-когда народныя милиціи, которыя вообще представляли для пановъ малонадежный элементъ, о жолнѣрахъ же упоминаній нѣтъ. Волей неволей поэтому польскому правительству оставалось обратиться за помощью къ русскимъ войскамъ, пребывавшимъ въ краѣ для подавленія барской конфедераціи и поддержанія требованій русской дипломатіи въ Варшавѣ.

Только послѣ того, какъ главное дѣло при подавленіи бунта было сдѣлано для поляковъ генераломъ Кречетниковымъ, полковникомъ Протасьевымъ и другими русскими офицерами,—только послѣ этого показываются на свѣтъ божій польскіе подъязды и становятся опасными для обезсилѣвшаго гайдамачества, но и въ это время, при сколько-нибудь значительной численности ватаги, польскіе отряды обнаруживаютъ всѣ слабыя стороны своей организаціи.

Библиотека "Руниверс"

Въ Кодненской книгѣ[1]) есть слѣдствіе объ отступленіи подъязда, отправленнаго на Побережье (такъ называлась юго-западная часть нынѣшней подольской губ., прилегающая къ Днѣстру, внизъ, начиная съ уѣзда могилевскаго) противъ гайдамацкихъ отрядовъ, все еще бродившихъ по краю, хотя главныя силы ихъ и было уже уничтожены русскими войсками. Подъяздъ былъ подъ командой Каминскаго, товарища хоругви панцырной. Каминскій, вышедши изъ Троянова, гдѣ помѣщалась главная квартира войска короннаго партіи украинской и подольской, провелъ свой отрядъ на Побережье къ мѣстечку Бершадѣ и вблизи этого мѣстечка въ селѣ Вербки узналъ отъ людей, что семь гайдамакъ съ возами ночуютъ близъ ихъ села. Тотчасъ же распорядился онъ отправить нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей команды для захвата этихъ гайдамакъ, что и было, въ виду малочисленности послѣднихъ, исполнено безпрепятственно. Всѣ семь гайдамакъ съ двумя возами были приведены къ Каминскому. Отъ нихъ при распросахъ онъ узналъ, что невдалекѣ стоитъ болѣе значительная гайдамацкая ватага, человѣкъ въ полтараста, и что они сами—только отрядъ этой ватаги. Каминскій при этомъ извѣстіи снялся съ своею хоругвью съ мѣста и прошелъ, не бросая арестованныхъ гайдамакъ и ихъ обоза, въ с. Билый Камень. Туда онъ прибылъ днемъ, часовъ въ 12, и не успѣлъ онъ тамъ остановиться, какъ напали на него гайдамаки, несясь на польскій отрядъ съ страшнымъ крикомъ. Для спасенія своего жолнѣры попрятались въ крестянскія хаты и изъ нихъ отстрѣливались. Длилось такое положеніе чуть не до захода солнца, пока нападающіе не зажгли хатъ, въ которыхъ засѣли поляки, и сосѣдняго гумна. Весь отрядъ, въ виду численности гайдамакъ, по плану Каминскаго, долженъ былъ отступить къ селу Пятковкѣ. На пути туда была гребля, и Каминскій при отступленіи счелъ нужнымъ воспользоваться ею для отстрѣливанія отъ непріятеля, пока это было возможно. Но „gdy mnie—приводимъ собственныя слова командира Каминскаго—nieprzyiaceli nacisneli mocno żem się iuż utrczymac nie mogl,

[1]) Кодн. кн. стр. 501—513.

Библиотека "Руниверс"

umyslilem porządną uczynic reytaradę, i jaka przynależy żołnierzowi, ale gdy zabaczili moiey komędy ludzie wielką liczbe haidomakow wstrzimac onych nie moglem, wzieli się do rosprusz-ki...". Паническій страхъ напалъ однако не на всѣхъ, бывшихъ въ хоругви: по утвержденію Каминскаго, и онъ самъ, и нѣкоторые изъ товарищей и шереговыхъ, отступая, все же отстрѣливались и давали отпоръ гайдамакамъ. Бѣжавшихъ было, впрочемъ, не мало; впереди всѣхъ были: бывшій стражникъ товарищъ Загоровскій, капралъ Павловскій и шереговый Маковскій. Замѣтя бѣгство Загоровскаго, командиръ Каминскій послалъ къ нему шереговаго Дудкевича съ приказомъ вернуться на помощь, ему, командиру, и вернуть своихъ подначальныхъ шереговыхъ. Загоровскій же, по его собственнымъ показаніямъ, напрасно передавалъ приказъ командира бѣжавшимъ жолнѣрамъ: всѣ они, не оборачиваясь въ его сторону, бѣжали на гору къ с. Пятковкѣ. Самъ же онъ, Загоровскій, потому де не вернулся, что считалъ дѣло вовсе потеряннымъ и думалъ, что самаго командира нѣтъ уже въ живыхъ. Интересно, что и Дудкевичъ, привезшій приказаніе Каминскаго вернуться, самъ присталъ къ бѣжавшимъ, такъ что командиръ его увидѣлъ только въ Пятковкѣ. Загоровскій скакалъ на конѣ такъ поспѣшно, что потерялъ даже свое копье и ни разу не выстрѣлилъ изъ ружья; трусость свою онъ напрасно выгораживалъ тѣмъ, что копье будто бы потерялъ не онъ самъ, а его слуга, и напрасно силился увѣрить, будто не стрѣлялъ онъ потому, что непріятель не приближался къ нему ни разу на разстояніе выстрѣла. Когда же Загоровскій, убѣгая, замѣтилъ товарища Игнатовскаго, мимо котораго онъ ѣхалъ, то прокричалъ, что не можетъ сдержать перепуганнаго коня и потому по неволѣ бѣжитъ. Другой храбрецъ, шереговый Марковскій, убѣгая, не имѣлъ ни карабина, ни сабли, а гдѣ дѣлъ онъ все это—неизвѣстно. Капралъ Мацей Павловскій, бѣжавшій съ Загоровскимъ, утверждалъ, что приказа вернуться Загоровскій ему не передалъ; когда же ему на слѣдствіи напомнили, что онъ самъ непосредственно слышалъ переданное Дудкевичемъ приказаніе и что, какъ не подначальный Загоровскому, могъ бы самъ оста-

Библиотека "Руниверс"

новить бѣгущихъ и по крайней мѣрѣ лично вернуться къ Каминскому, то капралъ на все это ничего не отвѣтилъ.

Въ томъ, какъ себя держали въ это время и нѣкоторые другіе товарищи и шереговые, тоже лестнаго мало для жолнѣрской храбрости. Во всѣхъ почти показаніяхъ фигурируютъ бурьяны, среди которыхъ прятались опѣшившіе паны товарищи и ихъ слуги. Въ виду этихъ бурьяновъ сомнительными храбрецами представляются и тѣ „товарищи“, которые въ показаніяхъ своихъ выставляютъ себя таковыми. Невольно какъ-то въ разсказываемомъ ими усматриваешь какъ разъ обратное ихъ утвержденію, и серьезныя показанія дѣлаются комичными. Особенно интересны въ этомъ отношеніи росказни Васильковскаго, одного изъ „товарищей“, бывшихъ въ дѣлѣ. Онъ, по его показаніямъ, былъ раненъ „w krzyża“ еще до переправы черезъ греблю, тѣмъ не менѣе продолжалъ де драться и на греблѣ. Когда же тутъ его снова ранили въ руку, то его задержалъ гайдамака, у котораго онъ, Васильковскій, передъ тѣмъ вырвалъ ратище, и котораго онъ самъ было задержалъ. Случилась же эта чудесная перемѣна ролей между паномъ Васильковскимъ и гайдамакой только благодаря тому, что гайдамака какимъ то невѣдомымъ образомъ умудрился убѣжать отъ пана, добыть себѣ копье, „nie wiedziec jakim sposobem porzucano“ паномъ Загоровскимъ, и копьемъ этимъ поколоть въ плечи пана Васильковскаго. Панъ Васильковскій при этомъ будто бы обернулся къ нападающему, схватился за его копье (zlapalem mu za spise), и они вступили въ рукопашную (porwalismy się za barki). Между тѣмъ подошли другіе гайдамаки. Они хотѣли пана Васильковскаго заколоть, но до этого не допустилъ превратившійся неожиданно въ полнаго доброжелателя недавній противникъ его. Гайдамаки тогда прослѣдовали за бѣгущими, оставивъ Васильковскаго съ его гайдамакой. Этотъ же послѣдній ограничился тѣмъ, что ободралъ пана и затѣмъ велѣлъ ему спрятаться въ бурьянъ, что онъ, панъ, и исполнилъ. Въ показаніяхъ это сообщеніе звучитъ такъ: „ten mnie obdarszy roskasal mi się zachowac w burian, com uczynil“. Ночью только панъ Васильковскій выбрался изъ своего убѣжища

Библиотека "Руниверс"

и, нанявъ въ Пятковкѣ подводу, направился къ м. Бершадѣ, гдѣ собрался весь разбитый отрядъ.

Самъ панъ командиръ, или комендантъ, какъ его величаетъ нашъ документъ, панъ Каминскій, по его показаніямъ, несмотря на бѣгство многихъ изъ его отряда, оставался еще на греблѣ, давая отпоръ гайдамакамъ, и двинулся за бѣжавшими по направленію къ с. Пятковкѣ не прежде, какъ отступили гайдамаки. Но иную картину встрѣчаемъ мы въ показаніяхъ шереговаго Витвицкаго. Витвицкаго этого во время атаки гайдамаки сильно де покололи, и онъ уже за греблей упалъ съ коня, который убѣжалъ. Лежа на землѣ и не имѣя силъ встать, Витвицкій видѣлъ, какъ мимо него въ Пятковкѣ на гору неслись отъ гребли „товарищи“ и „шереговые“. Минулъ его и панъ комендантъ Каминскій, „za ktorym haidamaci gonili“. Выходитъ, стало быть, что Каминскій отступленія гайдамакъ отъ гребли не дождался и самъ долженъ былъ послѣдовать примѣру Загоровскаго, Павловскаго и др. Шереговый Витвицкій обезсиленъ былъ, очевидно, не долго. Онъ почувствовалъ необходимость отъ несшихся мимо него гайдамакъ спрятаться опять таки въ тотъ же классическій бурьянъ и перебыть тамъ до ночи, ночью же онъ смогъ дойти до Пятковки и оттуда на подводѣ доѣхать въ Бершаду. Все дѣло представлялось Витвицкому очень жаркимъ. По его словамъ, только въ быстротѣ конскихъ ногъ заключалось спасеніе жолнѣровъ въ пятковской стычкѣ. „Kto mial konia zlego— ten zabity zostal“, и „ten byl na przendzie y bez razu zostal, kto mial konia dobrego“.

Дѣйствительно, было нѣсколько убитыхъ и раненныхъ, но неуявленныхъ изъ числа бывшихъ въ отрядѣ было больше. Всѣ они собрались въ концѣ концовъ въ Пятковкѣ, а оттуда уже вмѣстѣ съ догнавшимъ ихъ „комендантомъ“ двинулись въ Бершади. Въ это же мѣстечко на отдѣльныхъ подводахъ прибыли отставшіе раненые, скрывавшіеся въ бурьянахъ въ моментъ гайдамацкой погони. Въ Бершадѣ, по словамъ Васильковскаго, „komęda sie ulokowala goiąc się“.

Слишкомъ очевидно изъ всего этого дѣла, что между жолнѣрами господствовала полная роспущенность, что въ нихъ не

Библиотека "Руниверс"

было никакого сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ соотчичамъ, и что храбрость въ нихъ могла бы быть вызвана только личною опасностью, да и то при условіи, что отъ опасности этой бѣгствомъ нельзя бы было избавиться. Между тѣмъ положеніе ихъ собратій, не успѣвшихъ убѣжать изъ края, было подчасъ поистинѣ отчаянное, и немного нужно бы было польскому солдату патріотическаго сознанія для того, чтобы энергично приняться за ихъ защиту, тѣмъ больше, что вообще поляки, внѣ условій деморализаціи, не трусливы. Въ подтвержденіе и ихъ подчасъ отчаянной храбрости и той бѣды, какую терпѣли паны въ это время, можемъ сослаться, въ дополненіе къ пересказанному раньше, на одинъ изъ эпизодовъ этого возстанія—на нападеніе отряда гайдамакъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ на село Ризану Крыницю возлѣ Умани [1]). Ватага эта отдѣлилась отъ Желѣзняка, направлявшагося къ Умани, и была однимъ изъ многихъ загоновъ, ведшихъ партизанскую войну. При ея нападеніи—въ Ризаной Крыници оставались: шляхтичъ Янковскій, его братъ, шляхтичъ Гусаковскій и другіе. Женщины ихъ, дѣти и старики попрятались по житамъ близъ села, а три названныя лица засѣли въ хатахъ и оттуда мѣтко стрѣляли по своимъ врагамъ. Многихъ они убили и ранили, убили и того крестьянина, который по порученію гайдамакъ привезъ соломы къ хатамъ для поджога. Но пожаръ заставилъ ихъ оставить мѣсто своей засады: Янковскій былъ убитъ тутъ же, братъ его погибъ въ пламени, а Гусаковскаго схватили, вывели за село и тамъ убили. На другой день не принимавшіе участія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ крестьянъ Ризаной Крыници нашли въ житахъ убитыхъ пановъ—Кондрацкаго, жену и дочь Гусаковскаго. Оставшіеся въ живыхъ изъ спрятавшихся, по уходѣ гайдамакъ, вернулись въ село, но на ихъ несчастіе туда подоспѣлъ новый гайдамацкій загонъ изъ 5 человѣкъ съ ватажкомъ изъ села Буки, потомъ повѣшеннымъ. Немедленно были найдены вернувшіяся въ село пани Бачинская и Кондрацкая, послѣдняя съ дѣтьми, и безжалостно убиты. Только дѣти Бачинской, дочь и

[1]) Кодз. кн., стр. 93—94.

Библиотека "Руниверс"

сынъ, убѣжали къ крестьянину Ивану Шевцу и имъ были спасены отъ смерти.

И вотъ при такихъ то бѣдахъ польскаго населенія края—польскіе жолнѣры не проявляли почти никакой дѣятельности! Между тѣмъ жолнѣры эти были сами и поляки, и католики и не могли, подобно украинскимъ крестьянамъ, возмущаться тѣми несправедливостями, какія чинили польскіе паны-католики, пользуясь защитой законовъ Рѣчи Посполитой, по отношенію къ русскому населенію края. Подвергавшіеся опасностямъ паны были для жолнѣровъ только страдающіе собратья и защищать ихъ они были обязаны, но этого то и не было, и не было въ силу поголовной распущенности, царившей въ польскомъ войскѣ.

Всѣ столь существенные недостатки „украинская партія“ проявляла во время завѣдыванія ею регментаря Воронича. Подъ конецъ движенія онъ подъ предлогомъ болѣзни и вовсе удалился отъ дѣлъ, уѣхавъ въ свое помѣстье [1]). Для поправленія дѣлъ король отправилъ на Украину коронаго гетмана Браницкаго съ королевскими полками и литовской гвардіей. Тогда же впервые явился на Украину панъ Стемпковскій, числившійся комендантомъ хоругви, состоявшей изъ польскихъ рекрутъ; противъ украинскихъ бунтовщиковъ Стемпковскій велъ гусарскія и панцырныя хоругви, въ которыхъ въ общей сложности было не больше 400 душъ. Появились однако эти силы въ Украинѣ уже послѣ разгрома гайдамакъ Желѣзняка ген.-маіоромъ Кречетниковымъ и поручикомъ Гурьевымъ [2]). Крупныхъ военныхъ дѣйствій въ это время уже не предвидѣлось: противъ гайдамакъ, еще ютившихся въ краѣ и продолжавшихъ свои нападенія, достаточны были такія военныя силы, какъ силы небольшихъ подъѣздовъ, вродѣ подъѣзда пана коменданта Каминскаго, о которомъ шла рѣчь выше. Настало время не войны съ возставшими, а суда надъ ними. Коронный гетманъ Браницкій предоставилъ тогда это дѣло суда надъ гайдамаками Стемпковскому, получившему въ то же время назначеніе отъ короля быть регимента-

[1]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 123.

[2]) Adam Moszczynski. Pamiętnik do historyi polskiej, стр. 148.

Библиотека "Руниверс"

ремъ украинской партіи вмѣсто удалившагося на покой Воронича. Самъ же Браницкій долженъ былъ, соединясь съ генераломъ Кречетниковымъ, идти атаковать барскихъ конфедератовъ, которые были заперты въ Барѣ и между которыми шли нелады [1]).

При Браницкомъ совершена была по его приговору только казнь четвертованія надъ Гонтой и то не въ Умани, а въ с. Сербахъ, близъ пограничнаго города Могилева. По мнѣнію Браницкаго, пролить кровь Гонты тамъ, гдѣ пролилась кровь невинныхъ жертвъ его неистовства было бы унизительно для послѣднихъ [2]).

При Браницкомъ же былъ совершенъ между поляками и русскими раздѣлъ плѣнныхъ гайдамакъ. Всѣ гайдамаки, состоявшіе подданными Рѣчи Посполитой, должны были подлежать суду польскаго правительства, всѣ же изъ гетманщины, Слободской Украины и Запорожья—суду русскаго правительства. По словамъ автора „Rzezi humanskiey“ [3]), Браницкій послѣ этого раздѣла отправилъ будто бы во Львовъ 800 плѣнныхъ, въ Броды 500, въ Винницу 300 и по извѣстному числу въ другіе города. По словамъ автора мемуара, всѣхъ плѣнныхъ было нѣсколько тысячъ, причемъ будто бы запорожцевъ было 1500 человѣкъ. Преувеличенность этихъ чиселъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. По утвержденію Тучапскаго, напало на Умань съ Желѣзнякомъ 500 гайдамакъ да 700 козаковъ Гонты [4]). Кромѣ того, есть и другое утвержденіе, по которому опять таки подъ Уманью было не нѣсколько десятковъ тысячъ возставшихъ, а всего только 2000 [5]). Изъ всего же этого, конечно, ясно, что Браницкій не могъ разослать столько плѣнныхъ по разнымъ городамъ, сколько было показано отмѣченнымъ выше мемуаристомъ, скрывшимъ свое имя. Наконецъ есть и прямое утвержденіе г. Скальковскаго на

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 152.

[2]) Bunt hajdamakow. Rzez humanska, стр. 114 (изд. Рачинскаго, заключ. въ себѣ мемуары трехъ лицъ).

[3]) Ibidem, стр. 114.

[4]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Изд. Рачинскаго, третій мемуаръ, стр. 126. и 127. Въ „Набздахъ гайдамакъ“ Скальковскаго приведенъ тотъ же мемуаръ, стр. 213. и 214.

[5]) Скальковскій. Набзды гайдамакъ, стр. 107.

Библиотека "Руниверс"

основаніи данныхъ сѣчеваго архива [1]), что Кречетниковымъ подъ Уманью было схвачено 887 человѣкъ гайдамакъ и 150 запорожцевъ. Считая это послѣднее утвержденіе, какъ основанное на документальныхъ данныхъ, болѣе достовѣрнымъ, нельзя не отнестись скептически и къ увѣренію Вероники Кребсъ (мемуаръ которой при всѣхъ своихъ достоинствахъ заключаетъ въ себѣ и много невѣрностей и неточностей)—будто Стемпковскій изъ подъ Умани для суда увелъ къ Могилеву 2000 человѣкъ [2]). Относительно плѣненныхъ тогда гайдамакъ и ихъ разсылки для казней изъ Умани у Кребсъ есть впрочемъ и одно, очевидно, вѣрное заявленіе, что Стемпковскій увелъ всѣхъ плѣнныхъ гайдамакъ изъ Умани потому, что у него было всего 400 человѣкъ кавалеріи, и онъ боялся крестьянъ, въ рукахъ которыхъ было еще много оружія и которые въ одну минуту могли бы собраться въ большомъ числѣ для освобожденія арестованныхъ [3]). Заявленіе это тѣмъ вѣроятнѣе, что и Браницкій, и Кречетниковъ въ это время уже удалились съ своими войсками къ Бару, имѣя въ виду осадить конфедератовъ.

Каково же было отношеніе польскаго правительства къ плѣннымъ гайдамакамъ на судѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ и у польскихъ мемуаристовъ, и въ документахъ Кодненской книги. Нельзя при этомъ не замѣтить, что матеріалъ о судѣ надъ гайдамаками недостаточно уясненъ, тѣмъ больше, что показанія мемуаристовъ не отличаются пунктуальной опредѣленностью. Тотъ же фактическій матеріалъ, который намъ удалось извлечь изъ Кодненской книги, къ сожалѣнію не совсѣмъ удобно ставить въ одну параллель съ показаніями о томъ же мемуаристовъ, такъ какъ послѣдніе въ большинствѣ случаевъ говорятъ о судѣ надъ гайдамаками тотчасъ по ихъ усмиреніи, Кодненская же книга наша даетъ судебные разборы дѣлъ въ 1769 и даже въ 1770 г. Конечно, спустя годъ—полтора послѣ разгрома гайдамакъ у судей могло быть нѣсколько иное отношеніе

---

[1]) Ibidem, примѣч. на стр. 112 и стр. 109 текста.

[2]) Уманская рѣзня. Записки В. Кребсъ. Изд. г. Ревы, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 28, 31.

Библиотека "Руниверс"

къ судимымъ, чѣмъ тотчасъ же послѣ разгрома. Остается поэтому группировать весь матеріалъ именно соотвѣтственно источникамъ, изъ которыхъ приходится черпать его, и по времени, когда производился разборъ дѣлъ.

Выше мы уже сказали, что тотчасъ же послѣ уманской расправы Кречетникова коронный гетманъ Браницкій передалъ регименгарю украинской партіи Стемпковскому право суда надъ плѣнными гайдамаками. Желчный, обозленный Стемпковскій немедленно послѣ этого приступилъ къ дѣлу. Мемуаристъ Липпоманъ такъ передаетъ о его дѣятельности: „регименгарь Стемпковскій, впослѣдствіи воевода кіевскій (?), прійдя съ своею командою въ Лисянку приказалъ повѣсить шестьдесятъ крестьянъ безъ всякаго соблюденія какихъ бы то не было юридическихъ формъ. Далѣе разосланные по селамъ и малымъ мѣстечкамъ отряды русскаго и польскаго войска повсюду вывѣдывали о причастныхъ къ бунту крестьянахъ, брали ихъ и высылали въ разныя мѣста, а больше всего въ мѣстечко Кодню близъ Житомира, гдѣ помѣщалась войсковая команда. Тамъ же надъ выкопанной глубокой ямой каждому изъ схваченныхъ, привязанному къ колодѣ, положенной на краю ямы, палачъ топоромъ отсѣкалъ голову и затѣмъ и голову, и тѣло бросалъ въ яму. По наполненіи одной ямы, выкапывали другую. Такимъ путемъ лишено было жизни великое множество крестьянъ. Могли тамъ пасть и невинныя жертвы, подговоренныя къ бунту злостнымъ сбродомъ. Гибель невинныхъ была возможна, такъ какъ было достаточно малѣйшаго предлога къ обвиненію въ причастности къ бунту въ той или иной формѣ“ [1]). Неизвѣстный авторъ другого мемуара—Rzeź humańska, изд. Рачинскимъ въ Познани, такъ объясняетъ образъ дѣйствій Стемпковскаго: „...послѣ того, какъ Стемпковскій насмотрѣлся на экзекуцію надъ Гонтой, онъ сказалъ: „не онъ одинъ вызвалъ бѣду, не онъ одинъ долженъ поэтому и погибнуть“—и началъ ужасный розыскъ“ [2]). Тучапскій также въ своемъ мемуарѣ отмѣчаетъ суровость суда

[1]) Lippomann. Bunt haidamaków (изд. Рачинскаго), стр. 49.

[2]) Тоже изд. Рачинскаго. Второй мемуаръ, стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

Стемпковскаго: „губили и наказывали тогда гайдамакъ разными способами: то рубили головы, то вѣшали, то лишали одной руки и одной ноги, то драли розгами. Свидѣтелями этихъ наказаній были Каменецъ, Львовъ—тамъ повѣшено 200 гультаевъ,—Кременецъ, Винница, Житоміръ, Летичевъ и иные города, въ которыхъ по 7, 5, 8 гультаевъ было лишено жизни“ [1]). „Нѣкоторыхъ даже, читаемъ еще въ „Наѣздахъ гайдамакъ“ г. Скальковскаго, мучили слишкомъ изысканнымъ образомъ, достойнымъ дикарей американскихъ. У несчастныхъ, обѣ руки обвязавъ паклею, напитанною дегтемъ, зажигали и такъ водили ихъ по селамъ и мѣстечкамъ. Многіе старики, жители западной Россіи, помнятъ еще (г. Скальковскій писалъ свою книгу въ 1845 г.), что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ въ глубокой уже старости, которые, сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ подаяніи, и на вопросъ любопытныхъ: „что это за люди?“ отвѣчали: „не пытайте—то люде бували“ [2]).

Къ несомнѣнному звѣрству лично Стемпковскаго изъ всѣхъ ужасовъ, отмѣченныхъ мемуаристами надо однако прежде всего отнести только крайнюю поспѣшность при раздаваніи смертей и невыполненіе юридическихъ формъ,—вслѣдствіе чего, конечно, могли быть тяжелыя ошибки. Оправдывать его, хотя бы отчасти, именно въ этомъ тѣмъ, что судъ его и бывшей при немъ коммиссіи былъ судъ военный, нельзя: судъ его былъ скорѣе всякаго возможнаго военнаго суда. Но затѣмъ, быть можетъ, не мѣшаетъ при уясненіи себѣ жестокостей казней надъ гайдамаками вспомнить и мирныя законы того времени, тѣ статьи литовскаго статута, подъ которыя могли бы быть подводимы преступленія гайдамакъ.

Прежде всего возьмемъ въ разсчетъ статьи, относящіяся къ государственнымъ преступленіямъ... Оказывается, что всякій, дѣйствовавшій во вредъ государю или государству, путемъ ли вспомоществованія непріятелю, или инымъ какимъ образомъ, подлежалъ четвертованію. Затѣмъ къ этому непосредственно добав-

---

[1]) Тоже изд. Рачин. Третій мемуаръ Тучапскаго, стр. 143.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 125.

Библиотека "Руниверс"

лено: „равной и тѣ подлежатъ казни, кои таковому преступнику совѣтомъ либо какимъ нибудь дѣломъ вспомоществуютъ или, заподлинно о томъ вѣдая, не донесутъ“. Положенія эти находимъ мы въ литовскомъ статутѣ въ раздѣлѣ 1, артикулѣ 3, параграфѣ 3.

Не трудно видѣть, что всѣ крестьяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, и всѣ имъ близкіе, знавшіе о ихъ участіи въ бунтѣ, но не донесшіе о томъ, по закону должны были подвергнуться четвертованію. Если же даже Стемпковскій не ко всѣмъ примѣнялъ именно этотъ родъ казни, то только по недостатку палачей и времени, ибо четвертованіе—казнь наиболѣе длительная.

Далѣе, относительно пособничества бунтовщикамъ всегда съ успѣхомъ могла быть примѣняема статья 3-го раздѣла, артикула 48-го, гдѣ рѣчь идетъ о недоставленіи врагу государства „воинскаго оружія, такожъ желѣза, стрѣлъ, пороху, селитры, свинцу и другихъ военныхъ и кормовыхъ для людей и скота припасовъ“, а также ничего другаго, „изъ чего бы тое дѣлать дерзнулъ, того смертью — усѣченіемъ голови—казнить, а таковыя оружія и припаси и всѣ его пожитки взять въ казну“.

Несомнѣнно, конечно, что и по этой статьѣ въ числѣ жертвъ Стемпковскаго должно было быть не мало „sciątych“.

Смертной же казни черезъ повѣшеніе подлежали по §§ 1 и 2 артикула 7, раздѣла 14 и воры, на воровствѣ пойманные съ поличнымъ или безъ поличнаго, „если покража явится цѣною выше 20 рублей“ [1]). При похищеніи же на сумму менѣе 20 рублей и при неоднократномъ повтореніи такихъ кражъ даннымъ лицомъ наказывали публично у столпа розгами или плетьми и урѣзывали уха.

Въ раздѣлѣ же 11, артикулѣ тоже 11, сказано и о пособникахъ ворамъ. „Кто бы, читаемъ въ означенной статьѣ, вору помоществовалъ... либо у себя краденныя вещи передерживалъ, продавалъ или би онимъ съ ворами дѣлился... тотъ таковой же винѣ и казни, какъ и самъ воръ, подлежать будетъ безъ всякаго послабленія.

---

[1]) Рубль л. литовскаго статута по изслѣдованію Чацкаго=35 польскимъ злотымъ и $21^{24}/_{30}$ грошамъ или 5 р. 36 к. на наши деньги. Теличенко. Очерки кодиф. малор. пр. „Кіев Стар.“, 1888 г., книга 10-я.

Библиотека "Руниверс"

Опять ясно, что и эти статьи закона о ворахъ при желаніи унизить политическаго врага могли быть безъ затрудненія примѣняемы къ судившимся въ Кодненской коммиссіи бунтовщикамъ.

Страшныя наказанія по статуту полагались и за убійства, нанесеніе побоевъ, особенно помѣщикамъ.

За убійство посполитымъ владѣльца своего или вообще шляхтича полагалось четвертованіе, за нанесеніе—отсѣченіе головы, за нанесеніе удара или просто за угрозу—отнятіе руки (Статутъ, раздѣлъ 11, арт. 9; разд. 11, арт. 29, § 1 и арт. 49, § 1).

По отношенію къ возставшимъ коліямъ статья эта болѣе, чѣмъ предъидущія могла быть примѣняема безъ натяжекъ.

Указавъ такимъ образомъ, что Стемпковскій для оправданія своей жестокости по отношенію къ отданнымъ въ его руки людямъ могъ бы во многихъ случаяхъ сослаться на законъ, мы вовсе однако не имѣемъ въ виду выставлять его человѣкомъ закона. Нѣтъ, Стемпковскій и его коммиссія, конечно, не иначе отнеслись бы къ выпавшему на ихъ долю суду, какъ отнеслись они въ дѣйствительности, и въ томъ случаѣ, если бы законъ не отвѣчалъ ихъ жестокимъ хотѣніямъ. Расправа была бы таже и и при болѣе мягкомъ законѣ, только дѣйствіе закона должно бы было быть пріостановлено.

Переходимъ къ даннымъ о судѣ, доставляемымъ намъ Кодненской книгой. О массовыхъ истребленіяхъ гайдамакъ къ книгѣ этой почти нѣтъ упоминаній, вѣроятно, потому, какъ мы уже сказали, что она заключаетъ въ себѣ разборъ дѣлъ уже въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, когда первое ожесточеніе поляковъ прошло. Въ одномъ только документѣ есть указаніе на то, что въ Шароградѣ производилась экзекуція четвертованія надъ 25 гайдамаками изъ Ружина и Каменоватой [1]). Но если нѣтъ въ нашей Кодненской книгѣ упоминаній болѣе частыхъ о массовыхъ истребленіяхъ возставшихъ, то зато довольно отдѣльныхъ казней. Изъ 336 дѣлъ 218 окончилось лишеніемъ жизни подсудимыхъ, 34—сѣченіемъ и только 85 освобожденіемъ. Освобожденныхъ судомъ считать избѣгшими наказанія впрочемъ нельзя: они, во-

[1]) Кодн. кн., стр. 591.

Библиотека "Руниверс"

первыхъ, до суда долго бывали содержимы въ предварительномъ заключеніи на мѣстѣ ли ихъ поимки или уже въ кодненской ямѣ, а во-вторыхъ, при допросѣ, для вящшаго выясненія дѣла, кодненская коммиссія нерѣдко прибѣгала къ первой степени пытки — битью плетью. Изъ дѣлъ, кончившихся уродованіемъ подсудимыхъ, въ кодненскихъ документахъ только одно: нѣкто Стефанъ Мысловскій за убійство осадчаго Нагурнаго, виновника смерти родственницы его, а также за убійство четырехъ жидовъ былъ наказанъ отсѣченіемъ руки и ноги [1]). Изъ 218 казненныхъ 9 четвертовано, 151 обезглавленъ, 57 повѣшено и 1 посаженъ на колъ.

Къ четвертованію въ Коднѣ, какъ видимъ, прибѣгали сравнительно рѣдко въ виду продолжительности этой казни и недостатка въ палачахъ. Къ ней прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ. Четвертованы были, во-первыхъ, нѣкоторые изъ запорожцевъ, почему то подпавшіе польскому суду, во-вторыхъ — ватажки гайдамацкихъ загоновъ, попавшіеся въ руки, и въ-третьихъ, крестьяне, обнаружившіе большую свирѣпость въ періодъ избіенія шляхты тѣмъ, что выдавали ихъ на смерть и лично убивали часто послѣ того, какъ ими было куплено себѣ у данныхъ людей повидимому безопасное убѣжище.

Изъ запорожцевъ четвертованію подверглись бывшіе въ загонѣ Савки Плыханенка—Ѳеодоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый [2]). Изъ ватажковъ же гайдамацкихъ загоновъ четвертованію подверглись Степанъ Головацкій, дѣйствовавшій съ своимъ загономъ близъ Шполы [3]) и Савка Плыханенко, имѣвшій небольшой отрядъ изъ запорожцевъ, изъ которыхъ трое выше названы, и дѣйствовавшій близъ Бѣлой Церкви [4]). Другіе ватажки, какъ знаемъ, не попадали на судъ въ Кодню. За выдачу и убійство шляхтичей, купившихъ себѣ золотомъ убѣжище, четвертованы Якимъ Зарудный, Герасимъ, Кирило Романюкъ [5]).

---

[1]) Кодн. кн., стр. 523.

[2]) Кодн. кн., стр. 482.

[3]) Кодн. кн., стр. 539.

[4]) Ibidem., стр. 482.

[5]) Ibidem, стр. 482.

Библиотека "Руниверс"

Подъ отмѣченныя выше категоріи не подходитъ одинъ—это Роговскій, бывшій жолнѣръ, участвовавшій въ убійствѣ на дорогѣ какого-то шляхтича [1]). Наконецъ, не менѣе жестокой казни, чѣмъ четвертованіе—посаженію на колъ, подвергся много разъ нами упоминавшійся шляхетскій ренегатъ Николай Чоповскій, бывшій въ наиболѣе дисциплинированной, идейной, гайдамацкой ватагѣ Семена Неживаго [2]).

Изъ дѣлъ, не всегда оканчивавшихся смертной казнью, особенно рѣзко обнаруживаютъ жестокость судившихъ въ Коднѣ дѣла о преслѣдованіи крестьянъ, у которыхъ находили что бы то ни было изъ заграбленнаго при возстаніи 1768 года. Крестьянъ такихъ обыкновенно наказывали плетьми послѣ долгаго держанія въ предварительномъ заключеніи, а иногда даже смертію чрезъ снятіе головы или повѣшеніе [3]). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладаніе награбленными вещами могло означать соучастіе въ бунтѣ, но вѣдь обрѣтеніе награбленнаго могло во многихъ случаяхъ производиться при полномъ невѣдѣніи, что обрѣтается добытое нелегальнымъ путемъ; притомъ же мы уже знаемъ, что послѣ грабежей ватаги нерѣдко распродавали все добытое особымъ купцамъ, которые за ними слѣдовали [4]); легко могло поэтому случиться, что попадало затѣмъ награбленное отъ этихъ купцовъ къ людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ, путемъ простой купли.

Не мало терпѣли отъ жестокости кодненскаго суда и родственники нерозысканныхъ коліевъ. Отца, дядю, отчима брали нерѣдко взамѣнъ исчезнувшаго за границу сына, племянника, пасынка [5]). Ихъ не всегда наказывали по суду, но самое сидѣніе въ кодненской ямѣ въ предварительномъ заключеніи стоило многаго.

Вообще въ судебномъ процессѣ той ужасной поры поражаетъ полное невниманіе къ отсутствію какихъ бы то ни было

---

[1]) Ibidem, 493.

[2]) Ibidem, 482.

[3]) Ibidem, 447. Дѣло Савки Малаго.

[4]) См. настоящую статью гл. I.

[5]) Кодн. кн., стр. 452.

Библиотека "Руниверс"

доказательствъ преступности судимыхъ. Такъ, Мартынъ Швецъ изъ Теплина Уманскаго при дознаніи оказался виновнымъ въ кражѣ вещей и въ конокрадствѣ, между тѣмъ его приговорили къ обезглавленію—за гайдамачество. Мотивомъ для такого осужденія послужило такого рода умозаключеніе коденскихъ судей: „Martyn Szwiec przez zwerchnost dworska tu w sekwestr odeslany zostal, to iuż nie bez racyi haidamacstwa“ [1]). Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, положимъ, дѣло съ лицомъ, уличеннымъ въ кражѣ на сумму свыше 20 р., и поэтому одѣлить его въ Коднѣ смертнымъ приговоромъ могли и не по политическому мотиву. Что же, кромѣ политическаго мотива, могло играть роль при осужденіи на смерть черезъ повѣшеніе Панаса Галайковскаго изъ Соколовки, который на судѣ рѣшительно ни въ чемъ виноватымъ не оказался? Политическая преступность этого лица была для судей достаточно доказана тѣмъ только „że (Galaikowsky) przez Ip. Żebrowskiego przyslany“ [2]). Наконецъ не лишеннымъ интереса для уясненія польскаго легкомыслія на судѣ представляется и слѣдующій случай. Жена крестьянина Петра Носенка, жителя уманскаго, донесла на мужа—будто онъ ее хотѣлъ убить. Этого было достаточно, чтобы коммиссія заподозрила Носенка—и въ гайдамачествѣ. Когда же у Носенка при раздѣваніи его оказался поколотый пупъ, то подозрѣніе готово было обратиться въ увѣренность. Но Носенко энергично сталъ утверждать, что жену свою онъ только побилъ и вовсе не грозилъ ей смертію, и что рану подъ пупокъ нанесъ ему козакъ Ященко. Послѣ этого судьи ограничились наказаніемъ розгами, но все же выразили ему свое недовѣріе; ему было сказано: „nie od kozaka ty iestes podkłoty, ale od lacha, ktoregos ty tam pod czas ryzaniny kłuł, a może nie iednego, ale kolo sta — gdyż tam każdy kłuł, chyba ten nie kłuł, co by rąk nie mial, a ty się tu zapierasz“ [3]). Дальше, конечно, судебной подозрительности идти было некуда.

---

[1]) Кодн. кн., стр. 439.

[2]) Ibidem, стр. 491.

[3]) Ibidem, стр. 344.

Библиотека "Руниверс"

При такомъ болѣе, чѣмъ строгомъ, примѣненіи жестокаго закона, конечно, изгибла цѣлая масса сперва плѣненныхъ съ оружіемъ, а потомъ просто беззащитныхъ крестьянъ, въ моментъ движенія двинувшихся было также на защиту своей жизни и вѣры отъ невыносимаго польско-уніатскаго гнета. Сколько именно было казнено Стемпковскимъ — сказать трудно. Кодненская книга наша, повторяемъ, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ дѣлъ военно-судной коммиссіи и 218 человѣкъ казненныхъ, въ ней означенныхъ, есть только ничтожная часть. Но если даже и въ самомъ дѣлѣ погибло много отъ палачей, то все же не 30000, какъ утверждаетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій [1]). Думаемъ, что, при слабой тогда населенности края, и всѣхъ возставшихъ, какъ въ ватагахъ, такъ и внѣ ихъ не было такого числа, какъ 30000. Тѣмъ не менѣе, если даже уменьшить число истребленныхъ поляками въ 5—6 разъ, то все же уничтоженіе такого количества людей является актомъ непониманія польскимъ правительствомъ существенныхъ интересовъ собственнаго государства. Даже съ точки зрѣнія наиболѣе потерпѣвшихъ отъ коліевъ шляхтичей-помѣщиковъ, за интересы которыхъ ратуетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій, громадное количество казней было дѣломъ неблагоразумнымъ, ибо тѣмъ самымъ паны лишались нужныхъ имъ работниковъ. По мнѣнію Мощинскаго, лучше было поступить такъ, какъ поступилъ комендантъ львовскій, полковникъ Корытовскій. Этотъ послѣдній отданныхъ ему 60 молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ гайдамакъ не повѣсилъ, подобно другимъ комендантамъ и Стемпковскому, а оставилъ на своей фабрикѣ въ качествѣ рабочихъ: онъ „wymurował nimi pod owczas jedne z najpiękniejszych kamienic w rynku miasta Lwowa, trzymając ich w miejscu zdrowem i (конечно) bezpiecznem; karmił ich za to i odziewał, że mu służyli do fabryk, aż do czasu zabrania Lwowa przez Austryakow, gdzie w tenczas uwolnieni z aresztu, popowrocali do domow“ [2]). Раздумывая затѣмъ, какъ могло бы еще поступить польское правительство, Мощинскій продолжаетъ: „jeżeli

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 150.

[2]) Ibidem, 149.

Библиотека "Руниверс"

nie można było nasladowac pułkownika Korytowskiego, to należało przynajmniej, potraciwszy naczelnikow, decymowac tylko dla przykladu zwiedziony lud i nie gubic haniebnie młodzieży do 30 tysięcy (!) naizdrowszey i najdorodniejszej, zlem zgorszeniem i smutkiem, że nie było i katów do wieszania ich po miesteczkach, tylko jeden drugiego wieszał bez przygotowania religijnego na smierc [1]) Въ краѣ, нуждавшемся въ населеніи, совершившаяся расправа была верхомъ неразумія, конечно, тѣмъ болѣе, что раньше 1768 г. даже такой неважный человѣкъ, какъ губернаторъ Млодановичъ, поставленный на свою должность Потоцкимъ, считалъ нужнымъ хотя бы только въ интересахъ своего патрона, мало помышляя о государствѣ, всячески увеличивать численность населенія во ввѣренной ему Уманщинѣ, и одною изъ его мѣръ было возвращеніе къ мирному труду изловленныхъ имъ и осужденныхъ доминіальнымъ судомъ на смерть цѣлыхъ сотенъ гайдамакъ. Устраивалъ онъ это обыкновенно такъ по утвержденію мемуариста, скрывшаго свое имя: оглашалъ повсюду о лѣтахъ и винахъ заключенныхъ и приговоренныхъ къ смерти гайдамакъ; для осмотра ихъ допускалъ людей въ тюрьму, причемъ всѣмъ видно было, что пойманные люди молодые, бодрые, сильные, здоровые; если же какая дѣвушка (młodzika) при наступленіи времени исполненія смертнаго приговора заявляла, что тотъ или другой изъ видѣнныхъ ею приговоренныхъ милъ ей и что она готова быть его женой, и затѣмъ избраннаго ею выражала готовность увести съ мѣста казни, обнявъ его рукою или зацѣпивъ за шею платкомъ,—то Млодановичъ такихъ счастливцевъ освобождалъ отъ казни и даже надѣлялъ ихъ землей за извѣстныя повинности; такимъ путемъ дано было краю не мало новыхъ семей [2]). Какой-нибудь способъ помилованія, если и не столь романтичный, какъ способъ Млодановича, должно было бы избрать и польское правительство, тѣмъ болѣе что въ компетенцію короля, какъ и всякаго представителя верховной власти въ другихъ странахъ, входило самое широкое право помилованія.

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, 150.

[2]) Изд. Рачинскаго Bunt haidamakow. 2-ой мемуаръ, стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, по сознанію самихъ поляковъ, результаты усмиренія оказались ужасными. Цитированный только что мемуаристъ сообщаетъ, что послѣ усмиренія бунта на Украинѣ мало осталось крестьянъ-хозяевъ: уходили въ Волощину, въ Крымъ, въ „Москву", на Донъ,—и степи вновь запустѣли такъ, что казались чуть не дѣвственно-первобытными [1]). Оставшіеся же на мѣстахъ очень тяготились своимъ положеніемъ, а когда былъ возстановленъ прежній порядокъ съ рѣзкимъ разграниченіемъ всеправной шляхты и безправнаго поспольства, то многіе изъ нихъ стали рѣзаться, вѣшаться, топиться [2]).

Этимъ мы кончаемъ нашу характеристику дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея.

Я. Шульгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Bunt haidamakow, стр. 116.

[2]) Ibidem стр. 116, 117.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА VIII.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ЯССЫ.

Князь Василій сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ съ великимъ логофетомъ, когда вошелъ къ нему второй постельникъ и доложилъ, что прибыли козаки подъ начальствомъ молодаго Хмельницкаго.

— Вотъ видишь, Стефанъ, обратился князь къ своему канцлеру, теперь у насъ силъ прибыло, и мы можемъ потягаться съ нашимъ врагомъ. Вѣрный бояринъ нашъ позаботится, чтобы гостямъ нашимъ было хорошо—обратился онъ къ постельнику. Начальникамъ отвести лучшія комнаты дворца, войска же размѣстить по квартирамъ, и чтобы всего у нихъ было вдоволь.

Постельникъ съ низкимъ поклономъ удалился; а князь обратился къ Георгицѣ:

— Завтра я имъ дамъ аудіенцію, а послѣ завтра можно будетъ и тронуться въ путь. Пусть этотъ палачъ Радулъ воображаетъ, что отпразднуетъ надъ нами побѣду; а мы нагрянемъ неожиданно, разгромимъ врага, опустошимъ его границы и принудимъ его продолжить перемиріе.

— Я бы не совѣтовалъ вашей свѣтлости дѣйствовать круто, возразилъ Георгица. Могутъ возникнуть неудовольствія съ Портой,

[1)] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 6.

Библиотека "Руниверс"

да и трансильванскій князь не замедлитъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстановить противъ насъ султана.

— Не я первый началъ, возразилъ князь: Матвѣй стягиваетъ войска у моей границы подъ начальствомъ этого кровожаднаго Радула. Не сидѣть же мнѣ, сложа руки, и ждать, когда имъ угодно будетъ лишить меня престола. Это рѣшено, Георгица, и ты меня не отговаривай! закончилъ господарь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Онъ всталъ.

— Довольно я терпѣлъ обидъ, пора и разсчитаться!

Георгица отвѣсилъ почтительный поклонъ и вышелъ; а князь отправился на половину своей жены.

У господарши сидѣла гостья, супруга великаго логофета. Она была родомъ валашка и принадлежала къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій. Обмѣнявшись привѣтствіями, Василій сѣлъ къ столу, на которомъ стояли сухіе засахаренные плоды, розовая пастила и халва изъ орѣховъ. Гостья эта была не особенно пріятна господарю; онъ разсчитывалъ переговорить наединѣ съ женою; у него вошло въ привычку совѣтоваться съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, такъ какъ она обладала недюжиннымъ мужскимъ умомъ, соединеннымъ съ женскимъ чутьемъ и тактомъ; но уйти было неловко, и Василій молча слушалъ разговоръ женщинъ, вертѣвшійся на пустякахъ.

— Ваша свѣтлость, обратилась Георгица къ князю: правда ли, что пріѣхали козаки и татары? Я слышала объ этомъ мелькомъ отъ ворниковъ, когда шла во дворецъ.

— Да, пріѣхали, сухо отвѣтилъ господарь.

— Они поступаютъ на службу вашей свѣтлости? спрашивала неотвязчивая гостья. Ея безтактность вывела изъ себя князя.

— Позволю себѣ замѣтить— отвѣчалъ онъ сурово—женщинамъ не слѣдъ мѣшаться въ военныя дѣла.

Гордая валашка поблѣднѣла и закусила губы.

— Прошу извиненія у вашей свѣтлости! ядовито проговорила она и стала откланиваться.

— Зачѣмъ ты ее оскорбилъ? укоризненно проговорила

Библиотека "Руниверс"

господарша. Валахи очень злопамятны. Какъ бы она не отомстила! У нея много родни при валашскомъ дворѣ.

— Что она можетъ намъ сдѣлать? отвѣчалъ Василій: пустая и вздорная женщина! Я удивляюсь Георгицѣ; такой умный человѣкъ и не нашелъ себѣ лучшей жены; какъ будто мало знатныхъ молдаванокъ.

— Не довѣряй Георгицѣ! замѣтила господарша. Ты увидишь, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ перейдетъ на сторону Бассарбы, не даромъ двоюродная сестра его замужемъ за Радуломъ.

Князь Василій сомнительно покачалъ головою.

— Не у всѣхъ женщинъ такая свѣтлая голова, какъ у моей господарши! шутливо проговорилъ онъ. Пусть женщины сплетничаютъ, строятъ козни; что намъ за дѣло до нихъ? Георгица же слишкомъ уменъ, чтобы перейти на сторону Матвѣя,—ему и здѣсь хорошо.

— Кто знаетъ, какіе планы у этого человѣка? замѣтила господарша.

— А вотъ посмотримъ, проговорилъ князь.

— Я пришелъ тебѣ сообщить, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, что пріѣхали козаки съ татарами. Я намѣреваюсь ихъ послать на границу Валахіи; пусть они побьютъ своевольнаго Радула. Гетманъ прислалъ намъ своего сына.

— Это тотъ витязь, о которомъ такъ много говорила Локсандра? съ любопытствомъ спросила господарша.

— А развѣ Локсандра знаетъ его? съ удивленіемъ спросилъ Василій.

— Какъ же, она видѣла его въ Варшавѣ.

Василій сурово сдвинулъ брови.

— Не люблю я этихъ польскихъ обычаевъ, проворчалъ онъ. Побывавъ въ Польшѣ, Локсандра набралась прыти, слишкомъ ужъ свободно себя держитъ съ молодежью. Ты ей замѣняешь мать; внуши ей, что мое дѣло найти ей мужа.

— Я ей не родная мать, тихо отвѣтила господарша.

— Чтожъ такое? возразилъ князь. Скажи ей, что это моя воля, что я желаю, чтобы она себя держала скромнѣе, какъ этого требуютъ обычаи нашей страны.

Библиотека "Руниверс"

Домна Георгица, вернувшись домой и задыхаясь отъ гнѣва, прошла прямо на половину своего мужа.

— Что съ тобою? спросилъ Стефанъ, замѣтивъ взволнованное лицо своей супруги, ставшее еще непривлекательнѣе, еще злѣе.

— Это невозможно! задыхаясь проговорила она. Этотъ тиранъ думаетъ, что можетъ повелѣвать всѣми нами, какъ слугами, можетъ обращаться съ нами, какъ съ рабами!

— Что случилось? съ безпокойствомъ спросилъ Стефанъ.

Путаясь въ выраженіяхъ и останавливаясь, чтобы перевести духъ, жена его разсказала объ оскорбленіи, нанесенномъ ей княземъ.

Стефанъ вздохнувъ съ облегченіемъ.

— Я думалъ, Богъ знаетъ, что случилось! сказалъ онъ хладнокровно. Это тебѣ наука: впередъ будь осторожнѣе при дворѣ!

— Давно бы слѣдовало вамъ боярамъ,—со злостью отвѣчала домна, свернуть шею этому Лупулу.—И ты дуракъ, что не слушаешь моихъ совѣтовъ, держишься за этого стараго скрягу, ползаешь у его ногъ и получаешь за это толчки и пинки! Гдѣ тѣ богатства, о которыхъ ты мечталъ? Все идетъ въ ненасытный мѣшокъ этого кровопійцы. Онъ одинаково давитъ и бояръ, и мазулей, и черный народъ; онъ со всего умѣетъ самъ снять пѣнку и тебѣ ничего не перепадаетъ.

Въ своемъ раздраженіи супруга достопочтеннаго великаго логофета забыла, что кое что перепадало и на ихъ долю, особенно при судебномъ разбирательствѣ споровъ мелкихъ бояръ при размежеваніи земель и при дѣлежѣ наслѣдства.

— Помилуй, иронически замѣтилъ Стефанъ, онъ считаетъ себя благодѣтелемъ народа. Еще не далѣе какъ сегодня онъ называлъ армаша Радула палачемъ и кровожаднымъ звѣремъ...

— Вотъ прекрасно! воскликнула домна. Я бы желала знать, какая между ними разница? Радулъ подсылаетъ тайныхъ убійцъ къ своимъ врагамъ и бросаетъ ихъ тѣла въ рѣку, чтобы скрыть слѣды своихъ преступленій; а этотъ явно сажаетъ на колъ тѣхъ, кто становится поперекъ его дороги... Радулъ натравливаетъ на своихъ противниковъ своего господаря, обвиняя ихъ въ небывалыхъ проступкахъ, а этому не къ чему прибѣгать

Библиотека "Руниверс"

къ какимъ либо уловкамъ, онъ прямо отрубаетъ головы тѣхъ, кого заподозритъ въ измѣнѣ.

— Молчи, жена! съ испугомъ озираясь, проговорилъ Стефанъ.—Твой языкъ не доведетъ насъ до добра. Самыя стѣны могутъ насъ слушать. Потерпи, будетъ время, и Лупулъ узнаетъ насъ, а теперь надо нести иго, дѣйствовать осторожно, не спѣша, такъ, чтобы не могло на насъ упасть и тѣни подозрѣнія.

Жена Стефана замолчала съ недовольнымъ видомъ и ушла къ себѣ.

— Позвать ко мнѣ цыганку Заиру! приказала она.

Черезъ нѣсколько минутъ старая сморщенная колдунья стояла передъ своею госпожей.

— Что прикажетъ благородная боярыня своей рабѣ? спросила она, смиренно цѣлуя руки госпожи.

— Я разсчитываю на твою вѣрность, Заира, проговорила боярыня. Сейчасъ же соберись въ путь и отправляйся въ Валахію къ женѣ великаго армаша, скажи, чтобы она ко мнѣ прислала немедленно кого-нибудь изъ довѣренныхъ ея людей, кто бы умѣлъ писать и могъ быть моимъ секретаремъ. Скажи ей также, что пріѣхали къ намъ татары и козаки. Только поторопись, время не терпитъ.

На другой день Тимошъ имѣлъ торжественную аудіенцію у князя Василія. Князь изложилъ ему свои планы нападенія на границу Валахіи, занятую войсками, насказалъ много комплиментовъ козацкой храбрости и просилъ какъ можно скорѣе присоединиться къ молдавскимъ войскамъ, уже выступившимъ въ походъ. У Тимоша вытянулось лицо. Онъ думалъ, что будетъ принятъ во дворцѣ, увидитъ прекрасную домну Локсандру; но князь говорилъ съ нимъ холодно вѣжливо, дѣловымъ только тономъ и, повидимому, не имѣлъ никакого намѣренія вводить его въ свою семью. Впрочемъ молодой козакъ не долго горевалъ, возможность показать себя въ ратномъ дѣлѣ вскорѣ заняла всѣ его помыслы и онъ живо собрался въ путь. Въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ на аудіенціи, были и знакомые намъ паны Кутнарскій и Доброшевскій. Панъ Доброшевскій былъ теперь

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ то вродѣ секретаря у неизмѣннаго своего товарища, Кутнарскій же велъ частныя дѣла князя и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей врожденной склонности, служилъ ему чѣмъ то вродѣ шута. Господарша часто посылала за нимъ въ тѣ минуты, когда Василій былъ особенно не въ духѣ. Онъ являлся, начиналъ играть съ княземъ въ шахматы или сочинялъ остроты и каламбуры на придворныхъ и къ князю возвращалось доброе расположеніе духа.

Выходя изъ аудіенцъ-залы, Кутнарскій тихо говорилъ своему пріятелю:

— А вѣдь не добре, панъ Доброшевскій! Какъ панъ полагаетъ? Нашему патрону то не на руку.

— Не на руку, пане! мрачно подтвердилъ панъ Доброшевскій.

— А что не на руку? освѣдомился онъ вдругъ, немного помолчавъ.

— Эхъ, голова-то у пана тугая! презрительно замѣтилъ Кутнарскій.

— Развѣ я не говорилъ пану, что князь Дмитрій не любитъ козака Хмельницкаго? Развѣ я не читалъ пану письма князя, послѣ пребыванія домны Локсандры въ Варшавѣ?

— Читалъ, панъ! лаконически подтвердилъ секретарь.

— Ну, и значитъ...

— И значитъ... протянулъ Доброшевскій, недоумѣвая, какой сдѣлать выводъ.

— И значитъ, что у пана куриные мозги, съ досадою проговорилъ Кутнарскій. Зная то, что мы знаемъ, всякій ребенокъ пойметъ, зачѣмъ сюда пріѣхалъ этотъ козакъ. Мы съ паномъ даже знаемъ больше, чѣмъ самъ князь, ну да я открою ему глаза при случаѣ.

Въ тотъ же вечеръ панъ Кутнарскій, приглашенный веселить князя, посматривая на домну Локсандру, завелъ рѣчь о козакѣ. Княжна скромно опустила глаза на вышиванье, дѣлая видъ, что вовсе не слушаетъ разговора, но сердце ея усиленно билось и дрожащіе пальцы невольно путали шелкъ и бисеръ.

— Ужасный народъ эти козаки, разсказывалъ панъ Кутнарскій, козаку ничего не значитъ оскорбить молодую панну, убить ребенка, задушить беззащитную старуху...

Библиотека "Руниверс"

Паннѣ Локсандрѣ невольно вспомнился смущенный козакъ, сидѣвшій у ея ногъ и она подумала, что полякъ лжетъ.

— Чтожъ? улыбнулся князь Василій: намъ такихъ бойцовъ и надо.

— А это правда, что Хмельницкій прекрасный наѣздникъ? спросила господарша. Локсандра разсказывала, что онъ ѣздитъ лучше всѣхъ молодыхъ пановъ.

Василій строго взглянулъ на дочь.

— Гдѣ это домна Локсандра научилась оцѣнивать козачьи подвиги въ наѣздничествѣ? рѣзко спросилъ онъ.

Княжна вспыхнула и взглянула на отца.

— Я присутствовала на скачкахъ у великаго канцлера Оссолинскаго, съ достоинствомъ проговорила она: и Тимоѳей Хмельницкій остался на нихъ побѣдителемъ.

— Я искренно сожалѣю, что отпускалъ тебя въ Польшу, съ досадою проговорилъ князь.

— Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть этого козака? проговорила господарша. Ты, вѣдь, пригласишь его къ намъ, Василій? обратилась она къ мужу.

— Пани господарша напрасно желаетъ видѣть грубаго козака, вставилъ Кутнарскій. Эти козаки не знаютъ ни звычая, ни приличія. Онъ ни сѣсть, ни повернуться не съумѣетъ въ княжескомъ дворцѣ.

Княжна съ досадою взглянула на пана.

— Панъ Тимоѳей умѣлъ отлично сидѣть и держать себя за обѣдомъ у великаго канцлера, спокойно возразила она изъ за пялецъ. И даже съумѣлъ отвѣтить на дерзкія выходки князя Вишневецкаго, прибавила она.

Князь Василій даже ротъ открылъ отъ изумленія. Онъ съ минуту молча постоялъ за спиною дочери; потомъ его тяжелая рука опустилась къ ней на плечо, и грозный громовый голосъ глухо раздался подъ сводами залы.

— Локсандра ты забываешься! крикнулъ онъ.

Дѣвушка гордо встала изъ за пялецъ. Она молча посмотрѣла отцу въ глаза и, не говоря ни слова, медленно вышла изъ зала. Господарша послѣдовала за нею.

Библиотека "Руниверс"

Панъ Кутнарскій, посмѣиваясь въ усъ, любовался всей этой сценой и съ нескрываемымъ удовольствіемъ смотрѣлъ теперь на взволнованнаго князя, шагавшаго взадъ и впередъ вдоль зала.

— Я имѣю нѣчто доложить его свѣтлости, сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

Князь остановился передъ нимъ съ заложенными назадъ руками.

— Говори, панъ! разрѣшилъ онъ.

— Его свѣтлости слѣдовало бы поскорѣе выдать замужъ прекрасную княжну. Я знаю одного изъ знатнѣйшихъ пановъ, который давно по ней вздыхаетъ.

— Кто такой? угрюмо спросилъ князь.

— Извѣстный уже его свѣтлости князь Дмитрій Корибутъ Вишневецкій, потомокъ славныхъ Мнишковъ, близкій родственникъ князя Іереміи.

— Объ этомъ надо подумать, отвѣчалъ князь. Княжна еще молода. Можетъ быть, найдутся женихи и познатнѣе.

— Но все таки его свѣтлость, можетъ быть, разрѣшитъ князю Вишневецкому заслать сватовъ, настаивалъ Кутнарскій.

— Сваты дѣвушкѣ не укоръ... Что же тутъ разрѣшать? уклончиво отвѣтилъ князь.

Вернувшись вечеромъ домой, Кутнарскій усердно принялся расталкивать спавшаго Доброшевскаго.

— Вставай, пане! Слышишь, вставай, дѣло есть! кричалъ онъ ему надъ самымъ ухомъ.

— Дѣло? А, дѣло? Не убѣжитъ, бормоталъ Доброшевскій.

— Ишь, вѣдь, пьяница! ворчалъ Кутнарскій, вытаскивая изъ подъ стола нѣсколько пустыхъ бутылокъ. И гдѣ это онъ ихъ розыскалъ? Кажется я все спряталъ подъ замокъ.

Не долго думая, Кутнарскій взялъ ведро холодной воды и вылилъ на спящаго. Тотъ вскочилъ, какъ встрепанный.

— Панъ всегда позволяетъ себѣ неприличныя шутки! сердито бормоталъ онъ, вытирая лицо и отряхаясь. Такъ можно схватить лихорадку! продолжалъ онъ. И къ чему это будить человѣка среди ночи, когда всѣ добрые католики отдыхаютъ.

— Полно болтать пустяки! сердито остановилъ его Кутнарскій: бери чернило, бумагу и пиши.

Библиотека "Руниверс"

— Дай мнѣ хоть переодѣться! возразилъ Доброшевскій.

— Ну, хорошо! только поскорѣе!

Черезъ четверть часа они уже сидѣли за столомъ и при тускломъ свѣтѣ ночника сочиняли посланіе князю Вишневецкому, съ подробнымъ описаніемъ вечера, проведеннаго у молдавскаго господаря; въ приписнѣ присовокуплялось слезное прошеніе прислать побольше злотыхъ: господарь скупъ и отъ него многимъ не попользуешься.

ГЛАВА IX.

СВАТОВСТВО.

Тимошъ блистательно исполнилъ свою задачу. Какъ орелъ налетѣлъ онъ на Радула съ его войскомъ, сбилъ и смялъ передовые отрады, ворвался въ Валахію, все уничтожая на пути, и заключилъ чрезвычайно выгодный для князя Василія миръ.

Вернувшись въ Яссы, онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что князь Василій пригласитъ его къ себѣ; но князь одарилъ его всевозможными подарками, окружилъ его полнымъ почетомъ и только.

Между тѣмъ гетманъ прислалъ сыну письмо и прямо приказывалъ ему просить руки Локсандры.

Княжна нѣсколько дней не видѣла отца. Она грустно сидѣла въ своихъ двухъ комнаткахъ и даже избѣгала общества молодыхъ боярышенъ изъ своей свиты. Наконецъ до нея дошли вѣсти о побѣдѣ Тимоша. Она встрепенулась и повеселѣла. Образъ молодаго богатыря постоянно носился передъ нею и теперь она надѣялась вскорѣ его увидѣть. Придворный этикетъ требовалъ, чтобы князь устроилъ для него пиръ, познакомилъ его съ семьею. Князь Василій и самъ хорошо это понималъ, но странное заступничество княжны за молодаго козака не давало ему покоя. „Кто ихъ знаетъ этихъ дѣвушекъ?“ думалъ онъ: „одному Богу извѣстно, что у нея сидитъ въ головѣ“. Наконецъ онъ придумалъ выходъ. Онъ устроитъ въ честь гостя охоту и пиръ въ лѣсу, въ охотничьемъ замкѣ, а Локсандрѣ прикажетъ сидѣть дома... На охотѣ ея отсутствіе никому не броситься въ глаза, и

Библиотека "Руниверс"

къ тому же она можетъ отговориться нездоровьемъ. Онъ назначилъ день для охоты, послалъ приглашеніе Тимошу и тогда же объявилъ свое рѣшеніе женщинамъ.

— Это мужская забава! сурово замѣтилъ онъ. Вамъ тамъ нечего дѣлать, вы можете сидѣть дома.

Но тутъ случилось то, чего онъ никакъ не могъ ожидать. Всегда спокойная и уступчивая господарша на этотъ разъ ни за что не хотѣла уступить.

— Я хочу видѣть храбраго козака, который доставилъ намъ побѣду и покрылъ насъ славою, упорно настаивала она.—Хочу сама отблагодарить его. Мы не рабыни, чтобы намъ сидѣть взаперти, какъ преступницамъ, мы ничего не сдѣлали, за чтобы насъ нужно было наказывать.

— Да что вы будете дѣлать на охотѣ? урезонивалъ князь. Еще, пожалуй, медвѣдя или буйвола встрѣтите...

— Медвѣди то сидятъ здѣсь во дворцѣ, сердито возразила господарша: и давятъ насъ своими желѣзными лапами. Говорю тебѣ, Василій, что я хочу быть на охотѣ и буду. Ты не смѣешь меня запирать въ харемѣ.

— Ну, поѣзжай! согласился Василій, только оставь Локсандру дома. Ей то ужъ не для чего видѣться съ козакомъ.

— И Локсандра поѣдетъ! упрямо настаивала господарша. Зачѣмъ ей сидѣть дома? Довольно, что ты и такъ ни за что, ни про что накричалъ на бѣдную дѣвочку. Какая за ней вина? Она ничего дурнаго не сдѣлала. Ее тоже не для чего прятать подъ замокъ.

Василій махнулъ рукой.

— Дѣлай, какъ знаешь! проговорилъ онъ.

Въ рѣшительныхъ случаяхъ господарша всегда брала надъ нимъ верхъ. Онъ ее слишкомъ любилъ и уважалъ, чтобы отнестись къ ней со всею строгостью, какая была въ его власти.

Охота была не обыденнымъ событіемъ при дворѣ господаря. Обыкновенно князь охотился въ извѣстное время года; въ послѣдніе дни великаго поста или передъ Рождествомъ. Она длилась нѣсколько дней, звѣрей затравливали массою и потомъ дѣлили добычу между княземъ и всѣми боярами. Это дѣлалось

Библиотека "Руниверс"

для того, чтобы звѣрь не переводился въ лѣсахъ. Вотъ почему охота, назначенная не въ обыденный срокъ, произвела особенное оживленіе въ Яссахъ. Всѣ спѣшили принять въ ней участіе, всѣ къ ней готовились, и боярыни, услышавъ про участіе въ ней господарши и ея падчерицы, наперерывъ упрашивали мужей взять ихъ къ собою.

Блестящее многочисленное общество собралось въ замкѣ. Сеймени, вооруженные шестоперами, въ красивыхъ полукафтаньяхъ, перетянутыхъ блестящими ремнями, богато вооруженные пажи-апроцы въ блестящихъ одеждахъ, княжескіе трабанты съ длинными алебардами и космами заплетенныхъ волосъ, падавшихъ на плечи, множество бояръ въ бархатныхъ и атласныхъ кафтанахъ, вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками, въ качулѣ изъ бѣлыхъ барашковъ на головѣ, на богато убранныхъ коняхъ съ золотыми и серебряными чепраками, со сбруею, горѣвшею золотомъ и каменьями; отроки мосмеги, окружавшіе ихъ, въ одинаковыхъ одеждахъ, и среди всей этой пестроты нѣсколько боярынь и боярышенъ съ разгорѣвшимися отъ удовольствія лицами и блестящими глазами, все имѣло какой то сказочный торжественный характеръ, и Тимошъ невольно залюбовался на эту процессію, когда она двинулась изъ замка.

Князь Василій не представилъ его ни господаршѣ, ни дочери. Это было немного противъ этикета, но онъ считалъ себя выше приличій. Тимошу, вслѣдствіе этого, пришлось только издали любоваться на прекрасную Локсандру и на статную господаршу, ѣхавшую съ нею рядомъ.

Нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень оцѣпили огромный лѣсъ, въ которомъ была назначена охота. Между ними установили псарей и тенетщиковъ, а охотники встали плотною цѣпью у поля и въ лощинѣ, куда должны были выгнать звѣря.

Домна Локсандра, господарша и боярыни стояли поодаль, окруженныя своими трабантами.

Раздался звукъ призывнаго рога, затрубили егеря. Крестьяне, вооруженные вилами и кольями, съ крикомъ, гиканьемъ и свистомъ двинулись въ лѣсъ, тенетщики растянули тенета; собаки

Библиотека "Руниверс"

рвались и заливались громкимъ лаемъ; но ихъ спустятъ позже, когда появится крупный звѣрь.

Вотъ выскочилъ испуганный заяцъ, за нимъ другой, третій, показалась одна-другая лисица, выбѣжалъ молодой лось, взрывая ногами рыхлый снѣгъ на бѣгу; сердца охотниковъ не выдержали, дрогнули, одинъ за другимъ бояре помчались за дичью, слѣдуя примѣру князя, тоже страстнаго охотника... Лѣсъ загудѣлъ, затрепеталъ; никто уже не думалъ о заранѣе составленномъ планѣ, всякій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, выслѣживая и преслѣдуя звѣря.

Господарша съ Локсандрой тоже поскакали въ лѣсъ, слѣдуя ихъ примѣру, разсѣялись по лѣсу и боярыни. Княжнѣ было привольно скакать на свѣжемъ морозномъ воздухѣ. Она смѣялась, какъ ребенокъ, когда при быстрой ѣздѣ на нее валились съ вѣтвей хлопья снѣгу, или когда конь ея скакалъ по колѣна въ снѣгу, перепрыгивая черезъ мелкій валежникъ и какъ вихрь взносился на холмы. Княжна опередила свою мачиху и теперь, обернувшись и замѣтивъ, что она ѣдетъ одна, тихо опустила поводья, задумчиво склонясь въ сѣдлѣ.

Вдругъ напротивъ нея за столѣтнимъ дубомъ показалось что-то черное, громадное. Конь ея захрапѣлъ и шарахнулся назадъ. Она не успѣла опомниться, какъ громадный саженный медвѣдь вышелъ изъ за дерева и, ставъ на заднія лапы, глухо зарычалъ...

Локсандра не была изъ трусливыхъ, она выросла среди этихъ лѣсовъ, но, увидя раскрытую пасть звѣря и его блестящіе зубы, она невольно поблѣднѣла, стараясь повернуть коня назадъ и разсчитывая спастись бѣгствомъ. Конь, однако, точно окаменѣлъ, онъ фыркалъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не трогался съ мѣста, несмотря на всѣ усилія княжны. А между тѣмъ громадный звѣрь, находившійся шагахъ въ пятидесяти, медленно приближался съ ужаснымъ ревомъ, поднявъ переднія лапы и не спуская глазъ со своей жертвы.

Въ это мгновеніе съ противоположной стороны послышался топотъ и за спиною звѣря, уже прошедшаго половину разстоянія, въ началѣ отдѣлявшаго его отъ княжны, показался всадникъ.

Библиотека "Руниверс"

Княжна чувствовала, что силы ее оставляютъ. Помутившійся взоръ ея не могъ различить всадника, но въ послѣдній моментъ, теряя уже сознаніе, она подумала, что будетъ спасена. За то всадникъ узналъ княжну.

— Локсандра! крикнулъ онъ и какъ безумный соскочилъ съ коня. Умный татарскій баксмеръ всталъ какъ вкопанный и рылъ копытомъ землю, похрапывая время отъ времени. А отважный боецъ быстро шелъ впередъ, рѣшаясь одинъ на одинъ сразиться съ медвѣдемъ. Онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ рукоять ножа, выхваченнаго изъ за пояса и пристально смотрѣлъ въ глаза звѣря, медленно обернувшагося и шедшаго теперь прямо на свою новую жертву. Медвѣдь былъ уже отъ него шагахъ въ четырехъ; звѣрь, видимо, колебался, пристальный блестящій взоръ охотника приводилъ его въ смущеніе, тѣмъ не менѣе онъ ступилъ еще шагъ впередъ и поднялъ свои огромныя лапы, чтобы своротить противнику черепъ. Въ эту минуту Тимошъ ловкимъ быстрымъ движеніемъ отскочилъ немного влѣво и, прежде чѣмъ медвѣдь успѣлъ повернуться къ нему, наклонился и распоролъ ему животъ. Медвѣдь грохнулъ на землю, а Тимошъ, не взглянувъ даже на чудовище, подбѣжалъ къ полумертвой княжнѣ. Онъ бережно снялъ ее съ коня и, держа, какъ ребенка, въ своихъ рукахъ, прикладывалъ къ вискамъ снѣгъ.

Княжна открыла глаза.

— Панъ Тимошъ! воскликнула она съ изумленіемъ. А гдѣ же медвѣдь?

— Не безпокойся, княжна! отвѣчалъ козакъ, бережно ее ставя на землю и, стараясь притоптать глубокій снѣгъ. Вотъ онъ! теперь онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ! и онъ указалъ на страшное чудовище, во всю длину растянувшееся на снѣгу.

Княжна невольно содрогнулась.

— Какой огромный! прошептала она въ ужасѣ. И вы убили его! Какой же вы храбрый и сильный, вы точно сказочный витязь! Я удивляюсь вамъ и... и... заикнулась она и зардѣлась.

— Говори дальше, княжна, говори все, что у тебя на душѣ! въ волненіи проговорилъ Тимошъ и схватилъ ея руки.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, всего вамъ не нужно знать, кокетливо отвѣчала она, не отнимая рукъ.

— Скажи мнѣ только одно слово, княжна! просилъ Тимошъ. Я пріѣхалъ сюда для тебя, я ждалъ увидѣться съ тобой, не могъ дождаться этого желаннаго часа... Скажи мнѣ только одно слово: хочешь ли ты быть моей женой?

Локсандра вспыхнула и потупилась.

— Отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ, серьезно сказала она. Помнили ли вы обо мнѣ эти два года, думали ли, хотѣли ли меня видѣть. И если да, чего вы ждали цѣлыхъ два года?

Тимошъ смутился. Вопросъ засталъ его врасплохъ. Онъ не могъ лгать этой дѣвушкѣ: она была для него чѣмъ то чистымъ, высокимъ, святымъ.

— Нѣтъ, княжна! отвѣчалъ онъ. Пока я тебя не видѣлъ, я мало думалъ о тебѣ. Нашему брату—козаку не всегда время думать о женщинахъ.

— Вотъ видите! печально проговорила она. А я о васъ и думала, и мечтала, и во снѣ васъ видѣла. Значитъ ваша любовь ко мнѣ не очень то сильна и лучше будетъ, если вы обо мнѣ совсѣмъ забудете. Отецъ никогда не согласится меня отдать за васъ, а изъ его воли я не выйду.

Тимошъ печально опустилъ голову.

— А если твой отецъ согласится? Выйдешь за меня?

Локсандра взглянула ему въ глаза, и тихо высвободивъ свои руки, твердо сказала:

— Я ни за кого не пойду, кромѣ васъ.

Тимошъ схватилъ ее на руки и какъ ребенка прижалъ къ груди.

— Радость ты моя свѣтлая, за что на меня такое счастье свалилось съ неба.

— За то, что ты витязь! прошептала она, обвивъ его шею руками.

Онъ тихо прильнулъ къ ея губамъ и прошепталъ:

— Теперь то ты моя нареченная невѣста, никому тебя не отдамъ.

Вдали послышался топотъ приближающихся всадниковъ и

Библиотека "Руниверс"

Тимошъ бережно посадилъ княжну въ сѣдло, а самъ отошелъ къ медвѣдю, стараясь подавить въ себѣ охватившее его волненіе.

На полянѣ показался князь Василій, господарша и ихъ свита.

— Локсандра! мы тебя ищемъ по всему лѣсу. Зачѣмъ забралась ты въ такую глушь? Что это? съ испугомъ проговорилъ онъ, увидавъ убитаго медвѣдя и наклоненнаго надъ нимъ охотника.

— Меня бы растерзалъ медвѣдь, еслибъ панъ Хмельницкій не убилъ его! Смотри, отецъ, какой страшный звѣрь!

Всѣ спѣшились, окружили Тимоша и звѣря, удивлялись величинѣ медвѣдя, хвалили неустрашимость охотника, рѣшившагося одинъ на одинъ, безъ вилъ и рогатины, состязаться съ такимъ звѣремъ. Только одинъ князь Василій холодно поблагодарилъ козака и подозрительно посмотрѣлъ на разгорѣвшееся лицо дочери и на блестѣвшіе глаза Тимоша. „Охъ, ужъ мнѣ эти непрошенные витязи“ думалъ онъ съ досадою, „а все бабьи капризы, не слушать бы мнѣ жены, было бы спокойнѣе“.

Охота была очень удачною, затравили много мелкаго звѣря, лисицъ, волковъ, зайцевъ, кроликовъ, убили нѣсколько вепрей, двухъ буйволовъ и трехъ медвѣдей; изъ нихъ медвѣдь Тимоша занималъ первое мѣсто по величинѣ и возрасту.

На пиру въ охотничьемъ замкѣ Тимошъ улучилъ минуту и подошелъ къ господарю.

— Мнѣ надо тебѣ сказать два слова, князь! смѣло промолвилъ онъ.

Василій повелъ его въ маленькую башенку, слабо освѣщенную луннымъ свѣтомъ.

— По нашему обычаю, князь, началъ Тимошъ, когда хлопецъ хочетъ сосватать дивчину, онъ долженъ заслать сватовъ. У меня сватовъ нѣтъ, такъ позволь мнѣ самому открыть тебѣ свое сердце. Я люблю твою дочь, князь! Хоть я и не знатнаго рода, но отецъ мой, мощный гетманъ, повелѣваетъ сотнями тысячъ храбрыхъ воиновъ. Если ты мнѣ отдашь Локсандру, и мое оружіе, и оружіе моего отца защитятъ тебя отъ твоихъ враговъ.

Василій готовъ былъ разразиться гнѣвомъ на дерзкаго козака, но его дипломатическая натура одержала верхъ надъ чувствами отца. Онъ быстро сообразилъ всѣ невыгоды своего

Библиотека "Руниверс"

положенія: козаки народъ опасный, а съ ними пришли еще и татары, они только что показали чудеса храбрости, что если вдругъ, оскорбленные отказомъ, они перейдутъ на сторону его врага. Князь моментально придалъ своему лицу самое любезное выраженіе и со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ разсыпался въ похвалахъ молодому витязю.

— Я несказанно польщенъ предложеніемъ храбраго пана Хмельницкаго, проговорилъ онъ; хотя и удивляюсь, какъ могъ панъ такъ быстро полюбить мою дочь, она еще почти дитя, ей рано думать еще о замужествѣ. Пусть панъ Хмельницкій подождетъ еще годъ—другой, и если чувства его тогда не измѣнятся, быть можетъ, Локсандра и предпочтетъ стать козачкою. У нея всегда были странные вкусы! прибавилъ онъ съ досадою въ голосѣ.

Но спохватившись, тотчасъ же опять разсыпался въ любезностяхъ, благодаря Тимоша за спасеніе дочери.

ГЛАВА X.

ОТЦОВСКІЙ ВЫБОРЪ.

На, слѣдующій день Тимошъ получилъ письмо отъ отца. Богданъ приказывалъ ему какъ можно торопиться съ отъѣздомъ, такъ какъ предстояло опять биться съ ляхами. „Надѣюсь,“ писалъ онъ между прочимъ въ письмѣ, „что ты привезешь съ собою молодую жинку, на что заранѣе посылаю тебѣ мое отеческое благословеніе.“ Тимошу ничего другаго не оставалось, какъ откланяться; ему даже не удалось проститься съ Локсандрою, и только передъ самымъ отъѣздомъ, когда онъ уже садился на коня, смуглая молодая цыганка подбѣжала къ нему и сунула ему въ руку чистенько написанное письмо, замысловато сложенное въ нѣсколько уголковъ. Дочь Лупула, не въ примѣръ прочимъ боярышнямъ, была обучена грамотѣ, и Тимошъ съ удовольствіемъ прочелъ четко написанную записочку, пропитанную запахомъ сушенаго розмарина и фіалки.

Библиотека "Руниверс"

„Прощай, мой рыцарь, писала Локсандра, я твоя на вѣки, и никакія силы земныя и небесныя не заставятъ меня выйти за другаго. Не вѣрь отцу: онъ обманываетъ тебя; онъ очень гнѣвался на меня и велѣлъ мнѣ выкинуть тебя изъ головы".

Тимошъ поблѣднѣлъ и закусилъ губы; онъ и раньше не довѣрялъ Лупулу, теперь получилъ доказательство его лицемѣрія.

Когда онъ выѣзжалъ изъ воротъ замка и въ послѣдній разъ взглянулъ на окна своей невѣсты, одно изъ оконъ башни харема открылось, и онъ увидѣлъ стройную фигуру Локсандры, махавшую ему платкомъ. Лицо ея было блѣдно, глаза заплаканы... Когда Тимошъ снялъ шапку и почтительно ей поклонился, она закрыла лицо руками.

— Подожди, моя голубка! прошепталъ Тимошъ: не даютъ тебя добромъ, такъ я возьму силою!

Князь Василій вздохнулъ свободно, когда непрошенный женихъ убрался восвояси. Онъ позвалъ къ себѣ Кутнарскаго.

— Панъ Кутнарскій состоитъ въ перепискѣ съ княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ? спросилъ онъ его дѣловымъ тономъ.

— Съ соизволенія вашей свѣтлости, да! отвѣчалъ тотъ, насторожившись уши.

— Онъ можетъ извѣстить князя, что мы разрѣшаемъ ему свататься за дочь нашу, княжну Локсандру. А конфиденціально панъ можетъ прибавить, чтобы князь поторопился, такъ какъ есть другой претендентъ, намъ крайне нежелательный, но онъ можетъ насъ силою заставить согласиться.

— Хмельницкій? быстро спросилъ панъ.

— Да, сердито отвѣчалъ Василій.—Этотъ козакъ упалъ мнѣ, какъ снѣгъ на голову. Если панъ поможетъ мнѣ отъ него избавиться, я не забуду такой услуги.

— Въ точности исполню приказаніе вашей свѣтлости! съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Кутнарскій: осмѣлюсь только замѣтить: ея свѣтлость княжна можетъ не пожелать выйти за князя.

— Княжна сдѣлаетъ то, что я ей прикажу! сурово замѣтилъ князь и отпустилъ Кутнарскаго.

Пану Доброшевскому опять пришлось писать посланіе къ князю, и посланіе это въ самый день отъѣзда Тимоша отправ-

Библиотека "Руниверс"

лено было черезъ Яцкеля съ помощью пантофельной почты въ Варшаву. Оно опередило Тимоша съ его отрядомъ на цѣлыхъ три дня. Князю Дмитрію, числившемуся въ отрядѣ князя Іереміи, ничего не стоило получить отпускъ, и онъ въ сопровожденіи небольшой свиты ускакалъ въ Яссы прежде чѣмъ Тимошъ вернулся домой.

Тимошъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и быстро вошелъ къ отцу, сидѣвшему за своей сложной корреспонденціей. Онъ только что заключилъ союзъ съ Турціею и принялъ подарокъ султана: драгоцѣнную саблю, гетманскую булаву и знамя. Эти клейноты красовались въ его свѣтлицѣ и онъ съ удовольствіемъ на нихъ посматривалъ.

— Здоровъ будь, сынку! весело встрѣтилъ онъ Тимоша. Ну, каковы твои дѣла?

— Плохи, татко! отвѣчалъ Тимошъ и подробно разсказалъ о своемъ неудачномъ сватовствѣ.

По мѣрѣ того какъ Богданъ его выслушивалъ, лицо его становилось мрачнѣе, наконецъ онъ не вытерпѣлъ и, сжимая кулаки, вскричалъ:

— Ахъ, онъ вражій сынъ! Въ бѣдѣ такъ къ первому къ гетману обратился; а миновала бѣда, гетманскимъ сыномъ гнушается! Да какого же ему чорта еще нужно въ зятья, если Тимошъ не хорошъ? Слушай, сынку! прибавилъ онъ взволнованно, видишь эти клейноты,—это залогъ моей дружбы съ султаномъ, а съ этою дружбою мнѣ никто не страшенъ, не только что этотъ князекъ со своимъ ничтожнымъ княжествомъ; мы его въ порошокъ сотремъ и возьмемъ невѣсту силою. Завтра же пошлю къ нему гонца съ письмомъ да припугну его хорошенько. А теперь пойдемъ спать, а утромъ тебѣ я новость скажу, едва ли она тебя порадуетъ.

Тимошъ очень усталъ; хотя его и занимало, что за новость ему на завтра сообщитъ отецъ, тѣмъ же менѣе онъ не много объ этомъ думалъ и, повернувшись на бокъ, крѣпко заснулъ.

Ожидавшая его новость, дѣйствительно, была для него непріятна. Зелима пришла въ Украину, разсчитывая видѣться съ Тимошемъ. Многіе ее видѣли, но никто не зналъ, гдѣ и у кого

Библиотека "Руниверс"

она живетъ. Богдану же она старалась не попадаться на глаза.

— Жди, сынку, что эта татарка надѣлаетъ тебѣ много бѣдъ! Только бы мнѣ удалось ее изловить, ужъ отправлю я ее обратно въ гаремъ.

Тимошъ попалъ въ положеніе человѣка, ожидающаго нападенія изъ за угла, и нѣсколько дней прошли для него въ сильной тревогѣ; но Зелима не являлась и онъ рѣшилъ, что она оставила его въ покоѣ.

Маленькій, уютный чигиринскій домикъ Богдана утопалъ въ зелени только что распустившихся ветелъ и душистыхъ тополей. Богдана не было дома, а Тимошъ сидѣлъ на завалинкѣ и задумчиво смотрѣлъ, какъ дѣти полоскались въ лужѣ на грязной площади и кормили кукурузой гусей и утокъ.

Вдругъ изъ за угла дома кто то окликнулъ его по имени. Онъ обернулся, передъ нимъ стояла молодая козачка съ смуглымъ лицомъ и огненными глазами.

— Зелима! невольно вскрикнулъ Тимошъ и почувствовалъ какъ вся кровь отхлынула у него отъ сердца.

Передъ нимъ, дѣйствительно, стояла Зелима; она сильно похудѣла; глаза ея горѣли нездоровымъ блескомъ; но лицо стало мужественнѣе, энергичнѣе, вся фигура дышала силою и страстью.

— Желанный мой! прошептала она, бросаясь къ Тимошу: наконецъ-то я опять вижу твои ясныя очи. Какъ долго, какъ долго я съ тобою не видалась!

Тимошъ собралъ все присутствіе духа и тихо высвободился изъ ея объятій.

— Зачѣмъ ты здѣсь, Зелима? тебя ищутъ въ Бахчисараѣ, отцу моему были непріятности изъ за твоего побѣга.

Зелима съ рыданіями бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Не гони меня! О, не гони меня! ломая руки, молила она. Не женись на мнѣ, если не хочешь, мнѣ все равно, только не гони меня отъ себя, не смотри на меня такъ сурово. Я слышала, ты хочешь жениться на красивой молдаванкѣ. Женись, я не буду тебѣ мѣшать, только оставь меня при себѣ. Живутъ же у насъ въ гаремахъ невольницы и ханумъ. Я буду твоею

Библиотека "Руниверс"

невольницею, буду служить твоей ханумъ, няньчить твоихъ дѣтей, только бы мнѣ видѣть тебя, быть близко къ тебѣ.

— Ты съ ума сошла, Зелима! внѣ себя проговорилъ Тимошъ. Развѣ я магометанинъ, чтобы держать гаремъ. Это грѣхъ, за это Богъ накажетъ...

— Никакого грѣха нѣтъ! доказывала Зелима. У насъ тоже есть Богъ, мы тоже Ему молимся и Онъ насъ за это не наказываетъ.

— Не можно этого, не можно! Меня ужъ и такъ наказываетъ Богъ за то, что я сошелся съ тобою. Слушай, Зелима, ступай тотчасъ отсюда! Сейчасъ придетъ отецъ, если онъ увидитъ тебя здѣсь, онъ схватитъ тебя и отправитъ въ Крымъ, уходи скорѣе, если тебѣ дорога твоя свобода! Я не хочу тебѣ зла, но сердце мое остыло къ тебѣ.

Зелима поблѣднѣла и затряслась.

— А, невѣрный гяуръ! прошептала она: ты грозишь мнѣ неволею, хорошо же, отнынѣ я буду тебѣ мстить, какъ злой духъ, я буду тебя преслѣдовать и не быть тебѣ счастливымъ, пока я жива! Да отомститъ тебѣ Аллахъ за то, что ты погубилъ Зелиму!

Быстро она скрылась за домомъ, Тимошъ ее не преслѣдовалъ; въ глубокомъ раздумьѣ онъ опустилъ голову и даже не слышалъ, какъ подошелъ его отецъ.

— Гей сынку! Что ты голову повѣсилъ? весело проговорилъ Богданъ, ударивъ сына по плечу.

— Зелима здѣсь была! отвѣчалъ тотъ угрюмо.

— Что же, ты схватилъ ее, она теперь въ нашихъ рукахъ? спросилъ гетманъ.

— Нѣтъ, татко! отвѣчалъ Тимошъ.

— Какъ? ты далъ ей уйти отсюда? съ сердцемъ проговорилъ Богданъ.—Дурень же ты, хлопецъ! Ну, да не уйдетъ она отъ меня, я тотчасъ пошлю козаковъ на розыски.

Розыски оказались, однако, тщетными. Зелима какъ въ воду канула. Ребятишки видѣли, какъ она уходила отъ дома Богдана, увѣряли, что она направлялась за городъ; но куда она дѣлась, никто не зналъ.

Библиотека "Руниверс"

— Пусть ее, татко! замѣтилъ Тимошъ: она не будетъ теперь ко мнѣ больше лѣзть. А мести ея я не боюсь.

Князь Дмитрій благополучно прибылъ въ Яссы и, остановясь въ корчмѣ у Янкеля, послалъ его за Кутнарскимъ. Панъ не замедлилъ явиться.

— Честь имѣю поздравить князя съ благополучнымъ пріѣздомъ! проговорилъ онъ съ поклономъ. Господарь ждетъ, не дождется князя; а будущая невѣста всѣ глаза проглядѣла! сказалъ онъ, подмигивая.

— Судя по письмамъ пана, я не слишкомъ то этому вѣрю, отвѣтилъ князь; но это ничего, я надѣюсь завоевать сердце княжны, женское сердце вѣдь всегда отзывчиво.

— Искренно желаю полнаго успѣха князю! замѣтилъ Кутнарскій: но, придерживаясь истины, считаю долгомъ предупредить, что сердце молодой княжны сильно занято козакомъ. А пока женщина занята однимъ, надъ нею трудно одержать побѣду.

Князь высокомѣрно улыбнулся.

— Мнѣ не впервой приходится имѣть дѣло съ женскимъ сердцемъ, и совѣты пана напрасны.

— Еще одну новость позволю передать князю: гетманъ прислалъ гонца съ письмомъ къ князю Василію. Завтра этому гонцу будетъ дана аудіенція.

Князь Дмитрій надменно поднялъ голову:

— Пусть его шлетъ гонцовъ! Съ этими хлопами мы скоро расправимся! Не даромъ князь Іеремія поднялся на нихъ со своею крылатою ратью. Угрозы ихъ не страшны, особенно когда я завладѣю сердцемъ Локсандры, а въ этомъ я увѣренъ.

На другое утро князь Василій засѣдалъ въ совѣтѣ и, покончивъ съ текущими дѣлами, приказалъ позвать посла отъ гетмана.

Члены совѣта переглянулись; только одинъ великій канцлеръ сидѣлъ неподвижно, скромно потупивъ взоръ. Оба губернатора Верхней и Нижней Молдавіи, великій вистерникъ или казначей, великій пагарникъ или оберъ-мундшенкъ, великій

Библиотека "Руниверс"

гетманъ арміи, великій меченосецъ, всѣ насторожили слухъ, съ любопытствомъ смотря на большой пакетъ съ восковою печатью, висѣвшею на снуркѣ. Господарь вскрылъ конвертъ.

„Любезному брату нашему и другу, его свѣтлости господарю всей Молдавіи, писалъ гетманъ, могущественному и храброму князю Василію отъ великаго гетмана Малой Россіи и всего войска Запорожскаго. Желаемъ тебѣ, князь, всякаго здравія на многія лѣта, а также всей семьѣ и роду твоему. Да будетъ вѣдомо тебѣ, князь, что любезный сынъ нашъ Тимоѳей прибылъ къ намъ сего числа и передалъ намъ, что ты, князь, не хочешь отдать за него дочери твоей Локсандры. На это мы имѣемъ отвѣтить твоей свѣтлости, что храбрый и доблестный сынъ нашъ вполнѣ заслужилъ руку дочери твоей, такъ какъ сражался за тебя и спасъ тебя отъ враговъ твоихъ, и это твоей, свѣтлости слѣдуетъ цѣнить и помнить. Какъ подобаетъ по древнему славянскому обычаю я пришлю къ тебѣ, князь, сватовъ, а ты, прими ихъ съ честью и безъ отговорокъ дай свое согласіе на бракъ дочери твоей съ сыномъ моимъ Тимоѳеемъ. Если же этого не будетъ, то я буду говорить иначе и пошлю не двухъ сватовъ, а цѣлыхъ сто тысячъ“.

Когда князь Василій, окончивъ чтеніе, складывалъ грамоту, руки его дрожали, а взоры метали молніи.

— Честные и вѣрные бояре наши! проговорилъ онъ, обращаясь къ совѣту. Хотя это и дѣло семейное, но я не дерзнулъ его утаить отъ васъ, моихъ совѣтниковъ и помощниковъ. Вы слышали, что предлагаетъ мнѣ этотъ самозванный гетманъ, ведущій къ погибели свою родину. Неужели мнѣ отдать на поруганіе мою милую, любимую Локсандру изъ за того только, что она полюбилась его сыну? Онъ грозитъ мнѣ мщеніемъ, если я не приму его предложенія; но развѣ не хватитъ у насъ силъ защитить себя отъ козацкой шайки?

Бояре де Сфатъ въ молчаніи смотрѣли другъ на друга, никто не рѣшался заговорить первымъ. Наконецъ гетманъ возвысилъ голосъ:

— А почему ваша свѣтлость считаете храбраго витязя, разрѣшившаго недавно наши затрудненія, недостойнымъ той

Библиотека "Руниверс"

награды, которую онъ проситъ? Молодой Тимоѳей Хмельницкій завладѣлъ всѣми нашими сердцами. Такого храбраго воина и такого благороднаго рыцаря не часто можно встрѣтить, и притомъ онъ спасъ жизнь княжнѣ.

— И мы, ваша свѣтлость, прибавили губернаторы Верхней и Нижней Молдавіи, осмѣливаемся замѣтить, что для страны было бы величайшимъ несчастіемъ вторженіе такихъ испытанныхъ въ бою воиновъ, съ какими мы еще недавно бились рядомъ. Страна истощена двухлѣтними неурожаями, засухою, саранчею, моровымъ повѣтріемъ. Откуда взять средствъ для новой войны? Чѣмъ возмѣстить убытки, которыя страна понесетъ отъ непріятельскаго опустошенія.

Князь Василій съ возростающимъ гнѣвомъ слушалъ эти возраженія. Онъ едва сдерживался и не далъ боярамъ договорить.

— Бояре позабыли, крикнулъ онъ громовымъ голосомъ: что я господинъ своей страны. Вотъ уже десять съ лишкомъ лѣтъ, какъ я работаю на пользу и благо ея... Временный неурожай или саранча ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми благами, какія я предоставилъ ей въ періодъ моего управленія... Я не потерплю, чтобы семья моя покрылась безчестіемъ и заставлю васъ поддержать славу моего дома...

Онъ всталъ въ волненіи и закрылъ засѣданіе, удалившись во внутренніе покои.

Бояре съ сумрачными лицами тоже встали изъ за стола.

— Лупулъ, настоящій Лупулъ! проговорилъ вистерникъ. Что ты думаешь объ этомъ, Георгица?

— Тоже, что и всѣ, уклончиво отвѣчалъ канцлеръ: мы сами во всемъ виноваты, если волку дать волю, онъ передушитъ всѣхъ овецъ!

— И что онъ такъ кичится своею дочерью? сказалъ губернаторъ Верхней Молдавіи, убирая въ чехолъ свой позолоченный жезлъ. Если бы еще родъ его славился древностью; если бы онъ былъ потомокъ славнаго Стефана? или по крайней мѣрѣ пажа его, Могилы? А то выходецъ, больше самозванецъ, чѣмъ малороссійскій гетманъ, потому что и пріобрѣлъ то престолъ не оружіемъ, а подкупомъ... Чѣмъ тутъ кичиться?

Библиотека "Руниверс"

— Да, со вздохомъ сказалъ гетманъ: бѣдная наша страна! Ради каприза этого тирана она опять обагрится кровью, опять застонетъ подъ мечомъ и огнемъ непріятельскаго вторженія...

— Однако, благородные бояре, горю не поможемъ слезами и вздохами. Надо придумать что нибудь болѣе дѣйствительное...

— Мой совѣтъ настоять на томъ, чтобы господарь выдалъ дочь свою за молодаго козака! рѣшительно замѣтилъ вистерникъ.

— А какъ на этомъ настоять? иронически замѣтилъ Георгица. Кто изъ насъ посмѣетъ теперь заговорить съ нимъ объ этомъ? Я, по крайней мѣрѣ, не рѣшусь.

Всѣ въ смущеніи примолкли и стали расходиться.

Придя домой, Стефанъ со смѣхомъ разсказалъ женѣ, что за домну Локсандру сватается именитый женихъ, украинскій козакъ Тимошъ.

— Господарь и рветъ, и мечетъ, смѣялся онъ. Наши умныя головы, совѣтники, тоже рвутъ и мечутъ только изподтишка. Вотъ еслибъ теперь натравить еще трансильванскаго князя, чтобы онъ доложилъ обо всемъ Портѣ, а Порта, говорятъ, теперь въ дружбѣ съ Хмельницкими: вотъ была бы потѣха! прибавилъ онъ, многозначительно посматривая на жену.

Онъ всегда говорилъ намеками, и жена его умѣла понимать эти намеки.

Въ тотъ же день юркая Заира уже скакала въ Трансильванію съ тайнымъ порученіемъ боярыни къ одной изъ ея бывшихъ подругъ, вышедшей замужъ за семиградскаго вельможу.

ГЛАВА XI.

СЕСТРЫ.

Въ Ясскомъ замкѣ шли приготовленія къ большимъ торжествамъ, цѣлому ряду увеселеній, которыми князь Василій собирался отпраздновать пріѣздъ своей старшей дочери, княгини Радзивиллъ. Княгиня разсчитывала провести у отца нѣсколько недѣль и уже три дня подрядъ ее ждали съ часу на часъ,

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько разъ въ день высылали на встрѣчу гонцевъ, и блестящая свита цѣлыми часами должна была дежурить во дворцѣ, такъ какъ князь отецъ хотѣлъ устроить дочери торжественную встрѣчу.

Князь Дмитрій сдѣлался въ замкѣ совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ. Въ первый его визитъ князь Василій долго бесѣдовалъ съ нимъ съ глазу на глазъ и, какъ казалось князю Дмитрію, былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ.

— Я знаю, говорилъ онъ ему: вы пылкіе юноши, всегда готовы торопиться, вы всего хотите достичь сразу, безъ труда и усилія. Положимъ, что я и принудилъ бы Локсандру за васъ выйти замужъ, это въ обычаяхъ страны, и никто меня за это не осудилъ бы; часто у насъ невѣста и въ лицо не знаетъ жениха и въ первый разъ его видитъ въ церкви... Но чтобы изъ этого вышло? Жить съ нею вамъ придется не въ Молдавіи, а въ Польшѣ; ваши женщины свободны, подвижны, дѣлаютъ, что хотятъ, заводятъ любовниковъ и гордятся ими... Локсандра и здѣсь слишкомъ своевольна, а тамъ она вамъ отплатила бы за принужденіе невѣрностью... Вотъ почему мой совѣтъ: поживите у насъ, потерпите до поры до времени, продолжите вашъ отпускъ, если нужно, еще на мѣсяцъ, и постарайтесь изгладить изъ сердца моей дочери образъ того, кто ворвался непрошенный въ ея молодую душу и такъ сильно овладѣлъ ею, что даже время не помогло ей забыть его.

Князь Дмитрій невольно соглашался съ доводами стараго господаря и, широко воспользовавшись его позволеніемъ, сталъ бывать каждый день, по цѣлымъ часамъ просиживая съ женщинами. Въ первое время Локсандра дичилась его; но онъ былъ очень остороженъ и, повидимому, ей удѣлялъ столько же вниманія, какъ ея мачихѣ и молодымъ боярышнямъ свиты. Скука и однообразіе замкнутой дворцовой жизни заставляли цѣнить общество молодаго образованнаго князя. У Дмитрія былъ пріятный голосъ и онъ недурно пѣлъ романсы и баллады, аккомпанируя себѣ на арфѣ. Часто и Локсандра съ нимъ пѣла въ-дуэтъ, и ихъ молодые свѣжіе голоса пріятно сливались въ гармоническое цѣлое. Дмитрій былъ живой, веселый собесѣдникъ, вы-

Библиотека "Руниверс"

думывалъ для боярышенъ всевозможныя игры или составлялъ имъ рисунки для ихъ изящныхъ вышиваній. Локсандра освоилась и сдружилась съ нимъ, а князь Василій втихомолку потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. Только одна господарша сторонилась молодаго поляка, отвѣчая холодностью на его любезную предупредительность и стараясь избѣгать его общества.

Теперь, по случаю ожидаемаго пріѣзда княгини Радзивиллъ, князь Дмитрій уже нѣсколько дней жилъ въ замкѣ и тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ княгини; съ ней должна была пріѣхать ея свита, а князю уже порядкомъ надоѣло молдавское общество, къ которому онъ былъ прикованъ по необходимости.

Наконецъ прискакалъ запыхавшійся пажъ и доложилъ, что княгиня изволитъ приближаться къ Яссамъ.

Все засуетилось и задвигалось. Скороходы заняли свои мѣста впереди шествія, блестящая конница съ крылатыми шлемами выступала за ними, предшествуемая знаменемъ; за нею двигались знаменитые константинопольскіе и сорокскіе скороходы, калараси и имбляторы, за ними несли бунчуки, наконецъ ѣхалъ самъ князь съ старшимъ сыномъ своимъ Іоанномъ и двоюроднымъ племянникомъ, отчаяннымъ кутилой, грозою всѣхъ боярынь и боярышенъ. Князя окружали пейки въ богатыхъ кафтанахъ, подпоясанныхъ серебряными кушаками. Немного отступя, ѣхала господарша съ дочерью на красиво убранныхъ лошадяхъ, окруженная своими тѣлохранителями. Потомъ слѣдовали разные придворные чины: комисіи, ватавы, булугбаши, камериры, виночерпіи, медельничары. Затѣмъ несли большое знамя, дарованное князю султаномъ, шла янычарская музыка, армаши и шествовали всѣ чины бояръ сперва служащихъ, а затѣмъ отставныхъ. Сзади слѣдовала толпа прислуги княжеской и боярской и народъ, собравшійся посмотрѣть на торжественное шествіе князя.

Княгиня Радзивиллъ въ богатомъ экипажѣ, запряженномъ въ двѣнадцать паръ коней, окруженная блестящею свитою, быстро неслась на встрѣчу отцу. Ея всегдашняя холодная разсудительность на этотъ разъ исчезла при видѣ родныхъ горъ, роднаго города, расположеннаго у подошвы холмовъ и кокетливо смотрѣвшагося своими садами въ быструю рѣку. Княгиня вышла

Библиотека "Руниверс"

изъ экипажа, бросилась въ объятія отца и долго не могла промолвить ни слова отъ охватившаго ее волненія.

Локсандра соскочила съ коня и пересѣла въ экипажъ сестры, братъ, отецъ и мачиха поѣхали рядомъ. Не было конца веселымъ распросамъ и съ той, и съ другой стороны.

— А гдѣ же князь Дмитрій? спросила княгиня. Я привезла ему цѣлую кучу поклоновъ. Наши дѣвицы совсѣмъ разгнѣвались на тебя, Локсандра, что ты отняла отъ нихъ такого ловкаго кавалера.

Локсандра потупилась.

Князь Василій отдалъ приказаніе пригласить Вишневецкаго, ѣхавшаго назади среди вельможъ и бояръ. Князь Дмитрій подъѣхалъ, почтительно снялъ шапку и весело поздравилъ княгиню съ пріѣздомъ. Она милостиво ему дала поцѣловать свою руку и погрозила розовымъ пальчикомъ.

— Князь загостился въ Яссахъ! лукаво сказала она ему.

— Что дѣлать, княгиня? отвѣтилъ онъ, взглянувъ на Локсандру. Меня удерживаетъ здѣсь могучій магнитъ и я противъ воли являюсь неисправнымъ воиномъ.

Веселая процессія двинулась къ собору, гдѣ князь желалъ отслужить благодарственное молебствіе.

Только что они вступили въ ограду, ряды конницы, скороходовъ и войска быстро встали по обѣ стороны шпалерами и пропустили княжескую семью и свиту. На паперти ихъ встрѣтилъ митрополитъ съ соборнымъ духовенствомъ, съ крестомъ и святою водою. Когда князь и семья его приложились къ кресту и приняли окропленіе, митрополитъ ввелъ ихъ въ церковь, гдѣ они поклонились мѣстнымъ образамъ, князь занялъ особое устроенное для него мѣсто у праваго столба, обнесенное красивою позолоченною рѣшеткою съ княжескимъ гербомъ; надъ балдахиномъ была корона съ образомъ св. Василія. Слѣва, напротивъ князя находилось такое же мѣсто, но пониже для его сыновей. Господарша же съ дочерьми помѣстились на особомъ возвышеніи, устроенномъ у послѣдняго столба справа. Между мѣстомъ господаря и господарши помѣстились боярыни и боярышни, а за возвышеніемъ сыновей придворные чины. Князь

Библиотека "Руниверс"

Дмитрій, какъ иностранецъ, занялъ мѣсто противъ возвышенія господарши и всю службу не спускалъ глазъ съ Локсандры, что не ускользнуло отъ княгини Радзивиллъ. Она улыбнулась и тихонько кивнула сестрѣ головой, показывая глазами на цыл-каго юношу.

Локсандра зардѣлась и показала видъ, что не поняла сестры. Но въ сущности ей льстило и вниманіе польскаго князя, и то, что сестра не считаетъ ее больше за дѣвочку.

— Бѣдный Тимошъ! тихо промолвилъ Кутнарскій, слѣдя зоркимъ взглядомъ за происходившимъ. — Панъ Доброшевскій! шепнулъ онъ своему товарищу: дѣло козака совсѣмъ не выгоритъ.

— Не выгоритъ! послушно повторилъ тотъ, моргая подслѣповатыми своими глазами и позѣвывая.

У князя Дмитрія съ пріѣздомъ княгини Радзивиллъ въ ея лицѣ явилась сильная помощница. Нѣсколько лѣтъ, проведенныя ею въ Польшѣ, научили ее ненавидѣть и презирать мятежныхъ хлоповъ, какъ главную причину всѣхъ безпокойствъ и неудовольствій. Какъ большая часть польскихъ женщинъ аристократокъ, она не давала себѣ отчета, кто правъ или виноватъ, а чисто по женски раздѣляла антипатіи своего мужа.

Разъ какъ-то, когда обѣ сестры сидѣли въ комнатѣ Локсандры и княгиня съ восторгомъ описывала выѣзды, праздники и балы, въ комнату вбѣжала запыхавшаяся Маріанка и проговорила:

— Сваты отъ пана Тимоша пріѣхали!

Княгиня даже вскочила отъ неожиданнаго для нея извѣстія; она еще ничего не слыхала о сватовствѣ Хмельницкаго.

— Какъ? воскликнула она. Грубый дерзкій козакъ осмѣливается свататься за тебя?

Локсандра вспыхнула и подняла на нее глаза.

— Ты его совсѣмъ не знаешь! рѣзко отвѣтила она. Зачѣмъ же называешь его грубымъ и дерзкимъ? Онъ храбрый витязь, онъ побѣдоносно сражался за насъ, онъ спасъ меня отъ неминуемой смерти!

Библиотека "Руниверс"

Княгиня съ удивленіемъ и ужасомъ смотрѣла на сестру.

— Ты съ ума сошла, Локсандра! сказала она наконецъ. Что за рѣчи? Развѣ можно говорить такъ о хлопѣ, сынѣ какого-то сотника, который измѣною временно захватилъ власть. Да, временно! возвышая голосъ, прибавила она, замѣтивъ недовольный жестъ сестры: паны, навѣрное, подавятъ и это возстаніе, какъ прежнія, а твоему витязю съ его отцемъ отсѣкутъ головы на плахѣ или вздернутъ ихъ на висѣлицу.

— Послушай, сестра! тихо, но твердо произнесла княжна.— Не я сошла съ ума, а ты помѣшалась отъ вашей панской гордости. Развѣ нашъ отецъ не былъ такимъ же самозванцемъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Я много и часто объ этомъ думала. Да и теперь онъ можетъ не сегодня, такъ завтра лишиться престола и опять мы станемъ простыми людьми... О, какъ я бы этого желала! Тогда бы мнѣ ничто не помѣшало выйти за Тимоша.

Княгиня съ сердечнымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Бѣдная! проговорила она.—Онъ, вѣрно, зачаровалъ тебя, у нихъ, говорятъ, есть такія колдуньи, которыя могутъ напустить болѣзнь на человѣка.

— Совсѣмъ не то, я сама полюбила его: онъ хорошій, честный, добрый, а ужъ какой храбрый,— другаго такого не сыщешь.

Княгиня смотрѣла на нее, не зная, что отвѣтить.

— Послушай, Локсандра! сказала она, наконецъ, ласково, взяла ее за руку и посадила подлѣ себя.—Положимъ, что онъ и добрый, и честный, и храбрый, но что жъ изъ этого? Возможно ли, чтобы дочь господаря молдавскаго вышла за простаго козака? Будь еще онъ самъ гетманомъ? А то, представь себѣ, тебѣ придется жить въ маленькой душной хатѣ, работать, какъ простой мужичкѣ, пожалуй, смазывать мужу сапоги дегтемъ и, навѣрно, растирать табакъ... И представь! онъ будетъ пить: всѣ козаки пьютъ, и пьяный будетъ бить тебя ногайкой: они всѣ дерутся... А потомъ уѣдетъ въ походъ, у нихъ вѣчно какіе нибудь походы, а ты останешься одна одинешенька, сама будешь и кашу варить, и няньчить, и стирать... И для чего

Библиотека "Руниверс"

все это? Только ради того, чтобы этотъ грубый козакъ тебя лишній разъ поцѣловалъ; ради того, что ты вообразила, будто ты его любишь...

Локсандра опустила голову. Она и сама иногда въ дурныя минуты рисовала себѣ эту мелкую будничную жизнь. Сестра ея, знакомая съ козацкимъ бытомъ, только освѣтила и дополнила эту картину.

— Я искренно люблю его и готова для него перенести все! отвѣтила она, наконецъ.—И не всѣ же козаки злые и пьяницы, Тимошъ, навѣрное, такимъ не будетъ. Притомъ онъ сынъ гетмана, ему дадутъ какую нибудь должность, онъ не будетъ бѣденъ и не захочетъ изнурять меня на тяжелой работѣ. А что надо сдѣлать, я сдѣлаю, и это даже будетъ весело, гораздо веселѣе, чѣмъ жизнь въ неволѣ, въ зависимости и отъ приличія, и отъ слугъ, и отъ пановъ.

— Но вѣдь отецъ не отдастъ тебя за Тимоша! настаивала княгиня.

— Онъ придетъ сюда съ войскомъ и возьметъ меня. Ты не знаешь, какой онъ храбрый! Передъ нимъ никто не устоитъ.

Княгиня съ гнѣвомъ посмотрѣла на сестру.

— И ты это говоришь! съ укоризною произнесла она. Ты, дочь Молдавіи, желаешь, чтобы козаки опустошили твою родину; желаешь, чтобы отецъ твой не устоялъ противъ того, кого ты и видѣла только нѣсколько разъ въ жизни. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Ты заколдована и говоришь подъ вліяніемъ чаръ.

Локсандра поблѣднѣла; въ ней происходила мучительная борьба, борьба чувства съ долгомъ, личной любви и любви къ родинѣ.

Княгиня встала и въ волненіи прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Слушай, Локсандра! сказала она, останавливаясь передъ сестрой съ горящими глазами и гнѣвнымъ лицомъ. Если ты не выбросишь эти глупости изъ головы, если ты навлечешь на Молдавію такое несчастіе, если, наперекоръ всему, ты выйдешь за этого козака... помни, я тебѣ болѣе не сестра!

Она быстро повернулась и вышла изъ комнаты, оставивъ Локсандру въ оцѣпенѣніи.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА XII.

СЕМЕЙНЫЙ СОВѢТЪ.

На другой половинѣ дворца въ это время князь Василій принималъ сватовъ или старостъ, какъ они себя называли по малороссійскому обычаю. Это были прилуцкій полковникъ Носачъ и полтавскій Пушкарь. Торжественно, въ сопровожденіи небольшой свиты вошли они къ князю Василію и низко поклонились.

— Пріѣхали мы къ тебѣ, свѣтлѣйшій князь, отъ великаго гетмана Малороссіи Богдана, проговорилъ Носачъ, плотный коренастый мужчина, одѣтый въ богатый атласный кафтанъ и бархатные шаровары. Просимъ свѣтлость твою выслушать насъ, пословъ, и подарить твоею княжескою ласкою.

— Что угодно панамъ полковникамъ? вѣжливо и холодно проговорилъ Василій, знакомъ приглашая ихъ садиться.

— Провѣдалъ нашъ гетманъ, что есть у тебя дочь, красавица писаная, а его сынъ тебѣ извѣстенъ, потому что онъ спасъ твою страну отъ врага. Не противно бы было твоей милости, наисвѣтлѣйшему князю, принять его въ свои зятья, а насъ, старостъ, подарить ручниками, чтобы мы могли явиться передъ свѣтлыя очи гетмана со знакомъ твоего благоволенія и согласія.

Оба полковника встали, отвѣсили по низкому поклону и снова сѣли.

Пока Носачъ говорилъ, Пушкарь, низенькій, юркій, черноглазый козакъ, зорко смотрѣлъ на князя, и насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ, когда онъ замѣтилъ смущеніе на лицѣ господаря.

— Право, я не знаю, что отвѣтить панамъ полковникамъ? проговорилъ Василій. Это предложеніе застаетъ меня врасплохъ, я къ нему не приготовленъ, мнѣ надо подумать, посовѣтоваться съ домашними.

Разговоръ шелъ по польски, Василій не зналъ по малорусски, польскимъ же языкомъ владѣлъ, какъ роднымъ.

— Странно, наивно-добродушно проговорилъ Носачъ, видно гонецъ нашего гетмана гдѣ нибудь застрялъ въ дорогѣ, что его свѣтлость не получилъ грамоты нашего батька.

Библиотека "Руниверс"

— Грамота дошла до меня, долженъ былъ сознаться князь.

— А если дошла, продолжалъ неумолимый староста, то его свѣтлость могъ и подготовиться, тамъ о сватахъ довольно ясно было сказано.

— Все таки мнѣ нужно обдумать этотъ вопросъ, а главное снестись съ турецкимъ султаномъ: я не смѣю выдать дочь безъ его согласія. Притомъ, дочь моя еще молода. Разумъ у нея дѣтскій, пусть еще поживетъ, наберется ума; вотъ такъ годика черезъ два я и не прочь буду отдать ее за пана Хмельницкаго; онъ витязь храбрый, я противъ него ничего не имѣю.

— Значитъ, задержка за турецкимъ султаномъ? переспросилъ Носачъ, лукаво посматривая на князя.

— Да! нерѣшительно подтвердилъ князь: если Порта дастъ свое согласіе, я не прочь.

— Добре! съ поклономъ подтвердилъ Носачъ: такъ мы и скажемъ батьку.

Сваты откланялись. Выйдя изъ дворца, Пушкарь толкнулъ локтемъ товарища и проговорилъ:

— А ну-ка, друже! одно дѣло исполнили, примемся за другое!

Они внимательно осмотрѣли весь городъ, побродили по его окрестностямъ, изучили пути, пересмотрѣли всю мѣстность, навели точныя справки у корчмарей и шинкарей о молдавскомъ войскѣ, его количествѣ, составѣ, устройствѣ, о его способахъ обороны и нападенія. За эти свѣдѣнія они щедро расплачивались и получали ихъ безъ особаго затрудненія. Узнавъ въ нѣсколько дней все, что имъ нужно было, они отправились обратно въ путь съ кучкою сопровождавшихъ ихъ козаковъ. Прощаясь съ Янкелемъ, у котораго они остановились и выслушивая его сожалѣніе, что козаки такъ мало погостили, Носачъ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Не плачь, пріятель! скоро мы съ тобою опять увидимся.

Янкель понялъ намекъ и такъ испугался, что ноги у него подкосились.

— Ай вай, панъ полковникъ! Что вы говорите?

Библиотека "Руниверс"

— То и говорю, отрѣзалъ Носачъ, что мы скоро еще разъ пріѣдемъ сватать вашу княжну. Только ужъ не одни, а съ такими сватами, что вамъ жарко станетъ.

Янкель намоталъ себѣ это на усъ и въ тотъ же день передалъ это Кутнарскому.

Панъ Кутнарскій въ свою очередь тотчасъ же доложилъ князю о рѣчахъ полковника.

Князь Василій совершенно растерялся. Отъ государственнаго совѣта онъ не ждалъ помощи, а потому рѣшилъ созвать совѣтъ семейный и сдѣлалъ исключеніе только для Георгицы,—онъ ему довѣрялъ больше, чѣмъ другимъ. Князя Дмитрія тоже пригласили участвовать въ семейномъ совѣщаніи; и въ то время когда Локсандра одиноко сидѣла въ своей дѣвичьей комнатѣ въ верхнемъ этажѣ высокой башни, съ тоской посматривая на ряды холмовъ, тянущихся за городомъ, въ одной изъ нижнихъ залъ замка собрались всѣ прочіе члены княжеской семьи, чтобы рѣшить ея участь. Гордая княгиня Радзивиллъ высоко держала голову, какъ бы сознавая важность предстоящаго рѣшенія; господарша смотрѣла сурово и мрачно и нѣсколько разъ замѣтила мужу, что Локсандрѣ слѣдовало бы здѣсь присутствовать. Василій сперва отмалчивался, потомъ рѣзко замѣтилъ:

— Она еще слишкомъ молода, чтобы имѣть свой голосъ, какъ я рѣшу за нее, такъ и будетъ.

— Добрые мои друзья и родственники! обратился онъ, когда всѣ чинно сѣли за столъ, освѣщенный толстыми восковыми зеленоватыми свѣчами въ высокихъ шандалахъ, наполнявшими воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Всѣмъ вамъ извѣстно, зачѣмъ я собралъ васъ и о чемъ я хочу слышать ваше мнѣніе. Мнѣ не отъ кого ждать помощи, кромѣ васъ, а между тѣмъ отъ нашего рѣшенія зависитъ многое, такъ какъ панъ Кутнарскій передалъ намъ, что козаки грозили вторженіемъ въ Молдавію. Такъ ли я понялъ переданное вами извѣстіе, панъ? обратился онъ къ Кутнарскому, сидѣвшему на концѣ стола рядомъ со своимъ неизмѣннымъ товарищемъ.

— Совершенно такъ, ваша свѣтлость! отвѣтилъ тотъ, привставъ.

Библиотека "Руниверс"

— Что же теперь намъ дѣлать? обратился князь къ присутствующимъ.

Княгиня Радзивиллъ уже давно порывалась высказать свое мнѣніе и нетерпѣливо ожидала конца отцовской рѣчи.

— Отецъ! обратилась она къ князю: можешь ли ты спрашивать объ этомъ? Возможно ли нашему дому породниться съ выскочкой, проходимцемъ, которому въ будущемъ грозитъ достойное наказаніе за мятежъ?

— Да, но въ силахъ ли мы будемъ защититься отъ такого нападенія? возразилъ Василій.

— Надо искать помощи! энергично проговорила княгиня Радзивиллъ. Вся Польша ненавидитъ этихъ хлоповъ. Пусть они сюда заберутся, какъ въ ловушку; стоитъ только объ этомъ заранѣе дать знать панамъ и ихъ прихлопнутъ, какъ мухъ.

— Что думаетъ объ этомъ князь? обратился Василій къ Вишневецкому.

— Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ княгини, и первый готовъ содѣйствовать осуществленію этого плана. Я думаю, что оба гетмана и польный, и коронный согласятся оказать князю помощь. Они могутъ даже преградить путь козакамъ и не допустить ихъ въ Молдавію.

— Я предложу еще другой путь, скромно вставилъ Георгица. Всякое дѣйствіе имѣетъ причину и въ настоящемъ случаѣ причина прекрасная княжна. Нельзя ли заблаговременно устранить эту причину?

— Что хочетъ сказать мой благородный вѣрный бояринъ? въ недоумѣніи спросилъ Василій.

— Я думаю у прекрасной княжны такъ много обольстительныхъ качествъ, что и кромѣ Тимоѳея Хмельницкаго найдется достаточно жениховъ. Надо выдать ее замужъ, и тогда гетману не за кѣмъ будетъ присылать войско.

Молчавшая до сихъ поръ господарша гнѣвно взглянула на великаго логофета.

— Бояринъ говоритъ о дочери своего господаря, какъ о вещи, которую можно продать, или отдать въ залогъ, не спросясь ея согласія. Конечно, я только женщина, въ дѣлахъ ва-

Библиотека "Руниверс"

шихъ мало смыслю, да и Локсандра мнѣ не родная дочь; но она выросла на моихъ глазахъ, я знаю ея нравъ, ея сердце и удивляюсь, какъ можетъ родной отецъ такъ безжалостно жертвовать своимъ ребенкомъ и ради чего? Ради пустаго тщеславія, даже не ради блага родины, такъ какъ родинѣ отъ этого гровить бѣда. Чѣмъ Тимошъ не женихъ для Локсандры? Мужественный, храбрый, воинственный, чѣмъ онъ тебѣ не зятъ? Зачѣмъ тебѣ нужно имя, нужна родословная? Мало ли въ нашей землѣ мелкихъ людей безъ имени, безъ рода и племени, умомъ, храбростью и мужествомъ достигаютъ почестей и славы. Съ такимъ зятемъ, какъ этотъ степной орелъ, ты можешь смѣло глядѣть въ глаза твоимъ врагамъ, и только тотъ, кто желаетъ твоего несчастія можетъ совѣтовать тебѣ иное! закончила она, гордо взглянувъ на Георгицу.

Василій не зналъ, на что рѣшиться. Увѣренный, энергичный голосъ господарши пробудилъ въ немъ чувства отца, а обликъ Тимоша, такъ ловко ею очерченный, всталъ передъ нимъ въ эту минуту совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. „Зачѣмъ ему въ самомъ дѣлѣ родовитый зять? онъ самъ настолько могущественъ, что можетъ его поднять на высоту; не онъ ли хотѣлъ посадить на валашскій престолъ своего сына? это ему не удалось; почему бы теперь не попытаться это же сдѣлать для зятя. Такой отважный, храбрый, притомъ простодушный воинъ, какъ Тимошъ, конечно, не вышелъ бы изъ его воли и былъ бы только его намѣстникомъ.“ Все это молніей пронеслось въ его головѣ, онъ уже совсѣмъ склонился на сторону своей жены, какъ вдругъ совершенно неожиданное обстоятельство сразу измѣнило потокъ его мыслей.

Въ комнату поспѣшно вошла Локсандра, блѣдная, взволнованная, съ блестящими глазами. Ничего не подозрѣвая, сидѣла она на своей вышкѣ, когда вѣрная Маріанка передала ей, что дѣлалось въ замкѣ. Локсандра быстро подошла къ отцу и смѣрила его гордымъ, негодующимъ взглядомъ.

— Отецъ! сказала она. Затѣмъ ли ты воспиталъ меня и сдѣлалъ изъ меня человѣка, чтобы теперь сбывать меня, какъ ненужную вещь? Я знаю, что въ этой странѣ посылаютъ доче-

Библиотека "Руниверс"

рей подъ вѣнецъ, не спрашивая ихъ согласія. Знаю, что по закону ты можешь со мною сдѣлать все, что хочешь; но въ жилахъ моихъ течетъ албанская кровь, отецъ! Я люблю свободу и дамъ себя лучше убить, чѣмъ пойду въ неволю.

Василій, гнѣвный, всталъ съ своего мѣста

— Какъ смѣешь ты такъ говорить со мною! крикнулъ онъ. Со мною, давшимъ тебѣ жизнь, взростившимъ и воспитавшимъ тебя! Ты обязана мнѣ повиноваться и не смѣешь разсуждать о томъ, кого я изберу тебѣ въ мужья.

Онъ подошелъ къ князю Дмитрію, взялъ его за руку и подводя къ княжнѣ, сказалъ:

— Вотъ твой женихъ, ни о комъ другомъ не смѣй и думать!

Локсандра взглянула на Вишневецкаго, и во взглядѣ ея было столько негодованія и отвращенія, что князь невольно отступилъ на шагъ.

— Князь желаетъ купить меня, какъ невольницу гарема. Что жъ? это славный подвигъ для именитаго князя, достойный его предковъ...

— Бога ради, княжна! началъ было Вишневецкій.

— Ни одного слова болѣе, Локсандра! прервалъ ее князь Василій: ты пойдешь сейчасъ въ харемъ и безъ моего позволенія здѣсь не покажешься! Если же ты меня ослушаешься, то я съумѣю тебя научить приличію! грозно прибавилъ онъ вслѣдъ, запирая за нею дверь.

— Друзья мои! продолжалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ, желая подавить свое волненіе. . Я остаюсь при мнѣніи большинства, и слѣдую совѣту мудраго Георгицы. Князь Дмитрій почтилъ меня просьбою руки моей дочери, я даю мое благословеніе на этотъ бракъ, завтра же пошлю гонца къ турецкому султану испросить его разрѣшенія. Съ другой стороны, я воспользуюсь и совѣтомъ моей старшей дочери, постараюсь заключить союзъ съ польскими гетманами на случай нападенія со стороны козаковъ. На пана Кутнарскаго я возлагаю порученіе немедленно отправиться въ путь съ моею грамотою къ коронному гетману пану Потоцкому.

Библиотека "Руниверс"

Кутнарскій отвѣсилъ низкій поклонъ и благодарилъ за оказанную ему честь.

— Его свѣтлость позволитъ мнѣ взять съ собою моего вѣрнаго друга и товарища, прибавилъ онъ, указывая на Доброшевскаго.

— Какъ угодно будетъ пану, отвѣтилъ Василій.

— Итакъ мы собираемся съ паномъ въ дорогу! весело проговорилъ Кутнарскій, выходя изъ зала и хлопнувъ по плечу Доброшевскаго.

На этотъ разъ панъ Доброшевскій былъ видимо не въ духѣ и не нашелъ нужнымъ поддакивать товарищу.

— Что за идея посылать насъ съ паномъ? угрюмо пробормоталъ онъ, придавая особенно трагическое выраженіе своему лицу. Не нашлось у него для этого своихъ бояръ. Вонъ они у него какъ разжирѣли. Послалъ бы это толстое брюхо, Бурдуца, ему полезно было бы промяться. Только что прижился человѣкъ, освоился немного, и гнать его, какъ собаку, да еще въ самую пасть возстанія. Попомни мое слово, панъ, проглотятъ насъ коваки, принесетъ намъ несчастіе это путешествіе.

— Что ты каркаешь, какъ зловѣщая птица? съ сердцемъ сказалъ Кутнарскій.

Ему и самому не улыбалось это опасное путешествіе. Доброшевскій не сказалъ болѣе ни слова, онъ поднялъ мрачно брови и застылъ съ выраженіемъ покорной жертвы.

О. Рогова.

(*Конецъ второй части*).

Библиотека "Руниверс"

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

183.

Шпитали.

Съ принятіемъ христіанства возникло и оформилось на Руси призрѣніе нищихъ въ формѣ богадѣленъ. Забота о нищихъ возложена была на церковное управленіе. Церковный уставъ в. кн. Владиміра передаетъ церковному управленію больницы, богадѣльни и странноприимные дома, причемъ постановленіе это заимствовано изъ Юстиніанова кодекса, съ сохраненіемъ порядка въ вычисленіи разрядовъ людей, подлежащихъ церковной благотворительности. Князья щедрой рукой раздавали нищимъ милостыню. При монастыряхъ устраивались больницы и богадѣльни. Въ „Поученіи Кирилла", обращенномъ къ одному князю, сыну Александра Невскаго, сказано, что земли и дома даны князьями и боярами церквамъ „крылошанамъ на потребу, и старости и немощи и въ недугъ впадшихъ чадъ многъ прокормленіе, обидимымъ помоганіе, страннымъ прилежаніе, въ напастѣхъ пособіе, въ пожарѣхъ, въ потопѣ, плѣннымъ искупленіе, въ гладѣ прокормленіе"... Шпитали покрыли всю Русь, южную и сѣверную. По селамъ у приходскихъ церквей бывали дома для нищихъ. Въ Дозорной книгѣ г. Галича (н. костром. губ.) 1609—1610 г. говорится, что у церкви во имя царя Константина на тяглой черной избѣ 7 избушекъ, а въ нихъ живутъ пономарь да 6 нищихъ; питаются они отъ церкви, по приходнымъ людямъ, у храма Рождества Христова 4 чел. нищихъ и т. д., всего въ го-

[1]) „Кіевская Старина" 1890 г., № 6.

Библиотека "Руниверс"

родѣ 68 человѣкъ". Въ Москвѣ въ XVII ст. богадѣльни были при многихъ церквахъ; онѣ содержались по большей части на счетъ царской казны (*Лешковъ*, Рус. народъ и госуд., 588—600). Еще болѣе многочисленны были шпитали въ южной Руси. Здѣсь они находили поддержку иногда у королей, обыкновенно у церковныхъ братствъ, цеховъ и частныхъ лицъ. Въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные; иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе, одежда, обувь, пища, постели и пр. Для завѣдыванія шпиталями назначались старшіе изъ шпитальныхъ; главное же наблюденіе за шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквахъ вмѣстѣ съ ктиторами. (*Ефименко*, въ „Кіев. Стар.", 1883, IV, 718). Южнорусскіе шпитали XVII в. были настолько хорошо организованы, что оказали вліяніе на московскія богадѣльни того времени, съ переходомъ многихъ южнорусскихъ ученыхъ на службу въ Москву. Въ 1682 г. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ о построеніи въ Москвѣ двухъ „шпиталенъ", причемъ для обезпеченія ихъ назначались вотчины, бывшіе за архангельскимъ владыкою и за Знаменскимъ монастыремъ. „А въ государствѣ и городахъ, сказано въ уставѣ, гдѣ такіе шпитальни построены, великая отъ того польза, какъ ниже видно, ибо эти шпитальни, *по европскимъ обычаямъ*, будутъ имѣть слѣдующія выгоды: 1) доставлять пристанище бѣднымъ, увѣчнымъ и старымъ, особенно служилымъ военнымъ людямъ, 2) помогутъ отдѣлить истинно нуждающихся отъ гулящихъ бродягъ, 3) чѣмъ положится конецъ воровству отъ бродягъ; 4) есть нищіе съ страшными болѣзнями, что нельзя чреватой женщинѣ ихъ видѣть, не испугавшись, и такихъ больныхъ должно лѣчить. Шпитальни должны находиться подъ управленіемъ добраго дворянина, ради любви служащаго, и подъячаго, завѣдывающаго хозяйственною частью. Средствами шпиталенъ должны послужить сборы по церквамъ" (*Лешковъ*, ib., 602). Несомнѣнно, что указъ внушенъ царю Ѳедору Алексѣевичу южнорусскими учеными, проживавшими въ Москвѣ, можетъ быть, незадолго передъ тѣмъ умершимъ Епифаніемъ Славинецкимъ

Библиотека "Руниверс"

(† 1675 г.) или Симеономъ Полоцкимъ († 1680 г.). Славинецкій интересовался, какъ видно изъ его сочиненій, вопросомъ объ организаціи благотворительности на разумныхъ началахъ.

Съ теченіемъ времени въ Малороссіи пали церковныя братства, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришли въ упадокъ и шпитали. Въ лѣвобережной Малороссіи, въ частности въ харьковской губерніи, кое-гдѣ по селамъ еще удержались шпитали, какъ обломокъ старины, но уже безъ поддержки со стороны церкви. Объ одномъ такомъ шпиталѣ (въ слободѣ Воромлѣ, ахтырскаго уѣзда) я говорилъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1883 г., IX—X, 309.

Естественно возникаетъ мысль, нельзя ли поддержать это филантропическое народное учрежденіе тамъ, гдѣ оно сохранилось до сихъ поръ, и вызвать его къ жизни въ мѣстностяхъ, гдѣ его нѣтъ. Шпиталь тѣмъ и дорогъ, что представляетъ собой въ высшей степени простой, исторически испытанный и испробованный, вполнѣ народный способъ оказанія помощи сельскому бѣдняку, калѣкѣ, немощному и больному,—однимъ словомъ, той удрученной недугами и нищетой части крестьянскаго населенія, которая слоняется подъ окнами съ торбой за плечами, живетъ подаяніемъ и, попавши разъ въ большой городъ, увеличиваетъ населеніе „чертовыхъ гнѣздъ“.

Кто же позаботится о возрожденіи шпиталей? Скорѣе всего за это дѣло должно взяться земство, и на него болѣе всего можно разсчитывать.

Въ числѣ обязанностей, перешедшихъ къ земству отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія, стоитъ и призрѣніе безпомощныхъ безъ различія сословій. На этотъ предметъ земства затрачиваютъ довольно значительныя средства, но тѣмъ не менѣе нужду въ призрѣніи удовлетворяютъ лишь въ самой ничтожной степени. Для расширенія дѣла призрѣнія безпомощныхъ нужна такая организація его, которая привела бы къ значительному удешевленію расходовъ. Подъ вліяніемъ этой необходимости нѣкоторыя земства стремятся къ учрежденію сельскихъ богадѣленъ, въ которыхъ, при невзыскательной сельской обстановкѣ, содержаніе богадѣльцевъ, обходилось-бы дешево. Обращеніе земства къ крестьянскимъ обществамъ по этому предмету имѣло успѣхъ. Сельскія богадѣльни существуютъ уже въ херсонской, полтавской и другихъ губерніяхъ. Казанское уѣздное

Библиотека "Руниверс"

земство на послѣднемъ собраніи постановило открыть двѣ такія сельскія богадѣльни на средства земскаго сбора. Но факты показываютъ, что въ дѣлѣ улучшенія системы призрѣнія среди сельскаго населенія земства могутъ оказать чрезвычайно полезное вліяніе просто одной своей иниціативой. Всѣ напр. обращенія земствъ къ сельскимъ обществамъ, за помощью для устройства сельскихъ богадѣленъ, встрѣчаютъ самое живое сочувствіе населенія. Въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, всѣ сельскія общества, кромѣ нѣмецкихъ колоній, гдѣ общественное призрѣніе уже давно организовано, единодушно отозвались на предложеніе земства устроить богадѣльни для призрѣнія безпомощныхъ крестьянъ и изъявили готовность нести и свою долю постоянныхъ расходовъ, кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ пожертвованій. Въ полтавской г. губ. нѣсколько лѣтъ тому назадъ существовало уже 8 сельскихъ богадѣленъ, содержимыхъ на средства самыхъ обществъ; затѣмъ земство могло бы вызвать въ сельскихъ обществахъ самопомощь въ дѣлѣ призрѣнія безпомощныхъ въ формѣ образованія для этого приходскихъ попечительствъ. Гадячское земство (полтавской губ.), желая, чтобы „заботы по призрѣнію неимущихъ были возложены на приходскія попечительства, ходатайствовало о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ законѣ“. Въ петербургскихъ уѣздахъ, благодаря заботамъ земства, приходскія попечительства обнаруживаютъ полезную дѣятельность. Столичныя газеты сообщаютъ, что по почину земства въ псковскомъ уѣздѣ болѣе чѣмъ въ половинѣ волостей учреждены попечительства для призрѣнія неспособныхъ къ труду, причемъ крестьяне приговорами обложили себя особымъ сборомъ отъ 5 до 10 коп. съ души на устройство небольшихъ сельскихъ богадѣленъ. Псковскому земскому собранію было предложено учредить особое уѣздное попечительство для объединенія дѣла призрѣнія во всемъ уѣздѣ, и предложеніе это было принято собраніемъ. Всѣ эти факты показываютъ, что земство можетъ способствовать организаціи по деревнямъ призрѣнія безпомощныхъ. Несомнѣнно, что многіе поддержатъ доброе дѣло. Прежде всего шпиталь найдетъ поддержку въ сельскомъ крестьянскомъ обществѣ; оно дастъ хату, дрова и т. п. Полицейская власть окажетъ поддержку, если стѣснитъ постороннихъ, захожихъ нищихъ и попрошаекъ, что бы они не конкуррировали въ выпрашиваніи милостыни съ шпи-

Библиотека "Руниверс"

тальными нищими. Окажетъ поддержку и земскій врачъ осмотромъ больныхъ, практически полезнымъ совѣтомъ. Возстановляя шпитали старожитнаго характера, земство будетъ продолжать нить историческихъ учрежденій, освященныхъ многовѣковой давностью и всенароднымъ расположеніемъ.

184.

Шпитальные, какъ сторожа у коворота.

Въ зимнее время шпитальные пользовались поддержкой сельскаго общества относительно помѣщенія, отопленія и прокормленія. Въ лѣтнее время наиболѣе крѣпкіе изъ шпитальныхъ нищихъ оказывали обществу услугу, оберегая примыкавшія къ селу хлѣбныя нивы отъ потравы. Улица въ концѣ села, ведущая въ поле, загораживается поперекъ тыномъ, съ воротами въ серединѣ, а возлѣ этихъ воротъ устраивается куренъ, гдѣ и проводитъ все лѣто шпитальный. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ шпитальныхъ въ харьковской губерніи. Такъ, въ свободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда шпитальные лѣтомъ сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота. Обычай этотъ старинный. Нѣкогда онъ отличался большей сложностью, какъ видно изъ слѣдующаго документа: „мы жители села Талалаевки (полтавской губ.) въ прошломъ 1741 г. мая 17 дня были по обычаю христіанскому на праздникѣ Сошествія св. Духа у литургіи въ храмѣ св. Параскевы. Въ этотъ день, по окончаніи божественнаго пѣнія, вышедши изъ церкви, согласно всѣ приговорили подождать передъ церковію честнаго іерея о. Григорія, пока онъ выйдетъ изъ церкви, чтобы посовѣтываться, кому изъ насъ царину оправить и хлѣбъ въ поляхъ стеречь. У насъ въ с. Талалаевкѣ по давнему обычаю, отъ коихъ поръ церковь существуетъ, такъ бывало, что службу и стражу церковную отбываютъ старцы, живущіе въ церковномъ шпиталѣ. Изъ нихъ же назначается и на стражу къ короботу, и никто не долженъ назначать коворотныхъ сторожей, кромѣ священника. Когда вышелъ изъ церкви честный отецъ Григорій, мы всѣ согласно, по давнему обычаю, сказывали ему съ прось-

Библиотека "Руниверс"

бою, дабы назначенъ былъ въ коворотъ изъ шпитала Матеей, старецъ шпитальный. И призвавши изъ шпиталя вышеозначеннаго старца предъ насъ всѣхъ вообще, о. Григорій подалъ ему свое іерейское благословеніе сидѣть на коворотѣ, а отъ насъ всѣхъ обще учинился ему приказъ, дабы въ коворотѣ былъ осторожнымъ и въ посѣвы мірской скотины не впускалъ бы, и, кто ѣдетъ, отворялъ бы ворота и затворялъ. И онъ, стражникъ вышеозначенный, выслушавши отъ насъ всѣхъ вообще приказъ, положилъ на себѣ крестъ, по обычаю христіанскому, поклонился отцу Григорію, прося у него благословенія, и всей громадѣ" (*Крыжановскій*, въ „Руковод. для сельск. паст." 1864 г., I, 226; дѣло изъ архива кіевск. духов. консист. 1742 г., № 17, л. 1).

Изъ приведеннаго документа не видно, чтобы „коворотные старци" получали вознагражденіе; но таковое могло быть, напримѣръ, въ той формѣ, въ какой проявляется нынѣ въ с. Боромлѣ. Здѣсь даютъ коворотному сторожу по одному снопу съ воза, когда везутъ жито съ поля; но эта плата не обязательна, и люди скупые, особенно при плохомъ урожаѣ, не даютъ снопа.

185.

Полевые кресты, или фигуры.

Во всѣхъ губерніяхъ юго-западнаго края, а отчасти въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ херсонской губ. весьма распространенъ обычай ставить въ поляхъ и на дорогахъ, преимущественно на перекресткахъ, „фигуры" т. е. деревянные кресты. Въ лѣвобережной Малороссіи почти нѣтъ этого обычая. Въ глинскомъ уѣздѣ черниговской губ. за здоровье дѣтей ставятъ на перекресткахъ кресты (*Кавелинъ*, Сочиненія, IV, 211). Въ харьковской губерніи кресты ставятъ лишь надъ колодцами. По народному повѣрью, записанному въ кіевской губ., для того, чтобы хозяйство развивалось, нужно поставить въ полѣ крестъ, выкопать въ селѣ три колодца и дать денегъ въ церковь на три обѣдни (*Rulikowski*, въ Zbiór wiad., III, 103). По окраскѣ креста можно иногда опредѣлить причину, почему онъ поставленъ. Такъ, крестъ, поставленный по

Библиотека "Руниверс"

обѣту, окрашиваютъ въ синюю или зеленую краску. Крестъ, выкрашенный черной или красной краской, показываетъ, что на томъ мѣстѣ совершено убійство или найденъ убитый (*Левченко,* въ Зап. Ю. З. О. Геогр. Общ., II, 144). Въ чигиринскомъ у. кіевской губ. записанъ слѣдующій народный разсказъ: „развѣ напрасно настановлено столько крестовъ въ поляхъ на перекресткахъ. Ѣхать на Каменку — крестъ, отъ Яроваго — крестъ, отъ Райгорода — крестъ, вблизи Выгоды — крестъ, возлѣ Хандусеваго млина — крестъ, возлѣ Лебедивки на курганѣ — крестъ, и всѣ то кресты противъ нечистой силы, „по сей дубъ мыла тоби“, и далѣе нѣтъ ходу. Временемъ, какъ встанешь на курганѣ да посмотришь вдаль и кругомъ, то и тамъ и сямъ ѣдутъ люди возами, и вездѣ у крестовъ молятся, крестятся, бьютъ поклоны. И все таки нечистая сила находитъ случай повредить людямъ. Такъ и въ нашемъ селѣ Копѣйчинѣ — крестовъ кругомъ много, а ночью нельзя выйти за порогъ хаты, чтобы нечистая сила не выкинула какой-нибудь штуки. Лѣтомъ еще туда-сюда: ночи теплыя и короткія, и даже черти въ это время живутъ довольно смирно, побѣгаютъ по степи да и заснутъ гдѣ-нибудь на межахъ подъ грудками земли. Въ долгія зимнія ночи и черти обозляются; привыкши къ адскому огню, безъ шубъ, они страдаютъ отъ холода и всячески прицѣпляются къ людямъ.“ (*Podbereski*, въ Zbiór wiadom., IV, 48). Черти и особенно вѣдьмы собираются у крестовъ и причиняютъ людямъ и самимъ крестамъ вредъ. „Нигдѣ нѣтъ такого страха, какъ у того креста на распутьи дорогъ подъ лѣсомъ, который стоитъ на дорогѣ изъ Кохановки въ Ситняжку; вечеромъ тутъ всегда появится что-нибудь таинственное, то сова пролетитъ, то филинъ крикнетъ, то заяцъ перебѣжитъ дорогу. Волы въ этомъ мѣстѣ начинаютъ ревѣть, рыть землю копытами, наставлять рога противъ невидимаго врага. Если оглянуться назадъ, проѣхавши мимо креста, то сзади котится за возомъ черная копна, будто возъ сѣна. Нечистая сила боится воловъ и даетъ имъ дорогу, а конямъ она по ночамъ проходу не дастъ, загораживая въ видѣ копны имъ дорогу“ (ib. 6). Вѣдьмы издѣваются надъ крестомъ. Онѣ по ночамъ лазятъ на крестъ вверхъ ногами (*Чубинск.*, I, 198) и потомъ висятъ внизъ головой (*Краснокутскій* и др.).

Библиотека "Руниверс"

Послѣдняя подробность, т. е. положеніе вѣдьмъ вверхъ ногами, повторяется въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ другихъ народовъ. Вотяки вѣрятъ,что шайтанъ влѣзаетъ на дерево, становится вверхъ ногами и обращаетъ къ небу голый задъ; тогда молнія бьетъ въ это самое дерево. По повѣрью сибирскихъ крестьянъ, мѣсяцъ портятъ, становясь окарачь и смотря промежъ своихъ ногъ (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 816).

Къ этимъ сказаніямъ примыкаютъ многія другія, въ которыхъ положеніе вверхъ ногами является прямой или символической формой смертной казни. Въ русскихъ сказаніяхъ повѣшеніе вверхъ ногами разсказывается о в. к. Игорѣ; въ монгольскихъ о Сурганѣ, въ Рамаянѣ о царѣ Тричанкѣ. Въ „Прѣніи Господа съ дьяволомъ" дьявола вѣшаютъ стремглавою за пяты (ib., 816).

Украинскія „фигуры" не представляются одинокимъ явленіемъ въ бытовой жизни славянъ и инородцевъ. Въ Великороссіи фигурамъ соотвѣтствовали нерѣдка также кресты, чаще обыденныя церкви и часовни пятницы. Часовнями-пятницами назывались столбы на перекресткахъ съ изображеніемъ св. Параскевы-Пятницы. Памятники эти имѣли также священно-мистическое значеніе. При нихъ происходили разставанія и встрѣчи съ близкими и дорогими людьми; у этихъ пятницъ-часовенъ дѣвушки вымаливали себѣ хорошихъ жениховъ (*Калинскій*, въ Зап. г. общ. по о. эт., 1877, 312).

У поляковъ полевые крыжи имѣютъ большое значеніе: скребутъ и съѣдаютъ кусочки дерева въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, бросаютъ въ рѣку кусочекъ дерева отъ „фигуры", чтобы вызвать дождь (*Federowski*, Lud., II, 283). Подобно малороссамъ, и поляки вѣрятъ, что чаровницы съ цѣлью вызвать засуху взбираются на фигуру и спускаются головой внизъ (*Piątkowska*, въ Wisła, 1889, 766).

У сербовъ праздникъ „сольска слава" въ день святаго, котораго извѣстное село или деревня считаетъ своимъ покровителемъ, называется иногда крсти, отъ креста, вырѣзаннаго на деревѣ, у котораго сельчане собираются, за неимѣніемъ церкви, чествовать своего св. покровителя (*Дриновъ*, Нѣск. словъ объ яз. и об. дебр. слав., 22).

Въ Болгаріи ставятъ на горахъ кресты въ Юрьевъ день, и эти горы, по имени Георгія или другаго святаго, кому онѣ посвя-

Библиотека "Руниверс"

щены, называются св. Гёрги, св. Петка, св. Никола и т. д. Около креста въ честь Георгія священникъ освящаетъ воду и кропитъ народъ (*Каравеловъ*, Памятн., 211).

Въ западныхъ католическихъ странахъ, въ южной и западной Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, по рощамъ, полямъ и въ городахъ очень часто встрѣчаются кресты съ изображеніемъ Спасителя и столбы съ Мадонной.

Къ украинскимъ фигурамъ по формѣ и отчасти значенію близко подходятъ древне-мексиканскіе кресты. Въ символѣ креста американцы обожали оплодотворяющую силу земли и воздуха, дождь. Перуанскіе инки особенно почитали крестъ, изваянный изъ цѣлаго кристалла яшмы. Много каменныхъ крестовъ разсѣяно въ южной и средней Америкѣ. Поклоненіе крестовиднымъ божествамъ дождя у древнихъ мексиканцевъ соединялось съ человѣческими жертвами. Для умилостивленія богини урожая Сентеотли ежегодно пригвождали ко кресту юношу или дѣвицу, которые потомъ умерщвлялись стрѣлами. Въ древнемексиканскихъ іероглифическихъ рукописяхъ находятся изображенія креста съ птицами вверху и съ жертвенными орудіями у подножія. Въ видѣ креста почитался верховный богъ тольтековъ Кветсалькуатль, богъ дождя и здоровья. Онъ именовался древомъ питанія и жизни. Въ главныхъ мѣстахъ поклоненія ему находились особенно чтимые каменные кресты огромнаго размѣра. Въ американскомъ культѣ креста обращаетъ вниманіе грозное, карающее его значеніе. (*М. П. Соловьевъ*, въ Вѣст. Изящ. Иск. 1887, V, 266).

Украинскимъ фигурамъ соотвѣтствуютъ у осетинъ дзуары—мѣста, пользующіяся религіознымъ почитаніемъ и духи-покровители. Иногда дзуаръ есть древняя христіанская церковь или часовня, сдѣлавшаяся съ теченіемъ времени языческимъ капищемъ, иногда горная пещера, роща, дерево, камень и т. п. Есть дзуары, пользующіеся извѣстностью во всей Осетіи; другіе же извѣстны только въ своемъ аулѣ. Наиболѣе извѣстные дзуары—Рекомскій (деревянная полуразрушенная часовня), Тыхоста (большой камень), дзуаръ козла у с. Думты (сарай изъ камней), Гулари-Габони (мѣсто, обложенное камнями) и др. (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, II, 255—262).

У алтайцевъ существуетъ обычай приносить жертвы у „обо“, т. е., у кучъ, сложенныхъ изъ камней (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-

Библиотека "Руниверс"

зап. Монг. IV, 91). Этотъ обычай существуетъ по всему свѣту. На плоскогоріяхъ Перу и Боливіи на горныхъ вершинахъ лежатъ апачеты—кучи камней, мимо которыхъ ни одинъ погонщикъ муловъ не пройдетъ, не прибавивъ къ памятнику новаго камня. Капитанъ Спикъ нашелъ этотъ обычай у источниковъ Нила. Подобныя каменныя пирамиды Адольфъ Бастіанъ видѣлъ въ Бирмѣ и на о. Борнео; братья Шлягинтвейтъ—въ Тибетѣ, Мичи—въ Монголіи, Эберсъ—на Синайскомъ полуостровѣ (*Пешель*, Народовѣдѣніе, I, 23—24). Кучи изъ камней религіознаго значенія встрѣчаются въ Бѣлоруссіи, въ зырянскомъ краѣ, на Уральскомъ хребтѣ у башкиръ (*Потанинъ*, Оч. сѣв.-зап. Монг., 699), у калмыковъ, японцевъ, въ Хоросанѣ вблизи Мешхеда, въ Ирландіи, Великобританіи, Испаніи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 276—280).

Либрехтъ въ превосходной статьѣ „Die geworfene Steine“ (снач. въ Germ. XXII, пот. Zur Volksk. 267—284) многочисленные и разнообразные обычаи обрядоваго бросанія камней и почитанія каменныхъ кучъ подраздѣляетъ на четыре разряда: 1) положеніе камней на могилу—погребальные камни, 2) бросаніе камней вмѣсто жертвоприношенія или устройство изъ нихъ жертвенника — жертвенные камни; 3) бросаніе камней въ знакъ насмѣшки или отвращенія къ злому духу (рѣдко) и 4) бросаніе камней въ знакъ насмѣшки, презрѣнія или осужденія человѣка (рѣдко), напр., греческія каменныя кучи подъ названіемъ „анаѳемы“, что, вѣроятно, произошло отъ обычая побивать человѣка камнями за преступленіе и знаменовало символически смертную казнь. Украинскія фигуры представляются христіанской замѣной языческихъ обрядныхъ камней втораго разряда. Въ религіозно-мистическихъ повѣрьяхъ, связанныхъ съ фигурами, сохраняются, повидимому, черты древнѣйшихъ до-христіанскихъ мѣстныхъ культовъ.

186.

Религіозно-мистическое значеніе каменныхъ бабъ.

Въ Малороссіи и Новороссіи мало сохранилось каменныхъ бабъ. Многія свезены были въ помѣщичьи усадьбы. Нѣсколько каменныхъ

Библиотека "Руниверс"

бабъ поставлено во дворѣ харьковскаго университета. Но кое-гдѣ въ поляхъ еще стоятъ эти загадочныя каменныя фигуры человѣческаго облика, и народъ относится къ нимъ съ мистическимъ страхомъ. Въ одной газетной корреспонденціи изъ харьк. или екатеринославской губ. (ссылка потеряна), между прочимъ, приведенъ былъ любопытный фактъ принесенія къ каменной бабѣ больныхъ дѣтей. Въ галицкомъ Покутьѣ есть двулицая каменная баба, которую одни (Гагендорфъ) считали образомъ Леля и Полеля, другіе (Киркоръ)— Дажбога и Лады. Крестьяне соскабливаютъ части камня и употребляютъ его какъ лѣкарство. Во время засухи кладутъ эту каменную бабу на землю, чтобы пошолъ дождь, а въ чрезмѣрно дождливую погоду ставятъ ее головой вверхъ. Называется эта двойная баба „кумы“, причемъ говорятъ въ объясненіе этого названія, что кумъ и кума, возвращаясь изъ церкви по окрещеніи ребенка, впали въ блудный грѣхъ и за то окаменѣли (*Kolberg*, Pokucie, I, 6, 7). На мѣстѣ б. Запорожья на могилѣ Толстой стояла каменная баба, и народъ приписывалъ ей таинственное вліяніе на окрестныя мѣста. По приказанію мѣстныхъ властей, баба эта была свалена на землю. Въ 1833 и 1834 годахъ была большая засуха, и въ результатѣ того полный неурожай и голодъ. Народъ въ надеждѣ, что каменная баба дастъ ему дожди и урожай, поднялъ ее и поставилъ на старомъ мѣстѣ. Тогда мѣстныя власти приказали отбить у каменной бабы голову (ib. 343). Въ с. Субботовѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Богдану Хмельницкому, находится каменная баба, къ которой, по народному преданію, Хмельницкій привязывалъ поляковъ. Владѣлецъ Субботова хотѣлъ ее выкопать, но она оказалась стоящей такъ глубоко въ землѣ, что работы были прекращены. Крестьяне говорятъ: „Якъ тилко порушили тую бабу, то почавъ народъ мерты, а черезъ тее и покинули ii выкопуваты“ (*Rulikowski*, въ Zbiór wiadom., III, 72).

Въ Сибири монголы и татары также съ уваженіемъ относятся къ каменнымъ бабамъ и приносятъ имъ жертвы. Такъ, въ корреспонденціи изъ минусинскаго округа, напечатанной въ „Сибир. Вѣст.“ 1890 г., между прочимъ, говорится, что въ 35-ти верстахъ отъ ст. Таштыпа, до сихъ поръ сохранился старинный каменный идолъ, изображающій старуху; существуетъ о немъ нѣсколько легендарныхъ пре-

Библиотека "Руниверс"

данiй, но когда, кѣмъ и откуда перенесенъ онъ сюда, достовѣрно неизвѣстно. Среди инородцевъ-татаръ, обитающихъ невдалекѣ отсюда по р. Абакану и и его притокамъ, этотъ идолъ пользуется особымъ почетомъ; ни одинъ татаринъ не проѣдетъ мимо него безъ того, чтобы не остановиться близъ этой „каменной бабушки"; всякій кланяется ей; кто везетъ съ собой что-либо съѣстное потчуетъ старуху; есть вино при себѣ — плещутъ на нее (*Харьк. Вѣд.*, 1890, № 35).

Въ сѣверо-западной Монголіи около города Уланги стоитъ каменная баба, которая, по мнѣнію монголовъ, только простому человѣку кажется простымъ камнемъ, но въ дѣйствительности есть бурхынъ (святой). Надъ нею построена фанза (навѣсъ). Этому камню молятся объ открытіи кражи или потери. (*Потанинъ*, IV, 216). Въ монгольской сказкѣ про Тарханъ-бо жрецу-знахарю (каму) отрубаютъ голову; туловище знахаря пошло въ слѣдъ за головой и въ землѣ Едженъ-хана стало каменной бабой. Тостогошъ (камъ) и теперь стоитъ въ видѣ кюточилс (кам. бабы); иному онъ кажется бурымъ, иному бѣлымъ, иному краснымъ. Около него живетъ большой камъ; хорошій камъ передъ нимъ камлаетъ безвредно; худой умираетъ. Халхасцы приносятъ ему жертвы. Въ мѣстности Шари-Китинъ стоитъ каменная баба, обвѣшанная многими шелковыми лоскутками. По народнымъ повѣрьямъ, прежде этотъ камень лежалъ, теперь поднимается. Цвѣтомъ сталъ коричневый — кровью наливается. У камня спрашиваютъ о способахъ излѣченія (ib. 290—292). Въ мѣстности Коту стоитъ каменная баба, и когда голову ея однажды полили водкой, голова зашевелилась (ib. 293).

Въ основѣ малорусскихъ и монгольскихъ религіозно-мистическихъ представленій о каменныхъ бабахъ лежитъ древнее вѣрованіе въ оборотничество. Строгаго органическаго различія между людьми, животными, растеніями и минералами не полагалось. Существовало твердое убѣжденіе въ возможности взаимнаго смѣшенія и перехода всѣхъ предметовъ въ мірѣ, и это убѣжденіе нашло отголосокъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ многихъ (если не всѣхъ) народовъ. Такъ, у великоруссовъ вѣрованіе это отразилось въ былинахъ о Святогорѣ и въ былинахъ о гибели богатырей, у галицкихъ русскихъ въ сказаніи о каменной бабѣ „кумы" (*Kolberg*, Pokucie, I, 7) и въ сказаніи о превращеніи войска галловъ въ Карпатскія горы, по приказанію Іисуса Христа

Библиотека "Руниверс"

Ulanowska, въ Ateneum, 1888, X, 536), у болгаръ въ пѣснѣ о Маркѣ Королевичѣ (рефератъ проф. *Дринова* на VIII Археол. съѣздѣ) и въ сказкѣ о неосторожной старухѣ (*Миладин.*, Болг. нар. пѣс., 523), въ польскихъ сказкахъ (*Ulanowska*, въ Ateneum, 1888, X, 537—538), въ литовскомъ повѣрьѣ о камнѣ „сапожникъ" (сапожникъ окаменѣлъ за то, что работалъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, (ib. 534), въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ, саксонской о камнѣ Iungferstein, въ который обратилась дѣвушка, не ходившая въ церковь въ воскресеніе, брандебургской о парубкахъ, танцовавшихъ нагими въ Зеленыя Святки, когда въ церкви шла обѣдня и др. (ib., 535, 536, 540). Къ этому же разряду повѣрій и сказаній относится древне-греческое о Ніобеѣ.

187.

Къ вопросу о значеніяхъ и происхожденіи слова „кабыця".

Въ харьковской губ. я слышалъ однажды слово „кабыця" въ приложеніи къ деревяннымъ ножкамъ съ перекладиной на верху, которыя вбиваютъ въ полѣ въ землю для подвѣски котла при варкѣ каши. Въ разговорную рѣчь поляковъ юго-западнаго края вошло, между прочимъ, слово кабыця—kowbica, обозначаетъ ножки для скамеекъ, вкопанныя въ землю (*Чубинскій*, VII, ч. I, 264). Въ словарѣ *Закревскаго* кабыця—подвижной очагъ; во 2 т. Запорожья. *Эварницкаго*—подвижной очагъ на камняхъ. Точнѣе у *Левченка* (въ Зап. ю. з. о. г. общ., II, 141): „особая печь въ сѣняхъ, въ которой готовятъ обѣдъ". Такое же опредѣленіе слова кабыця сдѣлано въ описаніи с. Курисово-Покровскаго (Балай—тожъ), составленномъ статист. комитетомъ херсонской земской управы (стр. 17).

Слово кабыця заиствовано малороссіянами изъ какого-то монгольскаго или тюркскаго нарѣчія (у Миклошича пропущено). Слово это встрѣчается у осетинъ въ значеніи кладовой или небольшой комнаты въ задней части дома. Никто, кромѣ хозяйки, въ прежнее время не имѣлъ права туда входить. Ключи отъ кабыци хранятся хозяйкой (*Вс. Миллеръ*, Осет. этюды, I, 127; *Ковалевскій*, Соврем. обычай, I, 96).

Библиотека "Руниверс"

188.

Женитьба свѣчки.

Въ 196 № прекратившейся кіевской газеты „Заря“ 1884 г. помѣщено было любопытное описаніе „празднованія Семена“ въ Кіевѣ, въ ночь съ 1 на 2 сентября на всѣхъ мѣстныхъ базарахъ. „Для этого заранѣе заготовляютъ елки и увѣшиваютъ ихъ разными фруктами и огородными плодами. Арбузы и дыни занимаютъ первое мѣсто: они прикрѣплены къ вершинѣ ствола елки, затѣмъ къ вѣткамъ и сучкамъ привѣшиваютъ яблоки, груши, сливы и между ними прикрѣпляютъ разноцвѣтныя бумажки. На нѣкоторыхъ базарахъ торговки приготовили еще и чучело изъ тряпокъ и сѣна. Съ наступленіемъ ночи, когда торговля прекратилась, всѣ торговки и торговцы, занимающіеся продажей фруктовъ и огородныхъ овощей, сошлись вмѣстѣ (каждый базаръ самъ по себѣ) и составили семью пирующихъ. Тутъ поставлены были разные напитки и кушанья. Всякій могъ подходить, брать любой арбузъ, дыню, или тѣ или другіе фрукты, и ѣсть столько, сколько хотѣлъ. Вокругъ елки (а также вокругъ чучела) водили хороводы, танцовали и пѣли приличныя случаю пѣсни. Такъ провели всю ночь, и никто почти изъ торговцевъ не ночевалъ дома. Съ наступленіемъ дня пиршество прекратилось и только пустая посуда, да объѣдки отъ угощенія и лежащіе въ разныхъ мѣстахъ хмѣльные торговцы и торговки свидѣтельствовали, что торжество въ честь Семена праздновалось на славу. Во многихъ селахъ празднованіе Семена уже вывелось и осталось только преданіе о немъ“. „Празднованіе Семена“ описано было позднѣе въ 190 № „*Кіевлянина*“ 1889 г. подъ заглавіемъ: „Праздникъ свѣчки, или женитьба свѣчки“: „Вечеромъ 1 сентября на кіевскихъ базарахъ происходитъ странное празднество —*женитьба свѣчки*. На расчищенной площадкѣ въ какомъ нибудь уголкѣ базара, среди столиковъ и ларей стоитъ зеленое деревцо; вѣтви его перевиты яркими лентами и обвѣшаны кругомъ краснобокими яблочками и разными сластями; на вѣтвяхъ горятъ маленькія восковыя свѣчи. У деревца собрались въ кружокъ базарныя торговки. Шкаликъ водки обходитъ круговую, а когда участницы торжества подопьютъ, тянутъ пѣсни, то веселыя, игривыя, то заунывныя, смотря

Библиотека "Руниверс"

по общему настроенію. Подобное же празднество совершается въ этотъ вечеръ и въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ на окраинахъ Кіева: хозяинъ устраиваетъ вечеринку для своихъ рабочихъ, при чемъ также „женятъ свѣчку“. Въ народѣ, кажется, не сохранилось объясненія этого страннаго празднества, нѣтъ спеціальныхъ пѣсенъ, пріуроченныхъ къ торжеству. Въ прежнее время на кіевскихъ базарахъ съ 1 сентября и до весны производилась торговля по вечерамъ съ фонарями, а въ мастерскихъ съ этого дня начиналась вечерняя работа, при свѣчахъ; теперь правило это не соблюдается строго“.

Авторъ замѣтки о „женитьбѣ свѣчки“ въ „Кіевлянинѣ“ предлагаетъ остроумное историческое объясненіе этого обычая: „Четыреста лѣтъ тому назадъ Кіевъ находился подъ властью литовцевъ. Настолько онъ обѣднѣлъ послѣ цѣлаго ряда вражескихъ нашествій, пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій, что превращенъ былъ, по волѣ великаго князя литовскаго Казиміра IV, въ заурядный провинціальный городокъ, управляемый воеводою. Литовскіе воеводы были полными хозяевами Кіева и почти безконтрольно распоряжались судьбой его обывателей. Одинъ изъ такихъ воеводъ, заботясь о безопасности Кіева въ пожарномъ отношеніи, издалъ обязательное постановленіе, чтобы жители не смѣли по вечерамъ зажигать въ домахъ огонь. Этой радикальной противопожарной мѣрой достигался и другой результатъ, весьма пріятный для воеводы. Слуги его по вечерамъ обходили всѣ улицы города и, замѣтивъ въ какомъ-нибудь домѣ огонь, докладывали объ этомъ воеводѣ, а тотъ бралъ въ свою пользу съ виновнаго штрафъ, весьма крупный по тогдашнему времени: въ размѣрѣ 12 копъ, т. е. 730 грошей литовскихъ. Нѣсколько лѣтъ сидѣли кіевскіе обыватели въ потемкахъ, а наконецъ надоумились написать великому князю литовскому жалобу на воеводу, исчисляя всѣ тяжелыя повинности, которыя они несутъ по его волѣ; прописали также и про запрещеніе зажигать въ жилыхъ огонь по вечерамъ. Великій князь Александръ Казиміровичъ твердо помнилъ старинное изреченіе относительно Кіева:

„Nomen habet magnum spatiosa Kiowia quondam,
„Cuncta brevi imposito, tu, milite prospice forti“.

Библиотека "Руниверс"

(„Обширный нѣкогда Кіевъ имѣетъ славное имя. Хотя въ послѣднее время все придавилъ храбрый солдатъ, но все таки остерегайся“.)

Онъ прислалъ въ 1494 г. кіевлянамъ грамоту, которой уволилъ кіевскую мѣщанскую общину отъ многихъ повинностей и запретилъ воеводѣ брать штрафъ съ жителей за вечерній огонь въ домахъ. Но запрещеніе это, какъ видно, оставалось мертвой буквой для кіевскихъ воеводъ, и разорительный для кіевлянъ налогъ на „каганецъ“ или свѣчку взимался съ нихъ еще 12 лѣтъ. Наконецъ, въ 1506 г. польскій король Сигизмундъ I рѣшительно отмѣнилъ этотъ налогъ и далъ кіевлянамъ такую привилегію: „купцы и ремесленники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завѣды держяти, коли хотячи; але въ корчомныхъ домѣхъ, лѣтѣ, коли вжо ночи малыи буваютъ, не надобѣ никому съ огнемъ пити“. Легко себѣ представить, какъ обрадовались кіевскіе купцы и ремесленники, получивъ такую важную привилегію. Въ первый же день перваго осенняго мѣсяца зажгли они въ своихъ домахъ „каганци“, лучины и свѣчи, не боясь воеводиныхъ штрафовъ, а къ нимъ на такое торжество сошлись посидѣть, поболтать и выпить при огнѣ и всѣ сосѣди, не принадлежавшіе къ числу торговцевъ или ремесленниковъ и потому лишенные права зажигать у себя по вечерамъ „свѣтло“.

Какъ бы ни подкупало читателя это историческое объясненіе въ свою пользу точными хронологическими цифрами и собственными именами историческихъ дѣятелей, оно не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что обычай „женить свѣчку“ подъ другими лишь названіями встрѣчается не въ одномъ Кіевѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, также въ Великороссіи и даже въ западноевропейскихъ странахъ, притомъ не только въ пріуроченіи ко дню Симеона Столпника 1 сентября, но въ приложеніи къ другимъ годовымъ и семейнымъ праздникамъ, напр., къ купальскимъ играмъ и къ свадьбѣ.

Въ 10 верстахъ отъ г. Лубенъ у священной криницы бываетъ лѣтомъ ярмарка, которая оканчивается гуляньемъ, напоминающимъ праздникъ свѣчки. По описанію этого гулянья въ 1874 г., „большинство посѣтителей ярмарки разсѣялось по склонамъ горъ, окружающихъ балку. Вершины горъ покрыты лѣсомъ, который рѣдѣетъ

Библиотека "Руниверс"

постепенно, такъ что подошвы горъ, какъ и балка, обнажены отъ деревьевъ. Народъ располагался по горамъ группами, отъ 5 до 20 человѣкъ, мужчины отдѣльно отъ женщинъ, каждая группа преимущественно подъ деревомъ. Вотъ на одномъ деревѣ звѣздочкой мелькнулъ огонекъ, затѣмъ на другомъ, десятомъ, сотомъ, и вскорѣ всѣ горы заискрились тысячами такихъ звѣздочекъ; въ балкѣ, гдѣ расположилась ярмарка, и тамъ тысячи такихъ же звѣздочекъ: народъ зажигалъ копѣечныя восковыя свѣчи на деревьяхъ, на вбитыхъ въ землю шестахъ, на кустарникахъ, на возахъ, на рогахъ воловъ. Въ этотъ вечеръ у криницы продаютъ рублей на 300 свѣчей, кромѣ тѣхъ, которыя приносятся изъ дому... Затѣмъ начинается пѣніе. Каждая группа поетъ независимо отъ остальныхъ... Каждый силится пѣть во всю грудь. Впечатлѣніе отъ этого пѣнія совершенно своеобразное; въ немъ нѣтъ гармоніи; но нельзя уловить и дисгармоніи, которая непріятно поражала бы слухъ. Эта масса звуковъ въ закрытомъ горами пространствѣ сливается съ эхомъ и является чѣмъ-то стихійнымъ, какимъ-то чуднымъ хаосомъ звуковъ, который положительно подавляетъ слушателя... По временамъ изъ балки вдругъ поднимался звонъ отъ множества косъ, по которымъ ударяли крестьяне, сидѣвшіе у возовъ. Пѣніе продолжалось часовъ до 11, пока не истощился запасъ свѣчей... Оно смолкало постепенно, и послѣ полуночи уже никто не пѣлъ. Народъ улегся спать“ (*Лончевскій*, въ Зап. ю. з. о. геогр. об., II, 133).

Обыкновеніе „женить свѣчку“ встрѣчается среди ремесленниковъ Харькова. Здѣсь обычай этотъ называется „засидки“. Въ немъ нѣтъ весьма крупнаго элемента—дерева, но свѣчка и здѣсь имѣетъ такое же важное значеніе, какъ у кіевскихъ ремесленниковъ: ее украшаютъ лентами. Засидки бываютъ 1 сентября. Поработавъ полчаса или часъ, затѣмъ устраиваютъ пиршество, поютъ пѣсни.

Въ купальскихъ обрядахъ также открывается „праздникъ свѣчки“. Въ с. Ставищахъ вблизи Бѣлой Церкви, кіев. губ., хлопцы на Ивана Купала (23 іюня) вырубаютъ деревцо изъ вишни, сосны или вербы и вкапываютъ его на видномъ мѣстѣ на пригоркѣ. Деревцо это называется „купайло“. Дѣвушки украшаютъ его большими и малыми вѣнками изъ разныхъ цвѣтовъ, большею частію изъ барвинка и руты. Иногда деревцо украшаютъ еще восковыми свѣч-

Библиотека "Руниверс"

ками, заранѣе приготовляемыми для этой цѣли дѣвушками. Обыкновенно ограничиваются однимъ „купайломъ“; иногда бываетъ нѣсколько такихъ украшенныхъ деревцовъ. Возлѣ „купайла“ разводятъ огонь и прыгаютъ чрезъ него. Въ концѣ игры дерево ломаютъ и уничтожаютъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ бѣлоцерковск. у. кіевск. губ. „купайло“ не вкапываютъ въ землю, а держатъ въ рукахъ двое дѣтей; когда они устанутъ, то парубокъ держитъ его, сидя на землѣ. Въ концѣ игры парубокъ, имѣющій въ рукахъ купайло, бѣжитъ; за нимъ гонится толпа играющихъ, нагоняетъ, разрываетъ купайло на части, которыя потомъ несутъ домой. Вѣнки, бывшіе на купайлѣ, иногда сохраняютъ и надѣваютъ для излѣченія головной боли. Вѣтки съ купайла разбрасываютъ по огороду, чтобы росла капуста, огурцы и пр. овощь. Дѣвушки бросаютъ вѣтки съ купайла въ воду, которой моютъ голову, чтобы волоса хорошо росли. Въ с. Глушкахъ того же у. украшенное деревцо бросаютъ въ воду, и за нимъ плывутъ дѣвушки, украшенныя вѣнками. Въ с. Трушкахъ того же у. къ каждому вѣнку, бросаемому въ воду, прикрѣпляютъ горящую восковую свѣчку собственнаго домашняго изготовленія. Въ с. Баканахъ дерево „купайлица“ украшается множествомъ свѣчей изъ воска обязательно домашняго приготовленія. Въ с. Коржовцѣ „купайло“ украшаютъ смоляными свѣчами (*Mozgyńska* въ Zbiór wiadom., 1881, V, 24—44).

Чествованіе дерева съ зажиганіемъ на немъ свѣчей довольно обычно на украинскихъ свадьбахъ. Уже въ старинномъ описаніи украинской свадьбы Калиновскаго (1777 г.) находятся указанія на такой обычай. Въ субботу на дѣвичникѣ одна изъ дружекъ невѣсты свѣтилка, сидя въ большомъ углу, держала козацкую саблю, увитую калиновыми вѣтвями и ягодами, съ зажженной восковой свѣчкой тройчаткой. Кромѣ того, въ коровай втыкали большую еловую вѣтку (*Калиновскій*, изд. 1889, 2,5). Вильце въ современной украинской свадьбѣ весьма распространено. Для вильца берется вѣтка съ сосны, яблони, груши, вишни или черемухи. Ее украшаютъ цвѣтами, лентами, цвѣтными нитками и зажженными восковыми свѣчами. Между вѣтвями вильца иногда кладутъ горсть ржи. Вильце встрѣчается въ Малороссіи почти повсемѣстно (*Nowos.*, I, 190; *Чуб.* IV 99). Вильце во многихъ мѣстахъ М. Россіи и Га-

Библиотека "Руниверс"

лиціи называется „ризкой“ (*Основа*, 1862, IV, 26; *Szablewska* въ VII т. Zbiór wiadom. 122). Въ с. Юрковщинѣ на Волыни женихъ и сваты съ вильцемъ ходили звать на свадьбу родныхъ невѣсты (*Rokossowska*, въ VII т., Zbior wiadom. 165). Въ Галиціи въ с. Цетули невѣста на украшенную цвѣтами „ризгу“ (изъ сосны) вѣшаетъ въ подарокъ жениху сорочку и хустку, и затѣмъ 9, 11 или 13 хлопцевъ несутъ ризгу къ жениху (*Tomaszewska*, въ Zbior wiadom. X, 63). Въ бѣлоцерковскомъ у. кіев. губ. дѣвушки поютъ, когда вьютъ вильце:

Якъ мы Иванови вильце звылы,
То синее море [1]) вырубали,
Червону калиноньку выломали,
Хрещатый барвинокъ выщыпали (*Moszynska*, въ Zbior Wiadom., II, 190).

Итакъ, „женитьба свѣчки“ представляется весьма сложнымъ и весьма распространеннымъ обрядомъ, связаннымъ съ годовыми и семейными праздниками. Значеніе этого обряда еще болѣе расширится, если мы выйдемъ за предѣлы Малороссіи и отмѣтимъ его существованіе въ Великороссіи, у поляковъ, чеховъ, болгаръ, нѣмцевъ, осетинъ. Эта далекая экскурсія показываетъ, что въ „женитьбѣ свѣчки“ мы имѣемъ не только кіевскій народный обрядъ, не исключительно малорусскій, даже не исключительно славянскій, а, можетъ быть, обще-арійскій, глубоко древній по происхожденію. Малорусскіе варіанты обрядоваго чествованія дерева съ возженіемъ свѣчей представляются многочисленными, разнообразными, съ сложной внѣшней обстановкой, съ своеобразной мѣстной народной окраской.

Въ Великороссіи чествованіе дерева, въ частности свадебное вильце, встрѣчается подъ разными названіями. Въ моложскомъ у. яросл. губ., когда дѣвушки идутъ къ невѣстѣ на дѣвичникъ, одна изъ нихъ несетъ впереди елку, украшенную цвѣтами и лентами; елка эта называется „дѣвьей красотой“. Вошедши въ комнату, ее ставятъ въ горшокъ и наверху прикрѣпляютъ зажженную свѣчку (*Этн. Сб.* I, 146; *Москвит.* 1842, IV, 454). Вички, которыми въ пермской губ. украшаютъ баню, когда въ ней моется невѣста,

[1]) Сосновый боръ большой и густой, какъ море. Объяс. г-жи Мошинской.

Библиотека "Руниверс"

по названію, формѣ и времени обрядоваго употребленія напоминаютъ малорусское вильце (*Перм. Сборн.* I, 41). Въ подмосковныхъ деревняхъ вѣтку ели украшаютъ разноцвѣтной бумагой и выставляютъ ее послѣ свадьбы на фасадѣ избы подъ крышей (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., I, 39).

Малорусскому деревцу „купайлѣ“ отчасти соотвѣтствуетъ великорусская рябиновая вѣтка „кукушка“, украшенная лентами и цвѣтами, которую дѣвушки послѣ обѣдни въ день Вознесенія несутъ въ лѣсъ, обращаются къ ней съ словами, какъ къ кукушкѣ, цѣлуются одна съ другой (*Этн. Сб.*, V, 103).

Малорусскому „вильцу“ и великорусской „дѣвьей красотѣ“ соотвѣтствуютъ болгарская ила, сербская масличная вѣтвь, чешскій „stromek rajski“, польское (кулвское)—jabłonkę—украшенныя вѣтки или деревца, вокругъ которыхъ на свадьбахъ пляшутъ (*Šimlork*, Staroč. obyč. I, 477, II, 106; *Erben*, Prost. cěs., pis. IV, 316; *Боевъ*, въ Сбор. матер. I, 39; *Вукъ Караджичъ*, Срп. нар. пјѐс. I, 10; *Kolberg*, Lud, III, 356).

Славянскимъ обряднымъ деревцамъ, въ особенности „купайлу“ и „кукушкѣ“, соотвѣтствуетъ майское деревцо въ Германіи и Италіи, на которое кладутъ вѣнки и вокругъ котораго молодежь танцуетъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 377; *Rochholz*, Wilh. Tell, 40 и др.).

Отмѣтимъ здѣсь сицилійское вильце, называемое „zuccuruni“. Это украшенная вѣтка, которую отецъ невѣсты несетъ на базаръ, какъ знакъ предстоящей свадьбы, и передаетъ ее жениху. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи женихъ рано утромъ ставитъ передъ дверями дома, гдѣ живетъ невѣста, фиговую вѣтку, украшенную цвѣтами и лентами (*Marrenè*, Wisła, 1889, 804).

Любопытно, что чествованіе деревца, иногда съ возженіемъ свѣчей, на свадьбахъ и годовыхъ праздникахъ встрѣчается въ глухихъ мѣстахъ Кавказа, въ Аравіи, въ Монголіи, у народовъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ культурныхъ европейскихъ вліяній. Въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій обычай кавказскихъ горскихъ евреевъ: Молодые люди и дѣвушки въ день открытія весны идутъ въ лѣсъ искать „шамъ-агажи“ (дерева-свѣчи или елку) и затѣмъ ночью изъ нѣсколькихъ штукъ этихъ молодыхъ

Библиотека "Руниверс"

деревъ разводятъ костеръ и прыгаютъ черезъ огонь, распѣвая слѣдующую пѣсню:

„Дерево-свѣчи, дерево пѣвчихъ птичекъ,
Эта ночь-весны ночь.
Да будутъ на высотѣ евреи,
Да умрутъ враги ихъ!“ (*Анисимовъ*, въ Сборн. матер. по этн. III, 220).

Отдаленнымъ варіантомъ вильца представляется зеленая вѣтвь, которую у бедуиновъ Синая сватъ втыкаетъ въ свой тюрбанъ въ знакъ удачнаго сватовства, при чемъ вѣтвь эту онъ получаетъ отъ отца невѣсты, въ случаѣ его согласія на бракъ дочери (*Klemm*, Allgem. Kulturg. IV, 148).

У бурятъ во время свадьбы втыкаютъ во дворѣ березовое дерево, которое означаетъ, что потомки новой четы должны разрастись, какъ вѣтви дерева; на дерево навѣшиваютъ шубу съ кофтой и ставятъ къ нему онгоны (идолы изъ тряпокъ и кистей). Во время общественныхъ моленій монголы разстилаютъ войлоки (передъ каждымъ семействомъ) и передъ каждымъ войлокомъ втыкаютъ въ землю по березовому прутику — „тургы“, а впереди прутика стоитъ посуда съ припасами. На правой сторонѣ жертвенника втыкается въ землю залма, т. е. срубленное березовое деревцо, вершина котораго должна быть выше жертвенника. Одинъ изъ монгольскихъ онгоновъ (идоловъ) состоитъ изъ березоваго сучка съ тремя отраслями, что изображаетъ священное дерево. Въ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается міровое дерево, Оронъ-Ганцханъ-Модонъ: подъ его тѣнью могутъ укрыться двѣ тысячи людей; шишки на немъ съ юрту; изъ одного листа выходитъ шесть покрышекъ на юрту (*Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг., IV, 31, 81, 101, 181).

У остяковъ и самоѣдовъ на Оби также существуетъ обычай увѣшивать деревья тряпочками въ даръ духамъ мѣстности, т. наз. лозамъ. У каждаго овражка, на каждой горѣ и на берегу всякой рѣчки есть свой завѣтный кустъ или дерево, гдѣ инородцы приносятъ свои дары или козъ лозамъ. Эти деревья увѣшаны ленточками, тесемочками, тряпочками, ремешками и даже нитками (ib. 702).

Многія свадебныя пѣсни и веснянки съ чудеснымъ деревомъ находятъ достаточное объясненіе въ приведенныхъ выше обрядовыхъ

Библиотека "Руниверс"

чествованіяхъ деревца, напр., свадебная болгарская: „Выросла яблоня на дворѣ у Ганки; кто ни пройдетъ, яблоко сорветъ и пр“. (*Боевъ*, 27).

Въ какомъ отношеніи ко всѣмъ этимъ деревьямъ стоитъ чудесное дерево колядокъ и щедровокъ—трудно рѣшить. Колядочный мотивъ о чудесномъ деревѣ съ тремя корыстями (выгодами) отъ него подробно разобранъ во 2 т. „Объяс. малор. и сред. пѣсенъ“ А. А. Потебни (211—246). Повидимому, въ колядочныхъ деревьяхъ слились разнообразныя вліянія, древнѣйшія религіозно-миѳическія, позднія религіозно-апокрифическія и легендарныя, а нѣкоторые мотивы могутъ быть отнесены къ той весьма обширной категоріи обрядныхъ деревьевъ, которая у насъ идетъ подъ общимъ заглавіемъ „женитьба свѣчки“ и подлежитъ, какъ мы думаемъ, особому толкованію.

Сказанія о чудесномъ деревѣ и чествованіе дерева съ возженіемъ свѣчей подвергались различнымъ объясненіямъ, именно: 1) историческому, 2) апокрифическому и легендарному и 3) миѳологическому. По моему мнѣнію, большинство фактовъ этого рода поддается объясненію религіозно-обрядовому, которое т. о. будетъ четвертымъ по счету объясненіемъ данныхъ повѣрій и обрядовъ, точнѣе сказать третьимъ, такъ какъ первое объясненіе, историческое, высказанное въ нынѣшнемъ году въ „Кіевлянинѣ“, можетъ быть признано вполнѣ несостоятельнымъ.

Представителями апокрифической и легендарной теоріи являются на западѣ—Кассель, у насъ акад. А. Н. Веселовскій и В. Н. Мочульскій; наиболѣе крупныя и цѣнныя доказательства предложены г. Веселовскимъ. Кассель говоритъ, что обрядное дерево происходитъ изъ общей христіанской идеи, и въ частности обрядная рождественская елка изъ мѣстнаго нѣмецкаго искусства; послѣднее мнѣніе высказано бездоказательно, и основательность его подлежитъ сомнѣнію. Обрядное дерево, именно дерево рождественское, по мнѣнію Касселя, символизируетъ древо рая. Народъ усвоилъ это дерево изъ иконописныхъ и литературныхъ источниковъ, въ особенности изъ мистерій о райской жизни (Paradiesspiele). Въ средніе вѣка существовали различныя мнѣнія о ботаническомъ родѣ древа познанія добра и зла; его считали апельсиновымъ деревомъ, виноградной лозой, чаще всего яблo-

Библиотека "Руниверс"

ней или смоковницей. Во Франціи и въ Германіи укоренилось въ народѣ мнѣніе, что это была яблоня, и что змѣй искуситель поднесъ Евѣ яблоко. Въ греко-восточной церкви утвердилось мнѣніе, что это была смоковница, и потому растеніе это изображалось на картинахъ рая. Мнѣніе это раздѣляли нѣкоторые западно-европейскіе ученые, напр., Абеляръ. Въ Германіи ель стала знаменовать рай, древо познанія добра и зла, далѣе древо жизни (какъ вѣчно зеленое), и любовь, причемъ стали украшать ель яблоками и свѣчами (*P. Cassel,* Aus Liter. u. Symbolik, 310—315).

А. Н. Веселовскій обратилъ вниманіе на то, что въ средневѣковой романтикѣ весьма любимъ образъ искусно сдѣланнаго дерева съ поющими на его вѣткахъ механическими птицами. Онъ встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ Вольфдитриха и въ Розенгартенѣ. Г. Веселовскій полагаетъ, что въ основѣ этихъ описаній лежатъ дѣйствительные успѣхи средневѣковой механики, находящіе подтвержденіе въ историческихъ памятникахъ. Въ русскихъ рукописяхъ сохранилось сказаніе о золотомъ древѣ Византіи съ птицами, поющими на разные голоса, пріуроченное къ царю Михаилу. Далѣе г. Веселовскій указываетъ, что христіанское міросозерцаніе усвоило себѣ образъ дерева для обозначенія міра, связавъ съ этимъ образомъ легенды о крестномъ древѣ. Символическое дерево-крестъ находится въ романахъ круглаго стола, въ физіологахъ, въ духовныхъ стихахъ и произведеніяхъ искусства. Собирая внѣшнія черты апокрифическо-легендарнаго древа, г. Веселовскій обрисовываетъ его так. обр.: міровое дерево высится до неба; корень спускается въ адъ; кругомъ ствола обвился змѣй; на вершинѣ символическая птица, непріязненная тому змѣю; на вѣтвяхъ—птицы, четвероногія, питающіяся отъ его плодовъ; съ боку—рана откуда сочится влага; у подошвы—райскій источникъ, источникъ юности (*Веселов.*, Разыск. въ обл. дух. ст. IV, 47 и сл.; XI дополн. 351—360).

Г. Мочульскій вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. Веселовскаго и пользуется его доказательствами, прибавляя съ своей стороны нѣсколько выписокъ изъ разныхъ списковъ „Бесѣды трехъ святителей“, въ которыхъ вселенная представлена въ видѣ дерева, люди—въ видѣ листьевъ, смерть—въ видѣ голубя, земля—въ видѣ лохани (*Мочульскій,* о Голуб. книгѣ, 223—228).

Библиотека "Руниверс"

Легендарно-апокрифическое толкованіе простирается лишь на чудесное дерево колядокъ и почти совсѣмъ не захватываетъ другихъ проявленій обряднаго древа. Такъ, его трудно примѣнить къ свадебному вильцу и къ женитьбѣ свѣчки.

Болѣе обширное примѣненіе имѣетъ религіозно-миѳическое толкованіе древа жизни, въ нѣмецкой наукѣ развитое Куномъ, въ русской—Аѳанасьевымъ и г. Потебней. Аѳанасьевъ, пользуясь соображеніями Куна, говоритъ, „что дождевыя тучи, потемняющія небесный сводъ широко-раскинутою и многовѣтвистою сѣнію, въ глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ, дереву, вѣтви котораго обращены внизъ къ землѣ, а корни простираются до самаго высокаго неба". Далѣе слѣдуютъ указанія на вѣчно неувядаемое дерево индійскихъ преданій, подъ которымъ пребываютъ души блаженныхъ, небесное древо жизни зендской миѳологіи, отъ котораго произошли на землѣ всѣ растенія, съ орломъ на вершинѣ, скандинавскій Издразиль и пр. (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр слав. на пр. II, 277 и сл.).

А. А. Потебня, ознакомившись съ легендарно-апокрифическимъ толкованіемъ чуднаго древа сказаній, повѣрій и обрядовъ, не находитъ возможнымъ отказаться въ пользу этого толкованія отъ старой миѳологической теоріи. Предполагая, что запѣвы съ „мысленнаго древа" были обычны въ пѣсняхъ XII в., г. Потебня сомнѣвается, чтобы можно было ихъ вывести изъ однихъ книжныхъ, христіанскихъ, апокрифическихъ источниковъ, хотя вообще признаетъ несомнѣннымъ вліяніе этихъ источниковъ на народную словесность. Г. Потебня думаетъ, что библейскія сказанія о древѣ жизни и древѣ познанія добра и зла и апокрифы о райскомъ и крестномъ древѣ застали уже на славянской почвѣ другія сходныя сказанія, частью туземныя, частью заимствованныя изъ другихъ источниковъ. Какъ „мысленному дереву" приписывались къ извѣстной мѣрѣ свойства дѣйствительнаго, такъ, наоборотъ, священныя деревья съ вытекающими изъ подъ нихъ источниками, стоявшія у языческихъ храмовъ, какъ въ Упсалѣ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, у поморянъ по свидѣтельству жизнеописанія Оттона Бамбергскаго и пр. могли быть не только первообразами міроваго дерева, какъ думаетъ Мангардтъ, но и его изображеніями и земными воплощеніями (*Потебня*,

Библиотека "Руниверс"

Объяс. малор. и срод. пѣс. II, 223, 227). Въ этомъ объясненіи миѳологическое толкованіе чудеснаго дерева, очевидно, получило надлежащія ограниченія.

Если легендарно-апокрифическое толкованіе чудеснаго дерева представляется узкимъ, не охватывающимъ многихъ повѣрій и обрядовъ съ деревомъ, то толкованіе религіозно-миѳическое можно признать слишкомъ широкимъ и растяжимымъ. Для обряднаго деревца, въ частности для объясненія „женитьбы свѣчки", оба эти толкованія предстевляются намъ неподходящими.

Признавая вліянія легендарно-апокрифическія, я не считаю ихъ существенно важными, такъ какъ, полагаю, что дѣйствовали они въ позднее время, и явленія народной словесности, порожденныя ими, малочисленны. Весьма возможно, что нѣкоторыя, весьма немногія явленія поэзіи и обряда обусловлены древнѣйшей языческой миѳологіей; но я сильно сомнѣваюся въ философскомъ достоинствѣ миѳологіи русскихъ славянъ. Другое дѣло—индусы, иранцы, греки. Они издревле жили на благословенной почвѣ юга, въ глубокой древности воспользовались искусствомъ и письменами, выработали сложныя формы общественной жизни и поднялись на высокую ступень философскаго мышленія. Наши предки тысячу лѣтъ назадъ еще „живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски, живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто". Сомнительно, чтобы они додумались до міроваго дерева, до древа жизни, чтобы имѣли на этотъ счетъ какія либо сложныя и разработанныя миѳическія представленія. Наши предки жили въ лѣсу и молились въ лѣсу, причемъ деревья составляли постоянную внѣшнюю обстановку моленій и жертвоприношеній. Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскіе совершали жертвоприношенія въ лѣсахъ (*Макушевъ*, Сказ. иностр., 26). Въ уставѣ св. Владиміра воспрещается молиться въ рощеніи. Кириллъ Туровскій радовался, что съ принятіемъ христіанства „уже бо не нарекутся богомъ древеса". Въ житіи кн. Константина Муромскаго говорится о поклоненіи „дуплинамъ древянымъ", которыя обвѣшивали полотенцами (*Срезневскій*, въ Финск. Вѣст. 1847). Въ „Духовномъ регламентѣ" воспрещается „предъ дубомъ молебны пѣть" (*Снегиревъ*, Рус. простонар. празд. IV, Доп. 189). Въ

Библиотека "Руниверс"

Россіи и въ Сербіи было нѣкогда обыкновеніе вѣнчать молодыхъ людей обведеніемъ вокругъ ели или дуба.

Какъ совершалось моленіе подъ деревомъ и въ чемъ собственно состояла первоначально „женитьба свѣчки“ и свадебное „вильце“, можно видѣть на позднѣйшихъ русскихъ и инородныхъ пріемахъ чествованія дерева.

Въ 1783 г. свящ. Никита Яковлевъ донесъ псковской духовной консисторіи, что въ зачеренскомъ погостѣ въ церковной оградѣ, близъ храма, за часовнею лежитъ большая упавшая сосна, которой народъ воздаетъ чрезвычайно отмѣнное почитаніе. Многіе сходятся къ ней на Ильинскую пятницу и приносятъ шерсть, сыръ, мясо и свѣчи; послѣднія прикрѣпляютъ къ соснѣ и зажигаютъ; восковыя капли и гнилушки уносятъ домой, какъ цѣлебныя. Дерево это было уничтожено военной командой (*Пск. Губ. Вѣд.* 1864, № 24).

Не далѣе 1876 г. въ Осетіи въ с. Камунтѣ въ семьѣ Атаевыхъ хранился и пользовался поклоненіемъ сосновый отрубокъ пуда 2 вѣсомъ, считавшійся фамильнымъ дзуаромъ (домовымъ), дававшимъ богатство. Въ 1876 г., по совѣту мѣстнаго благочиннаго, отрубокъ этотъ былъ сожженъ. О происхожденіи этого отрубка существовало такое преданіе: Одинъ изъ предковъ Атаевыхъ пошелъ однажды въ дальній лѣсъ нарубить дровъ. Когда онъ замахнулся на одно дерево, вдругъ раздался голосъ: „не руби!“ Онъ началъ рубить другое дерево, и голосъ повторился. Тогда онъ ударилъ по третьему дереву; изъ него потекла кровь и молоко. Атаевъ заключилъ, что въ деревѣ поселился дзуаръ богатства, отрубилъ кусокъ и принесъ его къ себѣ домой. Дзуаръ былъ прикрѣпленъ въ конюшнѣ къ яслямъ, и Атаевы стали ежегодно приносить ему въ жертву ягненка, пиво и аракъ. Съ тѣхъ поръ семья Атаевыхъ стала богатѣть, и свое благосостояніе они приписывали священному отрубку (*Русск. Мысль*, 1881, IX, 75).

Въ религіозныхъ обрядахъ сарапульскихъ вотяковъ обнаруживаются такія подробности, которыя также до нѣкоторой степени могутъ уяснить древнѣйшую обстановку славяно-русскаго богослуженія въ лѣсу, обломками котораго позднѣе являются женитьба свѣчки, вильце и сходныя съ нимъ обрядовыя чествованія деревца съ возженіемъ свѣчей. „Мнѣ пришлось, говоритъ г. Богаевскій, присутство-

Библиотека "Руниверс"

вать на двухъ моленіяхъ (вотяковъ) въ лѣсу... Оба моленія были случайныя, назначенныя для умилостивленія боговъ, насылавшихъ неурожаи. Въ одномъ изъ нихъ принимала участіе цѣлая деревня Миндеры... Дорогою то и дѣло попадались намъ вотяки и вотячки въ праздничныхъ платьяхъ... Въ рукахъ у всѣхъ были пестери (мѣшки), наполненные приношеніями. Веселый смѣхъ раздавался повсюду... Моленіе продолжалось уже пять дней; за это время они успѣли принести въ жертву жеребенка, гуся, барана... У опушки лѣса на довольно большой лужайкѣ раздавался неумолкаемый гулъ... У самаго лѣса замѣтно было приготовленіе къ моленію. Противъ елки изъ сучьевъ былъ устроенъ столъ, покрытый вѣтвями, вокругъ котораго съ трехъ сторонъ сидѣли старики. Нѣсколько въ сторонѣ позади этого стола было мѣсто для старухъ. Около самой елки былъ приготовленъ небольшой столикъ, на которомъ стоялъ буракъ съ медомъ и лежалъ коровай хлѣба. Около хлѣба была положена маленькая дощечка съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей, и небольшая еловая вѣтка въ формѣ рогатки съ затянутымъ клеемъ концомъ. Къ самому дереву было прибито полотенце. Справа отъ елки прямо на землѣ лежали приношенія... Налѣво отъ елки были поставлены котлы, въ которыхъ варилось мясо принесеннаго въ жертву животнаго". Опускаемъ слѣдующее затѣмъ подробное описаніе жертвоприношенія овцы, послѣ котораго впереди всѣхъ, лицемъ къ елкѣ стали два васяся въ шапкахъ, за ними народъ безъ шапокъ, и началась общая молитва и затѣмъ общее ѣденіе сваренаго мяса. (*Богаевскій,* въ III т. Сборн. матер. по этнограф., 20—24). Особенно торжественное моленіе Луду или Керемету у вотяковъ бываетъ вскорѣ послѣ Петрова дня. Женщинъ на это моленіе не допускаютъ. Мужчины предварительно омываются въ банѣ и одѣваются въ лучшія одежды. Замѣчательно въ этомъ моленіи то, что мѣстомъ дѣйствія всегда бываетъ священная роща, и передъ елкой зажигаются свѣчи (ib. 25). Каждый большой праздникъ вотякъ молится въ шалашѣ, находящемся при его домѣ и служащемъ семейнымъ святилищемъ. Святилище это посвящено покровителю семьи, своего рода домовому Мудору. Моленіе въ шалашѣ совершаетъ старшій членъ семьи. Стѣны, столъ и полки въ шалашѣ украшаютъ зелеными прутьями (ib. 26).

Библиотека "Руниверс"

Мы сдѣлали подробное извлеченіе изъ описанія г. Богаевскаго вотяцкихъ моленій, чтобы подчеркнуть, какъ глубоко проникнутъ весь этотъ ритуалъ деревомъ, елью, и думаемъ, что славяно-русскій ритуалъ моленій очень близко по своему складу подходитъ къ нынѣшнему вотяцкому ритуалу, такъ что подробностями послѣдняго объясняются жалобы древнихъ наставниковъ и моралистовъ; напримѣръ, упоминаемое въ житіи кн. Константина Муромскаго обвѣшиваніе „дуплинъ древяныхъ полотенцами повторяется въ современномъ вотяцкомъ моленіи. Такой же характеръ моленія и жертвоприношенія носили въ древности малорусскіе обряды, извѣстные нынѣ подъ названіемъ „женить свѣчку“, „вить вильце“ и т. п.

Что касается самаго термина „женить свѣчку“, то произошелъ онъ, по всей вѣроятности, отъ обычая обвязывать свѣчу красными лентами и можетъ быть отнесенъ на счетъ малорусскаго народнаго юмора, предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что на малорусскомъ юморѣ построенъ любопытный обычай „рачьей свадьбы“ въ Алешкахъ: Въ праздникъ Петра и Павла послѣ дѣлежа денегъ, вырученныхъ отъ продажи раковъ, ловлею которыхъ занимаются преимущественно женщины, въ Алешкахъ ежегодно устраивается рачья свадьба, на которую приглашается обыкновенная простая музыка съ бубенщикомъ во главѣ. Гулянье продолжается три дня и три ночи и сопровождается общей попойкой, пѣніемъ и пляской. Въ продолженіе этихъ трехъ дней по столу ползаютъ крупные отборные ракъ и рачица, одѣтые: ракъ въ рубашку и брюки, а рачица съ цвѣтами на головѣ въ юбку, при чемъ гуляющіе перевязываются разноцвѣтными лентами, которыми перевязываютъ и виновниковъ торжества—раковъ (*Этногр. Обозр.* III, 190; изъ Одесск. Вѣстн. 1889, № 183).

Въ ближайшую связь съ обрядовымъ чествованіемъ дерева можно поставить обрядовое употребленіе сѣна и соломы.

Въ сочиненіи о свадебныхъ обрядахъ (185—186) я уже говорилъ объ обрядовомъ употребленіи соломы и сѣна на свадьбахъ въ Великой и Малой Россіи, въ Германіи, въ древней Индіи. Приведенные тамъ факты я позволю себѣ здѣсь дополнить нѣсколькими любопытными данными объ обрядовомъ употребленіи сѣна и соломы на праздникъ Рождества Христова въ Угорской Руси и Малороссіи.

Библиотека "Руниверс"

Угро-руссы устраиваютъ въ комнатахъ соломенныя настилки, что должно знаменовать скромную постель новорожденнаго Спасителя (*Де-Волланъ,* Угр.-рус. пѣс. 25). Въ юго-западномъ краѣ (напр., въ острож. у.) въ ночь наканунѣ Р. Хр. всѣ кладутъ на постели сѣно (*Чубинскій,* III, 264). Полвѣка назадъ обрядъ этотъ былъ съ тѣмъ же самымъ объясненіемъ значенія его: сѣно, покрывавшее прилавокъ, должно было напоминать ясли, въ которыхъ положенъ былъ Спаситель (*Сементовскій,* въ Маякѣ 1843, XI, 34). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи въ сѣно закладываютъ три головки чесноку и 12 луковицъ для ворожбы на мѣсяцъ. Хозяинъ приноситъ снопъ сбожья, говоря, что несетъ дѣда, и ставитъ его на покутьѣ. Послѣ ужина онъ кладетъ кутью передъ „дѣдомъ". На четвертый день хозяинъ самъ выноситъ „дѣда" на токъ, и потомъ изъ него перваго молотится и мелется зерно. Солому иногда сожигаютъ и скачутъ черезъ нее, чтобы очиститься отъ зла. Сѣномъ окручивали плодовыя деревья, чтобы они лучше родили (*Срезневскій,* въ „Маякѣ" 1843, XI, 55). Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Панна Сотниковна", напечатанной въ „Современникѣ" 1840 г., въ описаніи быта малорусской козацкой старшины 20-хъ годовъ XVIII в. говорится, по преданію, объ обѣдѣ подъ Р. Хр. на сѣнѣ, „въ воспоминаніе того что Спаситель избралъ для рожденія своего самый бѣднѣйшій вертепъ и благоволилъ быть положенъ въ яслях на сѣно". Тожественный обычай бытуетъ у поляковъ (*Kolberg,* Lud, V, 192). Ближайшее объясненіе—религіозно-нравственное—дано Квиткой со словъ народа; объясненіе древняго значенія обычая, какъ остатка жертвоприношенія, у *А. Куна,* Westphäl. Sagen II, 110 и *Либрехта,* Zur Volkskunde, 494.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани.

(ВОЛЫНСКОЙ ГУБ., РОВЕНСКАГО УѢЗДА).

Юго-западныя церковныя братства и цеховыя общины, несмотря на разнородность своихъ интересовъ и цѣлей[1]), исторически соединялись въ одну своеобразную религіозно-экономическую ассоціацію, получившую смѣшанное церковно-гражданское устройство. Подобные союзы, какъ извѣстно, существовали большею частью въ городахъ и большихъ мѣстечкахъ юго-западнаго края, бывшихъ центрами тогдашняго областнаго церковно-гражданскаго дѣленія (діецезій, повѣтовъ, войтовыхъ ключей). Во многихъ мѣстечкахъ волынской губерніи сохранились остатки бывшихъ цехово братскихъ союзовъ; но степанскія цеховыя братства заслуживаютъ особеннаго вниманія уже потому одному, что успѣли до сихъ поръ сохраниться не въ формѣ отжившей традиціи (какъ въ другихъ мѣстечкахъ), а въ формѣ все еще живучихъ, дѣйствующихъ и усердно поддерживаемыхъ крестьянами общинъ.

Всѣхъ цеховъ въ м. Степани въ настоящее время девятнадцать: 1) цехъ старшихъ троицкихъ братчиковъ, 2) цехъ старшихъ троицкихъ сестеръ, 3) молодыхъ братчиковъ, 4) дѣвичій, 5) молодецкій, 6) рыбарскій, 7) ткацкій, 8) гарбарскій (гарбари—кожевники), 9) цехъ николаевскихъ братчиковъ, 10) николаевскихъ сестричекъ, 11) пахарскій, 12) шевскій, 13) кушнирскій

[1]) Первые, какъ извѣстно, были общественно-религіозными союзами и носили церковный характеръ, а вторыя—ассоціаціями чисто экономическаго, индустріальнаго характера, выработавшимися на почвѣ господствовавшаго въ юго-западной Россіи магдебургскаго права.

Библиотека "Руниверс"

(кушнири—овчинники), 14) млинарскій, 15) пчелярскій, 16) кравецкій, 17) цехъ пречистскихъ сестеръ, 18) пречистскихъ братчиковъ и 19) музыкальный цехъ. По степанскимъ церквамъ они распредѣлены такъ: первые восемь—принадлежатъ троицкому приходу, слѣдующіе за тѣмъ пять цеховъ николаевскому, остальные пять преображенскому; послѣдній музыкальный цехъ принадлежитъ частью къ троицкому приходу, а частью къ римско-католическому костелу. Костелу принадлежалъ также отчасти и ткацкій цехъ. Кромѣ этихъ перечисленныхъ цеховъ, къ степанскимъ существующимъ приходамъ были приписаны еще цехи бывшаго четвертаго прихода—успенскаго, церковь котораго давно сгорѣла. Изъ цеховъ этого прихода въ настоящее время сохранились только два: пречистскихъ братчиковъ и сестеръ, приписанные къ преображенскому приходу.

По словамъ крестьянъ, всѣ степанскіе братскіе цехи ведутъ свое начало „зъ покинъ вику“, но на самомъ дѣлѣ происхожденіе ихъ нельзя считать очень древнимъ. Основываясь на сохранившихся у нѣкоторыхъ цеховъ документахъ, можемъ утверждать, что цехи существовали въ м. Степани гораздо раньше братствъ, приблизительно въ началѣ XVII ст.,—тогда какъ послѣднія были основаны не раньше половины XVIII столѣтія. Изъ братскихъ, въ собственномъ смыслѣ, документовъ сохранились только „артикулы“, состоящіе изъ 12 членовъ и составлявшіе нѣкогда уставъ братства. Одинъ документъ этого рода (объ учрежденіи при степанской Успенской церкви братства „подъ именемъ и защищеніемъ Дѣвы Маріи Богородицы“), данный „*Θеодосіемъ Лубіенѣцкимъ Руднѣцкимъ... екзархомъ Метрополіи Кіевской и всея Россіи, епископомъ Луцкимъ и Острогскимъ, Архимандритомъ Каневскимъ*“, хранится въ цехѣ успенскихъ братчиковъ; онъ значится подъ датою 1751 года, 10 мая, за подписомъ епископа и его писаря Романа Выговскаго [1]). Другой бланкъ

[1]) Послѣ предисловія, въ которомъ говорится о просьбѣ степанскихъ „славетнихъ гражданъ“ къ его преосвященству объ основаніи при Успенской церкви братства, слѣдуютъ артикулы въ такомъ порядкѣ: въ первомъ артикулѣ говорится объ обрядѣ принятія въ братство новаго члена; во второмъ—о строго нравственной жизни братчиковъ; въ третьемъ—объ обязательности для каждаго брата утренней и

Библиотека "Руниверс"

такого же документа, безъ подписи и даты, сохранился у троицкихъ братчиковъ съ заголовкомъ: „*Фалиціанъ Филиппъ Володкевичъ, Божіею и св. Ѳрона Апостольскаго благодатью Архіепископъ Митрополіи Кіевской, Галицкой и всея Россіи, Епископъ Протовроній Володимірскій и Берестя-Литовскаго и Архимандритъ Кіево-Печерскій*“. Братства, обладающія этими документами, считаются древнѣйшими. Такъ какъ поименованные епископы жили въ прошломъ столѣтіи, то происхожденіе остальныхъ братствъ можно отнести къ болѣе позднему времени. Только для братскихъ цеховъ римско-католическаго костела—ткацкаго и музыкальнаго, да еще шевскаго и гарбарскаго нужно указать болѣе древнее происхожденіе (конецъ XVI и начало XVII ст.). Изъ цеховыхъ документовъ у ткачей сохранилась запись ксендза о. Антонія Хорошинскаго—пробоща степанскаго, о принятіи имъ въ 1835 году воску „до костела“ отъ ткацкаго и музыкальнаго цеховъ „*въ силу эрекціи 1614 года 5 декабря*“ какъ говорится въ записи [1]). Если принятіе воска отъ поименованныхъ цеховъ основывалось на эрекціонномъ правѣ 1614 года, то несомнѣнно, что эти цехи въ то время уже существовали. Принимая далѣе во вниманіе то, что указанная въ записи эрекціонная хронологическая дата совпадаетъ съ годомъ основанія степанскаго костела [2]), мы можемъ утверждать одновременность

вечерней молитвы; въ четвертомъ—объ исповѣди и причастіи братчиковъ: въ пятомъ—о держаніи свѣчей во время богослуженій; въ шестомъ—о посѣщеніи больныхъ и погребеніи усопшихъ; въ седьмомъ—о дѣлахъ милостыни и братскихъ церковныхъ службахъ (въ среду за живыхъ и въ субботу за усопшихъ); въ восьмомъ—объ обязанностяхъ странствующихъ братчиковъ; въ девятомъ—о послушаніи своему духовному отцу; въ десятомъ—объ организаціи братства и порядкѣ избраній на братскія должности; въ одиннадцатомъ—о братскихъ приходорасходныхъ книгахъ; въ двѣнадцатомъ—о братскихъ сходкахъ и судѣ. Интересующіеся полнымъ текстомъ этого документа могутъ прочесть его въ Волынскихъ Епарх. Вѣд. за 1869 г. (см. конецъ статьи Добротворскаго: „Описаніе градскихъ кременецкихъ церквей“).

[1]) Вотъ эта запись: „1835 г. 4 апрѣля. Свидѣтельствую этимъ квитомъ, даннымъ отъ меня, въ томъ, что въ силу эрекціи 1614 г. 5 декабря, данной степанскому римско-католическому костелу, а въ 1807 г. волей Цесажа подтвержденной, принято мною до костела отъ двухъ цеховъ—ткацкаго и музыкальнаго воску желтаго фунтовъ 4 и грошей 26; и это за годъ теперешній 1835. Каковой квитъ, при печати костельной, подписую. Dato ut supra. Ксендзъ А. Хорошинскій“.

[2]) Степанскій костелъ основанъ отступникомъ отъ православія Янушемъ Кон-

Библиотека "Руниверс"

основанія католическихъ цеховъ съ основаніемъ степанскаго костела. Древность шевскаго и гарбарскаго цеховъ подтверждается важнымъ документомъ, даннымъ этимъ цехамъ въ 1636 году 25 мая княземъ Владиславомъ Доминикомъ Заславскимъ, графомъ Тарновскимъ. Документъ этотъ не основываетъ цехи, а только подтверждаетъ ихъ права,—*„данныя издавна отъ святой памяти предковъ нашихъ“*, пишетъ Владиславъ Доминикъ, *„которыя* (т. е. права) *прошлаго года* (т. е. 1635 г.), *по произволенію Божію, сгорѣли“*. Слѣдовательно, происхожденіе этихъ правъ нужно отнести еще къ болѣе древнему времени. Копія этого документа, красиво написанная по польски на бѣломъ тонкомъ пергаментѣ, въ настоящее время хранится у цехмистра шевскаго цеха.

Степанскіе крестьяне очень дорожатъ подобными документами и уставомъ своихъ братствъ. „Артикулы“ они неохотно показываютъ постороннимъ, хотя никогда, впрочемъ, ихъ не читаютъ и, конечно, не исполняютъ. Изъ всѣхъ 12 статей братскаго устава ими вполнѣ исполняется до настоящаго времени только пятый артикулъ.—„Должны будутъ братія, говорится въ въ этомъ пунктѣ устава, во время всенощнаго, на литіи вси, во время утренняго Евангелія и Славословія во двою или болшь, во время службы Божія, Евангелія, Херувимской пѣсни, такожде каноника и во время „Святъ Господь“ и чрезъ „Израднѣе“ вси со свѣщами посредѣ церкви стояти“. Дѣйствительно, и до настоящаго времени во всѣ поименованные моменты православныхъ службъ братчики, а также иногда и сестрички, выстраиваются въ церкви въ ряды (братчики стоятъ двумя рядами въ длину церкви, а сестрички въ своемъ отдѣленіи—однимъ рядомъ въ ширину) и держатъ $1^1/_2$ аршинныя братскія восковыя свѣчи.

До настоящаго времени степанскіе цехи держатся еще своей давней, довольно стройной организаціи. Старшій братчикъ—цехмистръ (или цехмистриха, смотря по тому мужскій ли цехъ, или женскій) представляютъ первую и самую главную инстанцію

стантиновичемъ Острожскимъ въ 1614 году (см. „Волынь“ изд. П. Н. Батюшкова, стр. 123).

Библиотека "Руниверс"

въ этой организаціи. Онъ главный распорядитель въ цехѣ. Въ домѣ у него—цеховой сундукъ съ цеховыми деньгами, документами, книгами, разными квитанціями и записями по дѣламъ цеха. Но распорядительная власть его значительно ограничена „подскарбіями". „Подскарбій" (или „подскарбая")—повѣренный цехмистра. Одинъ безъ другаго не въ правѣ ничего предпринять, даже отворить цеховой сундукъ, такъ какъ ключи отъ стоящаго въ домѣ цехмистра сундука хранятся у подскарбія—жителя иногда совершенно другой улицы. Подскарбій и цехмистръ составляютъ родъ постояннаго цеховаго совѣта. Третью инстанцію въ организаціи цеховаго начальства составляютъ три „лавника" (или „лавнички"), исполняющіе второстепенныя обязанности, возлагаемыя на нихъ цехмистромъ. Это въ своемъ родѣ цеховая полиція,—сотскіе по дѣламъ цеха.

Смѣшавшись съ цеховымъ устройствомъ, имѣвшимъ много практическихъ, живучихъ сторонъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ промышленому духу степанскихъ крестьянъ, братства совершенно утратили свой церковный характеръ. Жизнь цеховыхъ промышленныхъ общинъ течетъ и въ настоящее время, тогда какъ отъ церковныхъ братствъ остались лишь мертвыя названія, нѣкоторые обряды, механически исполняемые братчиками (въ родѣ держанія, напр., свѣчей въ извѣстные церковные часы), да братскія иконы съ колоссальными свѣчами.

Каждое цеховое братство имѣетъ въ приходской церкви свою большую икону съ изображеніемъ того святаго или того священнаго событія, въ день празднованія котораго православною церковью бываютъ издавна совершаемыя годовыя братскія пиршества. Такъ, шевскій цехъ имѣетъ икону св. Космы и Даміана (праздникъ 1-го ноября), ткацкій—св. Христова Воскресенья (праздникъ на 2-й день Пасхи), пахарскій—св. Василія Великаго (праздникъ 1-го января), дѣвичій—св. великомученицы Варвары (праздникъ 4-го декабря), у молодецкаго цеха—въ Троицынъ день, у троицкихъ старшихъ братчиковъ—въ день Введенія въ храмъ пресв. Богородицы (21 ноября), у троицкихъ младшихъ братчиковъ—въ день зимняго Николая (6 декабря), у николаевскихъ братчиковъ—въ день зачатія св. Анны (9 декабря),

Библиотека "Руниверс"

у николаевскихъ и троицкихъ сестеръ — въ день Благовѣщенія (такъ какъ Благовѣщеніе часто бываетъ во время поста, то „бабскій праздникъ“ переносится обыкновенно на второй день св. Пасхи), у рыбарей—въ день св. великомученика Георгія (23 апрѣля), у кравцовъ праздникъ бываетъ два раза въ году: въ Троицынъ день и на Рождество (25 декабря), у пречистскихъ братчиковъ—въ день Рождества пр. Богородицы (8 сентября), у мельниковъ—въ день св. апостола Іоанна Богослова (26 сент.), у кушнировъ и гарбаровъ—въ день свят. архистратига Михаила (8 ноября), и пр.

Передъ цеховыми иконами въ церкви стоятъ на деревянныхъ пьедесталахъ замѣчательныя и рѣдкія по свой высотѣ свѣчи. Высота нѣкоторыхъ цеховыхъ свѣчей—превышаетъ сажень, а обхватъ сниву равняется аршину. Свѣчи съуживаются кверху и имѣютъ видъ длиннаго вверху усѣченнаго конуса. Свѣчи сдѣланы изъ воску, фитилемъ для нихъ служитъ веревка. Кромѣ большой свѣчи, у каждаго цеха существуютъ еще свѣчи меньшаго размѣра. При погребеніи братчика или какого нибудь богатаго лица, въ похоронной процессіи принимаютъ участіе всѣ цехи, которые идутъ со своими свѣчами, занимая даже опредѣленныя мѣста: впереди всегда идутъ шевскій и ткацкій цехи, а за ними остальные.

Хотя условія общественной жизни въ нашемъ Полѣсьи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, благопріятствуютъ ея консервативному теченію, однако многіе изъ прежнихъ цеховыхъ братскихъ обычаевъ утратили въ настоящее время свое значеніе и отошли въ область историческаго, смутнаго преданія. Сохранились и держатся только такіе обычаи, которые пришлись по душѣ степанскимъ крестьянамъ. Таковы именно—цеховые братскіе праздники, представляющіе и въ настоящее время далеко не безъинтересную картинку бытовой жизни нашего Полѣсья. Мы подробно разсмотримъ ихъ.

Задолго до праздника совершаются *обнесеніе цеховаго образа* и *праздничные поборы*. Для перваго обряда въ каждомъ цехѣ существуетъ образокъ небольшаго формата съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ; онъ хранится у цехмистра, который предъ праздникомъ относитъ его къ своему сосѣду—ближайшему

Библиотека "Руниверс"

члену цеха. Тотъ благоговѣйно принимаетъ образокъ, цѣлуетъ, ставитъ на нѣкоторое время въ почетномъ углу и затѣмъ относитъ его къ хозяину слѣдующей цеховой хаты и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока икона не обойдетъ всѣ цеховые избы и изъ послѣдней въ день праздника не возвратится опять къ цехмистру. Въ послѣднее, впрочемъ, время обнесеніе образковъ совершается уже не такъ регулярно и постепенно начинаетъ выходить изъ обычая.

Праздничные поборы совершаются у богатыхъ и многолюдныхъ цеховъ за нѣсколько недѣль до праздника, а у бѣдныхъ за нѣсколько дней, чаще всего наканунѣ праздника; лавники, по порученію цехмистра (а иногда и самъ цехмистръ), ходятъ по мѣстечку къ братчикамъ и собираютъ годовой сборъ „на свичку“. Подойдя къ избѣ, они стучатъ въ окно и спрашиваютъ: „а чи не послявъ часомъ вамъ Богъ чого небудь на свичку“?— При этомъ намекѣ, хозяинъ или хозяйка обязательно должны пожертвовать что-нибудь для предстоящаго праздника или деньгами, или натурою (даютъ мѣрку какого нибудь зерна, картофеля, полотно, муку и т. п., а также нѣкоторое количество воску). Въ случаѣ отказа, сборщики отправляются по другимъ хатамъ, но потомъ возвращаются и обходятъ избы снова, пока не получатъ у отказавшихъ требуемаго подаянія. Въ настоящее время поборы къ цеховому празднику производятся не строго: одни даютъ больше, другіе меньше, а иные, при всей настойчивости сборщиковъ, иногда ничего не даютъ, говоря: „нехай вамъ Богъ дасть“; но крестьяне помнятъ еще то время, когда отказъ въ этомъ родѣ былъ невозможенъ, такъ какъ сборщики у отказывавшагося, по приказанію цехмистра, насильно забирали праздничную дань или вмѣсто нея конфисковали въ счетъ дани какую нибудь вещь въ хозяйствѣ. Нѣкоторые цехи не довольствуются сборомъ въ м. Степани, а ѣдутъ въ окрестныя села и деревни собирать „на свичку“. Такъ „лавники“ пахарскаго цеха, одного изъ самыхъ многолюдныхъ и зажиточныхъ, еще на рождественскія святки, предъ своимъ праздникомъ (1-го января), ѣдутъ въ с. Коростъ, въ дер. Зульню, Волошу, тамъ „колядуютъ“ подъ окнами, угощаютъ поселянъ, угощаются послѣдними и, собравъ

Библиотека "Руниверс"

достаточное количество продуктовъ, возвращаются домой. При концѣ сбора, понятно, въ итогѣ оказывается всегда изрядное количество собранныхъ продуктовъ и денегъ; особенно это нужно сказать относительно многолюдныхъ цеховъ: шевскаго, ткацкаго, пахарскаго, братскихъ и др. Извѣстная часть собранныхъ продуктовъ оставляется для праздника, но большая часть продается, и вырученная сумма вся расходуется на возліянія Бахусу въ день цеховаго праздника. Въ этотъ день, обыкновенно послѣ литургіи, во время которой цехъ стоитъ съ своими ручными свѣчами, служится молебенъ или акаѳистъ празднуемому святому и, при колокольномъ звонѣ, происходитъ троекратное обхожденіе процессіи вокругъ церкви. Изъ церкви цехъ отправляется въ хату цехмистра на праздничный обѣдъ и общую попойку. Иногда цехмистръ проситъ батюшку благословить трапезу. На обѣдахъ могутъ присутствовать и посторонніе, но съ нихъ взимаются особыя денежныя пожертвованія, которыя тоже пропиваются. Для этой цѣли въ хатѣ цехмистра во все время пиршества стоитъ кружка для сбора пожертвованій отъ посторонніхъ посѣтителей. Цеховый праздникъ иногда превращается въ шумную оргію разгулявшихся крестьянъ и бабъ. Въ хатѣ цехмистра подымается въ это время невообразимый шумъ и гамъ, для усмиренія котораго даже власть цехмистра оказывается безсильною. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходитъ разгулъ на цеховыхъ празднествахъ, можно судить по тому, что, по сознанію самихъ крестьянъ, на рыбарскомъ цеховомъ праздникѣ ими пропивается до 100 рублей, а на пахарскомъ,—обыкновенно продолжающемся 10 дней (отъ перваго января), выпивается 40 ведеръ водки и съѣдается цѣлый быкъ, который покупается для этой цѣли на братскія деньги. Особенно шумно празднуютъ свои годовые праздники тѣ цехи, праздники которыхъ приходятся осенью и зимою, когда у крестьянъ бываетъ меньше хозяйственныхъ хлопотъ и больше досужаго времени, таковы: пахарскій, шевскій, кушнирскій и братскіе цехи. Эти послѣдніе празднуютъ иногда до двухъ недѣль; другіе цеховые праздники длятся недѣлю и только немногіе бѣднѣйшіе цехи (какъ пречистскія сестры, бортники и др.) празднуютъ свой праздникъ только три

Библиотека "Руниверс"

дня. Въ дни цеховыхъ торжествъ пропивается весь капиталъ, собранный годовыми взносами братчиковъ. Послѣ праздника цеховая кружка совершенно пуста. Не опасаясь впасть въ преувеличеніе, можемъ сказать, что степанскими крестьянами на цеховыя торжества тратится ежегодно круглою цифрою 800 руб., которые идутъ большею частью евреямъ. Сами крестьяне сознаютъ, что отъ цеховыхъ праздниковъ наибольшая прибыль бываетъ только Мошку. Въ церкви же цехами жертвуются только незначительные рубли, оставшіеся отъ праздничной попойки. Вообще, степанскіе церкви (Николаевская, Троицкая и Преображенская), при всемъ богатствѣ своихъ цеховъ, очень убоги и бѣдны. Достаточно сказать, напр., что стѣны Троицкой церкви, имѣющей въ приходѣ восемь цеховъ, въ настоящее время на половину сгнили и еле держатся отъ ветхости, что у троицкихъ братчиковъ, быстро организующихъ праздничныя попойки, не хватаетъ единодушія привести свою приходскую церковь въ приличное состояніе.

Къ особенностямъ степанскихъ цеховъ нужно отнести, между прочимъ, обрядъ ежегодной передѣлки за ново большихъ цеховыхъ свѣчей. За нѣсколько дней до своего праздника братчики несутъ свою свѣчу въ домъ цехмистра, тамъ рубятъ ее на части, варятъ воскъ долгое время въ котлахъ, подбавляютъ вновь собраннаго воску, мѣсятъ, качаютъ и дѣлаютъ новую свѣчу съ новымъ фитилемъ [1]). Вслѣдствіе такихъ ежегодно совершаемыхъ до настоящаго времени операцій, срединный воскъ этихъ свѣчей утратилъ свой естественный цвѣтъ и сдѣлался совершенно чернымъ; снаружи свѣча для вида обкладывается желтымъ воскомъ. Отъ небрежной перетопки въ воскъ входятъ много посторонникъ элементовъ, вслѣдствіе чего эти свѣчи, зажженныя во время богослуженія, издаютъ трескъ и разбрасываютъ отъ себя брызги.

Принятіе въ цехъ новыхъ членовъ происходитъ во время цехового или какого нибудь другаго православнаго праздника и

[1]) На праздникѣ въ честь новой свѣчи произносится празднующими оригинальный тостъ: „щобъ Богъ помигъ поставыты нову свичку на корени“, т. е. на пьедесталѣ.

Библиотека "Руниверс"

требуетъ со стороны вновь поступающихъ выполненія особыхъ условій. Новопоступающій членъ долженъ, во первыхъ, внести въ цеховую кружку положенный вкладъ, выплачиваемый, впрочемъ, съ разсрочкой, и, во вторыхъ, угостить цеховое начальство. Размѣръ вклада въ разныхъ цехахъ различенъ—отъ „15 злотыхъ“ до двухъ. Кромѣ денегъ, новый членъ долженъ внести въ братскую „карбону“ еще нѣсколько фунтовъ воску. Угощеніе требуется тоже неодинаковое, сообразно со средствами кандидата.—При поступленіи, напр., въ шевскій цехъ богатаго кандидата, отъ него требуется угощеніе изъ трехъ кварт водки, вина, корзинки пироговъ и т. п.; отъ бѣднаго—только водка и на 7½ копѣекъ калачей. Принимаемый въ члены шевскаго цеха во все время угощенія долженъ почтительно стоять у порога и садится только тогда, когда угостившееся цеховое начальство разсмотритъ представленную имъ работу, одобритъ ее и запишетъ объ этомъ въ цеховую книгу.—Для братскихъ записей у каждаго цеха существуютъ особыя книги, хранящіяся въ денежной карбонѣ. Вотъ, между прочимъ, образчикъ давней цеховой записи степанскаго братскаго пречистскаго цеха: „Року 1751, августа 4 дня. Я Василій Трохимовичъ угодилъ цехъ братскій свято-пречистскій за цехмистра Іоанна Колоса и лавниковъ Петра Суковича, Іоанна Велесика и ключника Кирилла Суковича, *все совершенно отдалъ и братомъ цеховымъ зосталъ.*“ Нѣсколько измѣнена запись позднѣйшаго времени: „1845 года сентября 10 дня, я рабъ Божій Іосифъ Банковскій вписуюсь до храма св. отца Николая, до братства Успѣнія, за стараніемъ старшаго брата Ивана Карповича, старшихъ совѣтниковъ и ихъ лавниковъ NN NN, *за что остаюсь всемірнымъ братомъ во вѣки вѣковъ. Аминь*“. По такой формѣ записываются братчики и въ настоящее время.

На основаніи сохранившихся преданій о прежней жизни цеховъ и цеховыхъ документовъ, можно утверждать, что цеховыя братства имѣли своею цѣлью урегулировать общинный народный трудъ. По словамъ степанскихъ старожиловъ, рыбацкому, напр., цеху было издавна предоставлено исключительное право на рыбную ловлю, кравецкому—на шитье одежи и т. д. На

Библиотека "Руниверс"

свадебныя пиршества, крестины и пр. хозяинъ долженъ былъ звать музыкальный цехъ, которому за игру полагалась установленная плата. Приглашать музыкантовъ изъ сосѣдняго села считалось преступленіемъ, которое судилось цехмистромъ. Никто, не записанный въ цехъ, не могъ заниматься въ Степани какимъ нибудь ремесломъ. Цехмистръ съ лавниками, на основаніи правъ цеха, имѣлъ полное право подвергнуть остракизму всякаго самозваннаго или пришлаго рыбака, кравца, музыканта и т. п. Въ вышеупомянутомъ документѣ князя Владислава-Доминика Заславскаго подробно разсказывается интересная индустріальная организація шевскаго и гарбарскаго цеховъ. Вотъ главныя основанія этой организаціи. Новый мастеръ долженъ дать въ братскую карбону пять злотыхъ, берменъ воску, бочку пива для братіи и два гроша литовскихъ цехмистру (pokrasy). Сынъ, научившись у своего отца шевскому ремеслу, перешедши на свое собственное хозяйство, долженъ дать въ карбону полъ-злотого. Братъ, опоздавшій на цеховую сходку, платитъ штрафъ въ шесть грошей польскихъ. Умершаго брата или сестру, вся братія съ женами своими должны почтительно проводить до могилы. На ремесленника другого села, находящагося подъ замковымъ управленіемъ, это правило не простирается; но можетъ простираться въ томъ только случаѣ, если послѣдній внесетъ въ цехъ двѣ копы литовскихъ. Братъ, не подчиняющійся этому правилу, долженъ платить шесть грошей штрафа; но беременная или больная женщина, равнымъ образомъ больной братъ освобождаются отъ штрафа. Если умретъ несостоятельный братъ, то за него на „позвонное“ должно дать изъ карбоны полъ-злотого. Ни одинъ ремесленникъ другаго мѣстечка не имѣлъ права покупать въ Степани и продавать шкуръ и обуви; только на ярмарку (разъ въ году) разрѣшалась вольная торговля всякому. Ремесленники не имѣли права отнимать одинъ отъ другаго челядниковъ и помощниковъ. Виновный въ нарушеніи этого постановленія долженъ дать въ цехъ берменъ воску... Никто не имѣлъ права торговать ни внѣ мѣстечка, ни на предмѣстьи, или открывать торгъ раньше положеннаго времени, въ противномъ случаѣ платился штрафъ цеху въ 4 камня воску. Бравшій себѣ маль-

Библиотека "Руниверс"

чика для наученія ремеслу платилъ въ цехъ 6 литовскихъ грошей, а мальчикъ 6 грошей польскихъ; научившійся мальчикъ долженъ былъ дать цеху полъ-злотого. Купецъ, отдавшій цеху оптомъ шкуры для выправы, долженъ платить въ карбону по польскому грошу отъ каждой шкуры.

Уставомъ не забыты также нѣкоторыя требованія чисто моральнаго характера, мало имѣющія общаго съ меркантильнымъ цеховымъ устройствомъ. Каждый братъ, по уставу, долженъ быть послушливъ, имѣть честную жену, съ которой долженъ жить по христіанскому закону; въ противномъ случаѣ онъ не можетъ быть принятъ въ цехъ. Никто изъ членовъ братства не долженъ разсказывать на сторонѣ, что говорится и дѣлается въ цехѣ. Виновный штрафуется шестью польскими грошами въ пользу цеха. Мелкія тяжбы не должны доходить до суда; замковымъ судомъ судятся только „krwawe zwady“. Уставомъ утверждались цеховые кануны, какъ давніе обычаи. Одна „колода“ кануннаго меду должна быть приготовлена „на великую ночь русскаго праздника“, а другая въ день Космы и Даміана (1 ноября) [1].

---

[1]) Вотъ текстъ документа Владислава Доминика:

Władysław Dominik Xiąże na Ostrogu y Zasławiu, Hrabia na Tarnowie.

Wiadomo czyniemy tym pisaniem naszym, komu by to wiedzieć należało, iż nam bili czołem rzemieslnicy garbarże, albo z cechu szewskiego, mieszczanie naszi stepanscy, abyśmy im prawa, nadane zdawna od swiętej pamięci pszodków naszych, które im roku blisko przeszłego za nawiedzeniem Boskim zgorżeli, ponowili i utwierdzili, a to dla lepszego porządku, i spokojnego życia kóżdego z nich, i zwystępnych sprawiedliwosci. Pszeto my, uważywszy słuszność rzeczy, te puncta ich i artykuły stanowiemy one zachować, inaczej nieczyniąc roskazuiemy. Najprzód nowy majster do skrzynki brackiej gotowemi ma dać złotych pięć, wosku bermen jeden, braciey piwa beczkę, cechmistrowi pokrasy groszy dwa litewskiech. A którego ojca syn odejdzie na swoie gospodarstwo, nauczywszy się u swego ojca rzemiosla tego, ten do skrzynki puł złotego dać będzie powinien, a nie więcey. Gdyby który brat nasnaczonego czasu do schadzki zamieszkał, za takie omieszkanie do skrzynki winien groszy szesć polskich. Zmarłego brata albo siostrę wszyscy bracią z małżonkami swemi uczciwie odprowadzić powinni do grobu. Która kolwiek wies pod juruzdykcyą zamkową należy, żaden rzemieslnik rżemiosła naszego nie będzie mogł robić, aż cech poiedna pod winą dwoch kop litewskich. Jesliby który z braci temu nie był posłuszny, takowy winy płacić będzie groszy szesć, tego przestrzegłszy. Iesliby którego małżonka była obciązona, albo bolezcią iaką zdięta, lubo brat chorym będąc, tedy

Библиотека "Руниверс"

Эта давняя организація шевскаго и гарбарскаго цеховъ въ нѣкоторыхъ своихъ тезисахъ напоминаетъ организацію церковныхъ братствъ. Сличая уставъ Владислава Доминика съ братскими артикулами, напр., Ѳеодосія Рудницкаго, видимъ между ними нѣкоторые общіе пункты: тотъ и другой уставъ, напр., узаконяетъ сходки, право автономнаго суда въ маловажныхъ преступленіяхъ, штрафъ воскомъ и деньгами въ карбону и пр. Послѣ этого понятно, почему эти два учрежденія сливались въ одно съ преобладаніемъ началъ цеховаго устройства, какъ болѣе примѣнительнаго къ нуждамъ практической жизни.

Сохранились воспоминанія о тѣхъ интересныхъ родахъ наказаній, которымъ подвергались въ нѣкоторыхъ цехахъ неспособные и лѣнивые ремесленники и подмастерья. Въ шевскомъ, напр., цехѣ существовало три рода наказаній. Самое слабое, состоявшее въ ударахъ „подтягачами“ (кожаные ремни, кото-

---

zdozwoleniem y dozwiadczeniem bractwa, od tey winy wolen będzie. Mieszczanin nasz, ani kupiec żaden, gosć także y żyd skór iałowiczych, kozłowych y wszelakich niewyprawnych niema w miescie naszym kupować, ani żaden rzemieslnik inszego miasta obuwia przywozić i przedawać pod zaręką na urząd nasz zamkowy sta złotych polskich, a do cechu ich dwoch kop litewskich, czego urząd zamkowy ma dojrzeć iakoby od swawolnych te zaręki odbierane były, oprócz jarmarków który raz do roku u Stepaniu bywa, na tenczas wolno kózdemu z innego miasta wszelakie obuwie przedawać y kupować. Aby żaden z braci ieden drugiemu czeladzi i towarzyszów nie odmawiał, ktoby inaczey uczynił, viny bermen wosku do cechu przypada. Ktoby kolwiek z braciey sprawe przed cechmistrem miał, a inszy z boku onemu przeszkadzał, albo to żeby cechmistrz z bracią uznali ganił, takowy kózdy winy powinien dać złoty polski ieden. Aby żaden z braci skór i inszego towaru ten rzemieslnik swieckiemu należącego, za miastem albo na przedmiesciu, lub rano poki się targ nieziedzie, nie smiał kupować, i wkupowaniu i wprzedawaniu przeszkodzać. Przeciwny za wine czwierć kamienia wosku do cechu oddać powinien. Gdyby kto chłopca albo młodzienca na swiezenie rzemiosła tego będzie przyimował, ten pan jego powinien do skrzynki groszy dać szesć litewskich, a chłopieć groszy szesć polskich, a gdy iuż wyzwolisię chłopiec, sam winien dać do skrzynki puł złotego. Kózdy brat, do tego przyięty cechu, ma być poczciwego łoża, co ma dowodnemi listami od miasta albo pana gdzie się wrodził oswiadczyć. Tym sposobem brat ma mieć poczciwą żone i szlubną, z którą ma mieszkać według zakonu swiętego chrzescianskiego; który by się inaczej sprawował, tedy do bractwa niema byc przyięty, ani rzemiosła tego robić powinien. Kózdy brat tego bractwa cokolwiek między sobą będą mowili, albo sprawowali, aby żaden z nich na strone nie wyiawiał, na kim tego doswiadczą winien dać groszy szesć polskich. W prawnych sprawach do sądu brat brata pozywać niema.

Библиотека "Руниверс"

рыми швецъ прикрѣпляетъ матеріалъ къ колѣну), присуждалось за малую вину. Второй, болѣе внушительный родъ наказанія предназначался для болѣе важныхъ ослушниковъ и неудачниковъ въ шевскихъ работахъ: ихъ заключали въ сарай въ то время, когда въ хатѣ цехмистра шелъ цеховой праздникъ. Наконецъ, самое строгое наказаніе полагалось для упрямыхъ и лѣнивыхъ шевцовъ, позорившихъ своими неудачными работами весь цехъ: виновному надѣвали на ноги деревянныя колодки, сбивали ихъ такъ, что заключенный не могъ встать на ноги; въ такомъ видѣ его сажали на завалинку дома, въ которомъ шелъ праздничный обѣдъ, и издѣвались надъ нимъ. Колодки, предназначенныя для подобныхъ экзекуцій, хранятся у шевскаго цехмистра и до настоящаго времени. Съ неисправнымъ ткачемъ цеховое начальство раздѣлывалось иначе: его клали подъ „верстатъ“ (ручная полотняная машина), а волосы („чуприну“) забивали клиньями въ нижней части верстата и въ такомъ положеніи заставляли проводить время цеховаго обѣда. У ткацкаго цехмистра сохранились между прочимъ нѣкоторые не безъинтересные аттрибуты цехмистерской власти: старая стальная сабля съ красивой рѣзьбой и плеть. Сабля, по преданію, была необходимымъ символомъ

---

okrom krwawey zwady co w zamku takowe potoczne sprawy sądzic ma sędzią, a ni wujt ich sądzic niema. A iesliby który z braci lekce sobie wazył, do cechu puł kamienia wosku winien oddać. Któryby z majstrów znakiem brackim obezła... zaraz do zchadzki nie stanoł, winy groszy trzy. Żaden majster aby czeladnika chował w sławie dobrej podeyrżanego, aż się pierviey z tego podeyrżenia wywiedzie u sprawy. Gdy brat brata w czym nagani, a potym by go nie przekonał, i na niego nie dowiodł, winy do skrzynki wosku funt. Kanon jako dawny zwyczaj był, iedna kłoda miodu aby sycona była na wielkanoc swięta ruskiego, a druga kłoda na dzień swiętych Kózmy u Damiana. Gdy z braci który niedostateczny pomrże, na podżwónne pul słotego dać z skrzynki. Któryby kolwiek kupiec obcy dał surowe skóry wyprawiac do rzemiosła naszego, tedy powinien będzie dać od kózdey skóry do skrzyńki brac kiej po groszu polskim. A względem tego grosza powinni będą na kązdą potrzebę naszą zamkową skóry wyprawować. Które artykuły wyżej opisane cale approbuiemy, stwierdzamy, y umacniamy, a żeby im we wszystkim dozyć się działo mieć to chcemy. Naco dla lepszej wiary przy pieczęci naszej, ręką się własną podpisuiemy, w zamku Dubienskiem dnie 25 majia 1636 anno. Władisław D. X. na Ostrogu y Zasławiu, Hrabia na Tarnowie. (L. S.).

Ta kopia przywileiu z oryginałem weryfikowana przy obięciu nowego dziedzica miasta i klucza Stepańskiego I. W. imci P-a Iosefa ze Złotego Potoka na

Библиотека "Руниверс"

власти цехмистра въ торжественныхъ случаяхъ; онъ вѣшалъ ее сбоку, когда являлся къ помѣщику своему, и ею же усмирялъ подчасъ шумѣвшихъ ткачей[1]). Крестьяне очень дорожатъ этими памятниками утраченныхъ привилегій. Сохранилось даже одно цеховое знамя съ изображеніемъ креста, неизвѣстно какому цеху принадлежащее.

По общему сознанію степанскихъ крестьянъ, упадку цеховой жизни много содѣйствовало рекрутство. Молодежь теперь воздерживается отъ записи въ тотъ или иной цехъ, потому что съ поступленіемъ молодаго человѣка въ солдаты цеховыя его обязательства прекращаются. (Въ настоящее, напр., время цехмистръ шевскаго цеха взятъ въ солдаты). Въ прежнее время, когда рекрутскіе наборы не были такъ строго организованы, когда легче чѣмъ теперь можно было быть „въ бѣгахъ“, цехи держались крѣпче.

Нигдѣ, сколько намъ извѣстно, на Полѣсьи не существуетъ уже цеховъ, которые бы представляли собою такую все еще живую рабочую ассоціацію, какъ въ м. Степани. Въ немногихъ только селахъ и мѣстечкахъ остались лишь сбивчивыя преданія о существовавшихъ нѣкогда цехахъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, напр. въ м. Тучинѣ, въ с. Стидиняхъ, с. Мидскѣ и др., хранятся даже остатки цеховыхъ свѣчей, значительно уступающихъ, впрочемъ, по величинѣ и объему степанскимъ, представляющимъ рѣдкое и, быть можетъ, въ настоящее время единственное явле-

---

xięstwie zborowskim Iozefowie i Tarnopolu Potockiego krayczego koronnego, kawalera orderów Białego orła y S Stanisława Biskupa; Cezarskiego et c., starosty przez mieszczan cechowych szewskiech y garbarskich produkowaną z pozwolenia tegoz I. W. Pana approbuię się i aby była we wszystkim obserwowana i zachowana, zalecaiąc. Pomoc imc. Panom Ekonomom zakożdą rekwizycyią tychże cechowych, uczynienia podpisuię własną ręką. Dan w zamku Stepańskim dnia 28-go miesiąca marca, roku 1775-go Steczkiewicz, Regimentu pieszego buławy wielkej koronnej, aktualny kapitan.

[1]) Надо замѣтить, что въ старину „шабля“ не была принадлежностью одного лишь шляхетскаго сословія, какъ это было впослѣдствіи: въ XVI—XVII ст. на Волыни, какъ и въ цѣлой Малороссіи, право ношенія оружія въ равной мѣрѣ принадлежало и мѣщанамъ. Надо полагать, что болѣе почетныя лица изъ мѣщанъ, какъ напр. цехмистры, дольше остальныхъ своихъ собратій удержали это почетное право.—*Примѣч. Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ніе на нашемъ Полѣсьи. Есть основаніе предполагать, что въ другихъ селахъ братства и праздничные пиры были организованы иначе. Въ мидской церкви (Мидскъ въ 15 верстахъ отъ Степани) сохранились, между прочимъ, отрывочныя реестровыя годовыя записи мидскихъ братчиковъ. Эти записи мало даютъ понятія о мидскомъ братствѣ, но за то могутъ служить не безъинтересной статистикою количества выпиваемаго меду на братскихъ праздникахъ (которыя тоже съ давняго времени велись въ этомъ селѣ) и церковнаго дохода отъ братскаго пира. Запись 1800 года гласитъ „utorgowali gotowich zlotych 14, grosz 2 (т. е. 2 р. 11 коп.; въ приложенномъ къ записи реестрѣ 105 братскихъ подписей)". Далѣе: „реестръ кануну Мидска великаго Покрова Пресвятыя Богородицы 1803 г.; купили прѣснаго меду котловъ 6, платили котелъ по злотыхъ 10; учинили *питаго меду гарцовъ 230*; ключниками были (слѣдуютъ подписи). *Уторговали* готовыхъ денегъ *злотыхъ 36 и грошей 27* (т. е. 5 руб. 53½ коп.). (слѣдуетъ 125 подписей)". Реестръ кануну Мидска малаго св. Великомученицы Параскевы 1807 года: „купили прѣснаго меду котловъ 2, четвертей 3; уплотили злотыхъ 49 и грошей 15; учинили *питаго меду гарнцовъ 90*; шинковали гарнецъ по грошей 20; *уторговали* готовихъ денегъ *злотыхъ 27*, (т. е. 4 руб. 5 коп.) (подписей 77)". Реестръ кануну 1823 года: купили меду котловъ 2, платили котелъ по злотыхъ 16; учинили *питаго меду гарнцовъ 85*; шинковали гарнецъ по 20 грошей; готовыхъ денегъ *уторговали злотыхъ 7 и грошей 22½* (т. е. 1 рубль 16½ коп.), каковые деньги сторожъ принялъ въ карбону" (подписей 100). Эти записи показываютъ, что мидскіе братчики, пируя, не забывали матеріальныхъ, по крайней мѣрѣ, интересовъ церкви, въ кружку которой кое-что перепадало отъ братскихъ пиршествъ. Никакихъ подобныхъ записей, ни даже преданій въ этомъ родѣ не сохранилось въ м. Степани. Мы видѣли выше, что степанскій ксендзъ получилъ „до костелу" въ 1835 г., 4 фунта воску и 26 грошей (т. е. 13 коп.),—и это отъ двухъ цеховъ, слѣдовательно съ каждаго цеха по 2 фунта воску и 6½ коп.

Неоднократно были предпринимаемы попытки со стороны степанскихъ священниковъ искоренить безобразныя цеховыя празд-

Библиотека "Руниверс"

нества, но авторитетъ мѣстнаго приходскаго священника представляетъ слишкомъ слабую оппозицію этому традиціонному порядку вещей, сложившемуся вѣками. Напрасно убѣждали крестьянъ, что ежегодно безъ всякой пользы пропиваемая на праздникахъ сумма денегъ могла бы быть употреблена на какое нибудь хорошее дѣло, напр. на украшеніе храма Божія, на улучшеніе степанскаго народнаго училища, находящагося не въ особенно завидномъ состояніи. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Живучій инстинктъ слѣпой вѣры въ цѣлесообразность всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя освящены преданіями вѣковъ, оказывается сильнѣе современной логики, убѣдительнѣе аргументовъ.— „Такъ зъ-покинъ вику положено, такъ було при нашихъ дидахъ и прадидахъ... Нехай буде й теперъ такъ“,—такова ultima ratio степанскаго крестьянина, которой онъ оправдываетъ свое давнее историческое право праздновать изъ года въ годъ свои цеховые праздники со всѣми ихъ оргіями и безобразіями.

Ѳ. Кудринскій.

Библиотека "Руниверс"

Надъ Днѣстромъ.

Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ Осипа Федьковича [1]).

I.

Отца моего убили на войнѣ (разсказываетъ бывало Настя Клищиха), мать съ горя да нужды умерла скоро послѣ него, а я осталась круглой сиротой при старой бабкѣ, теткѣ покойнаго отца. А какъ схоронили и бабку, взяла меня къ себѣ старая Омаииха, чтобъ, какъ говорила она, не было скучно ея дочкѣ Марусѣ. У нея я и выросла, какъ у родной матери: была она женщина праведная, не сдѣлала-бъ несправедливости и врагу, не то что мнѣ, бѣдной сиротѣ.

Не таковъ былъ Максимъ Оманъ, ея мужъ. Богатый былъ пребогатый и не скупой и никому не любилъ дѣлать неправды, но такой бѣшеный, да лютый, да грозный, да завзятый, да упрямый, что у насъ бывало, когда онъ дома, тихо, какъ на кладбищѣ. Должно быть онъ и съ роду никогда не смѣялся, а говорилъ такъ мало, что я за одинъ часъ бывало больше наторохчу,

[1]) Это одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ „буковинскаго Шевченка", напечатанный въ маленькой народной газетѣ его родины. Писанные Федьковичемъ въ послѣдній десятокъ лѣтъ жизни разсказы не были собраны въ отдѣльномъ изданіи и кіевскій сборникъ его „оповидань" 1876 года является теперь далеко не полнымъ. Затѣянное, но замедлившееся что то собраніе его сочиненій должно восполнить этотъ пробѣлъ. Въ этомъ собраніи маленькія народныя повѣсти Федьковича, гдѣ онъ является ни на кого не похожимъ, оригинальнымъ писателемъ, глубоко отражающимъ духъ сельскаго люда Буковины, должны занять первое мѣсто. Типичнымъ образцомъ ихъ представляется и предлагаемая нами въ переводѣ вещица.

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ онъ за цѣлый годъ. А какъ заговоритъ, то точно громъ ударитъ изъ тучи, а потомъ опять все тихо, какъ на кладбищѣ.

Старые люди разсказывали, что въ молодыхъ годахъ былъ онъ при какомъ то панѣ за перваго охотника. А когда разъ на большой охотѣ онъ спасъ своего пана отъ смерти, то тотъ не только подарилъ ему большое имущество, но велѣлъ построить и усадьбу такую большую и хорошую, что у иного помѣщика не было такой. Потому вѣрно такъ и любилъ онъ охоту, а люди говаривали, что онъ изъ короткаго своего ружья убьетъ безъ промаху самую маленькую пташку. Да и ружей же тѣхъ висѣло у него на стѣнахъ въ свѣтлицѣ!... Про другіе охотничьи снаряды ужь и говорить нечего.

А старуха Омаиха блѣдная-блѣдная, какъ ярый воскъ, ходитъ бывало по горницамъ, какъ духъ на покаяніи, какъ святая многострадальная великомученица. Вся жизнь ея сосредоточилась въ Марусѣ, дочкѣ-одиначкѣ, надъ которой она дрожала, какъ птица-насѣдка. Кажется мнѣ, что еслибъ умерла Маруся, то она велѣла бы зарыть себя живой въ одной ямѣ съ нею. За то, вѣроятно, такъ и почиталъ ее Оманъ, хоть и по своему, а все таки почиталъ и любилъ ее. Не успѣетъ она захворать (а она была слабая)—какъ сейчасъ полонъ домъ наберется и знахарокъ, и шептухъ, и лѣкарокъ, и черновецкихъ или залущецкихъ докторовъ и садигурскихъ жидовъ—цирульниковъ. Всѣ сейчасъ появятся передъ нею, и все по его приказу.

А Маруся, дочка-одиначка,—Боже что за красавица была! Такой дочки не было вѣрно и у самаго цисаря! Въ будень и въ праздникъ ходитъ убранная, какъ райская пташка, вся въ въ шелкѣ и въ золотѣ, прекрасная, какъ роза весною, когда красуется на солнцѣ омытая ранней росой. А какъ заговоритъ бывало, то точно ласточка защебечетъ или ангелъ зазвонитъ въ серебряные колокольчики! Никто бы не сказалъ, глядя на нее, что это дочка угрюмаго Омана, къ которому кажется и воробьи во дворъ летать боялись.

Библиотека "Руниверс"

II.

Полюбила Маруся одного парубка, изъ нашего таки села—Тимоѳея Соболя—да какъ же сильно полюбила! Да и парубокъ же былъ!... Точно павичъ, точно воинъ съ мечемъ, что рисуютъ на картинахъ! Да что съ того, когда былъ изъ бѣднаго роду, такого бѣднаго, что не рѣшался онъ даже заговорить съ Марусей. Тогда только, когда приняли его въ войско да и потребовали скоро, только тогда отважился онъ перескочить черезъ ограду въ садъ, гдѣ Маруся въ тотъ вечеръ гуляла со мной, да и говоритъ ей:

— Маруся, я ухожу завтра.—Ты не говоришь ничего?

Она заплакала тогда горько-горько, припавъ на мое плечо.

— Ты любишь меня, Маруся? спросилъ онъ черезъ минуту, прослезившись и самъ.

— Развѣ ты не знаешь?... Зачѣмъ же еще мучишь мою душу?

— Ты будешь моею, Маруся, моею! Присягаю мѣсяцемъ и ясными звѣздами, что свѣтятъ надъ нами! крикнулъ Тимоѳей, поднявши правую руку, какъ на присягу.

— А отецъ? выговорила Маруся, глухо, точно изъ гроба.

— О, я его знаю, гордаго этого богача, что не кивнетъ даже головою при встрѣчѣ!... Но что можетъ сдѣлать онъ противъ истинной любви, такой любви, какъ моя, Маруся? Нашъ Днѣстръ глубокъ и широкъ, а можетъ онъ что нибудь сдѣлать противъ крестовой скалы? Такъ и отецъ твой не разлучитъ насъ, лишь бы ты любила меня, моя вѣрная дивчина!

— Ты идешь въ солдаты, говоритъ Маруся успокоившись немного.

— Хоть бы за море, хоть бы на край свѣта, сказалъ Тимоѳей, какъ въ колоколъ ударилъ, все жъ одна только ты будешь у меня въ умѣ, одна ты будешь цвѣсти въ моемъ сердцѣ, а порукой въ томъ пусть будетъ тебѣ этотъ перстень изъ чистаго сребра, который отдаю тебѣ вмѣстѣ съ моимъ словомъ и моимъ сердцемъ и надѣваю на твой розовый пальчикъ.

— О Тимоѳей! выговорила Маруся, чуть не лишаясь чувствъ.

Библиотека "Руниверс"

— Марусечка моя единая!... Да какъ же?... Чтобъ я такъ и ушелъ отъ тебя... Не взявши съ собою хоть цвѣтка на память?...

Какъ она отдала ему шелковый, золотомъ вышитый платочекъ изъ за пояса, какъ они обнялись, поцѣловались, присягали, прощались... этого не разскажу ужь, такъ какъ въ это время скрипнули двери въ хатѣ и мы должны были разойтись.

III.

Разъ послѣ обѣда сидимъ мы съ Марусей въ большой свѣтлицѣ и молчимъ. Маруся вышиваетъ золотыми нитками тонкій-тоненькій платокъ, а я пряду возлѣ печи. Наконецъ я говорю ей:

— Что то дѣлаетъ теперь нашъ бѣдный Тимоѳей?

— О, пречистая Богородица! вздохнула Маруся тяжко, глянувъ на образа.

— Хоть бы написалъ когда нибудь, говорю я.

— Куда жъ онъ напишетъ, сердечный? Ко мнѣ написать нельзя, такъ какъ еслибъ узналъ отецъ...

— Что мнѣ пришло въ голову, Маруся.

— Вѣрно опять что нибудь хитрое, говоритъ Маруся, усмѣхнувшись.

— Я думаю о томъ, какъ бы не вздумалъ твой отецъ этимъ лѣтомъ или въ этотъ масоѣдъ выдать тебя замужъ.

— Что это, Настя?—сказала, даже вздрогнувъ, бѣдная дѣвушка, такъ что даже шитье выпало у нея изъ рукъ, развѣ отцу есть когда думать о моемъ замужествѣ.

— Это мнѣ такъ только пришло въ голову, говорю я,—не сердись, Маруся.

— Такъ какъ же можно такое разсказывать, говоритъ Маруся. А если бы и такъ, то неужели ты думаешь, что я своего Тимоѳея...

Да и не договорила бѣдняжка, такъ какъ въ ту минуту вбѣжала въ свѣтлицу, запыхавшись, старая Оманиха:

— Въ комнату, дѣвки—старосты идутъ!—А Маруся какъ стояла, такъ и бросилась въ ноги старухѣ:

Библиотека "Руниверс"

— Мама! Мамочка моя родная! Не губите меня, не дайте мнѣ загинуть.

— Дочка, дочка, говоритъ степенно Омаиха,—покорись отцу! Ты жъ знаешь его натуру, не съ сегодняшняго дня знаешь. Развѣ, думаешь, трудно ему схватить со стѣны первое попавшееся ружье и занапастить свою, твою и мою душу въ одно мгновеніе ока? Дочка, дочка! Не доводи до этого! А теперь иди, иди бѣдное мое дитя, да приготовься, да уповай на всемогущаго Бога, можетъ быть онъ, милосердый, все еще измѣнитъ своей небесной милостью! Настя, ты разумная дѣвушка, иди съ Марусей, утѣшь ее въ тяжелую минуту! Ты знаешь, что ты у меня жила не наймичкой, а какъ родная дочь. Отплати же мнѣ теперь за это. Идите, идите, милыя, чтобъ васъ не застали въ хатѣ: нельзя чтобъ такъ было!... Вотъ и взяла я Марусю почти насильно, да и повела какъ полумертвую въ другую комнату. Въ тотъ же вечеръ Марусю и просватали.

IV.

Никогда я не вѣрила въ чудеса, а на Марусиномъ сговорѣ довелось и мнѣ видѣть чудо, да не одно, а два разомъ... Первое то, что Маруся стала совсѣмъ неузнавасмой: и смѣется, и шутитъ и ласкается къ Оману и съ Оманихой ходитъ по свѣтлицѣ, до того что даже Оманъ диву дался и какъ будто сталъ совсѣмъ добрымъ. „Я зналъ, что ты, Маруся, у меня умница! говоритъ ей, за то позволяю тебѣ взять съ собой и Настю, чтобъ не было тебѣ очень скучно сразу. Ты пойдешь къ ней, Настя“?

— Пойду и въ пекло, батечко, если вы скажете, отвѣчала я ему, цѣлуя руку.—Ну, ну, не печалься, голубка, говоритъ Оманъ, мы и про тебя не забудемъ!...

Ну развѣ не чудо все это?—А другое чудо... Но прежде лучше разскажу за кого просватали Марусю.

Въ нашемъ селѣ жилъ крестьянинъ-вдовецъ,—Петро Клѣщукъ по имени, человѣкъ богатый, здоровый, среднихъ лѣтъ, изъ себя видный, только немножко, какъ говорится, слабый на голову.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ ему какъ втесалося въ голову породниться съ богатымъ Оманомъ, такъ до тѣхъ поръ не давалъ покою, пока тотъ не сдался наконецъ. И не трудно было ему сладить съ Оманомъ, такъ какъ тотъ любилъ и уважалъ его, за то, конечно, что Клищукъ былъ честный человѣкъ, и берегъ свое доброе имя какъ дорогой камень, на который не должна пасть и порошинка.

А у Клищука былъ единственный сынъ, Никифоръ, парубокъ красивый, хорошій, веселый, шутливый и при томъ такой хитрый и умный, что его даже жиды боялись. Какъ начнетъ бывало разводить разводы да туману напускать, то одуритъ и самого равина.—А какъ пришелъ и онъ на сговоръ, а гости, подпившіе уже изрядно, стали говорить всѣ разомъ, я моргнула на него да и говорю: „какъ думаете, Никифорко, что выйдетъ изъ этого сватовства?“—„Будетъ то чего ты захочешь, Настя!“ говоритъ онъ, моргнувши и мнѣ хитро-прехитро.—Я?!—О, Боже, праведный, да я бъ за Марусю и душу свою отдала!...

— Дай мнѣ только свое сердце, да и то не даромъ, а въ обмѣнъ на мое! Вѣдь я люблю тебя, Настя.

— Никифоръ.

— Не чванься, Настя, а дай мнѣ свою бѣлую ручку, ты любишь меня, это я давно знаю! А за Марусю не безпокойся: Маруся подъ моей опекой.

— А Тимоѳей?

— Тимоѳей мой побратимъ, а люблю я его какъ родного брата. Это все мнѣ удалось шепнуть на ухо Марусѣ, когда она убиралась въ свѣтлицѣ, а ты побѣжала чего то къ старухѣ въ комору.

— Да какъ же ты думаешь все устроить?

— Это ужъ моя забота, Настя. Одно тебѣ скажу только, какъ прійдетъ къ вамъ мой посланный съ наставленьемъ отъ меня, дѣлайте все, какъ онъ вамъ скажетъ.

— А кто будетъ этотъ посланный?

— Баба Гапа, что у насъ теперь ведетъ хозяйство. Развѣ не молодецъ,—хоть куда!

Я засмѣялась, онъ стиснулъ меня, поцѣловалъ и пошелъ межъ гостей, а мнѣ показалось, что меня носятъ на крыльяхъ ангелы... Это было другое чудо. А чудотворецъ кто?

Библиотека "Руниверс"

V.

Было это сейчасъ послѣ зеленыхъ святокъ, а на Петра должна была быть свадьба, такъ условились между собою сваты. Въ это время баба Гапа почти каждый день прибѣгала къ намъ, какъ будто бы о чемъ нибудь посовѣтываться, или занять чего нибудь или просто такъ провѣдать. А что за страшилище была эта баба Гапа, ну просто точно сатана! Сухая, костлявая, ротъ отъ одного уха до другаго, какъ у вороны, одно плечо выше, другое ниже, вся какая то искривленная, пронзительные глаза, зубы, какъ спицы граблей, ноги длинныя-предлинныя, такъ что какъ ступитъ шагъ, то тебѣ надо сдѣлать три. А какъ надѣнетъ турецкую феску, то будетъ уже тебѣ сниться ночи три, не меньше. Какъ прибѣжитъ, бывало, къ намъ, то сейчасъ же какъ егоза и пойдетъ шнырять вездѣ: подниметъ суету и въ хатѣ, и въ коморѣ, и въ свѣтлицѣ, очутится и на дворѣ, между утокъ, куръ... Только индюковъ боялась послѣ того какъ разъ старый индюкъ сорвалъ у нее съ головы феску, и мы насилу отняли ее. А какъ влетитъ въ хату, то сейчасъ и на старухѣ Оманихѣ одернетъ платье, и у Маруси кораллы на шеѣ перевязываетъ, и меня кулакомъ толкнетъ, и съ котомъ цѣлуется, а такъ затрещитъ, что въ хатѣ звонъ пойдетъ, а Омониха убѣжитъ или на огородъ, или въ пасѣку, лишь бы спастись отъ напасти.

Такъ вотъ разъ въ субботу прилетѣла она къ намъ, какъ сорока, и какъ только Омониха вышла изъ хаты, такъ она сейчасъ шепнула Марусѣ на ухо:

— Тимоѳей пришелъ!

Маруся такъ и встрепенулась вся, спрашиваетъ:

— Гдѣ жъ онъ?

— За Крестовикомъ, на горѣ близъ Днѣстра завтра въ полдень будетъ ждать тебя. Завтра воскресенье, отпросись у матери и приходи туда съ Настей. А еслибъ старуха и не пускала, ты все таки приходи, онъ будетъ ждать тебя непремѣнно.

Въ это время въ хату вошла Омониха, а Гапа сейчасъ такъ и подлетѣла къ ней:

— Голубушка, милая! Какія ягоды уродились на горахъ за Крестовикомъ, ну просто какъ грецкіе орѣхи!

Библиотека "Руниверс"

— А я еще въ этомъ году и не видѣла ихъ, говоритъ Омаииха, а Маруся подхватила сейчасъ:

— Я, мама, пойду завтра послѣ обѣда съ Настей, и насобираемъ, хорошо, мама?

— Идите, я не мѣшаю, говоритъ Омаииха, лишь бы вамъ не вздумалось купаться, тамъ возлѣ крестовыхъ горъ страшная глубина, дна нѣтъ. Эти бездны поглотили не одного уже человѣка, такъ что и слѣда не осталось. А тѣ утопленники, говорятъ, зарятся на живыхъ людей, какъ бы ихъ залучить себѣ въ товарищи...

— Да ну ихъ, говорю я. Развѣ мы не купаемся каждый день у себя возлѣ мельницы, чтобъ захотѣли мы лѣзть въ рѣчныя ямы.

— Вода ищетъ себѣ жертвъ, говоритъ дальше Омаииха. Да не вздумайте также взбираться на Крестовика. То скала опасная, ненадежная, страшная. Она нависла надъ самой кручей Днѣстра, будто каждую минуту хочетъ броситься въ бездонную глубину рѣки.

— Пускай себѣ бросается на здоровье, говорю я, а намъ то какое дѣло? Мы погуляемъ себѣ часокъ, наберемъ ягодъ, да заранѣе вернемся и домой.

— А знаете, дѣти, продолжаетъ дальше Омаииха, почему назвали ту ужасную скалу Крестовикомъ? По тѣмъ безчисленнымъ крестамъ, что стояли по гребнямъ и вершинамъ скалы. Какъ утонетъ, бывало, кто въ днѣстровыхъ пропастяхъ, то сейчасъ люди крестъ святой поставятъ на какомъ нибудь шпилѣ. Потомъ негдѣ уже было и крестовъ ставить—вотъ и оставили тотъ обычай, хотя послѣ того Богъ знаетъ сколько тамъ еще душъ утонуло! Вѣчная имъ память!

— Безъ погребенья! вздохнула Маруся.

— Безъ гроба и безъ ямы, говоритъ Омаииха, вытирая слезы. Со дна бездны никто вѣдь не могъ достать и косточки погибшихъ.

Въ это время вошелъ старый Оманъ. Все утихло; даже Гапа не долго еще повертѣлась, а, моргнувши Марусѣ, отправилась домой.

Библиотека "Руниверс"

VI.

Пока все это происходило въ Омановой хатѣ, у Клищука велись иныя рѣчи, совсѣмъ иныя. Старый Клищъ сидитъ въ концѣ стола и куритъ трубку, а Никифоръ возлѣ печки починяетъ неводъ, да усмѣхается самъ себѣ.

— Гмъ, говоритъ Клищъ черезъ минуту, вытрушивая изъ трубки золу, Тимоѳей Соболь пришелъ сегодня въ семидневный отпускъ. А красивый изъ него вышелъ парень, нечего сказать, могъ бы у меня быть за дружка.

— Какъ бы Маруся не разсердилась, говоритъ Никифоръ, смѣясь.

— Какъ это Маруся? крикнулъ Клищъ съ досадою. Развѣ Соболю есть къ ней какое дѣло?

— Да вы не знаете развѣ, что они давно любятъ другъ друга? Ха, ха, ха! Да про это уже и воробьи прокричали на крышахъ.

— Лжешь, разбойникъ, крикнулъ Клищъ, вскочивши со скамьи, какъ ужаленный, неправда это!

— Пускай будетъ и неправда, мнѣ что съ того? А я, что знаю, то знаю!

— Отчего жъ ты мнѣ давно этого не сказалъ, душегубецъ ты этакій! Вѣдь ты зналъ, что я хочу жениться на Марусѣ.

— Развѣ вы меня спрашивали о чемъ нибудь, когда шли къ Марусѣ съ старостами? А я такъ себѣ думалъ: мой паненька уже старый, приношенный, можетъ быть оно будетъ и кстати ему, если будетъ кто со стороны утѣшать молодую женку. Ха, ха, ха!

— Докажи, негодяй ты, или я сейчасъ тебѣ скручу шею, какъ воробью, докажи, что говоришь правду.

— А что будетъ, если я докажу?

— Тогда пусть Оманъ отдаетъ свою пышную дочку солдатамъ, а не завязываетъ съ нею свѣтъ мнѣ, Петру Клищу, на доброе имя котораго никогда не упала еще и порошинка!

— Вотъ теперь и въ самомъ дѣлѣ вы говорите такъ, какъ подобаетъ Петру Клищу, тому Петру Клищу, который и съ офицеромъ бы за честь свою поспорилъ. Только точно ли такъ будетъ, какъ вы говорите?

Библиотека "Руниверс"

— Если неправду я говорю, то убей меня полѣномъ, какъ бѣшеную собаку, отвѣчалъ Клищъ, поднявши обѣ руки вверхъ, какъ на присягу.

— Ну, такъ идите-жъ завтра послѣ обѣда на Крестовую скалу и спрячьтесь тамъ такъ, чтобъ васъ никто не видѣлъ. Ожидайте тамъ хоть бы и до вечера! А если не увидите тамъ того о чемъ я вамъ говорилъ, то даю вамъ волю дѣлать со мной что угодно, можете хоть скинуть меня съ Крестовика въ пучину Днѣстра...

— О! зарычалъ старый Клищъ, какъ разсвирѣпѣлый туръ. Такъ надо жъ, чтобъ и Оманъ шелъ со мною, чтобъ не говорилъ старый песъ, что я порочу честь его дочери. И сказавши это, схватилъ уже шапку съ крючка и пошелъ къ дверямъ, направляясь въ хату къ Оману.

— Стойте, батько, говоритъ Никифоръ, останавливая старика, что это вы хотите дѣлать? Развѣ вы думаете, что Оманъ сдержитъ себя до завтрашняго дня? Да онъ сейчасъ дома такую бучу подниметъ, что Марусѣ будетъ не до свиданья съ Тимоѳеемъ.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать? спрашиваетъ растерянный Клищъ.

— Ждите до завтрашняго послѣ обѣда, пока Маруся не пойдетъ на прогулку, а тогда уже зовите Омана да и идите съ нимъ тропинками, чтобъ васъ никто не видѣлъ, на Крестовую скалу.

— Твоя правда, сынъ, говоритъ Клищъ, швырнувши шапку въ уголъ, а самъ кинувшись на лаву возлѣ стола. Никифоръ взялъ шапку и вышелъ тихонько изъ хаты, усмѣхаясь, какъ лиса, когда ей удается какое нибудь хитрое дѣло.

VII.

Весь тотъ день, это Божье воскресенье было тихое, ясное и теплое, извѣстно какъ передъ Ивановымъ днемъ. Сейчасъ послѣ обѣда мы собрались съ Марусей и пошли къ Крестовой горѣ. А тотъ Крестовикъ стоитъ тамъ себѣ высокій да ужасный, наклонившись надъ Днѣстромъ, а подъ нимъ вода въ черной

Библиотека "Руниверс"

пучинѣ такъ и бьется, такъ и крутитъ, просто страхъ беретъ смотрѣть. А за горою берегъ красуется покрытый зеленой травой и цвѣтами. На небольшой площади стоятъ изрѣдка яворы, дубы, березы, а дальше тянется густой лѣсъ, зеленый какъ рута. О прекрасно оно, прекрасно то побережье Днѣстрово! Не будь только этого ужаснаго Крестовика и той страшной, черной рѣчной пучины!...

— Ты что то не весела, Маруся? говорю я.

— Тяжело мнѣ, Настя, очень тяжело.

— Да отчего-жъ, Марусечка? Вѣдь сейчасъ увидишь своего Тимоѳея.

— Мой Тимоѳей, милый мой Тимоѳей, защебетала Маруся, какъ тоскующій соловей. А можетъ быть баба и лгала, можетъ быть онъ...

— Не лгала баба, мое ты золото, раздалось изъ за явора и черезъ секунду Маруся прижималась къ своему Тимоѳею. А онъ такъ голубитъ ее:

— О Марусенька, мое сердце! Насъ никто уже не разлучитъ на этомъ свѣтѣ!

— А можетъ быть и разлучитъ, послышался крикъ съ самаго высшаго шпиля Крестовой скалы. Смотримъ туда, а тамъ стоитъ Оманъ съ ружьемъ, а возлѣ него Клищъ, оба страшные и багровые, точно палачи.—Отойди прочь отъ безумной дивчины, заревѣлъ Оманъ, какъ дикій звѣрь, такъ что даже эхо пошло по лѣсу.

— Насъ не разлучитъ и смерть, не то что ты неразумный старикъ, отвѣтилъ гордо Тимоѳей, прижимая къ себѣ лишившуюся чувствъ Марусю.

Бухъ! Бухъ!... раздалось дважды изъ Омановаго ружья. Военная фуражка Тимоѳея, пробитая двумя пулями, отлетѣла далеко. Никифоръ выбѣжалъ безъ шапки изъ лѣсу и осматриваетъ товарища, не задѣла ли его пуля. Мы съ Тимоѳеемъ припали возлѣ бѣдной Маруси, лежавшей, точно неживая, на травѣ. Оманъ заряжаетъ въ другой разъ свое ружье,—какъ вдругъ—трахъ!... Рѣчная пучина заревѣла, волны съ шумомъ ударили вверхъ, такъ что вода брызнула и на насъ, а весь

Библиотека "Руниверс"

уголъ Крестовой скалы, на которомъ стояли Оманъ съ Клищомъ, пропалъ съ ними вмѣстѣ въ черной пучинѣ Днѣстра и изчезъ безъ слѣда и безъ вѣсти и до настоящаго дня.

VIII.

На другой день три священника, сѣдые какъ три сивыхъ голубя, правили панихиду надъ Крестовой скалой, правили похоронный обрядъ „безъ гроба и безъ ямы", какъ поютъ въ пѣснѣ. Старая Омаиха распоряжалась во время службы, всегда спокойная, блѣдная, какъ ярый воскъ, тихая, какъ великомученица. Народъ стоялъ кругомъ скалы и плакалъ тихо. Маруся лежала въ горячкѣ, я ухаживала за нею. Никифоръ сидѣлъ возлѣ больнаго Тимоѳея, да плакалъ о своемъ неразуміи. Самъ вѣдь онъ это и Тимоѳея вызвалъ и бабу Гапу къ Марусѣ посылалъ и Клища съ Омаиомъ направилъ подстеречь свиданье. Онъ то разсчитывалъ такъ, а вышло иначе. Онъ думалъ, что когда старый Клищъ увидитъ, что Маруся и Тимоѳей любятъ другъ друга то, какъ честный человѣкъ, откажется отъ нея, а старый Оманъ, хоть и нехотя, долженъ будетъ отдать Марусю за Тимоѳея. А между тѣмъ... Ахъ, отцы и матери, имѣющіе дѣтей, не разлучайте ихъ съ тѣми, кого они вѣрно любятъ, чтобъ и васъ Божій гнѣвъ не увлекъ въ какую нибудь пучину, хоть не Днѣстровую, а иную, у Него, Святаго, есть ихъ много...

А черезъ годъ?... Опять три священника, какъ три сѣдыхъ голубя, правили службу надъ Днѣстровой кручей за упокой душъ Максима и Петра, тѣла которыхъ почивали подъ Крестовой скалой „безъ гроба и безъ ямы". Народъ опять стоялъ кругомъ и тихо плакалъ. Старая Омаиха опять распоряжалась, какъ годъ тому назадъ, все такъже тихая, блѣдная, покорная. Тимоѳей съ Никифоромъ стояли близъ обломковъ Крестовика и молились Богу. Баба Гапа крутилась возлѣ Омаихи, но уже въ новой фескѣ, такъ какъ старый противный индюкъ до тѣхъ поръ не далъ пощады, пока не разнесъ ее въ куски.

А я съ Марусей?—Готовились къ святому вѣнцу, назначенному послѣ обѣда: Маруся съ Тимоѳеемъ, а я съ Никифоромъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» настоящаго года помѣщена рѣчь, произнесенная малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Репнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ 25 сентября 1823 года. Приводимъ текстъ другой рѣчи, сказанной имъ-же при открытіи дворянскихъ собраній въ Полтавѣ 3-го и въ Черниговѣ 20-го января 1818 года.

«Чѣмъ стану привѣтствовать васъ, почтенные дворяне, въ торжественный день собранія вашего? Какія слова достойны важности предмета, вамъ предстоящаго? Мои были-бы слабы. Но обратимся къ тѣмъ, на коихъ основаны права наши, къ тому залогу любви и милосердія, который далъ намъ Всеавгустѣйшій Императоръ въ первые дни царствованія своего.

(Здѣсь прочтенъ Высочайшій манифестъ отъ 2 апрѣля 1801 года, возстановляющій права дворянства).

Такъ вѣщалъ Царь нашъ, возшедши на престолъ предковъ своихъ. Надежда вселилась въ сердца наши при сей зарѣ благоденствія и сколь величественно она исполнилась!

Гдѣ грозныя тучи, носившіяся надъ Россіею? Онѣ исчезли! Гдѣ враги ея? Всевышній низвергъ ихъ, поборствуя Царю, уповающему на него, исшедшему на брань съ крестомъ въ сердцѣ и воззвавшему къ народу съ отеческою любовью.

Россія блаженствуетъ, торжествуетъ: зане Царь ея по сердцу Божію и Господь есть на всѣхъ путехъ его.

Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками! Сими знаменитыми годами будутъ гордиться и дальніе потомки наши. Но да увидятъ они въ насъ примѣръ добродѣтелей, не только воинственныхъ, но и гражданскихъ,

Библиотека "Руниверс"

пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда можемъ только быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

Вы, почтенные дворяне, повинуясь гласу Царя, не знали преградъ своимъ пожертвованіямъ; не считали вы достояній своихъ, не помышляли о женахъ и дѣтяхъ вашихъ: себя, все что имѣли, приносили въ жертву отечеству. Всевышній благословилъ усилія ваши, и всемилостивѣйшій Государь удѣлилъ вамъ часть славы своея, сказавъ: «дворянство есть вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа».

Вникните въ сіи царскія слова, и да послужатъ они вамъ путеводителемъ въ будущихъ вашихъ дѣяніяхъ.

Право, предоставленное россійскому дворянству избирать изъ среды себя какъ судей, такъ и чиновниковъ, пекущихся о внутреннемъ спокойствіи, есть знакъ величайшаго довѣрія правительства къ нашему сословію. Оправдаемъ оное; и да не уклонится никто изъ васъ отъ возлагаемой на него обязанности; да не падетъ избраніе ваше на иныхъ, какъ на людей достойныхъ и опытныхъ, и да не возжелаетъ никто мѣста выше силъ своихъ.

Отличительная черта въ русскомъ дворянинѣ есть безпрестанное его служеніе отечеству. Онъ не считаетъ, какъ иноплеменникъ, что сойдя съ поля брани, или сложивъ съ себя какое либо званіе гражданское, прекратились его обязанности, что онъ уже заплатилъ дань отечеству: нѣтъ! онъ пребываетъ вѣрнымъ его сыномъ до конца дней своихъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ верховныхъ властей.

Теперь предлежитъ вамъ еще величественное поприще, содѣйствовать Отцу отечества и въ попеченіи его о устроеніи внутренняго благоденствія. Всякъ, исполняющій долгъ свой съ ревностью, жертвующій спокойствіемъ и личными выгодами для пользы общей, можетъ гордиться сею мыслію: и щедрый и справедливый Царь не оставитъ заслуги его въ тунѣ.

Всегда сіи пожертвованія были легки для васъ благородное малороссійское дворянство! но теперь онѣ будутъ восхитительны при воспоминаніи о тѣхъ торжественныхъ дняхъ въ кои удостоились мы видѣть всемилостивѣйшаго Государя среди насъ. Кто можетъ вспомнить безъ восторга милостивое его снисхожденіе къ каждому, попеченіе о благѣ общемъ, награды, коими онъ удостоилъ сочленовъвашихъ?

Библиотека "Руниверс"

И такъ ничтожны для васъ будутъ всѣ трудности, предлежащія вамъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ обязанностей.

Вы, коихъ удостоитъ почтенное дворянство своимъ избраніемъ, вступя въ судилища, оставьте за прагомъ оныхъ всѣ прежнія сношенія ваши: да будутъ месть и злоба чужды сердецъ вашихъ; но и да не поколеблютъ васъ тоже связи родственныя и дружескія; со страхомъ Божіимъ въ сердцахъ будьте тверды, не бойтесь мощныхъ на земли, а взыщите сирыхъ и убогихъ: «возлюбите правду, судящіи землю: мудрствуйте о Господѣ во благостыни и въ простотѣ сердца взыщите его».

Но и тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердому Царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ. Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій Государь, «что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ, предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ, многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Благородное дворянство! Сіе воззваніе отца отечества уже навѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ. Вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставили. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе, неумолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцевъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдѣляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги: и за родину никто не принесъ себя въ жертву! Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи; ко всему были равнодушны; и память бы ихъ исчезла въ смертномъ снѣ, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю, не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ, побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщите способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностію подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, «помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ!»

Но сіи отеческія попеченія ваши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ, изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя, и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне! Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили; другіе, своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ, весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ, и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ «умомъ и душею народа».

Симъ великимъ привѣтствіемъ Царя нашего началъ и кончу изложеніе обязанностей вашихъ. Важность предмета, о коемъ я обращался къ вамъ, полагаетъ преграды моему вѣщанію; но порывъ

Библиотека "Руниверс"

благодарности заставляетъ нарушить оныя, и я дерзаю еще [illegible] времени занять васъ изъясненіемъ чувствъ, наполняющихъ сердце мое.

Въ сей день, малороссійское дворянство! когда я нахожусь среди почтеннаго собранія вашего, чувствую наиболѣе всю важность служенія, милостію монаршею на меня возложеннаго. Онъ довѣрилъ мнѣ пещись о вашемъ благосостояніи, быть исполнителемъ велѣній его, блюстителемъ порядка и правосудія въ краѣ семъ, столь знаменитомъ своими воспоминаніями, столь значительномъ и нынѣ въ общей связи государственной.

Священныя обязанности возложены на меня; но не въ силахъ моихъ и частію бы оныя исполнить, еслибъ не осчастливленъ я былъ содѣйствіемъ вашимъ. Память истекшаго года неизгладима изъ сердца моего: многіе изъ васъ удостоили меня своею дружбою и своимъ довѣріемъ; всѣ оказали новые опыты приверженности къ Царю и отечеству: отъ щедротъ вашихъ основывается здѣсь училище — новый памятникъ того стремленія къ просвѣщенію, которое всегда отличало малороссійское дворянство.

Вы, почтенные сотрудники мои! избранные отъ дворянства мужи, коимъ вручило оно жезлъ предводительства: вы истинно заслужили отличное мое уваженіе и благодарность. Я часто обращался къ вамъ — и всегда находилъ въ васъ усерднѣйшихъ подданныхъ Государю, защитниковъ чести и спокойствія вашихъ согражданъ, мнѣ же дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, не скрывающихъ отъ меня никогда зла и говорящихъ мнѣ всегда правду.

Малороссіяне! течетъ уже другой годъ, какъ я среди васъ. Уповаю, что не чуждъ уже я вамъ и что вы сохраните память приверженности моей и въ то время, ежели волею Монаршею перемѣнится мое служеніе; буде же нѣкогда прекратится оное, то среди же васъ буду искать себѣ успокоенія: дружба и уваженіе ваши будутъ и тогда лестнѣйшею для меня наградою отечества.

Теперь, почтенные дворяне! приглашаю васъ отправиться въ храмъ Господень, принести предъ престоломъ Всевѣдущаго священный обѣтъ въ нелицепріятномъ избраніи изъ среды себя судей правыхъ, чиновниковъ дѣятельныхъ, мнѣ же сотрудниковъ, достойныхъ моего уваженія».

Рѣчь эта была отдѣльно напечатана. Она произвела впечатлѣніе и, по всей вѣроятности, вызвала толки на мѣстѣ; нѣкоторыя мѣста ея показались слишкомъ смѣлыми, вслѣдствіе чего послѣдовало по цензурѣ распоряженіе не дозволять ея перепечатыванія въ

Библиотека "Руниверс"

журналахъ. Однако она появилась въ 20 книжкѣ (15 мая) «Духа Журналовъ» на 1818 годъ, издаваемаго въ Петербургѣ цензоромъ Яценковымъ. По справкѣ оказалось, что она не была въ разсмотрѣніи цензуры и добавлена къ книжкѣ, пропущенной въ печать цензоромъ Тимковскимъ.

Въ отвѣтъ на потребованное отъ него объясненіе, издатель «Духа Журналовъ» говоритъ:

«Въ рѣчи князя Репнина нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое легкое и осторожное напоминаніе о улучшеніи участи крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ кругу гражданскаго ихъ бытія, въ которомъ они закономъ постановлены. Предметъ не новый: можно указать тысячи узаконеній, то же самое и еще сильнѣе подтверждающихъ.

«Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была въ торжественномъ собраніи всего малороссійскаго дворянства такимъ лицемъ, которое на своемъ постѣ есть органъ воли Монаршей, слѣдовательно принята за оффиціальную; а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземпляра.

«Мнѣ не было тогда извѣстно словесное приказаніе его высокопревосходительства г. управляющаго министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, данное цензору статскому совѣтнику Тимковскому о недозволеніи печатать рѣчи сей. Если бы я могъ хотя мало подозрѣвать о такомъ распоряженіи, то-бы нарушить онаго не осмѣлился. Но, принявъ рѣчь сію за оффиціальную, какъ она и есть, не счелъ необходимымъ испросить цензорскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 39 устава о цензурѣ».

«Въ заключеніе имѣю честь объяснить, что я въ изданіи журнала не полагалъ иной цѣли, кромѣ пользы общественной, бывъ удаленъ не только дѣйствовать, но и мыслить вопреки намѣреніямъ правительства, какъ скоро намѣренія сіи, всегда благотворныя, сдѣлаются явными».

Содержатель типографіи К. Край далъ объясненіе, что рѣчь князя Репнина напечатана имъ безъ цензурнаго пропуска, такъ какъ она была доставлена ему въ печатномъ видѣ съ дозволенія правительства. Впредь-же обязывается ничего не печатать безъ дозволенія цензуры.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Яценкова отобрана была подписка впредь ничего не печатать въ издаваемомъ имъ журналѣ безъ предварительнаго одобренія цензоромъ Тимковскимъ.

Сообщилъ **В. Ю.**

Разбойникъ Тараненко. Настоящей моей замѣткой я хочу припомнить читателямъ «Кіевской Старины», а еще болѣе того тѣмъ, кто имѣетъ возможность собрать болѣе точныя свѣдѣнія, объ одной личности, извѣстной многимъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ этого столѣтія въ Кіевщинѣ, окрашенной въ устномъ сказаніи еще живыхъ людей въ цвѣтъ удальства. Я хочу напомнить о Тараненкѣ. Не зная ничего о его злодѣяніяхъ, я не хочу даже называть его именемъ бандита, въ письменности прилагаемымъ къ его предшественникамъ въ народномъ недавнемъ эпосѣ Гаркушѣ и Кармелюку. Точныя свѣдѣнія о Тараненкѣ, я думаю, не трудно получить въ дѣлахъ военнаго суда кіевскаго генералъ-губернаторства. Но *я*, припоминая публикѣ эту личность, считаю нужнымъ разсказать здѣсь все мнѣ о ней извѣстное, разумѣется, изъ разсказовъ, въ которыхъ если даже этотъ Тараненко не таковъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ таковъ, какимъ его хотѣла видѣть народная молва, часто выразительница своихъ симпатій или антипатій.

Разсказывали, что онъ, Тараненко, былъ дворовымъ человѣкомъ какой то генеральши К—ской изъ Шполянщины. Почему-то его помѣщица не давала ему разрѣшенія жениться на одной изъ ея горничныхъ, которую даже съ остриженой косой выслала въ другую деревню. Возмущенный этимъ Тараненко *сталъ грубить* и за свою продерзость былъ отданъ помѣщицей въ исправительныя арестантскія роты. Оттуда онъ бѣжалъ въ Аккерманъ, въ которомъ въ то время люди не умирали по той причинѣ, что на мѣсто умершихъ мѣщанское общество записывало приблудныхъ бродягъ безпаспортныхъ, коими въ то время кишѣла Херсонщина и Бессарабія, черезъ которую бурлачня направлялась «за Дунай ричку—маты, що не дае имъ погибаты». Приписанный подъ другимъ именемъ въ Аккерманѣ Тараненко пошелъ по набору въ солдаты и по его дородности и красотѣ попалъ въ гвардію, кажется, въ Преображенскій полкъ. На службѣ ему везло и жилось хорошо. Вздумалъ онъ дать о себѣ вѣсть матери и зазнобѣ; написалъ къ нимъ письмо, которое попало въ

Библиотека "Руниверс"

панскій дворъ и обнаружило его, бѣжавшаго изъ арестантскихъ ротъ и поступившаго подъ чужимъ именемъ на службу, мѣстопребываніе. Генеральша сообщила о семъ куда слѣдуетъ; Тараненка арестовали и переслали для суда въ Кіевъ, гдѣ онъ и содержался въ Печерской крѣпости, откуда онъ совершилъ цѣлый рядъ побѣговъ, число которыхъ по народному сказу достигаетъ пяти. Во время этихъ его бѣганій, замѣчу кстати все на свою родину Шполянщину, онъ не неволѣ сводилъ знакомство съ темнымъ людомъ и въ томъ числѣ съ конокралами. Обыкновенно онъ заходилъ на родину, послѣ таскался по Херсонщинѣ и все таки каждый разъ ловился въ той же Шполянщинѣ. Въ одинъ изъ такихъ побѣговъ онъ, по разсказамъ, проникъ въ спальню своей гонительницы-помѣщицы съ цѣлью зарѣзать ее; но въ спальнѣ оказалось двѣ кровати и на обѣихъ спящія женщины. Боясь зарѣзать ничѣмъ передъ нимъ неповинную компаньонку генеральши, и не имѣя спичекъ для того, чтобы зажегши ихъ узнать того, кого ему нужно, Тараненко бросилъ ножъ и ушелъ, сказавъ только о своемъ визитѣ ночному сторожу: «Я ій тамъ гостинца лышывъ!»

Сколько именно разъ совершалъ Тараненко побѣги, я навѣрное не знаю, но вѣрно то, что онъ бѣгалъ не разъ и каждый побѣгъ усложнялъ его дѣло, помимо совершаемыхъ имъ во время бѣгства все новыхъ и новыхъ преступленій. Въ народномъ сказаніи бѣглецъ Тараненко грабилъ богатыхъ и одаралъ бѣдныхъ, какъ и всѣ герои сказаній; но на самомъ дѣлѣ въ побѣгахъ онъ не могъ обойтись безъ пользованія чужимъ имуществомъ, добывать каковое, разумѣется, приходилось путемъ кражи или грабежа. Но кромѣ того онъ, говорили, много изводилъ на себя небывалыхъ преступленій ради того, чтобы затягивать рѣшеніе своего дѣла и найти случай опять бѣжать.

Лѣтомъ 1861 года Тараненко совершилъ побѣгъ изъ кіевской крѣпости. Я это хорошо знаю потому, что самъ читалъ циркулярное по волостямъ предписаніе о поимкѣ бѣглеца. Въ предписаніи были описаны его примѣты, въ числѣ коихъ значилось, *что онъ въ солдатской шинели съ красными погонами (?!)*.

При собираніи орѣховъ *дивчата* пугали одна другую Тараненкомъ.

Но какъ то вскорѣ его поймали. Объ этой поимкѣ разсказывали такъ:

Возвращались въ м. Шполу изъ какой то недальней поѣздки шполянскій же волостной старшина и писарь. На передкѣ брычки сидѣлъ возница. Недалеко отъ мѣстечка они нагнали идущаго по

Библиотека "Руниверс"

дорогѣ какого-то степеннаго мужика (въ разсказѣ помню говорилось *«хозяина»* въ смыслѣ наружной порядочности) и пригласили его подъѣхать съ ними. Возница все оглядывался и всматривался въ этого попутчика. Повозка подъѣхала къ волостному правленію, гдѣ была собрана сходка (громада) въ ожиданіи старшины. Попутчикъ степенно поблагодарилъ за подвозку, поздоровался съ громадою и пошелъ себѣ своимъ путемъ дальше. Возница еще всмотрѣлся въ уходящаго попутчика и сейчасъ же заявилъ, что это Тараненко. Кинулись за нимъ и цѣлою громадою его поймали, причемъ онъ поранилъ ножемъ, нѣсколькихъ человѣкъ. Окованный по рукамъ и по ногамъ кандалами, или же прикованный къ возу, подъ стражею толпы крестьянъ, солдатъ и нарочно командированнаго становаго пристава, Тараненко былъ препровожденъ въ Кіевъ. На ночлегѣ въ селѣ Піяхъ, каневскаго уѣзда, онъ сказалъ: «скажитѣ пану маршалкови (Янковскому), щобъ мени прислявъ чаю и чого повечеряты!» Желаніе его было удовлетворено. Года черезъ четыре мнѣ пришлось слышать разсказъ одного маіора, бывшаго въ полку, стоявшемъ гарнизономъ въ кіевской крѣпости во время бѣгства Тараненка въ 1861 году. Привожу здѣсь его по памяти.

Тараненко содержался въ какой то строгой арестантской кельѣ крѣпости. Помнится въ № 14. Была ли это какая особая камера подъ этимъ номеромъ или такъ называлось цѣлое зданіе—не знаю. Когда онъ оттуда бѣжалъ, то только нашли въ потолкѣ, очень высокомъ въ той камерѣ, выдавленную доску, отъ чего образовалось отверстіе, на чердакъ, но, какъ бѣглецъ могъ добраться до этого отверстія, не могли понять.

Пойманный Тараненко, по просьбѣ коменданта крѣпости, въ присутствіи многихъ лицъ и въ томъ числѣ разсказчика, объяснилъ свой побѣгъ такъ:

Что-то работавшіе на чердакѣ крѣпостные каторжные арестанты по просьбѣ Тараненка сверломъ пробуравили въ одной изъ досокъ потолка камеры его цѣлый рядъ плотно одна около другой расположенныхъ дыръ, такъ, что напоромъ можно было выдавить часть доски. Это узникъ сдѣлалъ, уставивъ на столикъ, имѣвшійся въ камерѣ, ребромъ койку, ставъ на эту примостку и нанеся въ потолокъ шалевкою, одной изъ тѣхъ, коими замащивалась койка. Нужно было быть особенно ловкимъ, чтобы съумѣть влѣзть на такую подмостку—койку поставленную ребромъ на столъ и еще съ усиліемъ давить шалёнкою въ продырявленную доску потолка. Но тутъ вышла одна непредви-

Библиотека "Руниверс"

дѣнная случайность, потребовавшая еще большей ловкости и рѣшимости со стороны бѣглеца.

Потолокъ въ камерѣ расположенъ очень высоко: столъ 1¼ арш., койка, если даже она была поставлена узкимъ ребромъ, 1 аршинъ, ростъ самого узника около 2½ аршинъ—это уже 4¾ аршина, а потолокъ еще выше, что видно изъ того, что узникъ долженъ былъ употребить шалёвку изъ коечной настилки, которая не могла быть короче 2½ аршинъ. По разсказу отъ полу до потолка 7 аршинъ. На высотѣ 5 аршинъ въ стѣнѣ имѣлось окно величиною аршинъ въ квадратѣ. Доска, которую предположено было выдавить, находилась въ потолкѣ надъ окномъ. Узникъ предполагалъ выдавить ту часть побуравленной доски, которая была ближе къ окну, и такимъ образомъ устроить въ потолкѣ отверстіе, до котораго думалъ добраться, добравшись до окна. Но вышло такъ, что короткая часть доски не поддалась напору, а выперлась длинная часть и такимъ образомъ явилось отверстіе въ потолкѣ аршинахъ въ двухъ отъ стѣны и еще далѣе отъ окна. Послѣ неудавшихся попытокъ выдавить нужную часть доски, узникъ порѣшилъ достичь сдѣланнаго уже отверстія. Для сего онъ къ отломанной ножкѣ стола привязалъ свитую изъ бѣлья и холста сѣнника веревку, приставилъ подъ окномъ ребромъ столъ, на него койку и по сей послѣдней съ заготовленною въ зубахъ веревкою добрался до окна. Въ аршинной амбразурѣ окна, замѣтьте на высотѣ 5 аршинъ,—ему нужно было стать и броситься съ него такъ, чтобы хоть одною рукою хватиться за край дыры въ потолкѣ и затѣмъ уже вставить туда ножку стола съ привязанной къ ней веревкой.

«Всѣ мы диву дались» говорилъ разсказчикъ «нужна была особая ловкость для этого воздушнаго прыжка на высотѣ пяти—шести аршинъ. Неудача влекла за собой смерть, онъ бы непремѣнно разбился о каменный полъ».

(Прошу обратить вниманіе на то, что это разсказъ не идеализирующаго Тараненка простолюдина или мелкаго панка, мало розняющихся въ ихъ міровоззрѣніяхъ, а разсказъ почтеннаго служаки маіора).

Всѣ эти замѣчательно трудныя гимнастическія эволюціи продѣлалъ Тараненко съ успѣхомъ и съ чердака черезъ слуховое окно вылѣзъ на крышу, а по водосточной трубѣ спустился на землю. Ночь была темная—(такую то онъ и выбиралъ)—шелъ дождь. На него, припавшаго къ землѣ, наткнулся было въ нѣсколькихъ шагахъ часовой. Бѣглецъ началъ плескать рукою воду въ лужѣ, подражая лаканью

Библиотека "Руниверс"

собаки. Закутанный въ башлыкъ часовой, предполагая въ согнутой фигурѣ собаку, только чукнулъ.

— Чу ты! проклятая!—и пошелъ дальше.

Черезъ крѣпостные валы, цитадель и обрывы печерской горы онъ добрался до Днѣпра и на первой попавшейся лодкѣ пустился внизъ за водою, а затѣмъ, пробираясь то Днѣпромъ на краденныхъ лодкахъ, то Полтавщиной, добился въ свою Шполянщину, гдѣ и былъ пойманъ выше разсказаннымъ образомъ.

Въ заточеніи Тараненко, затягивавшій дѣло все новыми и новыми показаніями, пользовался особымъ уваженіемъ и популярностію другихъ узниковъ и въ томъ числѣ содержавшихся въ кіевской крѣпости въ 1863—1866 г.г. поляковъ по дѣлу возстанія. Между прочимъ мнѣ разсказывали, что рядомъ съ нимъ черезъ стѣну сидѣлъ судившійся за распространеніе какихъ-то прокламацій полковникъ К—ій въ 1862 году. Приговоренный къ разстрѣлянію, полковникъ К—ій послѣ объявленія ему сентенціи суда впалъ въ отчаяніе и плакалъ. Услышавшій это Тараненко, черезъ стѣну-ли или проводимый мимо его дверей, сталъ укорять плачущаго говоря: «Эхъ вы, панское отродье! Затѣвать то затѣете, а какъ на раздѣлку жидки! Сейчасъ въ слёзы!» Услышавшій это полковникъ К—ій воспрянулъ духомъ и бодро послѣ конфирмаціи шелъ къ мѣсту казни, гдѣ ему объявили о помилованіи и замѣнѣ смертной казни ссылкою въ каторгу.

Слыхалъ я, что Тараненко въ концѣ концовъ былъ наказанъ шпицрутенами (что-то большомъ количествѣ—не помню) и вынесши наказаніе, совершенно посѣдѣвшій, пошелъ въ ссылку; но съ дороги опять бѣжалъ и на этотъ разъ безслѣдно.

Кончая эту замѣтку, я вспомнилъ еще про одну такую же, сдѣлавшуюся сказочною, личность конца сороковыхъ годовъ. Это былъ какой то Рахальскій и можетъ быть Рафальскій—шляхтичъ. Молва и этому своему герою, какъ и другимъ, приписывала обираніе богатыхъ и одариваніе неимущихъ. Мѣсто похожденій Рахальскаго южныя Кіевщина и Подолія. Изъ слышанныхъ въ дѣтствѣ о немъ разсказовъ я помню только одинъ, можетъ быть, уже повторительно слышанный мною и въ старшемъ возрастѣ. Рахальскій письмомъ потребовалъ отъ одного помѣщика уплаты ему какой то суммы денегъ, которыя должны были быть положенными въ какомъ то дубѣ. Помѣщикъ этотъ, почему то мнѣ помнится гайсинскаго уѣзда, не то Ростковскій, не то Росцишевскій, обладалъ замѣчательною силою, надѣясь на каковую, отвѣтилъ Рахальскому:

Библиотека "Руниверс"

— Приходи самъ или только самъ другъ и, если столкнете меня съ порога, то тогда отдамъ требуемую сумму.

Явился Рахальскій съ «козачкомъ» молодымъ паholкомъ. Помѣщикъ сталъ на дверяхъ растопырилъ ноги, уперся локтями въ косяки дверей и сказалъ:

— Готово! Сталкивайте!

— А ну лыщъ Михалко! Зопхны пана! скомандовалъ Рахальскій. Козачекъ наперъ плечомъ и панъ полетѣлъ на полъ. Послѣ этого послѣдовало угощеніе и отдача требуемой суммы денегъ.

Гдѣ дѣвался этотъ Рахальскій, я не слыхалъ.

Въ 1847 или 1848 г. родители мои жили перстакъ въ 25 отъ Умани, около села Моньковки, на хуторѣ Гуральнѣ (тамъ были надъ хорошимъ прудомъ руины какой то винокурни). Въ одинъ зимній вечеръ къ намъ явился какой то панъ въ волчьей шубѣ, въ высокой остроконечной съ красной верхушкой шапкѣ, весь въ снѣгу отъ бывшей въ ту пору мятели и попросился ночевать. Разумѣется, былъ принятъ. Мы дѣти, посмотрѣвши на гостя, удалились опять на кухню, гдѣ старая бабуся «скубла пирья» на теплой лежанкѣ и разсказывала намъ какую то хорошую сказку, за что мы ей помагали въ «скубаньи», ожидая пока спечется въ горячей золѣ «кабакъ» (тыква). Въ кухнѣ мы увидѣли чужаго, пріѣхавшаго съ гостемъ парубка, одѣтаго въ широкіе штаны, съ ножемъ «на припони» и съ большою косою—чубомъ на бритой головѣ. Помню, что насъ очень занималъ этотъ парубокъ и мы съ лежанки все поглядывали на него. Своевременно мы дѣти заснули и не видѣли когда и какъ уѣхалъ отъ насъ гость.

По разсказамъ въ семьѣ это былъ Рахальскій.

Борисъ Познанскій.

Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. О бывшемъ правобережномъ гетманѣ Павлѣ Тетерѣ осталась у современниковъ его въ Малороссіи худая слава «измѣнника» и «прислужника ляховъ»—за его союзъ съ Польшей; да и изъ сторонниковъ Польши едва ли кто, говоритъ Костомаровъ, возбуждалъ къ себѣ такую ненависть въ малороссіянахъ, какъ гетманъ Тетеря. Ненависть эта вызвана безъ сомнѣнія двойной измѣной гетмана, вошедшаго, какъ сказано, въ союзъ съ Польшей и принявшаго, кромѣ того, католичество. Послѣдній фактъ, сообщаемый лѣтописью Грабянки, Н. И. Костомаровъ считаетъ «недо-

Библиотека "Руниверс"

стовѣрнымъ», потому что въ 1669 году будто бы Тетеря писалъ игумену Кіево-Михайловскаго монастыря, что онъ желаетъ постричься въ Печерскомъ монастырѣ въ монахи; но въ монахи однако онъ не постригся и самаго письма его объ этомъ у Костомарова не приведено. Между тѣмъ намъ случайно встрѣтилось одно извѣстіе, дающее поводъ утверждать, что сообщеніе Грабянки о принятіи Тетерей католичества, послѣ бѣгства его изъ Брацлава въ Польшу, справедливо.

Послѣ закрытія виленскаго университета въ 1832 году остались нерѣшенными въ канцеляріи его нѣкоторыя дѣла о суммахъ, принадлежащихъ училищному фундушу. Дѣла эти разсматривались потомъ въ т. н. Радзивилловской коммиссіи, учрежденной въ г. Вильнѣ, и среди нихъ встрѣчается, между прочимъ, дѣло *о суммѣ 21,000 рублей серебромъ, записанной въ 1668 году въ пользу іезуитовъ гетманомъ Тетерею.*

Этотъ капиталъ впослѣдствіи былъ отданъ, какъ видно изъ дѣла, въ заемъ князю Радзивиллу и обезпеченъ на его имѣніи Колки, луцкаго уѣзда; но подлиннаго акта о пожертвованіи въ дѣлѣ нѣтъ, хотя безъ сомнѣнія онъ былъ и можетъ быть гдѣ нибудь найдется, а до того времени придется довольствоваться и этимъ краткимъ намекомъ.

Извѣстіе взято изъ дѣла Архива министерства госуд. имуществъ, № арх. 517, 1832 г., именно изъ числа дѣлъ, переданныхъ въ этотъ Архивъ изъ Департамента народнаго просвѣщенія.

П. Шафрановъ.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. Авторъ *Душеньки*, коллежскій совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичъ *Богдановичъ*, послѣдніе дни своей жизни провелъ въ г. Курскѣ, гдѣ скончался 6 января 1803 года и погребенъ на Всесвятскомъ, что за Херсонскими воротами, кладбищѣ. Курское Всесвятское, или проще, какъ принято въ г. Курскѣ его называть,—Херсонское кладбище—одно изъ двухъ самыхъ древнихъ курскихъ кладбищъ, нынѣ существующихъ,—находится на юго-западной сторонѣ г. Курска. Внѣшній видъ кладбища, какъ и большей части православныхъ кладбищъ въ провинціи, поражаетъ посѣтителя своимъ крайне безотраднымъ состояніемъ и наводитъ невеселыя думы о полномъ невниманіи живыхъ людей къ праху

Библиотека "Руниверс"

своихъ почившихъ братьевъ. Надгробные памятники, иногда очень цѣнные, полуразрушены; деревянные кресты покосились или валяются по кладбищу; могилы густо заросли крапивой, лопушникомъ и другими сорными травами; кладбище не огорожено кругомъ; словомъ, слѣды руки хищниковъ и печать полнѣйшей людской небрежности видны на каждомъ шагу... На этомъ-то кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ надгробныхъ памятниковъ, находится заросшій крапивой, шиповникомъ, сиренью, акаціей и разнаго рода сорной травой, когда-то прекрасный, а нынѣ полуразрушенный памятникъ на могилѣ творца *Душеньки*, Ипполита Ѳедоровича *Богдановича*, поставленный въ 1834 году бывшимъ курскимъ губернаторомъ П. Н. *Демидовымъ*. Какъ будто-бы пророчески исполнились слова И. Ѳ. Богдановича:

«Когда чего я не имѣю,
Я то считаю за ничто»...

Черезъ три десятка съ лишнимъ лѣтъ послѣ смерти на забытой курянами могилѣ знаменитаго писателя и человѣка, русскій меценатъ сооружаетъ превосходный памятникъ; а спустя 56 лѣтъ послѣ сооруженія, этотъ памятникъ рука хищника и невѣжды приводитъ въ такое положеніе, что теперь съ трудомъ только можно было опредѣлить на запущенномъ кладбищѣ ту могилу, на которой памятникъ этотъ поставленъ. Впрочемъ, къ счастью, памятникъ настолько еще крѣпокъ, что ни время, ни стихіи, ни даже хищничество не могли совершенно уничтожить его. Если Богъ поможетъ и добрые люди сочувственно отнесутся, то, при небольшихъ матеріальныхъ затратахъ, можно будетъ произвести реставрацію памятника. Кстати не далеко и то время (6 января 1903 года) когда исполнится столѣтіе со дня кончины И. Ѳ. Богдановича.

Добыть свѣдѣній о подробностяхъ сооруженія памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, несмотря на всѣ старанія пишущаго эти строки, не удалось. Извѣстно только то, что памятникъ поставленъ въ 1834 году П. Н. *Демидовымъ* и, какъ утверждаютъ курскіе старожилы, на собственныя его средства.

Памятникъ И. Ѳ. Богдановича, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, изображаетъ прекрасную, скульптурной работы, бѣлаго мрамора статую *Психеи*. *Психея* изображена въ видѣ стройной женщины, изящная фигура которой закутана въ пышную длинную одежду (тунику), мелкими складками ниспадающую къ ногамъ. Сверху одежды наброшенъ особый покровъ, закрывающій руки, держащія свѣтильникъ. Голова статуи отбита; свѣтильникъ поврежденъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

равно, въ нѣкоторыхъ частяхъ, повреждено и основаніе статуи. По слѣдамъ, оставшимся на памятникѣ, видно, что хищники усиливались сорвать съ пьедестала статую. Пьедесталъ сдѣланъ изъ пестраго мрамора въ греческомъ стилѣ и утвержденъ на гранитныхъ плитахъ въ двѣ ступени. Вокругъ памятника имѣется квадратная, крѣпкая, довольно изящная желѣзная рѣшетка. Высота памятника въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ находится, 3 арш. и 1 верш.; статуя Психеи: 1 арш. 4 вершка. На пьедесталѣ были помѣщены надписи, сдѣланныя рельефными бронзовыми буквами, которыя были привинчены къ пьедесталу. Буквы эти похищены, съ лицевой стороны совершенно, остались только однѣ точки, гдѣ буквы находились; на задней-же сторонѣ осталась незначительная часть буквъ. Возстановляя по слѣдамъ оставшихся буквъ на лицевой сторонѣ пьедестала надпись, можно возстановить ея содержаніе:

. . **Ѣ** . . . **О** . . **ЕБ** . . .
ЗДѢСЬ ПОГРЕБЕНЪ
. . . . **Е** . . . **ІЙ** . . . **ѢТН** . . .
КОЛЛЕЖСКІЙ СОВѢТНИКЪ
. . . . . **ИТ** . . **ЕО** . . . **ОВИ** . .
ИППОЛИТЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ
. . . . . .
БОГДАНОВИЧЪ.
. . **О** . . . **ВШІЙ** . .
СКОНЧАВШІЙСЯ
. **ГЕ** . . . **РЯ 1 . О** . . . . [1]).
6 ГЕНВАРЯ 1803 ГОДА.

Несомнѣнность мѣста погребенія И. Ѳ. Богдановича на Всесвятскомъ кладбищѣ удостовѣряютъ курскіе старожилы, въ числѣ которыхъ назову почтенную Анну Никитичну *Машнину*, глубокую старуху, одиноко живущую въ г. Курскѣ. Въ домѣ бабушки А. Н. Машниной, по разсказу А. Н. находившемся на углу Троицкой и Пастуховской улицъ, нынѣ уже несуществующемъ, гдѣ теперь выстроено духовное училище, проживалъ И. Ѳ. Богдановичъ и тамъ скончался. Время и мѣсто постановки памятника на могилѣ И. Ѳ. Богдановича, А. Н.

[1]) Скобками означены слова, сохранившіяся на памятникѣ.—*Т. В.*

Библиотека "Руниверс"

Машнина помнитъ хорошо. Объ И. Ѳ. она передала разсказы бабушки и матери своей, что И. Ѳ. былъ въ большой дружбѣ съ тогдашнимъ курскимъ губернаторомъ Александромъ Матвѣевичемъ *Веревкинымъ*[1]), у котораго даже столовался. Во время тяжкой болѣзни И. Ѳ. Богдановича, по разсказу А. Н. Машниной, дали знать А. М. Веревкину, который немедленно прибылъ въ квартиру Богдановича. Приглашенный имъ, А М. Веревкинымъ, настоятель Троицкой церкви напутствовалъ умиравшаго поэта и, затѣмъ, похоронилъ на Херсонскомъ кладбищѣ. По метрическимъ книгамъ г. Курска актъ смерти И. Ѳ. Богдановича, какъ увѣдомила меня курская духовная консисторія, не значится.

И. Ѳ. Богдановичъ, какъ видно изъ его біографіи, составленной Н. М. *Карамзинымъ*, родился въ Малороссіи, въ м. Переволочной[2]) 23 декабря 1743 года; а скончался, какъ сказано выше, въ г. Курскѣ 6 генваря 1803 года. **Т. І. Вержбицкій.**

Некрологъ. *Остапъ Вересай*, пріобрѣвшій обширную извѣстность въ столицахъ и на югѣ, если не послѣдній, то одинъ изъ послѣднихъ «кобзарей», умеръ въ концѣ апрѣля въ с. Сокиренцахъ прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи. Обстоятельства его жизни и репертуаръ думъ и пѣсенъ, которыми онъ владѣлъ, хорошо извѣстны изъ многихъ статей, посвященныхъ ему въ печати. Литературная исторія Вересая началась съ половины пятидесятыхъ годовъ, когда въ полтавской глуши его открыли Л. М. Жемчужниковъ и П. А. Кулишъ. Въ первый разъ имя его встрѣчается въ «Запискахъ о южной Руси», въ статьѣ «Сказки и сказочники». Въ «Основѣ» о немъ писалъ г. Жемчужниковъ, напечатавшій тогда и нѣкоторыя изъ его думъ и пѣсенъ. Позднѣе, въ семидесятыхъ годахъ, составлена была А. А. Русовымъ обстоятельная статья о Вересаѣ и записаны тексты большинства исполнявшихся имъ произведеній народной поэзіи. Музыку ихъ записалъ Н. В. Лисенко, сопроводивъ небольшимъ изслѣдованіемъ. То и другое появилось въ «Трудахъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества». Къ этому времени относится и поѣздка

---

[1]) Статскій совѣтникъ А. М. *Веревкинъ* служилъ въ должности курскаго губернатора съ 13 іюня 1799 по 12 сентября 1803 года.—*Т. В.*

[2]) Полтавской губерніи, кобелякскаго уѣзда—*Т. В.*

Библиотека "Руниверс"

покойнаго бандуриста въ Петербургъ, улучшившая его матеріальное положеніе, и появленіе его, какъ пѣвца, въ засѣданіи географическаго общества и другихъ публичныхъ сеансахъ. Во время кіевскаго археологическаго съѣзда, Вересай, какъ живая древность, присутствовалъ въ Кіевѣ и пѣлъ передъ иностранными учеными, занесшими потомъ его скромное имя далеко въ Европу. Можно смѣло сказать, что изъ всѣхъ кобзарей (кромѣ кобзарей козацкой эпохи, намъ неизвѣстныхъ) ни одинъ не пользовался такой обширной извѣстностью и не возбуждалъ столько вниманія какъ Вересай. Будучи типичнымъ представителемъ кобзарства и человѣкомъ смышленымъ и умнымъ отъ природы, покойный Остапъ способствовалъ не мало знакомству нашему съ этимъ явленіемъ героической эпохи, столь удивительно сохранившимся въ южно-русской глуши до нашихъ дней.

Вересай былъ типичнымъ и прекраснымъ представителемъ кобзарства, но далеко не послѣднимъ, о чемъ, впрочемъ, онъ не любилъ слышать, чувствуя выгоду сохраненія за собой монопольной роли «послѣдняго кобзаря». Не говоря о его молодыхъ годахъ, когда собратій его можно было считать десятками, даже недавно еще живы были и Крюковскій, знавшій больше пѣсенъ и думъ, чѣмъ сокиренскій пѣвецъ, и «вечирскій Антонъ» и Павло Братыця, можетъ быть, здравствующій и теперь, пѣвшій двѣ думы о Хмельницкомъ. Въ центральныхъ уѣздахъ полтавской губерніи и сѣверныхъ черниговской, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ харьковской губ. еще и теперь можно встрѣтить бандуристовъ. Правда, это скорѣе пѣвцы съ кобзой, чѣмъ кобзари стараго типа, на которыхъ какъ бы покоился отблескъ какого то эпическаго величія исполняемыхъ ими произведеній. Едва ли возможно отъ этихъ современныхъ кобзарей записать что либо новое. Наши личныя попытки въ этомъ отношеніи не дали ничего, кромѣ не особенно важныхъ варіантовъ. Интересъ представляютъ они въ смыслѣ изученія быта, подробностей нравовъ, ремесла, условнаго языка ихъ и т. п. Эти кобзари—во всякомъ случаѣ послѣдніе и въ новыхъ условіяхъ жизни существованіе кобзарства немыслимо.

Въ «Кіевской Старинѣ» сообщены были г. Ухачъ-Охоровичемъ нѣсколько пьесъ Вересая, ускользнувшихъ отъ прежнихъ собирателей. Въ послѣдніе годы покойный кобзарь часто посѣщалъ Кіевъ. Его можно было часто встрѣтить весною съ внукомъ-поводаремъ и на улицахъ и въ домахъ многихъ кіевлянъ, хорошо его знавшихъ. Привычка къ жизни нищаго была очень сильна въ немъ: выйдя изъ знакомаго дома и только что получивъ нѣсколько рублей, онъ са-

Библиотека "Руниверс"

дился въ кругу собратій на церковной паперти и принималъ подаваемыя копѣйки.

Вересая знали всѣ любители малороссійскаго слова и народной поэзіи. Самъ онъ съ особенной теплотой вспоминалъ о Л. М. Жемчужниковѣ, Кулишѣ и Чубинскомъ. Первые два «открыли» его, послѣдній устроилъ его петербургскую поѣздку, обезпечившую сколько нибудь его старость. П. А. Кулишъ, по его словамъ, «бувъ у его въ хати» и переписывался съ нимъ.

Много разъ снимали его портреты. Художникъ К. Маковскій изобразилъ его въ качествѣ «гусляра» на неудачной картинѣ, превратившейся въ уродливую олеографію, въ видѣ «преміи», доставшейся неприхотливымъ подписчикамъ «Нивы». Гравированный портретъ его былъ въ «Живописной Украинѣ» шестидесятыхъ годовъ, а лучшій фотографическій сдѣланъ недавно кіевскимъ фотографомъ Загорскимъ.

Александръ Алексѣевичъ Васильчиковъ, гофмейстеръ Двора и бывшій директоръ Императорскаго Эрмитажа, скончался 11 мая. Имя свое въ историческую науку покойный внесъ четырехтомнымъ, капитальнымъ трудомъ «Семейство Разумовскихъ». Въ трудѣ этомъ опубликована масса документальнаго матеріала, относящагося къ членамъ семьи Разумовскихъ, составлявшаго достоянье частныхъ архивовъ и ставшаго доступнымъ составителю, благодаря его общественному положенію и связямъ. Васильчиковъ, приходившійся правнукомъ гетману Разумовскому (по бабкѣ своей Аннѣ Кирилловнѣ, дочери графа Кирилла Григорьевича), кромѣ многолѣтняго труда, внесъ много любви въ свое сочиненіе, что отразилось на характерѣ и духѣ его, чуждомъ всего профессіонально-ученаго, педантическаго и заказнаго. Въ изслѣдованіи своемъ покойный явился совершенно самостоятельнымъ, такъ какъ раньше его никто не касался взятой имъ темы. Все написанное имъ составляетъ его дѣйствительную литературную собственность, а не перетасовку изъ многихъ книжекъ въ одну, какъ въ большинствѣ историческихъ работъ. Если имъ недостаточно освѣщена политическая роль Кирилла Разумовскаго, то для уясненія послѣдняго гетмана, какъ личности, первый томъ «Семейства Разумовскихъ», даетъ богатѣйшій матеріалъ. Очень рельефно изображены и своеобразная и мрачная фигура Алексѣя Кирилловича, и утонченный обликъ типическаго дипломата старой школы, мецената

Библиотека "Руниверс"

и поклонника искусствъ графа Андрея Кирилловича, равно какъ и главы этого изумительнаго по судьбѣ своей рода, простодушнаго Алексѣя Розума и многочисленныхъ сыновей гетмана. Въ бумагахъ А. А. Васильчикова остался собраннымъ и почти обработаннымъ матеріалъ, касающійся послѣдняго поколѣнія угасшей въ Россіи семьи Разумовскихъ. Надо надѣяться, что матеріалъ этотъ будетъ изданъ семьей покойнаго, хотя бы въ дополненіе къ труду, на который составитель потратилъ столько лѣтъ своей жизни. По окончаніи монографіи о Разумовскихъ А. А. Васильчиковъ, по тому же плану, предполагалъ разработать біографіи представителей также угасшаго уже рода Безбородковъ.

А. А. Васильчиковъ родился въ 1832 году, воспитывался въ московскомъ университетѣ, служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, состоя при миссіяхъ въ Римѣ и Карльсруэ, а потомъ по министерству Императорскаго двора, занявъ послѣ Гедеонова постъ директора Эрмитажа. Онъ былъ знатокомъ искусства и счастливымъ коллекціонеромъ. Имъ изданъ въ двухъ томахъ систематическій «Liste alphabetique des portraits russes», заключающій описаніе болѣе 4 тысячъ гравированныхъ портретовъ лицъ русскаго происхожденія. Въ рукописи остался послѣ покойнаго трудъ «Искусство въ Венеціи», составляющій начало задуманнаго большаго обзора судебъ итальянскихъ школъ живописи. Г.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

1) Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. В. В. Латышева. (Отдѣльн. оттискъ изъ «Записокъ Импер. Археол. Общ.» Т. IV; стр. 120—153.

2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 годахъ на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго В. Латышевъ. С-ПБ. 1890 (Inscriptiones graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonnesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Iussu Consilii Caesarei Archaeologici ed. B. Latyschev. Petropoli. 1890).

В. В. Латышевъ стяжалъ себѣ завидную извѣстность многолѣтними успѣшными трудами по изданію и объясненію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей, найденныхъ раньше и находимыхъ до послѣдняго времени на мѣстахъ поселеній грековъ и римлянъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Россіи. Важнѣйшими результатами относящихся къ этому предмету занятій почтеннаго ученаго были до сихъ поръ: I томъ «Сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря», изданный въ 1885 г. на латинскомъ языкѣ *(Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae)*, а также *Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи* (С.-ПБ. 1887).

Первый изъ названныхъ въ заголовкѣ статьи трудовъ представляетъ собою часть того матеріала и тѣхъ объясненій, которыя по плану издателя должны войти въ 4-й томъ Сборника черноморскихъ надписей; это именно то, что въ видѣ-ли вновь открытыхъ надписей или въ видѣ новыхъ объясненій къ надписямъ прежде изданнымъ появилось или стало возможнымъ со времени выхода въ свѣтъ I т. «Сборника».

Библиотека "Руниверс"

Медленность въ накопленіи новаго матеріала, восполняющаго изданныя въ 1885 г. надписи, затрудняетъ своевременную публикацію его въ выпускахъ предположеннаго 4-го тома; между тѣмъ интересы науки не ждутъ, и потому В. В. Латышевъ рѣшился, не дожидаясь изготовленія этого тома, публиковать въ Запискахъ археологическаго общества какъ новыя надписи, такъ равно замѣтки, поправки и новыя объясненія къ надписямъ, изданнымъ раньше. Рядъ такихъ разновременныхъ публикацій и дастъ матеріалъ для заключительнаго тома всего изданія. Въ настоящемъ оттискѣ авторъ не ограничивается сообщеніемъ важнѣйшихъ изъ вновь открытыхъ надписей,— онъ даетъ всѣ даже незначительные обломки, равно излагаетъ или отмѣчаетъ всѣ новыя объясненія, поправки и замѣчанія по поводу изданныхъ надписей какъ свои собственныя, такъ и высказанныя другими учеными. Тутъ же В. В. дѣлится съ читателемъ своими предположеніями о составѣ имѣющаго вскорѣ выйти II тома «Сборника», въ которомъ пополнены будутъ нѣкоторые недочеты I тома.

Авторъ излагаетъ новый матеріалъ по двумъ отдѣламъ: сначала идутъ надписи, не вошедшія въ I т. «Сборника», подъ №№, указывающими мѣста, которыя онѣ должны были бы занимать въ этомъ томѣ (стр. 4—22); это—надписи тирасскія, ольвійскія и херсонисскія. Во второмъ отдѣлѣ содержатся дополненія и поправки къ помѣщеннымъ въ «Сборникѣ» надписямъ.

Къ числу надписей, найденныхъ на мѣстѣ древняго города Тиры (Τύρας), т. е. въ нынѣшнемъ Аккерманѣ или въ аккерманскомъ у., относятся четыре №№, изъ которыхъ два изданы проф. Кондаковымъ въ «Трудахъ 2-го археол. съѣзда въ С.-ПБ.», отд. III, стр. 23, третій хранится въ кишиневскомъ музеѣ И. К. Суручана и изданъ теперь по эстампажу послѣдняго; эстампажъ четвертой надписи сообщенъ издателю также проф. Кондаковымъ. Всѣ эти фрагменты слишкомъ незначительны, чтобы сами по себѣ могли дать что либо для исторіи юга. Однако и они подкрѣпляютъ гипотезу о мѣстонахожденіи греческой колоніи Тиры и о пребываніи здѣсь греческихъ и римскихъ поселенцевъ до послѣднихъ временъ римской имперіи.

Болѣе цѣнны для исторіи ольвійскія надписи, числомъ 28, найденныя на мѣстѣ и въ окрестностяхъ богатѣйшей греческой колоніи Ольвіи, лежавшей на правомъ берегу Буга, въ 35 в. къ ю. отъ Николаева и въ 28 къ св. отъ Очакова, почти на мѣстѣ нынѣшняго села Ильинскаго, Парутина тожь, на 1 версту отъ него къ ю. Обломки памятниковъ, доставившіе ольвійскія надписи, хранятся боль-

Библиотека "Руниверс"

шею частью въ музеѣ Суручана, по эстампажамъ котораго и изданы теперь проф. Латышевымъ, а также въ музеяхъ: новороссійскаго университета, въ историческомъ въ Москвѣ, одесскаго общества исторіи и древностей. Къ этому же отдѣлу надписей относятся приложенныя въ концѣ оттиска 4 таблицы съ точными снимками, изготовленными по эстампажамъ и таблицамъ г. Суручана. Возстановляемыя здѣсь надписи загадочны по самому составу алфавита, на ряду съ греческими литерами содержащаго въ себѣ и какіе-то особенные непонятные знаки (№№ 166[1-6]). Два образца подобной письменности изданы Латышевымъ въ «Сборникѣ» подъ №№ 166 и 167. Нѣкоторую разновидность этого письма представляютъ двѣ надписи «Сборника» подъ №№ 168 и 169, пополняемыя теперь № 168[1]. Особенность этихъ послѣднихъ надписей состоитъ въ томъ, что, не уступая первымъ по загадочности, онѣ начертаны только греческими буквами; три такихъ надписи будутъ изданы въ XV т. «Записокъ одесск. общества». Г. Суручанъ считаетъ надписи первой категоріи принадлежностью погребальныхъ памятниковъ тѣхъ скиѳовъ, которые жили въ Ольвіи или въ ея окрестностяхъ. По мнѣнію В. В. Латышева относящіяся сюда плитки принадлежатъ ольвійскимъ еллинамъ, а не окрестнымъ варварамъ, имѣютъ какое-то отношеніе къ погребальнымъ обрядамъ и представляютъ тайное письмо изъ монограммъ съ обыкновенными письменными знаками. Воздерживаясь въ ожиданіи болѣе ясныхъ данныхъ отъ догадокъ въ смыслѣ положительномъ, мы въ виду разнородности письма въ шести надписяхъ не можемъ отнести ихъ къ одной категоріи и признать всѣ ихъ состоящими частью изъ буквъ, частью изъ монограммъ: если въ однѣхъ изъ этихъ надписей присутствіе монограммъ несомнѣнно, то столь же очевидно, что другія состоятъ цѣликомъ изъ отдѣльныхъ знаковъ; потомъ, присутствіе въ *одной* надписи (№ 166[1]) имени ольвіополитовъ нисколько не говоритъ какъ противъ принадлежности этой надписи ольвійскимъ не-еллинамъ, такъ и въ пользу происхожденія всѣхъ подобныхъ надписей отъ еллиновъ. Отрицать варварское вліяніе во всякомъ разѣ едва-ли позволительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы обязаны были бы представить образчики аналогичнаго письма изъ метрополій черноморскихъ грековъ или римлянъ: иначе трудно понять единственное въ своемъ родѣ примѣненіе письменныхъ знаковъ у колонистовъ. Мы склонны признавать въ этихъ надписяхъ не одинъ, а нѣсколько видовъ или способовъ письменности, сложившейся у варваровъ подъ вліяніемъ еллинскимъ и еллино-рим-

Библиотека "Руниверс"

скимъ; самое письмо надписей есть пока одна изъ многочисленныхъ загадокъ, соединенныхъ съ именами скиѳовъ и сарматовъ.

Въ числѣ новыхъ ольвійскихъ надписей № 52[1] пополняетъ раньше изданныя посвятительныя надписи ольвійцевъ въ честь Аполлона Простаты и прибавляетъ кое-что къ «варварскимъ» именамъ въ ольвійскихъ надписяхъ на—*agos*—*akos*.

Изъ числа херсонисскихъ надписей, найденныхъ за это время, въ оттискѣ изданы двѣ подъ №№ 197[1], 222[1]. Первая, въ честь С. Октавія Фронтона, изданная и объясненная г. Латышевымъ раньше, издается теперь въ болѣе исправной копіи по эстампажу г. Орѣшникова. Другая пополняетъ немногочисленные образцы латинской епиграфики Херсониса. Пять остальныхъ надписей, найденныя при раскопкахъ въ Херсонисѣ въ 1888 г., изданы почтеннымъ ученымъ въ концѣ приложенія къ отчету археологической коммиссіи,—приложенія, составляющаго второй изъ поименованныхъ въ заголовкѣ трудовъ. Всѣ эти надписи греческія, относятся къ періоду римской имперіи. Три изъ нихъ—несомнѣнно чествованія лицъ, оказавшихъ услуги херсонисцамъ. Лучше прочихъ сохранилась первая (№ 32) въ честь нѣкоего амастрійца Фарнакеса, удостоеннаго награды отъ совѣта и народа Херсониса. Во 2 й строкѣ надписи слѣдуетъ читать κλοαχον, а не καθαχον (?), какъ прочитано почтеннымъ издателемъ; этому предшествуетъ ῥαθεντα дор. ф. ῥηθέντα «выше реченный».

Въ концѣ фрагмента ясно различаются начальныя буквы имени Αμαστριανός; ближайшія буквы спереди даютъ τοῦ τέλ (ους), такъ что далѣе стоящее ει относится къ предъидущему слову, а не къ του, какъ у г. Латышева. На дорійскомъ нарѣчіи и слѣдующая далѣе надпись (№ 33), и при возстановленіи ея слѣдуетъ читать ἔσπλουν и χράμασιν, какъ въ предъидущей, а не εἴσπλουν и χρήμασιν, какъ читается у г. Латышева.

Во 2 мъ отдѣлѣ оттиска (дополненія и поправки) особенно цѣнны замѣчанія Мордтмана по поводу нѣкоторыхъ надписей «Сборника,» далѣе указаніе автора на то, что № 219 попалъ въ «Сборникъ» по недосмотру. Замѣтимъ при этомъ, что и для занесенія всѣхъ надписей, поименованныхъ въ оттискѣ ольвійскими, въ эту одну категорію, имѣются основанія далеко неодинаковой убѣдительности. Въ дополненіяхъ и поправкахъ подъ № 228[1] дана полная копія изданной уже надписи. Начертанія первой строки не допускаютъ возстановляемаго издателемъ чтенія δρόμον.

Библиотека "Руниверс"

Боспорскія надписи въ числѣ 31, издаваемыя теперь г. Латышевымъ, найдены въ предѣлахъ древняго Боспорскаго царства съ главнымъ городомъ его Пантикапеемъ на мѣстѣ нынѣшней Керчи и хранятся большею частью въ мѣстныхъ музеяхъ. Нѣкоторыя надписи списаны издателемъ съ памятниковъ, другими онъ пользовался въ эстампажахъ Гросса, хранителя керченскаго музея, иногда сличая ихъ съ оригиналами. По характеру письма и другимъ признакамъ, издаваемыя теперь надписи пріурочиваются г. Латышевымъ къ различнымъ эпохамъ длиннаго періода времени отъ IV в. до Р. Х. до VI в. по Р. Х. Надписи—почти исключительно надгробныя и весьма краткія, а потому, давая кое-что новое или интересное въ лексическомъ (1. 5. 7. 11. 24. 20) и грамматическомъ отношеніи (15. 29), онѣ содержатъ въ себѣ немного собственно для исторіи. Однако нѣкоторыя изъ надписей и въ этомъ послѣднемъ отношеніи не лишены интереса, наприм. 12. 19. 20. 31. Съ половины IV в. по Р. Х. исторія Боспорскаго царства намъ слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было безъ опоры въ самой надписи (№ 31), при наличности невѣдомыхъ именъ относить надпись къ VI вѣку и ставить въ связь съ историческими домыслами. Надпись—христіанская; съ конца IV в. по Р. Х. боспорскіе цари были христіане; упоминаемая въ надписи дворцовая должность τοῦ ἐπὶ τῆς πιναχίδος существовала въ Боспорѣ уже въ III в., и нѣтъ, по нашему мнѣнію, никакихъ основаній для того, чтобы пріурочивать самую надпись къ столь позднему времени, какъ это дѣлаетъ г. Латышевъ. Поспѣшнымъ кажется намъ также заключеніе почтеннаго ученаго на основаніи постановки статуи Каракаллѣ Сакроматомъ II о томъ, что и въ это время Боспорское царство подчинено было римской власти (№ 19). Слѣдующая надпись (№ 20) списана со статуи боспорскаго царя Рескупорида III, поставленной въ Пантикапеѣ жителями пафлагонскаго города Амастриды, причемъ боспорскій царь величается другомъ римлянъ *и эллиновъ*, Сакроматъ предъидущей надписи называетъ себя другомъ кесаря и римлянъ; та и другая статуя поставлены въ благодарность за услуги (τὸν εὐεργέτην). Предлагаемое издателемъ чтеніе надписи № 27 нуждается въ поясненіи. Въ надписи № 15 γυνή не nominat., но vocativ. 3-я строка № 17 слѣдуетъ читать Φιλωτέρα, а не Φιλωτέρα, хотя изъ надписей и литературы извѣстна эта послѣдняя форма. Почему имя Ἀντέ (ρως) № 13 предпочтено другимъ именамъ, также начинающимся съ Ἀντε—?

Библиотека "Руниверс"

Вообще говоря, изданіе и этихъ надписей исполнено съ тою же тщательностью и съ такимъ же умѣніемъ, какими отличаются и прежніе труды В. В. Латышева по греческой епиграфикѣ.

Ѳ. Мищенко.

Stanisław Smolka. Kiejstut i Iagełło. Osobne odbicie z VII tomu Pamiętnika Wydziałów filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademie Umiejętnosci. W Krakowie. 1888.

Одно за другимъ появились въ свѣтъ два новыхъ изслѣдованія по исторіи литовскаго княжества, принадлежащія перу извѣстнаго ученаго Смольки. Въ настоящемъ отчетѣ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей пока съ однимъ изъ этихъ трудовъ, заглавіе котораго только что выписано. Вопросъ, рѣшаемый г. Смолькой въ въ этой работѣ, затрогивался не разъ. Его не могли обойти ученые, занимавшіеся исторіей литовскаго государства, какъ Шайноха, Смирнова, Каро и другіе, но названные ученые не посвящали ему спеціальнаго трудъ, хотя Шайноха и Каро должны были начинать исторію Ягелла съ разсмотрѣнія его отношеній къ дядѣ Кейстуту. Самый вопросъ не разъяснялся такъ глубоко и такъ всесторонне, какъ это сдѣлано въ трудѣ г. Смольки. Даже въ работѣ Стадницкаго «Olgierd i Kiejstut» исторіи борьбы Ягелла съ Кейстутомъ посвящена только послѣдняя глава, въ которой мы видимъ лишь стремленіе возстановить фактъ въ дѣйствительномъ видѣ, но безъ уясненія внутреннихъ мотивовъ, руководившихъ дѣйствующими лицами и приведшихъ къ извѣстной, столь трагической развязкѣ. Для г. Смольки нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что виновникомъ трагической кончины Кейстута и его жены Бируты былъ дѣйствительно Ягелло. Вопросъ не въ этомъ. Онъ заключается въ томъ, какія цѣли преслѣдовались Ягелломъ и его партіей въ этотъ трагическій моментъ исторіи Литвы. Разрѣшенію этой то задачи и посвященъ трудъ автора. Г. Смолька считаетъ выводы своихъ предшественниковъ неполными и объясняетъ этотъ фактъ отношеніемъ указанныхъ авторовъ къ историческимъ источникамъ. Главнымъ основаніемъ при разработкѣ этого періода литовской исторіи считались данныя, находимыя въ источникахъ русскихъ. Авторъ разсматриваемаго труда, не отрицая ихъ безусловной важности и цѣнности, отводитъ надлежащее мѣсто и источникамъ иностраннымъ, прусскимъ и ливонскимъ, какъ лѣтописнымъ, такъ и

Библиотека "Руниверс"

документальнымъ, и, сопоставляя ихъ извѣстія одно съ другимъ и съ извѣстіями источниковъ русскихъ, приходитъ къ интереснымъ, хотя и не всегда безусловно неопровержимымъ, выводамъ. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже. Насколько всесторонне разбираетъ г. Смолька исторію отношеній Кейстута и Ягелла, можно видѣть уже изъ одного перечисленія отдѣловъ его труда. Послѣдній распадается на десять параграфовъ. Вотъ ихъ заглавія: 1) «System wspólnych rządów», 2) «Litwa i Zakon Krzyżacki», 3) «Podróż Skirgiełły», 4) «Litwa i Moskwa», 5) «Rok 1380», 6) «Ruska Cerkiew», 7) «Dymitr i metropolita Kiprjan», 8) «Rok 1381», 9) «Revolucya r. 1382», и 10) «Upadek Kiejstuta». Едва ли возможно болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса. Внутреннія событія въ Литвѣ ставятся въ тѣсную связь съ явленіями политической жизни сосѣдей и ихъ отношеніями къ литовскому государству.

Исторія литовскаго государства есть исторія взаимодѣйствія политическаго и культурнаго двухъ этнографическихъ элементовъ—русскаго и литовскаго. Въ этомъ заключалась его сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабость; отсюда вытекаетъ трагизмъ положенія его дѣятелей. Эта мысль превосходно развита въ трудѣ В. Б. Антоновича «Очеркъ исторіи в. к. литовскаго». При Ольгердѣ и Кейстутѣ выработался особенный политическій modus vivendi въ литовскомъ государствѣ, удовлетворявшій, казалось, обѣ стороны. Этотъ новый укладъ и отношенія между Ольгердомъ и Кейтутомъ полно обрисованы въ указанныхъ выше работахъ В. Б. Антоновича и Стадницкаго. Внутреннее спокойствіе литовскаго государства и его внѣшнее значеніе были неразрывно связаны съ сохраненіемъ этого уклада. По смерти Ольгерда носителемъ идеи внутренняго политическаго равновѣсія является Кейстутъ, одинъ изъ создателей этого равновѣсія. Ягелло долженъ былъ замѣнить Ольгерда, по смерти Кейстута на его мѣсто долженъ былъ стать Витовтъ. Но эта программа, по мнѣнію автора, не могла быть долѣе удержана: внѣшнія отношенія литовскаго государства неожиданно измѣнились. Г. Смолька не придаетъ важнаго значенія личности Войдылы, интригамъ котораго приписывалась такая важная роль въ исторіи столкновенія Ягелла и Кейстута. Болѣе важную роль играла тутъ, по мнѣнію автора, мать Ягелла, Юліанія, русская по рожденію, православная по религіи. Всю исторію борьбы двухъ князей г. Смолька разсматриваетъ съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній русскаго и литовскаго элементовъ. Въ этотъ моментъ русскій элементъ въ литовскомъ государствѣ начи-

Библиотека "Руниверс"

наетъ стремиться къ безусловному преобладанію. Окрѣпшее московское государство начинаетъ съ особенной силой притягивать къ себѣ русскія области, вдругъ проявившія полное нежеланіе быть подъ властью чужеродныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ языческихъ правителей. Первый открываетъ это движеніе къ Москвѣ Андрей Ольгердовичъ, князь Полоцка. Но вотъ является вопросъ, на который авторъ не обратилъ должнаго вниманія: какимъ образомъ полоцкій князь, принадлежа къ княжащей семьѣ, отличаясь отъ нея только религіей, переходитъ къ князю московскому и открываетъ первое наступательное движеніе Москвы противъ литовскаго государства. Авторъ считаетъ яснымъ, что Андрей явился въ Псковъ уже врагомъ Ягелла, но не объясняетъ мотивовъ этого враждебнаго отношенія. Г. Смолька отказывается отвѣтить и на другой вопросъ: остался-ли Андрей княземъ полоцкимъ послѣ своего побѣга во Псковъ? Признавали-ли полочане Андрея своимъ княземъ и послѣ удаленія его изъ предѣловъ литовскаго государства? Прямаго отвѣта мы не найдемъ въ имѣющихся у насъ источникахъ, а между тѣмъ полученіе отвѣта въ данномъ случаѣ весьма важно. Отъ такого или иного разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ зависитъ установленіе правильнаго взгляда на самое значеніе дѣйствій князя Андрея. Было-ли тутъ движеніе русскаго элемента противъ установившагося уклада равновѣсія въ литовскомъ государствѣ, или полоцкое движеніе направлено было исключительно противъ Ягелла? Чтобы провести свой взглядъ на значеніе борьбы Ягелла съ Кейстутомъ, автору необходимо доказать первое положеніе, но едва-ли это возможно. Г. Смолька идетъ еще далѣе. Онъ на основаніи извѣстій Виганда Марбургскаго считаетъ дѣйствительнымъ фактомъ союзъ между Орденомъ, Псковомъ и московскимъ государствомъ противъ литовскаго княжества. Къ нему необходимо присоединить и полоцкое княжество. По нашему мнѣнію, этотъ фактъ требуетъ болѣе вѣскихъ подтвержденій, и извѣстія марбургскаго крестоносца нужно, можетъ быть, причислить къ числу хвастливыхъ сообщеній, которыхъ немало можно указать въ прусскихъ и ливонскихъ хроникахъ. Извѣстіе Виганда, о дарованіи Пскову, по его собственной будто-бы просьбѣ, князя магистромъ ордена,—противорѣчитъ всей исторіи отношеній псковичей къ нѣмцамъ.

Вслѣдъ за Андреемъ Ольгердовичемъ тяготѣніе къ Москвѣ обнаруживаютъ князья Сѣверщины. Несомнѣнно, такое движеніе русскихъ областей было дѣйствительно опаснымъ моментомъ для литовскаго государства. Теперь виленскому двору, по мнѣнію автора, было

Библиотека "Руниверс"

необходимо сдѣлать выборъ между Литвой и Русью; для сохраненія государства и для борьбы съ Москвой необходимо было броситься въ объятія Руси и выставить въ Вильнѣ знамя православія, но прежде нужно было прижать Литву и сгубить Кейстута, ея мощнаго представителя. Орудіемъ для выполненія этого плана является Орденъ. Мы не останавливаемся на гипотетическихъ предположеніяхъ автора о цѣляхъ путешествія Скиргелла на западъ, хотя нельзя не отмѣтить значительнаго остроумія и проницательности г. Смольки въ объясненіи отдѣльныхъ историческихъ фактовъ. Какъ-бы ни было, въ Давидзишкахъ былъ заключенъ тайный договоръ между Ягелломъ и Орденомъ. Онъ оставлялъ на жертву Ордену земли литовскія. «Yestto prawdziwe, говоритъ авторъ, arcydzieło zdradzieckiej polityki». Обособленный, ослабленный Кейстутъ долженъ былъ погибнуть. Однако-же въ цѣли Ордена вовсе не входила гибель Кейстута. Орденъ добивался лишь разрушенія того гармоничнаго уклада, который былъ созданъ Ольгердомъ и Кейстутомъ и такъ тяжело отзывался на положеніи Ордена, разрыть пропасть между троцкимъ и виленскимъ дворами, обособить Кейстута, ослабить его, и тогда броситься на одного Ягеллу со всѣми своими силами. Но кромѣ объявленія себя главой русскаго элемента, покровителемъ православія, Ягелло попытался поразить Москву и другимъ способомъ. Нѣтъ надобности рѣшать, кто первый, Ягелло или Мамай, началъ переговоры о союзѣ противъ Москвы. Здѣсь мы видѣли тоже стремленіе, какое проявилъ позднѣе Витовтъ,— при помощи Орды уничтожить Москву,—но какимъ ничтожнымъ и по внутреннему характеру, и по результатамъ, является предпріятіе Ягелла въ сравненіи съ грандіознымъ планомъ Витовта. Въ число союзниковъ Мамая авторъ включаетъ и Олега рязанскаго. Роль послѣдняго въ этомъ событіи не понята г. Смолькой. Превосходный разборъ дѣйствій Олега въ этотъ важный историческій моментъ сдѣланъ Д. И. Иловайскимъ въ его трудѣ «Исторія рязанскаго княжества», на который авторъ не обратилъ вниманія. Результаты предпріятія были совсѣмъ иные, чѣмъ ожидали союзники: Мамай былъ разбитъ на голову; Ягелло не успѣлъ во время явиться къ нему на помощь. Авторъ старается объяснить опозданіе литовскаго князя врожденною медлительностью, а особенно тѣмъ, что главныя военныя силы его состояли изъ русскихъ отрядовъ, съ которыми онъ не рѣшился принять участіе въ битвѣ противъ русскаго князя, сражавшагося съ обще-русскимъ врагомъ, татарами, тѣмъ болѣе, что Сѣверщина въ лицѣ своихъ князей Ольгердовичей стояла на сторонѣ русскаго

Библиотека "Руниверс"

дѣла и клала за него свои головы. Объясненіе близкое къ истинѣ. Авторъ при этомъ указываетъ и на тотъ знаменательный фактъ, что даже Ольгердъ не рѣшался въ своихъ войнахъ съ Москвою вступать съ ея войсками въ открытый бой. Какъ-бы ни было, литовско-татарское предпріятіе не удалось. Политическое пораженіе, которое потерпѣла Литва въ этомъ предпріятіи, не имѣетъ, по мнѣнію г. Смольки, себѣ равнаго въ литовской исторіи. Значеніе московскаго государства и его князя теперь такъ возросло, что опасность притязанія имъ русскихъ областей еще болѣе увеличилась. Это было ясно, и потому, какъ думаетъ авторъ, являлась для виленскаго двора безусловная необходимость спѣшить выполненіемъ политической программы внутри государства, ранѣе начертанной. Затѣмъ событія слѣдуютъ быстро одно за другимъ. Въ 1381 году Кейстутъ низвергаетъ Ягелла и садитъ его въ Витебскѣ, а въ 1382 году Ягелло снова овладѣваетъ великокняжескомъ столомъ и приказываетъ удавить своего дядю.

Мы сказали нѣсколько раньше, что авторъ не даетъ отвѣта на нѣкоторые детальные, весьма важные вопросы, разрѣшить которые было-бы необходимо для поддержанія основной мысли автора. Если въ дѣлѣ Ягелла съ Кейстутомъ должно видѣть борьбу русскаго элемента съ литовскимъ, если, какъ весьма основательно предполагаетъ авторъ, занятію виленскаго замка для Ягелла въ 1382 году способствовали русскіе мѣстичи, то почему Волынь со своимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ становится на сторону Кейстута и тѣмъ поддерживаетъ какъ-бы литовское начало? Фактъ, отмѣченный въ трудѣ г. Смольки, но оставленный безъ объясненія. Едва-ли тутъ можно видѣть лишь результатъ взаимной любви двухъ стариковъ, Кейстута и Любарта. Авторъ опирается въ своемъ взглядѣ на характеръ дѣятельности Ягелла, на фактъ поддержки послѣдняго силами его русскаго удѣла и на возстаніе, поднятое въ Сѣверщинѣ Корибутомъ для отвлеченія вниманія Кейстута. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что движеніе въ Сѣверщинѣ было направлено противъ Кейстута, имѣло въ своей основѣ сепаративныя стремленія этой земли, но насколько проявилось тутъ желаніе поддержать Ягелла утвердительно отвѣчать на это нельзя. Намъ кажется, что это возстаніе Сѣверщины произошло бы и само по себѣ раньше или позже, что Ягеллу удалось поднять тутъ возстанія, лишь благодаря существованію въ Сѣверщинѣ готоваго горючаго матерьяла. Не вполнѣ выяснено г. Смолькой и слѣдующее замѣчательное явленіе. Сѣверщина поднимается противъ Кейстута, Волынь выступаетъ за него, а Полоцкъ

Библиотека "Руниверс"

дѣйствуетъ не менѣе странно: онъ не хочетъ признавать власти Ягелла. Осада Полоцка Скиргелломъ ведется неудачно. Какая основная причина полоцкаго бунта? Извѣстіе Виганда, что Полоцкъ не желалъ имѣть князя язычника, какимъ былъ еще въ то время Скиргелло, должно быть понимаемо не вполнѣ такъ, какъ понимаетъ это г. Смолька, потому что лишь только стало извѣстно о сверженіи Ягелла и о занятіи велико-княжескаго стола Кейстутомъ, какъ полочане выказываютъ большую радость и объявляетъ себя за Кейстута, то есть, какъ бы становятся на сторонѣ литовской партіи. Фактъ интересный и весьма важный. Онъ побуждаетъ видѣть въ возстаніи Полоцка не стремленіе къ отпаденію отъ литовскаго государства, а желаніе сохранить старый удѣльно-вѣчевой порядокъ, т. е. старую удѣльно-вѣчевую автономію, ручательствомъ за сохраненіе которой являлось вокняженіе Кейстута. Такимъ образомъ, возбуждается сомнѣніе въ томъ, всѣ-ли русскія области дѣйствовали въ этомъ періодѣ по однимъ и тѣмъ-же побужденіямъ и всѣ ли онѣ смотрѣли на Ягелла и Кейстута одинаковыми глазами. Является весьма основательно вопросъ: это тяготѣніе къ Москвѣ Андрея полоцкаго, Дмитрія сѣверскаго, и др. князей, было-ли направлено противъ политическаго уклада, созданнаго Ольгердомъ и Кейстутомъ и поддерживаемаго послѣднимъ, или, можетъ быть, оно имѣло другіе мотивы. Русскій элементъ литовскаго государства не имѣлъ основанія съ вокняженіемъ Ягелла протестовать противъ этого уклада, тѣмъ болѣе, что можно было надѣяться теперь на еще большее, чѣмъ прежде, преобладаніе русскаго элемента въ силу того обстоятельства, что подлѣ Ягелла стояла его мать, русская и православная, имѣвшая на сына несомнѣнное вліяніе. Невольно приходитъ мысль, что политическія движенія русскихъ областей были вызваны самою личностью Ягелла, которой не могли не знать хорошо въ литовскомъ княжествѣ, что эти движенія были направлены не противъ литовскаго государства, не противъ литовскаго элемента, не противъ существующаго внутренняго политическаго уклада, представителемъ котораго являлся Кейстутъ, а въ защиту его и связанной съ нимъ почти полной автономіи русскихъ областей противъ централизаціонныхъ стремленій Ягелла. Разъ только мы допустимъ такое предположеніе, вся борьба Ягелла съ Кейстутомъ представится намъ въ совершенно иномъ видѣ. Послѣдующій ходъ событій въ литовскомъ государствѣ скорѣе можетъ подтверждать, чѣмъ ослаблять сдѣланное выше предположеніе. Нельзя, дѣйствительно, считать серьезно великимъ княземъ литов-

Библиотека "Руниверс"

скимъ Скиргелла этого ограниченнаго, слабаго, хотя и «чуднаго» князя, какъ выражаются о немъ лѣтописи, а борьба Ягелла съ Витовтомъ выясняетъ еще болѣе личность перваго.

Мы позволили себѣ высказать нѣсколько сомнѣній, возбуждаемыхъ фактами этого трагическаго періода литовской исторіи. Беремъ на себя смѣлость думать, что эти сомнѣнія вызваны у насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя детальныя черты избраннаго вопроса не вполнѣ выяснены и оцѣнены авторомъ разбираемаго труда.

Слѣдовало-бы остановиться еще на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ авторомъ въ его работѣ. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ автора о зависимости смоленской земли отъ великаго князя литовскаго еще при Ольгердѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ г. Смолька слѣдуетъ лишь за г. Бестужевымъ-Рюминымъ и В. Б. Антоновичемъ. Намъ кажется также, что авторъ черезчуръ много приписываетъ личности самого Дмитрія Ивановича Донскаго и не совсѣмъ вѣрно представляетъ себѣ положеніе московскаго государства послѣ нашествія Тохтамыша. Но мы не имѣемъ уже возможности останавливаться на этихъ частностяхъ, не имѣющихъ никакого значенія въ развитіи основныхъ положеній автора.

Г. Смолька поставилъ себѣ цѣлью выяснить значеніе факта избранія Ягелла на тронъ польскій и обстоятельства, его сопровождавшія, и считаетъ необходимымъ начать это выясненіе съ событій первыхъ лѣтъ княженія Ягелла въ Литвѣ. Послѣдняя половина задачи уже выполнена въ трудѣ, о которомъ мы только-что дали нашъ посильный отчетъ; остается ожидать рѣшенія главнаго вопроса. «Część drugą, obejmującą dzieje lat 1382—1387, od upadku Kiejstuta do pokonania Andrzeja Polockiego i Swiętoslawa Smoleńskiego, говоритъ авторъ, spodziewam się niebawem wykończyć», а мы не замедлимъ ознакомить съ нею нашихъ читателей.

П. Г.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1890 г.

Настоящая книга «Чтеній» при первомъ просмотрѣ ея содержанія выгодно отличается отъ трехъ предъидущихъ болѣе строгой систематизаціей содержанія, важностью и наконецъ обиліемъ членскихъ работъ; въ этомъ случаѣ она можетъ быть поставлена на равнѣ съ

Библиотека "Руниверс"

изданіями болѣе богатыхъ историческихъ обществъ, каково напримѣръ, московское. Эта перемѣна объясняется въ отдѣлѣ протоколовъ засѣданій общества назначеніемъ, по ходатайству почетнаго члена общества Нестора г. попечителя кіевскаго учебнаго округа В. В. Вельяминова-Зернова, обществу ежегоднаго пособія изъ казны въ 800 руб. Общество опредѣлило воспользоваться этимъ пособіемъ для правильной организаціи своей издательской дѣятельности; предположено «Чтенія въ обществѣ Нестора» сдѣлать періодическимъ изданіемъ въ одной или, если окажется возможнымъ, въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна должна появляться въ весеннее полугодіе, а другая въ осеннее; каждая книжка, заключая въ себѣ около 20 листовъ, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: протоколовъ засѣданій общества, изслѣдованій и рефератовъ и матеріаловъ историческихъ. Передъ нами весенняя книга «Чтеній», вполнѣ соотвѣтствующая вышеозначенной программѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ, протоколовъ засѣданій, помѣщено краткое изложеніе девяти рефератовъ. Во второмъ отдѣлѣ—шесть изслѣдованій, которыя также были прочтены въ засѣданіяхъ общества; къ изслѣдованіямъ присоединены, какъ приложенія, небольшое количество матеріаловъ, на коихъ они основаны. Въ третьемъ отдѣлѣ—матеріаловъ-сообщены документы трехъ родовъ; о нихъ мы скажемъ ниже.

Изъ перваго отдѣла книги мы узнаемъ о жизни и дѣятельности общества. Въ 1889 г. общество имѣло десять засѣданій, въ которыхъ прочтено 24 реферата: по археологіи—6, по исторіи права—2, по исторіи козачества—1, по исторіи крестьянъ—1, по исторіи землевладѣнія—1, по исторіи литературы—1, по исторіи искусства—1, по исторіи печати—1, некрологъ—1, остальные рефераты (9) посвящены обозрѣнію новыхъ наиболѣе выдающихся работъ въ исторической литературѣ.

Во второй отдѣлъ вошли слѣдующія работы:

В. Завитневича: «Изъ археологической экскурсіи въ припетское Полѣсье». Разсматривая типы погребенія въ раскопанныхъ имъ курганахъ, авторъ различаетъ ихъ два: погребеніе въ почвенномъ слоѣ и погребеніе въ ямахъ; первый типъ преобладаетъ на сѣверѣ отъ р. Припети, второй на южномъ берегу этой рѣки. Погребеніе перваго типа онъ приписываетъ дреговичамъ, а относительно втораго онъ раздѣляетъ мнѣніе проф. В. Б. Антоновича о принадлежности его древлянамъ; такимъ образомъ, г. Завитневичъ дѣлаетъ выводъ, что древлянскія поселенія, начинаясь въ системѣ р. Роси, простирались вплоть до самой Припети, гдѣ они соприкасались съ дрегович-

Библиотека "Руниверс"

скими поселеніями. На основаніи раскопокъ онъ также думаетъ, что сѣверная граница дреговичей не оканчивалась линіей, служащей водораздѣломъ между системами Припети съ одной стороны, Березины и верхняго Нѣмана—съ другой, какъ доказываютъ нѣкоторые ученые, а что, напротивъ, она переходила названную линію и потому слова начальной лѣтописи о поселеніи дреговичей «между Припетью и Двиной» могутъ быть понимаемы буквально. Ссылаясь на изслѣдованія В. Б. Антоновича, г. Завитневичъ курганы втораго типа дѣлитъ также на два рода: одни, въ которыхъ встрѣчаются сосуды и другіе—безъ нихъ. Древлянскіе курганы встрѣчаются всегда безъ сосудовъ; въ полянскихъ присутствіе сосудовъ—обычное явленіе.

Между тѣми и другими курганами встрѣчаются могильники съ обрядами трупосожженія, практиковавшагося у сѣверянъ. Такъ какъ всѣ виды погребенія встрѣчаются смѣшанными въ области р. Припети, то г. Завитневичъ видитъ въ этомъ подтвержденіе мысли, что Припеть нѣкогда служила весьма бойкимъ торгово-промышленнымъ путемъ, привлекавшимъ къ себѣ колонистовъ почти изъ всѣхъ сосѣднихъ областей.

Мы не будемъ касаться содержанія кургановъ, которое дастъ возможность археологу обрисовать домашній бытъ населенія и интересующихся этой не менѣе важной частью работы г. Завитневича отсылаемъ къ самой статьѣ его, которая, замѣтимъ мимоходомъ, написана живо и читается съ интересомъ.

Но если въ работѣ г. Завитневича преобладаетъ синтезъ, то въ работѣ другаго мѣстнаго археолога, проф. Кнауэра, наоборотъ, мы встрѣчаемъ самый обстоятельный анализъ кургановъ. Это точнѣйшій протоколъ раскопки, произведенной г. Кнауэромъ около села Сораты (въ южной Бессарабіи). Согласно съ мнѣніемъ проф. Антоновича, авторъ относитъ по времени раскопанный имъ курганъ къ періоду между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ и считаетъ его принадлежащимъ гуннамъ, подобно другимъ курганамъ, описаннымъ авторомъ въ III-й книгѣ «Чтеніи».

Изъ изслѣдованій историческихъ первое мѣсто по достоинству занимаетъ изслѣдованіе проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Черты семейнаго права западной Россіи въ половинѣ XVI в.». Предметомъ этого труда служитъ для автора не столько исторія семейнаго права, сколько исторія обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ, такъ какъ ни въ какой области права обычаи не оказались столь жизненными или живучими, какъ именно въ семейной сферѣ.

Библиотека "Руниверс"

Разсматривая формы брака на пространствѣ западной Россіи, проф. Будановъ находитъ оттѣнки ея въ украинной полосѣ, въ провинціальныхъ городахъ внутренней территоріи и въ главныхъ культурныхъ центрахъ государства. На украинѣ сдѣлки брака и развода совершались безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявлялось о состоявшихся сдѣлкахъ свѣтской власти, при чемъ уплачивалась пошлина; въ провинціальныхъ городахъ какъ заключеніе, такъ и расторженіе брака, подвергается разсмотрѣнію и утвержденію со стороны свѣтской власти (магистратскаго уряда), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ церковной власти; за гражданской сдѣлкой въ бракѣ слѣдовало вѣнчаніе; разводъ совершался при участіи церковной власти—это была вторая высшая ступень историческаго развитія семейнаго права; въ культурныхъ центрахъ средніе и низшіе слои еще недалеко ушли отъ провинціаловъ; разницу же въ воззрѣніяхъ на семейное право простыхъ людей и людей высшаго класса авторъ объясняетъ не столько степенью образованности тѣхъ и другихъ, сколько разницею экономическихъ условій быта ихъ. Въ XII в. «не было у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья». Въ XIII, XIV и XV вв. различіе въ воззрѣніи на совершеніе брака между боярами и простыми людьми постепенно сглаживались. Въ XVI и XVII вв. замѣчается еще двойственность въ воззрѣніяхъ на совершеніе брака; церковь, государственная власть и суды, хотя и признаютъ бракъ, заключенный при помощи гражданскихъ формъ, равносильнымъ съ бракомъ вѣнчальнымъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не возникаетъ спора о правахъ, вытекающихъ изъ брака; въ случаѣ исковъ предпочтеніе отдается вѣнчальному браку. Разсматривая далѣе личныя права супруговъ, почтенный авторъ вездѣ находитъ подтвержденіе своему основному положенію, что личныя права супруговъ находятся въ тѣсной связи съ имущественными; съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на вопросы о приданомъ, вѣнцѣ и другихъ сдѣлкахъ по имуществу между супругами; выдача приданаго обязательна не только для братьевъ и родственниковъ невѣсты, но и для родителей ея; приданое составляетъ общее имущество супруговъ; оно возвращается родственникамъ бездѣтно умершей жены и безъ вѣновой записи. Мужъ, вошедшій въ домъ жены, не только не получаетъ правъ на имущество жены, но и терпитъ ограниченіе собственныхъ личныхъ правъ. Родительская власть отличается большей строгостью, чѣмъ власть мужа (во власти мужа надъ женой среди низшихъ классовъ народа въ XVI в. авторъ видитъ внѣшніе приз-

Библиотека "Руниверс"

наки древняго рабства жены, что, впрочемъ, объясняетъ экономическими условіями); родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери—вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ; право это простиралось не только на дѣтей, но и на другихъ лицъ, подчиненныхъ семейной власти (зятьевъ). Но въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ сдѣлки о закладѣ имѣютъ лишь форму односторонняго распоряженія, а въ самомъ дѣлѣ совершаются по общей волѣ семьи съ участіемъ самихъ закладываемыхъ.

Родители изъ низшихъ классовъ признавали за собой и практиковали право продавать дѣтей въ вѣчное рабство, но судьи (въ половинѣ XVI в.) отвергаютъ это право съ точки зрѣнія морали. Таковы существенные выводы изъ этого новаго и весьма интереснаго труда уважаемаго профессора. Выводы эти тѣмъ болѣе важны, что они сдѣланы съ величайшей осторожностью и сдержанностью и при томъ не апріорны: они основаны на актахъ XVI-го вѣка, извлеченныхъ авторомъ изъ книгъ виленскаго центральнаго архива и сообщаемыхъ въ «приложеніяхъ» къ статьѣ, давая, такимъ образомъ, возможность каждому читателю провѣрить выводы.

Другой весьма интересной и обширной работой является работа проф. *П. В. Владимірова*: «Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.» Сравнительное изученіе этихъ памятниковъ приводитъ къ указанію мѣстныхъ особенностей правописанія: кіевскаго, галицко-волынскаго и западно-русскаго; древнѣйшіе памятники письменности XI вѣка, по своимъ особенностямъ языка и правописанія, относятся къ кіевскимъ; противоположными имъ въ это время являются памятники новгородскіе; въ XII в. выдѣляются особенности галицко-волынскія, отличныя и отъ новгородскихъ и отъ кіевскихъ, а въ рукописяхъ XIII в. замѣчаются уже признаки западно-русской письменности, рѣзче выступающія въ XIV в.; въ XV и XVI вв. въ памятникахъ юго-западной Руси замѣчается два теченія въ письменности: одно—западно-русское, поддерживавшееся оффиціальнымъ правописаніемъ и языкомъ грамотъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія, другое—южно-русское, съ особенностями нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ и съ правописаніемъ, такъ называемымъ, средне-болгарскимъ. Въ историко-литературномъ отношеніи разсматриваемые памятники интересны преимущественно для характеристики времени отъ XIV до XVII в. Авторъ обозрѣваетъ рукописи въ хронологическомъ порядкѣ; количество ихъ, какъ оказывается,

Библиотека "Руниверс"

довольно велико, но никакого счета имъ не ведется и группировки по содержанію не сдѣлано; вообще же можно сказать, что авторъ разсматриваетъ исключительно рукописи книгъ библейскихъ, богослужебныхъ, богословскихъ и проч.; но рукописи актовъ, грамотъ и другихъ памятниковъ, въ которыхъ свободнѣе сказывались особенности живаго языка и правописанія своего времени и мѣста не описаны. Въ «Приложеніи» авторъ помѣщаетъ рукопись Мѣлецкаго монастыря, содержащую въ себѣ «Поученіе Зарубскаго черноризца Георгія» въ спискѣ XIII в., отмѣчая разночтенія и нѣкоторыя особенности формъ по изданію Срезневскаго (въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» № VII).

Проф. *В. С. Иконниковъ* въ своемъ трудѣ: «Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III» по поводу напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1886 г. (т. III, стр. 123—124) выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Красно-холмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря, изъ которыхъ видно, что Самозванецъ въ маѣ 1606 г. собиралъ лошадей для «польскаго похода» и по поводу изслѣдованія г. Н. Левитскаго: «Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ» доказывающаго, что Лжедимитрій не только не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ Рима, но и разрушилъ ихъ въ конецъ, дѣлаетъ провѣрку, на основаніи изданныхъ въ разное время уже памятниковъ смутнаго времени, фактовъ того времени, и отмѣчаетъ новую сторону въ дѣятельности Самозванца: его отношенія къ Сигизмунду; въ то время какъ въ Польшѣ русскіе бояре вели интригу о сверженіи съ престола Димитрія, у него самого возникаетъ мысль о войнѣ съ Польшей; опираясь на враждебную Сигизмунду III партію, Самозванецъ имѣлъ намѣреніе низвергнуть послѣдняго съ престола и самому занять его, подчинивъ Польшу Москвѣ. Это положеніе автора прочно обосновано подлинными актами и сказаніями современниковъ.

М. Н. Ясинскій описываетъ весьма интересный и близкій намъ по времени и по мѣсту фактъ: «Волненія помѣщичьихъ крестьянъ кіевской губерніи въ 1855 году». Но прежде чѣмъ начать разсказъ о событіяхъ 1855 г. авторъ обозрѣваетъ вообще движенія крестьянъ въ предшествующее время. Причины этихъ движеній онъ видитъ: 1) въ частыхъ и упорныхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, 2) въ слухахъ о возможности избавиться отъ крѣпостной зависимости поступленіемъ въ военную службу или переселеніемъ въ свободные края, 3) въ недовольствѣ инвентарными правилами, а въ особенности

Библиотека "Руниверс"

4) въ жестокости помѣщиковъ и разореніи барщиной; въ виду непрерывности этихъ движеній авторъ приходитъ къ заключенію, что 1) русскій народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состояніемъ, 2) жажда свободы была такъ велика и надежда на освобожденіе такъ упорна, что никакія репрессаліи не могли подавить ни той, ни другой и 3) во всѣхъ волненіяхъ обнаруживается полное недовѣріе крестьянъ къ мѣстнымъ властямъ и глубокая вѣра въ тѣсную связь свою съ царемъ и его желаніе освободить крестьянъ.

Движенія 1855 г. произошли въ 9 губерніяхъ: рязанской, тамбовской, владимірской, нижегородской, пензенской, симбирской, саратовской, воронежской и кіевской. Волненія въ кіевской губерніи происходили въ мартѣ и апрѣлѣ 1855 г.; они охватили уѣзды: таращанскій, васильковскій, сквирскій, каневскій, черкасскій, кіевскій, звенигородскій, чигиринскій и уманскій; наиболѣе же сильны они были въ васильковскомъ, каневскомъ и сквирскомъ. Движеніе было скоро подавлено военной силой. Виновные наказаны ссылкой въ Сибирь и розгами; жестокія наказанія шпицрутенами сквозь строй смягчены. Причину волненій авторъ видитъ исключительно въ неправильномъ толкованіи манифестовъ 14 декабря 1854 г. и 29 января 1855 г.; причину эту онъ считаетъ внѣшнимъ поводомъ къ волненіямъ; внутренней же причиной—ту, которая вызывала и большинство всѣхъ предшествующихъ волненій: ненависть къ крѣпостному праву, жажду свободы и убѣжденіе народа, что царь скоро дастъ или уже далъ таковую. Авторъ подробно излагаетъ ходъ движенія и указываетъ на мѣры, принятыя начальствомъ къ его подавленію. Мы не будемъ передавать содержанія статьи и замѣтимъ только относительно причинъ, что въ общемъ хотя онѣ и вѣрно указаны, но лишь отчасти: переходъ отъ внутренней причины къ внѣшней не могъ совершиться безъ какихъ либо посредствующихъ еще причинъ и въ данномъ случаѣ могло быть умственное и литературное движеніе 40-хъ годовъ, содѣйствовавшее развитію освободительной идеи, новыя чаянія и ожиданія при началѣ царствованія императора Александра II и, наконецъ, то положеніе, въ которомъ находились крестьяне кіевской губерніи въ предшествовавшее время. Изслѣдованіемъ проф. В. Б. Антоновича установлено, что крестьяне кіевскаго воеводства до 1796 г. пользовались въ экономическомъ отношеніи такими выгодами и преимуществами, какихъ не имѣли крестьяне другихъ областей бывшей Рѣчи-Посполитой, что съ присоединеніемъ къ Россіи большое количество бездомной шляхты и другихъ свобод-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ сословій было обращено въ крѣпостную зависимость [1]), что въ мѣстныхъ судахъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія производились сотни дѣлъ объ отыскивавшихъ свободу лицахъ, что движенія проявились въ тѣхъ именно уѣздахъ, гдѣ находились королевскія староства, крестьяне которыхъ были всегда людьми свободными, что крѣпостное состояніе ихъ въ теченіи 50 лѣтъ не могло подавить въ нихъ живыхъ воспоминаній о былой свободѣ и что въ кіевской губерніи недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами были явленіемъ обычнымъ. Точно также и при установленіи основныхъ причинъ движеній крестьянъ вообще авторъ упускаетъ связь ихъ съ умственнымъ движеніемъ и ростомъ освободительной идеи; такъ напр. Пугачевщинѣ предшествовала коммиссія для составленія проекта новаго уложенія и возбужденіе въ ней вопроса о положеніи крестьянъ [2]). Во всякомъ случаѣ трудъ г. Ясинскаго весьма цѣнное приращеніе къ ряду работъ по мѣстной исторіи.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» настоящей книги «Чтеній» помѣщенъ «Православный южнорусскій катихизисъ 1600 г.», какъ памятникъ борьбы православныхъ съ протестантскими и раціоналистическими ученіями, господствовавшими въ XVI и началѣ XVII в. на Руси и въ Польшѣ. Издатель, проф. С. Т. Голубевъ, въ своемъ предисловіи считаетъ авторомъ катихизиса Лаврентія-Зизанія Тустановскаго, въ то время наставника виленской братской школы. Рядомъ съ «Катихизисомъ» помѣщены «Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи (1630—1690 гг.»). Сюда вошли привилегіи польскихъ королей, универсалы Богдана Хмельницкаго, актъ подтвержденія корол. привилегіи кіевскимъ воеводой П. В. Шереметевымъ и царская грамота г. Чернигову, объясняющая права и обязанности мѣщанъ; особенно цѣнны, по нашему мнѣнію, универсалы Хмельницкаго, рисующіе намъ его какъ правителя, и грамота г. Чернигову, знакомящая съ положеніемъ городовъ лѣвобережной Украины.

Въ заключеніе проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ напечатанъ «Экстрактъ изъ журнала слѣдованія статскаго совѣтника и ре-

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне старостинскихъ имѣній считавшіе себя свободными.

[2]) Что касается до тяжести барщины, то хотя она и могла имѣть вліяніе на возбужденіе движеній, но связь между тѣмъ и другимъ фактомъ не всегда можетъ быть опредѣлена. Собраніе и изученіе фактовъ въ той области только одно можетъ указать на дѣйствительныя причины, а въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано слишкомъ мало; поэтому г. Ясинскій вполнѣ основательно далъ своему очерку общее заглавіе: „Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи“.

Библиотека "Руниверс"

зидента Андріана Неплюева отъ Кіева въ Константинополь въ 1746 году». Журналъ носитъ вполнѣ оффиціальный характеръ; въ него занесены лишь факты, косающіяся исторіи международныхъ отношеній Польши, Россіи, Крыма и Турціи; личныя впечатлѣнія автора журнала не имѣютъ въ немъ мѣста.

Редакція настоящей книги «Чтеній» принадлежитъ проф. Н. П. Дашкевичу.

И. Каманинъ.

Ѳ. И. Буслаевъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I-й, съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1890.

«Исторія книгопечатанія»—популярное изложеніе судьбы печатнаго дѣла и типографскаго искусства со времени символическаго и образнаго письма, письменъ китайскихъ, египетскихъ, финикійскаго алфавита до нашего вѣка, ознаменовавшагося «колоссальнымъ развитіемъ типографской техники, многочисленными усовершенствованіями въ способахъ печатанія, богатствомъ разнообразнѣйшихъ шрифтовъ, типографскихъ украшеній и другихъ частностей дѣла». Подвесть итогъ успѣховъ типографскаго дѣла въ XIX вѣкѣ авторъ обѣщаетъ во 2-мъ томѣ «Исторіи книгопечатанія». Первый томъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ обычнаго предисловія, пять отдѣльныхъ частей книги (12 главъ). Первыя страницы отдѣла съ мало выразительной краткостью излагаютъ «очеркъ развитія письменъ»: смѣна однихъ письменъ другими, ихъ взаимодѣйствіе между собою, происхожденіе и развитіе письменъ не выяснены читателю съ достойною предмета ясностью. Во второмъ отдѣлѣ книги, «Начало книгопечатанія и его распространеніе до XVI вѣка», авторъ разсказываетъ о предшественникахъ Гуттенберга, о Гуттенбергѣ и изобрѣтеніи книгопечатанія, наконецъ, передаетъ много мелкихъ подробностей о распространеніи книгопечатанія въ концѣ XV вѣка въ нѣмецкихъ городахъ, въ Римѣ, Венеціи, во Франціи, въ Голландіи и Англіи, затѣмъ въ сѣверной и восточной Европѣ: краковскій «Октоихъ» Іоанна Дамаскина, изданіе Святополка Фіола 1491 года—первая печатная славянская книга. Авторъ «исторіи» переходитъ въ третьемъ отдѣлѣ своего сочиненія къ разсказу «о типографскомъ искусствѣ съ XVI по XVIII вѣкъ» въ западной Европѣ; главѣ объ этомъ важномъ

Библиотека "Руниверс"

для типографскаго дѣла времени предшествуетъ около 20 страницъ текста, выясняющихъ значеніе ксилографіи въ типографскомъ дѣлѣ и гравюры XVI—XVIII вв. на западѣ. Судьба «славянскаго и древнерусскаго книгопечатанія» изложена въ IV отдѣлѣ книги и заканчивается разсказомъ о гравированіи въ Россіи XVII в. Послѣдній вопросъ, какъ и общая исторія русской гравюры передана съ полною обстоятельностью въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Розинскаго «Русскіе граверы», о чемъ слѣдуетъ вспомнить при чтеніи указанной главы сочиненія г. Булгакова. Послѣдній отдѣлъ книги и послѣдняя (12-я) глава «Исторіи книгопечатанія», русское книгопечатаніе въ XVIII вѣкѣ занимаетъ около 55 страницъ текста и излагаетъ исторію печатнаго дѣла при Петрѣ Великомъ, а особенно въ вѣкъ Екатерины II, издательскихъ компаній и дѣятельности Н. И. Новикова. Къ сочиненію г. Булгакова приложенъ указатель источниковъ и списокъ иллюстрацій. Книга издана г. Суворинымъ прекрасно, и представляетъ сама по себѣ одинъ изъ выдающихся образцовъ русскаго типографскаго и граверскаго искусства. 6 хромолитографій, 8 автотипій, до 270 снимковъ со всевозможныхъ шрифтовъ, первопечатныхъ изданій и типографскихъ украшеній и до 150 инціаловъ и заставокъ изъ славянскихъ и русскихъ рукописей прошлыхъ вѣковъ дополняютъ книгу многими интересными, красивыми и характерными иллюстраціями. Изданіе сдѣлано тщательно, со вкусомъ и со знаніемъ дѣла.

Останавливая вниманіе читателей на общемъ характерѣ книги г. Булгакова, мы не можемъ не указать на нѣсколько сухой, конспективный способъ изложенія. Предположимъ, что авторъ задался мыслью изложить исторію книгопечатанія, типографскаго дѣла—темой очень назидательной, но по существу вопросовъ типографскаго искусства нѣсколько спеціальной и сухой. Вопросы идейной сущности памятниковъ въ связи съ дѣломъ книгопечатанія и его усовершенствованіями не входили въ программу работы г. Булгакова. Мы однако, думаемъ, что книга г. Булгакова выиграла бы не мало, если бы авторъ придалъ ей характеръ менѣе справочный, болѣе философскій и обобщающій. «Исторія книгопечатанія» справочной книгой служить не можетъ за отсутствіемъ какой бы то ни было полноты указаній и ссылокъ на всевозможныя печатныя изданія. Между тѣмъ дѣло книгопечатанія, особливо въ первые вѣка своего распространенія, не было дѣломъ исключительной спеціальности, не было дѣломъ людей, занятыхъ одной техникой типографскаго искусства. Часто «друкари» и «печатники» были сами переводчиками, авторами книгъ, не менѣе часто

Библиотека "Руниверс"

руководителями общественныхъ движеній и творцами новаго слова, живой мысли и умственнаго настроенія: они, совершенствуя типографское дѣло, были въ тоже время носителями передовой мысли, общественной идеи той эпохи, въ которую приходилось имъ отъ типографскаго станка переходить къ авторскому перу или къ слову оратора, проповѣдника своихъ идей и общественныхъ воззрѣній. Разсказъ о смѣнахъ идейныхъ настроеній рядомъ съ изложеніемъ успѣховъ типографскаго дѣла, перечнемъ и описаніемъ важнѣйшихъ и и наиболѣе любопытныхъ памятниковъ книгопечатанія прошлаго времени,—вотъ что должно было бы войти въ популярное сочиненіе по исторіи книгопечатанія. Внесеніе, такъ сказать, «идейнаго» элемента при разсказѣ о техническихъ усовершенствованіяхъ типографскаго дѣла оживило бы и осмыслило каждую ступень прогресса въ одномъ изъ наиболѣе великихъ изобрѣтеній человѣческаго ума. Сочиненіе г. Булгакова страдаетъ отсутствіемъ живости и «идейности» изложенія, что и лишаетъ книгу значительной доли интереса, необходимаго при популяризаціи «исторіи книгопечатанія».

Къ типографскому дѣлу южной и западной Руси относятся многія страницы 10-й главы сочиненія («Древнерусское книгопечатаніе»). Достоинства и недостатки разсказа г. Булгакова отражаются и въ данной главѣ: изложеніе «исторіи книгопечатанія» переходитъ часто въ скучный перечень изданій сочиненій, перечень, который такъ нетрудно составить по библіографическимъ указаніямъ Каратаева, Ундольскаго, Сахарова, Строева и др. Разсматривая указатель источниковъ сочиненія г. Булгакова, мы нашли большое количество ссылокъ не только на книги библіографическаго характера, но даже на статьи, статейки и маленькія журнальныя и газетныя замѣтки по исторіи книжнаго дѣла. Тѣмъ болѣе поразило насъ при такомъ видимомъ обиліи источниковъ неупоминаніе автора о многихъ трудахъ, гдѣ собраны важнѣйшія библіографическія подробности о старопечатныхъ книгахъ южной и западной Руси. Мы, конечно, говоримъ не о рѣдкихъ книгахъ... но г. Булгаковъ не знаетъ, напримѣръ, трудовъ проф. Голубева, не только его «Библіографическихъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ XV—XVII ст.», но и сочиненія о «Петрѣ Могилѣ». По такой то причинѣ г. Булгаковъ, составляя списокъ юго и западно-русскихъ старопечатныхъ книгъ, впадаетъ во многія непростительныя библіографическія ошибки. Напримѣръ, г. Булгаковъ опредѣляетъ мѣсто изданія Апокризиса 1598 г. Филалета въ Вильнѣ (стр. 255), между тѣмъ какъ это со-

Библиотека "Руниверс"

чиненіе было издано въ Острогѣ. «Θриносъ» Смотрицкаго не былъ изданъ въ 1596 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ г. Булгаковъ (стр. 255), дѣлая ссылку на Головацкаго (Дополн. къ очерку Ундольскаго). Первое изданіе Θриноса можно предположить въ 1610 г. да и то на польскомъ языкѣ. Книги «Календарь римски новы» львовскаго изданія 1586 г. нѣтъ (стр. 266); «Календарь римски новы»—заглавіе второй половины сочиненія «Ключъ царства небеснаго», напечатаннаго въ Острогѣ въ 1587 г. и перепечатаннаго недавно въ «Архивѣ Юго-Зап. Россіи» (т. VII, ч. I, стр. 232—265). Перечисляя напечатанныя Мих. Сліоскою русскія книги, авторъ очевидно не знаетъ о существованіи «Псалтыри» 1642 г., изданной Сліоскою во Львовѣ и т. д., и т. д. Кстати замѣтимъ автору, что Пересопницкое Евангеліе написано: «Михаиломъ Васильевичемъ. сыномъ протопопы Саноцькаго».—Мы относимъ эту справку къ 256 страницѣ сочиненія г. Булгакова.

И. Ж.

Θ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. Одесса. 1890.

Названная брошюра—актовая рѣчь, въ сокращеніи произнесенная 1 мая 1890 г., въ день празднованія 25-лѣтія новороссійскаго университета,—содержитъ живой очеркъ воззрѣній и дѣятельности извѣстнаго слависта. Фактическая новизна его заключается въ выдержкахъ изъ рукописей покойнаго, которыя хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Отсылая интересующихся славистикой и византинизмомъ, которымъ главнѣйше посвящена была дѣятельность Григоровича, къ самой брошюрѣ, укажемъ здѣсь на ту сторону ея, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ задачамъ «Кіевской Старины», именно на занятія Григоровича по мѣстнымъ вопросамъ. Они непосредственно отвѣчали общимъ запросомъ его научныхъ работъ и представляли нераздѣльную часть всей его дѣятельности. Науку онъ желалъ сдѣлать посредницей въ международныхъ недоразумѣніяхъ славянъ, румынъ и грековъ. Еще въ 1860 г., т. е. ранѣе основанія одесскаго университета, онъ развивалъ планъ основанія при Ришельевскомъ лицеѣ каѳедры славянской филологіи; въ его умѣ рисовался планъ основанія повременнаго изданія, въ которомъ складывались бы свѣдѣнія о южныхъ земляхъ, заселенныхъ славянами, румынами и греками. Понятно поэтому, почему привлекалъ пытливость Григоровича новороссійскій край, въ которомъ давно уже сожительствуютъ названныя

Библиотека "Руниверс"

народности. Григоровичъ печатался мало; вопросами мѣстной географіи и этнографіи занялся онъ лишь подъ конецъ своей жизни и дѣятельность его на этомъ поприщѣ оцѣнивается не столько количествомъ добытыхъ имъ результатовъ, сколько методологическими пріемами. Въ данныхъ языка, особенно въ названіяхъ урочищъ, онъ искалъ и находилъ остатки старины; не довольствуясь списками населенныхъ мѣстъ, онъ предполагалъ собирать названія балокъ, рѣчекъ, кургановъ и потомъ подвергать ихъ лингвистическому анализу. Убѣдившись въ холодности и лицъ привилегированныхъ сословій къ научнымъ интересамъ, онъ предпочиталъ личные разспросы мѣстныхъ жителей и помощь народныхъ учителей и сельскаго духовенства; онъ обратилъ вниманіе на старовѣровъ, какъ на вѣрныхъ хранителей старины, рекомендуя обратиться къ нимъ съ открытымъ посланіемъ о сообщеніи, какія рукописи находятся въ ихъ собраніяхъ. «Я глубоко убѣжденъ, говоритъ проф. Успенскій, и позволяю себѣ настойчиво утверждать, что если суждено у насъ когда либо образоваться школѣ со своими опредѣленными задачами и методомъ по изученію южно-русской старины, то во главѣ этой школы станутъ преданія, идущія отъ Бруна и Григоровича».

Къ брошюрѣ приложенъ списокъ печатныхъ трудовъ Григоровича, составленный А. И. Маркевичемъ, и фототипическій портретъ покойнаго профессора-слависта.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

1) Историческій Вѣстникъ № 5—6. 2) Вѣстникъ Европы № 6 3) Русская Мысль № 6. 4) Русская Старина № 6. Сверхъ того просмотрѣны, но ничего для библіографіи не оказалось: Русскій Архивъ № 6 и Сѣверный Вѣстникъ № 6.

Историческій Вѣстникъ № 5. Въ отдѣлѣ критики—краткая рецензія книги: «Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ». Кіевъ, 1889 г. (стр. 464—465).

№ 6. *В. К.* «*Памятникъ Понятовскому*», гдѣ вкратцѣ разсказана исторія нахожденія этого памятника въ подвалахъ новогеоргіевской крѣпости и постановка его въ имѣніи князя Паскевича Гомелѣ могилевской губ. (стр. 647—649).

Библиотека "Руниверс"

Въ отдѣлѣ критики: *М—къ Г—цкій* коротенькій одобрительный отзывъ о книгѣ: «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. Составилъ преподаватель волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ. Томъ II. Уѣзды ровенскій, острожскій и дубенскій» Почаевъ 1890 г. (Стр. 685).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткая біографія умершаго историка Геннадія Ѳеодоровича Карпова, занимавшагося разработкой древнихъ историческихъ актовъ и издавшаго нѣсколько изслѣдованій по исторіи Малороссіи (стр. 710).

Л. Павленковъ. «Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1889 г.».

Вѣстникъ Европы № 6. Въ отдѣлѣ Изъ общественной хроники краткія свѣдѣнія изъ исторіи новороссійскаго университета, со времени открытія котораго 1-го мая истекло 25 лѣтъ (стр. 860—862).

Русская Мысль № 6. *Я.* «О памятникѣ Н. В. Гоголю въ Москвѣ», гдѣ подводится итогъ суммъ, собранныхъ для сооруженія памятника Гоголю за 10 лѣтъ (47941 р. 94½ к.) и указывается возможное мѣсто для постановки памятника въ Москвѣ (стр. 108—112).

Русская Старина. № 6. *В. И. Шенрока—Николай Васильевичъ Гоголь.* Приведено 8 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 639—656).

Іосифъ Сидорскій. Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій—баккалавръ кіевской духовной академіи, онъ занималъ видный постъ по учебной части въ привислянскомъ краѣ; въ послѣдніе же годы, служа при святѣйшемъ Синодѣ, онъ исполнялъ важныя порученія по духовному вѣдомству на западныхъ окраинахъ, между прочемъ по уясненію чешскаго дѣла на Волыни и устройству учебнаго дѣла среди чеховъ-колонистовъ, а также устроенію кіевскаго торжества 900-лѣтія крещенія Руси (стр. 717—726).

Въ отдѣлѣ библіографіи: *Арк. Л—нко.* Краткая одобрительная рецензія книги: «Мемуары относящіяся къ исторіи южной Руси. Вып. I (XVI в.). Михаилъ Литвинъ, Б. де Виженеръ, Л. Горецкій, Э. Ляссота. Переводъ К. Мельникъ (подъ ред. В. Б. Антоновича)». Кіевъ, 1890 г. (на обложкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ЛѢТОПИСЬ ПОДГОРЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Въ числѣ другихъ рукописей, находившихся на выставкѣ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, была книга in folio въ 150 страницъ, подъ заглавіемъ „Сѵнопсисъ или краткое собраніе исторій и созиданія святыя обители общежителныя Подгорецкыя, древле именуемыя Плѣсницкыя, купноже и въспоминаніе о сооруженіи святыя церкви Преображенія Господня въ тойже святой обители, списася року Божія 1699“. На старинномъ кожаномъ переплетѣ этой книги имѣется тоже наклеенное польское заглавіе: „Księga Historij klasztoru Podhoreckiego, zakonu Basyliańskiego, po rusku pisana, gdzie tak (że) inwentarz rzeczy cerkiewnych i klasztornych. Roku pańskiego 1699 sporządzona“. Собственно лѣтопись занимаетъ въ этой книгѣ только 60 страницъ. Кромѣ того на страницахъ 89—97 находится какъ будто добавка—нѣсколько документовъ, выписанныхъ изъ львовскихъ актовъ гродскихъ и заключающихъ въ себѣ дарственныя записи въ пользу монастыря. Прочее мѣсто занимаютъ инвентари или „реестры“ книгъ и церковной утвари монастыря. Инвентарей въ нашей книгѣ имѣется три, а именно первый по времени, а послѣдній по мѣсту отъ 1699 года, второй по времени и первый по мѣсту отъ 1714 и третій по времени, средній по мѣсту отъ 1730 года. Лѣтопись, которой два послѣдніе листа (еще до нумераціи) вырваны, доведена до 1715 года. Болѣе новымъ письмомъ конца XVIII ст. добавлены еще двѣ записи 1726 и 1729 годовъ.

Библиотека "Руниверс"

„Сѵнопсисъ“ составляетъ если не очѣнь важный, то все таки интересный источникъ для исторіи прикарпатской Руси, преимущественно съ 1662—1699 годовъ. Нѣкоторыя подробности изъ него были уже обнародованы крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ въ 1874 г. въ его „Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1600—1700 годовъ“. Но такъ какъ А. С. Петрушевичъ началъ свои выписки изъ „Сѵнопсиса“ 1662 годомъ и почему то пропустилъ интересныя во многихъ отношеніяхъ преданія объ основаніи церкви Плѣсницкой и объ инокѣ Зосимѣ, то мнѣ кажется не лишнимъ систематически исчерпать весь историческій матеріалъ, заключающійся въ „Сѵнопсисѣ“. Правда, значительную долю въ этой лѣтописи занимаютъ копіи документовъ: дарственныхъ записей, королевскихъ привиллегій и епископскихъ грамотъ, имѣющихъ развѣ только мѣстное значеніе и поэтому пропущенныхъ нами; кромѣ того авторъ лѣтописи заносилъ въ нее многіе факты, тоже не имѣющіе болѣе широкаго историческаго значенія, какъ напр. извѣстія о новыхъ постройкахъ, земельныхъ спорахъ и т. п. хозяйственныхъ дѣлахъ монастыря, что мы также пропускаемъ. Очень жаль, что со смертію игумена Парфенія Ломиковскаго лѣтопись Подгорецкаго монастыря совершенно прекращается.

Миронъ.

Упомянувъ объ апокалипсическихъ деревахъ, которыя уцѣлѣли среди общаго опустошенія, авторъ лѣтописи продолжаетъ: „Щасливіе древа въ ласцѣ божой зосталіе. Не мнѣй щаслившіе древа и сей церкви святой, ижъ гди сурове зъ загнѣваннаго декрету небесного страшные неприятелѣ креста святого мечем христіанскіе краи пустошили, огнем околичніе мѣста и церкви божіи руйновали, сію же церковъ отъ посполитого декрету и пожару, яко отъ общеземнаго потопа ковчегъ Ноевъ сохранити изволилъ Господь. Панства, провѣнціи, мѣста и села околичніе зостали зруйнованніе, а тая церковъ святая, яко саламандра во огни, яко тріе отроки во пещи вави-

Библиотека "Руниверс"

лонской живи, яко Сигор въ Пентаполи, и яко Лотъ от пламенно-текущей уволненний Содоми, превишше же смрадних водъ, гоненія, преслѣдованія и войни непріятельской безпечне пребывала. Що дивнѣйша: все мѣстце града Плѣсницкаго, которое негдись на том мѣстцу стояло, и до сего дня зовется Плѣсницко, яко окопы и вали значніе до сихъ часъ дают вѣдомость, тіи такъ зруйнованые, иж дубы високіе, дерева дубравніе на томже мѣстцу повирастали, а сия церковъ святая невредно соблюдаема естъ... А збудована естъ отъ княжни Елены, которая княжна знать была вѣри православно-христіанской, и прежде бо сих временъ на главахъ россійского народу княжие сняди митры. Даст того певный и виразний документъ над царскими врати внутръ олтаря в тіе слова напис: „Аρπ *року: Гони Батый Елену Княжну, аже и церковь сію в то время тая же сооруди княжна, граду Плъсницку тогда бывши разоренну*“ явѣ естъ, ибо тую церковъ невредимо вышній Господь сохранил доселѣ и прославилъ, же ю от посполитого гнѣву своего и запаленя уволнилъ...

„Хто бы тежъ при церкви сей святой от того часу през килкасот лѣтъ зоставалъ, ниже писанія, ни извѣствованія обрѣтаемъ. Повѣсти о семъ и свѣдительства старих и старожитних людей сицевыя изобрѣтаемъ. От року 1583 старец нѣкто именемъ Зосима, родомъ тутешних странъ, из града, Бѣлый Камень названнаго, благочестивихъ родителей синъ млад еще сый дойде з нѣким монахом до святыя горы Аѳонскія, Господу тако хотящу, и там образ иноческій воспріемъ, наставленъ Богомъ и извѣщенъ бывъ духовным своим отцемъ, взем благословеніе от ігумена своего, обители святого Аѳанасія, возвратися во своя страны, и возлюби мѣсто при сей церкви. Бѣ же монахъ простъ, во страсѣ божіи колико можаше Богу служа, день и нощъ моляся ему со слезами, жилище же его бѣ во земли ископанно во пещерѣ при криниці, зависти бо ради въ то время мирскихъ священниковъ села Подгорецъ возбраненно бѣ ему при церкви самой жити, понеже доброти миръ во злѣ лежай не токмо ненавидит, но и гнушается и... Поживе же сей блаженный монах лѣтъ

Библиотека "Руниверс"

пятнадесят, и сподобися от Христа Бога увѣдати свое отъ земных ко небеснымъ отшествіе. Тогда прихождаху къ нему мнози от правовѣрных пользы ради, ихже много поучивъ, единощи и сіе рече: яко прежих здѣ не малое время, со многими страстьми боряся, и дарова ми Богъ еще на мѣстѣ сем тридесят лѣтъ жити, еже и сбысться. И тако пребывъ на том едином мѣстѣ всѣх лѣтъ четиредесят и пят неотходимо, провѣдѣ паки свое отшествіе к Богу, его-же возлюби, и призва духовных и знаемых людей со приставникомъ села Подгорецъ и вручи ему все елико имяше, воспоминая ему и глаголя: возми ти сіе, аще бо угодно будет Богу, подасть мѣсту сему вѣрных своих, иже прославляти будутъ имя его святое. Преставися року Божія 1625, мѣсяца септеврія въ 23 день, и погребенъ естъ честно при церкви Преображенія Господня.

Року Божія 1659 прійде на мѣсто сіе законникъ именемъ Созонтъ Ломѣковский, саном діякон, зъ святой обители скитской, посѣщая сродники своя, иже воистинну Божіим изволеніем прийде в сію страну.... и хотя запустѣлое мѣсто въ древнее привести благочиніе и украшеніе, начатъ жити со другим монахом, начавше убо прилежно сіе мѣсто святое строити и о нем труждатися, древа неплодящая и всякую гущавину некрасящую изсѣкати, ревнующе святым преподобным отцем Антонію и Ѳеодосію печерским, иже огнем зъ неба зведеннымъ окрестъ хвростіе попалиша, Богу, братіи и себѣ пребываніе уготовляху. По малѣ же времени Богом подвижен прибывает къ сему законнику Созонту на сіе мѣстце честное и святое честный старец Ілія Гостиславскій зъ тогож монастира святой обители скитской законникъ священно іеромонах, року Божія 1661, мѣсяца августа дня 4. И разгорѣся душею, возлюбы сіе мѣсце святое, изволи жити на нем любезно со братом Созонтом.... Удаются до своего монастиря святія обители скитскія, до отцевъ и братіи всѣхъ обще.... Съ благословеніем их начаша общую обитель при той церкви святой старожитной фундовати..... По сем удаются до преосвященнаго епископа луцкаго, въ тое время Гедеона Святополка князя Четвертенского, благословенія святительского яко смиреннии иноци смиренно моляще, аби на том мѣсцѣ святом жити и обитель святую..... разширяти и

Библиотека "Руниверс"

приоздобляти.... возмогли. До чого.... епископ благоизволивъ и благословивъ блаженного старца Ілію въ ігумена, брата же Созонта на степень священства постави року Божія 1662. Блаженный же отецъ Ілія.... за моцныи фундамента виправленний от ясневельможного его милости пана Станѣслава Конецпольского дѣдичного добръ тих пана консенсъ альбо право на ригаловом папиру польским діалектом при звислой печати рукою власною подписанный положи, и сим правом грунта, на них же обитель сыя святая стоит, яко фѣляром утверди.

(Слѣдуетъ документъ Станислава Конецпольскаго, напечатанный у А. С. Петрушевича „Сводная лѣтопись“ ст. 136, и пастырское благословеніе епископа луцкаго Гедеона Четвертинскаго 1663 года. Слѣдующій затѣмъ разсказъ о дѣяніяхъ перваго игумена Ильи пропускаемъ).

Игумен Ілья къ Богу отиде мѣсяца декамврія 15, року 1666.... Вторий игумен Іовъ нѣколико лѣтъ труждался со братіею во строеніи святия обители прилежно яко можаше.... В тие времена наступившой войнѣ Дорошенковой (Дорошенщина), зъ козаками и зъ ордою, преставися о Господѣ помянутий старец Іов игумен.....

(Слѣдуетъ перечень четырехъ игуменовъ, изъ которыхъ каждый только короткое, но съ точностью неопредѣленное, время управлялъ монастыремъ).

По сем избраша братія честнаго отца Афанасія Березу. Того времени прийдоша дніе, в ня же видѣхом злая. Нечистивий бо цар турецкий зъ великими войсками своими и татарскими, с ним же и Дорошенко зъ войсками козацкими пришедши в землю нашу росийскую (1672), многих христіан во плѣн взяша, церкви Божіи разориша, Подоля опустошивши и Камянецъ-Подольскій опановавше, веліе смятеніе сотвориша. Братія же святія обителя сея, овіи в замку Подгорецком, иніи во обители и во вертепах кріющася, Божіим смотреніем всі цѣло сохранени быша. Злочестивіи же въ монастири килка келій огнем сожегше и прочая вещи.....

Не по мнози времени вторицею война турецкая под Журавном наступила. Того ж року и часу (1676), мѣсяця септеврія дня

Библиотека "Руниверс"

6 святую обитель Скитскую турки разорили и огнем сожегли, в то время ігуменствующу во святой обители Скитской честному отцу Дороѳею, и паки велие в земли сей бысть смятеніе. Тогожде времени в сей святой обители ігуменом бысть вишe реченний отецъ Афанасій Береза, иже страха ради остави сію святую обитель, братія же неимущая пастиря всі розийдошася и не оста ни един во обители.

Року Божія 1683, найяснѣйшій король его милость Іоан Третий з войсками ходил под Вѣдень, турковъ побѣдил, бывшу в той побѣдѣ зъ королем преосвященному епископу львовскому Іосифу Шумлянскому.

Року 1684, остави паству свою, то есть епископію луцкую, преосвященний епископ Гедеон Святополкъ Четвертенскій и отиха на кіевскую метрополію, а епископію король его милость в блюстительство предреченому епископу львовскому вручи.

Въ лѣто 1686 поставлен бысть епископом луцким Афанасій Шумлянский единоестественний брат епископа львовскаго, в мѣстѣ Жадачевѣ, дня осмого мѣсяца мая от преосвященного Дософея митрополита сочавскаго и епископа Іосифа Шумлянскаго и Інокентія Винницкаго, епископа премишльскаго, в то время еще во благочестіи будучаго, при существующу той хиротоміи преподобнѣйшому отцу Варлааму Шептицкому, архимандритѣ уневскому и отцу Николаю, архимандритѣ сочавскому.

Тогож року 1687, дня 24 мѣсяца септеврія, найяснѣйший монарха Іоан Третий, король польский, повернувши з войни з под Жванца, пребывал въ Олеску и въ Подгорцах въ маетностях своих. Тамо пребываючи, слиша от людей о давности церкве вит поменения, и приихал сам особою своею кролевскою до сей святой обителѣ со трома синами своими найяснѣйшими кролевичами польскими Іаковом, Александром и Константином, и з многими вельможами, сенаторами и панами, где обачивши мѣсце церкве и писмо овое въ церкви над царскими врати внутръ олтаря на стѣнѣ виритое „1108 року гони Батій Елену княжну“, сіи слова зъ личбою прочетше и удивившеся, похвалиша вси Бога и пречистую Дѣву Богородицу,

Библиотека "Руниверс"

яко увидѣли своими очима от такъ давного времени церковъ святую, ни ветхостю вѣка, ниже различними войнами нарушенную. Въ то время ігумен (Парѳеній Ломѣковскій) зъ братіею презентовали его королевской милости консенсъ албо право виш менованное от ясневельможного с. м. пана Станѣслава Конецпольского сему монастирови данное, и просили о потверженіе албо конфѣрмацію оного, на що его королевская милость, яко пан побожний и милостивий позволил, и не толко тое право по всем потвердил, але и болше своим писмом албо правом тому монастиреви надал. (Слѣдуетъ копія грамоты короля Іоанна Собѣскаго, данная въ Золочевѣ 15 октября 1687). Року от сотворенія свѣта 6126, а от Рождества Христового 1688, мѣсяца февруарія дня 25 в четвертокъ сирний пришедше безбожніи агаряне въ повѣтъ бродский и іние грады, церкви Божіи и села огнем сожегоша и людей безчисленное множество во плѣн взяша. Тогож часу и сію святую обитель немало их близ окружиша. Но Божіим и пресвятия его Богоматере заступленіем ниодин приближитися ко святой обители возможе, обяти бо быша веліим страхом, и скоро бѣжаша, нѣкому же их гонящу. Благодатію же Божіею яко из братій, тако и з послушников и вещей монастирских ничтоже вреждено бысть, но вся цѣло сохраненна быша.

Року 1689 помененнаго Парфенія ігумена святия обители сея боголюбивий епископ львовский архидіакона своего виправил в великій царствующій град Москву до пресвѣтлѣйших и великодержавнѣйших благочестивих царей, въ тож время благополучно царствующих Іоанна и Петра Алексѣевичовъ и пресвѣтлой царевни соцарствующей имъ Софѣи Алексѣевни, таможде и до святѣйшого Кир Іоакима московскаго и всея Росіи и всѣх сѣверних стран патріархи, зъ своим архіепископским писаніем... Отиде во путь, взяв же со собою брата іеромонаха Феодосія и иніе послушники, дня 30 мая 1689 в четвертокъ. Молитвами пресвятой Богородици и святих угодников Божіих достиже царствующаго великаго града Москвы, и вся исправивъ, возвратися во свояси. Возвратившуже ся ему съ пути в обитель сію дня 21 декамврія даде нѣкія вещи и в украшенію церкви Божой и обители святой, такожде и братіям нуждная.

Библиотека "Руниверс"

Сія вся списати и в краткую собрати Сунопсисъ понудихом ся не коего либо ради тщеславія или над инія святия обители превозношения, но видяще, яко всѣ умираем и аки вода разливаемся по реченію разумной Токунтянини, всякое же писание умирати не обиче. Аз же многогрѣшний іерей Василий презвитер церкви Успенія Пресвятия Владичица нашея Богородици, написавъ сіе исправленное от инних начертаніе, бывши в той же катедрѣ святого великомученика Георгія львовской, у преосвященного епископа Іосифа Шумлянского о благословение мого пресвиторства побѣжден великим ку моему смиренію пречестнаго отца Парфенія сіе св. обители ігумена благодѣтельством подвигохся аще и прудкоручним писаніем сіе исписати.

Тогож року 1708, мѣсяца іюля дня 16 преставися боголюбивий нашъ пастыръ Іосифъ Шумлянский въ катедрѣ львовской, въ тоже катедрѣ въ гробѣ от него же собѣ за живота еще вымурованом погребен бысть дня 7 мѣсяца септеврія 1708, на которого погребѣ були епископи: Георгій Вѣннѣцкий епископъ перемиский, Діонісий Жабокрицкий, епископъ луцкий, Варлаам Шептицкий, архимандрита уневский, который послѣжде епископом львовским обраний, и превелебнии ігумени, пречестнии намесники диецезии львовскои, галицкои и Каменца Подольскаго.

Року 1629, дня 20 іюлія умеръ въ Львовѣ ігуменъ и ктиторъ нашъ о. Парѳеній Ломѣковский; перед смертію записал нам 40,000 зол. п. яко капитал на процент и 5000 на далшую фабрiку, также вси свои рухомости.

Библиотека "Руниверс"

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ

ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ, ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАЛЪ В. М.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе: сватовство, розглядины, домашнія приготовленія къ свадьбѣ.—Суббота: приготовленія къ свадьбѣ съ участіемъ сосѣдей, вѣнки, приглашеніе молодой къ себѣ на свадьбу, пѣсни на улицѣ, возвращеніе молодой и дружекъ съ обхода села.—Гильце, пѣсни въ весильномъ домѣ, удаленіе дружекъ, изготовленіе шишекъ и коровая.—Воскресенье: поклоненіе молодой, молодая на посадѣ, пѣсни до пріѣзда жениха; поклоненіе молодого, молодой на посадѣ, пришиваніе лентъ боярамъ, осыпаніе овсомъ молодого, выѣздъ молодого.—Пѣсни на поѣздѣ.—Молодой у воротъ, у порога, въ сѣняхъ, въ хатѣ.—Пришиваніе вѣнка къ шапкѣ молодого.—Молодые во дворѣ.—Молодые за столомъ, раздѣлъ коровая, расплетаніе косы, отъѣздъ молодыхъ, пѣсни на поѣздѣ, встрѣча молодыхъ, обрядъ первой ночи, торжество молодой, позоръ молодой.—Понедѣльникъ: утро молодой, бесѣды (балы), ожиданіе шишки родителями молодой.—Перезовъ.—Вторникъ: пропиваніе родителей.

Приведенныя ниже свадебныя пѣсни записаны мною въ прошедшемъ 1889 году, въ сѣверной части лубенскаго уѣзда, преимущественно въ м. Снѣтинѣ и окрестныхъ селахъ,—мѣстности, никогда еще не изслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи,—отъ слѣдующихъ козачекъ и крестьянокъ: Уляны Выборной и Даріи Котовой, изъ м. Снѣтина, снѣтинской волости; Евгеніи Нецилькиной, Евдокіи Паныковой, Ѳедосіи Палехиной, Орины Недилькиной, Степаниды Шевченковой, Маріи Юрченковой, Настасіи Коломійцевой, Орины Мартыщенковой и Варвары Иваненковой, жительницъ с. Литвяковъ, волчковской волости; Евгеніи Заикиной, хут. Волчей долины, той же

Библиотека "Руниверс"

волости; Уляны Молькиной, изъ с. Волчка; Елены Дмитренковой и Устиньи Калениченковой, изъ с. Березоточи, той же волости; Маріи Гриценковой изъ с. Засулья, засульской волости; Палагеи Куліевой, изъ с. Пѣсокъ, той же волости; Акулины Бѣлокуровой, изъ с. Луки, тишковской волости; Варвары Максимейковой изъ с. Исачекъ, той же волости и Прасковьи Заикиной, живущей въ хут. Кремянкѣ, матяшовской волости и другихъ.

Свадебный обрядъ, объясняющій эти пѣсни и имѣющій притомъ въ лубенскомъ уѣздѣ нѣкоторыя особыя черты, отличающія его отъ обрядовъ другихъ уѣздовъ полтавской губерніи, изложенъ мной какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ и указаніямъ тѣхъ же лицъ, преимущественно Уляны Выборной, Даріи Котовой, Варвары Максимейковой и Евгеніи Недилькиной, также козака Михаила Пулехи и крестьянъ: Самсона Иваненка и Мирона Печеного.

До свадьбы. Розглядины.

Народному свадебному обряду (закону) въ лубенскомъ уѣздѣ предшествуютъ, какъ и повсемѣстно въ Малороссіи, нѣкоторые обряды при сватовствѣ и вѣнчаньи. Какъ извѣстно, женихъ обращается къ родителямъ невѣсты со своимъ предложеніемъ чрезъ старостъ, всегда представляющихъ его личное, семейное и имущественное положеніе въ выгодномъ свѣтѣ. Согласіе дѣвушки въ общемъ смыслѣ, въ принципѣ, выражается замѣной хлѣбовъ; но, затѣмъ, показаніе старостъ повѣряется разспросомъ сосѣдей жениха и осмотромъ его жилья родителями невѣсты и ея родственниками, или сосѣдями. Этотъ осмотръ (розглядины) производится иногда со вниманіемъ и строгостью, напоминающими обыскъ. Пріѣзжіе осматриваютъ огородъ и дворъ, запасы хлѣба и сѣна въ стогахъ, надворныя постройки, щупаютъ палками хлѣбъ въ закромахъ коморы, иногда лазятъ даже въ погребъ и на чердакъ (горыще). Окончательное согласіе дѣвушки выражается дачею ею „рушникивъ“ старостамъ и „хустокъ“ молодому и боярину, какой обычай большею частью совпадаетъ съ вѣнчаньемъ, но можетъ предшествовать ему, если вѣнчанье и свадьба происходятъ въ одно и тоже

Библиотека "Руниверс"

воскресенье. Въ первомъ случаѣ промежутокъ времени между вѣнчаньемъ и свадьбой родители молодыхъ наполняютъ домашними приготовленіями: колютъ кабана, привозятъ муку изъ мельницы, рѣжутъ локшину, цѣдятъ брагу и покупаютъ водку; только въ субботу къ участію въ приготовленіяхъ приглашаются сосѣди, свадьба оглашается по селу и всѣ послѣдующія дѣйствія пріобрѣтаютъ публичный характеръ.

Суббота. Вѣнки.

Въ субботу, послѣ обѣда, старшая дружка невѣсты, большею частью ближайшая родственница, обращается къ наполняющимъ весильный домъ гостямъ съ просьбой:

— Старосты, пани старосты! благословить молодій винкы повыть? [1]).

На что присутствующіе отвѣчаютъ:

— Богъ благословыть!

Тогда старшая дружка откалываетъ съ головы молодой двѣ ленты: красную и зеленую, быстро собираетъ ихъ на иголку и дѣлаетъ вѣнки,—два цвѣтка, похожіе на полный макъ, и подаетъ на тарелкѣ молодой, которая проситъ у родителей и у всѣхъ присутствующихъ: благословить *винкы поносыть*. Затѣмъ старшая дружка пришпиливаетъ ей къ волосамъ оба вѣнка, которые невѣста не снимаетъ до пріѣзда жениха. Надѣвъ вѣнокъ, молодая угощаетъ подругъ водкой, пирогами, кнышами и сметаной.

Когда вьютъ вѣнки, то дружками поются слѣдующія пѣсни:

1.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже,
Виночкы повыты,
Сей домъ звеселыты

(Сообщено Уляной Выборной).

2.

Изъ субботонькы на недилоньку
Ростворылося небо,
Тамъ выдно хресты золотіи,
И престолы святіи.
Кинець престола

[1]) Въ м. Свѣтинѣ вѣнки вьютъ къ вечеру.

Библиотека "Руниверс"

Маты Хрыстова
Плете виночки, стоя;
Плете виночкы
Та зъ шавліечкы,
Та зъ лиліечкы,
Та зъ червонои стричкы.
Та зъ руточкы, зъ мяточкы
Васыльку до шапочкы,
А зъ шавліечкы, та зъ лиліечкы
Та Маруси до стричечкы.
(Ея же).

3.

Пишла наша Маруся у садочокъ,
Изрываты полуцвиткивъ на виночокъ,
А за нею ридный батенько у слидочокъ:
На що жъ тоби, дытя мое,
Полуцвитовъ цвитъ?
Що ты сама якъ калына,
Якъ рожевый цвитъ.
На що тоби, дытя мое, той виночокъ?
Ужежъ тоби не ходыты у таночокъ,
Ужежъ тоби не водыты подружечокъ.
Ой е въ мене мій батеньку меньшая сестра,
Вона моихъ виночкивъ доносыть,
Вона моихъ подружечокъ доводыть.
(Ея-же).

4.

Звылы Маруси два виночкы
Зъ руточкы, мяточкы сердечка,
Та й покотылы по столу
По жыльчастому скатертю;
Руточка ясна, калыночка красна,
Съ кымъ тебе позбираты?
Та просы Марусю батенька,
Щобъ помоглы руты збираты.
Не буду я ихъ прохаты,
Не вмилы мене кохаты,
А ни кохаты, ни зодягаты,
Ни пры соби держаты.
(Евдокія Панькова).

5.

Жалуй мене, моя матинко,
Я гисть у тебе.
Шануй моихъ подружечокъ
Теперъ у себе.
Якъ не стане, моя матинко
Мене въ тебе,
То не будуть подружечкы
Бильшъ ходыты,
Та й не будуть кватырочкы одсуваты,
Бо ни кого на улыцю выклыкаты.
Якъ итымуть подружечкы,
Мынатымуть двиръ,
Та й нестымуть смородыну зелененьку,
Та й заплачешъ, моя матинко, жалибненько;
Та й нестымуть смородыну зъ ягидкамы,
Умыесся, моя матинко, слизонькамы,

Библиотека "Руниверс"

Та й нестымуть смородыну съ спиленькымы,
Та й умыеся, моя матинко, дрибненькымы.
Та даешъ мене, матинко, сама бачышъ
Не разъ, не два ты за мною тай заплачешъ,
Не разъ, не два тай затужышъ
Покы мене черезъ люды перечуешъ.
(Настасья Коломійцева).

Суббота. Приглашеніе на свадьбу.

Кончивъ вить вѣнки, дружки рѣзвой, нарядной толпой сопровождаютъ молодую по селу. Она заходитъ въ хаты приглашать къ себѣ сосѣдей и родственниковъ „на хлибъ, на силь, на весилья“, а дружки остаются на улицѣ и возвѣщаютъ о свадьбѣ громкимъ пѣніемъ. Дружекъ бываетъ обыкновенно много 15, 25, даже 50, такъ какъ въ дружки идутъ всѣ дѣвушки, сосѣдки невѣсты, но если въ одной и той же части села одновременно празднуется нѣсколько свадебъ, то пѣсенное число „симъ сотъ и чотыри и вси чорнобриви“ можетъ уменьшиться въ дѣйствительности даже до семи.

На улицѣ поютъ:

6.

Ой вы сусиды ворогы,
Не переходьте дорогы [1]),
Не становиться за сонця,
Иде наша Маруся одъ винця,
Веде соби Василька молодця.
(Уляна Выборная).

7.

Тай у субботоньку, за сонця,
Сыдила Маруся край виконця,
Поряжалася зъ своею ненькою:
Скилькы дружечокъ браты.
Та бери донечко симдесятъ,
Коло симдесятъ сама сядь,
Беры зовыци, беры сестрыци,
Вси подружкы у дружкы.
(Она же).

8.

Ой ты попе Гордію!
Не дзвоны рано въ недилю,
Задзвоны рано въ субботу,
Потеряй дивкамъ роботу,
Нехай не шьють, не прядуть,
До нашои Маруси въ дружкы идуть.
(Евдокія Панькова).

---

[1]) Вар. с. Пѣсокъ: Нехай перейде родына,
Щобъ наша Маруся щаслыва.
(Палагея Куліева).

Библиотека "Руниверс"

9.

Куды мы не пидемъ
Та все однимъ слидомъ,—
Зеленою порошою
Зъ молодою зъ хорошою.
(Она же).

10.

Нызомъ, дружечкы, нызомъ,
Закыдалы дорожку хмызомъ,
А у Васылька кинь вороненькій
Перескочыть хмызъ зелененькый,
А у Васылька кинь воронійшій
Перескочыть хмызъ зеленійшій.
(Степанида Шевченкова).

11.

На долыну, дружечки, на долыну,
По червоную калыну,
Та по хрещатый барвинокъ
Молодій Маруси на винокъ.
(Уляна Выборная).

12.

Ой шумила дибривонька, шумила,
Туды наша Маруся ходыла,
Кискою плечици покрыла,
За собою дружечокъ водила.
(Она же).

13.

Ой коса моя русява,
Та якъ я тебе кохала,
Що въ субботоньку вбирала,
А въ недилоньку красыла,
За одынъ вечиръ зносыла.
(Она же).

14.

Ой киско, киско маивко!
Та не довго тоби маяты.
Въ субботоньку изъ ранку,
А въ недилоньку до смерку,
Ходыть Маруси у винку.
(Она же).

15.

Молодая Маруся, молодая,
Въ неи кисонька русява,
Коло тіи кисонькы коснычкы—
Нашои дивчыны дружечкы.
(Она же).

16.

Не вій витре въ поли,
Повій по роздоли;
Розмай русу косу
По червонимъ поясу,
Розмай косу по волосочку
Якъ жыта по колосочку.
(Оришка Мартыщенкова).

17.

Холодочкомъ, дружечкы, холодочкомъ
По пидъ вышневымъ садочкомъ,
Щыпайте руту, мяту зелененьку,
Затыкайте Марусю молоденьку,
Нехай наша рута, мята зеленіе,
Нехай наша Маруся молодіе.
(Уляна Выборная).

18.

Ой улыци, улыци неметеніи,
Туды йшлы дружечкы нечесаніи,

Библиотека "Руниверс"

Молодая Маруся йшла, промела,
За собою дружечокъ провела.
(Оришка Недилькина).

19.

Ой улыци, улыци тисніи,
Туды йшлы дружечкы пышніи,
Неслы воны короговцю якъ огонь.
А на тій же короговци малю-
ванье,—
Тожъ тіи Маруси дивованье.
А на тій же короговци листонь-
кы,—
Тожъ Марусины мыслонькы.
(Марія Юрченкова).

20.

Не барыся, Марусю, не барыся,
Усимъ дружечкамъ поклоныся,
Старшій дружечци найныжше,
Що сыдитеме найблыжче.
Оце жъ тоби, Марусю, за тое,
Щобъ не плела кисонькы у трое,
Та заплела кисоньку въ дри-
бушкы,
Щобъ росплитали вси дружкы.
(Уляна Выборная).

21.

Ой вы сюды дружечкы не ходите,
Зеленого винограду не топчите,
Бо сей виноградъ самъ порисъ,
Туды нашу Марусю Богъ понисъ.
(Она же).

22.

А чи радъ, Васыльку, чи не радъ,
Що порись по садочку виноградъ?
Щей червоная калына—
Молодая Маруся княгина.
(Она же).

23.

Ой тамъ, на сели, на рынку,
Пылы бояре горилку,
Изъ золотенькихъ чарочокъ
Одъ молоденькихъ дружечокъ.
(Она же).

24.

Поцвичена калынонька, поцвиче-
ная,
Уже наша Маруся повинчаная.
Колыбъ же намъ недилоньки ди-
ждаты,
Пидемо Маруси спиваты.
(Евдокія Панькова).

Если вѣнчанье и свадьба происходятъ въ одинъ день, то вмѣсто этой пѣсни дружки поютъ:

25.

Ой у лузи калынонька нецвиченая,
Туды йшла дивчинонька невин-
чанная,
Колыбъ же намъ недилоньки ди-
ждаты,
Пидемо дивчиноньку винчаты.
(Она же).

Библиотека "Руниверс"

26.

Ой попе, попе,
Отче нашъ,
Тай одчиняй церковцю
Просто насъ,
Тай звинчай же насъ
Въ добрый часъ.
(Она же).

27.

Ой булы мы въ попа,
Нема попа дома,
Та поихавъ та до города
Ключивъ купуваты—(2)
Церковь одмыкаты,
Марусю винчаты.
(Она же).

28.

Ой помалу, дружечкы, йдите,
Пыломъ не пылите,
Щобъ наши жупаны
Пыломъ не прыпалы,
Щобъ нашая слава
По всимъ свиту стала.
(Уляна Выборная).

29.

Дывлятся селяне,
Що йдуть городяне,
По переду та Маруся иде,
Симсотъ дружечокъ веде,
Симсотъ щей чотыри
Та все чорнобриви,
Та вси у сапьянцяхъ.
Въ стричкахъ, та въ коснычкахъ
Та въ червонихъ черевычкахъ.
(Уляна Выборная).

30.

Думай, думай та Марусю,
Думай та гадай,
Брести тоби дви риченьки,
Щей третій Дунай.
Перебрела дви риченьки,
Дунаочка ни,
Роскишъ була у батенька,—
У свекорка ни.
(Она же).

31.

Ой по морю рыбочка грае,
Золотыми перами мае,
А Маруся здывувалася,
Що хороше нагулялася,
Васылькови сподобалася.
(Она же).

32.

Закувала зозуленька
Рано у саду,
Ой казала Марусенька
Замижъ не пиду,
Ой казала молодая погуляю
Русою косою помаю.
(Она же).

33.

По тимъ боци ставу
Клыче павычъ паву,

Библиотека "Руниверс"

Плывы, плывы моя павочко,
Дамъ я тоби срибне яблочко.
Черезъ тое срибне яблочко
Потеряла дивуваньячко.

(Она же).

34.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Не клинъ яблунына
Золотая верховына,
Полюбыла та дивчина
Молодого челядына,
Сама соби здывувалась,
Що съ хорошимъ повинчалась.

(Марія Юрченкова).

35.

Варіантъ с. Засулья.

Схылылась верба зъ верха до кореня,
Винчалась дивчына зъ ранку до полудня,
Сама соби здивувалась,
Що зъ челядиномъ повинчалась.

(Марія Гриценкова).

36.

Червоная колынонька, жовтый цвитъ,
Ой чомъ до насъ Василька въ гости нитъ?
Чи мы ёму хустыны не пошылы,
Чи мы ёму виночка не звылы,
Чи мы ёму Маруси не зрядылы?
Мы ёму хустыну пошылы,
Вы ёму виночокъ извылы,
Мы ёму й Марусю зрядылы,
Мы ій на посади посадылы.

37.

Ой городъ, городъ Лебединъ
Туды ихавъ Василько молодый,
Пидъ нымъ коныченько вороный,
На ему жупанъ голубый,
На ему шапка смушова,
Коло бока хустына шовкова,
Вышыла Маруся учора,
Темнои ночи при свичи
Ясного сонця, край виконця,
За для Василька молодця.

(Уляна Выборная).

38.

Ой крикнувъ орелъ на ставу,
Обизвався та Василько въ своему дому:
Ой горе жыты самому,
Колибъ щей Маруся зо мною.

(Она же).

Библиотека "Руниверс"

39.

Та плыве утынька по сынему морю
Изъ своимы утенятами,
А за нею плыве сызый селезень.
Постой утынько й мене,
Бувъ я на ставку, тай чувъ я славку
Щей на тебе, сира утынько,
Що плетуть ситки на твои диткы
Щей на тебе, сира утынько.
Нехай же плетуть, хоть переплетуть,
То я ихъ не боюся:
Крыльця роспущу, дитей заберу,
Видсыля уберуся.
Та йшла Маруся все улычкамы
Изъ своимы дружечкамы,
А за нею иде молодый Васылько.
Постой Марусю мене,
Постой Марусю, постой молода,
Щось маю росказаты:
Ходывъ я въ лавку, тай чувъ я славку,
Що на тебе молодую
Кроють китайку, шьють кыбалку,
А на твою головоньку.
Та нехай же кроють, та нехай же шыють,
Я ій не боюся,
У недилоньку, до вечеронькы
Я въ неи наряжуся.

(Уляна Выборная).

40.

Ой плавала щука рыба по надъ млыномъ,
Та давала Маруся ручку двомъ.
Ой не двомъ, не двомъ—одному,
Ой на тоби, Васылько, ручку мою,
А ты, Иванку, дывысь, не дывысь,
Пиды соби зъ иншею обнимысь
А ты, Иванку, не гайся,
Пиды соби зъ иншею звинчайся.

(Настасія Коломійцева).

41.

Варіантъ с. Засулья.

Плавала щука рыба по пидъ млыномъ,
Та давала Маруся ручку двомъ,
А хочь двомъ, хочь не двомъ,—одному
На тоби, Васыльку, ручку мою.
Биленька ручка въ батынька мого,
Чи буде такая въ твого?
Якъ будешъ ты покирненька,
То буде твоя головонька гладенька,
А якъ будешъ ты упряма,
То буде твоя головонька що дня пьяна.

(Марія Гриценкова).

Библиотека "Руниверс"

42.

Варіантъ с. Засулья.

Зацвила крута гора фіялкамы,
Туды йшла Маруся съ дружечкамы,
А за нею Васылько съ боярамы.
Постой, постой, Марусю, теперь ты моя!
Вона стала, отгадала, що я не твоя,
Що я въ батька паняночка,
А ты въ свого панъ;
Шукай соби паняночкы
Такои якъ самъ.
Ой выиздывъ я вси села й города,
Та не найшовъ паняночкы, якъ ты молода.

(Она же).

43.

Варіантъ с. Засулья и с. Литвяковъ.

Ой ходыла та Маруся по саду, саду,
А за нею та Василько по ей слиду.
Ой чогожъ ты та Васылько
На мій слидъ упавъ,
Шукай соби кращишои,
Якъ молодый самъ.
Ой объихавъ я, Марусю,
Села и города,
Тай не найшовъ кращишои,
Якъ ты молода.

(Уляна Выборная).

44.

Тыхо тыхо лотоками
Вода йде,
Що сестрица до братика
Чоломъ бье.
Ой вымитай, братику,
Новый двиръ,
Та застылай, братику,
Тесовый стилъ,
Та наповняй, братику, кубочкы,
Веде сестрыця дружечкы.
Ой до двору, дружечкы, до двору,
Нахыляйте сосонку до долу,
Та принесемо до дому
Тай поставымо на столи,
На жыльчастому [1]) скатерти.

(Уляна Выборная).

45.

Мы булы въ лужку,
Загубылы дружку,
Якъ сонечко зійде,
Вона сама прійде.
Якъ сонце пидобьется,
Вона сама притрясетця.

(Марья Гриценкова).

[1]) Цвитному.

Библиотека "Руниверс"

46.

Варіантъ с. Волчка.

До двору, дружечкы, до двору,
Ломайте сосонку до долу.
Зелена сосна—не гнеться,
Що богатій, матинко, не шлеться,
А убогій, та хорошій не сміе,
Такъ моя руса коса змарніе.

(Ульяна Молькина).

47.

Забарная, Маруся, забарная,
Забарылася на сели,
А вы, дружечкы, на дорози,
Щей на лютому морози.

(Она же).

Суббота. Возвращеніе съ улицы.

48.

Прыбирайся, матинко, прыбирайся,
Та до себе дружечокъ сподивайся,
Щобъ була щука, рыба жареная,
Щобъ була горилочка вареная,
Щобъ булы огирочкы солоненьки,
Щобъ наши дружечкы веселеньки.

Варіантъ.

Щобъ булы солонни огиркы,
Щобъ булы дружечкы ягидкы.

(Уляна Выборная).

Возвращаясь домой, молодая ломаетъ палочку (ципокъ), съ которой она обходила село, и бросаетъ ее чрезъ хату.

Дружки поютъ:

49.

Росты, сосно, въ гору,
Мы йдемо до дому,
До новои хаты,
Де ридная маты,
Де кубкы повненьки,
Братикы ридненьки.

Библиотека "Руниверс"

Варіантъ.

До матинкы, до ридненькои
На кубочкы на повненькіи,
У порога поютъ:

50.

Сяду, впаду ластивкою
Передъ матинкою,
Передъ синечкамы
Изъ своими дружечкамы.
(Она же).

51.

На вгороди вышня,
Колыбъ до насъ матинка выйшла,
Ягидокъ щыпаты,
Дружечокъ частуваты.
(Оришка Недилькина).

52.

Выйды маты съ хаты,
До свого дитяты,
Ягидочокъ рваты,
И дружечокъ частуваты.
(Настасія Коломійцева).

На хусточкы чорвоненькіи.
(Улана Выборная)

53.

Варіантъ с. Засулья.

Выйды маты зъ хаты,
Пизнавать дытяты.
Межъ пышными дружечкамы
Умывается слизочкамы,
Межъ пышнійшымы
Умывается дрибнійшымы
(Марія Гриценкова).

54.

Выйшла матинка проти насъ,
Та глянула цо всихъ насъ,
Краща Маруся одъ увсихъ насъ.
(Улана Выборная).

55.

Выйшла матинка изъ хаты,
Стала дружечокъ пытаты:
Де вы дружечкы бувалы,
Що вы дружечкы видалы?
Ой були мы, матинко, въ церковци,
Та бачылы, матинко, два винци
На Марусеній головци.
(Она же).

Суббота. Гильце.

56.

Уримъ, матинко, китайкы,
Застылай столы ще й лавкы,
Бо йдуть дружечкы панянкы.
Вризала матинка китайкы,
Застлалы столы щей лавкы:
Сидайте, дружечкы панянкы!
(Она же).

Библиотека "Руниверс"

Возвратясь съ села, дружки въ сѣняхъ весильнаго дома вьютъ „гильце“, т. е. убираютъ вишневую (изрѣдка сосновую или сиреневую—„изъ бозя“) вѣтвь съ частыми боковыми побѣгами, воткнутую въ хлѣбъ, бантами изъ лентъ, бумажными цвѣтами, пучками калины, жита и краснаго гаруса (жычкамы). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Засульѣ) привѣшиваютъ еще къ гильцу орѣхи, конфекты и пряники.

Когда вьютъ гильце, то поютъ:

57.

Не йдить молодыцй
До насъ гильця выты,
Зовьемо мы самы,
Краще нижъ изъ вамы.

(Уляна Выборная).

58.

Летила зозуленька черезъ садъ,
Погубыла пиръячка на весь садъ.
Избирайте дружечкы пирьячко
Зовьемъ своей Маруси гилечко.

(Елена Дмитренкова).

59.

Ой покы мы Маруси гильце звылы,
Половыну луга выходылы,
Червоную калыноньку выломалы,
И хрещатый барвиночокъ выщыпалы,
Таки своей Маруси гильце звылы.
Звылы Маруси гилечко
У два соколы гниздечко,
Выще дерева ялыны,
Та зъ червонои калыны,
Молодій Маруси княгыни.

(Уляна Выборная).

Окончивъ вить гильце, и попросивъ у старостъ благословенія въ такихъ же почти выраженіяхъ, въ какихъ просили о вѣнкахъ („благословить гильце въ хату внесты“), дружки входятъ въ хату съ гильцемъ и поютъ:

60.

Благословы Боже,
Пречыста Госпоже!
Намъ гилечко звыты,
На столи постановыты,
Сей домъ звеселыты.

(Она же).

Библиотека "Руниверс"

61.

Варіантъ с. Засулья.

Благословы маты
Гильце звываты.
Гильце звыты,
Сей домъ звеселыты.
(Марія Гриценкова).

62.

Осыпалася руточка,
Коло золотого кубочка.
Руто моя дрибна, зелена,
Якъ мени тебе позбираты?
Просы Марусю батенька,
Щобъ помигъ руты збираты.
Не буду ихъ прохаты,
Не вмилы мене кохаты,
А ни кохаты, ни зодягаты,
Ни пры соби держаты.

Потомъ эта же пѣсня повторяется въ отношеніи къ матери, съ замѣной словомъ „батенька“ словомъ „матинку“, и въ отношеніи молодого; причемъ три послѣднія строчки пѣсни замѣняются слѣдующими:

Буду прохаты, буде винъ мене кохаты,
И кохатыме й зодягатыме,
И пры соби держатыме.
(Настасья Коломійцева).

63.

Стояла Маруся пидъ гильцемъ,
Та чесала косу гребинцемъ,
Упустыла гребинецъ подъ столецъ;
Подай, Васильку, грибинецъ.
Яжъ тоби, Марусю, не вдовець,
Щобъ я тоби подававъ грибинець.
(Марія Гриценкова).

Суббота. Пѣсни въ весильномъ домѣ.

Гильцемъ оканчивается въ большей части селъ лубенскаго уѣзда дѣятельность дружекъ въ субботу и почти всѣ послѣдующія пѣсни поются ими въ воскресенье, до пріѣзда жениха; только въ м. Снѣтинѣ, дружки поютъ еще вечеромъ:

64 [1]).

Молода Маруся синечкы мела,
Якъ голубочка гула,
Що нахылытця, що нахылытця
Слизоньками умыетця,

[1]) Всѣ пѣсни съ 64—71 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Що пидведетця, що пидведетця
Хустыною утретця.
Ой Боже мій, Боже мылостывый,
Що я наробыла?
Кого любыла, кого любыла,
Того розгнивыла,
А кого не любыла, зроду не знала,
Той дружыною стала.

65.

Ходить сестрыци на вечорныци,
Бо вже мени не ходыты;
Та любыть сестрыци, кого я любыла,
Бо вже мени не любыты [1]).
Кого любыла, то того розгнивыла,
Кого не любыла, зроду не знала,
Той дружыною стала.

66.

Ой куды жъ ты тай Марусю ходыла,
Що ты свою головоньку набылыла?
Ой ходыла я, сестрыци, тай у вышни, въ садъ,
Тай на мою головоньку билый цвитъ упавъ,
Вышневый, черешневый до долочку,
Яблучковый, грушковый на головочку.
Та вжежъ его буйный витеръ не обвіе,
Та вжежъ его ясне сонце не осяе,
Що на моій головонци процвитае.
Ой де твои, та Марусю, очыци булы,
Що за того та Васылька рушнычкы далы?
Дывылыся кари очи ажъ у темный лугъ.
Оце тоби, та Марусю, присуженый другъ.

67.

Та летять галочкы
У тры рядочкы,
Зозуленька по переду.
Уси галочкы
По лугахъ силы,
А зозуленька на калыни.
Уси галочкы защебеталы,
Зозуленька закувала.
Ой чого куешь, чого жалуешь
Сызая зозуленька?
Чи жаль тоби темного луга,
Чи гиркои калыны?
Не жаль мени темного луга,
Ни гиркон калыны,
А жаль мени ранняго вставаньячка,
Хорошого куваньячка;
Що я рано встаю,
Хорошенько кую,
Вси садочкы звеселяю.

---

[1]) Вар. Та вже мени туды ходыты,
Куды мени люды скажуть,
Та вже мени того любыты,
Исъ кымъ рученькы звяжуть.

Библиотека "Руниверс"

Та йшлы дружечкы
У тры рядочкы,
А Маруся по переду.
Уси дружечкы по лавахъ силы,
А Маруся на покути.
Уси дружечкы тай заспивалы,
А Маруся заплакала.
Ой чого плачешь, чого жалуешь,
Молодая Марусю?
А чи жаль же тоби батенька свого,
Чи подвирьячка его?
Не жаль же мени батенька свого,
Ни подвирьячка его,
А жаль мени русои косы
Щей дивоцкои красы,
Що дивочкы грають,
Кисонькамы мають,
А мене не пріймають.

68.

Коло синечокъ весь барвиночокъ
Стелется стежечкамы,
Ой туды йшла молода Маруся
Изъ своимы дружечкамы,
Напротывъ ей батынько ей
Съ повнымы кубочкамы,
За слизонькамы за дрибненькымы
И батенька не пизнала.

69.

Ой якъ бы я знала, або видала,
Що засватана буду,
Той подчыняла бъ, той подмыкала бъ
Батеньковы воритечка,
Той упустила бъ, той увигнала
Стадо коней воронесенькыхъ.
Нехай вытопчуть, нехай выловлють
Се зильячко запашнесенькe.
Ой щобъ не росло, не кохалося
Отцю, ненци тай на жалости.
Щой отцю, ненци тай на жалости,
Меньшій сестри тай на радости.
Сестрыця иде, цвиты зрывае,
За головку затыкае,
А матинка йде, на цвиты гляне,
Й серденько вяне.
Ой вяне, вяне якъ ножемъ крайе,
Що дитяты не майе.
Тай немайе дочкы, нема скрынёчкы
Ни Маруси челядыночкы.

70.

Ой ходыла та Маруся по кимнати,
Та будыла свого батенька съ кровати.
Ой уставай мій батеньку, годи тоби спать,
Уже мени у тебе не викъ викувать (2),
Одну ничку субботнюю переночувать.

71.

Ой у городи крыныченька одна,
Холодная вода зо дна,
Ой тамъ Маруся били рукы мыла,
До батенька говорыла.
Батеньку мій, ты рожевый цвите!

Библиотека "Руниверс"

Не завьязаный свите!
Пусты ничку, тай на улычку.
Доиечко моя, неволенька моя,
Просися у матинкы.

72.

Даешъ мене, моя матинко, сама одъ себе,
Покыдаю роменъ зилья тай у тебе.
Та вставай, моя матинко, ранесенько
Тай полывай роменъ зилья частесенько,
Та вставай, матинко, ранише
Та полывай роменъ зилья частише.

(Палагея Куліева).

73.

Де ты, Марусю, де ты молода
Сей ранокъ ранкувала?
Ранкувала я, мои подружечкы,
У старшои дружечкы.
А въ тіи дружечкы, мои подружечкы,
Два пысарчыка пыше.
Шой одынъ пыше, тай одпысуе
Одъ ридного не до ридного.
А другый пыше, та одпысуе
Одъ батынька та до свекорка.

(Уляна Выборная).

74.

Варіантъ м. Снятина.

Ой у синечкы, у прысинечкы
Ясне сонечко сходыть.
Ой тамъ Маруся овесець брала,
Голубонькивъ годувала.
Голубонькы жъ мои, загудить же мени,
Защебечить соловеечкы,
Завдайте тугу темному лугу
Щей батеньку ридненькому,
Що винъ мене дае, тай самъ не знае,
И доленькы не вгадае:
Чи за пьяныченьку, чи за костыроньку,
Чи за того розбойнычка.
За пьяныченьку за велыкого
Той горе чаши буде,
Ой горе чаши, зеленому выну,
По тесовому столу,
А за костыроньку, за велыкого,
Той горе коню буде,
Ой горе коню вороненькому
У поли чистенькому.
А за розбойнычка, за велыкого,
Той горе тилу буде,
Ой горе тилу, щей биленькому
Одъ нагайкы дротяной.

(Она же).

Библиотека "Руниверс"

75.

Варіантъ с. Засулья.

Якъ бы я знала, або видала,
Що засватана буду,
Мыла бъ я синечкы зеленою рутою.
Черезъ синечкы двое дверочокъ
У вышневенькый садочокъ,
Тамъ Маруся овесець брала,
Голубивъ годувала.
Гудить голубы, куйте зузули,
Защебечить соловейкы,
Завдайте жалю батеньку моему
И матинци ридненькій,
Що воны мене отдають
И самы не знають,
А доленькы не спытають.
Ой доню моя, не бувъ я въ Бога,
Чи щаслыва твоя доля.

(Марія Гриценкова).

Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то дружки поютъ еще слѣдующія пѣсни:

76.

Варіантъ м. Снѣтна.

Хоть велыкый двиръ,
Такъ маленькый збиръ.
Не вся моя та родыночка,
Нема родыны ни половыны,
Ни батенька зъ Украины.
Пошлю соловейка, пошлю маленького
По батенька по ридненького.
Ще соловейко не долитае,
А батенько се все знае.
Ни соловья зъ гаю,
Ни батенька зъ раю,
Ни родыны зъ Украины.

(Уляна Выборная).

Если въ живыхъ нѣтъ матери, то поютъ:

77.

Варіантъ с. Засулья.

Шырокій двиръ, а маленькій збиръ,
Нема родыны й половыны,
И матинкы ридненькои.
Пошлю я зузулю сызеньку
По матинку ридненьку,
И зузуля долитае,
И матинка на догадъ знае,
И слёзы пролывае.
Цежъ одъ мого дытяты,
Одъ сыротяты
Нызкіи поклоны.

(Марья Гриценкова).

Библиотека "Руниверс"

Если отца невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

78.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой ходыла та Маруся по крутій гори,
Тай гоныла селезныка по тыхій води.
Плывы, плывы, селезныку, тыхо по води,
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку, теперь и къ мени,
Тай дай мени порядочокъ бидный сироти.
Ой радъ бы я, дытя мое, до тебе прыбуть,
Насыпано сирои земли на руки мои,
Склипылыся кари очи, устонькы мои.
Наймай, наймай, та Маруся,
Дорогихъ копачивъ,
Тай откопай свого батька тай для помочи.
И заступы и лопаты поламалы
И батенька ридненького недкопалы;
Обизвалось два ангола у притвори,
Не ткопаешъ вже Марусю николы.

(Улана Выборная).

Если матери нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

79.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Ой ходыла Маруся по крутій гори,
Набачыла сиру утыньку на тыхій води.
Плывы, плывы, сира утынька, тыхо по води,
Прыбудь, прыбудь, моя, матинко теперь и къ мени,
Ой дай мени порядочокъ бидный сироти.
Ой рада бъ я, мое дытя, прыбуть и къ тоби,
Насыпано сирои земли на рукы мои,
Склыпылыся кари очи, устонькы мои,
Ой наймай же, та Марусю, дорогихъ копачивъ,
Та откопай свою матинку за для помочи
Наймала, мои сестрыци, ажъ трычи по пять,
Та не можна матинкы съ того свита взять.

(Евдокія Панькова).

Библиотека "Руниверс"

80.

Ой выйды, выйды, чужый батеньку,
До сироты на порадоньку,
Тай подывыся, чужый батеньку,
Якъ сыриточка плаче.
Що сырота плаче,
Плаче рыдае,
Що порядку не мае,
Нема порядку съ самого ранку,
Щей учора зъ вечора.
(Уляна Выборная).

81.

Ой цвилы, цвилы та вже й поспилы
Ягоды полуныци.
Ой мынаються молодій Маруси
Улыци й вечерныци.
Та не такъ, мынуться, не такъ мынуться,
Що вечора спомянуться.
Дивочкы гуляють, кисонькамы мають,
А йіи не прыймають,
А хочь и прыймуть, правды не скажуть,
Тилькы воны сами знають.
Ой йды, йды ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена.
(Она же).

82.

Ой казавъ же ты, любыстоньку [1]),
Не опущу свого лыстоньку,
А теперь же опускаешься,
Кругомъ себе обстылаешься
Все лыстячкомъ, та кориньячкомъ,
Та хрещатенькымъ барвиночкомъ.
Ой казавъ же, та мій батеньку,
Не тдамъ тебе, моя доненьку,
А теперь же отдаешь мене,
Даешь мене, тай не жалуешь,
И свитъ мени та завьязуешь,
Накрываешь та китайкою,
Наставляешь та хазяйкою (2),
Щей до печи куховаркою.
Щей до печи, та не до своеи
До матинкы, не до риднои.

83.

Ой матинко, та голубонько,
Измый мени та головоньку,
Въ останюю субботоньку,
Та росчешы тай гладесенько,
Заплеты косу дрибнесенько.
А въ недилю та не гай мене,
Зараненька выряжай мене;
Теперь ничка та темненькая
И дороженька далекая.
Мы зъ дорожкы та изблудымо
И Марусю та загубымо.
Ой пиду я та блукаючы,
По два двори та мынаючы,
А у третій заглядаючы;
Ой тамъ люды та суды судять,
Та все мого та свекорка гудять.

---

[1]) *Вар.* Ой шумивъ же берестоньку.

Библиотека "Руниверс"

Ой вы люды, яки вы дивны!
Чомъ вы мени давно не сказали,
А покы насъ попы не винчалы,
Покы намъ ручокъ не вязали.

84.

Ой въ синечкахъ, на васылечкахъ
Соловейечко свыще,
Выйды Марусю, выйды молода,
Тебе батонько кличе.
Нехай же кличе, хочь переклыче,
Теперь же я не клюшныця,
Положыла ключи,
До винчанья йдучи,
У комори на прибои.
У синечкахъ, на васылечкахъ
Соловейечко свыще,
Выйды Марусю, выйды молода,
Тебе матинка кличе.
Нехай же кличе, хочъ переклыче,
Теперь же я не робитныця,
Поробыла дило, всю роботоньку
Ранесенько въ субботоньку.

85.

Мы въ Маруси булы, виночки выпы
И горилочку пылы,
Пылы сырую й вареную,
Изъ медомъ солодкую.
Ой жаль же намъ Марусю на тебе,
Що збирала насъ до себе,
А теперь розлука съ тобою,
Якъ изъ ридною сестрою.

86.

Та спасыби тоби, Марусю,
За твои били калачи,
За твои повни кубочки,
Що прывытала дружечки.

87 [1]).

Роскотится кысныци,
Розойдимося сестрыци,
Розлука наша съ тобою,
Якъ изъ ридною сестрою.

Суббота.—Приготовленіе пишекъ.

Вѣнки и гильце вьютъ въ субботу только въ домѣ у молодой и поэтическія пѣсни, сопровождающія эти обряды, поются также только у нея, такъ какъ въ лубенскомъ уѣздѣ у молодого нѣтъ своего гильца; но есть и другіе субботніе обряды и пѣсни, соединенныя съ печеніемъ свадебныхъ хлѣбовъ, общія обоимъ весильнымъ домамъ.

Хлѣбъ, какъ и всѣ свадебныя кушанья, приготовляются сосѣдками родителей молодыхъ подъ руководствомъ искуснѣйшей изъ нихъ

[1]) Пѣсни съ 81 по 87 № записаны отъ У. Выборной.

Библиотека "Руниверс"

„куховарки“, которая получаетъ въ вознагражденіе за свой трудъ платокъ (хустку), ленту и 50 коп. Она поступаетъ въ весильный домъ съ пятницы и прежде всего начинаетъ печь „лежни“—два большіе, продолговатые, пшеничные хлѣба, украшенные голубями изъ тѣста, въ которые запекаютъ яйца и деньги. Остатокъ тѣста отъ „лежней“ идетъ на заготовленіе калачей и шишекъ,—небольшихъ, круглыхъ хлѣбцевъ, сверху которыхъ кладется бахрома изъ тѣста, маленькія шишечки и на самомъ верху голуби.

Шишекъ дѣлаютъ полный столъ и роздаютъ потомъ родственникамъ и женщинамъ, участвовавшимъ въ свадебныхъ приготовленіяхъ. Вмѣстѣ съ лежнями, дѣлается еще большая шишка, имѣющая особое назначеніе: при отъѣздѣ молодой въ воскресенье, вечеромъ, къ мужу, эту шишку беретъ съ собой свашка, вмѣстѣ съ рубашкой для молодой; и если послѣдняя „хороша“ (дѣвственна), то шишку украшаютъ „жычкамы“ (гарусомъ), перевязываютъ красными лентами и отсылаютъ родителямъ невѣсты въ понедѣльникъ утромъ.

Приготовленіе шишекъ сопровождается слѣдующими пѣснями:

88.

А Марусына ненька
По улыци ходить,
Своихъ сусидъ просыть:
Сусидочкы мои, голубонькы,
Прыбувайте вы къ мени
И къ моему дытяти,
Хорошенько шышочокъ бгаты.

(Уляна Выборная).

89.

Ой зашумила, зашелестила
Ярая пшеныця у стози,
Не подобае ярій пшеницы
Въ стози стояты,
Уже часъ, пора,
Матинко моя,
Въ шышечкы побгаты.

(Настасія Коломійцова).

90.

Ой въ огороди, у частоколи
Зацвилы нагидкы.
Ой дайте намъ, шышкобгальнымъ,
Горилки, не видкы.
Ой въ огороди, у частоколи
Зацилыв волошкы,
Ой дайте намъ, шышкобгальнымъ,
Горилочкы трошкы.

(Уляна Выборная).

Библиотека "Руниверс"

Суббота.—Приготовленіе коровая.

Послѣ шишекъ, въ субботу, къ вечеру, приготовляется коровай такимъ образомъ: противъ печи ставятъ столикъ, а на него „дижу“ съ пшеничнымъ тѣстомъ; тѣсто изъ дижи выбираютъ на большой столъ и дѣлаютъ изъ него круглый хлѣбъ съ крестомъ изъ тѣста сверху; въ средину кладутъ пять сырыхъ яицъ: одно посрединѣ и четыре по концамъ, кладутъ еще деньги, иногда сыръ. Его украшаютъ двѣ женщины и двое мужчинъ голубями, маленькими кренделями и шишками изъ тѣста, при чемъ поютъ:

91.

Пиду я до Дунаю,
Подумаю, погадаю:
Чи мени воду носыты?
Чи мени коровай мисыты?
А чи мени воду браты?
А чи мени коровай бгаты?
Наберу зъ крыныци водыци,
Вгайте коровай молодыци.

(Евгенія Недилькина).

92.

А я коровай мисыла,
Зъ Дунаю воду носыла,
Не такъ зъ Дунаю, съ крыныци,
Мисылы коровай молодыци.

(Палагея Куліева).

93.

Нихто не вгадае,
Хто у насъ коровай бгае.
Изъ города городяночкы,
Изъ миста мищаночкы,
Изъ села селяныци,
Хорошіи молодыци.

(Ѳедосія Палехина).

94.

Ой у поли овесець ясенъ,
А у доми коровай красенъ,
Шышечками та барыльцями,
Съ хорошими молодыцями.

(Марія Юрченкова).

95.

Свиты Боже зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выднесенько,
Всему роду веселесенько.

(Евгенія Занкина.)

Библиотека "Руниверс"

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ап. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Стеновича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тимпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. I. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза. княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ

1890

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Библиотека "Руниверс"

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ.

Напечатанные въ нашемъ журналѣ и другихъ изданіяхъ [1]) наказы малороссійскимъ депутатамъ, а также документы, касающіеся ихъ избранія, позволяютъ въ настоящее время сдѣлать попытку краткаго изложенія нуждъ, желаній и стремленій, заявленныхъ малороссійскимъ народомъ какъ въ своихъ наказахъ, такъ и въ самыхъ собраніяхъ, толкахъ и броженіи, вызванномъ манифестомъ 14 декабря 1766 г. Предоставляя будущимъ, болѣе искуснымъ и умѣлымъ, изслѣдователямъ заняться изученіемъ народнаго самосознанія въ этотъ интересный моментъ внутренней исторіи Малороссіи, мы имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль и ограничимся въ этой статьѣ только сведеніемъ и группировкой сословныхъ нуждъ и желаній малороссіянъ, пробужденныхъ къ самодѣятельности и критикѣ своего настоящаго призывомъ императрицы къ составленію проекта новаго Уложенія. Извѣстная Екатерининская коммиссія 1767—1769 г. составляетъ такой крупный фактъ во внутренней жизни Россіи, что, несмотря на свою полную неудачу, обусловленную какъ неподготовленностью русскаго общества, такъ и неумѣлостью заправилъ коммиссіи, она оставила весьма видные и полезные плоды въ исторіи нашего общественнаго развитія и государственной жизни. Принесенные съ далекихъ краевъ нашего обширнаго отечества наказы и челобитныя, хотя и не послужили

[1]) „Кіевская Стар." за 1888 г. и 1—4 кн. 1889 г., 43 т. Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества и 2-ой т. Исторіи Новой Сѣчи г. Скальковскаго.

Библиотека "Руниверс"

своей непосредственной цѣли—составленію Уложенія—тѣмъ не менѣе, отдернувъ завѣсу, скрывавшую массу золъ, они озарили путь для будущаго и послужили необходимымъ матеріаломъ для многихъ реформъ императрицы. Малороссія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія; голосъ ея депутатовъ о желаніяхъ, нуждахъ и надеждахъ украинцевъ представляетъ не только важный матеріалъ для сужденія о недостаткахъ и безпорядкахъ во внутреннемъ устройствѣ, управленіи, судѣ, народномъ хозяйствѣ и просвѣщеніи, но также доставляетъ весьма драгоцѣнныя данныя для характеристики политическаго развитія и идей, волновавшихъ въ это время наиболѣе развитыхъ представителей недавней гетманщины. Нигдѣ, конечно, вопіющіе недостатки и пороки общественной организаціи Малороссіи не могли получить такого яркаго освѣщенія и оцѣнки изъ подъ различныхъ угловъ зрѣнія, какъ въ наказахъ, представленныхъ депутатами всѣхъ свободныхъ сословій. Шляхетство, козаки, горожане и духовенство, каждое отъ себя и за себя, говорили въ наказахъ о своихъ сословныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, выставляли свои общественные идеалы, открывали свои надежды и ходатайствовали объ ихъ удовлетвореніи. Помимо этого, наказы особенно важны для изслѣдователя еще въ томъ отношеніи, что, совпавши съ эпохой окончательнаго включенія гетманщины въ громадное тѣло создававшагося сильнаго государства, они заключаютъ въ себѣ указанія на реакцію малорусскаго народа противъ принятыхъ въ отношеніи его мѣръ правительства. Начало царствованія Екатерины, какъ извѣстно, было далеко не благопріятно для сохраненія привилегированнаго положенія Малороссіи; порядки старой козацкой гетманщины были признаны всѣ, безъ разбора и тщательной критики, изжившими свой вѣкъ и для козачины наступалъ часъ окончательной ликвидаціи Начало ея уже было сдѣлано отмѣной гетманскаго управленія; послѣдующія реформы въ томъ же духѣ, съ назначеніемъ на постъ генералъ-губернатора Румянцева, носились въ воздухѣ и уже предчувствовались довольно опредѣленно и явственно. Въ виду этого малороссійскіе наказы, отмѣченные сильной струей децентрализаціоннаго направленія, представляютъ какъ бы заранѣе

Библиотека "Руниверс"

подготовленный отвѣтъ малороссійскаго народа на политику Екатерининскаго царствованія и даютъ весьма любопытныя свѣдѣнія для оцѣнки самосознанія и міровоззрѣнія старой Малороссіи, въ послѣдній разъ въ 1767 г. заявившей о себѣ, какъ объ особой культурно-исторической единицѣ, желающей жить, управляться и развиваться на основаніи своихъ привилегій, правъ и законовъ. Эта антіассимиляціонная струя, составляющая специфическую особенность малороссійскихъ наказовъ, представляетъ законный плодъ исторической эпопеи гетманщины и сближаетъ ихъ съ наказами, представленными лифляндскими и эстляндскими депутатами; она должна обратить на себя особенное вниманіе каждаго историка, такъ какъ въ ней въ сущности выразились политическіе идеалы малороссіянъ съ одной стороны и успѣхи соединительной правительственной политики и ея культурнаго воздѣйствія на Украйну—съ другой. Кромѣ этого, въ наказахъ, трактующихъ о недостаткахъ и нуждахъ своего времени, изслѣдователь найдетъ не только взглядъ самого народа на ихъ причины и источники, но также и сравненіе своего настоящаго съ прошедшимъ и указанія на желаемое будущее; малороссіяне въ своихъ наказахъ какъ-бы подводили итоги совмѣстной жизни съ Великороссіей и, рисуя свое прошлое и настоящее, тѣмъ самымъ отмѣчали на скалѣ прогресса движеніе своего общества и ростъ его развитія. Эта черта особенно любопытна въ наказахъ въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность сравнить и оцѣнить различные взгляды русскаго правительства и малорусскаго народа на одинъ и тотъ же предметъ—упадокъ и разложеніе внутренняго строя въ Малороссіи, не подвергавшагося радикальнымъ измѣненіямъ съ самаго момента возсоединенія. Предпославъ эти нѣсколько словъ, мы переходимъ къ изложенію занимающаго насъ предмета и такъ какъ документы, напечатанные до настоящаго времени, заключаютъ въ себѣ, кромѣ наказовъ всѣхъ сословій, еще и данныя относительно избранія депутатовъ, сочиненія наказовъ и броженія, вызваннаго этимъ среди малороссіянъ, то мы и начнемъ нашъ очеркъ именно съ этого момента, взволновавшаго умы украинскихъ патріотовъ, послѣ чего мы разсмотримъ отдѣльно наказы

Библиотека "Руниверс"

каждаго сословія, не исключая „пунктовъ", представленныхъ духовенствомъ Синоду и наказа отъ Запорожья, занимавшаго совершенно особое положеніе даже въ самой Малороссіи.

ГЛАВА I.

Броженіе и толки, вызванные въ Малороссіи манифестомъ 14 декабря 1766 года.

Два года спустя послѣ неожиданнаго увольненія отъ гетманства графа К. Разумовскаго вся Украйна была взволнована съ верху до низу необыкновеннымъ для нея событіемъ: молодая императрица, еще недавно такъ сурово оборвавшая привилегію гетманскаго управленія, призывала теперь всѣ сословія Малороссіи—шляхетство, рыцарство, гражданство и земство—въ задуманную ею коммиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Манифестъ Екатерины, отъ 14 декабря 1766 года, съ объясненіями причинъ, побудившихъ ее созвать представительное собраніе отъ всѣхъ свободныхъ сословій имперіи, вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ Малороссіи и вызвалъ въ ней довольно разнорѣчивые толки и всевозможныя сомнѣнія. Несмотря на дѣятельную роль и участіе новаго правителя Малороссіи, графа Румянцева, въ разъясненіи и популяризаціи содержанія высочайшаго манифеста, послѣдній далеко не всѣми былъ понятъ желательнымъ для вѣнценоснаго автора смыслѣ и немногіе изъ украинцевъ взглянули на него въ смыслѣ намѣренія императрицы „возвести малороссійскій народъ на высшую степень счастья", какъ это было обѣщано при уничтоженіи гетманства. Предубѣжденные противъ всякихъ реформъ и новшествъ, малороссіяне какъ бы не хотѣли понимать истиннаго либеральнаго смысла манифеста императрицы и циркулярныхъ листовъ о выборахъ графа Румянцева, съ которыми онъ обратился по изданіи манифеста ко всѣмъ сословіямъ Малороссіи. Мы не останавливаемся на манифестѣ Екатерины II, такъ какъ его содержаніе, весьма замѣчательное по мыслямъ и духу для своего времени,

Библиотека "Руниверс"

достаточно извѣстно всякому. Что же касается до Малороссіи, то тотчасъ по полученіи манифеста малороссійская коллегія распорядилась разослать его по всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, предписавъ при этомъ обнародовать его „во всѣхъ сотняхъ, хуторахъ, деревняхъ, даже до послѣдняго жительства". 27 февраля 1767 г., почти вмѣстѣ съ обнародованіемъ высочайшаго манифеста, по Малороссіи были распространены генералъ-губернаторомъ и его циркулярные листы въ поясненіе манифеста. Они были исполнены самыхъ благихъ желаній народнаго счастья, дышали горячимъ убѣжденіемъ и призывали малорусское общество къ исправленію накопившихся непорядковъ, злоупотребленій, неправосудія, разстройства народнаго хозяйства и вообще всего внутренняго строя Украйны, дѣйствительно давно нуждавшейся въ освѣженіи и обновленіи своей административной машины и законодательства. Правосудіе и добрый порядокъ [1]), писалъ въ своихъ листахъ Румянцевъ, обращаясь къ шляхетству, рыцарству, гражданству и земству—вотъ краеугольные камни къ достиженію человѣческаго благоденствія; поэтому, совѣтовалъ онъ, нужно воспользоваться предстоящимъ случаемъ и внимательно разыскать всѣ причины, вредящія общественному счастью, препятствующія точному исполненію законовъ и правильному теченію дѣлъ, безъ чего невозможно ни одно гражданское общежитіе. Необходимо—продолжалъ суровый реформаторъ Малороссіи—глубже всмотрѣться въ причины злоупотребленій, разстроившихъ порядокъ гражданскаго и воинскаго управленія, разстроившихъ правосудіе, торговлю, промыслы, земледѣліе и не только доведшихъ поселянъ до полнаго отвращенія къ своимъ занятіямъ, но и принудившихъ ихъ бросить свои имущества и даже удалиться изъ отечества. Подумайте—убѣждалъ далѣе Румянцевъ, повторяя въ этомъ случаѣ мысли своей государыни,—что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ должны лежать государственныя честь и слава, опирающіяся на общественное благосостояніе и правовой порядокъ, что первая законная забота хорошо устроеннаго государства должна состоять въ

[1]) Наказы, 185 стр.

Библиотека "Руниверс"

томъ, чтобы доставлять всѣмъ гражданамъ возможность въ тишинѣ и спокойствіи пользоваться плодами своихъ трудовъ и занятій и что въ этомъ заключается прямая вольность гражданина, разумно понимающаго свои права и обязанности. Довольно обширный циркуляръ Румянцева, весь написанный въ вышеприведенномъ духѣ, по собственнымъ словамъ графа, былъ изданъ для малороссіянъ, „не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ“ и, кромѣ резюмированныхъ общихъ разсужденій, заключалъ въ себѣ еще повтореніе положеній „обряда“ о нравственныхъ качествахъ, какими должны были обладать предводители и депутаты. Эти избранники общества, по толкованію графа, должны быть настолько высоко и благородно настроены, чтобы дѣйствительно оказаться способными помышлять не о своихъ, а объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, чтобъ быть совершенно чуждыми пороковъ, „отъ которыхъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало и послужило источникомъ къ лихоимству, презрѣнію своего ближняго и неистовству на своего подчиненнаго“. Въ заключеніе малороссійскій генералъ-губернаторъ высказывалъ желаніе, чтобы ввѣренный его управленію край явился достойнымъ соревнователемъ другихъ провинцій имперіи, въ возлагаемой на него миссіи и оставилъ бы своему потомству память златого для него времени царствованія Екатерины.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе циркуляра; посмотримъ теперь поближе, какъ встрѣтило его малорусское общество или, лучше сказать, его сословныя группы и какіе толки и сомнѣнія породило распространеніе въ Малороссіи манифеста и циркуляровъ. Вопросъ этотъ настолько важенъ для характеристики степени довѣрія малороссіянъ къ правительственной власти и вообще для уясненія отношеній украинцевъ къ идеѣ созванія представительнаго собранія, что мы не имѣемъ права пройти его молчаніемъ. Существуетъ въ нашей литературѣ взглядъ, высказанный авторомъ перваго изслѣдованія о „Малороссіи въ 1767 г.“,—г. Авсѣенкомъ, что манифестъ императрицы, вмѣстѣ съ циркулярными листами генералъ-губернатора, былъ встрѣченъ въ Украйнѣ съ неподдѣльною радостью; въ доказательство этого

Библиотека "Руниверс"

г. Авсѣенко приводитъ краснорѣчивыя фразы малорусскихъ наказовъ съ цвѣтистыми и пышными выраженіями признательности и глубокой благодарности императрицѣ ихъ сочинителей. Мы, конечно, нисколько не думаемъ умалять радости малороссіянъ, вызванной появленіемъ манифеста, ни тѣмъ болѣе сомнѣваться въ преданности гуманной и просвѣщенной императрицѣ, но намъ кажется, что на основаніи однѣхъ торжественныхъ фразъ, значительная часть которыхъ должна быть отнесена на долю реторики, нельзя на дѣло смотрѣть исключительно глазами г. Авсѣенка и въ виду многихъ данныхъ, едва ли не слѣдуетъ усумниться, что радость малороссіянъ не была омрачена кое какими недоразумѣніями и страхомъ за ожидаемое будущее. Знаменитый русскій историкъ Соловьевъ, излагая въ 27 томѣ своей Исторіи выборы депутатовъ въ Малороссіи, приводитъ довольно много данныхъ, указывающихъ, что къ радости украинцевъ примѣшивались чувства совсѣмъ иного свойства. „Циркуляръ—говоритъ онъ—не произвелъ вполнѣ того дѣйствія, какого бы хотѣлось Румянцеву“. Въ письмѣ, отъ 2 марта 1767, года заимствуемъ мы у Соловьева, будущій кагульскій герой жаловался императрицѣ, что сочиненіе проекта новаго уложенія не производитъ въ высшихъ кругахъ Малороссіи того сочувствія и признательности, на которыя бы справедливо слѣдовало надѣяться, въ виду особеннаго благоволенія и заботъ монархини о своемъ народѣ. Многіе малороссіяне, по словамъ этого письма, до того вошли во вкусъ своевольства, что имъ всякій законъ и царскій указъ кажется ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ правъ и вольностей. Манифестъ 14 декабря 1766 г. вызвалъ именно это боязливое ощущеніе въ сердцахъ патріотовъ. „Зачѣмъ намъ тамъ быть, когда наши законы весьма хороши, восклицали обыкновенно малороссіяне—сообщалъ Румянцевъ императрицѣ—развѣ только для подтвержденія своихъ старинныхъ правъ и привилегій?“ Заботы о сохраненіи и подтвержденіи „вольностей“ болѣе всего волновали въ Малороссіи высшій кругъ, т. е. шляхетство, которое, не отдавая себѣ хорошо отчета, къ чему можетъ повести непреложное сохраненіе старины, сообщало свои опасенія простолюдинамъ и настраивало ихъ на тотъ же ладъ недовѣрія и не-

Библиотека "Руниверс"

расположенія къ мѣропріятіямъ правительства. Безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ начатыхъ и ожидаемыхъ преобразованій и нововведеній чувство консерватизма особенно какъ то восторжествовало въ Малороссіи среди шляхетства, козачества, духовенства и отчасти горожанъ, т. е. среди всѣхъ сословій, къ которымъ обращался Румянцевъ съ своими циркулярами, и обнаружилось въ довольно опредѣленномъ теченіи въ сторону своего прошлаго. „Замѣчено—писалъ Румянцевъ по этому поводу императрицѣ—что многіе весьма ободрились и считаютъ прямо возможнымъ держаться старины; одни только горожане да простой народъ признаютъ милосердіе вашего императорскаго величества, благодаря различнымъ реформамъ, въ ихъ пользу введеннымъ; но тутъ же жалуются, что ихъ начальники, а особенно расплодившееся весьма шляхетство, всѣми силами имъ въ томъ препятствуютъ [1])". Румянцевъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, былъ правъ, указывая въ своихъ представленіяхъ императрицѣ, на старшину и шляхетство, какъ на классъ особенно возбуждавшій въ своихъ интересахъ консервативныя чувства украинскаго населенія. Встрѣченное на первыхъ порахъ дѣятельности нерасположеніе малорусскаго общества очень опечалило генералъ-губернатора и онъ еще не разъ обращался въ письмахъ къ Екатеринѣ съ ламентаціями, подобными вышеприведенной и сама императрица должна была успокаивать не въ мѣру волновавшагося правителя Малороссіи и совѣтовать ему не придавать особаго значенія безпокоившему его консервативному движенію шляхетства и козачества. Изъ всѣхъ сословій только одни горожане отнеслись болѣе или менѣе довѣрчиво и спокойно къ начинаніямъ правительства и надѣялись найти въ нихъ выходъ изъ тяжелаго состоянія полнѣйшей дезорганизаціи и подавленія другими классами своихъ сословныхъ интересовъ. Поэтому императрица въ отвѣтахъ на письма безпокоившагося Румянцева указывала ему, что поведеніе и образъ дѣйствій мѣщанъ могутъ дать добрый примѣръ остальнымъ сословіямъ и движеніе шляхетства и козачества должно будетъ значительно сократиться; но Румянцевъ

[1]) 27 т. Исторіи Россіи Соловьева.

Библиотека "Руниверс"

не успокаивался. Его, воспитаннаго въ понятіяхъ строгой дисциплины и не вполнѣ ознакомившагося съ бытомъ Украйны, весьма поражали кривотолкованія, возникшія въ своеобразно настроенномъ краѣ. Дѣло—насколько можно видѣть изъ донесеній генералъ-губернатора—заключалось въ томъ, что „вельможи, старшины и шляхетство вездѣ различно толковали о манифестѣ. Одни говорили, что манифестъ до нихъ, малороссіянъ, имѣющихъ особые отъ Великороссіи законы, нисколько не касается; другіе, „ослѣпленные любовію къ своей землицѣ", иронизировалъ Румянцевъ надъ украинскими патріотами, думали, что ихъ созываютъ въ коммиссію только какъ опытныхъ и ученыхъ юристовъ для совѣтовъ по сочиненію проекта новаго Уложенія для одной Великороссіи; третьи, наконецъ,—мы говоримъ о шляхетствѣ—руководствуясь сословнымъ гономъ и предразсудками, совсѣмъ отказывались отъ участія въ собраніяхъ и возмущались одной мыслью, что имъ придется сидѣть на ряду съ мужиками и мѣщанами. Были и такіе случаи, какъ въ Прилукахъ и другихъ городахъ, что „градскіе жители" совсѣмъ отказались идти въ собраніе, а козацкіе старшины сплошь и рядомъ не участвовали въ городскихъ выборахъ, отказываясь подъ самыми ничтожными предлогами, въ родѣ обѣщаній отправиться на богомолье въ Ахтырку и пр. Неурядица, вызванная выборами депутатовъ, была такова, что Румянцевъ, несмотря на свой „терпѣливый и неборзкій" характеръ—такимъ онъ рекомендовалъ себя въ письмахъ къ Екатеринѣ—принужденъ былъ, по его словамъ, ради точнаго исполненія манифеста и внушенія кривотолкователямъ здравыхъ мыслей, принять начальническій тонъ и объяснить „вралямъ", что депутаты требуются отъ нихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и отъ другихъ провинцій. Однако, несмотря на усилія малороссійскаго генералъ-губернатора, борьба съ обнаруженнымъ среди населенія „изумительнымъ своеволіемъ, доходившимъ до коварства", была далеко не успѣшна, и лица, командированныя Румянцевымъ для присутствія и надзора за выборами депутатовъ, доносили ему о тѣхъ же еретическихъ мысляхъ и желаніяхъ малороссіянъ, какія ему уже приходилось слышать самому лично. Малороссійскій генералъ-губернаторъ все болѣе и болѣе убѣж-

Библиотека "Руниверс"

дался въ своеволіи, коварствѣ и завзятомъ консерватизмѣ украинскаго народа и въ представленіи императрицѣ далъ слѣдующую характеристику малороссіянъ: „страннѣе всего—писалъ онъ—что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличенные люди и что нѣтъ ихъ сильнѣе, ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобы имъ годиться могло и все, что у нихъ есть, то лучше всего". На донесеніи Румянцева Екатерина продолжала отвѣчать ему въ прежнемъ успокоительномъ духѣ: одобряя „тонъ начальничества", принятый ея вельможей, она вмѣстѣ съ тѣмъ выражала надежду, что „умоначертанія прежнихъ временъ" несомнѣнно исчезнутъ, такъ какъ она рѣшила не обращать вниманія на желанія „несходственныя съ общимъ добромъ", осуществленіе котораго, кстати сказать, понималось ею въ смыслѣ проведенія общихъ и однообразныхъ мѣръ государственнаго устройства и управленія безъ уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ и историческимъ традиціямъ. Полагая за несомнѣнную истину, что исцѣленія общественныхъ язвъ на всемъ протяженіи обширнаго отечества можно достигнуть путемъ установленія общаго законодательства, построеннаго въ духѣ философіи энциклопедистовъ, императрица считала вздоромъ всякія желанія, противорѣчившія ея взглядамъ, и конечно, не могла раздѣлять стремленій малороссіянъ, отстаивавшихъ пункты Богдана Хмельницкаго и неизвѣстныя ей привилегіи „Жигимонта Августа". Екатерина,—абсолютная монархиня обширнѣйшаго государства—вѣрила и убѣждала въ томъ Румянцева, что вздорныя вожделѣнія малороссіянъ о своей старинѣ и вольности падутъ сами собой, такъ какъ малорусскіе депутаты, не желая быть осмѣянными предъ многолюднымъ собраніемъ, сами постыдятся своихъ требованій и откажутся отъ ихъ домогательства. Къ тому же, хотя и не безосновательно, но тѣмъ не менѣе ошибочно, императрица надѣялась на благодѣтельное вліяніе въ коммиссіи на депутатовъ нѣкоторыхъ умѣренныхъ наказовъ, въ родѣ черниговскаго, „въ которомъ—по ея словамъ—есть множество пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго". Впослѣдствіи мы убѣдимся, что благодѣтельное вліяніе, на которое

Библиотека "Руниверс"

надѣялась Екатерина оказалось въ коммиссіи равнымъ нулю; это можно было предугадать уже и раньше, въ виду того, что большинство шляхетства не раздѣляло вообще мнѣній черниговцевъ, а нѣжинцы, напримѣръ, даже поставили въ вину своему депутату Селецкому то, что онъ совѣтовалъ слѣдовать наказу черниговцевъ и выставили это обстоятельство однимъ изъ мотивовъ къ избранію новаго депутата. Кромѣ того, изъ писемъ самого Румянцева видно, что за составленіе черниговскаго наказа въ Малороссіи возненавидѣли предводителя черниговскаго шляхетства—Безбородка; его упрекали въ недоброжелательствѣ своей отчизнѣ, а депутатъ черниговскій Михаилъ Скоропадскій заявилъ, что онъ его наказъ ему же сдастъ въ Москвѣ, такъ какъ онъ настолько теменъ, что онъ, Скоропадскій, едвали даже въ состояніи его понимать. Такимъ же неосновательнымъ оказалось и предположеніе императрицы, что пункты козацкихъ наказовъ сбавятъ многимъ спѣси; на дѣлѣ вышло, что козаки, хотя и были недовольны своей старшиной, тѣмъ не менѣе въ отношеніи своихъ политическихъ идеаловъ были за одно съ нею и тянули самимъ рѣшительнымъ образомъ вспять, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ лубенцы, прямо требовали возстановленія гетманскаго управленія. Козачество въ данномъ случаѣ стояло и обязано было стоять за шляхетскія требованія уже потому, что оно само добивалось признанія за нимъ правъ шляхетства, выдвинувшагося изъ той же козацкой среды волной историческихъ событій и роднаго ей по тѣлу и духу. Даже городское сословіе, самое непритязательное изъ всѣхъ и хлопотавшее главнымъ образомъ о снятіи съ него повинностей и налоговъ, и то оказалось въ коммиссіи солидарнымъ съ шляхетствомъ и козаками или, по крайней мѣрѣ, высказалось такимъ въ прошеніи, поданномъ на имя Екатерины отъ лица всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, такъ что добрый примѣръ горожанъ во время выборовъ депутатовъ не нашелъ себѣ подражанія во время засѣданій коммиссіи и горожане подчинились общему теченію своего времени и руководящему направленію и тону шляхетскихъ наказовъ. Почему-же, ставимъ мы вопросъ—шляхетство по преимуществу такъ недовѣрчиво и почти враждебно относилось къ мѣропріятіямъ пра-

Библиотека "Руниверс"

вительственной власти и какія причины существовали для этого въ современной ему исторической обстановкѣ?

Уже въ циркулярахъ Румянцева, гласившихъ о слабости законовъ и расшатанности управленія, малороссійское шляхетство находило основательныя причины безпокоиться за цѣлость своихъ правъ и привилегій, такъ какъ строгій начальникъ малорусскаго края слишкомъ темными красками обрисовалъ состояніе управляемаго имъ края, отвѣтственность за которое во многомъ безъ сомнѣнія лежала на шляхетствѣ, такъ какъ оно, въ роли землевладѣльцевъ и козацкой администраціи, имѣло самое видное значеніе въ своемъ отечествѣ и практически имъ заправляло. Зная личные неодобрительные взгляды Румянцева на состояніе законовъ и общественнаго благоустройства Малороссіи, шляхетство нисколько не ошибалось, когда не надѣялось и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ найти поддержку своимъ вожделѣніямъ, такъ какъ по всему было видно, что новый замѣститель гетмана творилъ волю пославшей его государыни. Миссія Румянцева, какъ малороссійскаго генералъ-губернатора, заключалась въ реформированіи Малороссіи, въ обновленіи ея въ духѣ общерусскаго устройства и изъятіи изъ рукъ малороссійской старшины, составлявшей въ тоже время и ядро шляхетства, многихъ отраслей суда и управленія, присвоявшихся по вольному избранію въ должности. Реформами,—думалось императрицѣ, — можно будетъ достигнуть уничтоженія въ малорусскомъ народѣ своеволія, „доходящаго до коварства“, какъ выражался о немъ Румянцевъ, и втянуть Малороссію въ общерусское тягло и субординацію. Румянцевъ уже началъ свои опыты въ Малороссіи; они непріятно раздражали населеніе и болѣе всего, конечно, шляхетство, какъ слой наиболѣе развитой политически и лично заинтересованный въ исходѣ принятой относительно Украйны политики. Идея представительнаго собранія съ цѣлью составленія проекта Уложенія не могла не устрашать малороссійскихъ старшинъ и шляхетства: на всероссійскомъ собраніи депутатовъ могли какъ нельзя лучше вскрыться пороки общественнаго состоянія Украйны и небезгрѣшность въ этомъ отношеніи нашихъ старшинъ и шляхетства, злоупотреблявъ-

Библиотека "Руниверс"

шихъ своимъ положеніемъ; по этому, заявляя, что законы малороссійскіе хороши и вполнѣ обезпечиваютъ добрый порядокъ и управленіе, шляхетство хлопотало ни о чемъ иномъ, какъ объ удержаніи своего вліятельнаго положенія, грозившаго поколебаться при обсужденіи малорусскихъ дѣлъ въ коммиссіи, особенно же въ виду того, что на малороссійскіе порядки и на командующій народомъ классъ уже давно была наброшена сильная тѣнь предъ правительствомъ; въ недавнее время эта тѣнь еще больше сгустилась подъ вліяніемъ записокъ Румянцева и Теплова „о непорядкахъ въ Малороссіи“ и шляхетскимъ вольностямъ, очевидно, приходилъ конецъ; наступало время широкой централизаціи и генералъ-губернаторовъ,—непосредственныхъ агентовъ императорской власти. Рѣшивъ преобразовать край по своему усмотрѣнію, Екатерина въ письмѣ къ Олсуфьеву, написанномъ вскорѣ по уничтоженіи гетманства и назначеніи Румянцева, высказала своему вельможѣ по этому поводу слѣдующія любопытныя мысли: „прибавить надлежитъ—писала она,—чтобы сколько возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли и разбирать и раздѣлить „le gouvernement militaire d'avec le civile souverainement confondu dans cette province, раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили и во всемъ ему (т. е. генералъ-губернатору) должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отъ селѣ имъ дается 48 тысячъ“ [1]).

Вотъ это то раздѣленіе настоящихъ правъ отъ самовольно себѣ присвоенныхъ и раздѣленіе гражданскаго и воинскаго управленій, находившихся въ силу избранія старшинъ „вольными голосами “въ рукахъ шляхетства, чрезвычайно безпокоило послѣднее, такъ какъ съ назначеніемъ на главныя должности коронныхъ чиновниковъ оно лишалось силы и власти, основанныхъ не на юридическомъ, а на фактическомъ положеніи шляхетства въ Малороссіи. Помимо этого, у шляхетства, рекрутировавшагося изъ старшины, было много и другихъ основаній опасаться коммиссіи Уложенія: за нимъ числилась масса злоупотребленій по

[1]) Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, стр. 214.

Библиотека "Руниверс"

скупкѣ и отнятію козачьихъ грунтовъ, земель и проч. угодій, по завладѣнію свободными, „коронѣ“ принадлежащими землями, по обращенію козаковъ въ посполитые и по многимъ другимъ дѣяніямъ, съ невыгодной стороны освѣщавшимъ шляхетство. Что касается козаковъ, то хотя ихъ несочувственное отношеніе въ коммиссіи было меньше, тѣмъ не менѣе они раздѣляли его съ шляхетствомъ изъ одной боязни потерять свои вольности и обратиться въ простыхъ солдатъ, о чемъ разглашала уже нѣсколько лѣтъ козацкая старшина на основаніи нѣкоторыхъ незначительныхъ фактовъ, въ родѣ неудачныхъ попытокъ Румянцева ввести строевую дисциплину въ козачьи полки и обязать козаковъ знаніемъ военныхъ артикуловъ. Козаки съ ужасомъ останавливались предъ перспективой солдатчины и уже были случаи, что они, не желая подчиниться строевой службѣ, самовольно расходились домой и приговаривались за это къ наказаніямъ кіями [1]). Не слѣдуетъ также забывать, что составленіе проекта новаго Уложенія для всей Россіи и замѣна имъ дѣйствовавшихъ въ Малороссіи правъ и обычаевъ грозили отнять у козаковъ ихъ важное право избранія себѣ старшинъ „вольными голосами“ и могли обратить „вольныхъ козаковъ“ въ безсловесную массу земледѣльцевъ... Кромѣ того, козаки съ неудовольствіемъ относились къ генеральной описи Малороссіи и, дѣйствительно, на каждую новую мѣру правительства смотрѣли, какъ на умаленіе своихъ вольностей.

Однако, каково бы не было настроеніе и недовѣріе малороссіянъ, но воля императрицы должна была исполниться, и Малороссія была поставлена въ необходимость приступить къ выборамъ депутатовъ и сочиненію наказовъ о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ. Согласно манифесту Екатерины, депутаты должны были быть избраны въ Малороссіи отъ всѣхъ свободныхъ ея сословій, кромѣ владѣльческихъ крестьянъ, число которыхъ по офицерской переписи 1764 г. достигло до 985,909 человѣкъ [2]), откуда слѣдуетъ, что самое многочисленное, наиболѣе отягощенное и вопіявшее къ справедливости сословіе, не имѣло въ коммиссіи голоса, не могло

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., октябрь, стр. 127.

[2]) Максимовичъ, т. I, стр. 549.

Библиотека "Руниверс"

разсказать о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Это обстоятельство должно быть принято нами во вниманіе, такъ какъ отсутствіе наказовъ отъ посполитыхъ лишаетъ изслѣдователя возможности дать полный очеркъ всѣхъ вожделѣній малороссійскаго народа въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Все остальное свободное населеніе Малороссіи—шляхетство, козаки, городскіе обыватели и запорожская Сѣчь—имѣли своихъ представителей въ коммиссіи: шляхетство и козаки по одному депутату отъ полка, горожане по одному депутату отъ города. Запорожье выставило отъ себя двухъ депутатовъ. Что касается до малороссійскаго духовенства, то оно, собственно говоря, хотя и не имѣло отъ себя отдѣльнаго депутата въ коммиссіи, но имъ, по требованію Синода, были представлены послѣднему чрезъ митрополита кіевскаго, епископовъ черниговскаго и переяславскаго и архимандритовъ кіево-печерскаго и межигорскаго „*обстоятельные пункты*“ относительно грунтовъ, маетностей и прочихъ „выгодностей“ малорусскаго духовенства и эти „пункты“ вполнѣ аналогичны наказамъ другихъ сословій. По личному росписанію графа выборы депутатовъ были назначены почти повсемѣстно на мартъ и начало апрѣля 1767 года; въ указанные въ росписаніи сроки все шляхетство, имѣющее въ данномъ полку „вотчины и помѣстья“, должно было собраться въ повѣтовый городъ для выбора себѣ предводителя, депутата и для сочиненія наказа. Городскіе обыватели собирались, конечно, каждый въ своемъ городѣ, и такъ какъ изъ горожанъ правомъ избирательнаго голоса пользовался каждый, кто имѣлъ въ городѣ „дѣйствительный домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ“, то Румянцевъ приказалъ вносить въ списки городскихъ избирателей „всѣхъ жителей тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ съ прочими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестьянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію имѣлъ свое мѣсто“. Избраніе предводителей и депутатовъ отъ шляхетства и городовъ происходило по большинству голосовъ и въ общемъ собраніи всѣхъ правоспособныхъ членовъ данной сословной группы. Женщины и лица отсутствовавшія не имѣли въ выборахъ участія ни сами, ни чрезъ вѣрющія письма;

Библиотека "Руниверс"

находившіеся же въ городѣ, но не присутствовавшіе сами лично, могли подать свой голосъ письменно. Для руководства дѣйствіями собранія шляхетство выбирало себѣ предводителя, а горожане городскаго голову, которые и управляли затѣмъ, подъ надзоромъ особо командированныхъ Румянцевымъ чиновниковъ, всей дальнѣйшей избирательной процедурой. Выборы козачьихъ депутатовъ были нѣсколько сложнѣе, такъ какъ въ виду сравнительной многочисленности козаковъ и ихъ разбросанности на большихъ разстояніяхъ они были двухстепенные: сначала каждая сотня избирала изъ своей среды нѣсколькихъ повѣренныхъ, обыкновенно отъ 3 до 10 человѣкъ, но не болѣе 100 человѣкъ отъ всѣхъ сотенъ даннаго полка; сотенные повѣренные снабжались отъ своихъ сотенъ наказами и прошеніями и, собравшись въ полковомъ городѣ, выбирали изъ своей среды повѣреннаго уже отъ всего полка, иначе сказать — депутата. Изложенный порядокъ избранія депутатовъ, примѣненный къ козакамъ по аналогіи съ однодворцами, вызвалъ неудовольствіе среди козачьяго сословія; всѣ козаки были унижены и оскорблены сравненіемъ ихъ съ однодворцами, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ прилучане и миргородцы, съ горечью замѣчали въ наказахъ, что ихъ выборы чинились не по обряду шляхетскихъ и просили о неисключеніи ихъ депутатовъ изъ числа шляхетскихъ. Въ дѣйствительности 2-хъ степенный способъ избранія депутатовъ не только былъ обиденъ для козаковъ тѣмъ, что сравнивалъ ихъ съ однодворцами, но еще имѣлъ и дѣйствительно свою дурную сторону въ томъ, что, пропуская народную волю чрезъ двойной фильтръ сотенныхъ и полковыхъ выборовъ, неминуемо подвергалъ ее значительнымъ искаженіямъ, неполнотѣ и затмѣнію.

Что касается Запорожья, то Румянцевъ сначала распорядился объ избраніи отъ Сѣчи только одного депутата, но потомъ въ виду представленія коша о томъ, что Запорожье заключаетъ въ себѣ народонаселенія болѣе, чѣмъ въ 2—3 полкахъ, и имѣетъ до 40 куреней и массу зимовниковъ, разрѣшилъ произвести выборъ 2-хъ или 3-хъ депутатовъ. Самый порядокъ избранія былъ такого рода, что каждый курень избиралъ отъ себя 5 представителей, уполномоченныхъ на избраніе депутата; всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

представителей, „довѣренныхъ отъ товарищества“ собралось въ шкуринскомъ куренѣ 190 человѣкъ и по балатировкѣ выборъ палъ на бывшаго судью Косапа, однако болѣзнь заставила его отказаться отъ представительства и на его мѣсто были избраны депутатами войсковой судья Головатый и атаманъ Корсунскаго куреня Скапа [1]).

О духовенствѣ мы уже сказали, что оно не было представлено въ коммиссіи, но въ виду его особаго положенія отъ великорусскаго ему было позволено доставить въ Синодъ „пункты“ о грунтахъ и маетностяхъ съ тѣмъ, чтобы они вошли въ общій наказъ Синода своему депутату; мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ составлялись пункты, но изъ того, что они подписаны кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, архіепископами черниговскимъ и переяславскимъ, а также архимандритами и игуменами и всѣми малорусскими протопопами съ подвѣдомственнымъ имъ священствомъ, нельзя не заключить, что они содержали въ себѣ дѣйствительныя нужды чернаго и бѣлаго духовенства, а не измышленія его начальства. Всѣхъ депутатовъ отъ Малороссіи находилось въ коммиссіи 33 человѣка: отъ шляхетства и козаковъ было избрано по 11 человѣкъ, отъ горожанъ 10 и отъ Запорожья 2. Всѣ выборы, какъ мы сказали, происходили въ полковыхъ городахъ и послѣ торжественныхъ молебствій открывались избраніемъ предводителя и головы; послѣ этого чрезъ нѣсколько дней происходило новое молебствіе, предводитель или голова получали свои полномочія и по прочтеніи манифеста приступали къ выборамъ депутатовъ посредствомъ баллотировки большинствомъ голосовъ. Избранными могли быть не только лица, присутствовавшія на самыхъ выборахъ, но и бывшія въ отсутствіи. Такъ заочно былъ избранъ извѣстный въ коммиссіи депутатъ отъ лубенскаго шляхетства Григорій Полетика; „надворный совѣтникъ и морскаго шляхетнаго кадецкаго корпуса надъ ученіями главный инспекторъ“. По окончаніи выборовъ собраніе облекало полномочіями своихъ депутатовъ и приступало къ сочиненію самихъ наказовъ чрезъ посредство нѣсколькихъ уполномоченныхъ

[1]) Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 291.

Библиотека "Руниверс"

на это лицъ, затѣмъ сочиненные наказы обсуждались въ общемъ собраніи и подписывались всѣми присутствовавшими. Разсмотрѣвши порядокъ—или, какъ тогда выражались, „обрядъ“—выбора депутатовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ *теоріи* онъ въ достаточной степени обезпечивалъ населенію свободу избранія своихъ представителей; сочиненіе же наказовъ въ подготовительныхъ коммиссіяхъ [1]), обсужденіе ихъ въ собраніи и санкціонированіе всѣми избирателями также нельзя не признать порядкомъ, хорошо гарантировавшимъ населенію свободное и полное выраженіе своихъ нуждъ и желаній. Практика однако показала, что ни свободы выборовъ, ни непринужденности въ сочиненіи наказовъ и заявленіи своихъ нуждъ въ Малороссіи не было; какъ то, такъ и другое было довольно относительно и свобода въ выраженіи народной воли стѣснялась съ одной стороны довольно замѣтнымъ вмѣшательствомъ правительства, а съ другой происками и агитаціей шляхетства, вліявшаго на сочиненіе городскихъ и козачьихъ наказовъ. Въ виду этого намъ крайне интересно опредѣлить размѣры посторонняго вмѣшательства, дабы знать, насколько дѣйствительнымъ, плодомъ народныхъ желаній являются разбираемые нами наказы. Относительно роли правительства г. Авсѣенко высказалъ мнѣніе, что такъ какъ созывъ коммиссіи былъ актомъ свободнаго желанія и милости Екатерины, настроенной въ весьма либеральномъ и прогрессивномъ духѣ, то нельзя допустить, чтобы графъ Румянцевъ, которому хорошо были извѣстны намѣренія императрицы и вліяніе котораго преимущественно обнаруживалось при составленіи наказовъ, сталъ противодѣйствовать свободному выраженію тѣхъ желаній и стремленій малороссійскаго народа, которыя клонились къ его несомнѣнному благу [2]). Однако, съ приведеннымъ мнѣніемъ г. Авсѣенка едва ли можно вполнѣ согласиться; несмотря на его справедливое замѣчаніе, что созывъ коммиссіи былъ дѣйствительно актомъ свободной воли, а не вынужденныхъ обстоятельствами времени политическихъ комбинацій, у насъ есть положи-

[1]) Наказы, стр. 272.

[2]) Малороссія въ 1767 г. Авсѣенко, стр. 34

Библиотека "Руниверс"

тельныя данныя, доказывающія весьма замѣтное вмѣшательство графа Румянцева и въ избирательную борьбу и въ сочиненіе наказовъ.

Теперь извѣстно, что онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, уничтожалъ въ наказахъ то, что пахло „умоначертаніемъ прежнихъ временъ“ и всячески старался, чтобы до слуха императрицы въ наказахъ не долетѣло чего-нибудь рѣзко и сильно напоминавшаго о старой гетманщинѣ. Относительно вмѣшательства правительственныхъ органовъ и вліянія ихъ на выборъ депутатовъ и сочиненіе наказовъ согласенъ и г. Латкинъ, авторъ недавно вышедшаго труда о законодательныхъ коммиссіяхъ въ XVIII вѣкѣ [1]), хотя онъ ошибочно полагаетъ, что число „рельефныхъ“ случаевъ вмѣшательства ограничивалось всего однимъ. Въ дѣйствительности правительственное давленіе измѣрялось не случаями, но было постояннымъ явленіемъ, „рельефные“ же случаи также считались болѣе, чѣмъ единицами. Приведемъ факты, заимствованные нами частью у того же Соловьева, частью же изъ самихъ наказовъ. Шляхетство повѣтовъ нѣжинскаго и батуринскаго, собравшись по циркуляру Румянцева въ полковой городъ, избрало себѣ предводителемъ отставнаго полковника Тарнавіота, а депутатомъ земскаго судью Л. Селецкаго и затѣмъ благополучно на время разъѣхалось. Собравшись затѣмъ снова для сочиненія наказа, шляхетство не минуло и обсужденія обѣщаній Екатерины II, отъ 10 ноября 1764 г. о сохраненіи вольностей малороссійскаго народа и пришло къ убѣжденію о необходимости избранія гетмана совокупно съ запорожскою Сѣчью; кривотолкователей, мечтавшихъ о гетманѣ и единеніи съ Сѣчью, было большинство, и когда депутатъ Селецкій не согласился присоединиться къ мнѣнію большинства, то шляхетство, ничтоже сумнясь, избрало себѣ другаго депутата, не находя Селецкаго способнымъ поддерживать въ коммиссіи не сочувственныя ему желанія своихъ избирателей. Не можетъ быть сомнѣнія, что шляхетство, избирая вмѣсто Селецкаго новаго депутата, осуществляло свое законное право имѣть отъ себя въ коммиссіи излюбленнаго

[1]) Стр. 243.

Библиотека "Руниверс"

человѣка, помышляющаго не о своихъ, но объ общественныхъ нуждахъ и отягощеніяхъ, тѣмъ не менѣе Румянцевъ кассировалъ вторые выборы и безъ сомнѣнія не за нарушеніе „обряда“, а потому, что шляхетство проявило свою неблагонамѣренность, заговоривъ „о безразсудныхъ просьбахъ и желаніяхъ“ и выбравши во второй разъ депутатомъ главнаго виновника всѣхъ золъ, Долинскаго. Дѣло объ изложенномъ эпизодѣ было доведено до свѣдѣнія сената и противъ зачинщиковъ новыхъ выборовъ и мысли объ избраніи гетмана было возбуждено преслѣдованіе. Второй случай, когда дѣло дошло до сената, произошелъ въ г. Погарѣ съ городскимъ войтомъ Панасомъ, заявившимъ себя ярымъ поборникомъ старины и врагомъ нововведеній; но такъ какъ эпизодъ съ нимъ имѣетъ тѣсную прикосновенность къ городскими выборамъ, то мы и разскажемъ о немъ нѣсколько ниже, когда будемъ вести рѣчь объ антагонизмѣ, проявившемся среди малорусскихъ сословій.

О вмѣшательствѣ въ дѣла черниговскаго и стародубскаго шляхетства, хотя и по просьбѣ ихъ предводителей, сознается въ письмахъ къ Екатеринѣ и самъ генералъ-губернаторъ, говоря, что онъ помогъ предводителямъ уладить возникшія въ средѣ шляхетства несогласія. Особенную помощь Румянцевъ оказалъ черниговскому предводителю Безбородку, который чрезъ своего сына, находившагося при графѣ, неоднократно совѣтовался съ послѣднимъ и даже представлялъ ему пункты наказа, произведшаго въ своей окончательной отдѣлкѣ столь непріятное впечатлѣніе на украинцевъ и вызвавшаго неудовольствіе противъ его составителя—Безбородка. Близкимъ участіемъ, конечно, генералъ-губернатора, а не случайностью, слѣдуетъ объяснить, что черниговскій наказъ вышелъ, не въ примѣръ другимъ, написаннымъ въ правительственномъ духѣ и былъ одобренъ самой императрицей.

Помимо личнаго давленія Румянцева на выборы и сочиненіе наказовъ, въ немъ принимали надлежащее участіе командированные графомъ для присутствія на выборахъ чиновники, а также тѣ изъ шляхетскихъ предводителей, которые, питая *„великое всегда желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью“*,

Библиотека "Руниверс"

стремились поддѣлаться подъ направленіе столичныхъ вѣяній и забѣгали предъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Были предводители, какъ напримѣръ, у стародубскаго шляхетства, земскій судья П. Искрицкій, который самъ изъ собственнаго усердія прилагалъ стараніе для очищенія наказовъ отъ „закоренѣлыхъ предразсужденій“ и съ горестью потомъ доносилъ Румянцеву, что его старанія не имѣли никакого успѣха, такъ какъ лицъ „одинаковыхъ съ нимъ сентиментовъ“ оказалось слишкомъ мало и онъ, уступая большинству, самъ принужденъ былъ подписаться подъ несочувственными пунктами. Естественно, что Румянцевъ, получивъ сообщеніе П. Искрицкаго, предписалъ предосудительный наказъ уничтожить и замѣнить его новымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ прошеній, „кои несогласуются съ пользою настоящаго времени“. Второй наказъ въ предписанномъ духѣ былъ, конечно, составленъ, но замѣчательно, что несочувствіе къ нему было такъ велико, что предводитель едва провелъ его при помощи полковника князя Юрія Хованскаго, командированнаго къ выборамъ. Изъ донесенія только что названнаго князя Румянцеву намъ также извѣстно, что при сочиненіи наказа стародубскими козаками онъ принималъ всѣ мѣры къ исключенію изъ него всего несогласнаго съ правительственными видами, но, по собственному признанію князя, козаки написали нѣкоторые пункты, не согласившись съ нимъ, и онъ никакъ не могъ преодолѣть ихъ упорства [1]). Если въ данномъ случаѣ побѣда осталась за козаками и упорство ихъ осталось несломленнымъ, то въ другихъ случаяхъ съ козаками поступали гораздо проще и короче: донесеніе полковника Милорадовича о козачьихъ выборахъ въ Черниговѣ объясняетъ намъ, что по приказу Румянцева козацкому депутату было вовсе запрещено принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ пишется „вовсе до нихъ не надлежащее“ и что эти наказы компонуются не ими, а старшинами. Хотя послѣднее замѣчаніе не лишено справедливости, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія думать, что козаки propria motu не могли сочинить

[1]) Наказы, стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

наказовъ съ содержаніемъ „вовсе для нихъ не надлежащимъ". Харьковскій южно русскій архивъ по счастью сохранилъ намъ нѣсколько наказовъ[1]), оставленныхъ, такъ сказать, за флагомъ и не попавшихъ въ коммиссію, изъ которыхъ по аналогіи можно убѣдиться, почему могло состояться запрещеніе графа принимать наказы сотенныхъ повѣренныхъ и въ чемъ заключалось содержаніе „вовсе до нихъ не надлежащее". Наказы отъ бывшихъ мелкихъ городковъ, а нынѣ мѣстечекъ, каковы Мринъ, Борисполь, Гоголевъ, Олишевка, Носовка, Кабижча, Бобровица, Муровскъ, Кролевецъ и друг., были составлены не только не старшинами, но иногда противъ нихъ[2]), и тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ массу „закоренѣлыхъ предразсужденій", непріятно рѣзавшихъ генералъ-губернаторское ухо. Всѣ перечисленные нами городишки, обитаемые главнымъ образомъ козаками, въ одинъ голосъ заговорили о договорныхъ пунктахъ Богдана Хмельницкаго, просили объ утвержденіи ихъ на вѣчныя времена и заключали свои наказы смѣлыми надеждами, что при удовлетвореніи этихъ желаній несомнѣнно процвѣтутъ и они. „Есть-ли—писали олишевцы—вышеозначенные нужды исключить и за взятые въ арміи волы и фуры деньгами ихъ, олишевскихъ жителей, удовольствовать и *оставить ихъ на такомъ основаніи, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую и утвержденныя статьи всероссійскими монархами въ ненарушимой цѣлости, то тогда народъ города Олишевки могъ бы прійти въ цвѣтущее состояніе*". Жители Муровска, высказавъ надежды и желанія совершенно однородныя съ предыдущими, заключали свои pia desideria почти словами олишевцевъ: „чаятельно, писали они, что при свободѣ отъ всякихъ выстаченій процвѣтетъ и г. Муровскъ"... Таковы, не ошибаясь, можно сказать, были наказы и сотенныхъ повѣренныхъ, запрещенные къ принятію ихъ козацкими депутатами. Наконецъ, нельзя не указать, какъ на стѣсне-

[1]) № 3071 Ю.-рус. архива.

[2]) Въ нихъ встрѣчается обвиненіе старшинъ въ закрѣпощеніи себѣ многихъ козаковъ въ вѣчные подданные, благодаря ревизіи 1764 года.

Библиотека "Руниверс"

ніе правительствомъ свободы выраженія народныхъ желаній, на дѣйствія Святѣйшаго Синода, исключившаго изъ пунктовъ, представленныхъ отъ малороссійскихъ епархій, много самыхъ важныхъ и существенныхъ требованій. Извѣстно, что всѣ пункты малороссійскихъ епархій были раздѣлены Синодомъ на три категоріи: 1, пункты, одобренные имъ ко внесенію въ синодскій наказъ и переданные синодскому депутату для проведенія въ коммиссіи, 2, пункты, хотя и одобренные, но оставленные на личное усмотрѣніе депутата и 3, наконецъ, пункты, которые опредѣлено было „отставить". Къ числу послѣднихъ были отнесены пункты, наиболѣе рѣзко поражавшіе своими смѣлыми заявленіями объ особенномъ положеніи малороссійскаго духовенства, о необходимости избранія митрополита изъ природныхъ малороссіянъ вольными голосами, о дозволеніи ему безъ разрѣшенія Синода посвящать въ архіерейскій санъ, имѣть свою типографію, школы и пр.... Словомъ, Синодъ исключилъ изъ прошеній малороссійскаго духовенства все, что такъ или иначе клонилось къ децентрализаціи церковнаго управленія и имѣло въ виду хотя бы небольшую его самостоятельность и особенность для Украйны. И Румянцевъ, и Синодъ дѣйствовали въ этихъ случаяхъ, конечно, по указаніямъ самой императрицы, а каковы были ея указанія достаточно хорошо можно судить по инструкціи, данной Екатериной князю Вяземскому, гдѣ между прочимъ говорилось, что „Малая Россія, Лифляндія, Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушать оныя весьма непристойно было бъ, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. *Сіи провинціи, также смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они обрусѣли и перестали бъ глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, когда разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ*... Когда жъ въ Малороссіи *гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ и имя гетмановъ исчезло, не только бъ персона какая былъ произведена въ оное достоинство* [1]).

[1]) Соловьевъ, т. 26, стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

Выписанная нами цитата требуетъ никакихъ комментаріевъ и, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣній, что при желаніи верховной власти изгладить изъ памяти малороссіянъ даже самое имя гетмана, нельзя было ожидать объективнаго отношенія къ выборамъ и со стороны ея органовъ.

Отмѣтивъ вмѣшательство правительственныхъ органовъ, важность котораго отрицать никто не рѣшится, скажемъ нѣсколько словъ и о вліяніи старшины, которое весьма естественно въ сочиненіи наказовъ было гораздо незначительнѣе, чѣмъ вліяніе правительства; извѣстные намъ случаи, когда старшины, перейдя предѣлы позволеннаго нравственнаго воздѣйствія, устраняли козаковъ отъ сочиненія наказовъ или даже захватывали его въ свои руки и вычеркивали изъ наказовъ все, что могло вредить ихъ интересамъ, доказываютъ, что такіе случаи не оставались необжалованными и доходили до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Помимо этого, самъ Румянцевъ, заинтересованный въ томъ, чтобы наказы были свободны отъ „умопачертаній прежнихъ временъ“, не могъ оставлять незамѣченными ни самъ, ни чрезъ командированныхъ имъ лицъ, злоупотребленій старшины, клонившихся къ искаженію народной воли и затемнѣнію истинно козацкихъ желаній, нуждъ и отягощеній. И однако, несмотря на авторитетное заявленіе генералъ-губернатора, что старшина компонуетъ наказы козакамъ, мы встрѣтили всего нѣсколько случаевъ, когда козаки, дѣйствительно, остались недовольны дѣйствіями старшины и обжаловали ея злоупотребленія. Намъ думается, что еслибы такихъ случаевъ было больше, то они не остались бы неизвѣстными; если же козаки оставались довольны наказами, сочиненными старшиной, то слѣдовательно сочинители не передергивали истинныхъ желаній козаковъ и для насъ рѣшительно все равно, кѣмъ бы они ни были составлены. Самый видный случай притѣсненія козаковъ своей старшиной при сочиненіи наказовъ—имѣлъ мѣсто въ кременчугской и власовской сотняхъ миргородскаго полка [1]). Сущность дѣла, какъ

[1]) Наказы, 280.

Библиотека "Руниверс"

видно изъ донесенія козаковъ обѣихъ сотенъ, заключалась въ томъ, что командующій Кременчугомъ ротмистръ Гавриловъ и власовской сотней поручикъ Бабичъ не только не допустили козаковъ съѣхаться въ Полтаву, но созвавши въ Кременчугъ, обманомъ продержали ихъ въ немъ болѣе 2-хъ недѣль и, не допустивъ до выборовъ, „сами собой съ другими еще имъ согласниками выбрали депутатомъ майора Козельскаго, а предводителемъ Гаврилова", а ихъ, козаковъ, выгнали изъ Кременчуга, объявивъ, что они пропустили назначенное для выборовъ время. Другой очень характерный случай не столько злоупотребленія, какъ давленія старшины на козаковъ описанъ въ донесеніи иваницкаго сотеннаго повѣреннаго Ивана Лисенка[1]). Этотъ повѣренный въ донесеніи своемъ графу, раскрывая закулисную сторону сочиненія наказовъ, жаловался, что другіе сотенные повѣренные „съ наущенія ли чьего, или сами отъ себя" воспротивились внесенію въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ земель и грунтовъ разными чиновниками и владѣльцами и *„купли той поставить не похотѣли"*. Подчеркнутая нами фраза указываетъ, что Лисенко имѣлъ основаніе думать, что нежеланіе сотенныхъ повѣренныхъ поднимать вопросъ о скуплѣ могло быть сдѣлано по чьему либо наущенію и, конечно, добавимъ мы, ни по чьему иному, какъ по наущенію старшины. Изъ того же донесенія видно, что сотенные повѣренные „для учиненія генеральнаго наказа" обращались къ полковому канцеляристу Пятигорскому и что онъ посылалъ ихъ за копіей дворянскаго наказа къ предводителю Максимовичу; Максимовичъ наказа не далъ, тѣмъ не менѣе Пятигорскій не отказался сочинить козакамъ наказъ, пропустивъ въ немъ пунктъ о скупленныхъ во всемъ прилуцкомъ полку земляхъ. Подобное приведенному обращеніе козаковъ за сочиненіемъ своихъ наказовъ къ лицамъ изъ своей старшины не могло, намъ кажется, обходиться безъ извѣстнаго ея вліянія и замѣчаніе Румянцева по этому поводу не лишено основанія; но гораздо многочисленнѣе и интереснѣе были случаи, происходившіе при городскихъ выборахъ и указывающіе на антагонизмъ существовавшій среди сословій.

[1]) Наказы, стр. 243.

Библиотека "Руниверс"

Малороссійскіе города прошлаго вѣка, пользовавшіеся въ своемъ управленіи магдебургскимъ правомъ, составляли, какъ извѣстно, довольно пеструю смѣсь сословій съ противорѣчивыми другъ другу интересами и съ враждебными между собой отношеніями. Извѣстно, что по магдебургскому праву, сообщавшему муниципальное управленіе многимъ малороссійскимъ городамъ, истинно городскимъ сословіемъ въ послѣднихъ являлись мѣщане, управлявшіеся своимъ *„мѣскимъ правомъ“* и, вѣдавшіеся магистратомъ, въ качествѣ главнаго городскаго учрежденія. Магдебургское право, даруя городу муниципалитетъ, въ тоже время обезпечивало исконнымъ его жителямъ, мѣщанамъ, право единственнаго владѣнія городскими „мѣскими“ землями, угодьями и проч. а также право единственнаго занятія промыслами, торговлей, винокуреніемъ, шинкарствомъ и проч., и ни шляхетство, ни козачество, составлявшіе поэтому чуждый городу элементъ, не имѣли права ни селиться на городскихъ земляхъ, ни участвовать въ городскихъ промыслахъ. Въ дѣйствительности, при упадкѣ городовъ и при развитіи козацкой администраціи, мѣщане вмѣсто первостепенной заняли подчиненную роль въ городахъ и были обижены поселившимся въ нихъ шляхетствомъ, старшиной и козаками, скупившими земли и захватившими, вопреки всякому праву, промыслы, торговлю и винокуреніе. Столкновеніе интересовъ различныхъ городскихъ сословій было полное и очевидное, такъ какъ шляхетство и козачество, присвоивъ себѣ привилегіи мѣщанъ, не несли въ то же время никакихъ гражданскихъ повинностей, отбывавшихся исключительно мѣщанами. При выборахъ городскихъ депутатовъ и особенно при сочиненіи наказовъ, гдѣ должны были участвовать всѣ городскіе жители, сословная рознь обнаружилась въ довольно сильной формѣ и геральный обозный Кочубей совершенно вѣрно замѣтилъ по этому случаю относительно Полтавы, что „интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людей и потому уповательно трудно согласиться имъ будетъ сдѣлать одинакіе депутату наказы“ [1]). Достаточно упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[1]) Наказы, 286.

Библиотека "Руниверс"

сословный антагонизмъ доходилъ до явно выраженной борьбы и вызывалъ затрудненія и безпорядки, приводившіе къ кассаціи и перебаллотировкамъ; умышленное же противодѣйствіе шляхетства выборамъ, нежеланіе участвовать въ нихъ и подписываться на составленныхъ горожанами наказахъ было обыкновеннымъ явленіемъ въ избирательной хроникѣ и при составленіи городскихъ наказовъ. Изъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ избирательной борьбы мы укажемъ здѣсь на имѣвшіе мѣсто въ Прилукахъ, Лубнахъ и Погарѣ.

Въ Прилукахъ [1]) противодѣйствіе шляхетства выразилось пассивнымъ образомъ: оно не пожелало участвовать въ избраніи горожанами головы и депутата и послѣдніе были выбраны одними только мѣщанами, вслѣдствіе чего выборы были кассированы и назначены вторичные уже при участіи шляхетства.

Румянцевъ, узнавши о поведеніи шляхетства во время городскихъ выборовъ, предписалъ прилуцкой полковой канцеляріи доставить ему списокъ неявившихся лицъ съ обозначеніемъ причинъ неявки каждаго и изъ этого не совсѣмъ полнаго списка оказывается, что вся прилуцкая старшина, какъ наличная, такъ и „абшитованная“, въ количествѣ 34 человѣкъ наиболѣе видныхъ представителей прилуцкаго общества не явилась на городскіе выборы по самымъ пустымъ и фальшивымъ предлогамъ, какъ напримѣръ „за приключившеюся болѣзнею“, „за отлучкою изъ дому“, „за отправленіемъ поминовенія“ или „отъѣздомъ для законныхъ нуждъ“ и проч. Назначеніе вторичныхъ выборовъ очень огорчило мѣщанъ и въ прошеніи, поданномъ на имя Румянцева по поводу кассаціи прежнихъ выборовъ, они жаловались, что уничтоженіе полномочій избраннымъ ими головѣ и депутату лишаетъ ихъ возможности представить свои нужды въ коммиссію и заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что новыми выборами, произведенными, слѣдовательно, совмѣстно съ шляхетствомъ, будутъ избраны излюбленные ими люди.

Точно такой же отказъ отъ участія въ выборахъ и отъ подписанія наказа случился и въ Стародубѣ [2]), гдѣ шляхетство

---

[1]) Наказы, стр. 231 и слѣд.

[2]) Наказы 213.

Библиотека "Руниверс"

не пожелало подписаться подъ городскимъ наказомъ, потому что мѣщане выдвинули въ немъ прошеніе о подтвержденіи Стародубу магдебургскаго права, уничтожавшаго въ корнѣ всякое вліяніе на городскія дѣла козацкой администраціи и вообще шляхетства. Въ Лубнахъ [1]) также дѣло не обошлось безъ осложненій и перебаллотировки головы, избраннаго, какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, одними только „свободно посполитыми“ города Лубенъ безъ участія шляхетства. Выборы эти, какъ неправильные, конечно, были кассированы, но мѣщане со большимъ неудовольствіемъ приступали къ вторичнымъ, потому что не надѣялись „по своему маломочеству“ снова избрать головою войта Назарскаго и включить въ свой наказъ жалобы на захваты начальнѣйшими людьми городскихъ земель, на лишеніе горожанъ „промысловъ и художествъ“ и на другія порабощенія и обиды [2]). Въ виду этихъ опасеній лубенскіе мѣщане просили подполковника Огарева не принуждать ихъ къ избранію того, о комъ, „не благоволятъ ихъ сердца“ и позволить имъ продолжать избраніе депутата и составленіе наказа подъ руководствомъ выбраннаго уже головы—войта Назарскаго; однако просьбы мѣщанъ не были уважены, нежеланіе производить вторичные выборы было сломлено угрозами и перспективой „наказанія кіями“ и новые выборы состоялись при подавляющемъ вліяніи шляхетства, хотя оно лично все таки не присутствовало, а прислало свои голоса; за то при сочиненіи наказа опасенія мѣщанъ сбылись вполнѣ: никто изъ нихъ не былъ допущенъ къ его составленію и старшины оборудовали это дѣло сами, поручивъ сочиненіе пяти своимъ же единомышленникамъ—„не для чего другаго,—рапортовалъ войтъ—какъ что оніе мѣщане о промыслахъ и рукодѣліяхъ, козаками и чиновниками отправляемыхъ, не отбувая гражданской повинности, такожъ о завладѣніи гражданской земли, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ неполезномъ, представленіе въ челобитну внесть намѣревали“, но шляхетство ихъ къ этому не допустило и жалоба внесена не была. Описанный нами

[1]) Наказы, 259 и слѣд.

[2]) Наказы, стр. 262.

Библиотека "Руниверс"

случай служитъ лучшей характеристикой отношеній, существовавшихъ между шляхетствомъ и мѣщанами, хотя нужно замѣтить, что въ Лубнахъ произволъ шляхетства, совершенно устранившаго мѣщанство отъ составленія наказа, дошелъ до своего апогея и Румянцевъ, въ качествѣ корректива къ городскому наказу, разрѣшилъ лубенскимъ мѣщанамъ подать отдѣльную челобитную о своихъ нуждахъ и за это лубенцы въ адресѣ, поданномъ графу, обѣщали пребывать „тщательными въ прославленіи его имени и добротъ предъ людьми и въ молитвахъ предъ Богомъ [1]).

На той же точно почвѣ сословной вражды разыгралась въ Погарѣ упоминавшаяся нами исторія съ его войтомъ Панасомъ [2]). Войсковой товарищъ и погарскій войтъ Григорій Панасъ, какъ видно изъ переписки по его дѣлу, съигралъ въ своемъ городѣ роль совершенно обратную лубенскому войту Петру Назарскому и, несмотря на то, что былъ однимъ изъ представителей городскаго муниципалитета, оказался сочувствующимъ шляхетству и козакамъ и раздѣляющимъ ихъ интересы. Нужно сказать, что городскимъ головою въ Погарѣ былъ избранъ нѣкій Денисъ Приваловъ, повидимому, сильно поддерживавшій интересы мѣщанства, а потому и столкнувшійся съ антиподомъ его шляхетствомъ; послѣднее, недовольное этимъ избраніемъ, а также и тѣмъ, что сочиненіе наказа было поручено городскому райцѣ, не замедлило выдвинуть предъ Румянцевымъ цѣлую серію обвиненій Дениса Привалова въ неисполненіи формъ и предписаній „обряда“, хотя въ сущности, насколько можно догадываться дѣло шло не столько объ этомъ, какъ о томъ, что Привaловъ, устранивъ шляхетство, принялся вершить всѣ дѣла, касавшіяся до сочиненія наказа „*съ самими простыми и неграмотными мѣщанами*“, и выбравъ для этой цѣли 5 городскихъ жителей, о которыхъ войтъ Панасъ съ недовольной козацкой старшиной доносилъ генералъ-губернатору, что „они не только сочинить наказа, но и простаго письма совершенно сдѣлать не могутъ“ и что избранный голова вообще

[1]) Наказы, 275.

[2]) Ibid., 221 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

повергаетъ ихъ въ сомнѣніе, „какъ бы онъ къ произведенію такого великаго дѣла (т. е. сочиненію наказа) вовсе будучи не достаточенъ и безпорядоченъ въ тѣхъ своихъ сочиненіяхъ предосудительныхъ каковыхъ недѣльностей не повносилъ и тѣмъ гражданской общей прямой пользѣ вреда не приключилъ", т. е. прямѣе говоря, чтобы Денисъ Приваловъ не внесъ чего либо противнаго шляхетско-козацкимъ интересамъ. Изъ отвѣта Привалова на доносъ Панаса оказывается, что въ Погарѣ. какъ и въ Стародубѣ, Прилукахъ, Лубнахъ и друг. городахъ, рознь между мѣщанами и воинскаго званія людьми дошла до того, что послѣдніе совсѣмъ отказались присутствовать въ церкви на молебствіи и во время присяги къ выборамъ городскаго депутата и не подписали ему полномочія, а когда дѣло дошло до слушанія наказа и челобитной, то между головою и войтомъ, державшимъ, по выраженію головы, единое согласіе съ шляхетствомъ, произошло формальное столкновеніе. Прежде всего Панасъ началъ съ того, что не допустилъ въ магистратъ къ сочиненію наказа Привалова съ 5 членами, выбранными для этого дѣла, и они всѣ принуждены были удалиться въ другое мѣсто; во вторыхъ, когда наказъ уже былъ сочиненъ и голова, при собраніи всего города, хотѣлъ приступить къ его объявленію, то Панасъ не только самъ не пожелалъ выслушать мѣщанскихъ desiderata, но чтобы и никого не допустить къ этому, замкнулъ магистратъ, и для открытія его голова принужденъ былъ обратиться къ содѣйствію бурмистра. Магистратъ былъ отпертъ, но самъ войтъ по прежнему отказался выслушать наказъ и удалился. Изъ дальнѣйшихъ строкъ отвѣта Привалова оказывается, что Панасъ во время всей избирательной процедуры проявилъ себя самымъ завзятымъ поклонникомъ старины и что онъ агитировалъ въ этомъ духѣ, „уговаривая новины не слушать, ни къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе, страхи, сказуя, что новинѣ предъ стариною во многомъ стыдно и показаться: новина до того что въ старину сдѣлано не точію поправить, но и сдержать не можетъ" [1]). За эту агитацію Панасу, по представленію Румянцева, пришлось отвѣчать предъ сенатомъ,

[1]) Наказы, 224.

Библиотека "Руниверс"

который разобравши дѣло, приказалъ произвести надъ нимъ слѣдствіе и судъ и чего онъ Панасъ окажется достойнымъ о томъ ему представить на усмотрѣніе. Чѣмъ окончилось дѣло о Панасѣ и какое ему назначилъ сенатъ наказаніе намъ неизвѣстно; но вообще случаи особеннаго давленія шляхетства на городскіе выборы не оставались незамѣченными и Румянцевъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы дать мѣщанамъ возможность свободно высказывать свои нужды и отягощенія и даже предоставлялъ имъ для этого право непосредственной подачи ему челобитныхъ исключительно отъ своего сословія, помимо наказовъ, составляемыхъ обще съ шляхетствомъ и козаками. Вотъ въ общихъ чертахъ все, что мы нашли необходимымъ для будущаго изложенія сказать по поводу выборовъ депутатовъ и настроенія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи, а также по поводу волненія умовъ, вызваннаго въ украинскомъ обществѣ призывомъ къ сочиненію новаго Уложенія. Съ слѣдующей главы мы приступимъ къ изложенію содержанія самихъ наказовъ, представленныхъ въ коммиссію малороссійскими депутатами.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1)]

(Окончаніе).

ГЛАВА 5-я.

Отношеніе къ коліевщинѣ современныхъ ей русскихъ дѣятелей.

Смыслъ коліевщины въ жизни южнорусскаго украинскихъ населенія не поддавался долго уясненію исторіи, благодаря массѣ недоразумѣній, окутывавшихъ это народное движеніе по многимъ поводамъ—и вслѣдствіе легковѣрія ближайшихъ передатчиковъ фактической его стороны, наконецъ, вслѣдствіе грубой тенденціозности въ ту или другую сторону разныхъ изслѣдователей, которымъ почему-то трудно было взглянуть на событія 1768 г. на Украинѣ, какъ на проявленіе самостоятельно сознаннаго протеста южнорусскаго крестьянства, угнетеннаго поляками въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи; всѣмъ имъ казалось, что движеніемъ этимъ непремѣнно должно было руководить русское правительство, причемъ Екатеринѣ II то приписывалась открытая пропаганда возстанія манифестами, то болѣе хитрыя подзадориванія къ нему, напоминавшія таинственные намеки, какіе дѣлалъ Владиславъ IV, король польскій, предъ возстаніемъ Хмельницкаго, говоря съ нимъ объ его обидахъ.

[1)] „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 7.

Библиотека "Руниверс"

Но пора иллюзій относительно сочувствія русскаго правительства того времени гайдамацкому движенію 1768 г. прошла безвозвратно. Не стало послѣдователей ни у Шуйскаго съ Моравскимъ, негодовавшихъ на возбужденіе бунта великой державой въ сосѣднемъ государствѣ [1]), ни у русскаго историка, склонявшагося къ мысли, что тайныя подзадориванія противъ поляковъ въ средѣ южно-русскаго крестьянства были слѣдствіемъ искренняго сочувствія Екатерины II къ бѣдамъ этого крестьянства. Явная несостоятельность ходившихъ среди самихъ коліевъ слуховъ о манифестѣ русской царицы, и аляповатость какъ этого манифеста, такъ и манифеста польской работы, приписаннаго Екатеринѣ II тенденціозными польскими публицистами—все это, какъ показано уже нами выше, слишкомъ ярко выступило наружу въ послѣдніе годы, особенно послѣ напечатанія недавно вынырнувшаго на свѣтъ подлиннаго манифеста Екатерины II.

Многое, конечно, послѣ этого при объясненіи коліивщины представляется въ иномъ видѣ, и прежде всего самое движеніе выступаетъ въ глазахъ изслѣдователя самостоятельнымъ бурнымъ порывомъ изнеможенной угнетеніями народной души и неистощенной физической народной мощи, затѣмъ невольно по адресу прежнихъ толкователей интересующей насъ поры является соображеніе: да съ какой бы стати Екатерина II вздумала подстрекать русскихъ крестьянъ Рѣчи Посполитой къ бунту, если несомнѣнно ея войска были потомъ главными усмирителями этого бунта, и если тѣ гайдамаки, россійскіе подданные, которыхъ захватили усмирители, отданы были Екатериной подъ судъ и подверглись серьезнымъ наказаніямъ? Очевидность взаимной исключительности этихъ двухъ фактовъ явная, и невозможность перваго изъ нихъ при второмъ является болѣе чѣмъ доказанной.

Но пытливость наталкиваетъ насъ и послѣ такихъ опредѣленныхъ заключеній на новыя недоумѣнія. Начинаетъ настойчиво требовать разрѣшенія другой существенный для пониманія дѣла вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII вѣка, графъ Панинъ, князь Репнинъ, графъ Румянцевъ и другіе, сочли

[1]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujski Dzieje polski. IV. 404.

Библиотека "Руниверс"

нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищали не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ послы Екатерины II?

Думаемъ, что и этому недоумѣнію можетъ быть положенъ конецъ, если привлечь къ уясненію дѣла массу того фактическаго матеріала относительно польскихъ событій второй половины XVIII вѣка, какой мы находимъ у Соловьева въ XXVI и XXVII томахъ его „Исторіи Россіи“, въ „Сборникѣ Имп. Рус. Ист. Общ.“ въ томахъ XX и XXII, въ „Арх. ю.-з. Россіи“ въ томахъ II и III первой части и въ перепискѣ графа Румянцева съ графомъ Панинымъ и другими, напечатанной въ „Кіев. Стар.“ 1882 г., въ книгахъ 9 и 10 и 1883 г. тоже въ книгахъ 9 и 10.

Приступая на основаніи этихъ источниковъ къ разсмотрѣнію поставленнаго выше недоумѣнія, мы по необходимости должны на моментъ оставить чисто украинскія событія и погрузиться въ дебри широкой европейской политики второй половины XVIII вѣка, такъ какъ отъ тѣхъ или иныхъ комбинацій именно въ этой политикѣ зависѣло то или иное отношеніе къ насущнымъ домашнимъ и сосѣднимъ дѣламъ тогдашняго русскаго правительства.

Слишкомъ общеизвѣстнымъ считается тотъ фактъ, что важныя историческія рѣшенія тѣхъ или иныхъ трудныхъ вопросовъ народной и международной жизни далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ плановъ, заранѣе сознанныхъ и обдуманныхъ дѣятелями, дѣйствующими на исторической авансценѣ. Тщетно, напримѣръ, наканунѣ раздѣла Польши, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стали бы мы искать ясныхъ сколько-нибудь формулировокъ того, что потомъ было совершено совокупными усиліями Пруссіи, Австріи и Россіи. Правда, смутное сознаніе возможности если не раздѣла Польши, то ея соединенія съ Россіей было много разъ высказываемо въ теченіе XVIII в. и даже раньше въ XVII в.; но отъ плановъ, напримѣръ, Алексѣя Михайловича сдѣлаться по избранію польскимъ королемъ послѣ смерти Яна Казиміра и такимъ образомъ соединить Рѣчь Посполитую съ московскимъ государствомъ, до практическаго осу-

Библиотека "Руниверс"

ществленія подобнаго союза было безконечно далеко. Не близко было до того же практическаго дѣла и отъ опасеній польскихъ сеймовыхъ пословъ начала XVIII столѣтія, что Петръ I, будучи признанъ ими императоромъ всероссійскимъ, основываясь на этомъ титулѣ, отберетъ у Польши всѣ русскія провинціи. Самъ Фридрихъ II, этотъ политическій прозорливецъ XVIII вѣка, вскорѣ послѣ избранія Станислава Понятовскаго въ польскіе короли мечталъ не о раздѣлѣ Польши, а только о необходимости оставить ее въ той летаргіи, въ какую она впала, благодаря своей конституціи, санкціонировавшей государственную безурядицу, при чемъ существованіе Польши, хотя бы въ летаргическомъ состояніи, онъ считалъ мыслимымъ и послѣ удаленія со сцены Станислава Понятовскаго и вообще въ далекомъ будущемъ [1]). У русскихъ же дѣятелей екатерининскаго времени относительно Польши, вслѣдъ за избраніемъ въ короли ея Станислава Понятовскаго, были планы совсѣмъ иного порядка, чѣмъ планы раздѣла или анексіи. Но въ этихъ планахъ Польша не занимала центральнаго и исключительнаго положенія. Дѣло шло о поддержаніи пресловутаго политическаго равновѣсія и о сохраненіи за Россіей почетнаго и независимаго положенія въ ряду европейскихъ державъ, а при такихъ цѣляхъ Польша должна была быть только однимъ изъ звеньевъ въ ряду другихъ, входившихъ въ составъ ковавшейся международной цѣпи.

Поводы къ принятію мѣръ для сохраненія за Россіей подобающаго ей мѣста въ ряду другихъ государствъ заключались въ тогдашнихъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Франція, униженная Фридрихомъ II въ семилѣтнюю войну, стала ревностно строить свою политическую систему, стала умножать свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніей, утверждая свои союзы съ разными дворами, особенно съ вѣнскимъ и сардинскимъ. Система эта стала даже носить особое названіе—бурбонскаго союза. Въ противовѣсъ ему, въ виду существованія торговыхъ и политиче-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVI, стр. 81; т. XXVII, стр. 205. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Т. XXII.

Библиотека "Руниверс"

скихъ интересовъ, противоположныхъ французскимъ и австрійскимъ, у Пруссіи, Англіи и Россіи, какъ бы самъ собой, намѣчался союзъ сѣверныхъ державъ, и такой союзъ былъ бы, конечно, мыслимъ, если бы и ихъ интересы не были подчасъ достаточно противоположны. Вслѣдствіе же этой противоположности и Англія, и Пруссія считали для себя мыслимымъ заключеніе только частныхъ союзовъ и договоровъ съ Россіей. Но русскій вице-канцлеръ Панинъ никакъ не могъ на этомъ помириться и увлекся системой „сѣвернаго аккорта", унаслѣдованной имъ отъ автора ея, умершаго уже тогда русскаго посла въ Даніи барона Корфа. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша. Что до цѣли союза, то она должна была состоять не только въ противодѣйствіи союзу бурбонскому, но и въ охранѣ сильными членами союза неприкосновенности слабыхъ его членовъ отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ. Въ частности для Россіи Панинъ ждалъ отъ этого союза слѣдующихъ выгодъ: во-первыхъ, Россіи должна была быть выдана по его проекту отъ Англіи субсидія въ 500,000 р. на польскія дѣла и такая же субсидія въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, не говоря уже о деньгахъ на подкупы въ Швеціи, гдѣ должно было быть искоренено такимъ путемъ французское вліяніе; во-вторыхъ, отъ Пруссіи должны были въ случаѣ надобности идти поддержки дипломатическія и денежныя для устроенія польскихъ дѣлъ; наконецъ, въ третьихъ, Польша должна была при новомъ подручномъ Россіи королѣ замѣнить собою для Россіи Австрію, какъ надежная союзница въ случаѣ разрыва Россіи съ Турціей.

Увлеченный логичною стройностью проекта, Панинъ никакъ не могъ признать возраженій, какія ему дѣлались, по поводу его заявленій, Англіей и Пруссіей. Между тѣмъ англійскіе министры настойчиво твердили ему, что парламентъ ихъ никогда не оправдаетъ кредитовъ на поддержаніе Россіи въ польскихъ дѣлахъ и въ случаѣ войны съ Турціей, что надежда при помощи такихъ субсидій вредить повсюду Франціи, являвшейся главнымъ врагомъ Англіи, не послужила бы въ глазахъ парламента достаточнымъ оправданіемъ требуемыхъ министрами кредитовъ, и что,

Библиотека "Руниверс"

наконецъ, поддержка Англіей Россіи противъ Турціи, хотя бы даже тайная, непремѣнно затронула бы слишкомъ значительные торговые интересы Англіи въ этой странѣ. Все это не убѣждало Панина, какъ не убѣждало его и опасеніе Англіи вступить въ тѣсный союзъ съ такимъ членомъ предполагаемаго „сѣвернаго аккорта", какъ король прусскій, склонность котораго къ авантюризму могла бы подвергнуть весь союзъ большому риску. По поводу всего этого Панинъ могъ только раздражаться. Раздражали его и возраженія противъ „сѣвернаго аккорта" самого Фридриха. Послѣдній находилъ, что ему не съ руки вступить въ столь сложный союзъ да еще съ разными пассивными величинами, въ родѣ Даніи или Саксоніи, причемъ съ Саксоніей у него были свои личные счеты, забыть которые онъ не желалъ. Но особенно существенны были возраженія Фридриха противъ плановъ Панина относительно Польши, также члена in spe въ „сѣверномъ аккортѣ".

Чтобы уяснить эти послѣднія, отмѣтимъ, при какихъ условіяхъ Панинъ разсчитывалъ обрѣсти въ польской республикѣ союзницу на случай войны съ Турціей, и какими вслѣдствіе этихъ условій должны были стать давнія традиціонныя отношенія Россіи къ Польшѣ.

Отъ своихъ предшественниковъ, какъ извѣстно, унаслѣдовала Екатерина II два непорѣшенныхъ вопроса съ Польшей: вопросъ о границахъ и вопросъ диссидентскій. Обращаясь къ этому послѣднему, не можемъ не припомнить, что зарожденіе этого вопроса надо отнести ко времени, слѣдовавшему непосредственно за Андрусовскимъ договоромъ, когда Польша сознала для себя всю опасность отъ существованія въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой большаго числа православныхъ русскихъ, всегда искавшихъ покровительства и защиты у единовѣрнаго московскаго государства. Правительствомъ республики пущенъ былъ въ ходъ именно послѣ Андрусовскаго договора [1]) цѣлый рядъ

[1]) Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи западн. и юго-западной Россіи. Статья: Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-зап. Россіи съ полов. XVII до конца XVIII в., стр. 287.

Библиотека "Руниверс"

сеймовыхъ постановленій, направленныхъ къ отвлеченію западнорусскаго населенія отъ православія въ унію или же и прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось гонимымъ православнымъ да и другимъ не-католикамъ Рѣчи Посполитой, какъ обращаться съ просьбами о защитѣ ихъ религіозной свободы и нарушаемыхъ гражданскихъ правъ къ московскому государству, превратившемуся вскорѣ въ россійскую имперію. Къ просьбамъ ихъ въ Россіи не были глухи, но все же поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами. Петру I, напримѣръ, неудобно было становиться къ Польшѣ въ рѣзкія отношенія въ виду войны со Швеціей; далѣе, у Анны Іоанновны, несмотря на ея вмѣшательство въ польскія дѣла изъ за возведенія въ короли Станислава Лещинскаго и изъ-за замѣны его Августомъ III, несмотря и на опасное столкновеніе съ французами подъ Гданскомъ, не находилось въ сущности времени мѣшать Польшѣ проявлять религіозную нетерпимость; наконецъ, и при Елисаветѣ отношенія къ Пруссіи, семилѣтняя война—все это также не давало возможности ссориться съ поляками [1]). Больше всѣхъ изъ названныхъ государей въ защиту диссидентовъ все же сдѣлалъ Петръ I. Онъ, по жалобѣ епископа бѣлорусскаго Сильвестра Четвертинскаго, обратился къ королю съ требованіемъ назначить коммиссію „для освидѣтельствованія обидъ и полученія за нихъ удовлетворенія“, причемъ въ число коммиссаровъ потребовалъ принять и русскаго переводчика при посольствѣ въ Варшавѣ, Игнатія Рудаковскаго, и монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря, учителя Іустина Рудинскаго; на случай отказа короля въ этомъ Петръ велѣлъ своему послу въ Варшавѣ, чтобы онъ объявилъ „сенаторамъ и министрамъ польскимъ всѣмъ съ яснымъ представленіемъ, что если удовлетворенія не послѣдуетъ, то будемъ принуждены сами его искать“ [2]). Но въ короткій срокъ нельзя было добиться многаго этою даже мѣрою, особенно при обиліи другихъ дѣлъ; преемники же Петра, обладавшіе меньшими си-

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160.

[2]) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 80 и 81.

Библиотека "Руниверс"

лами, поглощенные, какъ мы видѣли, мелкою злобою дня, не возобновляли его требованій и ограничивались только дипломатическими представленіями, къ которымъ польскіе сеймы относились вполнѣ равнодушно.

Иначе рѣшилась поставить вопросъ о диссидентахъ Екатерина II, сперва имѣя въ виду только исполненіе завѣщаннаго ей исторической традиціей. „Въ защитѣ православныхъ въ Польшѣ, читаемъ мы у Соловьева, была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая черезъ него, такъ сказать, вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма“ [1]). Сама императрица такъ высказалась по поводу диссидентскаго дѣла въ рескриптѣ, данномъ посламъ въ Польшѣ, Кейзерлингу и Репнину, 5 апр. 1764 г., т. е. тотчасъ послѣ смерти Августа III, въ періодъ междуцарствія: „Излишне описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенныя епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ, такъ сказать, изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдываютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160—161.

Библиотека "Руниверс"

междуцарствія случай не упустить втунѣ, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обоимъ общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы, какъ собственные наши единовѣрцы, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 г., во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства охранены и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были". Затѣмъ 17 октября того же 1764 года Екатерина писала Репнину: „мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; *моя слава* заинтересована въ обоихъ, *помните это*, оба дѣла въ вашихъ рукахъ, дѣйствуйте согласно съ указами и инструкціями". И такое настроеніе императрицы не проходило и въ слѣдующіе затѣмъ годы. Послѣ неудачи диссидентскаго дѣла на сеймѣ 1766 г. она вновь писала Репнину: „достоинство наше и истинные ввѣренной намъ отъ Бога имперіи интересы требуютъ привести единожды къ желаемому окончанію толь явно и торжественно начатое дѣло [1]).

Очевидно, такимъ образомъ, что Екатерина II, руководимая мыслью о славѣ и популярности, считала нужнымъ не останавливаться ни передъ какими средствами для достиженія успѣха по диссидентскому дѣлу, переданному ей исторической традиціей. При такомъ образѣ дѣйствій русскаго правительства и при постановкѣ вышеотмѣченныхъ цѣлей, естественно, всякое сочувствіе Россіи было обезпечено со стороны угнетенныхъ диссидентовъ и особенно со стороны диссидентовъ православныхъ: желанія ихъ совпадали съ желаніями императрицы Екатерины.

Но энергичность мѣръ, какія, на основаніи приведенныхъ указаній императрицы, должны были быть приняты въ Польшѣ княземъ Репнинымъ для оказанія вліянія на польскій сеймъ,

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

была обусловлена еще и цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ и прежде всего, конечно, желаніемъ Панина ввести Польшу въ число державъ которыя должны были пристать по его проекту къ задуманному имъ „сѣверному аккорту“. Это то послѣднее желаніе вице-канцлера по необходимости, какъ увидимъ, должно было нѣсколько видоизмѣнить и характеръ требованій русскаго правительства относительно диссидентовъ да и вообще отношенія его къ польскому правительству.

Такъ какъ прежде всего сѣверный аккортъ, какъ и всякій международный союзъ, предполагался быть вѣчнымъ и непоколебимымъ, то, понятное дѣло, и существованіе всѣхъ государствъ, въ него вступавшихъ, а въ томъ числѣ и Польши, предполагалось вѣчнымъ и непоколебимымъ. Сочлены союза должны бы были поэтому отрѣшиться отъ удерживанія Рѣчи Посполитой на томъ гибельномъ пути, на какомъ она пребывала при сохраненіи не только *liberum veto*, которымъ пріостанавливалось рѣшеніе того или другаго вопроса на сеймѣ, но и при оставленіи *liberum rumpo*, санкціонировавшаго срываніе всего сейма, не исключая рѣшенныхъ уже на немъ единогласно дѣлъ. Другими словами, активнымъ членамъ „аккорта“ надо было думать не объ оставленіи Польши въ летаргическомъ состояніи, на чемъ особенно настаивалъ Фридрихъ II, а о превращеніи ея въ государство, могущее въ случаѣ надобности стать активнымъ союзникомъ. Панинъ полагалъ, что, допустивъ тамъ введеніе большаго порядка въ отправленіи правосудія и въ устройствѣ торговли и внутренней полиціи, а также дозволивъ увеличить численность войска хотя бы на 10,000 человѣкъ, указанная цѣль была бы достигнута. Въ частности, по отношенію къ Россіи Панинъ разсчитывалъ сдѣлать такимъ образомъ Полѣшу пригодною для того, чтобы она хотя бы отчасти могла возмѣстить, въ случаѣ войны съ Портою, потерю, которую Россія почувствуетъ, лишившись искренней помощи Австріи, приставшей къ бурбонскому союзу. Съ другой стороны ему казалось, что подобныя частичныя реформы не могли бы превратить Польшу въ государство, могущество котораго стало бы грознымъ для ея сосѣдей, такъ какъ послѣдніе своимъ согласнымъ и одинаковымъ образомъ дѣйствій въ отношеніи республ-

Библиотека "Руниверс"

лики всегда могли бы сохранить значительную долю участія въ управленіи ею[1]). Сама императрица Екатерина, склонявшаяся къ политическимъ воззрѣніямъ Панина, готова была уже дать согласіе на такое отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ Польши. Долго на нее не дѣйствовали никакія внушенія Фридриха II въ противоположномъ духѣ, тѣмъ болѣе, что своимъ согласіемъ на измѣненіе конституціи въ Польшѣ она могла бы привести въ искреннюю радость своего недавняго любимца, короля Станислава Понятовскаго, достигшаго своего высокаго положенія благодаря ей. Но тѣмъ не менѣе вскорѣ императрица взяла назадъ свое согласіе дозволить реформы въ Польшѣ. Къ этому она была склонена Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, котораго назидалъ стоявшій не у дѣлъ канцлеръ Бестужевъ. Прусскій посолъ въ Петербургѣ, Сольмсъ, державшійся обыкновенно въ сторонѣ отъ Бестужева, по желанію Фридриха II, на время измѣнилъ свои отношенія къ прежнему дипломатическому свѣтилу—и добился относительно Польши того, чего желалъ король[2]).

Послѣ такого рѣшенія вопроса о реформахъ въ Польшѣ, конечно, русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, не могъ пропустить ни одной попытки со стороны поляковъ замѣнить единогласныя рѣшенія дѣлъ на сеймѣ рѣшеніями по большинству голосовъ, разъ только эти попытки касались чего-нибудь существеннаго. Такъ, когда Чарторыйскіе, дяди короля, на сеймѣ 1766 г. прочли проектъ относительно рѣшенія на сеймахъ финансовыхъ дѣлъ, причемъ въ проектѣ было сказано, что всѣ финансовыя дѣла должны всегда рѣшаться большинствомъ голосовъ, не исключая изъ финансовыхъ дѣлъ и наложенія новыхъ податей, то Репнинъ вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа заявилъ лично Чарторыйскимъ, что большинство голосовъ можетъ быть допущено только при распоряженіи опредѣленными уже доходами, а не при наложеніи новыхъ. Тогда же заявилъ онъ, что и изъ дѣлъ военной коммиссіи только текущія по управле-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXII. Дипломат. переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ.

[2]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

нію войскомъ могутъ быть рѣшаемы большинствомъ, но никакъ не вопросы объ увеличеніи войска [1]). Вообще такимъ образомъ Репнинымъ была подавлена всякая мысль о возможности сколько нибудь серьезнаго улучшенія польской конституціи.

Какъ ни тяжело было Панину, что не удалось придать „сѣверному аккорту“ in spe надлежащую округлость путемъ усиленія Польши, но все же онъ не отказался отъ мысли о союзѣ и рѣшилъ воспользоваться Польшей для цѣлей этого союза, хотя бы и въ томъ разслабленномъ видѣ, въ какой ее ввергло ея liberum rumpo. Онъ задумалъ только еще болѣе поднять значеніе Россіи въ Польшѣ для того, чтобы въ случаѣ надобности собрать разрозненныя силы ея и средства и двинуть ее туда, куда заблагоразсудитъ императрица. И вотъ тутъ-то удобнымъ средствомъ для достиженія подобной цѣли показался диссидентскій вопросъ. Панинъ счелъ нужнымъ при заявленіи полякамъ русскихъ требованій по этому вопросу наибольшее вниманіе обращать на возстановленіе гражданскихъ правъ диссидентовъ, какъ въ видѣ участія въ сеймахъ, такъ и въ видѣ занятія различныхъ должностей въ государствѣ,—сторона же чисто религіозная, защита диссидентовъ отъ притѣсненій католиковъ и уніатовъ, свободное заявленіе ими своихъ вѣрованій—все это хотя и не было вовсе стушевано, однако виднаго значенія въ препирательствахъ русскаго посла съ поляками не занимало; притомъ же на уступки русскому правительству въ дѣлѣ признанія свободы исповѣданій диссидентовъ склонялись, правда въ силу необходимости, самыя различныя партіи въ краѣ, на возвращеніе же гражданскихъ правъ диссидентамъ согласныхъ между поляками не находилось—и оттого дѣло требовало со стороны русскаго посла не только убѣжденій словомъ, но и угрозъ арестами депутатовъ, введенія въ частныя имѣнія непокорныхъ изъ нихъ русскихъ войскъ, вступившихъ въ край еще при избраніи Станислава Понятовскаго въ короли. Смыслъ такихъ настоятельныхъ домогательствъ русскаго правительства относительно гражданскихъ правъ диссидентовъ прекрасно въ

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 186, 187.

Библиотека "Руниверс"

Польшѣ понимали. Самъ король писалъ польскому послу въ Петербургѣ, Ржевусскому: „если Россія непремѣнно захочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то хотя бы ихъ было не много, 10 или 12, все же это будетъ 10 или 12 вождей законно существующей партіи, смотрящей на государство и правительство польское, какъ на врага, противъ котораго она должна необходимо и постоянно искать помощи извнѣ. Я знаю, что это дѣло можетъ мнѣ стоить короны и жизни, я это знаю, но повторяю, что не могу измѣнить отечеству“ [1]). У Екатерины, когда ей было пересказано мнѣніе Понятовскаго, нашлось, конечно, что ему возразить, но не въ духѣ ея возраженія въ то же время въ письмахъ къ Репнину высказывался Панинъ. Императрица велѣла отвѣчать Станиславу Августу, что она рѣшительно не понимаетъ, какимъ это образомъ диссиденты, допущенные къ законодательной дѣятельности, будутъ вслѣдствіе этого болѣе враждебно относиться къ государству и правительству польскому, чѣмъ относятся теперь; не понимаетъ она и того, какимъ образомъ король считаетъ себя измѣнникомъ отечеству за то, чего требуетъ справедливость, что составитъ его славу и твердое благо государства [2]). Между тѣмъ Панинъ, ни на мгновеніе не забывавшій „сѣвернаго аккорта“, совершенно иначе опредѣлялъ, чего онъ ждетъ отъ предоставленія гражданскихъ правъ диссидентамъ въ Польшѣ. Настаивая на мысли, что, благодаря ихъ присутствію въ сеймѣ, Россія всегда будетъ имѣть въ Польшѣ извѣстное число голосовъ за собою при отстаиваніи своихъ интересовъ, онъ въ то же время не рекомендовалъ Репнину ставить ихъ въ положеніе вполнѣ независимое и мотивировалъ такое свое желаніе тѣмъ, что „при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа“, усилятся частые и безъ того побѣги изъ пограничныхъ провинцій нашихъ, да и вообще тѣмъ, что тогда можно будетъ опасаться на счетъ этихъ провинцій, „сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа“. Мысли эти высказаны Панинымъ такъ рельефно въ его письмѣ, которымъ

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 181.

[2]) Ibidem, стр. 182.

Библиотека "Руниверс"

опредѣлялась непосредственно вся дѣятельность русскаго посла въ Польшѣ, и притомъ письмо это заключаетъ въ себѣ столько существеннаго по отношенію къ вопросу о религіозной свободѣ диссидентовъ, что для большей наглядности считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ. „Надобно совершить диссидентское дѣло, читаемъ въ этомъ письмѣ защитника „сѣвернаго аккорта", не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ посредствомъ нашихъ единовѣрцевъ и протестантовъ однажды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ, не по одному теперь испрашиваемому республикой ручательству ея императорскаго величества въ цѣлости конституціи польской, но и вслѣдствіе покровительства диссидентамъ, которое мы себѣ присваиваемъ на вѣчныя времена: какъ слабѣйшая часть въ будущемъ правительствѣ польскомъ, диссиденты будутъ имѣть возможность удерживаться въ немъ только съ нашею помощью. Протестантская религія, обуздывая суевѣрія и сокращая власть духовенства, легко можетъ излишнимъ своимъ въ Польшѣ распространеніемъ вывесть поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ они теперь большею частью погружены, и освобожденіемъ отъ невѣжества довести ихъ по ступенямъ до учрежденія новыхъ порядковъ, которые, сосредоточивая въ одно мѣсто всю внутреннюю польскую силу и приведя ее въ большую предъ нынѣшнимъ дѣйствительность, могли бы скоро обратиться въ предосужденіе Россіи, покровительницы протестантовъ въ настоящее время и главной соперницы въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнный вредъ, ни благодарность за одолженіе мѣста имѣть не могутъ. Относительно нашихъ единовѣрцевъ этого неудобства быть не можетъ; но съ другой стороны, излишне усиливая ихъ такъ, чтобы они сами собой независимо отъ насъ могли держаться въ республикѣ и раздѣлять ея правленіе, подвергаемъ мы себя неудобству въ разсужденіи и безъ того столь частыхъ и великихъ побѣговъ, которые тогда еще болѣе усилятся при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа; тогда можно будетъ

Библиотека "Руниверс"

опасаться и на счетъ нашихъ пограничныхъ провинцій, сходныхъ съ Польшею нравами и обычаями народа [1]).

Репнину, какъ извѣстно, не малыхъ хлопотъ стоило проведеніе этихъ требованій русскаго правительства. Кромѣ того, что ему приходилось считаться съ крайнимъ фанатизмомъ поляковъ, затрудненія его увеличивались еще положеніемъ православныхъ въ Рѣчи Посполитой. Представительство тамъ, какъ извѣстно, принадлежало одной шляхтѣ, а гоненія цѣлаго столѣтія или, вѣрнѣе, полутора столѣтія истребили православныхъ шляхтичей или оставили самыхъ бѣдныхъ и по воспитанію неспособныхъ занимать видныя мѣста. Всѣ диссиденты вообще подали Репнину даже просьбу не вводить ихъ въ правительственныя должности опредѣленнымъ числомъ, ибо они не въ состояніи будутъ выносить этихъ должностей, православное же шляхетство не могло выставить ни одного человѣка, котораго можно было бы назначить въ какую нибудь должность. „Я, писалъ Репнинъ, уже нѣсколько времени ищу и нарочныхъ разсылаю, чтобъ ко мнѣ привезли кого-нибудь хотя нѣсколько способнаго, но до сихъ поръ никого не нашелъ, ибо всѣ они сами землю пашутъ и безъ всякаго воспитанія.“ И вотъ Репнинъ оказывается въ нѣсколько комичномъ положеніи искателя людей шляхетскаго происхожденія, которые бы имѣли право воспользоваться гражданскими правами диссидентовъ, съ такимъ трудомъ отстаиваемыми русскимъ правительствомъ. Въ виду предположенія, что епископу бѣлорусскому даровано будетъ право участвовать въ сеймѣ, Репнинъ сталъ искать въ православныхъ монастыряхъ монаха шляхетской породы, котораго въ случаѣ успѣха въ дѣлѣ добыванія гражданскихъ правъ можно было бы возвести въ санъ бѣлорусскаго епископа вмѣсто не шляхтича Конисскаго. Сперва исканіе это шло по монастырямъ западной Руси, а потомъ, когда сказали Репнину, что шляхтичи Рѣчи Посполитой могутъ находиться въ монастыряхъ гетманщины и Слободской Украины, онъ и туда направилъ свои поиски [2]).

---

[1]) Ibidem, стр. 245—246.

[2]) Ibidem, т. XXVII, стр. 254.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1767 году гражданскія права диссидентамъ и религіозная свобода были наконецъ Репнинымъ добыты. На сеймѣ означеннаго года принятъ былъ между прочимъ актъ сепаратный, содержавшій въ себѣ вольности и преимущества грековъ орієнтальныхъ (т. е. уніатовъ), дизунитовъ (православныхъ) и иныхъ диссидентовъ. По этому акту вѣра католическая сохраняла титулъ *господствующей*; король и королева должны быть непремѣнно римскими католиками, переходъ отъ римско-католической церкви въ иную вѣру есть уголовное преступленіе; всѣ пункты противъ грековъ неунитовъ и диссидентовъ, находящіеся въ конфедераціяхъ и конституціяхъ, отвергаются; церкви греческія неунитскія и костелы диссидентскіе, кладбища, школы, госпитали и всякія строенія, церквамъ и духовенству принадлежащія, вольно чинить, а въ случаѣ обветшанія и пожара, вновь строить, не испрашивая позволенія, и отправлять въ тѣхъ церквяхъ богослуженіе съ публичными ходами, не дѣлая однако препятствія римскому богослуженію и процессіямъ. Епископъ мстиславскій, оршанскій, могилевскій, подъ именемъ епископа бѣлорусскаго, управляетъ своею епархіею, какъ римскіе епископы управляютъ своими—безъ всякаго препятствія. Неуниты и диссиденты имѣютъ право заводить типографіи и печатать въ нихъ богослужебныя книги, съ тѣмъ однако, чтобъ не печатали книгъ еретическихъ и въ спорныхъ пунктахъ язвительныхъ и остростью штиля наполненныхъ израженій оберегались. Браки между людьми разной вѣры позволяются; дѣти отъ такихъ браковъ—сыновья воспитываются въ вѣрѣ отцовской, а дочери въ материнской, но дворянству позволяется дѣлать по этому предмету договоръ передъ бракомъ. Греки неуниты и диссиденты не принуждаются къ празднованію католическихъ праздниковъ и къ участію въ католическихъ процессіяхъ. Всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранные у грековъ неунитовъ, должны быть имъ возвращены. Для суда въ обидахъ религіозныхъ учреждается обосторонній судъ изъ 17 лицъ: 8 свѣтскихъ римско-католической вѣры и 8 диссидентовъ или грековъ-неунитовъ, а 17-й епископъ бѣлорусскій. Такъ какъ равенство дворянское есть основаніе вольности польской и надежнѣйшее подкрѣпленіе правъ отечества, то гре-

Библиотека "Руниверс"

камъ-неунитамъ и диссидентамъ возвращаются всѣ давнія права и преимущества, объявляются они способными ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ сенаторскимъ и министерскимъ, урядамъ коронным и земскимъ, должностямъ трибунальскимъ и коммиссарскимъ, посольствамъ заграничнымъ и сеймовымъ, къ полученію награжденій отъ короля: однимъ словомъ возвращается грекамъ-неунитамъ и диссидентамъ совершенный активитетъ какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ; также вѣра не можетъ быть препятствіемъ людямъ неунитской и диссидентской религій къ пріобрѣтенію индигената и дворянства. И этотъ актъ, какъ и другія сеймовыя постановленія, былъ утвержденъ и подписанъ $^{13}/_{24}$ февраля уже 1768 года[1]).

Какъ видимъ, диссидентамъ, на основаніи этого постановленія, гражданскія права были возвращены въ довольно широкомъ объемѣ; религіозная свобода ихъ также возстановлялась, хотя хлопоты о ней, очевидно, велись только попутно и Репнинымъ, и Панинымъ. Оставалось, казалось бы, послѣ такихъ благихъ результатовъ почить дипломатамъ на лаврахъ близившагося, по ихъ предположенію, къ осуществленію желаннаго введенія въ „сѣверный аккортъ“ польской республики, обезвреженной для Россіи допущеніемъ къ ея законодательству, суду и администраціи православныхъ и иныхъ диссидентовъ. То обстоятельство, что означеннымъ допущеніемъ не могли воспользоваться даже немногіе диссиденты—на первыхъ порахъ ускользало изъ вида людей, занимавшихся бумажными комбинаціями.

Въ виду послѣдняго обстоятельства неудивительно, что всѣ такія легкія построенія сокрушались, по словамъ Соловьева, подъ тяжелыми стопами исторіи.

Панину и другимъ не только не довелось почить отъ дѣлъ послѣ проведенія на польскомъ сеймѣ льготъ для диссидентовъ, но пришлось даже принять участіе въ вершеніи дѣлъ, вовсе ими непредвидѣнныхъ и далеко неудобныхъ по тѣмъ qui pro quo, которыя изъ нихъ вытекали по крайней мѣрѣ для русскаго правительства.

---

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

Библиотека "Руниверс"

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Репнинъ извѣщалъ Панина о достигнутомъ успѣхѣ по диссидентскому дѣлу, въ постскриптумѣ стояло извѣщеніе о возникшей въ Барѣ враждебной королю конфедераціи, избравшей своимъ девизомъ „за вѣру и свободу“ и опредѣленно требовавшей уничтоженія недавняго постановленія сейма о диссидентахъ. Чрезъ нѣсколько же дней Репнинъ, вдумавшись въ дѣло, уже съ тревогой писалъ Панину: „трактатъ вновь заключенный и ручательство ея и. в., многимъ трудомъ россійской имперіи добытое, оставимъ ли мы теперь безъ дѣйствія, и не коснулось бы то до чести, достоинства и славы Россіи, если бы мы при самомъ заключеніи сего трактата смотрѣли спокойно на предпріятія, чинящіяся противъ всѣхъ сихъ нашихъ положеній“ [1]). О необходимости „разсыпать собирающуюся въ Барѣ тучу“ употребленіемъ на то стоящихъ въ Польшѣ войскъ твердилъ и Панинъ. Наконецъ и перепуганный конфедераціей польскій сенатъ 27 марта рѣшилъ просить всероссійскую императрицу, какъ поручительницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находящіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Послѣ этого войска русскія двинулись противъ конфедератовъ—но усмиреніе достигнуто было очень не скоро.

Къ неожиданному для Репнина и Панина бунту конфедератовъ-католиковъ, которыхъ надо было усмирять, чтобы поддержать въ цѣлости предполагаемую союзницу Россіи противъ Турціи,—Польшу, при столь деликатныхъ обстоятельствахъ для судьбы сѣвернаго аккорта, вдругъ присоединяется коліивщина. Извѣрившіеся въ силу польскихъ сеймовыхъ постановленій и даже мало ихъ знавшіе крестьяне Кіевщины открыто подняли знамя бунта, не разбирая разницы между барскими конфедератами и поляками, стоявшими за постановленія сейма и короля. Крайнія неистовства конфедератовъ надъ православными были тѣми искрами, которыя зажгли это пламя. Имѣя предъ собой это неожиданное проявленіе со стороны только что защищенныхъ „диссидентовъ“, Репнинъ приходилъ въ страшное негодованіе—

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

Библиотека "Руниверс"

и по мысли его Россія должна была усмирить и этихъ враговъ республики, тѣмъ болѣе, что своимъ бунтомъ какъ разъ послѣ установленія новаго закона по отношенію къ диссидентамъ они нѣкоторымъ образомъ дискредитировали его дѣло и шли путемъ очень прямымъ и нерекомендованнымъ къ защитѣ своихъ правъ. Отсюда-то и участіе русскихъ войскъ въ усмиреніи гайдамацкаго движенія 1768 года, несмотря на то, что „дѣло это имѣло видъ, по словамъ мемуариста Мощинскаго, какъ будто бы оно произошло по наущенію русскаго правительства“ [1]).

Такимъ то образомъ разъясняется поставленный нами въ началѣ главы вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII в. сочли нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищало не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ правительство Екатерины II.

Мы видимъ, что тогдашніе руководители русской политики разсматривали отношенія западно-русскаго населенія къ Рѣчи Посполитой сквозь призму теоріи „сѣвернаго аккорта“, при осуществленіи котораго диссиденты должны выступить не бунтовщиками противъ польскаго правительства, а дѣятелями въ легальныхъ условіяхъ государства, въ составъ котораго входили. Видимъ мы далѣе также и то, что даже въ 1768 году казалось возможнымъ Панину, Репнину и др. ради всякихъ цѣлей поддерживать Польшу, какъ государство, что мысль о раздѣлѣ ея вовсе не была еще формулирована и не обрѣла надлежащей конкретности. При такихъ же условіяхъ у названныхъ дѣятелей не могли вызывать сочувствія стремленія коліевъ, ненавидѣвшихъ Польшу и думавшихъ, если не о ея разгромленіи, то, по крайней мѣрѣ, о вызволеніи себя и своего края изъ ея государственныхъ рамокъ.

Уяснивъ такимъ образомъ взгляды, которыми руководились русскіе дѣятели въ Петербургѣ и Варшавѣ по отношенію къ диссидентамъ и коліивщинѣ, мы должны отмѣтить еще отношеніе

[1]) Adam Moszczinski. Pamiętnik, стр. 135.

Библиотека "Руниверс"

къ тому же другихъ русскихъ людей, которымъ по ихъ положенію пришлось столкнуться съ коліями въ непосредственной близи, и прежде всего намъ важно отмѣтить отношеніе къ коліивщинѣ графа П. А. Румянцева, малороссійскаго генералъ-губернатора и президента малороссійской коллегіи.

Графу Румянцеву, какъ правителю лѣвобережной Украины и Запорожья, нельзя было остаться вполнѣ безразличнымъ къ происходившему въ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ, тѣмъ больше, что въ значительной части провинціи эти въ церковномъ отношеніи были подвѣдомственны переяславскому епископу, съ которымъ имѣли непрестанныя сношенія. Сноситься по дѣламъ вѣры православному населенію Кіевщины съ ихъ духовнымъ пастыремъ Румянцевъ не имѣлъ основаній препятствовать, даже въ годы усиленнаго преслѣдованія такихъ сношеній уніатскимъ митрополитомъ Володкевичемъ и его офиціалами, Мокрицкимъ и др. Не считалъ генералъ-губернаторъ нужнымъ въ чемъ бы то ни было мѣшать и игумену Матронинскаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому (русскому подданному) быть дѣятельнымъ правителемъ украинскихъ православныхъ церквей и даже возстановителемъ тамъ православія. Но вотъ буря коліивщины охватила Украину и Румянцеву пришлось прежде всего столкнуться съ польскими панами, бѣжавшими на лѣвый берегъ Днѣпра отъ преслѣдованій коліевъ. Румянцеву пришлось тогда дать убѣжище этимъ людямъ, какъ подданнымъ сосѣдняго дружественнаго государства [1]). Но вскорѣ онъ былъ смущенъ слухами о царскомъ указѣ, на основаніи котораго будто бы коліи поднялись на защиту вѣры, и хотя онъ и отправилъ противъ гайдамакъ, дѣйствовавшихъ вблизи границы, командира карабинернаго полка, Протасьева, съ значительнымъ отрядомъ, но сомнѣвался въ соотвѣтствіи своего распоряженія съ волею императрицы, что и выразилъ въ особомъ донесеніи въ Петербургъ, прося разъясненій на счетъ слуховъ о царскомъ указѣ [2]). Когда же Екатерина издала свой манифестъ отъ 12 іюля 1768 г. въ

[1]) Переписка Румянцева. „К. Ст." 1882 г., кн. 9-я, стр. 539.

[2]) Ibidem, стр. 541.

Библиотека "Руниверс"

опроверженіе мнимой царской или золотой грамоты, сомнѣнія Румянцева окончились. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ уже нужнымъ дозволить подвѣдомственному ему карабинерному полку дѣйствовать не только на границѣ, но и далеко отъ послѣдней уже въ цѣляхъ усмиренія бунта въ чужой странѣ. Но это послѣднее могло быть допущено Румянцевымъ, очевидно, только въ силу особыхъ инструкцій изъ Петербурга. Тѣ или другія мѣры Румянцевъ, какъ видимъ, принималъ, или сообразуясь съ общимъ смысломъ полученныхъ имъ полномочій, или по непосредственнымъ указаніямъ изъ Петербурга. Самостоятельнаго взгляда на все дѣло движенія въ Украинѣ онъ не высказывалъ да, быть можетъ, и не имѣлъ. Только послѣ того, какъ ради смотра подвѣдомственныхъ ему войскъ онъ побывалъ въ Переяславѣ и свидѣлся тамъ съ епископомъ Гервасіемъ Линцевскимъ и съ игуменомъ Мельхиседекомъ Значко-Яворскимъ, а сверхъ того, когда онъ ближе ознакомился и съ гайдамацкимъ движеніемъ, онъ рѣшился высказать Панину свои воззрѣнія на все дѣло усмиренія коліевъ. Въ письмѣ своемъ къ вице-канцлеру онъ между прочимъ писалъ: „Опубликованный манифестъ (9 іюля 1768) хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, и жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ сихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію (православію), если отнять ихъ въ томъ свободу и, удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому жъ, что и были, то я ваше сіятельство предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ.... Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію законные, подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ уже тайную молву, будучи въ Переяславѣ,

Библиотека "Руниверс"

въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ“ [1]).

Конечно, такой взглядъ на дѣло не могъ вызвать сочувствія Панина, проникнутаго идеями европейскаго равновѣсія и въ частности идеей сѣвернаго аккорта. Отвѣтъ Панина на приведенное письмо Румянцева не дошелъ до насъ, но изъ слѣдовавшаго за нимъ новаго письма Румянцева мы видимъ, что вице-канцлеръ раскрылъ предъ Румянцевымъ всю ширь своихъ идей, которымъ послѣдній обязательно долженъ былъ подчиниться. „Ваше сіятельство, писалъ Румянцевъ, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столько же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, онымъ слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія“. Отъ высказаннаго же раньше мнѣнія своего Румянцевъ безъ затрудненія отдѣлался нѣсколькими словами. „Изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ“ [2]).

Склониться впрочемъ къ образу дѣйствій, вытекавшему изъ идей Панина, было тѣмъ легче для Румянцева, что съ главными силами гайдамакъ къ тому времени было уже покончено и исправить дѣла прекращеніемъ преслѣдованія остатковъ уже было нельзя. Что же касается до наказаній, опредѣлявшихся тѣмъ гайдамакамъ, которые, какъ русскіе подданные, были судимы въ Кіевѣ, то наказанія эти, особенно сравнительно

---

[1]) Переписка Румянцева. „К. Стар.“, 1882 г., кн. 10, стр. 112.

[2]) Ibidem, стр. 116.

Библиотека "Руниверс"

съ наказаніями, выпадавшими на долю гайдамакъ польскаго подданства, были по тому времени довольно умѣрены. Въ указѣ отъ 24 іюля 1768 г., присланномъ и Румянцеву, и въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, читаемъ: „I. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми (въ началѣ указа) запорожцами[1]) надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ. II. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,—ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противъ войскъ ея императорскаго величества, не могутъ, конечно, оправдаться ни въ бунтовничьемъ супротивленіи волѣ и оружію ея величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы. III. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы“ [2]).

Изъ Кодненской книги видно, что далеко не всѣ захваченные русскими войсками, даже съ оружіемъ, подвергались клейменію, вырыванію ноздрей, ссылкѣ и проч. Выше нами уже приведены показанія Олексы Яхименка и Осипа Мытинскаго, взятыхъ въ плѣнъ полковникомъ Протасьевымъ послѣ дѣлъ подъ Богуславомъ и Блощинцами. Въ показаніяхъ этихъ значится, что изъ 500 человѣкъ, уведенныхъ тогда въ Кіевъ, только немногихъ „покнутовали“ и „пошарпавши имъ носы“, отправили въ ссылку, большинство же послѣ годоваго заключенія было отпущено назадъ въ Украину, особенно же если это были не русскіе подданные. Относительно именно такого образа дѣйствій по отношенію къ послѣднимъ гр. Румянцевъ писалъ переяславской кан-

---

[1]) Гайдамакъ смѣшивали съ запорожцами.

[2]) Матеріалы для исторіи коліивщины, Н. И. Костомарова. „Кіев. Стар.“, кн. 8-я, стр. 320 (1882 г.).

Библиотека "Руниверс"

целяріи слѣдующее отъ 27 сент. 1768 года: „Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцелярiи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канцелярія имѣетъ нынѣ *освободивъ отправить въ ихъ домы*, но со взятіемъ однакожъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобы ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія на сей случай дать имъ имѣетъ урядовое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности: *инако же своею мстительностью противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ въ сей надеждѣ приступлено*[1]).

Слишкомъ откровенно, конечно, выступаетъ мотивъ приведенной мѣры—желаніе вернуть польскимъ помѣщикамъ Украины утраченныхъ ими рабочихъ и слишкомъ мало, конечно, сдѣлано для охраны отъ истязаній раскаявшихся крестьянъ ихъ помѣщиками. Неудивительно поэтому, что при возвращеніи на Украину бывшіе плѣнные всячески скрывали свою прикосновенность къ бунту, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, не разъ нами помянутый Іосифъ Мытинскій, но это не всегда удавалось и тогда прощеннымъ въ Кіевѣ приходилось идти искупать свои вины въ ужасной Коднѣ.

Въ виду этого можно, кажется, утверждать, что Румянцевъ не проявлялъ большой заботы объ облегченіи участи коліевъ, смыслъ возстанія которыхъ онъ, какъ мы видѣли, такъ прекрасно уразумѣлъ. Уклоненіе отъ суровыхъ мѣръ въ данномъ случаѣ у него было такое же, какъ и у начальниковъ разныхъ

---

[1]) Переписка гр. Румянцева, „К. Ст." 1882 г., кн. 10-я, стр. 117—118.

Библиотека "Руниверс"

русскихъ отрядовъ, разсѣянныхъ въ Польшѣ. Когда къ этимъ начальникамъ присылались на судъ тѣ или другіе изъ коліевъ, пойманныхъ польскими подъяздами, то они большею частью или освобождали схваченныхъ, какъ это было, напр., съ Мытинскимъ, или ограничивались какою-либо скоропалительностью, не влекшей за собой по тогдашнимъ нравамъ серьезныхъ послѣдствій. Генералъ, напр., стоявшій въ Тульчинѣ, когда привели къ нему, какъ русскаго подданнаго, Никиту Москаля,—прослушавъ о его нападеніи на с. Малинки и о его женитьбѣ на панночкѣ Грабовской, ограничился тѣмъ, что собственноручно три раза ударилъ его по лицу. „General, сказано въ документѣ, uderzył Moskalia w gembe razy trzy y na tym się zakonczilo“. Польскія власти однако этимъ не удовольствовались и оставили Москаля до лучшаго суда подъ арестомъ у себя [1]).

Въ концѣ концовъ, впрочемъ, Румянцевъ, увидѣвъ, что и послѣ подавленія главныхъ гайдамацкихъ силъ все таки оказывалось много плѣнныхъ коліевъ и что возвращать имъ всѣмъ призрачную волю при отсылкѣ помѣщикамъ ни къ чему не ведетъ, вошелъ съ предложеніемъ къ Панину употреблять излавливаемыхъ къ работамъ или разсылать ихъ въ гарнизоны во внутрь государства россійскаго, въ отдаленныя мѣста, „ибо въ Малороссіи употреблять ихъ непрочно“ [2]).

Отказавшись отъ самостоятельныхъ мнѣній о коліивщинѣ и дѣйствуя по указаніямъ Панина, Румянцевъ не съумѣлъ и защитить отъ отдачи подъ судъ переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго и игумена Матронинскаго монастыря Мельхиседека Значко-Яворскаго, пребывавшаго съ іюля 1766 г. не въ названномъ монастырѣ, а въ Переяславѣ. Извѣстна многотрудная дѣятельность названныхъ лицъ по поддержанію православія въ Украинѣ, по возвращенію изъ уніи многихъ, обращенныхъ въ нее насильно—мірянъ и духовныхъ лицъ. Когда въ періодъ силы коліевъ множество поповъ стало изъ уніи переходить въ православіе, то это послужило поводомъ къ упрекамъ Мельхи-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 590.

[2]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., книга 9 и 10, стр. 269.

Библиотека "Руниверс"

седеку и Гервасію въ поддержаніи бунта и въ захватѣ уніатскихъ церквей. Упреки эти были дѣлаемы въ Варшавѣ Репнину, а онъ въ свою очередь, ради поддержанія акта о диссидентахъ, счелъ нужнымъ написать Панину о безправномъ будто бы захватѣ уніатскихъ приходовъ православными попами и о томъ, что Гервасій незаконно привлекаетъ къ себѣ массу уніатскихъ поповъ.

Когда обо всемъ этомъ свѣдалъ Румянцевъ, онъ, еще до уясненія ему Панинымъ общаго хода дипломатическихъ сношеній съ Польшей, счелъ своимъ долгомъ по поводу обвиненій архіерея Гервасія и игумена Мельхиседека отозваться такимъ образомъ: „....какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія[1]). Въ частности объ обвиненномъ Гервасіи Румянцевъ писалъ, что „сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія“. О Мельхиседекѣ же заявилъ, что подстрекателемъ коліевъ онъ не могъ быть уже потому, что оставилъ Матронинскій монастырь и поселился въ Переяславѣ еще въ маѣ 1766 г., управляя монастыремъ издали[2]).

Но послѣ возраженій Панина Румянцевъ отказался какъ отъ своего взгляда на колійщину, такъ и отъ защиты невинно обвиненныхъ Гервасія и Мельхиседека. „Я, писалъ онъ Панину, немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣ-

[1]) Переп. Румянцева. „К. Ст.“, 82 г., кн. 10 я, стр. 111.

[2]) Ibidem., стр. 114.

Библиотека "Руниверс"

нія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣктись можетъ, если ваше сіятельство изволите согласиться, чтобы ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать такъ, какъ и пришедшихъ назадъ выслать" [1]).

Утративъ такого защитника, какъ гр. Румянцевъ, Гервасій и Мельхиседекъ очутились въ крайней опасности подвергнуться осужденію за то, что могло быть неудобно только полякамъ,— за усердное поддержаніе православія въ украинской части переяславской епархіи. Репнину могло казаться особенно нелегальнымъ возвращеніе этими дѣятелями въ лоно православной церкви тѣхъ, что были католиками или уніатами въ моментъ утвержденія польскимъ сеймомъ 1767 г. названнаго выше сепаратнаго акта о диссидентахъ. Въ силу этого акта, несмотря на всѣ льготы, имъ обѣщанныя, именно не давалось дозволенія свободнаго перехода къ православію тѣмъ, которые *до* этого времени принуждены были насиліемъ къ уніи или католичеству [2]). Недовольство Репнина такими обращеніями не смягчалось, повидимому, даже тѣмъ, что всѣ или большая ихъ часть были сдѣланы до ратификаціи трактата, послѣдовавшей, какъ мы знаемъ, въ началѣ 1768 г. [3]). Между тѣмъ и архіерей Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ, дѣйствуя такимъ образомъ, никакъ не могли предположить, что идутъ врозь съ русскимъ посломъ. Имъ, не вѣдавшимъ широкихъ проектовъ „сѣвернаго аккорта" и проч., казалось необходимымъ въ виду усилившихся послѣ сейма 1767 г. преслѣдованій православныхъ на Украинѣ со стороны уніатовъ и католиковъ [4]) просить у Репнина еще и вооруженной защиты православному народу, и было имъ очень удивительно, когда и послѣ непосредственныхъ обращеній съ тѣми же просьбами въ Петербургъ, ожидаемыя военныя „команды" не являлись въ

[1]) Ibidem, стр. 117.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи. Ч. I. Т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXVI.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, стр. CC—CCII.

Библиотека "Руниверс"

Украинѣ [1]). Приписывая задержку въ вооруженной помощи случайностямъ, архіерей, когда въ началѣ мая 1768 г. крестьяне с. Жаботина, испуганные движеніемъ на нихъ лютыхъ конфедератовъ, обратились къ нему съ мольбою исходатайствовать имъ у русскихъ властей защиту, счелъ возможнымъ вновь обратиться за этой защитой, но уже не въ Петербургъ, а къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову, управлявшему небольшою частью нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границей польской Украины и Запорожья пикинерными и компанейскими полками и вѣдавшему всѣ пограничныя сношенія съ Польшей [2]). Считая дѣло, о которомъ приходилось просить, до очевидности подлежащимъ вниманію Ѳ. М. Воейкова, архіерей вновь былъ крайне изумленъ отвѣтомъ, какого требовалъ однако отъ отвѣчавшаго долгъ службы. „Хотя охотно,—значится между прочимъ въ письмѣ кіевскаго генералъ-губернатора архіерею,—желалъ бы я въ томъ (въ защитѣ жаботинцевъ) показать вашему преосвященству удовольствіе, но какъ обстоятельства сего дѣла принадлежатъ до разсмотрѣнія вышнихъ правительствъ, то вразсужденіи того за пристойно нахожу вашему преосвященству представить мой совѣтъ: не соизволите ль по сему дѣлу адресоваться по командѣ въ святѣйшій правительствующій синодъ или въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ“ [3]). Но вся очевидность прекраснодушія почтенныхъ пастырей за шумомъ дипломатіи не вызвала отчетливыхъ представленій у многихъ. Не мало содѣйствовало этому исключительное положеніе Матронинскаго монастыря, находившагося въ ихъ вѣдѣніи. Будучи до 1766 года резиденціей игумена Мельхиседека, состоявшаго по назначенію переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ церквей, монастырь этотъ въ періодъ гоненій на православныхъ не могъ не давать у себя пріюта православнымъ попамъ, лишеннымъ „презенты“ и вовсе изгнаннымъ уніатами изъ своихъ приходовъ.

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. III. №№ CIV и CVI актовъ.

[2]) Ibidem. № CXVI.

[3]) Ibidem. CXVII.

Библиотека "Руниверс"

Трудно было бы монастырской братіи затворять двери своей обители и запорожцамъ, нерѣдко являвшимся на Украину для свиданія съ близкими родичами; инокамъ не приходилось разбирать, какими политическими цѣлями могли руководиться приходившіе въ обитель, повидимому, ради религіозныхъ цѣлей; не во власти было братіи устранять и сговоры о защитѣ православія, какіе могли происходить и дѣйствительно иногда происходили между лишенными приходовъ іереями и запорожцами или выдававшими себя за запорожцевъ. Между тѣмъ польскія власти и уніатскіе офиціалы иначе смотрѣли на всѣ указанныя обстоятельства, обвиняя Матронинскаго игумена просто въ организаціи гайдамацкихъ сборищъ въ Матронинскомъ лѣсу, окружавшемъ монастырь, тѣмъ болѣе, что одинъ случай указанныхъ выше сговоровъ въ Матронинской обители, именно сговоръ въ началѣ 1767 года, сталъ даже извѣстенъ при разслѣдованіи дѣла священника Гавріила Царика, за православіе лишеннаго прихода и проживавшаго одно время въ Матронинской обители [1]). Репнину, которому доносили польскія власти обо всемъ происходившемъ въ Матронинской обители, казались простымъ отводомъ глазъ заявленія переяславскаго архіерея о несочувствіи насильственнымъ дѣйствіямъ гайдамакъ. Хотя разслѣдованія и обыски, произведенные „осмотрительно“ въ Матронинской обители по распоряженію Румянцева и Воейкова и въ іюнѣ 1768 г. [2]) и затѣмъ въ сентябрѣ того же года [3]) не дали никакихъ подтвержденій обвиненію, тѣмъ больше, что и сама обитель пострадала однажды отъ какихъ то невѣдомыхъ разбойниковъ, тѣмъ не менѣе все же дѣло названныхъ духовныхъ лицъ было доведено до суда. А разъ это случилось, то у обвинителей нашлась и такая улика противъ Гервасія, какъ погребеніе имъ при торжественной обстановкѣ въ переяславской каѳедральной церкви головы сожженнаго поляками и уніатами жителя мѣстечка Мліева Даніила Кушнира, который не хотѣлъ когда то отдать уніатамъ и ихъ свя-

---

[1]) А. Ю.-З. Рос., ч. I, т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXCI.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи. Ч. I, Т. III. №№ CXXVI и CXXVII.

[3]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 262.

Библиотека "Руниверс"

щенникамъ священной гробницы, хранившейся сперва въ мліевской церкви и спрятанной имъ Кушниромъ у себя [1]). Въ означенномъ религіозномъ торжествѣ усмотрѣна была поддержка людей, возстававшихъ противъ своихъ властей, а не желаніе поддержать падавшій духъ простыхъ немудреныхъ защитниковъ своей вѣры.

Судъ, конечно, не могъ повести къ признанію обвиненій, взведенныхъ на досточтимыхъ духовныхъ дѣятелей, но все же оба они—и игуменъ Мельхиседекъ, и архіерей Гервасій—были „пристойнымъ образомъ“ устранены—первый съ игуменства въ Матронинскомъ монастырѣ, а второй — отъ управленія переяславскою епархіею. Гервасій послѣ этого прожилъ нѣкоторое время на покоѣ въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1769 года, Мельхиседекъ же сперва былъ игуменомъ въ переяславскомъ монастырѣ, потомъ въ кіевскомъ Выдубецкомъ, далѣе въ лубенскомъ Мгарскомъ, гдѣ получилъ санъ архимандрита, и наконецъ въ глуховскомъ, причемъ одно время состоялъ Кіево-Софіевскимъ каѳедральнымъ намѣстникомъ (то же, что нынѣ каѳедральный протоіерей); умеръ онъ въ 1809 г. [2]). Удаленіе отъ мѣста кипучей дѣятельности, хотя бы даже „пристойнымъ образомъ“ для такихъ насадителей духовной нивы, каковы были архіерей Гервасій и игуменъ Мельхиседекъ, являлось тяжелымъ ударомъ судьбы.

Но если такъ трудно было избѣжать недоразумѣній высокопоставленнымъ духовнымъ дѣятелямъ Гервасію и Мельхиседеку, то для людей, вовсе лишенныхъ свѣдѣній о планахъ и намѣреніяхъ дипломатіи, а между тѣмъ стремившихся отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ вокругъ нихъ, почти немыслимо было при искренности душевной не впасть въ рядъ ошибокъ sui generis. И вотъ мы видимъ, что капитанъ русской службы Станкевичъ, состоявшій въ черномъ гусарскомъ полку, подъ предлогомъ вербовки въ гусары людей, набралъ въ Смѣлянщинѣ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. II. Акты CXII и CXIX.

[2]) А. Ю-З. Р. ч. I, т. III, №№ CLIX и CLX, а также въ т. II. Предисл. Ѳ. Г. Лебединцева, стр. CCVIII и № CLXX.

Библиотека "Руниверс"

отрядъ въ 1000 человѣкъ и сталъ дѣйствовать въ духѣ коліевъ недавней поры. Когда же противъ него былъ посланъ отрядъ поручика ямбургскаго полка Вепрейскаго, то на его выручку двинулась было очень значительная гайдамацкая ватага; только съ большимъ трудомъ удалось Вепрейскому захватить и самого Станкевича, и 200 человѣкъ изъ его отряда [1]). Сочувствіе къ Станкевичу между бродившими вблизи границы гайдамаками было такъ велико, что кіевскій генералъ-губернаторъ торопилъ воинское начальство препроводить Станкевича подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кременчугъ изъ опасенія, чтобы не вздумали гайдамаки освободить изъ менѣе укрѣпленной Смѣлы столь важнаго преступника... [2]).

Не стремленіемъ-ли оказать поддержку боровшимся за православіе можетъ быть объясненъ и данный случай и случай съ оберъ-офицеромъ того же чернаго гусарскаго полка Марьяновичемъ, который также готовился стать въ ряды гайдамакъ, причемъ только неосторожнымъ письмомъ къ одному изъ гайдамацкихъ ватажковъ разоблачилъ случайно свои планы двинуться съ гайдамаками къ Могилеву на Днѣстрѣ? Не будь ватажокъ, къ которому онъ писалъ, убитъ въ одной изъ стычекъ съ русскими войсками и не попадись найденное при немъ письмо Марьяновича въ руки русскихъ властей, быть можетъ, послѣдній съигралъ бы ту же роль, что и Станкевичъ.

Наконецъ, не тѣмъ ли же стремленіемъ помочь коліямъ отстоять отъ поляковъ свою вѣру могутъ быть объяснены и частыя удаленія въ ряды бунтовавшихъ русскихъ солдатъ? При этомъ поражаетъ тотъ фактъ, что уходившихъ въ гайдамаки солдатъ бывало очень много, такъ что изъ нихъ исключительно составлялись цѣлыя ватаги. Въ письмѣ къ Панину отъ 19 октября уже 1770 г. Румянцевъ писалъ объ этомъ такъ: „изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи изъ са-

---

[1]) Переписка Румянцева. К. Ст. 1883 г., книжки 9 и 10, стр. 266.

[2]) Матеріалы для исторіи коліивщины, Костомарова. Кіев. Ст. 1882 г., книга 8-я стр. 321.

Библиотека "Руниверс"

михъ нашихъ войскъ на Побережьѣ (?) польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самого непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ вездѣ пройтить могутъ и разорять..." [1]).

Но если планы Панина о „сѣверномъ аккортѣ," съ которыми были сопряжены и мысли о поддержаніи Польши, оказались причиной невзгодъ для многихъ русскихъ людей, иначе, чѣмъ Панинъ, понимавшихъ отношенія свои и къ Полыпѣ, и къ ея православному южно-русскому населенію, то не привели они къ удачѣ и въ широкой сферѣ международныхъ отношеній. Турція не думала, конечно, дожидаться, пока изъ Польши, поддержанной и укрѣпленной, Панинъ создастъ надежную союзницу Россіи, и, сочтя гайдамакъ Желѣзняка, налетѣвшихъ въ іюнѣ 1768 г. на Балту и ограбившихъ турецкихъ подданныхъ, за людей, поддерживаемыхъ Россіей, посадила русскаго посла при своемъ дворѣ, Обрѣзкова, въ семибашенный замокъ и тѣмъ объявила Россіи войну, которою давно грозила, боясь захвата ею безсильной Польши.

Я. Шульгинъ.

[1]) Переписка Румянцева, К. Ст. 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 778.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

Часть третья.

Вѣрный союзникъ.

ГЛАВА I.

СБОРЫ ВЪ ПОХОДЪ.

Полковники Носачъ и Пушкарь медленно возвращались на Украйну и, переправившись черезъ Днѣстръ, остановились отдохнуть въ небольшомъ хуторѣ у знакомаго корчмаря. Они попивали горѣлку и собирались уже ложиться спать, какъ въ ворота корчмы раздался стукъ.

— Гей, отворяй! громко крикнули за воротами.

— Кто тамъ? спросилъ корчмарь.

Ворота отворились сами подъ напоромъ толчковъ, и нетерпѣливые гости въѣхали во дворъ, бросили поводья на руки хозяина и вошли въ корчму.

Козаки подошли къ окну и внимательно всматривались во вновь прибывшихъ.

— Гдѣ-то я этихъ пановъ видѣлъ, сказалъ Носачъ, припоминая.

[1)] См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г. № 7.

Библиотека "Руниверс"

А я знаю, гдѣ мы ихъ видѣли, отвѣтилъ Пушкарь. Мы ихъ видѣли въ Яссахъ, въ замкѣ, у господаря.

Незнакомцы, между тѣмъ, вошли въ смежную комнату, отдѣлявшуюся перегородкой, и спросили себѣ пива.

Оба полковника молча покуривали свои люльки и, переглядываясь, слушали болтовню прибывшихъ съ корчмаремъ.

— А что, шинкарь, неспокойно здѣсь у васъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— У насъ-то, пане, еще ничего, жить можно, отвѣчалъ тотъ. А вотъ дальше у Каменца, не приведи Богъ, что дѣлается.

— Слышишь, панъ Кутнарскій! обратился спрашивавшій къ своему товарищу.

— А развѣ панамъ нужно до Каменца? спросилъ шинкарь.

— Намъ надо видѣть пана короннаго гетмана, съ важностью проговорилъ Кутнарскій. Если онъ въ Каменцѣ, то и намъ надо туда.

Полковники значительно переглянулись между собою.

— А сильно шалятъ тамъ козаки? продолжалъ допрашивать Доброшевскій.

— Шалили, пане, да теперь ихъ коронный гетманъ скрутилъ. Кого на колъ посадили, кому уши да носы пообрѣзали: вотъ и стало потише.

— Это хорошо! это очень хорошо! замѣтилъ панъ.

— А издалека паны ѣдутъ? освѣдомился корчмарь.

— Издалека, неохотно проговорилъ Кутнарскій.

Разговоръ оборвался. Корчмарь скользнулъ за дверь.

— Панъ Доброшевскій, гдѣ письмо господаря? спросилъ Кутнарскій.

— Здѣсь! отвѣчалъ тотъ, вытаскивая пакетъ изъ-за пазухи.

— Слѣдуетъ зашить его въ шапку; мы теперь на непріятельской землѣ. Есть у пана игла?

— Есть.

— Ну, такъ пусть панъ сдѣлаетъ изъ нея должное употребленіе.

— А что? не говорилъ я пану, прибавилъ Кутнарскій, что наше путешествіе удастся какъ нельзя лучше; хлопы усмирены

Библиотека "Руниверс"

и ни одна шельма не осмѣлится напасть на насъ съ паномъ. Панъ гетманъ сидитъ въ своемъ Чигиринѣ и не чуетъ, что мы съ паномъ ѣдемъ къ его заклятому врагу. Пока онъ тамъ соберетъ своихъ воинственныхъ сватовъ, а мы обдѣлаемъ дѣльце. Такъ ли я говорю, пане?

Панъ Кутнарскій говорилъ вполголоса, но полковники отлично все слышали. По мѣрѣ того, какъ панъ Кутнарскій излагалъ свои планы, лица козаковъ становились сумрачнѣе, и когда разговоръ за перегородкой умолкъ, Носачъ тихо поднялся, вышелъ на цыпочкахъ, вызвавъ своего товарища.

— Слышалъ? многозначительно проговорилъ онъ.

— Слышалъ! флегматически отвѣчалъ Пушкарь.

— Треба намъ этихъ пановъ представить до батька, проговорилъ Носачъ.

Пушкарь прошелъ въ сарай, гдѣ корчмарь возился съ лошадьми и молча знаками велѣлъ ему слѣдовать за собой.

— Чего угодно панамъ полковникамъ? освѣдомился тотъ.

— Слушай, пріятель! тихо сказалъ ему Пушкарь. Мы ляжемъ на сѣновалѣ вмѣстѣ съ козаками, ты же позаботишься, чтобы хата, гдѣ ночуютъ паны, на ночь не запиралась; а самъ со своими домашними сгинешь и пропадешь на эту ночь. Понимаешь? За это получишь кошель злотыхъ.

Яцекъ покачалъ головою.

— Паны козаки затѣваютъ опасное дѣло. Какъ бы и мнѣ не пришлось отвѣчать за это? Послы ѣдутъ къ самому коронному гетману.

— А мы ѣдемъ къ самому гетману запорожскому, съ усмѣшкою отвѣчалъ полковникъ. Если тебѣ панъ коронный гетманъ милѣе, держись за него, попробуешь нагайки нашего гетмана.

Яцекъ поежился.

— Паны полковники не выдадутъ меня? спросилъ онъ.

— Какая намъ неволя тебя выдавать; намъ не до тебя, у насъ свои дѣла, съ усмѣшкой отвѣчалъ козакъ, только самъ не лѣзь и не попадайся на глаза, чтобы ни духу, ни слуху твоего не было сегодня ночью. Понялъ? спросилъ онъ его.

Библиотека "Руниверс"

— Понялъ! покорно отвѣчалъ Яцекъ, принимая отъ него кошель съ деньгами.

Притомившись съ дороги, паны крѣпко спали, какъ вдругъ пану Доброшевскому показалось, что его схватили нѣсколько паръ дюжихъ рукъ. Полагая, что онъ видитъ дурной сонъ, онъ пробормоталъ про себя какую то молитву, но кошмаръ не пропадалъ, напротивъ руки его еще сильнѣе сжали, онъ лежалъ какъ въ тискахъ, чувствуя, что его опутываютъ веревками.

— Панъ Кутнарскій! крикнулъ онъ, что было мочи. Въ тоже мгновеніе онъ почувствовалъ, что сильная рука схватила его за горло.

— Молчать, вражій сыне! крикнулъ грозный голосъ надъ самымъ его ухомъ.

— Матерь Божія, спаси и помилуй! мысленно проговорилъ Доброшевскій, не смѣя открыть рта.

Кутнарскій былъ ужъ притороченъ къ сѣдлу и находился въ полной увѣренности, что попалъ въ руки гайдамакамъ.

— Батько! мы тебѣ подарокъ привезли! весело сказалъ Носачъ, входя въ скромную хату гетмана.

Богданъ сурово взглянулъ на него.

— Что толку въ вашихъ подаркахъ, угрюмо отвѣчалъ онъ, когда вы дѣла не сдѣлали.

— Съ этимъ господаремъ каши не сваришь, возразилъ полковникъ. Онъ, какъ ужъ, скользитъ между пальцами; обѣщаетъ одно, а дѣлаетъ другое. Надо ему дать пороху понюхать, да козацкой сабли попробовать. А что онъ обманщикъ, на это у насъ есть доказательство: прихватили мы по дорогѣ двухъ плѣнниковъ. Вотъ прочти-ка грамотку, что они везли къ коронному гетману, да разспроси ихъ хорошенько.

Носачъ подалъ гетману толстый пакетъ съ большою восковою печатью, на ней красовалась бычачья голова—молдавскій гербъ.

По мѣрѣ того, какъ гетманъ читалъ грамоту, лицо его становилось грознѣе, наконецъ, въ гнѣвѣ онъ бросилъ бумагу на полъ.

Библиотека "Руниверс"

— Дерзкій обманщикъ! крикнулъ онъ. Я ему покажу, какъ предавать меня въ руки короннаго гетмана! Позвать пословъ! Я самъ допрошу ихъ, а потомъ велю казнить, пусть знаетъ Лупулъ, что не ждать ему отъ меня теперь ничего хорошаго.

Носачъ отдалъ приказаніе двумъ козакамъ, дежурившимъ у дверей, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату ввели дрожащихъ пановъ. Тимошъ вошелъ вслѣдъ за ними.

Начался допросъ. Панъ Кутнарскій подробно разсказалъ о возложенномъ на него порученіи, о пребываніи въ Яссахъ Дмитрія Вишневецкаго и о намѣреніи господаря отдать за него дочь.

— Ну, панове! съ усмѣшкою обратился Хмельницкій къ посламъ, выслушавъ ихъ, благодарю за сообщенныя свѣдѣнія, а теперь не угодно ли будетъ панамъ познакомиться съ палачемъ.

Паны упали въ ноги гетману.

— Пусть смилуется панъ гетманъ! мы не виноваты, мы послы, что приказано намъ передать, то мы и должны исполнить! въ страхѣ молилъ Кутнарскій, хватая гетмана за полы его кафтана.

— Татко! проговорилъ Тимошъ, подходя къ отцу, не надо ихъ казнить. Подержимъ ихъ у себя, чтобы они не ушли къ коронному гетману, а когда пойдемъ на Яссы, прихватимъ и ихъ съ собою, пусть ихъ идутъ тогда до дому; что намъ ихъ бояться?

— Твое дѣло, сынку! весело отвѣчалъ Богданъ. Дарю тебѣ ихъ съ руками и ногами, что хочешь, то съ ними и дѣлай.

Кутнарскій бросился благодарить Тимоша, а Доброшевскій проговорилъ своимъ обычнымъ гробовымъ голосомъ:

— Панъ Тимошъ можетъ всегда разсчитывать на меня, я никогда не забуду, что обязанъ ему жизнью.

Начались сборы въ походъ. Хмельницкій далъ знать татарамъ. Султанъ Калга велъ въ это время переговоры съ гетманомъ о войнѣ съ Москвою, и двадцать тысячъ татаръ стояли на границѣ Украйны, съ нетерпѣніемъ ожидая возможности двинуться въ походъ.

Библиотека "Руниверс"

Вечерѣло. Въ уютномъ чигиринскомъ домикѣ сидѣлъ Тимошъ съ высокимъ смуглымъ татариномъ въ богатомъ парчевомъ кафтанѣ и золотой тюбетейкѣ. Это и былъ султанъ Калга, прибывшій наканунѣ для окончательныхъ переговоровъ.

— Слушай, Тимошъ! говорилъ Калга. Ты знаешь, что собственно говоря я долженъ сердиться на тебя. Я принялъ тебя къ себѣ въ домъ, какъ роднаго, а ты сгубилъ Зелиму; она была мнѣ родною дочерью.

— Я ужъ говорилъ тебѣ, отвѣчалъ Тимошъ, что самъ въ этомъ раскаяваюсь. Она мнѣ часто грезится, и мнѣ становится страшно, когда я вспомню, какъ она на меня смотрѣла въ послѣдній разъ здѣсь, въ Чигиринѣ.

— И ты не видалъ ее послѣ того? спросилъ Калга.

— Ни разу! она какъ въ воду канула.

— Ну, что дѣлать! со вздохомъ проговорилъ султанъ. Я обѣщалъ твоему отцу сражаться съ тобою за твою невѣсту и сдержу свое слово, на все воля Аллаха. Моимъ воинамъ давно ужъ хочется захватить побольше добычи, а у господаря будетъ чѣмъ полакомиться; одного только боюсь, чтобы не досталось намъ за это отъ турецкаго султана. Ну, да можно будетъ какъ нибудь вывернуться, а добыча все таки останется нашею, только не раздумывайте долго, а скорѣе собирайтесь въ путь.

— Что тутъ раздумывать, весело отвѣчалъ Тимошъ: мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а козакамъ не долго собраться.

Въ это время козакъ отворилъ дверь и проговорилъ, обращаясь къ Тимошу:

— Тамъ какая-то козачка спрашиваетъ тебя, говоритъ по важному дѣлу.

— Зови сюда, безпечно отвѣчалъ Тимошъ и, обращаясь къ Калгѣ, прибавилъ: это должно быть къ отцу, онѣ каждый день его безпокоятъ просьбами; а отца нѣтъ, ко мнѣ идутъ.

При этихъ словахъ отворилась дверь, и высокая стройная козачка въ нерѣшительности остановилась у порога. Ея черный блестящій взоръ неподвижно впился въ лицо Калги и тотъ въ изумленіи вскочилъ съ лавки.

— Зелима! проговорилъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да, господинъ мой, въ волненіи проговорила женщина, падая въ ноги своему воспитателю. Бѣдная Зелима проситъ у тебя мщенія. Я услышала, что ты хочешь идти съ этимъ невѣрнымъ гяуромъ, хочешь помогать ему, хочешь женить его на красавицѣ-молдаванкѣ, я знала, что ты здѣсь, и пришла упасть къ ногамъ твоимъ; вспомни твою названную дочь, вспомни, что этотъ гяуръ погубилъ ее и отомсти за нее.

Она обняла ноги султана, но тотъ съ гнѣвомъ оттолкнулъ ее.

— У меня нѣтъ больше дочери! проговорилъ онъ: я врагъ твой, и отъ меня тебѣ нечего ждать защиты; ты обманула меня, убѣжала отъ меня, когда я хотѣлъ спасти тебя, отдать замужъ, мнѣ теперь нѣтъ до тебя дѣла.

Зелима встала съ сверкающими глазами и гордо выпрямилась.

— Такъ не будетъ же вамъ обоимъ удачи! быстро проговорила она. И не думай, обратилась она къ Тимошу, что сердце прекрасной молдаванки принадлежитъ тебѣ. Я была въ Яссахъ, я жила тамъ все время съ тѣхъ поръ, какъ ты оттуда уѣхалъ. Я видѣла твою красавицу съ другимъ гяуромъ, видѣла, какъ она улыбалась молодому поляку, и душа моя радовалась твоему несчастью. Чтожъ, поѣзжайте въ Яссы, берите ихъ силою, а все таки сердца княжны вамъ не завоевать; сердца гяурскихъ женщинъ измѣнчивы, онѣ цѣлуютъ одного, а думаютъ о другомъ. Иди, счастливый любовникъ! засмѣялась она звонкимъ, рѣзкимъ смѣхомъ: и сражайся за то, что тебѣ ужъ больше не принадлежитъ.

Тимошъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ схватить Зелиму за руку.

— Говори скорѣе всѣ, что знаешь! крикнулъ онъ ей.

Но Зелима быстро скрылась за дверь, а Калга удержалъ Тимоша, хотѣвшаго слѣдовать за нею.

— Оставь ее! сказалъ онъ ему: она совсѣмъ сошла съ ума и не знаетъ, что говоритъ.

— Я боюсь, что она права! отвѣчалъ Тимошъ. Плѣнные поляки тоже разсказывали про князя Дмитрія.

— Пустяки! проговорилъ Калга, махнувъ рукою. Дѣвичье сердце принадлежитъ побѣдителю. Мы разгромимъ Молдавію и заставимъ Василія отдать тебѣ его дочь, а когда она будетъ

Библиотека "Руниверс"

твоею, то ужъ ты самъ заставишь ее позабыть всѣхъ другихъ жениховъ.

Султану ужъ очень хотѣлось поскорѣе направить свои полчища на богатую страну, тѣмъ болѣе, что Москва ускользала изъ ихъ рукъ, а поляки оказывались ненадежными союзниками. За этими корыстолюбивыми цѣлями Зелима казалась ничтожною песчинкою, о ней не стоило и думать, ею можно было совершенно пренебречь. Хитрый султанъ такъ и сдѣлалъ.

— Ты храбрый воинъ, Тимошъ! проговорилъ онъ, обращаясь къ молодому козаку: я люблю тебя и съ тобою готовъ ядти куда угодно. Хоть законъ Магометовъ и не дозволяетъ намъ пить, но съ тобою я хочу на этотъ разъ согрѣшить и выпить походную чарку на побратимство. Мои татары не увидятъ, а твои козаки не осудятъ. Идетъ, что ли? весело проговорилъ онъ, протягивая Тимошу свою лѣвую руку.

Тимошъ въ честь новаго брата крѣпко ударилъ лѣвою ладонью о его ладонь, велѣлъ принести двѣ чарки горѣлки и выпилъ съ Калгою побратимскую черезъ руку, послѣ чего они помѣнялись саблями и конями.

— Теперь мы съ тобою все равно, что братья, проговорилъ Калга: куда ты, туда и я.

ГЛАВА II.

ГРОЗНЫЙ ЖЕНИХЪ.

Въ Молдавіи стояла прекрасная, благодатная осень. Поля дали такой урожай, какого жители давно не видали. Пшеница, кукуруза, ячмень ожидали жатвы; а въ ульяхъ было больше мѣры меду, и счастливые хозяева уже заранѣе видѣли всѣ подати уплаченными. Княжескія житницы, по разсчету великаго вистерника, должны были получить втрое большіе запасы сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, въ виду чего уже заранѣе вступили въ соглашеніе съ княжескими подрядчиками, скупавшими лишній хлѣбъ для вывоза за границу. Князю Василію это было на руку; онъ готовился къ свадьбѣ дочери съ княземъ

Библиотека "Руниверс"

Вишневецкимъ и посылалъ въ Турцію богатые подарки, чтобы добиться разрѣшенія на этотъ бракъ.

Вдругъ пронеслась грозная вѣсть, что татары подошли къ границѣ вмѣстѣ съ козаками.

Князь Василій сперва не повѣрилъ слуху; онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что послы его прибыли къ коронному гетману, и Потоцкій не допуститъ козаковъ напасть на Молдавію. Но разъ утромъ, когда онъ не собирался идти въ совѣтъ, къ нему вошелъ взволнованный Георгица.

— Ваша свѣтлость! проговорилъ великій логоѳетъ, позабывъ даже отвѣсить поклонъ, предписываемый этикетомъ; ваша свѣтлость, бѣда!

— Что такое? испуганно спросилъ князь, привставъ съ своего мѣста.

— Кутнарскій и Доброшевскій пріѣхали!

Князь посмотрѣлъ на своего логоѳета такъ, какъ смотрятъ на помѣшаннаго.

— Въ умѣ ли ты, Георгица? спросилъ онъ его укоризненно. Можно ли такъ пугать? Пріѣхали—такъ и слава Тебѣ Господи, значитъ все къ лучшему; коронный гетманъ охранитъ нашу границу.

Георгица съ растерянным видомъ отрицательно моталъ головою. Языкъ не повиновался ему, и онъ едва могъ проговорить:

— Не отъ короннаго гетмана! Нѣтъ, нѣтъ! Отъ козацкаго гетмана!

— Какъ, отъ козацкаго гетмана? воскликнулъ господарь, теряя обычное хладнокровіе. Какой дьяволъ занесъ ихъ къ козацкому гетману?

— Не дьяволъ, а сваты! отвѣтилъ логоѳетъ.

— Какіе сваты?

— Козаки, что были здѣсь отъ гетмана, продолжалъ Георгица, стараясь оправиться.

Василій быстро сообразилъ все положеніе дѣла.

— Зови ихъ скорѣе сюда! прибавилъ онъ: я самъ ихъ разспрошу обо всемъ.

Библиотека "Руниверс"

Панъ Кутнарскій вошелъ въ сопровожденіи своего мрачнаго друга. Онъ низко опустилъ голову и имѣлъ видъ провинившагося школьника.

— Разсказывайте скорѣе, что съ вами случилось! строго сказалъ господарь, уставивъ свой проницательный взоръ на съежившагося пана. Какъ вы попали къ козакамъ, и кто васъ просилъ тамъ разглашать мои намѣренія?

Послѣднее господарь прибавилъ наудачу, и отъ его пытливаго вниманія не скрылось смущеніе пана, какъ то сбоку взглянувшаго на него.

— Да проститъ его свѣтлость бѣднымъ слугамъ его! жалобно проговорилъ Кутнарскій. Но когда надъ головой стоитъ палачъ, тогда скажешь все. Притомъ письмо его свѣтлости у насъ отняли раньше.

Въ короткихъ словахъ онъ передалъ князю все, что съ ними случилось.

— Какъ же васъ отпустили? недовѣрчиво спросилъ Василій, окидывая пана подозрительнымъ взоромъ.

— Мы бѣжали, ваша свѣтлость, солгалъ Кутнарскій.

— Гдѣ же козаки? спрашивалъ господарь.

— Они собирались напасть на Сороку, когда мы ихъ оставили, т. е. когда намъ удалось бѣжать, поправился панъ.

Василій снова подозрительно взглянулъ на него.

— Я самъ виноватъ, проговорилъ князь, я долженъ былъ выбрать лучшихъ пословъ. Ступайте, остальныя свѣдѣнія отъ васъ отберетъ великій логоѳетъ, прибавилъ онъ.

Не отвѣчая на ихъ низкіе поклоны, Василій повелительно указалъ имъ на дверь.

— Говорилъ я пану, что не надо было сюда ѣхать, гробовымъ голосомъ съ укоризною причиталъ панъ Доброшевскій, слѣдуя за своимъ товарищемъ.—Панъ Тимошъ великодушный воинъ, ему и слѣдовало служить, а тутъ еще дождемся, что насъ, какъ кротовъ, пожгутъ вмѣстѣ съ этимъ волкомъ.

Кутнарскій со злостью обернулся къ нему.

— Ну и ступай панъ къ козаку, если онъ тебя такъ прельстилъ; а я не льщусь на хлопскія милости, во мнѣ шляхетская кровь.

Библиотека "Руниверс"

— Прельстилъ или не прельстилъ! угрюмо ворчалъ Доброшевскій: а все таки жизнь спасъ, и панъ Доброшевскій это помнитъ.

Князь Василій тотчасъ по уходѣ пановъ послалъ за великимъ постельничимъ и приказалъ ему немедленно отправить лучшаго скорохода въ Сороки, чтобы узнать, что тамъ дѣлается.

— Приказываю благородному моему боярину имѣть особо строгій надзоръ за обоими поляками, бѣжавшими изъ козацкаго лагеря, и въ случаѣ чего-либо подозрительнаго тотчасъ же дать мнѣ знать.

На женскую половину тоже дошли слухи о вторженіи козаковъ. Маріанка первая таинственно передала госпожѣ, что рыцарь—такъ она называла Тимоша—ѣдетъ воевать себѣ княжну. Локсандра пошла къ мачихѣ. Со времени сватовства Вишневецкаго между нею и мачихою установились самыя задушевныя отношенія. Господарша уже знала эту новость.

— Матушка! говорила Локсандра, неужели отецъ и теперь будетъ упорствовать? Неужели онъ навлечетъ бѣду на всю Молдавію?

— Что ему Молдавія? съ оттѣнкомъ презрѣнія проговорила господарша. Онъ честолюбецъ и за своимъ честолюбіемъ ничего не видитъ.

— Поговори съ нимъ, матушка! Онъ тебя послушаетъ, вкрадчиво проговорила Локсандра, ласкаясь къ мачихѣ.

— Развѣ я ему не говорила? возразила господарша. Развѣ я не умоляла его не слушать тѣхъ, кто давалъ ему совѣты на его же погибель? А теперь ужъ поздно: татаръ ничѣмъ не остановишь; они давно ждали случая поживиться въ Молдавіи.

Тѣмъ не менѣе, уступая настоятельной просьбѣ Локсандры, господарша пошла къ князю. Но дѣйствительно было поздно; на княжеской половинѣ господствовало смятеніе. Слуги бѣгали, кричали что-то другъ другу. Великій вистерникъ быстро прошелъ мимо княгини, даже не замѣтивъ ее; великій армазъ горячо о чемъ-то толковалъ съ ключаремъ и меченосцемъ. При входѣ

Библиотека "Руниверс"

въ княжескую комнату господарша встрѣтилась съ однимъ изъ чиновныхъ, спѣшившимъ куда-то, сломя голову.

— Что случилось? остановила его княгиня.

— Козаки, татары! отвѣчалъ онъ поспѣшно и побѣжалъ дальше.

Господарша застала мужа въ какомъ то оцѣпенѣніи. На ея разспросы онъ едва отвѣтилъ ей, что козаки и татары подступаютъ къ Яссамъ. Всѣ окрестности въ ужасѣ, все предано огню; отъ Сороки остался одинъ только пепелъ; татары рѣжутъ и грабятъ немилосердно, не жалѣютъ ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ.

— Развѣ нельзя обороняться? спросила господарша.

— Ихъ больше сорока тысячъ, отвѣчалъ князь, а намъ не собрать и десяти. Я уже послалъ гонца къ Потоцкому, а пока надо бѣжать, спасаться, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Нѣсколько дней прошло въ тревожномъ ожиданіи; всякій заботился о себѣ, всякій пряталъ свои сокровища, деньги, имущество. Господарь впалъ въ полное уныніе, не отвѣчалъ на вопросы придворныхъ и мрачный сидѣлъ у себя въ комнатѣ, оживляясь только тогда, когда рѣчь заходила о его несмѣтныхъ богатствахъ, которыя онъ разсылалъ повсюду въ надежные и укромные уголки. Зато господарша дѣятельно готовилась встрѣтить ожидаемое нападеніе. Она ободряла придворныхъ, распоряжалась всѣмъ и каждый день упрашивала князя уѣхать изъ Яссъ, чтобы не подвергнуться нападенію татаръ.

— Еще не все потеряно, говорила она, мы можемъ стянуть войско къ какому нибудь укрѣпленному городу и выждать помощи короннаго гетмана.

Но господарь медлилъ. Онъ видѣлъ сумрачныя лица бояръ и болѣе нападенія боялся измѣны съ ихъ стороны.

— Пока я здѣсь, въ столицѣ, я князь, говорилъ онъ, а стоитъ только мнѣ уѣхать отсюда, они выберутъ другаго.

На скорую руку городъ укрѣпили, какъ только можно; но всѣ прекрасно понимали что ни эти укрѣпленія, ни собранныя военныя силы не могутъ устоять передъ дружнымъ натискомъ врага. Каждый новый день приносилъ все болѣе тревожные

Библиотека "Руниверс"

слухи. Главныя силы татаръ и козаковъ двигались къ Яссамъ, не щадя ничего на пути: ни деревень, ни селъ, ни нивъ, ни пажитей. Отъ главнаго войска отдѣлилось множество мелкихъ летучихъ отрядовъ, наполнившихъ ужасомъ всю Молдавію.

Наконецъ татары и козаки подступили и къ самымъ Яссамъ. Имъ ничего не значило пробить стѣны, разрушить предмѣстья и зажечь городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Крики, смятеніе, безпорядокъ наполняли улицы, женщины съ отчаяніемъ бросались въ пламя, чтобы только не попасть въ руки татаръ. Мужчины защищались слабо, да и силы непріятелей въ нѣсколько разъ превышали молдавское войско.

— Бѣжать, бѣжать! пронеслось по княжескому дворцу.

Въ это трудное время, какъ изъ-подъ земли, явился Янкель съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ зналъ въ лѣсу прекрасное укромное убѣжище между скалъ, въ ущельѣ, куда никто не найдетъ дороги. Выбирать было некогда. Господарь, господарша, Локсандра, Георгица съ женою и еще нѣсколько придворныхъ послѣдовали за Янкелемъ. Искусно лавируя по переулкамъ и отдаленнымъ площадямъ, корчмарь провелъ своихъ высокопоставленныхъ спутниковъ къ подошвѣ скалы и спустился съ ними въ глубокое ущелье, гдѣ имъ пришлось пробираться въ полутьмѣ, скользить по мокрымъ камнямъ, спотыкаться о гнилые пни. Ущелье это привело ихъ къ небольшой котловинѣ, поросшей столѣтними буковыми деревьями и спрятанной среди высокихъ отвѣсныхъ скалъ. Въ котловину велъ одинъ только узкій проходъ, задрапированный густымъ кустарникомъ; въ этотъ проходъ можно было пролѣзать только по одному и то съ нѣкоторымъ трудомъ.

Семейство Янкеля приняло гостей, какъ умѣло. Проворная шинкарка приготовила скромный ужинъ; но до него никто не дотронулся, всѣ были слишкомъ взволнованы.

На небѣ горѣло громадное зарево пожара, и Василій со слезами на глазахъ воскликалъ:

— Яссы, Яссы мои! Что съ вами теперь будетъ?

Локсандра все время молча слѣдовала за отцемъ и матерью, она поблѣднѣла и похудѣла, глаза ея горѣли лихора-

Библиотека "Руниверс"

дочнымъ блескомъ, губы дрожали. Судорожно сжимая руки, она не рѣшалась заговорить съ отцомъ, а между тѣмъ она чувствовала, что говорить ей надо и именно теперь, когда еще можно остановить дальнѣйшее бѣдствіе.

Паны Кутнарскій и Доброшевскій тоже были здѣсь; пользуясь покровительствомъ Янкеля, они успѣли проскользнуть въ укромное убѣжище раньше всѣхъ другихъ и по ихъ совѣту Янкель осмѣлился предложить свои услуги князю и его семейству. Волненіе княжны не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ поляка; онъ читалъ все, что дѣлалось въ ея душѣ и, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, рѣшился дѣйствовать. Съ самымъ подобострастнымъ поклономъ онъ обратился къ Локсандрѣ.

— Да не пренебрежетъ прекрасная княжна совѣтомъ своего нижайшаго слуги, проговорилъ онъ вкрадчиво.

Локсандра недовѣрчиво подняла на него свои глаза.

— Одна княжна можетъ спасти всѣхъ, еще вкрадчивѣе продолжалъ Кутнарскій.

Локсандра молчала; но ея черные большіе глаза вопросительно остановились на лицѣ говорившаго.

— Княжнѣ стоитъ только повидать пана Тимоша, и храбрый рыцарь сложитъ оружіе къ ея ногамъ, полушепотомъ проговорилъ панъ, пытливо вглядываясь въ дѣвушку и желая уловить впечатлѣніе, произведенное его словами.

Локсандра вздрогнула и опустила глаза. Полякъ подсказалъ ей ея собственныя мысли, въ которыхъ она не смѣла дать себѣ отчета.

— Я устрою это, продолжалъ шептать панъ, если только ея свѣтлость согласна.

Локсандра подняла на него глаза.

— Это ни къ чему не приведетъ, тоскливо проговорила она. Если я и увижу его, что я ему скажу? Отецъ не согласится отдать меня ему, а безъ этого согласія всѣ мои просьбы не достигнутъ цѣли.

— Даю честное слово шляхтича, мы принудимъ князя измѣнить свое рѣшеніе. Княжна можетъ смѣло обѣщать это молодому льву; онъ только ей одной повѣритъ.

Библиотека "Руниверс"

Локсандра помолчала нѣсколько секундъ; ее, видимо, одолѣвало внутреннее волненіе, въ душѣ боролись любовь и чувство долга, боязнь отцовскаго гнѣва и въ тоже время широкой волной набѣгало какое-то непонятное чувство радости при одной мысли, что она можетъ увидѣть своего рыцаря.

— Я согласна! прошептала она чуть слышно.

Панъ Кутнарскій отвѣсилъ почтительнѣйшій поклонъ и отошелъ въ сторону.

ГЛАВА III.

СВИДАНІЕ.

Тимошъ печально сидѣлъ въ своей палаткѣ и задумчиво смотрѣлъ на заходившее солнце. Яссы горѣли уже третій день; трое сутокъ разсылалъ онъ пословъ по городу и окрестностямъ; но семьи господаря и слѣдъ простылъ. Никто ихъ не видалъ, никто ничего не зналъ объ нихъ; они бѣжали, скрылись, куда? неизвѣстно.

Вдругъ полы палатки поднялись, показалась голова Янкеля. Тимошъ тотчасъ узналъ его, хотя корчмарь сильно постарѣлъ, и рыжеватая бородка его совсѣмъ посѣдѣла.

— Янкель! проговорилъ онъ, вскакивая и невольно хватаясь за саблю.

Съ представленіемъ о корчмарѣ у него невольно возникало воспоминаніе о предательствѣ и плѣнѣ Ганжи и Смольчуга.

— Не безпокойтесь, ясновельможный панъ Тимошъ! проговорилъ Янкель, осторожно отступивъ назадъ.—Я съ добрыми вѣстями, меня прислала къ пану сама княжна.

— Локсандра? проговорилъ Тимошъ и просіялъ. Онъ готовъ былъ броситься къ жиду на шею и расцѣловать его.—Тебя послала Локсандра? Говори, говори скорѣй, гдѣ она? что съ ней?

— Княжна хочетъ видѣть ясновельможнаго пана.

— Сейчасъ! сейчасъ! я готовъ! проговорилъ Тимошъ, стягивая поясъ и хватаясь за шапку.

— Ясновельможный панъ будетъ терпѣливъ и подождетъ до ночи, вкрадчиво замѣтилъ Янкель и отвѣсилъ низкій поклонъ.

Библиотека "Руниверс"

Княжна будетъ ждать пана за городомъ у скалы, въ лѣсочкѣ, я проведу пана.

„А если это ловушка“? мелькнуло въ умѣ Тимоша. Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Янкеля.

Янкель понялъ его взглядъ и заторопился.

— Ахъ, ясновельможный пане, какъ это я забылъ! вѣдь у меня есть записка отъ княжны....

— Дуракъ! крикнулъ Тимошъ. Чтожъ ты тутъ болтаешь цѣлыхъ полчаса, давай скорѣй записку!..

Янкель вытащилъ обрывокъ толстой бумаги съ набросанными на немъ неясными дрожащими чертами.

„Мнѣ надо тебя видѣть, мой рыцарь, писала Локсандра; довѣрься Янкелю, онъ проведетъ тебя“.

Сомнѣнія Тимоша разсѣялись. Повернувшись спиной къ корчмарю, онъ крѣпко прижалъ бумажку къ груди и спряталъ ее въ складкахъ кафтана.

— Я буду ждать пана у городскаго вала, проговорилъ Янкель и скрылся.

Тимошъ чувствовалъ себя на верху блаженства, онъ ощущалъ потребность тотчасъ же подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ и поспѣшилъ къ Калгѣ.

Калга сидѣлъ на коврѣ, поджавши подъ себя ноги и важно диктовалъ что-то своему секретарю, помѣстившемуся тутъ-же у маленькой скамеечки, служившей столомъ. Длинная кость то и дѣло опускалась въ коричневатую жидкость и быстро скользила по толстому пергаменту, выводя причудливые знаки и фигуры. Калга заранѣе сочинялъ оправдательную грамоту падишаху, намѣреваясь ее послать прежде, чѣмъ прибудутъ въ Константинополь молдавскіе послы.

Тимошу пришлось обождать, такъ какъ его названный братъ не любилъ, чтобы его тревожили во время его занятій. Наконецъ грамота была окончена, скрѣплена печатью, секретарь собралъ свои письменныя принадлежности, трижды склонился до земли передъ своимъ властелиномъ и тихо удалился изъ шатра.

— Что скажешь, братъ мой? ласково обратился Калга къ Тимошу, протягивая ему руку и съ удивленіемъ всматриваясь

Библиотека "Руниверс"

въ его лицо.—Ты точно сейчасъ вышелъ изъ рая; какія гуріи приснились тебѣ?

— Локсандра, Локсандра нашлась! Назначила мнѣ свиданіе! съ торжествующимъ видомъ заявилъ Тимошъ.

Калга встрепенулся; онъ не столько заботился о Локсандрѣ, сколько о ея отцѣ; ему давно грезились его несмѣтныя сокровища, до которыхъ нельзя было добраться, не зная, гдѣ они спрятаны. По мѣрѣ того, какъ Тимошъ разсказывалъ, лицо татарина становилось все мрачнѣе и угрюмѣе.

— И ты вѣришь этому жиду съ его бумажкой? проговорилъ онъ наконецъ. Зачѣмъ ты не задержалъ его, онъ бы показалъ дорогу къ ихъ логовищу, ты бы взялъ свою невѣсту, а на мою долю пришлись бы господарь съ господаршей. Но это еще можно устроить, мы перехватимъ жида и нападемъ на слѣдъ.

— Нѣтъ, братику, это не идетъ, серьезно, но твердо заявилъ Тимошъ. Дѣвушка мнѣ довѣрилась, и я не могу съ нею поступить по предательски. Я увижусь съ ней такъ, какъ она этого желаетъ и не буду выслѣживать, куда скрылся ея отецъ.

— Ахъ, молодо-зелено! проговорилъ Калга. А если ты не увидишъ твоей дѣвушки, если тебя заманятъ, какъ барана, да и убьютъ гдѣ-нибудь за угломъ?

— Этого не можетъ быть, твердо отвѣчалъ Тимошъ, она сама написала мнѣ.

— Ее могли принудить, настаивалъ Калга.

— Не такая это дѣвушка, чтобы можно было ее принудить. И все равно, если бы даже ожидала меня смерть, я долженъ идти, долженъ послѣдовать ея зову.

— Я не пущу тебя одного, заявилъ Калга. Мы возьмемъ съ собою твоихъ полковниковъ и поѣдемъ вмѣстѣ.

— Я этого не хочу, я поѣду одинъ!

— Ну, это мы посмотримъ, загадочно проговорилъ Калга.

Тимошъ ушелъ къ себѣ въ палатку. Когда онъ выходилъ отъ Калги, ему показалось, что какая-то тѣнь скользнула за широкія складки палатки. Онъ обошелъ все кругомъ, но никого не нашелъ.

Библиотека "Руниверс"

Тимошъ въ тревогѣ дождался, пока всѣ заснули, осторожно вышелъ и ощупью сталъ пробираться по лагерю. Кое-гдѣ догорали еще огни костровъ, но козаки мирно спали, а на окрики часовыхъ онъ отвѣчалъ условнымъ лозунгомъ, причемъ стража почтительно разступалась, пропуская своего вождя. Кое-какъ по переулкамъ, придерживаясь извѣстнаго направленія, Тимошъ добрался до вала и хотѣлъ уже перелѣзать полуразрушенное укрѣпленіе, какъ изъ за груды камней высунулась голова Янкеля.

— Ясновельможный пане, не здѣсь, тутъ яма, пусть панъ возьметъ мою руку, я проведу его.

Тимошъ колебался. Дать руку жиду было противно козацкой чести. Онъ велѣлъ Янкелю идти впередъ и осторожно пошелъ за нимъ, ступая съ камня на камень, перепрыгивая черезъ ямы и бревна. Они выбрались за черту города, пошли по пустынной лощинѣ и завернули въ небольшую рощу, разстилавшуюся у подножія скалы въ полуверстѣ отъ городской стѣны.

Зарево пожаровъ, освѣщавшее Яссы, теперь потухло, такъ какъ нечему было больше горѣть. Городъ превратился въ груду развалинъ и только кое-гдѣ торчали одинокія каменныя зданія, почему-нибудь уцѣлѣвшія отъ пламени. Непроглядная тьма окутывала лѣсочекъ, шагахъ въ пяти уже ничего нельзя было различить; но Янкель искусно пробирался между деревьями и наконецъ остановился у журчавшаго ручейка, тихо проговоривъ:

— Здѣсь!

Привычный глазъ козака различилъ темную закутанную фигуру, поднявшуюся съ камня къ нему навстрѣчу.

— Локсандра! проговорилъ онъ.

Сердце его такъ стучало въ груди, что онъ самъ ясно слышалъ его удары.

Локсандра молчала; у нея духъ захватило отъ волненія, и только когда она почувствовала себя въ мощныхъ дорогихъ объятіяхъ, къ ней вернулся ея голосъ, она забыла все, и зачѣмъ пришла сюда, и о чемъ хотѣла просить Тимоша; она чувствовала только его близость и хотѣла, чтобы этотъ мигъ никогда не кончился.

Библиотека "Руниверс"

— Тимошъ, какъ я страдала безъ тебя! Какъ долго, долго я тебя не видѣла...

— А полякъ? спросилъ Тимошъ, недовѣрчиво глядя ей въ глаза.

— Полякъ? Какой полякъ? съ удивленіемъ переспросила Локсандра.

— Князь Вишневецкій, проговорилъ Тимошъ; онъ жилъ у васъ, ты гуляла съ нимъ вмѣстѣ, слушала его любезности; отецъ твой прочилъ его тебѣ въ мужья.

Локсандра вздохнула.

— Это правда, Тимошъ; отецъ хочетъ, чтобы я вышла за него замужъ; но я его никогда не буду любить такъ, какъ тебя.

— Я не отдамъ тебя никому! страстно проговорилъ Тимошъ. Я возьму тебя силой, хотя-бы для этого пришлось всѣхъ ихъ перебить.

Локсандра вздрогнула.

— Что ты говоришь, безумный? прошептала она. Я ни за что не стала бы женою того, кто убилъ бы моего отца, хотя бы для этого пришлось разорвать сердце въ клочки.

Слова Тимоша сразу воскресили въ памяти Локсандры все то, что она ему хотѣла сказать, зачѣмъ желала съ нимъ свидѣться.

— Слушай, Тимошъ! заговорила она, и голосъ ея зазвучалъ твердостью. Ты много сдѣлалъ зла моей родинѣ, ты сжегъ наши дорогія Яссы и заставилъ всѣхъ насъ провести ужасные часы, заставилъ насъ бѣжать изъ роднаго дома, и какъ нищихъ, скрываться въ лѣсу. Я должна бы возненавидѣть тебя; но я люблю тебя, люблю еще сильнѣе, еще крѣпче прежняго.... Умоляю тебя ради этой любви! Не истязай моего сердца, не заставляй его разрываться, при видѣ всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на мою родину. Я не могу не считать себя главною причиною всего, что случилось.... Подумай только, каково мнѣ смотрѣть, какъ горитъ родной городъ, какъ страдаютъ отецъ и мать.... Каково мнѣ слышать, сколько душъ загублено, сколько невинныхъ пострадало изъ-за меня....

Глухія рыданія прервали ея рѣчь.

Библиотека "Руниверс"

Тимошъ стоялъ съ опущенной головой, смущенный, какъ кающійся грѣшникъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе своей невѣстѣ.

Въ это время—изъ за деревьевъ быстро выдвинулась высокая тѣнь и съ крикомъ:

— Умри, ненавистная! кинулась къ княжнѣ.

Но слѣдомъ за нею показалась другая, молча выхватила изъ ея рукъ ножъ и, далеко отбросивъ его, крикнула Тимошу, заслонившему собою княжну:

— Иди сюда, держи ее, пока я ее свяжу!

Черезъ минуту всѣхъ ихъ окружила толпа татаръ, кто-то зажегъ факелъ, и при свѣтѣ его Тимошъ увидѣлъ Зелиму, вырывавшуюся изъ рукъ Калги.

Локсандра стояла въ оцѣпенѣніи и не могла произнести ни слова отъ страху. Лица татаръ, освѣщенныя факелами, женщина, хотѣвшая ее убить, все это казалось какимъ то кошмаромъ, тяжелымъ сномъ, отъ котораго она не могла проснуться. Зелиму связали, и Калга поручилъ двумъ татарамъ отвести ее въ лагерь.

Тимошъ подошелъ къ Локсандрѣ.

— Не бойся, княжна! успокаивалъ онъ ее: эти татары друзья мои. Слава Богу, что они спасли тебя отъ руки этой сумасшедшей.

Локсандра какъ то вдругъ сразу чутьемъ поняла все.

— Кто она? спросила она Тимоша.

Взоръ ея укоризненно остановился на немъ.

— Татарка, воспитанница султана Калги, проговорилъ Тимошъ смущенно и опустилъ глаза.

Локсандра ничего не сказала и молча пошла назадъ къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ ее Янкель.

— Я провожу тебя, княжна! нерѣшительно проговорилъ Тимошъ, сдѣлавъ два шага впередъ.

Она обернулась и холодно отвѣчала:

— Не надо!

Въ голосѣ слышалось столько гордости и оскорбленнаго самолюбія, что Тимошъ невольно остался прикованнымъ къ своему мѣсту и не послѣдовалъ за нею.

Библиотека "Руниверс"

На другой день панъ Кутнарскій просилъ аудіенціи у князя. Аудіенція состоялась въ сторонѣ отъ остальныхъ подъ высокими буками.

— Я осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе его свѣтлости всю невыгоду нашего положенія. Мы находимся, можно сказать, въ пасти у льва, и намъ некуда скрыться отъ его ярости....

— Это я самъ знаю, сурово отвѣчалъ князь, сдвинувъ брови и мрачно посматривая на поляка. Если панъ не имѣетъ намъ сказать чего нибудь болѣе утѣшительнаго, то не для чего было просить у насъ аудіенціи.

— Напротивъ, я разсчитываю изложить свои планы, если только дозволитъ мнѣ это его свѣтлость.

— Въ такомъ случаѣ пусть панъ предположитъ, что мы достаточно знакомы съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находимся, и прямо приступитъ къ своему изложенію.

— Я хотѣлъ высказать его свѣтлости, нисколько не смущаясь холоднымъ пріемомъ князя, началъ Кутнарскій, что въ данномъ случаѣ существуетъ только одинъ исходъ: слѣдуетъ уступить побѣдителю, хотя бы только временно, хотя бы только отвести ему глаза.

Лупулъ мрачно посмотрѣлъ на пана.

— Панъ хочетъ сказать, что намъ слѣдуетъ отдать дочь нашу этому дерзкому козаку?

— Я этого не говорю, возразилъ Кутнарскій: можно только пообѣщать ему княжну, дать только временное согласіе.

— Онъ этимъ не удовольствуется, замѣтилъ князь.

— О, тогда можно устроить обрученіе!

— Но татары не захотятъ вернуться безъ дани....

— Имъ можно заплатить.

Василій ничего не отвѣтилъ и приказалъ Кутнарскому пригласить всѣхъ здѣсь присутствующихъ приближенныхъ на совѣщаніе.

Въ котловинѣ подъ тѣнью вѣковыхъ буковъ состоялся семейный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ князя; на этотъ разъ въ немъ участвовала и княжна.

Библиотека "Руниверс"

— Дорогіе друзья мои! сказалъ господарь. Что дѣлать, какъ быть? Яссы погибли въ пламени, убѣжище наше не сегодня завтра откроютъ враги, а между тѣмъ исполнить требованіе побѣдителя значило бы навсегда породниться съ дерзкимъ, грубымъ дикаремъ и стать во враждебное отношеніе къ Польшѣ, а можетъ быть и къ великой Портѣ.

— Осмѣлюсь доложить вашей свѣтлости, замѣтилъ великій логоѳетъ, что въ данномъ случаѣ сами обстоятельства принуждаютъ васъ покориться....

— Если ты хочешь слушать моихъ совѣтовъ, прибавила господарша, поступи такъ, какъ я тебѣ давно совѣтовала, и ты не будешь раскаиваться.

— А что скажетъ на все это наша любезная дочь? обратился Василій къ Локсандрѣ.

Локсандра немного поблѣднѣла, глаза ея загадочно вспыхнули, и она отвѣчала съ замѣтнымъ волненіемъ·

— Я бы просила тебя отецъ, если можно, подождать съ твоимъ рѣшеніемъ. Сейчасъ, въ эту минуту я не могу дать согласія быть женою Тимоѳея Хмельницкаго.

Если бы Локсандра провалилась сквозь землю, она менѣе удивила—бы окружавшихъ ее, чѣмъ настоящимъ отвѣтомъ: Василій вскочилъ съ мѣста, Георгица какъ-то странно не то вздохнулъ, не то запыхтѣлъ, Кутнарскій вытаращилъ глаза, ничего не понимая, и даже ко всему всегда равнодушный Доброшевскій приподнялъ брови и уставился на княжну.

— Вотъ и пойми женщинъ! вспылилъ господарь. Изъ-за ея упрямства пылаетъ столица, проливается кровь, и теперь, когда всѣ видятъ единственное спасеніе въ уступкѣ ея капризу, она первая отъ него отказывается; но на этотъ разъ я рѣшу вопросъ за тебя: ты будешь женою этого козака, тѣмъ болѣе, что сама ты этого такъ желала.... Я пошлю сватовъ къ гетману, заплачу татарамъ и избавлюсь такимъ образомъ отъ разорительнаго бѣдствія, а ты будешь достойно наказана за свою строптивость.

Локсандра молча опустила голову и ничего не отвѣчала.

Въ тотъ же вечеръ господарь написалъ письмо гетману, онъ не пощадилъ краснорѣчія, разсыпался въ любезности, удив-

Библиотека "Руниверс"

лялся мужеству и храбрости славнаго молодаго рыцаря, говорилъ, что считаетъ за особую честь имѣть такого воинственнаго зятя и самъ предлагалъ руку своей дочери, обѣщая дать за нею богатое приданое и заплатить татарамъ дань, какую они пожелаютъ.

Гетманъ стоялъ въ Ямполѣ, и переговоры длились нѣсколько недѣль. Господарь со своимъ семействомъ на время переговоровъ перебрался въ Хотинъ, такъ какъ всѣ молдавскіе города были заняты татарами и козаками. Въ послѣдній день передъ ихъ отъѣздомъ Кутнарскій таинственно заявилъ княжнѣ, что панъ Тимошъ умоляетъ ее свидѣться. Локсандра подумала и согласилась.

Подъ вечеръ, въ сопровожденіи Янкеля она прошла въ буковый лѣсочекъ къ тому же камню, гдѣ видѣлась съ нимъ въ первый разъ. Тимошъ уже ждалъ ее, бросился къ ней на встрѣчу, но, увидавъ ея гордый взглядъ, онъ невольно остановился.

— Княжна, проговорилъ онъ, ты сердишься на меня?

— Я хочу знать всю правду объ этой татаркѣ, проговорила она.

— Хорошо, я тебѣ скажу всю правду, послушно отвѣчалъ Тимошъ: только не смотри на меня такъ. Сядь со мною, дай мнѣ твою руку и я во всемъ тебѣ покаюсь.

Онъ разсказалъ княжнѣ всю несложную исторію любви своей къ татаркѣ и прибавилъ:

— Казни меня, какъ хочешь, наложи на меня какое знаешь испытаніе, только не отнимай отъ меня любви своей.

Княжна подняла на него свои большіе глаза и тихо отвѣчала:

— Я тебѣ вѣрю; но все таки мнѣ такъ жалко этой татарки. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мой рыцарь былъ чистъ отъ всякаго упрека.

Тимошъ виновато опустилъ голову.

Локсандра встала, чтобы уйти; но онъ удержалъ ее.

— Не уходи такъ! шепталъ онъ: скажи мнѣ хоть ласковое слово на прощанье, позволь мнѣ хоть поцѣловать твою руку, вѣдь, ты теперь моя нареченная невѣста.

Локсандра съ грустною улыбкою покачала головою.

Библиотека "Руниверс"

— Ахъ, Тимошъ! сказала она печально. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, а между тѣмъ сердце такъ тоскливо ноетъ, словно передъ какимъ-нибудь несчастьемъ. Не вѣрю я отцу; что-то онъ больно скоро согласился. Въ глазахъ его я читаю, что онъ замышляетъ что-то недоброе.

— Что жъ? проговорилъ Тимошъ, и взоръ его вспыхнулъ отвагою.—Если онъ не отдастъ тебя черезъ годъ, какъ обѣщаетъ, я опять нагряну сюда съ татарами и заставлю его согласиться, только ты, княжна, не измѣни мнѣ; не полюби того поляка,— что умѣетъ такъ хорошо расшаркиваться передъ женщинами.

Локсандра взглянула на него и вздохнула.

— Нѣтъ, ужъ, кажется, мнѣ больше никого не любить, кромѣ тебя. Ты приворожилъ меня, или какъ тамъ у васъ говорится... съ грустною улыбкою добавила она. Чуетъ мое сердце, что ты моя погибель и не будетъ намъ съ тобою счастья, а все-таки оторваться отъ тебя не могу.

Тимошъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ.

— Полно, голубка моя, напрасно ты тревожишь себя такими мыслями.

Локсандра боязливо прижалась къ нему и долго молча смотрѣла ему въ глаза.

— Ну, прощай! проговорила она наконецъ.—Какъ Богу угодно, такъ и будетъ!

Тимошъ хотѣлъ поцѣловать ее; но она пугливо его отстранила.

— Не надо, не надо! прошептала она и какъ испуганная птичка скрылась за деревьями.

ГЛАВА IV.

К О З Н И.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Стояла постоянная суровая зима. Она, казалось, заледенила собою все, не исключая и несчастныхъ ясскихъ жителей, не успѣвшихъ еще оправиться отъ татарскаго погрома. Сотни богачей превратились въ нищихъ;

Библиотека "Руниверс"

множество богатыхъ дворцовъ и зданій представляли груды развалинъ, и только дворецъ господаря гордо высился среди этихъ обломковъ: несмѣтныя богатства князя дали ему возможность быстро возстановить зданіе въ прежнемъ его видѣ. Бѣдность и нищета, окружавшія его, послужили ему въ пользу, такъ какъ не было недостатка рабочихъ рукъ; но за то послѣднія событія окончательно ожесточили противъ него всѣхъ: и богатыхъ, и бѣдныхъ, и бояръ, и нищихъ.

— Что ему дѣлается? съ завистью говорили потерпѣвшіе бояре.—Онъ присвоилъ себѣ имущества убитыхъ татарами и это вознаградило его съ лихвой за всѣ его убытки. Ему горя мало, что мы всѣ разорены; онъ не далъ ни одной аспры для бѣдныхъ, а между тѣмъ всѣ мы страдаемъ по его милости, изъ за его честолюбія.

Самъ господарь какъ будто ничего не видѣлъ и не слышалъ или дѣлалъ видъ, что не понимаетъ мрачныхъ взглядовъ и угрюмыхъ намековъ. Господарша не разъ уговаривала его принять участіе въ пострадавшихъ, удѣлить что-либо изъ своихъ сокровищъ въ пользу бѣдняковъ, скупость князя не позволяла ему разстаться съ деньгами.

— Я тоже пострадалъ, отвѣчалъ онъ, я тоже долженъ былъ выплатить не одну сотню тысячъ талеровъ гетману и татарамъ, мнѣ не изъ чего быть расточительнымъ, пускай сами справляются со своими нуждами, какъ знаютъ.

Господарша пожимала плечами и отдавала бѣднымъ всѣ деньги, какія у нея были.

Какъ то утромъ къ князю вошелъ Кутнарскій съ таинственнымъ видомъ и многозначительно проговорилъ:

— Ваша свѣтлость, польскій толмачъ при великой Портѣ проситъ у васъ аудіенціи.

Василій вопросительно взглянулъ на пана.

— А что ему надо?

— Не откажите, ваша свѣтлость, принять его, онъ самъ вамъ доложитъ, въ чемъ дѣло.

— Хорошо, пусть войдетъ, согласился князь.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ высокій черноволосый мужчина лѣтъ сорока съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и

Библиотека "Руниверс"

проницательными глазами; его мягкій нѣвучій выговоръ обличалъ въ немъ южанина и онъ, дѣйствительно, по происхожденію былъ армянинъ, хотя и находился на польской службѣ. Онъ низко поклонился князю и на приглашеніе его сѣсть отвѣчалъ только почтительнымъ вторичнымъ поклономъ.

— Ваша свѣтлость! началъ онъ: я посланъ къ вамъ по порученію пана короннаго гетмана и его товарища пана польнаго гетмана; но порученіе мое настолько конфиденціальное, что я желалъ бы съ вашей свѣтлостью переговорить съ глаза на глазъ, прибавилъ онъ, искоса посматривая на Кутнарскаго.

— Мы разрѣшаемъ говорить при панѣ нашемъ вѣрномъ преданномъ слугѣ, отвѣтилъ князь.

Армянинъ снова отвѣсилъ поклонъ.

— Какъ извѣстно вашей свѣтлости, гетманы польный и коронный были въ плѣну у татаръ, и оставили тамъ заложниками своихъ сыновей: пана Николая Потоцкаго и пана Самуила Калиновскаго; вмѣстѣ съ ними томится въ неволѣ и панъ Шемберкъ.

— Я знаю это! прервалъ его князь. Что же дальше?

— У вашей свѣтлости есть агенты въ Турціи и Крыму; ваша свѣтлость обладаете несмѣтными богатствами и можете сдѣлать все для несчастныхъ плѣнниковъ...

Армянинъ пріостановился.

— Если я вѣрно понимаю господина агента, паны польскіе гетманы желаютъ, чтобы я освободилъ изъ плѣна ихъ сыновей? спросилъ господарь, съ усмѣшкой смотря на толмача.

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость, отвѣчалъ тотъ съ поклономъ.

— Но, вѣдь, такія благодѣянія не дѣлаются ни за что ни про что? продолжалъ съ тою же ироническою усмѣшкою князь, тѣмъ болѣе, что панъ коронный гетманъ и не думалъ мнѣ помочь противъ козаковъ.

— Если ваша свѣтлость устроитъ это дѣло, то, конечно, отцы будутъ вамъ признательны и будутъ готовы помогать вамъ противъ вашихъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

— Паны гетманы предлагаютъ мнѣ опасную игру, сказалъ Василій. Имъ извѣстенъ договоръ, заключенный мною съ моими

Библиотека "Руниверс"

побѣдителями. По четвертой статьѣ этого договора я не имѣю права заключать союзовъ съ поляками.

— Ваша свѣтлость болѣе чѣмъ кто-либо знаетъ, что этотъ договоръ вынужденный, съ лукавою улыбкою замѣтилъ армянинъ. Ея свѣтлость княжна еще не замужемъ за паномъ Тимошемъ, у вашей свѣтлости впереди много мѣсяцевъ, а въ это время утечетъ много воды; друзьями же запастись никогда не мѣшаетъ заранѣе.

Господарь многозначительно посмотрѣлъ на армянина.

— Хорошо, сказалъ онъ ему, я дамъ денегъ на это предпріятіе; снаряжу даже корабль, чтобы переправить плѣнниковъ въ Константинополь, а потомъ въ Венецію; это единственный безопасный путь. Ихъ, безъ сомнѣнія, будутъ искать на моей границѣ; но только помните одно: имя мое не должно быть замѣшано въ этой исторіи; если что-нибудь всплыветъ наружу, то я отъ всего отрекусь и умою руки. Но услуга за услугу, прибавилъ онъ, вставая съ мѣста и подходя къ армянину: паны гетманы должны мнѣ оказать дѣйствительную помощь, если бы я передумалъ отдать дочь свою за Хмельницкаго.

— Относительно этого пункта я уже заранѣе получилъ полномочіе, почтительно отвѣчалъ армянинъ; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Хмельницкіе общіе враги, и паны гетманы сочтутъ своею обязанностью не пустить козацкаго войска въ Молдавію. Какъ только я сообщу пану коронному гетману о согласіи вашей свѣтлости, онъ не замедлитъ самъ письменно подтвердить это.

— Хорошо, сказалъ князь, одобрительно кивнувъ головою. Я устрою это дѣло. Съ своей же стороны могу оказать еще небольшую услугу панамъ. Я имѣлъ возможность получить письмо Хмельницкаго, посланное имъ въ Турцію. Это письмо содержитъ много интереснаго для пановъ. И если они еще сколько нибудь сомнѣваются въ двоедушіи козацкаго гетмана и въ недоброжелательствѣ Порты, то это письмо должно открыть имъ глаза.

Господарь подошелъ къ массивному бюро, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ, нажалъ потайную пружину и досталъ большой пакетъ съ печатью гетмана.

Библиотека "Руниверс"

— Передайте это панамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ армянину.—А панъ Кутнарскій отведетъ посла къ моему великому камериру и озаботится, чтобы онъ былъ прилично одаренъ за ожидаемыя мною отъ него услуги.

Армянинъ съ низкими поклонами удалился въ сопровожденіи пана Кутнарскаго, а князь Василій прошелъ къ господаршѣ и сталъ спрашивать ее про Локсандру.

— Вы, женщины, болѣе свѣдущи въ этихъ дѣлахъ, говорилъ онъ полушутя, полусерьезно: помнитъ она еще своего козака? очень объ немъ скучаетъ?

Господарша пытливо посмотрѣла на мужа.

— А зачѣмъ тебѣ это понадобилось знать?

Василій усмѣхнулся.

— Ты такая умная женщина, а спрашиваешь меня объ этомъ. Конечно, я не затѣмъ справляюсь, чтобы порадоваться ея голубиной вѣрности, ея привязанности къ желанному жениху. Дорого бы я далъ, прибавилъ онъ злобно, чтобы этотъ будущій милый зятекъ свернулъ себѣ шею.

Господарша вздохнула и посмотрѣла на мужа не то съ горечью, не то съ презрѣніемъ.

— Василій! сказала она, погубитъ тебя твое честолюбіе, а вмѣстѣ съ тобою погибнуть и намъ. Что ты опять замышляешь, вѣдь ты уже далъ твое согласіе на этотъ бракъ, зачѣмъ же ты опять хочешь разстроить это дѣло?

Василій посмотрѣлъ на нее какъ то сверху внизъ, какъ смотрятъ на наивныхъ дѣтей.

— Зачѣмъ? повторилъ онъ. Затѣмъ, чтобы не навязать себѣ на шею будущаго висѣльника, затѣмъ, чтобы вступить въ тѣсный союзъ съ Польшею, затѣмъ, наконецъ, чтобы глаза мои не видѣли, какъ дочь моя будетъ надѣвать сапоги или подавать люльку этому полудикарю, выросшему на своей саламатѣ и не умѣющему ни ступить, ни сказать слова почеловѣчески.

— Что же ты намѣренъ дѣлать?

— Это будетъ зависѣть отъ того, что предприметъ нашъ милый женихъ, отвѣчалъ Василій.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, такъ я скажу тебѣ, едва сдерживая гнѣвъ, произнесла господарша, что если ты намѣренъ опять измѣнить своему слову, ты убьешь Локсандру, она искренно и серьезно любитъ Тимоша. Нельзя такъ играть ея чувствомъ. Довольно уже того, что ты на цѣлый годъ отсрочилъ свадьбу.

— Я затѣмъ и отсрочилъ ее, что ей никогда не бывать, со смѣхомъ возразилъ князь. А отъ тебя, жена, я жду большой услуги, постарайся у нея выбить изъ головы этого Тимоша.

Господарша отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе, нехорошія чувства подымались у нея въ душѣ; ей хотѣлось крикнуть этому человѣку, что она не хочетъ быть сообщницей низкаго обмана, жестокаго коварства, подлаго лицемѣрія; но человѣкъ этотъ былъ ея мужъ, неумолимый законъ отдавалъ ее ему въ руки; слабая женщина, она боялась его и должна была наружно ему повиноваться. Она собрала всѣ свои силы и съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣчала:

— Хорошо!

Василій поцѣловалъ ея руку и вышелъ, а она бросилась на низкую оттоманку и, спрятавъ лице въ подушку, горько зарыдала.

Было время, когда она безразлично относилась къ этому старику; было время, когда она привыкла къ нему, чувствовала благодарность за его любовь и попеченія, готова была дѣлить съ нимъ и горе, и радость. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ она узнала Тимоша, этотъ коварный честолюбецъ съ алчностью и вѣчными интригами возбуждалъ въ ней какое-то гадливое непріязненное чувство. Она понимала, что ненавидитъ его, и боялась сознаться въ этомъ самой себѣ.

Въ комнату тихо вошла Локсандра.

— Матушка, что съ тобой? спросила она съ участіемъ, садясь возлѣ нея и обвивая руками ея стройный станъ. Ты поссорилась съ отцемъ?

— О, если бы я могла съ нимъ поссориться? страстно вскрикнула господарша, и глаза ея сверкнули. Еслибы я могла съ нимъ совсѣмъ разсориться, чтобы не видать его козней и низостей, проговорила она, сжимая свои руки. Бѣдное дитя! про-

Библиотека "Руниверс"

должала она, обращаясь къ падчерицѣ. Онъ обманетъ тебя, продастъ тебя полякамъ, вѣроломно нарушитъ всѣ свои обѣщанія.

— Да что такое у васъ было? спросила Локсандра, блѣднѣя.

— Онъ велѣлъ мнѣ выбить у тебя изъ головы Тимоша.

Локсандра схватила мачиху за руку.

— Матушка, что же это значитъ? спросила она съ испугомъ.

— То, что онъ подшутилъ и надъ Тимошемъ, и надъ тобой, и надо всѣми нами. Онъ только отводилъ глаза, онъ и не думаетъ отдать тебя за него замужъ.

Господарша говорила гнѣвно, страстно и не замѣчала, какое вліяніе производили ея слова на дѣвушку. Локсандра помертвѣла, затряслась, потомъ схватилась обѣими руками за голову и съ громкимъ крикомъ упала на полъ.

— Что я надѣлала! прошептала господарша.

Она поспѣшно наклонилась надъ нею и стала растирать ей виски и грудь. Мало по малу дѣвушка пришла въ себя и разразилась громкими рыданіями.

— Матушка, научи, что дѣлать? говорила она. Какъ помочь горю?

— Успокойся, дитя мое! Мы придумаемъ, что нибудь, непремѣнно придумаемъ, уговаривала ее господарша. А прежде всего напиши письмо къ Тимошу, я же поищу вѣрнаго посла и отправлю къ нему это письмо.

Локсандра отерла слезы и пошла къ себѣ; она тотчасъ же написала Тимошу обо всемъ, что ее волновало и мучило, передала со словъ господарши ея разговоръ съ княземъ Василіемъ и умоляла своего рыцаря принять мѣры, настаивать, чтобы отецъ согласился скорѣе сыграть свадьбу.

Письмо было написано, но съ кѣмъ его послать; слѣдовало отдать его въ вѣрныя руки, а кому было довѣриться во дворцѣ господаря. Оно пролежало съ недѣлю, и Маріанка всѣ ноги отбѣгала, разыскивая, разузнавая, нѣтъ-ли вѣрнаго хлопца козака, котораго можно было бы послать къ пану Тимошу. Наконецъ судьба поблагопріятствовала обѣимъ женщинамъ.

Какъ то вечеромъ Маріанка прибѣжала, запыхавшись, къ господаршѣ и заявила, что случай послать письмо нашелся. Панъ

Библиотека "Руниверс"

Доброшевскій въ конецъ разсорился съ паномъ Кутнарскимъ; онъ съѣхалъ съ его квартиры къ Янкелю, совсѣмъ ужъ собрался въ путь и завтра чуть свѣтъ ѣдетъ въ Украйну къ самому рыцарю. Объ женщины просіяли.

— Маріанка, веди его сюда, торопила Локсандра, да бѣги, бѣги, а то не застанешь его въ корчмѣ.

— Куда ему дѣться, домна? засмѣялась Маріанка. Онъ теперь засѣлъ съ горя за пиво, такъ и просидитъ, пока не ляжетъ.

Черезъ часъ явился панъ Доброшевскій съ печальнымъ вытянутымъ лицемъ, принявшимъ самое трагическое выраженіе и, отвѣсивъ почтительный поклонъ, сталъ у двери.

— Идите, панъ, идете, проговорила привѣтливо Локсандра, таща его къ мягкому дивану.—Садитесь; тутъ у насъ есть дѣло.

Доброшевскій приложилъ руку къ сердцу.

— Для прекрасной домны я готовъ въ огонь и въ воду, торжественно заявилъ онъ.

— Ну, этого не потребуется! засмѣялась княжна. Я только попрошу пана передать письмо пану Тимошу, къ которому онъ ѣдетъ.

— Не одно, десять, сто, хоть тысячу писемъ! проговорилъ панъ съ жаромъ, прижимая руки къ сердцу.

— А отчего панъ оставляетъ своего товарища? полюбопытствовала господарша.

— Это щекотливое дѣло, ваша свѣтлость! таинственно отвѣчалъ панъ. Это секретъ! многозначительно прибавилъ онъ, поднявъ палецъ кверху.

— Такъ довѣрьте намъ вашъ секретъ, панъ; мы съумѣемъ его сохранить въ тайнѣ, весело проговорила Локсандра.

— Прекрасная княжна такъ добра къ бѣдному горемыкѣ, и панъ Тимошъ тоже добръ, какъ же бы онъ вдругъ оказался свиньею противъ нихъ? Нельзя этого, никакъ нельзя! съ жаромъ докончилъ панъ, какъ бы отвѣчая на свои мысли.

— А развѣ панъ Кутнарскій требовалъ отъ васъ чего-нибудь дурнаго? допытывалась княжна.

— Панъ Кутнарскій не можетъ не дѣлать дурнаго, онъ всегда дѣлаетъ что-нибудь дурное, и вашъ покорный слуга прежде

Библиотека "Руниверс"

помогалъ ему. Но у пана Доброшевскаго есть совѣсть, громко прибавилъ трагикъ, тыча себя въ грудь. Есть совѣсть, да! И онъ не измѣнитъ тому, кто спасъ ему жизнь.

— Но чего же требовалъ отъ васъ вашъ товарищъ? приставала Локсандра.

— Онъ требовалъ, онъ требовалъ.... всего, лаконически отвѣтилъ панъ.

Локсандра сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Умоляю васъ, панъ, скажите, чего именно? Мнѣ нужно знать, какія меня козни ожидаютъ; вы можете мнѣ помочь въ этомъ.

Доброшевскій всталъ передъ княжной на одно колѣно.

— Прекрасная домна! ты находишься въ опасности, тебя хотятъ силою отдать пану Вишневецкому, а если не Вишневецкому, то Потоцкому, затѣмъ его и выкупаютъ изъ плѣна. Но я не написалъ тѣхъ писемъ, которыя долженъ былъ составить. Не написалъ, пусть онъ самъ ихъ составляетъ, а я не хочу быть предателемъ.

Доброшевскій поднялся.

— Прощай, прекрасная домна! Мнѣ пора! сказалъ онъ. Я долженъ спѣшить, и уѣду завтра чуть свѣтъ; я не сказалъ ему, что ѣду и онъ увѣренъ, что я вернусь къ нему. Пусть думаетъ и ждетъ, а тѣмъ временемъ панъ Доброшевскій уже будетъ далеко, у самого пана Тимоша.

Онъ бережно завернулъ пакетъ, данный ему Локсандрою въ тряпку, замѣнявшую носовой платокъ, и сунулъ себѣ за пазуху. Потомъ съ утонченною вѣжливостью, очевидно подражая изысканнымъ манерамъ своего бывшаго патрона, онъ прикоснулся двумя пальцами къ рукѣ Локсандры, нагнулся и запечатлѣлъ неловкій поцѣлуй. Послѣ этого продѣлалъ ту же церемонію и съ господаршей.

Обѣ женщины едва удерживали улыбку при видѣ изысканныхъ па, которые онъ выдѣлывалъ своими длинными ногами, стараясь расшаркиваться по всѣмъ правиламъ искусства. Панъ Доброшевскій былъ слишкомъ занятъ собою, чтобы замѣтить

Библиотека "Руниверс"

эти улыбки. Когда онъ скрылся за дверь, Локсандра со смѣхомъ кинулась на шею господарши.

— Матушка! еслибъ онъ остался еще одну минуту, я бы не выдержала! проговорила она, хохоча.

ГЛАВА V.

ВАЖНЫЯ ВѢСТИ.

Тяжелую годину переживала Украина. Хмельницкому было не до Молдавіи, да и Тимошъ за бѣдствіями родины не то что позабылъ невѣсту, но какъ то отодвинулъ ее въ болѣе глубокій уголокъ сердца, тѣмъ болѣе, что и сопернику его, князю Вишневецкому, пришлось думать не о женитьбѣ, а о битвахъ. Не мало храбрыхъ козаковъ полегло на поляхъ битвы; но и Польша также несла потери; умерли и два непримиримыхъ врага Хмельницкаго, коронный гетманъ Потоцкій и князь Іеремія Вишневецкій; первый отъ апоплексическаго удара, второй отъ желудочной болѣзни. Мѣсто короннаго гетмана занялъ польный гетманъ панъ Калиновскій. Казалось, что послѣ пораженія подъ Берестечкомъ и невыгоднаго для козаковъ договора при Бѣлой Церкви, Хмельницкому нечего было и думать о продолженіи возстанія, такъ по крайней мѣрѣ разсуждали паны и хвалились своею стойкостью на сеймѣ; имъ и въ голову не приходило, что Хмельницкій въ душѣ ликовалъ, узнавъ, что сеймъ не одобрилъ статьи договора и уже готовилъ новый планъ военныхъ дѣйствій, смиренно проводя время то въ Чигиринѣ, то въ Субботовѣ со своею молодою женою лихою козачкою Галею.

Султанъ Калга давно уже уѣхалъ въ Крымъ и увезъ съ собою Зелиму, разсчитывая пристроить ее тамъ въ чьемъ нибудь гаремѣ.

— Какъ получитъ мужа построже, перестанетъ бѣситься! говорилъ онъ.

Когда наружно все поуспокоилось, и Хмельницкій съ сыномъ зажили по домашнему, Тимошъ попробовалъ раза два заикнуться про свою невѣсту.

Библиотека "Руниверс"

— Отецъ! говорилъ онъ гетману: теперь ужъ второй годъ на исходѣ, а отсрочка была только на годъ, сколько же еще я долженъ ждать? Пусти меня въ Молдавію, теперь я тебѣ не нуженъ; я возьму княжну съ боя, хотя бы для этого пришлось перешагнуть черезъ трупъ ея отца.

— Погоди, сынку! отвѣчалъ Богданъ. Всему свое время будетъ. Вотъ я напишу князю письмецо, напомню о его обѣщаніи, а тамъ, если это не подѣйствуетъ, посмотримъ, что дѣлать. Султанъ Нуреддинъ стоитъ на границѣ, а съ нимъ и Карабча мурза. Стоитъ только ихъ кликнуть, они пойдутъ съ нами куда угодно.

— Нужно ли писать господарю? нетерпѣливо возразилъ Тимошъ. Панъ Доброшевскій довольно представилъ доказательствъ его коварства. Не лучше ли прямо нагрянуть къ нему, чѣмъ еще переписываться, что займетъ немало времени.

— Нельзя, сынку! отвѣчалъ гетманъ. Надо, чтобы все имѣло приличный видъ. А ты снаряди-ка своего пана, пусть ѣдетъ въ Яссы посломъ и свезетъ князю мою грамотку.

Богданъ присѣлъ писать, а Тимошъ розыскалъ пана Доброшевскаго и объявилъ ему о намѣреніи отца послать его въ Молдавію.

Панъ Доброшевскій не обрадовался этому порученію.

— Ясновельможный пане! вымолился онъ, становясь въ трагическую позу. Неужели у пана гетмана не найдется козаковъ и храбрѣе, и искуснѣе меня въ этомъ дѣлѣ? Что я за несчастный, что всюду мною помыкаютъ. Только обжился, обогрѣлся подъ милостивымъ вниманіемъ пана гетмана, и вотъ опять посылаютъ меня странствовать, да еще туда, гдѣ мнѣ пожалуй и не сдобровать.

— Не бойся, панъ! успокаивалъ Тимошъ. Тебя, какъ посла, пальцемъ не тронутъ. А долго тебѣ тамъ тоже оставаться не для чего, отдашь отцовскую грамоту и назадъ.

Панъ Доброшевскій тяжело вздыхалъ и охалъ, но перечить гетману не рѣшился, онъ его сильно побаивался.

Посланіе Богдана отличалось особенною краткостью.

„Сосватай, господарь, дочь свою съ сыномъ моимъ Тимоѳеемъ, и тебѣ хорошо будетъ; а не выдашь, изотру, изомну, и

Библиотека "Руниверс"

останка твоего не останется, и вихремъ прахъ твой размечу по воздуху".

Панъ Доброшевскій собрался въ путь и получилъ отъ Тимоша конфиденціальное посланіе къ Іоксандрѣ.

Соперникъ Тимоша, похоронивъ своего знаменитаго дядю, оставался при польскомъ войскѣ, время отъ времени получая отъ пана Кутнарскаго извѣстія о томъ, что дѣлалося въ Яссахъ. Войско стояло въ Винницѣ подъ начальствомъ пана коронаго гетмана Калиновскаго.

Князь Дмитрій сидѣлъ въ своей палаткѣ и въ десятый разъ перечитывалъ письмо, только что полученное имъ изъ Яссъ, когда вошли къ нему молодые паны Потоцкій и Калиновскій, только что вернувшіеся изъ плѣна. Князь Дмитрій обрадовался гостямъ и велѣлъ своему дворецкому подать вина и зажечь свѣчи въ шандалахъ. Изъ-подъ приподнятаго полога палатки проникали еще лучи заходящаго солнца, и ихъ красноватый отблескъ смѣшивался съ желтоватымъ блескомъ восковыхъ свѣчей, переливаясь прихотливыми цвѣтами по богатой сервировкѣ стола и по яркой дорогой одеждѣ молодыхъ пановъ.

— Панъ обозный не откажетъ разсказать, какъ паны спаслися изъ плѣну? обратился Вишневецкій къ пану Самуилу. Здѣсь ходили такіе чудовищные разсказы о спасеніи пановъ, что трудно было имъ повѣрить.

— Да, наши похожденія, дѣйствительно, напоминаютъ сказку изъ Тысячи и одной ночи, замѣтилъ, смѣясь, Калиновскій.— Князю извѣстно, что всю эту махинацію подстроилъ его будущій тесть, господарь Молдавіи.

Князь Дмитрій поморщился: въ войскѣ немало дразнили его этимъ тестемъ и ему приходилось или отгрызаться, или отмалчиваться; въ настоящемъ случаѣ онъ предпочелъ послѣднее.

— Князь Василій, продолжалъ Самуилъ, несмотря на легендарную его скупость, на этотъ разъ не пожалѣлъ своихъ сокровищъ. Онъ снарядилъ надежное судно, ожидавшее насъ въ одной изъ незначительныхъ крымскихъ бухтъ. Но, чтобы достигнуть судна, надо было освободиться изъ высокой тюрьмы,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ мы сидѣли, какъ въ клѣткѣ. Признаюсь, не очень было весело сидѣть намъ втроемъ въ полутемномъ каменномъ мѣшкѣ и видѣть глупыя физіономіи татарскихъ сторожей съ ихъ нелѣпыми улыбками и вѣчными просьбами о бакшишѣ. Тутъ намъ помогъ армянинъ, состоящій на польской службѣ толмачемъ въ Константинополѣ. Онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы освободить насъ и провести на корабль. Какъ онъ подружился съ нашими сторожами, какъ у нихъ дошло до общей попойки, этого я вамъ не умѣю объяснить. Но въ одинъ прекрасный день или, лучше сказать, въ одну прекрасную ночь всѣ наши сторожа оказались опоенными виномъ съ дурманомъ. Къ намъ вошли наши спасители, армянинъ и еще одинъ надежный человѣкъ, кажется, грекъ. Они перепилили наши цѣпи, дали намъ платье, чтобы переодѣться и повели насъ къ берегу по тропинкамъ и ущельямъ, однимъ имъ только извѣстнымъ. Прислугу нашу мы боялись взять съ собою, хотя и выпустили ихъ и отправили наудачу по прямой дорогѣ и они попались въ руки посланной за нами погони; но они не могли насъ выдать, такъ какъ сами не знали, куда мы направили путь. Насъ усердно искали во всѣхъ уголкахъ Молдавіи, а мы благополучно прибыли въ Константинополь; тамъ заплатили часть денегъ нашимъ спасителямъ и, пользуясь тайною помощью венеціанскаго консула, не медля ни минуты, отправились на томъ же кораблѣ въ Венецію, а оттуда сухимъ путемъ сюда. Князь можетъ представить, что мы вздохнули только тогда свободно, когда почувствовали польскую почву подъ своими ногами. Теперь князь Василій можетъ разсчитывать на польскую помощь. Отецъ готовъ ему помогать, хотя бы для этого ему пришлось дѣйствовать противъ воли короля.

— Кстати! какъ бы невзначай замѣтилъ князь Дмитрій. Какое такое посланіе получилъ король отъ молдавскаго господаря? Я получилъ объ этомъ темныя извѣстія, мнѣ сообщаютъ будто бы князь проситъ заступничества короля противъ Хмельницкаго. Слышалъ панъ коронный гетманъ что нибудь объ этомъ посланіи?

— Какъ же! весело отвѣчалъ панъ Самуилъ. Посланіе это было даже переслано къ отцу для его соображеній. Въ немъ князь

Библиотека "Руниверс"

Василій слезно умоляетъ короля защитить его отъ назойливаго зятя и отъ свата, посылающаго ему далеко нелестныя привѣтствія.

— Умница этотъ господарь! Клянусь честью умница! засмѣялся панъ Николай. Князь Дмитрій право счастливецъ! обратился онъ къ Вишневецкому. Въ концѣ концевъ онъ пріобрѣтетъ прекрасную домну и въ придачу такого милаго тестя; а потомъ они подѣлятъ между собою Молдавію и Валахію, а Матѳея съ его Радулами и Гиками сотрутъ съ лица земли.

— Зачѣмъ? подхватилъ Самуилъ. Съ лица земли сотрутъ Матѳея, а Радула и Гику оставятъ, благодаря блестящему состоянію финансовъ. Они только подѣлятъ между собою этихъ великихъ людей, господарь вовьметъ Гику, какъ наиболѣе способнаго творить деньги изъ ничего, а панъ оставитъ за собою Радула, какъ наиболѣе храбраго.

— Клянусь мечемъ предковъ! продолжалъ, смѣясь, панъ Николай. Я искренно завидую князю. Нужно—же было моему родителю такъ не во время отправиться на тотъ свѣтъ; если бы не это обстоятельство, мы бы поспорили съ княземъ Дмитріемъ, и въ предполагаемомъ раздѣлѣ я бы навѣрно не уступилъ господарю Гики; а теперь, съ комическимъ вздохомъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Вишневецкому, мнѣ придется развѣ только просить князя Дмитрія, при восшествіи его на валашскій престолъ, сдѣлать меня своимъ великимъ вистерникомъ.

Князь Дмитрій въ душѣ желалъ панамъ провалиться сквозь землю. Они выворачивали наружу его тайныя мысли, которыя онъ считалъ скрытыми отъ постороннихъ глазъ. Это раздражало его тѣмъ болѣе, что вопросъ о прекрасной княжнѣ съ каждымъ днемъ становился неразрѣшимѣе. Если бы еще онъ самъ могъ лично отправиться въ Яссы; но дьявольская служба скручивала его по рукамъ и ногамъ, объ отпускѣ нечего было и думать въ виду воинственнаго настроенія польской арміи. Князь Дмитрій счелъ за лучшее тоже отшучиваться.

— Само собою, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, панъ вполнѣ можетъ разсчитывать на расположеніе мое къ нему и на уваженіе мое къ его талантамъ казначея.

Библиотека "Руниверс"

Панъ Николай въ свою очередь прикусилъ губу; всѣмъ была извѣстна его расточительность и безтолковое киданіе денегъ направо и налѣво.

Въ эту минуту въ палатку просунулась голова дневальнаго.

— Что такое? сердито крикнулъ князь.

Вишневецкій не любилъ, чтобы прерывали его пирушки съ друзьями.

— Молодой козакъ желаетъ видѣть вельможнаго князя. Говоритъ, съ важными вѣстями.

— Веди сюда! коротко приказалъ князь.

— Князь Дмитрій позволяетъ намъ остаться? проговорили гости.

— О, конечно, панове! у меня не можетъ быть секретовъ съ козаками! весело отвѣчалъ князь.

Въ палатку вошелъ козакъ съ нахлобученною на глаза шапкою.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Дмитрій.

Козакъ, почти мальчикъ, съ черными блестящими изъ подъ шапки глазами, обвелъ не спѣша всѣхъ пристальнымъ взглядомъ и затѣмъ также не спѣша снялъ шапку. Длинные черные волосы разсыпались по плечамъ.

— Женщина! съ изумленіемъ вскричали паны.

— И недурна! воскликнулъ панъ Николай. Ей-ей, недурна!

Незнакомка бросилась къ ногамъ князя и проговорила на ломанномъ полумалороссійскомъ, полупольскомъ нарѣчіи:

— Ясновельможный пане! Бѣдная Зелима проситъ твоей защиты, твоего покровительства.

— Кто ты? спросилъ удивленный князь. Говори, что тебѣ нужно?

— Твой врагъ Тимошъ, сынъ козацкаго гетмана, и мой врагъ, продолжала Зелима, обнимая колѣна князя.

— Однако это интересно! проговорилъ панъ Николай, покручивая усы. Тутъ очевидно замѣшались стрѣлы амура; только жаль, что Венера татарской крови. Впрочемъ у этихъ хлоповъ вкусъ неразборчивъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, я не могу сказать, чтобы на этотъ разъ у Тимоша былъ плохой вкусъ! сказалъ Самуилъ.

— Гей, гей, пане! а чтобы на это сказала пани Урсула?

Князь Дмитрій ласково поднялъ Зелиму.

— Не бойся, не путай! скажи прямо, чего ты отъ меня хочешь?

— Я прошу одной милости! съ горящими глазами проговорила татарка. Позволь мнѣ остаться въ лагерѣ; у васъ есть колдуньи, я тоже умѣю гадать.

— О—о! панъ обозный! замѣтилъ панъ Николай. Татарская красавица умѣетъ гадать! Не хочетъ ли панъ узнать свою судьбу?

Татарка сверкнула на нихъ своими очами.

— Не всѣмъ предстоитъ счастливая доля! сказала она. А мы, женщины юга, привыкли читать на лицахъ, прибавила она съ серьезной мрачностью.

— Что-то не хорошо, панъ Самуилъ? проговорилъ Потоцкій, дергая за рукавъ своего товарища. Она что то накаркала пану....

— Пустяки! проговорилъ Калиновскій, вздернувъ плечами.

— Дозволь же, князь, мнѣ остаться въ лагерѣ! проговорила Зелима, обращаясь опять къ князю Дмитрію. Я буду служить тебѣ, какъ вѣрная собака; я и теперь могу тебѣ сказать кое что, я только что съ Украйны, проговорила она полушепотомъ, приближаясь къ князю и наклоняясь къ его уху:

— Твой недругъ собирается въ походъ. Они посылали посла въ Яссы, а тотъ узналъ про письмо господаря къ королю, подкупилъ кого то и списалъ это письмо. Гетманъ рветъ и мечетъ. Татары готовы въ походъ. Козаки тоже. Падишахъ далъ свое позволеніе.

Князь Дмитрій вскочилъ съ мѣста.

— Ты и въ правду вѣдьма! вскричалъ онъ съ суевѣрнымъ ужасомъ. Гдѣ же ты могла все это узнать?

— Зелима и живетъ только тѣмъ, что узнаетъ про гетманова сына, съ усмѣшкою проговорила она, очевидно наслаждаясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея словами на князя.—Зе-

Библиотека "Руниверс"

лима скажетъ тебѣ еще больше, продолжала она, опять наклонясь къ его уху:

— Гетманъ условился съ падишахомъ, если господарь будетъ убитъ, Тимошъ заступитъ его мѣсто. Если же они помирятся, то Тимошъ получитъ Валахію.

— Что шепчетъ князю прекрасная колдунья? спросилъ панъ Самуилъ.

— Невѣроятныя вещи, панъ обозный! отвѣчалъ князь Дмитрій. Козаки съ татарами идутъ на Молдавію, Тимошъ мѣтитъ на валашскій престолъ.

— Эге! со смѣхомъ протянулъ панъ Николай. Мѣсто великаго вистерника отъ меня ускользаетъ такъ же, какъ и престолъ отъ князя Дмитрія.

— Однако, панове! замѣтилъ Самуилъ. Показанія этой колдуньи такъ важны, что я предлагаю тотчасъ же отвести ее къ моему отцу.

— Конечно, конечно! Панъ Самуилъ совершенно правъ! согласился князь Дмитрій. И Зелиму торжественно повели въ палатку короннаго гетмана.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЛЮДИ СТАРОЙ БРАЦЛАВЩИНЫ.[1)]

3. Ѳедоръ Гневошовичъ Стрижевскій.

Послѣднее извѣстіе о Гневошѣ Дмитріевичѣ Стрижевскомъ мы имѣемъ въ актѣ отъ 2 генваря 1604 года, гдѣ онъ подписался по долгу службы въ должности войскаго винницкаго. Жилъ онъ вѣроятно уже недолго, потому что въ 1613 году распоряжается наслѣдственнымъ имѣніемъ сынъ его Ѳедоръ, въ то время тоже немолодой человѣкъ. Онъ былъ женатъ на дочери винницкаго подстаросты Григорія Чечеля, Регинѣ, происходившей изъ мѣстнаго земянскаго рода Чечелей, владѣвшихъ помѣстьями въ брацлавскомъ повѣтѣ. Изъ заставнаго акта покойнаго Гневоша Дмитріевича, совершеннаго въ пользу жены Олены Чаплянки, слѣдуетъ предполагать, что Ѳедоръ не былъ ихъ единственнымъ сыномъ; но мы о другихъ дѣтяхъ Гневоша ничего не знаемъ. Не всѣ при этомъ имѣнія Гневоша достались сыну Ѳедору; вѣроятно, нѣкоторыя изъ нихъ перешли къ другимъ дѣтямъ. Изъ актовъ видно, что Ѳедору принадлежало въ винницкомъ повѣтѣ только стрижовское имѣніе, состоявшее изъ м. Стрижовки и сс. Лесіевки, Сосонки, Соболевки и кобыленскихъ грунтовъ. Нѣтъ у насъ свѣдѣній, что сталось съ Яновомъ, Святковцами или Цвѣтковцами, Пилявинцами и Клобучищами, упомянутыми выше въ перечнѣ имѣній Гневоша Стрижевскаго. Яновское имѣніе не граничило съ стрижевскимъ и, вѣроятно, перешло къ другимъ дѣтямъ Гневоша Дмитріевича или въ постороннія руки. Что ка-

[1)] См. „Кіевская Старина“, 1889, 5—6.

Библиотека "Руниверс"

сается другихъ, то онѣ лежали въ чертѣ стрижевскаго имѣнія въ бассейнѣ р. Десны. Взглянувъ на подробную карту, легко убѣдиться, что въ описываемой мѣстности Цвѣтковцы, Пилявинцы и Клобучища теперь вовсе не существуютъ. Можетъ быть относительно Пилявинецъ произошла въ актахъ ошибка: можетъ быть это теперешнія Холявинцы, лежащія на лѣвомъ берегу р. Жерди (притокъ Десны) противъ с. Лесіевки, извѣстныя подъ тѣмъ же именемъ въ концѣ первой половины XVII ст. Утвердительно сказать трудно. Село Клобучища въ одномъ актѣ 1623 года названо уже урочищемъ на границѣ грунтовъ с. Сосонки. Въ тѣ смутныя времена, когда и внѣшній хищный врагъ, и внутренній не менѣе хищный наѣздникъ ежегодно уничтожали, съ землей ровняли людскія поселенія, превращеніе населенныхъ пунктовъ въ пустыри и урочища и обратно было дѣломъ чуть ли не повседневнымъ.

Кромѣ отцовскихъ имѣній, Ѳедоръ и Регина Стрижевскіе имѣли и благопріобрѣтенное. Еще при жизни отца, 22 января 1599 года они купили у винницкаго гродскаго судьи Михаила Ласка за 1.000 зол. польс. половину с. Сивоковецъ, расположеннаго на лѣвомъ берегу р. Десны, смежнаго съ имѣніями стрижовскаго ключа. Февраля 5 дня того же года была сознана донація въ пользу супруговъ Стрижевскихъ передъ винницкимъ городскимъ судомъ. Имѣніе это состояло въ общемъ владѣніи съ земяниномъ Омеляномъ—Жданомъ Гречиной-Сабаровскимъ, которому принадлежало право на вторую половину с. Сивоковецъ. Село это и принадлежавшія къ нему земли врѣзывались длиннымъ клиномъ въ помѣстья Гневоша Стрижевскаго, отдѣлявшимъ грунты кобыленскіе отъ соболевскихъ. Для округленія границъ и устраненія чрезполосности, паны Стрижевскіе стремились пріобрѣсти и вторую половину Сивоковецъ, но Гречина не хотѣлъ пойти на сдѣлку и вслѣдствіе этого между нимъ и Ѳедоромъ Стрижевскимъ, его новымъ совладѣльцемъ, возникли сначала мелкія ссоры, дошедшія вскорѣ до процессовъ о разныхъ самоуправствахъ и нарушеніяхъ владѣнія, окончившихся декретомъ люблинскаго трибунала отъ 10 іюля 1603 года, которымъ предписывалось брацлавскому подкоморію Лаврину Пясочинскому произвести между

Библиотека "Руниверс"

супругами Стрижевскими и Гречиной-Сабаровскимъ раздѣлъ сивоковецкаго имѣнія въ равныхъ доляхъ.

Ѳедоръ Стрижевскій имѣлъ съ Региной Григорьевной одного сына Самуила и трехъ дочерей: Аполлонію, Татьяну и Ганну. Семья эта была пока русская, связанная тѣсными узами родства съ мѣстными старыми родами. Владѣя сравнительно большими средствами, хотя и не занимая никакого служебнаго поста, Ѳедоръ Гневошовичъ стремился все таки удержаться на занятой предками ступени среди мѣстнаго земянства, и отдавая дань духу времени и новымъ со временъ уніи вѣяніямъ съ запада, волейневолей долженъ былъ сблизиться съ польскими сферами.

Со времени учрежденія воеводства, мѣстныя отношенія быстро стали измѣняться. Реформа военно-административная и судебная создали множество совершенно новыхъ выборныхъ и коронныхъ должностей и установили въ порядкѣ подчиненности тѣсныя и постоянныя сношенія брацлавскихъ повѣтовъ съ Варшавой, Люблиномъ и Радомомъ. Для польской шляхты открылся теперь болѣе удобный доступъ въ богатую брацлавскую окраину, въ особенности подъ крыломъ двухъ богатыхъ польскихъ родовъ Калиновскихъ и Потоцкихъ, занимавшихъ здѣсь все время съ небольшими промежутками старостинскія и воеводскія должности. Съ конца XVI, а въ особенности въ началѣ XVII ст. приливъ поляковъ въ Брацлавщину усиливается съ каждымъ годомъ; они шагъ за шагомъ выбиваютъ съ позиціи старое русское земянство, забирая постепенно въ свои руки уряды и помѣстья. Со времени уніи и къ моменту хмельничины больше половины пространства винницкаго повѣта перешло въ польскія руки или на вотчинномъ правѣ, или какъ старостинскія державы. Частныя вотчины переходили или путемъ покупокъ, или путемъ браковъ между поляками и русскими. Богатыя русскія невѣсты не засиживались. Блестящая польская молодежь часто посѣщала украинскіе дворы и добивалась руки и сердца украинскихъ красавицъ, хотя и мало воспитанныхъ, часто грубыхъ и неграмотныхъ, но владѣвшихъ обширными пространствами полей, луговъ и лѣсовъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1612 году двѣ старшія дочери Ѳедора Гневошовича, Татьяна и Аполлонія, только что вышли изъ дѣтства; младшей Ганнѣ было всего лѣтъ семь. Къ этому времени въ домъ Стрижевскаго являются два жениха, оба поляки: Станиславъ Кронковскій и Мацѣй Пшерадовскій. Знакомство и сватовство устроилось при посредствѣ семейства Кордышей, родственниковъ Стрижевскихъ. Родная сестра пани Регины Стрижевской была замужемъ за Иваномъ Кордышемъ изъ брацлавскаго повѣта. Сынъ ихъ Василій Ивановичъ Кордышъ, проводя много времени въ Винницѣ, сошелся съ Кронковскимъ и Пшерадовскимъ и подружился особенно съ первымъ. Господа эти постоянно вращались въ судебномъ мірѣ. Мацѣй Кронковскій, впослѣдствіи мечникъ и подстароста винницкій, служилъ въ то время въ гродской канцеляріи, а племянникъ его Станиславъ занимался адвокатурой. Уже въ 1606 году онъ выступаетъ въ качествѣ формально уполномоченнаго отъ имени Ободенскихъ въ вотчинномъ процессѣ съ Коцубами-Якушинскими, а затѣмъ имя его въ этой роли встрѣчается въ разныхъ процессахъ довольно часто. Ѳедоръ Стрижевскій дѣлъ въ судахъ имѣлъ много; онъ не шелъ по слѣдамъ своего отца и любилъ заводить съ сосѣдями споры, на захватъ отвѣчалъ захватомъ, на наѣздъ наѣздомъ, а потому и опытные законовѣды ему были нужны. Все это вмѣстѣ взятое сблизило Кронковскаго и Пшерадовскаго съ домомъ Стрижевскихъ. Молодыхъ бывалыхъ шляхтичей принимали въ скромномъ русскомъ домѣ радушно и имъ не стоило большихъ усилій, чтобы добиться желаннаго успѣха въ сватовствѣ, продолжавшемся впрочемъ недолго. Старшая изъ невѣстъ, Татьяна, помолвлена за Пшерадовскаго, а младшая, Аполлонія, за Кронковскаго. Свадьба была сыграна одновременно въ мясоѣдъ 1613 года. Въ приданое дочерямъ Ѳедоръ Стрижевскій, кромѣ слѣдуемой имъ по литовскому статуту четвертой части родоваго имѣнія, сейчасъ же отдалъ свое благопріобрѣтенное имѣніе въ с. Сивоковцахъ, гдѣ и поселились Пшерадовскіе, а Кронковскіе устроились въ Винницѣ. На Сивоковцахъ тяготѣлъ довольно солидный долгъ Стрижевскаго въ 500 коп грош. лит., присужденный съ него люблинскимъ трибуналомъ въ пользу сосѣдки пани Анны Ивановны Микулинской. Вслѣдствіе

Библиотека "Руниверс"

этого, формальное переукрѣпленіе Сивоковецъ за дочерями должно было быть отложено, тѣмъ болѣе, что расчетъ съ Микулинской затягивался. Срокъ, опредѣленный трибуналомъ для уплаты этихъ денегъ, приходился на конецъ мая мѣсяца 1613 г., но къ этому времени винницкій гродскій судъ былъ закрытъ и судебныхъ засѣданій не было. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти знаменитаго Юрія Струса изъ Коморова, винницкимъ старостой назначенъ былъ Александръ Васильевичъ Болобанъ, племянникъ знаменитаго владыки Гедеона, но онъ въ то время еще не успѣлъ принести присяги и вступить въ должность. Въ такомъ положеніи не было возможности совершить въ судѣ формальной росписки и стороны, въ лицѣ Ивана Микулинскаго и Пшерадовскаго съ Кронковскимъ, явившись въ судъ для расчета, ограничились подачей возному соотвѣтственныхъ заявленій, которыя и переданы были въ ближайшій сосѣдній судъ — въ Житомиръ[1]). Только къ 28 декабря 1613 г. удалось совершить въ винницкомъ гродскомъ судѣ двѣ дарственныя записи на с. Сивоковцы. По одной изъ нихъ Ѳедоръ подарилъ свою часть въ половинѣ Сивоковецъ Матвѣю и Татьянѣ Пшерадовскимъ, а Регина свою часть Станиславу и Аполлоніи Кронковскимъ.

Этимъ небольшимъ выдѣломъ зятья не удовлетворились и начали настаивать на немедленномъ выдѣлѣ указной части изъ родоваго имѣнія. Между тѣмъ отцу нелегко приходилось справляться съ хозяйствомъ и охраной границъ на всей территоріи своихъ имѣній. Обширные кобыленскіе грунты граничили съ юга съ имѣніями Кропивницкихъ и Ободенскихъ, которые, владѣя сравнительно небольшими пространствами, нуждались въ свободныхъ земляхъ и угодьяхъ для возрастающаго населенія. Это и было естественной причиной стремленія пріурочить къ своимъ помѣстьямъ побольше пустыхъ земель или незанятыхъ лѣсовъ. Прямымъ послѣдствіемъ явились захваты, споры, самоуправство и процессы. Ѳедоръ Стрижевскій имѣлъ много хлопотъ въ стрижевскомъ ключѣ, а потому охотно согласился выдѣлить дочерямъ еще при жизни своей ихъ узаконенную часть въ кобыленскихъ

[1]) Опись акт. кн. Кіевс. Центр. Арх. № 9, ст. 26 и 27.

Библиотека "Руниверс"

грунтахъ.—Вопросъ затруднялся только тѣмъ, что младшая дочь Анна была еще малолѣтней и не могла вступить въ фактическое владѣніе выдѣляемымъ имѣніемъ. Вскорѣ однако зятьямъ удалось добыть актъ выдѣла, составленный Ѳедоромъ Гневошовичемъ въ Стрижевкѣ 8 іюля 1614 года. Въ немъ старикъ поясняетъ, что: „по просьбѣ дочерей Аполоніи Кронковской и Тетяны Пшерадовской, не совершая на сей разъ *скутечного* выдѣла, откладывая таковой до совершеннолѣтія дочери малой Ганны, которая тоже должна будетъ имѣть свою часть, въ настоящее время имъ, Аполоніи Кронковской и Тетянѣ Пшерадовской, и ихъ потомкамъ, села кобыленскія, ничего на себя и своихъ потомковъ не оставляя, силою вѣчнаго выдѣла *пускаю и уступаю, въ моцъ и въ держене, въ вѣчное ужываие и шафоване отдаю*, которое то село помененое дочери мои Аполонія и Тетяна, принявъ во владѣніе, могутъ на вѣчныя времена *ужываты и шафоваты* съ дочерью моей Ганной, когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ по своему *прырожденому праву, которымъ имъ четверта часть во всихъ именяхъ отчыныхъ приналежыть*“. Актъ этотъ только въ 1615 г. явленъ былъ въ винницкихъ гродскихъ книгахъ.

Выдѣливъ дочерей, Ѳедоръ Гневошовичъ постарался обезпечить и жену на случай своей смерти и пустилъ ей заставомъ въ суммѣ 10.000 зол. пол. лучшее изъ стрижевскаго ключа имѣніе с. Лисіевку, занимавшее сѣверную полосу его владѣній. Кромѣ обширныхъ лѣсовъ и сѣножатей, тамъ было много пахатнаго поля, качествомъ значительно лучшаго, чѣмъ супесчаные грунты стрижевскаго Побужья. Лисіевскіе грунты доходили до границъ королевскаго села Мизякова, состоявшаго въ то время въ арендномъ пользованіи (посессіи) извѣстнаго въ подольской землѣ генерала подольскаго, каменецкаго, летичевскаго, брацлавскаго и звенигородскаго старосты Валентія—Александра Калиновскаго. Этотъ магнатъ велъ вездѣ неустанную аграрную войну съ сосѣдями. Въ 1616 году возникли и на лисіевской границѣ споры. Дѣло дошло до того, что по личному приказанію генерала подольскаго нѣсколько сотъ бояръ и подданныхъ мизяковскихъ 28 іюня 1616 г. заняли силою лисіевскіе грунты. Судебная по этому дѣлу *инквизиція* (слѣдствіе) установила, что этотъ

Библиотека "Руниверс"

отрядъ, перейдя силою старую границу, сначала явился на поляхъ дворныхъ (помѣщичьихъ), на которыхъ становится 600 копенъ хлѣба, и заставъ тамъ экономическіе плуги, которыми пахали стрижевскіе подданные, изрубилъ таковые, а плугатарей „bijąc y mordŭiąc gwałtownie“ согналъ, землю же готовую обсѣменили своимъ зерномъ люди мизяковскіе. Другой экономическій ланъ, на которомъ становится 500 копенъ хлѣба, заняли тоже и не допустили вспахать. Кромѣ того, тотъ же отрядъ занялъ нивы лисіевскихъ подданныхъ, лежавшія невдалекѣ отъ дворныхъ becновъ. На этихъ крестьянскихъ нивахъ становилось до 4.000 копенъ хлѣба. Калиновскій занялъ также и всѣ сѣножати при этихъ дворныхъ ланахъ и крестьянскихъ нивахъ, такъ что въ настоящее время (1617 года) завладѣлъ всѣми грунтами почти до самаго села Лисіевки. Со стороны владѣлицы Лисіевки Регины Стрижевской выступилъ Станиславъ Кронковскій, предъявивъ къ Калиновскому искъ объ изъятіи изъ его владѣнія захваченныхъ земель и уплатѣ 3.000 копъ грош. лит. убытковъ. Дѣло тянулось два года въ винницкомъ гродскомъ судѣ и въ люблинскомъ трибуналѣ, который декретомъ отъ 25 іюня 1618 г., разсмотрѣвъ производство и между прочимъ цитированный выше актъ королевскихъ коммиссаровъ отъ 1580 года, постановилъ разрѣшить дѣло присягой владѣлицы Регины Стрижевской, которая и состоялась въ шестинедѣльный срокъ послѣ трибунальскаго декрета въ присутствіи винницкаго гродскаго суда. Этимъ закончился процессъ о землѣ въ пользу пани Стрижевской, а по вопросу о количествѣ убытковъ тянулся еще долго, но чѣмъ кончился неизвѣстно. Калиновскій, разумѣется, предъявилъ (въ 1618 г.) съ своей стороны встрѣчный искъ тоже въ суммѣ 3.000 копъ грошей лит. убытковъ, причиненныхъ самоуправствами со стороны Стрижевскихъ.

Единственный сынъ Ѳедора Гневошовича, Самуилъ, женился на русской землянкѣ брацлавскаго повѣта Ѳедорѣ Карачевской—Красносельской. Вскорѣ послѣ этой женитьбы, около 1620 года, отецъ передалъ ему при жизни своей все имѣніе, причемъ заставную сумму своей жены 10.000 зол. пол. перенесъ съ Лисіевки на с. Сосонку, что, разумѣется, было весьма выгодно для

Библиотека "Руниверс"

Самуила, такъ какъ Сосонка и пространствомъ, и качествомъ земли далеко уступала Лисіевкѣ.

Послѣдніе годы жизни Ѳедора Гневошовича были омрачены начавшимся семейнымъ разладомъ. Самуилъ Ѳедоровичъ считалъ себя обиженнымъ со стороны Кронковскихъ и Шперадовскихъ. Всѣ кобыленскіе грунты только на бумагѣ и по разсчету, сдѣланному отцомъ, составляли четвертую часть наслѣдственныхъ имѣній; въ сущности же цѣнность ихъ была далеко выше. Да кромѣ этой указанной части зятья успѣли выпросить у родителей и благопріобрѣтенное имѣніе с. Сивоковцы. Въ довершеніе всего отецъ передалъ матери Сосонку изъ его удѣла, не обязавъ въ ея пользу сестеръ ничѣмъ. Эту несправедливость отцовскихъ распоряженій Самуилъ Ѳедоровичъ объяснялъ жадностью зятьевъ и заступничествомъ за нихъ матери. Отношенія между Самуиломъ и другими членами семейства до того обострились, что онъ сталъ враждебно относиться даже къ родной матери. Пользуясь тѣмъ, что въ заставномъ актѣ на с. Сосонку не были точно указаны границы этого помѣстья, Самуилъ сталъ захватывать у матери земли и угодія; это для него было тѣмъ легче, что сосонское имѣніе всегда входило въ составъ стрижевскаго ключа, самостоятельно никогда не существовало, а потому и не могло имѣть точныхъ и постоянныхъ границъ. Охраняя интересы жены и желая ее оградить отъ непріятностей со стороны роднаго сына, огорченный старикъ Ѳедоръ Гневошовичъ долженъ былъ совершить дополнительную запись, обезпечивавшую владѣнія его жены отъ притязаній сына и точно опредѣлявшую границы этихъ владѣній.

Запись эта помѣчена 30 августа 1623 г. и того же числа была принята къ явкѣ винницкимъ подстаростою Мартыномъ Ласкомъ.

Это было послѣднее распоряженіе Ѳедора Гневошовича; осенью того же года онъ сошелъ въ могилу. Желая обезпечить миръ и спокойствіе въ семьѣ послѣ своей смерти, онъ при жизни передалъ дѣтямъ наслѣдство и обезпечилъ жену; не успѣлъ только пристроить младшей дочери Ганны. Но не сбылись мечты отца.

Библиотека "Руниверс"

Со смертію его все пошло прахомъ. Старое богатое и огромное имѣніе Кощичей-Стрижевскихъ въ короткое время по частямъ все переходитъ въ руки людей новыхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ угасаетъ навсегда и самый родъ Стрижевскихъ.

---

4. Дѣти Ѳедора Гневошовича и его наслѣдство.

О ближайшей судьбѣ дѣтей пана Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго и его наслѣдства намъ приходится черпать свѣдѣнія уже не изъ подлинныхъ актовъ, которыхъ вообще осталось весьма немного. Всѣ винницкія гродскія и брацлавскія земскія книги первой половины XVII ст. уничтожены во время козацкихъ войнъ. Жалкіе остатки нѣсколькихъ книгъ, уцѣлѣвшіе какимъ то чудомъ, переплетенные въ одну книгу, хранятся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, весь же архивъ Брацлавщины за цѣлое полстолѣтія отъ пожара винницкаго замка въ 1580 г. до 1648 года погибъ окончательно. Во всѣхъ вотчинныхъ процессахъ XVIII вѣка, когда дѣло доходило до необходимости представить суду архивные документы со временъ ante hosticum, стороны ограничивались ссылкой на манифестъ новаго брацлавскаго земскаго писаря Казиміра Зештелинскаго отъ 18 января 1664 года, которымъ онъ заявилъ брацлавскому земству, что, вступивъ въ должность, онъ не нашелъ ни одной книги и что всѣ книги брацлавскаго воеводства сожжены во время козацкихъ войнъ. Весьма немного *мембрановъ* и формальныхъ выписей изъ этой эпохи сохранилось въ рукахъ частныхъ лицъ, тягавшихся въ прошломъ вѣкѣ о наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правахъ. Въ протоколахъ и рѣшеніяхъ по этого рода дѣламъ встрѣчаются ссылки и цѣлыя цитаты изъ древнихъ актовъ. Матеріалъ это весьма скудный какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Старые акты цитировались постольку, поскольку они относились къ данному вопросу, а потому и добытыя изъ этого матеріала свѣдѣнія отличаются сухостью и краткостью. Такого рода скудныя свѣдѣнія удалось мнѣ собрать и о дѣтяхъ Ѳедора Гневошовича.

Библиотека "Руниверс"

Супруги *Кронковскіе* весьма скоро ликвидировали свои дѣла въ винницкомъ повѣтѣ. Чрезъ два года послѣ выдѣла кобыленскаго имѣнія Аполлоніи и Татьянѣ, Станиславъ Кронковскій постарался права жены перевести на свое имя. Въ 1616 году 28 ноября Аполлонія Ѳедоровна въ *ассистенціи* своего двоюроднаго брата Василія Кордыша, пріятеля мужа, совершила въ винницкомъ гродскомъ судѣ актъ, которымъ передала мужу Станиславу Кронковскому право собственности на свою часть въ кобыленскомъ имѣніи и, кажется, одновременно и права свои въ с. Сивоковцахъ. Кронковскому вскорѣ удалось пріобрѣсти и вторую часть с. Сивоковецъ, принадлежавшую Гречынамъ-Сабаровскимъ. Старикъ Омелянъ-Жданъ Гречына-Сабаровскій уже давно умеръ и имѣніе унаслѣдовалъ сынъ его Василій Гречына. Онъ былъ женатъ на Аннѣ изъ Приборова Гурской, и въ обезпеченіе полученнаго за ней приданаго выдалъ ей 13 апрѣля 1612 г. заставную запись на свою часть въ с. Сивоковцахъ въ суммѣ 1.000 зол. пол. и вскорѣ затѣмъ умеръ. Молодая бездѣтная вдова нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти мужа вышла вторично замужъ за Александра Млодецкаго и охотно уступила свои права на сивоковецкое имѣніе Станиславу Кронковскому, на что совершила въ винницкомъ гродскомъ судѣ запись (wlewek) 1-го августа 1620 г. Затѣмъ Кронковскій только одинъ годъ владѣлъ кобыленскимъ и сивоковецкимъ имѣніями, а 13 сентября 1621 года продалъ оба. Право свое на половину кобыленскихъ грунтовъ онъ уступилъ женѣ брацлавскаго земскаго судьи Александрѣ изъ Красносельскихъ Кохановской, а сивоковецкое имѣніе пану Ремигіану Горчинскому. Кстати слѣдуетъ здѣсь замѣтить слѣдующее: половина сивоковецкаго имѣнія куплена была стариками Стрижевскими въ 1599 г. у Михаила Ласка за 1.000 зол. пол. Въ этой части Кронковскому принадлежала только половина въ общемъ владѣніи съ Шерадовскими, и въ 1621 г. онъ взялъ за нее у Горчинскаго тоже 1.000 зол. пол. Въ 23 года цѣнность Сивоковецъ увеличилась вдвое. Сколько онъ взялъ съ того же Горчинскаго за „*влевковую*“ часть Сивоковецъ, пріобрѣтенную отъ Млодецкой,— неизвѣстно. Распродавъ имѣнія, Кронковскій, кажется, совсѣмъ выбрался изъ винницкаго повѣта

Библиотека "Руниверс"

и поселился въ подольскомъ воеводствѣ, гдѣ получилъ въ *поссессію* с. Голенищевъ, входившее въ составъ скальскаго старостства. Село это, какъ видно изъ люстрацій, въ сравненіи съ другими было очень доходное. Раньше оно было въ поссессіи у Калиновскихъ Александра-Валентія и сына его Адама, впослѣдствіи винницкаго старосты. У меня нѣтъ свѣдѣній о томъ какимъ путемъ оно перешло къ Кронковскому [1]). Съ именемъ Станислава Кронковскаго, какъ намѣстника винницкаго гродскаго судьи, мы встрѣчаемся еще разъ 1630 г. 16 апрѣля. Подъ этимъ числомъ занесена въ житомирскія гродскія книги реляція возваго о врученіи позва винницкому подстаростѣ Михаилу Ласку, гродскому судьѣ Константину Байбузѣ и его намѣстнику Станиславу Кронковскому по жалобѣ князей Корецкихъ за неправое рѣшеніе гродскаго винницкаго суда по дѣлу съ Байбузой о выдачѣ разбойника жида Меера Великаго. Но къ какому времени относится само неправое рѣшеніе гродскаго суда, въ которомъ участвовалъ Кронковскій, намъ неизвѣстно [2]).

Во время цецорскаго боя въ 1620 г. винницкій староста Александръ Васильевичъ Балабанъ попался въ плѣнъ туркамъ. Такъ какъ въ польскомъ лагерѣ его сначала считали погибшимъ, то вскорѣ на винницкое староство назначенъ былъ сынъ Александра-Валентія Калиновскаго Адамъ. Въ 1623 году онъ уже указывается въ актахъ, какъ собственникъ с. Петничанъ. Онъ продолжалъ политику своего отца и пребываніе его въ винницкомъ повѣтѣ ознаменовалось безпрестанными аграрными процессами, гражданскими и уголовными, съ сосѣдями. Богатое стрижевское имѣніе граничило и съ старостинскимъ мизяковскимъ ключемъ и съ Петничанами, а потому представляло весьма лакомый для Калиновскаго кусокъ.—Такъ какъ при этомъ молодой владѣлецъ Стрижевки Самуилъ Ѳедоровичъ вовсе не дорожилъ ни родовымъ гнѣздомъ, ни мѣстными отношеніями и вовсе не имѣлъ охоты вести подчасъ и неравную борьбу на мизяковской и петничанской границѣ, то сдѣлка состоялась скоро и

[1]) Źródła Dziejowe, V, стр. 19 и 191.

[2]) Опись акт. книги Кіевск. Центр. Арх. № 14, стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

онъ продалъ Калиновскому все свое имѣніе. Въ выдѣлѣ дочерямъ Ѳедора Гневошовича не опредѣлялись точно границы выдѣляемой четвертой части и говорилось вездѣ общими указаніями: кобыленскіе грунты или кобыленское имѣніе даже безъ перечисленія селъ Кобыльной, Приборовки, Козинецъ и Половецкаго. Пользуясь этой неясностью акта, изъ желанія ли досадить Кохановскимъ или же съ цѣлью обмануть Калиновскаго, Самуилъ Ѳедоровичъ, продавая ему все родовое имѣніе за исключеніемъ выдѣленнаго кобыленскаго имѣнія, включилъ въ перечень продаваемыхъ селъ, кромѣ своего стрижевскаго ключа, еще с. Козинцы и урочище Половецкое, состоявшія въ фактическомъ владѣніи Кохановскихъ, купившихъ права Кронковскихъ. Есть основаніе думать, что этотъ некрасивый поступокъ могъ быть даже внушенъ завѣдомо самимъ Калиновскимъ, который давно уже велъ войну съ владѣльцами кобыленскихъ имѣній, совершалъ наѣзды, грабилъ хлѣбъ и сѣно. Еще 26 марта 1623 года состоялось судебное рѣшеніе о взысканіи съ Калиновскаго въ пользу владѣльцевъ Кобыльной убытковъ за увозъ 5,000 фуръ сѣна. Продажный контрактъ на Козинцы и Половецкое помогъ пану старостѣ затянуть дѣло и изъ дѣла о самоуправствѣ сдѣлать вотчинный тяжебный процессъ, основанный на владѣнномъ актѣ и фактическомъ владѣніи. Предварительный договоръ о продажѣ Стрижевки состоялся лѣтомъ 1624 года въ Люблинѣ, гдѣ въ то время былъ и Ольбрыхтъ Кохановскій. Узнавъ о такомъ фортелѣ, этотъ послѣдній подалъ 10 сентября 1624 г. въ трибунальскія книги манифестъ противъ Адама Калиновскаго и Самуила Стрижевскаго, и началъ искъ объ уничтоженіи этой продажи и передачѣ ему обратно захваченныхъ силою Козинецъ и Половецкаго. Несмотря однако на эту протестацію, продажа все таки была оформлена и донація (крѣпостной актъ) совершена 20 декабря 1624 года.

Что побудило Самуила Ѳедоровича на самомъ дѣлѣ къ продажѣ своей потомственной, хорошо отцомъ устроенной вотчины, сколько онъ выручилъ за нее денегъ и гдѣ затѣмъ поселился, мы не знаемъ. Знаемъ только, что два года спустя, въ 1626 году, онъ былъ убитъ гдѣ то на Волыни. Сестры его, зная

Библиотека "Руниверс"

о значительныхъ капиталахъ, оставшихся послѣ безпотомно погибшаго Самуила Ѳедоровича, немедленно начали процессъ. Онѣ всѣ три 5 декабря 1626 г. подали жалобу въ луцкій гродскій судъ и затѣяли дѣло объ убійствѣ брата съ кн. Александромъ Заславскимъ и подданными его селъ Козарова и Бошковичъ (?). Оказалось при этомъ, что всѣ капиталы Самуила Ѳедоровича завѣщаны были его женѣ Ѳедорѣ, а цѣнную движимость захватили Остафіанъ Пясецкій и Войцѣхъ и Крыштофъ Длугопольскіе. Надежды на большое наслѣдство не оправдались и сестрамъ осталось только предъявить искъ къ Пясецкому и Длугопольскимъ о возвратѣ движимости. Но затѣмъ младшая сестра Ганна, въ то время бывшая уже замужемъ за Евстафіемъ Шашкевичемъ, нашла возможнымъ предъявить искъ и къ вдовѣ покойнаго, вышедшей немедленно послѣ убійства мужа вторично замужъ за Романа Загоровскаго. Нашлись какія то данныя къ обвиненію Ѳедоры Загоровской въ полученіи завѣщательнаго акта путемъ принужденія и на этомъ основаніи заведенъ былъ процессъ о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ. Есть свѣдѣніе, что всѣ эти весьма интересныя тяжбы, очень типичныя для своего времени, были въ полномъ разгарѣ еще въ 1630 г., но какой былъ ихъ исходъ, можно добиться развѣ въ луцкихъ гродскихъ книгахъ.

О самой младшей дочери Ѳедора Гневошовича *Аннѣ* у насъ очень мало извѣстій. Кромѣ сказаннаго выше, мы знаемъ, что первоначально она жила при матери въ заставномъ имѣніи с. Сосонкѣ и вскорѣ послѣ смерти отца вышла замужъ за Евстафія Шашкевича. Владѣла она въ брацлавскомъ воеводствѣ помимо мужа какимъ то своимъ собственнымъ имѣніемъ. По всему вѣроятію, это была таже Сосонка, доставшаяся ей послѣ матери. Нигдѣ не видно, чтобы она пыталась осуществить свое наслѣдственное право на третью часть кобыленскаго имѣнія, которая по смыслу отцовскаго выдѣла дочерямъ указной доли, должна была къ ней поступить по достиженіи совершеннолѣтія. Изъ всего видно, что кобыленское имѣніе постоянно находилось въ пользованіи въ двухъ равныхъ доляхъ Татьяны Шперадовской и супруговъ Кохановскихъ. Право Анны Шашкевичъ однако не

Библиотека "Руниверс"

было забыто и пану Мацѣю Пшерадовскому удалось добыть отъ нея актъ, которымъ она *резыновала* въ его пользу свою третью часть Кобыльной. Актъ этотъ никогда не осуществлялся, но два раза, въ XVII и XVIII ст., послужилъ яблокомъ раздора и поводомъ къ очень запутаннымъ тяжбамъ.

Татьяна Пшерадовская была единственной изъ дочерей Ѳедора Гневошовича удержавшей свою часть кобыленскаго имѣнія. Есть указанія на то, что Татьяна Ѳедоровна одарена была необыкновенной красотой, сохранившейся до пожилыхъ лѣтъ. Вышедши очень молоденькой замужъ за Пшерадовскаго, она сначала вполнѣ подпала подъ его вліяніе; въ дѣла и управленіе имѣніемъ она совершенно не вмѣшивалась, вездѣ и во всемъ замѣнялъ ее трудолюбивый и бережливый мужъ.

Вскорѣ послѣ покупки Александрой Кохановской у Кронковскихъ ихъ части въ кобыленскомъ имѣніи, новые совладѣльцы раздѣлились. Пшерадовская получила сѣверную часть имѣнія съ селами Кобыльной, Приборовкой и другими приселками; Кохановской же отошли земли въ верхней части бассейна рѣчки Кобыльной съ селомъ Козинцами, урочищемъ Половецкимъ и др. Границей между этими частями послужила старая дорога, существующая донынѣ, шедшая изъ Винницы на Липовецъ въ Украину. Несмотря однако на этотъ раздѣлъ, многія дѣла Пшерадовскихъ были тѣсно связаны съ дѣлами Кохановскихъ вслѣдствіе раньше заведенныхъ на широкую ногу процессовъ чуть ли не со всѣми сосѣдями за разнаго рода насилія, самоуправства и захваты. Старыя тяжбы съ винницкими мѣщанами, старостой Калиновскимъ и Кропивницкими тянулись долго, переходя разныя фазы то въ Винницѣ, то въ Люблинѣ. Вскорѣ возникли еще споры въ Ободенскими и кн. Заславскимъ, тѣснившими кобыленскія границы съ востока. На счастіе Пшерадовскихъ, новый ихъ сосѣдъ Ольбрыхтъ Кохановскій обладалъ и замѣчательной энергіей и связями, а потому всѣ ихъ процессы хотя тянулись довольно долго, но кончались успѣшно. Самъ Пшерадовскій весь отдался хозяйству. Дѣла ихъ, какъ видно, шли довольно хорошо и у нихъ водились значительныя свободныя суммы. Такъ 14 сентября 1621 г. на имя Татьяны Ѳедоровны куплена

Библиотека "Руниверс"

у Ремигіана Горчинскаго часть с. Сивоковецъ, только что пріобрѣтенная имъ у Кронковскихъ и взята у того же Горчинскаго въ поссессію Гречиновская половина Сивоковецъ на заставномъ правѣ („*влевковая*"). Вслѣдствіе этой сдѣлки Сивоковцы наконецъ въ цѣломъ составѣ перешли во владѣніе Пшерадовскихъ. Половина этого имѣнія принадлежала имъ на вотчинномъ правѣ, а другая половина, оставаясь собственностью наслѣдниковъ Василія Омельяновича Гречыны Сабаровскаго, была въ суммѣ 1.000 зол. пол. въ заставномъ пользованіи Татьяны Пшерадовской. Съ теченіемъ времени Пшерадовскій сталъ распоряжаться капиталами уже отъ своего имени. Между прочимъ онъ взялъ у старосты Адама Калиновскаго по акту отъ 12 іюля 1625 года въ заставную поссессію въ подольскомъ воеводствѣ с. Городницу, занявъ ему 11.000 зол. пол.

Пшерадовскіе дѣтей не имѣли и это обстоятельство современемъ весьма грустно отозвалось на взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ. Впослѣдствіи Татьяну Ѳедоровну упрекали въ вѣтренности и разныхъ интрижкахъ, вслѣдствіе которыхъ между ней и мужемъ возникли недружелюбныя отношенія. Послѣ 1631 года въ домѣ Пшерадовскихъ появляется молодой полякъ Казиміръ-Николай Коссаковскій. Онъ служилъ въ земствѣ и былъ близокъ съ Ольбрыхтомъ Кохановскимъ, въ то время судьей земскимъ брацлавскимъ. Татьянѣ Ѳедоровнѣ было тогда уже около 36 лѣтъ, но красота ея была еще въ полномъ цвѣтѣ, и Коссаковскій весьма скоро ею увлекся. Дѣло дошло, какъ кажется, до интимной связи, которая внесла въ отношенія супруговъ положительный раздоръ, и влюбленная парочка могла изрѣдка видѣться въ домѣ Кохановскихъ.—Такъ было до 17 августа 1634 года, когда Матвѣй Пшерадовскій былъ убитъ вооруженной толпой. У жены его нашлось духовное завѣщаніе, въ которомъ все почти свое имущество въ капиталахъ и документахъ Пшерадовскій отписалъ ей; только весьма незначительныя и малоцѣнныя имущества завѣщаны были въ пользу его родственниковъ. Между прочимъ, его любимой племянницѣ, дочери родного брата, Ядвигѣ Закшевской отписано фиктивное право на третью часть кобыленскихъ грунтовъ, пріобрѣтенное когда то завѣщателемъ

Библиотека "Руниверс"

отъ Ганны Шашкевичевой. По самому смыслу рядной записи Ѳедора Стрижевскаго, право Анны Шашкевичевой являлось довольно спорнымъ, а кромѣ того, ни сама Анна Ѳедоровна, ни пріобрѣвшій отъ нея это право Матвѣй Пшерадовскій ни разу не пытались въ теченіи многихъ лѣтъ осуществить его на дѣлѣ. Въ виду этого завѣщательное распоряженіе въ пользу Ядвиги Закшевской являлось почти неосуществимымъ. Однако добрая тетка, Татьяна Ѳедоровна, весьма любезно предложила ей *для избѣжанія споровъ о выдѣлѣ* 2.500 зол. пол. за это фиктивное право. Хотя эта сумма далеко не соотвѣтствовала стоимости третьей части кобыленскихъ грунтовъ, но процессъ съ теткой и всесильнымъ Кохановскимъ о выдѣлѣ не представлялъ никакихъ почти шансовъ и Ядвига Закшевская должна была согласиться на эту сдѣлку. Въ силу этого 22 сентября того же 1634 года въ Прилукѣ списана была въ пользу Татьяны Ѳедоровны донація, подписанная за неграмотную Ядвигу Закшевскую Григоріемъ Важинскимъ и принята къ явкѣ въ винницкихъ гродскихъ книгахъ подстаростою Матвѣемъ Кронковскимъ.—

Слѣдствіе объ убійствѣ Пшерадовскаго подвигалось медленно. Не прошло и полугода отъ совершенія преступленія, еще оно не было выяснено, какъ Татьяна Ѳедоровна утѣшилась и пошла подъ вѣнецъ съ Николаемъ Коссаковскимъ. Это придало болѣе правдоподобія носившимся толкамъ объ участіи Татьяны Ѳедоровны и Коссаковскаго въ убійствѣ. Побуждаемая упорной молвой, Ядвига Закшевская принимается болѣе энергично за дѣло и въ концѣ концовъ возбуждаетъ два процесса, обвиняя тетку въ подговорѣ и участіи въ убійствѣ мужа и кромѣ того ту же тетку и втораго ея мужа Коссаковскаго въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія Матвѣя Пшерадовскаго. По этимъ дѣламъ въ 1637 году послѣдовало одинъ за другимъ два декрета люблинскаго трибунала. Однимъ изъ нихъ отъ 4 сентября трибуналъ пріостановилъ дѣло о подложности завѣщанія до разрѣшенія вопроса объ убійствѣ Пшерадовскаго, а вторымъ отъ 23 сентября, признавъ виновными въ убійствѣ Стефана Саницкаго, Мольскаго и др., приговорилъ ихъ къ инфаміи; что же касается участія Татьяны Коссаковской, то несмотря на имѣю-

Библиотека "Руниверс"

щееся въ дѣлѣ подозрѣніе, въ виду отсутствія уликъ призналъ ее невиновной. Оправданіе Татьяны Ѳедоровны въ значительной степени уменьшило для Закшевской шансы на выигрышъ дѣла объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія и ей волей-неволей пришлось пойти на мировую сдѣлку съ Коссаковскими, которая тамъ же въ Люблинѣ и состоялась 29 сентября 1637 года. Въ этомъ процессѣ немаловажную роль игралъ вопросъ объ уступкѣ Ядвигой Закшевской Татьянѣ Ѳедоровнѣ за 2.500 зол. пол. права Анны Шашкевичевой. Коссаковскіе все ссылались на этотъ фактъ, какъ на доказательство того, что Закшевская воспользовалась завѣщаннымъ имуществомъ и, принявъ завѣщаніе къ исполненію, потеряла право оспаривать его подлинность. Закшевская съ своей стороны доказывала, что вся эта продѣлка съ фиктивнымъ правомъ Анны Шашкевичевой была обдуманной уловкой съ цѣлью ввести ее въ заблужденіе и обезпечить силу подложнаго завѣщанія.

Николай Коссаковскій, второй мужъ Татьяны Ѳедоровны, оказался практичнѣе Пшерадовскаго. Онъ успѣлъ настолько овладѣть своей супругой, что она совершила 11 мая 1642 года въ винницкихъ гродскихъ актахъ въ его пользу донацію на все свое имѣніе, состоявшее изъ селъ Сивоковецъ, Кобыльной и Приборовки, основанной на лѣвомъ берегу рѣчки Кобыли. Здѣсь въ послѣдній разъ имѣющіеся у меня подъ рукой акты упоминаютъ имя этой бурной и страстной красавицы.

Весьма прискорбно, что весь процессъ объ убійствѣ Матвѣя Пшерадовскаго извѣстенъ намъ только по отрывочнымъ цитатамъ; онъ могъ бы дать много типичныхъ бытовыхъ чертъ. Этотъ процессъ интересенъ еще и потому, что Николай Коссаковскій, игравшій въ немъ довольно подозрительную роль, вовсе не дюжинная личность въ Брацлавщинѣ; онъ до нѣкоторой степени попалъ даже въ исторію. Это тотъ самый брацлавскій подсудокъ Коссаковскій, который впослѣдствіи участвовалъ въ качествѣ польскаго коммиссара при заключеніи съ Хмельницкимъ бѣлоцерковскаго мира и чуть не былъ убитъ вмѣстѣ съ Адамомъ Киселемъ разсвирѣпѣвшей козацкой чернью.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, послѣ смерти Ѳедора Гневошовича Стрижевскаго, въ теченіи очень короткаго времени, огромная территорія его имѣній по частямъ вся переходитъ въ руки поляковъ. Ключъ Стрижевскій съ м. Стрижевкой и селами Переорками, Лисіевской и Соболевкой переходитъ въ 1624 г. въ собственность Калиновскаго; южную половину кобыленскихъ грунтовъ съ селами Козинцами и Половецкимъ покупаютъ въ 1621 году Кохановскіе; наконецъ сѣверную половину съ селами Кобыльной, Приборовкой и Сивоковцами въ 1642 г. пріобрѣтаетъ въ собственнось Коссаковскій, который основалъ еще четвертое село выше Приборовки у самой дороги, ведущей въ Липовецъ, подъ именемъ Коссаковки.

Одновременно съ отчужденіемъ родоваго имѣнія прекращаетъ свое существованіе и самый родъ Стрижевскихъ въ лицѣ погибшаго безпотомно въ 1626 г. Самуила Ѳедоровича.—Въ XVI и XVII ст. мы встрѣчаемъ въ подольскомъ воеводствѣ тоже Стрижевскихъ, но намъ кажется, что этотъ польскій родъ ничего общаго съ православными Кощичами—Стрижевскими не имѣетъ.

Ц. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

НЕ СУДИЛЪ БОГЪ.

Разсказъ.

Ой свите мій ясный, свите мій прекрасный!
Ой якъ на тоби та тяжко жыты!
(Изъ народной пѣсни).

Пышно и величаво опускалось солнце за горизонтъ, обливая послѣдними лучами бѣлыя хаты села Козацкаго, утопающія въ зелени вишневыхъ садовъ, и скромную фигуру дѣвушки, тихо поднимавшейся въ гору съ полными ведрами на плечахъ.

Выливъ воду въ кадку и поставивъ ведра и коромысло въ уголъ сѣней, дѣвушка пріотворила дверь, заглянула въ хату и, затаивъ дыханіе, вошло туда, осторожно ступая босыми ногами по земляному полу. Переходъ отъ яркаго солнечнаго освѣщенія къ полумраку хаты, куда свѣтъ еле-еле проникалъ сквозь крохотныя подслѣповатыя оконца, былъ настолько рѣзокъ, что дѣвушка на мгновенье остановилась у порога, сосредоточенно всматриваясь въ окружающіе предметы. Хата была тѣсна и убога. Почти треть ея занимала большая *варыстая* печь съ *бóвдуремъ* (трубою), выходящимъ въ сѣни, гдѣ подъ нимъ былъ устроенъ очагъ для приготовленія пищи въ лѣтнее время. Вдоль стѣнъ, опрятно выбѣленныхъ глиной, шли широкія *лáвы*. Въ переднемъ углу, подъ образами, украшенными сухими васильками, гвоздикою, барвинкомъ и самодѣльными цвѣтами изъ разноцвѣтной бумаги, стоялъ квадратный некрашенный столъ, покрытый гру-

Библиотека "Руниверс"

бой, домашней работы скатертью съ красными каймами по краямъ. На столѣ, по гостепріимному украинскому обычаю, лежалъ хлѣбъ, ножъ и бурая, крупно-истолченная соль на деревянной тарелочкѣ.

Съ *пòлу* (наръ) доносились слабые стоны и тихія жалобы.

Марта на цыпочкахъ прошла туда и заботливо склонилась надъ разметавшейся женской фигурой.

— Что тебѣ надо, сеструню?

— Охъ, охъ!.. моя матинко... охъ... помоги мнѣ!... душно мнѣ!.. охъ... сестрица!.. водицы дай!.. головонька моя!..

Больная дѣвушка приподнялась на подушкахъ и съ плачемъ обхватила свою пылающую голову.

Марта поспѣшно выбѣжала въ сѣни, зачерпнула кружкой холодной воды и подала ей.

— Пей, сеструню, на здоровье, пей! Пускай тебѣ Богъ поможетъ! приговаривала она съ глубокой, беззавѣтной лаской, поднося къ воспаленнымъ устамъ больной кружку.

— Можетъ хочешь, сеструню, взвару кисленькаго? Хочешь? Я сейчасъ принесу грушъ и сварю тебѣ въ горшечкѣ. Хочешь? скажи, сердце, чего тебѣ хочется?

— Охъ! Ничего я не хочу... душно мнѣ!.. сестрица!.. горю я... къ груди подступаетъ... смерть моя пришла!.. отвори хоть окно!.. тяжко мнѣ!..

Марта бросилась къ окну и дрожащими руками отодвинула въ сторону закоптѣлую деревянную раму.

Яркій снопъ лучей брызнулъ въ отверстіе и косымъ, золотистымъ столбомъ обрисовался въ пыльномъ воздухѣ, бросая красный отблескъ на бѣлую печь. Изъ цвѣтущаго садика потянуло мягкимъ ароматнымъ вѣтеркомъ. Гдѣ то близко женскій голосъ грустно пѣлъ:

„Ой свите мій ясный, свите мій прекрасный!
„Ой якъ на тоби та тяжко жыты!
„Ой ще тяжчіше молоденькій,
„Не пожывши, тай умираты!..

— Охъ, Боже мой! какъ хорошо! невольно вздохнула больная и, закрывъ глаза, снова впала въ тревожное, мучительное забытье.

Библиотека "Руниверс"

Марта все стояла у окна, тоскливо вслушиваясь въ слова пѣсни. Ей казалось, что эта пѣсня сложена про ея сестру. Сестра ея умретъ! И вотъ въ ея болѣзненно-возбужденномъ воображеніи рисуется мрачная, полная безъисходной печали картина смерти. На лавѣ, подъ образами, гдѣ тихо мерцаетъ желтая восковая свѣча, лежитъ ея умершая сестра, прикрытая прозрачною *намиткою* (кисея), руки ея сложены на груди, зеленый вѣнокъ изъ барвинку надѣтъ на голову, блѣдныя уста навѣки сомкнулись. Не раздается уже ея серебристый голосъ, ея милое, веселое щебетанье, ея звонкія дѣвичьи пѣсни. Не запоютъ ей дружки, не посадятъ ее за столъ *на посади* съ женихомъ!.. женихъ ея — тѣсная *домовына*, *посадъ* ея—сырая могила, пѣсни дружекъ для нея—звонъ церковныхъ колоколовъ!.. Все, все унесла съ собою безпощадная смерть! И вотъ Марта, въ безумномъ отчаяніи, бросается къ этому холодному, неподвижному тѣлу и жалобнымъ голосомъ начинаетъ причитывать: „Ой сестрице моя, зозуленько! На кого жъ ты мене покынула?“ Но нѣтъ! Она не въ силахъ будетъ тужить и причитывать. Ей казалось, что она сама умретъ, сама ляжетъ подлѣ сестры въ сырую могилу. Зачѣмъ ей жить? Развѣ она можетъ пережить ту, которую она выростила, выняньчила на своихъ рукахъ, какъ свое родное дитя?

Гнетущая тоска охватила все ея существо, какъ тисками сжала ея сердце...

„Ой що тяжчійше молодесенькій,
„Не нажившися, тай умираты!“

доносилось въ окно вмѣстѣ съ волною весенняго воздуха.

Марта опустилась на лавку и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Это была некрасивая, хотя и симпатичная, дѣвушка. Она считалась первой работницей въ селѣ, кроткой и тихой по нраву, и потому сваты, какъ говорится, не переводились у нея въ хатѣ. Однако Марта не спѣшила замужъ: у нея были свои обязанности и она не могла еще думать о себѣ. Отца она не помнила, мать и отчимъ давно уже умерли въ одинъ день отъ холеры.

Библиотека "Руниверс"

Мужчины-работника въ ихъ семьѣ не было и потому на ея рукахъ осталось все хозяйство, старая баба—мать ея отчима, и малютка-сестра.

Марта поплакала, потужила, но не пала духомъ. У нея были сильныя молодыя руки, твердая воля, доброе, отзывчивое сердце... Она бодро, энергично взялась за дѣло, неся на себѣ всю тягость непосильнаго труда. Нужды нѣтъ, что она работаетъ на другихъ, что она здѣсь пришлая, такъ какъ хата по закону принадлежитъ сестрѣ и она въ одинъ прекрасный день можетъ очутиться безъ крова. Ее даже предостерегали на этотъ счетъ добрые люди, въ особенности сваты, которымъ очень хотѣлось сосватать эту завидную невѣсту.

— Перебирай, дѣвка, перебирай, доперебираешься до сивой косы,—каркали они, получивъ на свое предложеніе отказъ.—Вотъ подожди, пускай только меньшая подростетъ, „подверне вона тебе пидъ корыто“ [1])... Хорошо, если еще изъ хаты не выгонитъ, будетъ еще и это... Увидишь... Вспомнишь тогда наше слово... Пойдешь изъ дому безъ оглядки, какъ собаку выгонятъ.

— Ну такъ что-же? Выгонятъ, такъ и выгонятъ, спокойно, съ добродушной улыбкой возражала Марта. — Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ? Выгонятъ—пойду къ чужимъ людямъ. Гдѣ работать, то работать, даромъ хлѣба нигдѣ не будешь ѣсть, лишь бы Богъ далъ здоровье, а тамъ... Пускай...

И она украдкой вытирала слезу, но не колебалась въ своемъ рѣшеніи.

Года два тому назадъ Олена, ея меньшая сестра, которой пошелъ тогда пятнадцатый годъ, нанялась въ городъ, къ „своимъ панамъ“. Жилось ей тамъ хорошо: работой ее не тяготили, жалѣли и даже баловали. Городская жизнь тоже пришлась ей по вкусу, и она собиралась наняться и на третій годъ, какъ случилась бѣда, разрушившая ея планы: поѣхавъ на свѣтлый праздникъ домой, она простудилась дорогой и вотъ уже другую недѣлю лежала въ горячкѣ.

---

[1]) Т. е. выйдетъ раньше замужъ.

Библиотека "Руниверс"

— И что съ ней такое сталось, Боже мой?—раздумывала въ тоскѣ Марта. — Или она простудилась, или лихіе люди наслали? Горитъ, сердечная, какъ въ огнѣ... мечется... говоритъ что то чудное, будто, сохрани Боже, не въ своемъ разумѣ... Хоть бы бабуся скорѣй вернулась... Застала ли она бабу? Сильвестриха—баба знающая... можетъ, Богъ дастъ, и помогутъ.

Марта вздохнула, отерла слезы и, вытащивъ изъ подъ лавки коробку съ картофелемъ, принялась его чистить, безпрестанно поглядывая въ оконце.

Скоро на дворѣ залаяла собака. Марта поспѣшно выбѣжала за дверь. Черезъ нѣсколько времени въ хату вошла, въ сопровожденіи дѣвушки и самой хозяйки—„бабуси“, желанная гостья.

— Здравствуйте, Боже вамъ поможи! Съ середою будьте здоровеньки!—быстро сыпала она словами, остановившись у порога и окидывая бѣгающими глазками убогую обстановку сиротскаго жилья.

— А у нихъ, мое серденько, и стѣны обшарпаны, и куска хлѣба нѣтъ въ хатѣ! А сорочка на дѣвкѣ, то чтобы мнѣ не сойти съ этого мѣста, коли я брешу, такая рваная, такая рвавая, какъ у нищей... Ей Богу, серденько, правда!—будетъ потомъ она импровизировать среди сельскихъ кумушекъ.

Это была маленькая, юркая старушенка съ живыми черными глазками, съ изрытымъ лицемъ. На вопросъ, что ее такъ искалѣчило, она неохотно отвѣчала: „глаза болѣли, такъ порохомъ припекала“,—и больше отъ нея ничего нельзя было добиться. Одѣта она была въ демикотоновую *полотнянку* [1]), синія *запаски*, плотно облегавшія ея плоскія бедра и сухія ноги, выглядывавшія изъ подъ подола толстой, домашняго полотна рубаки. Голова повязана низко на лобъ чернымъ бумажнымъ платкомъ съ бѣлой кромкой, на шеѣ шнурокъ съ мѣднымъ крестомъ.

Баба Сильвестриха пользуется въ селѣ громкой репутаціей первой сплетницы и „брехухи“ и искусной знахарки—шептухи. Уваженіемъ она не пользовалась, но за то къ ней обращались при всѣхъ недугахъ. И отъ какихъ только болѣзней она не лѣ-

[1]) Кофта на подкладкѣ съ пышными складками сзади.

Библиотека "Руниверс"

читъ! Она умѣетъ и *сояшныци* заговаривать, и отъ сухотки въ печи загничувать [1]), и при *колючкахъ* бока подавливать ножемъ и раскаленнымъ ухватомъ, и ребенку отъ *уроковъ* слизать языкомъ накрестъ лицо. Знаетъ она, что отъ *куриной слѣпоты* надо пацієнта столкнуть неожиданно въ яму, чтобы онъ испугался, а отъ лихорадки слѣдуетъ заставить его похлебать пшеннаго кулишу вмѣстѣ съ собакой, сидя на порогѣ хаты, или же во время параксизма выкупаться въ рѣчкѣ, а зимою и въ проруби... Все умѣетъ баба Сильвестриха, но ни отъ чего она такъ удачно не пользуетъ, по мнѣнію ея благодарныхъ пацієнтовъ, какъ отъ *грызи*, т. е. ломоты. По этой болѣзни она спеціалистка. Сельвестриха не только пошепчетъ и *погрызетъ* собственными зубами больному руку или ногу, а если болитъ спина, то *потопчетъ* ее колѣнями, но у нея имѣются еще особенные шнурочки, которые она сама прядетъ въ чистый четвергъ до восхода солнца, сидя на порогѣ своей хаты буквально голая.

Утерши пестрымъ ситцевымъ платочкомъ потъ и напившись холодной воды, знахарка мелкими шажками прошла къ нарамъ, остановилась надъ больной и, подперши щеку рукою, стала сокрушенно съ громкими вздохами качать головою, приговаривая: „Охъ, серденько, умретъ дивчина, ей Богу умретъ, пеките и пироги... Не долго уже ей!..“.

Марта стояла поодаль, блѣдная какъ полотно, и, затаивъ дыханіе, впилась глазами въ лѣкарку, стараясь прочесть на ея лицѣ рѣшеніе мучительнаго вопроса. На зловѣщія слова Сильвестрихи Марта не обратила вниманія, какъ на обычныя въ подобныхъ случаяхъ.

Баба еще постояла и покачала головой, потомъ полѣзла на нары и съ глубокомысленнымъ видомъ принялась осматривать и ощупывать больную, ворочать ее съ боку на бокъ, тискать въ бока кулаками, дуть въ лицо, плевать, шептать.... Несчастная больная только стонала.

— Плохо дивчинѣ, плохо!... Надо ее подкурить. Это съ ней отъ простуды такъ сталось. Надо подкурить.

---

[1]) Пацієнта помѣщаютъ въ печь и съ краю раскладываютъ небольшой огонь, какъ для хлѣбовъ.

Библиотека "Руниверс"

Баба слѣзла съ *полу* и начала свои операціи. Доставъ изъ за пазухи какихъ то сушеныхъ ароматическихъ травъ и всыпавъ ихъ въ большой глиняный черепокъ, она поставила его на печь и что то долго надъ нимъ шептала, поминутно отплевываясь. Окончивъ нужныя заклинанія, Сильвестриха подожгла травы такимъ образомъ, чтобы онѣ только курились, и съ помощью Марты втащила больную на печь, наклонила ее надъ дымомъ и, накрывъ ее сверху рядномъ и кожухомъ, продержала нѣсколько времени въ такомъ положеніи, продолжая бормотать свои наговоры.

Бабуся сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ и съ глубокимъ благоговѣніемъ и непоколебимой вѣрой слѣдила за этой церемоніей, вытирая отъ времени до времени рукавомъ слезящіеся подслѣповатые глаза.

Между тѣмъ больная совсѣмъ угорѣла и ее, почти безъ сознанія, сильно пропотѣвшую, сняли съ печи и положили на полъ, бережно укутывая, чтобы она не застудилась.

Марта, по знаку бабуси, внесла изъ *хижи*[1]) сало и, покрошивъ его на небольшіе кусочки на расписной тарелкѣ, пригласила лѣкарку *пополудновать* чѣмъ Богъ послалъ, смущенно извиняясь въ отсутствіи горилочки.

— Спасибо, я не хочу, я уже полудновала: мнѣ лишь бы крошечку съѣсть—я и сыта...—жеманно отказывалась гостья и поломавшись еще сколько требовали сельскія приличія, усѣлась за столъ и съ церемоннымъ видомъ принялась угощаться.

Когда Сильвестриха закусила и стала собираться домой, Марта вызвалась проводить ее и, вмѣсто гонорара, захватила съ собой свѣжую *паляныцю* и преподнесла знахаркѣ *на гостынець*.

Вечеръ былъ тихій, теплый, ароматный. Золотой серпъ мѣсяца рѣзко выдѣлялся на матово-голубомъ фонѣ, и блестящія звѣзды одна за другой загорались въ необъятномъ пространствѣ... Изъ садика доносились соловьиныя трели, съ улицы слышались пѣсни и веселыя *выгуканія* гуляющей молодежи. Марта, вслу-

---

[1]) Кладовая черезъ сѣни.

Библиотека "Руниверс"

шиваясь въ эти веселые звуки, съ горечью думала: „и поется же имъ... Тутъ человѣкъ умираетъ, а они гуляютъ. Господи милосердый! такъ все на свѣтѣ дѣлается,—тутъ плачутъ, а тамъ смѣются“... Но здѣсь теченіе ея грустныхъ мыслей было неожиданно прервано,—послышался тихій шорохъ и кто то шепотомъ позвалъ ее:

— Марта!

— Это ты, Иванъ?—слегка вздрогнувъ, тихо спросила она.

— А кто же, какъ не я?

Изъ за плетня выступила фигура парня въ сѣрой *чемеркѣ* и высокой бараньей шапкѣ.

— Здравствуй! Давно уже мы съ собой не видались.

Дѣвушка отступила, печально спросивъ: „чего тебѣ“?

— Чего?... Чего?—съ удивленіемъ и негодованіемъ передразнилъ ее парубокъ.—Не знаешь чего? Въ первый разъ тебѣ? Забыла? Еще спрашиваетъ: чего?

Она молчала, скорбно сжавъ губы.

— Ну, что же ты молчишь? *Отъ лыхая годына*! Что съ тобой сталось? Полюбила кого, что ли? Можетъ того усатаго венгерца, что ночевалъ у васъ? Гляди, я этого не спущу!...—и онъ полу-шутя ударилъ ее прутикомъ по плечу.

— *Геть, парубче!* Мнѣ не до шутокъ, не такое теперь время,—нервно, со слезами въ голосѣ возразила она.

— Ого, какая пышная стала, и не подступай. Не такое время! А какого тебѣ надо?

— Не говори такъ, Иванъ? У меня сестра больная лежитъ. Можетъ и умретъ.

— Ну и пусть себѣ умираетъ, я и *мáры* помогу нести.

— *Пыпоть тоби на языкъ*!—съ ужасомъ вскрикнула Марта.—Грѣхъ тебѣ, Иванъ, издѣваться такъ надъ моимъ горемъ.

Долго сдерживаемыя слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ дѣвушки и, припавъ головою къ плетню, она стала истерически всхлипывать. Парубокъ стоялъ смущенный, сконфуженный и растерянно бормоталъ: „Ну, чего ты? я только такъ, пошутилъ,—а ты и вправду. Что же съ ней такое“?

Выплакавшись и нѣсколько успокоившись, тронутая его участіемъ Марта отвѣчала:

Библиотека "Руниверс"

— Кто его знаетъ. Баба Сильвестриха говорила, что она должно быть простудилась... Отъ простуды съ ней это случилось... Она ее подкуривала.

— Вотъ выдумала! много она знаетъ. Можетъ быть такъ, какъ Карпу посовѣтовала прикладывать какую то мазь къ пальцу, когда у него нарывъ былъ, а ему изъ за этого и всю руку отрѣзали, да хорошо еще, что рано захватили, а то говорили, что еще дня два, такъ и умеръ бы. О! Я эту брехуху и на дворъ къ себѣ не пустилъ бы, собаками затравилъ бы! Тьфу на нее!— выразительно сплюнулъ онъ и потомъ, помолчавъ немного, уже другимъ тономъ спросилъ: Такъ изъ-за этого ты и не выходишь ко мнѣ?

— Должно быть изъ-за этого!

— Вотъ уже, Господи помилуй, слова не можетъ сказать по человѣчески, такъ и огрызается! Ну чтожъ, можетъ и вправду задумала идти за другаго, такъ не знаешь, какъ отдѣлаться?

Онъ снова попытался взять ее за руку, но она мягко отстранилась и грустно вымолвила:

— Не тронь меня, Иванъ! Мнѣ не до того! Если бы ты зналъ, что у меня здѣсь!—и она указала на грудь.—Огнемъ меня печетъ и водою не зальешь! Охъ, не до того мнѣ теперь, не до того!

— Все тебѣ не до того!—съ горечью возразилъ онъ.— Давно уже мы съ тобою любимъ другъ друга, да никакъ не поженимся... Только задумаю старостовъ присылать, сейчасъ тебѣ не до того: то сестра еще мала—некому дома хозяйничать, пускай подростетъ, то денегъ нѣтъ—не на что весилье справить, надо корову купить.... А тутъ опять горе—сестра заболѣла.... Бѣда, да и только! Водишь ты меня, смѣешься надо мной! Свѣтъ мнѣ завязываешь! Уже и люди мнѣ глаза колютъ: „она о тебѣ и не думаетъ, она себѣ другаго нашла—побогаче“. Ты думаешь сладко мнѣ это слушать? Не знаешь кому и вѣрить: людямъ или тебѣ! Слушай, дивчина, что я тебѣ скажу!—вдругъ страстно заговорилъ онъ.—Если ты только дурачишь меня, если ты надумала идти за другаго, то вотъ тебѣ крестъ святой—не жить ни тебѣ, ни ему. Убью и тебя, и его! Знай это и помни!

Библиотека "Руниверс"

Дѣвушка невольно улыбнулась сквозь слезы.

— Чудной ты, парубче! Развѣ я виновата въ этомъ?

— Все ты не виновата! Ну вотъ хоть теперь скажи мнѣ всю правду, какъ передъ Богомъ: пойдешь ты осенью за меня? Хоть буду знать чего мнѣ ожидать.

Она не сразу отвѣчала, что то обдумывая. Потомъ, глубоко вздохнувъ, подняла на него свои печальные глаза, составлявшія ея единственную красу, и тихимъ, проникнутымъ голосомъ торжественно проговорила:

— Вотъ тебѣ, какъ передъ Богомъ, даю зарокъ, Иване, когда сестра выздоровѣетъ, послѣ Покровы присылай старостовъ, я пойду за тебя.

— А какъ не выздоровѣетъ?

— А какъ не выздоровѣетъ...—голосъ ея дрогнулъ.—Какъ не выздоровѣетъ, тогда ни за кого не пойду, ни за тебя, ни за другаго. Развѣ годится справлять весилье, гдѣ тужатъ надъ гробомъ?

— Что-жъ не вѣкъ дѣвкой останешься? Или, можетъ быть, въ черницы пойдешь?—усмѣхнулся онъ.

— Тамъ уже какъ Богъ дастъ. Прощай!

Она круто повернулась и пошла къ хатѣ.

— Куда ты, Марта?—встрепенулся парень.—Куда? Иди сюда! Я что то хочу сказать. Вотъ уже и разсердилась! Подожди, говорю, вернись!

Но дѣвушка не возвращалась.

Прошло два мѣсяца. Больная, послѣ искуснаго подкуриванія бабы Сильвестрихи, поправлялась.

Было тихое, ясное праздничное послѣ обѣда. Въ хатѣ Марты все дышало миромъ, тихимъ покоемъ послѣ тяжкаго труда и безмятежнымъ семейнымъ счастьемъ. Прислонившись головой къ стѣнѣ, блѣдная какъ лилія, сидѣла Олена у открытаго оконца, мечтательно глядя въ зеленѣющій, облитый золотымъ сіяніемъ садикъ. Бабуся крѣпко спала на *полу* и ея сладкое монотонное похрапыванье какъ бы дополняло мирную картину отдыха. Марта возилась подъ печью съ цыплятами.

Библиотека "Руниверс"

— Слушай, Мартуню, что я тебѣ скажу,—повернулась къ ней сестра, когда она высунула наконецъ изъ-подъ печи свою облѣпленную пухомъ и соломой голову.—Пойдемъ пройдемся на огородъ или въ садъ, теперь тамъ такъ хорошо... Мнѣ что то не сидится въ хатѣ.

—. Пойдемъ, сердце, ты совсѣмъ заскучала. Подожди только минуточку—я цыплятъ накормлю да поросятъ загоню.

— Охъ ужъ эти мнѣ цыплята да поросята! И не надоѣли они тебѣ? Ты, кажется, безъ нихъ жить не можешь!—съ досадой замѣтила Олена—я бы и пачкаться съ ними не захотѣла... Слушай, принеси мнѣ изъ кижи одежу... знаешь, ту городскую, что мнѣ панночка подарила... Надо немного принарядиться, а то какъ разъ люди будутъ проходить по улицѣ, скажутъ: „святая недиля, а она такая нетипака“. Возьми же ту сорочку тоненькую, что виноградомъ вышита.

— Знаю, знаю... Сейчасъ...

Марта поспѣшно справилась съ цыплятами и поросятами и наконецъ возвратились въ хату съ цѣлымъ ворохомъ одежи въ рукахъ.

Олена не твердо поднялась съ лавки и, пошатываясь, стала одѣваться, но руки ея, ослабѣвшія послѣ изнурительной болѣзни, сильно дрожали и она никакъ не могла справиться со своимъ туалетомъ.

— Да помоги же мнѣ! Развѣ не видишь, что я не могу,— крикнула она сестрѣ со свойственнымъ выздоравливающимъ раздраженіемъ.

Марта поспѣшила къ сестрѣ. При ея помощи Олена нарядилась въ тонкую, пышно расшитую цвѣтными нитками сорочку, пеструю шерстяную спидницю, черный плисовый корсетъ, обложенный алой лентой, бѣлый съ прошивками и кружевами передникъ и, остановившись передъ осколкомъ зеркальца, вмазаннымъ въ стѣну, стала нацѣплять на шею блестящія стеклянныя бусы. Между тѣмъ Марта вплетала въ ея длинную черную косу яркія ленты.

— Можетъ *захватчаты* тебя?—спросила она, окончивъ свое дѣло и заботливо оглядывая живописный нарядъ дѣвушки.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, не надо! Тяжело будетъ головѣ.—Дай лучше платокъ.

Олена набросила на голову поданный ей легкій кисейный платочекъ, тоже привезенный изъ города.

— Ну, теперь я готова!—вымолвила она, охорашиваясь передъ зеркальцемъ.—Господи! какая я чудна̀я, совсѣмъ не похожа на здѣшнихъ дивчатъ, бѣлая, какъ мертвецъ, еще скажутъ, что холера или чума изъ города проявилась, бѣгать отъ меня будутъ!

— Ну вотъ, чего же бѣгать?—обидѣлась за нее сестра.—Развѣ ты не такая, какъ люди? И выдумаетъ же такое...

— Ну будетъ, будетъ... Уже пошла...—со смѣхомъ прервала ее Олена.—Веди лучше меня гулять,—сама не въ силахъ, ноги не держатъ.

Олена склонилась на плечо сестры и онѣ медленною поступью вышли изъ хаты.

Садикъ былъ маленькій, но густой, зеленый, почти исключительно вишневый, только въ одномъ углу широко раскинула свои вѣтви старая развѣсистая груша, вся усыпанная мелкими, незрѣлыми плодами. Вокругъ сада, подъ плетнемъ и между деревьями прихотливо извивалась узкая тропинка. На длинной грядѣ подъ окнами цвѣли душистые *васильки*, *бурячки*, высокая *рожа* всѣхъ цвѣтовъ, *красоля*, ярко пестрѣлъ макъ, зеленѣлъ барвинокъ, пахучая мята, *кануперъ*, *любыстокъ*. Все было аккуратно разсажено, выполото, полито заботливой рукой.

Сестры рука объ руку прохаживались по саду, вдыхая свѣжій послѣ дождя, напоенный ароматомъ воздухъ. Выйдя въ первый разъ послѣ болѣзни изъ хаты Олена ощущала какое то пріятное головокруженіе и сладкое томленіе теплой струей разливалось по ея тѣлу. На душѣ у нея было радостно, свѣтло; хотѣлось смѣяться, плакать, обнять весь Божій міръ. Словно послѣ долгаго отсутствія ей все казалось дорого, мило... Будто на старыхъ друзей, съ улыбкой глядѣла она на каждое деревцо, кустикъ. Въ густыхъ вѣтвяхъ груши закуковала кукушка.

Библиотека "Руниверс"

— Зозуле, зозуле! Скажи мнѣ правду, долго ли я буду жить?

Зозуля куковала и куковала безъ счета и ея грустная, нѣжная жалоба далеко разносилась вокругъ.

— Слышишь, сестра, что она мнѣ кукуетъ? Еще долго, долго мнѣ жить, не скоро я умру! Охъ, сестра, какъ на свѣтѣ хорошо! Сядемъ тутъ подъ грушею, въ тѣни, отдохнемъ—я уже устала.

Марта разостлала висѣвшее на плетнѣ рядно и дѣвушки усѣлись.

— Сестра, когда тебя Кравчукъ будетъ сватать?—спросила спустя нѣкоторое время Олена, перебирая на колѣнахъ цѣлую груду душистыхъ цвѣтовъ.—Вѣдь говорятъ, что вы съ нимъ давно уже любитесь?

Марта вспыхнула и смѣшалась.

— Вотъ уже и говорятъ! Выдумываютъ!

Потомъ, потупившись, тихо проговорила:

— Кто его знаетъ... можетъ осенью...

— Онъ, говорятъ, богатый?

— Да, слава Богу, есть у него и хата, и земля, и пара воловъ...

— Что же онъ одинъ или и братья есть?

— Есть одинъ женатый.

— А красивый онъ?

— Какъ кому, а для меня красивый.

— Какъ же вы познакомились, если онъ живетъ на хуторѣ? Развѣ ему парубки позволили ходить сюда на улицу?

— Гдѣ тамъ! Наши не допустили бы и ребра ему поломали бы, да онъ откупился, поставилъ четверть горилки. Ну а я тоже ходила на улицу, вотъ и познакомились.

— А потомъ и полюбили одинъ другаго!—усмѣхнулась Олена и задумалась.

Марта любовно посмотрѣла на ея блѣдный нѣжный профиль съ тонкими, будто нарисованными бровями и въ ея головѣ невольно мелькнула мысль: „Такая она хорошенькая и чуть не умерла!“

Олена подняла голову и повернулась къ ней.

— Вотъ счастье тебѣ!—воскликнула она съ какой то за-

Библиотека "Руниверс"

вистью въ голосѣ.—И богатый, и хорошій! А ко мнѣ и до сихъ поръ никакой чертъ не присватывался!

Марта съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ испугомъ взглянула на нее.

— Богъ съ тобой, дивчино! Что ты говоришь? Гдѣ же еще тебѣ думать о замужествѣ? Ты же меньшая сестра... Я вотъ и старшая и мнѣ будетъ уже лѣтъ двадцать пять, а и то я не безпокоюсь. Если Богъ пошлетъ пару, то такъ и будетъ. „Суженаго и конемъ не объѣдешь“...

— Это ты такъ думаешь, а я иначе,—съ презрительной гримасой возразила Олена.—По вашему, мужичьему, непремѣнно надо, чтобы старшая прежде шла замужъ, а меньшая сиди да дожидайся пока придетъ ея очередь. А у насъ, по городскому, которая выскочила, то и хорошо. Будетъ ли это старшая, меньшая или средняя—все равно. Тамъ на это не смотрятъ.

— Ахъ Боже мой! Такая молоденькая!—искренно удивлялась и огорчалась Марта.

— Положимъ, мнѣ только шестнадцатый годъ пошелъ, а все же досадно. Вотъ какъ я была въ городѣ, то тамъ одинъ знакомый писарь...

— Здравствуйте, дивчата! Съ недилею будьте здоровы!—неожиданно крикнулъ имъ Иванъ, остановившись на улицѣ за плетнемъ.

Дѣвушки вздрогнули и, смутившись, не сразу отвѣтили: „Спасибо! И вы будьте здоровы!“.

—Это онъ?—шепотомъ спросила Олена, наклоняясь къ сестрѣ.

— Онъ,—закраснѣвшись, тихо отвѣтила Марта.

Олена искоса стала внимательно разглядывать парубка. Небольшаго роста, но гибкій и стройный, съ нѣжнымъ женственнымъ лицомъ, красиво обрамленнымъ завивающимися у висковъ волосами и блѣстящими черными глазами, онъ показался ей очень интереснымъ.

— Какой ловкій, чисто какъ паничъ, совсѣмъ и не похожъ на мужика, хоть бы и не нашей Мартунѣ,—подумала она и недоброе чувство зависти къ счастью сестры еще сильнѣе зашевелилось въ ея душѣ.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ Иванъ въ свою очередь казался пріятно пораженнымъ этой городской сиреной и не сводилъ съ нея удивленнаго взгляда.

Марта, не замѣчая впечатлѣнія, произведеннаго другъ на друга молодыми людьми, и полная радости свиданья, поднялась, медленно прошлась по саду, будто срывая цвѣты, и незамѣтно подошла къ парню.

— Это сестра твоя?—былъ первый вопросъ.

— Конечно сестра, развѣ ты не узналъ?

— Никогда бы не узналъ. Вонъ она какая, точно панночка! Да какъ хорошо одѣта, не то что наши дѣвки!

И взглядъ его невольно скользнулъ по широкой коренастой фигурѣ невѣсты, бѣдно одѣтой въ старую ситцевую спидницю и толстую, суроваго полотна рубаху, слегка помережанную на рукавахъ.

— Надолго она сюда?

— А кто его знаетъ... Ей хочется въ городъ,—привыкла уже тамъ, а бабуся не позволяетъ, говоритъ, что пускай еще посидитъ дома, а то отвыкнетъ и отъ нашей мужицкой работы.

— Конечно такъ... Она вѣрно говоритъ. Зачѣмъ ей идти, развѣ у васъ своей хаты нѣтъ?

— Я и сама такъ думаю... Придешь въ субботу?

— Въ субботу? разсѣянно переспросилъ онъ...—Въ субботу?—Приду... Такъ это она и одежу изъ города привезла? Ишь какая! Чисто городская, и не сказалъ бы...

Они говорили вполголоса, бросая искоса взгляды на молодую дѣвушку, невольную свидѣтельницу ихъ любви. Склонивъ голову надъ цвѣтами, она сплетала длинную гирлянду и, казалось, ничего не слышала изъ этого разговора, углубившись въ свое дѣло. Только на ея блѣдномъ лицѣ, точно отблескъ утренней зари, мало по малу пробивался тонкій розовый румянецъ.

— Какая же она красивая, будто намалеванная! безотчетно вырвалось у парубка.

— А ты думалъ...—возразила Марта и съ нѣжной, материнской улыбкой оглянулась на сестру.

Библиотека "Руниверс"

Прошла недѣля. Олена быстро поправлялась. Лѣтняя ночь давно уже опустилась на землю и покрыла ее своимъ легкимъ, мягкимъ пологомъ.

Иванъ давно уже поджидаетъ въ саду подъ грушей и въ нервномъ нетерпѣніи срываетъ съ вѣтки круглые листочки и бросаетъ на землю. А Марты все нѣтъ какъ нѣтъ.

— А чтобъ тебя!... До какихъ поръ я буду тутъ стоять!— сердито шепчетъ онъ, зорко вглядываясь впередъ.

Но вотъ скрипнула дверь въ хатѣ и тихо, крадучись вышла къ нему дѣвушка.

Такія ночныя свиданія жениха съ невѣстой извѣстны всѣмъ и каждому, и репутація дѣвушки, при чистотѣ народныхъ нравовъ, отъ этого нисколько не страдаетъ, но условныя приличія требуютъ соблюденія извѣстной таинственности.

— Отчего такъ долго не выходила? Что же, я долженъ дожидаться тебя до разсвѣта? Я думалъ, что и совсѣмъ не выйдешь, хотѣлъ уже и домой идти!—Такими рѣзкими словами встрѣтилъ Марту милый.

Дѣвушка кротко взглянула на него.

— Развѣ я такъ запоздала? Пока покончила съ работой, да пока наши заснули... Теперь дѣла и не передѣлаешь...

— Такъ не надо было и говорить, что бы приходилъ! А то стой, какъ столбъ, до утра да звѣзды считай!

— Вотъ уже и сердишься!... Я бы и сама рада. Пока сестра больная лежала, то я ни о чемъ и не думала, а теперь только о тебѣ и думаю, только бы тебя увидѣть. Теперь мнѣ кажется, что я снова на свѣтъ родилась. И весело мнѣ. Ну, а ты чего такой скучный? Можетъ нездоровъ? Или бѣда какая случилась? Скажи, мой соколе, что тебя тревожитъ?

Она обвила руками его шею и прильнула къ нему, съ беззавѣтной любовью заглядывая ему въ глаза. Но онъ стоялъ, не двигаясь, не отвѣчая на ея ласки, отворачиваясь отъ ея взгляда.

— Боже мой! Чтоже это съ тобой?—уже въ отчаяніи воскликнула дѣвушка.—Можетъ тебѣ опять что наговорили про меня злые люди? Не таись отъ меня, разскажи мнѣ всю правду... Вотъ только, дастъ Богъ, дождемся святой Покорвы, сейчасъ и

Библиотека "Руниверс"

присылай старостовъ. Бузимка и свинью мы продадимъ, такъ и будетъ на что весилье справить. Сестра, благодарить Бога, поправилась, останется дома, да и я иногда прибѣгу, помогу по хозяйству.

Онъ стоялъ, угрюмо опустивъ голову, и молчалъ.

— Что же ты молчишь? Скажи мнѣ хоть словечко! Не мучь моего сердца!

— Вотъ *лиха годына*, прицѣпилась, какъ репяхъ!—проворчалъ онъ, отворачиваясь.—Что же я буду тобѣ говорить?

Вдругъ онъ оттолкнулъ ее отъ себя и съ волненіемъ прошепталъ: „Вонъ сестра твоя“.

Марта оглянулась и отошла въ тѣнь кустовъ. Между деревьями, вся облитая луннымъ свѣтомъ тихо скользнула какъ бы призрачная фигура.

— Она... Она!... Иди скорѣе отсюда!... Иди! Она тебя увидитъ!—въ тревогѣ шептала Марта жениху.

— Да чего я пойду!—грубо возразилъ онъ, не двигаясь съ мѣста.—Развѣ я воръ что ли? И онъ продолжалъ стоять, не сводя глазъ съ приближавшейся фигуры.

— Боже мой! Ты съ ума сошелъ? Стыдно же будетъ!

— Ну и молчи... Прицѣпилась!... Иди, коли хочешь, а я не пойду, мнѣ и тутъ хорошо.

Олена приблизилась между тѣмъ къ парубку, стоявшему возлѣ дерева, и вдругъ, будто теперь только замѣтивъ его, задрожала и съ легкимъ крикомъ отскочила назадъ.

— Охъ, моя матинко, тутъ кто то есть! Воръ что ли? я боюсь...

— Не бойтесь! Это свои...—сказалъ парень, смущенно выступая впередъ.

— Это вы? Чего же вы тутъ?—съ изумленіемъ воскликнула Олена.—А я ей Богу думала, что воръ... Хотѣла уже бѣжать...

— А можетъ я и въ самомъ дѣлѣ воръ, пришелъ у васъ комору обокрасть,—уже смѣлѣе проговорилъ онъ, сдвигая на бокъ шапку.

— Коли вы воръ, то васъ надо связать да бить,—кокетливо сказала Олена.

— Такъ вяжите и бейте, только сами, своими руками.

Библиотека "Руниверс"

— Ой нѣтъ! бить я не буду... Развѣ можно дивчинѣ бить парубка? Это только ваши *селючки* такія... Имъ хоть и на кулачки... Я не хочу васъ бить, я лучше шапку вашу заарестую.

И съ этими словами, прежде чѣмъ Иванъ успѣлъ опомниться, она со смѣхомъ сорвала съ его головы шапку и спрятала ее себѣ за спину.

— А что? Выкупайте теперь! Даромъ не отдамъ!

— Ну, что же вамъ за нее? Кварту горилки?

— Ой нѣтъ! Такое выдумаете... Дивчинѣ да горилку покупать! Развѣ я пьяница какая? Это вы смѣетесь надо мной?

— То что же вамъ на выкупъ? Можетъ быть хотите конфетъ? У нашего Гершка есть хорошія, въ разныхъ бумажкахъ... и голубыхъ, и красныхъ, и желтыхъ, и зеленыхъ...

— На конфеты я согласна. Только что же мнѣ однѣ конфеты! За шапку надо большій выкупъ дать... Если бы сережки или ленту... широкую, красную...

Въ кустахъ послышался нетерпѣливый шорохъ.

— Ой моя матинко, тамъ кто то есть! Снова воръ! Это уже другой... А выходи сюда, *пане-злодію!* Мы и съ тебя снимемъ коли не шапку, то платокъ. Выходи сюда!

Олена бросилась въ кусты и со смѣхомъ стала тащить за руку сильно упиравшуюся переконфуженную сестру.

— Выходи, выходи! Я знаю, что это ты! Да помоги же мнѣ, хлопче, а то одна не справлюсь!

— *Нехай ій бисъ!* угрюмо проворчалъ парубокъ, недовольный такимъ оборотомъ дѣла.

— Не буду и просить, она и сама уже вышла. Нечего тебѣ стыдиться,—обратилась она къ сестрѣ,—это только тутъ у васъ не годится вмѣстѣ гулять, а у насъ, по городскому, хоть и съ родной матерью,—цинично добавила она.—Мнѣ вотъ не спалось: душно въ хатѣ, комары кусаютъ, дай, думаю, пройдусь въ садокъ, тамъ и Мартуня наша, да еще, можетъ быть, и не одна...

Она лукаво подмигнула парубку.

— Отдайте мою шапку,—проговорилъ онъ, чтобы сказать что нибудь.

— Какъ разъ! Подождите! А выкупъ гдѣ?

Библиотека "Руниверс"

— Выкупъ получите потомъ.

— Э, мнѣ сейчасъ, а то и шапки не отдамъ!

— Такъ я и самъ возьму. Какъ же мнѣ безъ шапки идти? Скажутъ дома, что пропилъ. Если не отдадите, такъ я самъ возьму!

Дѣвушка отступила на шагъ и съ игривой улыбкой манила его къ себѣ взглядомъ. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, но она пустилась бѣжать. Онъ за нею,—она дальше въ глубь сада... гдѣ то въ уголку началась возня, визгъ, хохотъ, прерванный звукомъ поцѣлуя...

Марта стояла, прислонившись къ дереву, одинокая, забытая, никому ненужная. Крупныя слезы медленно текли одна за другою по ея некрасивому поблѣднѣвшему лицу.

— Пойдемъ, сестрица, *до млына*, тамъ теперь Купала справляютъ... Вотъ я уже и цвѣтовъ нарвала на вѣнки...

Марта неохотно поднялась съ лавки и, не говоря ни слова, вышла съ сестрой изъ хаты. Она сильно перемѣнилась за послѣднее время: похудѣла, постарѣла, осунулась; прежней живости, привѣтливости, словоохотливости въ ней уже не было. По цѣлымъ часамъ сидѣла она въ какомъ то столбнякѣ, не шевелясь, опустивъ руки и безсмысленно уставивъ глаза въ одну точку. Въ селѣ говорили, что это ей такъ „пороблено“ лихими людьми, что ей дали „данння“, что ее надо отшептывать. Совѣтовали повезти ее къ какому то знаменитому знахарю или знахаркѣ. Ее возили, шептали, отчитывали, но ничего не помогало. Марта чахла, хирѣла, работа валилась у нея изъ рукъ и ей уже не разъ приходилось слышать отъ домашнихъ горькіе, несправедливые упреки за кусокъ хлѣба, но и къ этому она относилась вполнѣ безучастно. Казалось ничто и никто не могъ расшевелить ее, возбудить ея интересъ. Одно только горе, тайное, никому невѣдомое горе, какъ пьявка впившееся въ ея сердце, подтачивало ея жизнь.

Солнце уже опустилось за горизонтъ и на западѣ медленно потухала огненная полоса, переходя въ болѣе нѣжные тоны. Былъ канунъ Ивана Купала и потому изъ воротъ Козацкаго то и дѣло

Библиотека "Руниверс"

выходили разряженныя дивчата въ красныхъ съ мелкими черными цвѣтами спидницахъ, въ лентахъ и въ пышныхъ вѣнкахъ на головѣ. Къ дѣвушкамъ скоро присоединились и парни и вся эта толпа, пестрая, яркая, подвижная, съ пѣснями и веселыми шутками, направилась къ выгону.

Невдалекѣ отъ *млына-витряка*, на зеленой *толокѣ* былъ разложенъ костеръ и вокругъ него, какъ тѣни, фантастически освѣщенныя краснымъ заревомъ, двигались темныя фигуры, распѣвая хоромъ:

На Ивана хлибъ сажала,
А на Петра выбирала.
Купайла Ивана!
Ой на Полу-Петра поснидала,
Всю родыну одвидала.
Купайла Ивана!

И каждый по очереди, согласно традиціи, сильно разогнавшись, легко и ловко перепрыгивалъ черезъ „купальный“ огонь.

Шумный говоръ, смѣхъ, шутки, пѣсни далеко разносились въ тишинѣ лѣтняго вечера. Молодежь наперерывъ старалась щегольнуть другъ передъ другомъ остроуміемъ своей выходки. Расходившіеся парубки норовили столкнуть дивчатъ въ огонь, когда онѣ перепрыгивали костеръ, а дѣвушки въ отместку припѣвали:

Купайла Ивана!
Сука въ воду впала.
Купайла Ивана!
Стала скавучаты,
Стали вытягаты.
Купайла Ивана!
Дивчата граблями,
А хлопци зубами.
Купайла Ивана!

Но болѣе всѣхъ отличались своими шумными и бойкими шалостями Иванъ и Олена. Эта красивая парочка привлекала общее вниманіе. Они то и дѣло перебѣгали съ звонкимъ хохотомъ съ мѣста на мѣсто. Иванъ ловилъ дѣвушку, хваталъ въ свои объятія и притягивалъ къ костру, грозя бросить ее прямо въ огонь.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ ей, такъ ей, туда и кидай! — поддерживали парубки.

— Отстань, сумасшедшій! — пронзительно визжала Олена, барахтаясь въ сильныхъ рукахъ парубка; но едва онъ выпускалъ ее, начинала снова дразнить его, заигрывая до тѣхъ поръ пока снова попадала въ желанныя объятія.

— Смотрите, сестрицы, какъ наша городянка! Сама такъ и лѣзетъ къ нему! И стыда у нея нѣтъ, должно быть уже привыкла въ городѣ съ москалями! И чего сестра молчитъ, ничего ей не скажетъ! О если бы я была на ея мѣстѣ знала бы она меня: оттрепала бы ее за косы! — завистливо перешептывались между собою дивчата, бросая косые взгляды на красавицу, отбивавшую у нихъ парубковъ.

Олена между тѣмъ ничего не замѣчала, да и не хотѣла замѣчать, вся охваченная радостнымъ чувствомъ взаимной любви. Что ей за дѣло до другихъ? Пусть каждый живетъ какъ ему хочется—своя рубашка ближе къ тѣлу.

Марта сидѣла въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ игры. Опустивъ низко голову и сжавъ губы, она сосредоточенно плела себѣ вѣнокъ.

— А теперь, сестрицы, идемъ пускать вѣнки на воду!

Съ этими словами дѣвушки, оставивъ своихъ кавалеровъ, шумной гурьбой побѣжали дальше въ поле, гдѣ подъ высокимъ курганомъ въ долинѣ находился неглубокій *ставокъ*. Только одна Марта медленно плелась за подругами, далеко отставъ назади.

Сумракъ ночи давно уже охватилъ землю и блѣдная луна медленно плыла по звѣздному небу, обливая своимъ спокойнымъ свѣтомъ и безбрежную степь, и высокій курганъ, и тихія воды ставка. Въ воздухѣ было тепло и тихо. Вдали слышались перекликанья перепеловъ, отдѣльное уханье водяного бугая и квакание лягушекъ.

Дѣвушки, боязливо оглядываясь кругомъ и нервно вздрагивая при малѣйшемъ шелестѣ или плескѣ воды, стали раздѣваться и одна за другой, съ распущенными косами и въ вѣнкахъ, входили въ воду.

Библиотека "Руниверс"

По повѣрью, въ какую сторону поплыветъ въ этотъ вечеръ вѣнокъ купающейся и нырнувшей въ воду дѣвушки—въ ту сторону ей и замужъ идти. Если же вѣнокъ не поплыветъ и остановится на мѣстѣ, то владѣтельница его не выйдетъ въ этомъ году замужъ. Послѣ купанья вѣнки обыкновенно кладутъ на грядки капусты, чтобы капуста была *головата*.

— А ну, дивчата, разступитесь! Куда то мой вѣночекъ поплыветъ?

Олена сложила руки на груди, съ улыбкой оглянула робко жмущихся у берега подругъ и, гордая своею смѣлостью, бросилась впередъ и скрылась въ водѣ. Алый, пышный вѣнокъ медленно всплылъ на поверхность, закружился и потомъ, какъ бы въ раздумьи, плавно качаясь на волнахъ, поплылъ къ берегу.

— Прямо къ хутору Ивана Кравчука!—насмѣшливо крикнула одна изъ дивчатъ.

— А куда же ему больше, какъ не туда!—не безъ ехидства поддержали другія.

— А ты, Мартуню, отчего своего вѣнка не пускаешь?—участливо обратились нѣкоторыя къ блѣдной дѣвушкѣ, одиноко сидѣвшей на берегу.

— Охъ нѣтъ... не поплыветъ мой вѣночекъ!—съ глухимъ отчаяніемъ въ голосѣ проговорила дѣвушка и, поднявшись, далеко отбросила отъ себя цвѣты.

„Ой Покрово—покривонько, покрый мою голывоньку“—говоритъ народная дѣвичья поговорка, и дѣйствительно, Покровъ—дѣвичій праздникъ: ни въ какую пору года не бываетъ въ деревняхъ столько свадебъ, какъ осенью послѣ Покрова. Это и понятно: крестьяне окончили полевыя работы, запасы есть, можно кое что и продать...

Начинаются сватовства: запрягается пара сборныхъ „конячокъ“, накладывается на возъ побольше душистаго сѣна, сверху прикрывается рядномъ, а подчасъ даже и домашнимъ пестрымъ „кылымомъ“ (коверъ), усаживаются старосты и молодой, захвативъ предварительно съ собой каравай хлѣба для обмѣна,—и съ Богомъ!

Библиотека "Руниверс"

Былъ осенній день. Все небо заволокло свинцовыми, тяжелыми тучами. Моросилъ мелкій, холодный, пронизывающій до костей дождикъ.

Марта, босая, въ потертой свитѣ, съ изодраннымъ бумажнымъ платкомъ на головѣ, копала картофель въ огородѣ. Работала она совершенно машинально, не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ, и только отъ времени до времени разгибаясь, чтобы отереть грязные ручьи, текущіе по ея лицу. Наступили сумерки. Марта оставила работу и пошла въ хату. Она такъ задумалась, что не слыхала громыханья колесъ, лая собакъ и необычной суеты на дворѣ.

— Слушай, дивчино! Къ вамъ, говорятъ, старосты пріѣхали?—спросила ее черезъ плетень сосѣдка.

Марта подняла голову, выпрямилась и уставилась глазами на говорившую.

— Иванъ Кравчукъ, говорятъ, пріѣхалъ сватать Олену,— продолжала сосѣдка, съ участіемъ глядя ей въ лицо.—Развѣ видано гдѣ, чтобы меньшая сестра шла замужъ прежде старшей! Это, должно быть, городскіе обычаи! И старую повернула по своему! Охъ, Господи милосердный! и что теперь дѣлается на свѣтѣ. А ты, дивчино, не горюй! *Кынь лыхомъ объ землю!* Шуснай она идетъ за него,—ты себѣ и лучшаго найдешь... Развѣ только и свѣта, что въ окнѣ...

Но Марта уже не слушала ее и пошла къ хатѣ.

На лавкѣ за столомъ важно сидѣли два пожилыхъ, почтенныхъ свата, одѣтыхъ по праздничному въ новыя сѣрыя свиты, подпоясанныя красными поясами. Густые съ просѣдью волосы обрамляли ихъ суровыя, мужественныя лица, которыя, однако, при малѣйшей улыбкѣ принимали самое добродушное и даже лукавое выраженіе. Бабуся, сидя по другую сторону стола, со степеннымъ видомъ, полная сознанія собственнаго достоинства бесѣдовала съ гостями, выражая согласіе на бракъ, котораго она втайнѣ страстно желала. Въ хатѣ собрались уже кое кто изъ сосѣдей и близкихъ родичей, разсчитывавшихъ на даровую чарочку при этомъ торжествѣ.

Библиотека "Руниверс"

Марта тихо вошла въ хату, окинула тусклымъ взоромъ собраніе, ни съ кѣмъ не здороваясь, прошла къ „полу“ и сѣла съ краю, сложивъ руки на колѣняхъ и уставившись въ одну точку. Между гостями пробѣжалъ сдержанный шепотъ и нѣкоторые съ соболѣзнованіемъ покачали головой.

Между тѣмъ хозяйка, окончивъ переговоры и обмѣнявшись, согласно обычаю, хлѣбомъ со сватами, сдѣлала знакъ невѣстѣ достать рушныки.

Олена, до сихъ поръ, тоже согласно обычаю, „колупавшая“ печь въ углу, достала изъ скрыни два толстыхъ съ красной каймой полотенца, положила ихъ на тарелку и, скромно опустивъ свои черныя рѣсницы и вся зарумянившись, поднесла старостамъ, которые, принявъ ихъ съ церемоніей, тотчасъ перевязали другъ другу черезъ плечо.

— А ну, доню, принеси изъ хижы горилочку и закусочку,— спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало обратилась бабуся къ Мартѣ.

Дѣвушка безсмысленно посмотрѣла на нее и не двинулась съ мѣста.

— Не слышишь, что-ли?—крикнула уже сердито бабуся.

— Молчите, я и сама пойду, не трогайте ее, — опасливо шепнула ей Олена и побѣжала въ кладовую.

Сваты тревожо переглянулись между собою, почуявъ семейную драму, и одинъ изъ нихъ тихо спросилъ хозяйку.

— Чья это дивчина?

— Да такъ себѣ, сирота, за хлѣбъ держимъ—небрежно отвѣчала она и принялась хлопотать около стола.

На устахъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей скользнула ироническая усмѣшка, но ни одно слово не вырвалось у нихъ въ защиту бѣдной дѣвушки—чарочка была дороже всего.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратилась невѣста съ водкой и закуской. За нею, опустивъ голову, слѣдовалъ не совсѣмъ спокойный женихъ, опасавшійся публичнаго скандала со стороны бывшей своей возлюбленной. Но Марта только вскинула на него внезапно загорѣвшимися глазами и мучительно сжала руки.

Началось угощеніе. Марта сидѣла на „полу“ блѣдная, печальная, убитая.

Библиотека "Руниверс"

— Сестра, что ты дѣлаешь?

Марта подошла къ молодой дѣвушкѣ, только что проводившей дорогихъ гостей за ворота, и тяжело опустила ей на плечо руку.

Ночь давно уже наступила и мерцающій огонекъ „каганця“ слабо освѣщалъ неприбранную послѣ недавняго пиршества хату.

— Что ты дѣлаешь, сестра?—строго и торжественно повторила Марта.—Когда ты осталась малой сиротой, я была тебѣ вмѣсто матери, я тебя выпестовала, какъ родное дитя, когда ты захворала, я ходила за тобой, ночей не досыпала, куска хлѣба не доѣдала... У меня только и мысли было, что о тебѣ.... Я бы сердце у себя вырвала, чтобы тебѣ помочь... Я забыла тогда, что и солнце свѣтитъ, и цвѣты цвѣтутъ, и соловьи щебечутъ, я все забыла, я смерти хотѣла... а ты...

— Смерти хотѣла!... Ишь!... Нужна ты кому то!—съ досадой крикнула баба, вслушиваясь въ ея слова.—О пропади ты пропадомъ! Только хлопоты съ тобой!

Но Марта не слыхала этихъ жестокихъ словъ и, разгорячась, продолжала съ страстной тоской:

— А ты, только что выздоровѣла, поднялась, ты сейчасъ, какъ гадина, впилась мнѣ въ самое сердце. Ой грѣхъ тебѣ... тяжкій грѣхъ, сестра-разлучница!

— Гляди, разлучница! Сама ты разлучница, змѣюка проклятая!—снова крикнула баба, подступая къ дѣвушкѣ и сильно размахивая костлявыми руками у самаго ея лица.

Въ эту минуту, со своимъ согбеннымъ станомъ и съ крючковатымъ носомъ надъ впавшимъ ртомъ, она сильна напоминала хищную птицу, готовую броситься на свою жертву.

— Сама ты разлучница! Она, сердечная, еще ребенкомъ по наймамъ ходила, чужой хлѣбъ слезами поливала, на чужихъ людей работала. А ты, гадина, какъ пани, дома сидѣла, на перинахъ спала, по улицамъ расхаживала, съ парубками гуляла!.. Ты сама разлучница, потому что хочешь разлучить эту дивчину съ ея парой! Погляди въ зеркало на свое обличье! куда ты годишься? Тьфу! да и только!—Баба энергично плюнула.—Можетъ *вѣно* великое у тебя? Мать твоя наготовила? На богатство твое онъ польстился? Тамъ и добра того какъ котъ наплакалъ,—и

Библиотека "Руниверс"

въ торбу все забрать можно... Хвали Бога, что хоть изъ хаты не гонятъ, тебя и за харчи теперь не возьмутъ, чертовъ лежень!

Дѣвушка горько усмѣхнулась.

— Вамъ ли, бабусю, мнѣ это говорить? Кто же у васъ работалъ? Кто же у васъ былъ и косарь, и гребецъ, и молотникъ? Кто вамъ, бывало, и хлѣбъ спечетъ, и борщу сваритъ, и сорочку вымоетъ? Все та, что на перинахъ спала! Гляньте, бабусю, на мои руки! Видите какія?

Она засучила рукава и нервнымъ движеніемъ протянула передъ собою худыя мозолистыя руки.

— Видите, какія? Можетъ скажете не пышныя? А пускай покажетъ свои та, что слезами чужой хлѣбъ поливала! Можетъ у нея не такія, побѣлѣе немного!

— Что ты меня укоряешь бѣлыми руками?—пронзительно взвизгнула Олена, опускаясь на лавку.—Развѣ я виновата, что онѣ у меня такими удались? Ой моя матинко родная, зачѣмъ ты меня покинула! Доленька моя безсчастная! Лучше бы меня тогда задавило, лучше бы я лежала живою въ землѣ, или вѣкъ у чужихъ людей работала, чѣмъ теперь мнѣ такое житье дома! Развѣ я его прилещивала, развѣ я къ нему цѣплялась? На что онъ мнѣ? Развѣ я такая уже старая, что и другаго не найду? Бери его совсѣмъ, онъ мнѣ не нуженъ! Онъ самъ ко мнѣ прицѣпился!

— Ой, неправду говоришь, дивчино, неправду!—вся блѣдная, съ блистающими глазами, страстно воскликнула Марта.—Неправду говоришь! Ты къ нему лѣзла, ты сама къ нему цѣплялась! Ты, какъ гадина, вездѣ пролѣзала между нами! Ты его чаровала! Не было у тебя ни совѣсти, ни чести, ни стыда дѣвичьяго. Ты зарученаго отбивала у родной сестры! Не такъ бы мнѣ жаль было, если бы онъ самъ... а то ты, ты, что была мнѣ за родное дитя... Ой Боже мой, Боже! Что мнѣ дѣлать! Не могу глядѣть на такое ..

Она припала головой къ столу и громко, отчаянно зарыдала, вся содрогаясь въ конвульсіяхъ.

— Будетъ, слышали это!—сердито крикнула на нее баба.—Не можешь глядѣть на такое, то и иди себѣ... Не въ своей хатѣ... „Зализла у чужу солому та ще й шелестыть“!

Библиотека "Руниверс"

— Не гоните меня, я и сама пойду, бабусю. Я тутъ не буду... Я сейчасъ пойду!—дрожащимъ голосомъ возразила дѣвушка и, какъ во снѣ, едва сознавая, что дѣлаетъ, стала собирать свои убогіе пожитки.

— „Зъ Богомъ Парасю, колы люде случаюцця"!—злобно фыркнула баба.—Черезъ тебя только „колотнеча" будетъ въ хатѣ! Счастливый путь! А! Подожди! Зачѣмъ ты Оленину сорочку взяла, да еще и не старую? Развѣ она твоя? Вотъ какая! Еще хотѣла заграбить дивчинину одежу!

Баба вырвала изъ рукъ плачущей дѣвушки рубашку и далеко забросила ее на печь. Марта остановилась, посмотрѣла на нее укоризненнымъ взоромъ и, не взявъ ничего, не вымолвивъ ни слова, повернулась къ дверямъ и тихо вышла изъ хаты...

Прошло много лѣтъ. Много воды въ Деснѣ утекло.

— Бабусю, зачѣмъ вы косу заплетаете? Развѣ вы дѣвка?

— А конечно дѣвка. Видишь, какая молодая?

Бабуся добродушно усмѣхнулась и поправила торчащую изъ подъ головнаго платка, тоненькую, сѣдую косичку.

— Такіе старые? Чего-же вы замужъ не вышли?

— Не судилось, доню, не далъ Богъ пары...

Бабуся тихо вздохнула.

— Гдѣ же вы живете, бабусю? Въ своей хатѣ?

— Нѣтъ, доню, не въ своей. Жила у людей. Теперь живу у племянницы, родной сестры дочки. Встрѣтила меня какъ то на ярмаркѣ и спрашиваетъ: „Вы и теперь, титусю, у людей служите?"—„А гдѣ же, говорю, сердце, мнѣ быть?".

— „Да мы, говоритъ, думали съ мужемъ, что бы принять васъ къ себѣ... Чѣмъ чужой хлѣбъ вамъ ѣсть, титусю, идите лучше къ намъ... Вы намъ и за хозяйствомъ приглядите и за дѣтками, а мы васъ будемъ кормить до смерти". Ну, а мнѣ только того и нужно. Надоѣло уже по чужимъ хатамъ слоняться. Забрала я свой скарбъ, помолилась Богу, поблагодарила хозяина и хозяйку за хлѣбъ, за соль и за ихъ ласку, сѣла на возъ,—зять парочно пріѣзжалъ,—да и гайда! Поторохтила наша баба,

Библиотека "Руниверс"

тильки курява знялась"! Теперь, слава Господу милосердому, хорошо мнѣ, жалѣютъ... Извѣстно, свои—не чужіе. А дѣточки, пускай здоровы будутъ, такъ привыкли, что и къ матери не хотятъ, такъ и липнутъ ко мнѣ, ей Богу правда! А больше всего меньшенькія. Оленочка, третій годокъ пошолъ... Куда бы я ни повернулась, все оно за мною: „бусю!" да и „бусю!"—не выговоритъ: „бабусю!" Такое славненькое... Кто его знаетъ, что изъ него будетъ... Вотъ иду къ вашей пани просить, чтобы шапочку пошила, я и яичекъ имъ взяла въ гостинецъ... Да надо выпросить еще кусочекъ сахару, а то хоть и не иди домой,— будетъ гвалтъ на всю хату. Проведи, сердце, отъ собакъ, такія лихія, такъ и гляди, что порвутъ.

Бабуся эта была Марта.

Омелько Репьяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. Печатаемая здѣсь «записка» 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства, найденная въ бумагахъ Вас. Гр. Полетики, заключаетъ въ себѣ не безъинтересныя свѣдѣнія о томъ, въ чемъ малороссійское дворянство, девяносто лѣтъ назадъ, полагало какъ свои, такъ и своего края нужды. Въ этой запискѣ прежде всего встрѣчаемся съ ходатайствомъ о возстановленіи «городскихъ судовъ» *для отдѣленія судебныхъ дѣлъ отъ полицейскихъ*, по тому основанію, что «сами судящіе слитіемъ земскихъ криминальныхъ дѣлъ воедино, при многоразличности оныхъ, замѣшиваются въ сужденіяхъ...» При этомъ дворянство вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствуетъ, чтобы «статутъ (литовскій) былъ государемъ утвержденъ, «какъ сборникъ законовъ» весьма достаточный для суда и расправы и доставленія каждому собственности». Интересны также указанія «записки» на хозяйственное значеніе винокуренія въ Малороссіи, а равно попытка дворянства принять участіе въ выгодахъ городскаго хозяйства.

Наконецъ, интереснѣйшую часть «записки» составляетъ ходатайство объ открытіи въ Черниговѣ университета, обѣщаннаго еще императрицею Екатериною Второю, при чемъ въ случаѣ удовлетворенія сего ходатайства, дворянства «пріемлетъ на себя построеніе университета въ малороссійской губерніи, изъ суммы отъ дворянъ уже собранной.

А. Л.

Записка господамъ депутатамъ, избраннымъ отъ дворянъ малороссійской губерніи для принесенія его императорскому величеству Александру Павловичу всеподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйшее возстановленіе и утвержденіе дворянской грамоты во всей

Библиотека "Руниверс"

ея силѣ и о нуждахъ отъ всѣхъ повѣтовъ изъясненныхъ и въ общемъ собраніи ко уваженію принятыхъ. Дана въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, августа 14 дня, 1801 года.

1.

Законъ для суда и расправы есть первый и главный предметъ вообще жителей. Малая Россія издревле имѣя его въ книгѣ *статутъ*, всегда тѣмъ и руководствовалась. Всѣми святоцарствующими помазанниками и особенно ея императорское величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыня императрица Екатерина Вторая и его величество государь императоръ Павелъ Первый непоколебимость сего права высочайше и всемилостивѣйше утвердить соблаговолили, яко весьма достаточный для суда и расправы и доставленія каждому собственности. Въ семъ уваженіи малороссійской губерніи дворянское собраніе полагаетъ всеподданнѣйше просить государя императора Александра Перваго, нынѣ благополучно къ щастію его вѣрныхъ подданныхъ царствующаго, о утвержденіи закона на вѣчныя времена или до изданія всеобщаго достаточнѣйшаго, а съ нимъ купно учрежденія и судовъ градскихъ, съ ихъ писарями и возными, для дѣлъ уголовныхъ, ибо сіи дѣла возложены теперь на земскіе повѣтовые суды кои по стеченію многихъ дѣлъ, не успѣваютъ въ срочное время про известь и рѣшить ихъ, отъ чего тяжущіяся терпятъ волокиту, преступники остаются долго безъ наказанія, сами судящіе слитіемъ земскихъ криминальныхъ дѣлъ воедино, при многоразличности оныхъ, замѣшиваются въ сужденіяхъ и при всемъ ихъ усердіи, терпятъ негодованіе безъвинно. Сихъ судовъ такъ какъ и земскихъ повытовыхъ судей, подсудковъ, писарей и возныхъ, по основанію высочайшей грамоты, дворянству жалованной, всемилостивѣйше позволить дворянству при выборѣ депутатовъ въ генеральный судъ, выбирать и ихъ чрезъ всякіе три года въ повытахъ, и для утвержденія, начальнику губерніи представлять, потому что они служа безъ жалованья и возмездія, лишась домовства и хозяйственнаго ихъ устройства, въ собственномъ содержаніи узнаютъ оскудѣніе; канцелярскимъ же служителямъ при сихъ судахъ трудящимся, щитать за служеніе къ слѣдующему въ чинахъ повышенію, поелику они служатъ безъ жалованья и лишены всякаго воздаянія. Отъ устроенія же таковыхъ судовъ по повытамъ, сколько возникнетъ правосудія, столько превосходно выиграетъ государственное благочиніе; а нижніе земскіе суды, яко бдители благочинія, облегчены будутъ въ исполненіи надобностей го-

Библиотека "Руниверс"

сударственныхъ, не занимаясь частными распрями; дворянство и поселяне избѣгнутъ волокитъ, сопряженныхъ съ отягощеніемъ должности земскаго исправника и нижнихъ чиновъ, которые исполняя указы начальства, часто и почти всегда должны удовлетвореніе частнаго человѣка въ обидѣ или отложить на долгое время или иногда и вовсе безъповоротно отклонить; въ разсужденіи чего свидѣтельствы въ частныхъ мѣлочныхъ обидахъ, яко то: спашъ хлѣба и травы, вырубка лѣса и тому подобное, по праву статутовому до должности возныхъ относящіеся, на нихъ возложить, а отъ нихъ судамъ гродскому и земскому на ихъ разборъ и рѣшеніе предъоставить; нижніе же земскіе суды оставить только при соблюденіи благочинія и пользы общей государственной, яко то: при наборѣ рекрутъ, взысканіи недоимокъ, разбои, пожарѣ, исправленіи мостовъ и дорогъ, проводѣ воинскихъ командъ, грабежахъ по дорогамъ и сему подобномъ.

2.

По основанію права статутоваго учрежденныя въ Малороссіи изъ дворянъ выбранныя повытовыя маршалы, подкоморія, хоруніія, высочайше утвержденныя, не имѣютъ потому же праву свободы въ испрошеніи уволненія вовся отъ службы елико по старости лѣтъ, такъ по болѣзнимъ и другимъ важнымъ и уваженія заслуживающимъ причинамъ, а потому и просить государя императора всемилостивѣйшаго его дозволенія тѣмъ, кои изъ нихъ далѣе должностей отправлять будутъ не въ состояніи по сказаннымъ причинамъ, просить о уволненіи, сходственно съ высочайшею грамотою дворянству жалованною.

3.

Владѣніе и пользованіе имѣніемъ всѣмъ и каждому дворянину кромѣ прочихъ законовъ и высочайшихъ утвержденій, ясно постановлено въ правѣ книгѣ *статуты* раздѣла 3-го, въ артикулѣ 41-мъ, и между прочими хозяйственными распоряженіями, малороссійское дворянство почти единственно для содержанія своего на службу и государственныя надобности доходъ имѣетъ отъ винокуренія и продажи горячего вина. Промыслъ сей приноситъ кромѣ дохода великія выгоды не токмо Малой Россіи одной, но и большей части Россіи и торговли, по причинѣ хозяйственнаго отъ дворянъ винокуренными заводами расположенія умножается хлѣбопашество и всѣ части земледѣлія и получаемые избытки частію употребляются на винокуреніе, а частію отпускаются въ торговлю. При винокуреніяхъ по скудости тучныхъ паствъ, выкармливается множество скота, который доставляется на продоволь-

Библиотека "Руниверс"

ствіе столицъ и отгоняется въ заграничныя мѣста. При винокуреніяхъ въ неурожаѣ травъ, прокармливаются чрезъ зимнее время и и хозяйственные лошади. Продолженіемъ въ разныхъ мѣстахъ и отъ разныхъ дворянъ винокуренія занимается множество людей работою, безъ которой не въ состояніи бы они были не токмо платить государственныхъ податей, но ниже достать себѣ надежной пищи и покрова; ибо безъ винокуренія частныхъ владѣльцовъ хлѣбопашество вовсе умалится по ненадобности толикаго количества хлѣба и по неимѣнію судоходныхъ рѣкъ къ отпуску онаго не токмо въ Малой Россіи, но и въ многихъ прикосновенныхъ хлѣбороднѣйшихъ губерніяхъ, которые по неимѣнію таковыхъ же рѣкъ имѣютъ великій и единый торгъ хлѣба въ Малороссію; промыслъ винокуренія продажи оптомъ и въ раздробъ, яко право и преимущество дворянства малороссійскаго, хранимо всегда царствующими помазанниками свято и ея императорское величество блаженныя и вѣчнодостойныя памети государыня императрица Екатерина Вторая непоколебимость сего права въ деревняхъ и хуторахъ дворянскихъ высочайше утвердить соизволила, изъемля въ томъ всякое ограничепіе; но въ прошедшемъ маіѣ мѣсяцѣ сего года, малороссійское губерн.кое правленіе указомъ своимъ, по указу правительствующаго сената послѣдовавшему, по предложенію бывшаго г-на генералъ прокурора Оболянинова, обнародовало строжайшее запрещеніе, чтобы горячаго вина продажи не имѣть русскимъ людямъ на 150 верстъ отъ границъ прикосновенныхъ губерній и угрожаетъ дворянъ такову продажу попущающихъ, судить яко корчемниковъ и ослушниковъ, тутъ, гдѣ по правамъ и еще вящше тѣхъ, по особенной къ малороссійскому дворянству всевысочайшей милости, существуетъ вмѣстѣ съ вольнымъ винокуреніемъ и вольная продажа безъ разбору состоянія покупщика, не можетъ быть терпимо и одно имя корчемника, понеже преступленіе сіе относилось бы къ тѣмъ единственно, кои ввозятъ запрещенное въ мѣсто запрещенное, чего смѣть дерзнуть никто изъ малороссійскихъ дворянъ не возможетъ, опасаясь кромѣ законнаго сужденія и отъ своей собратіи по всемилостивѣйшей грамотѣ дворянству жалованной нетерпимости. Збереженіе въ подрывѣ винной продажи тамъ, гдѣ она запрещена, зависитъ главнѣйше отъ наблюденія содержащаго откупъ и отъ учрежденной земской полиціи. По симъ столь важнымъ обстоятельствамъ у государя императора просить всемилостивѣйшаго его подтвержденія правъ свободнаго винокуренія дворянамъ въ ихъ имѣніяхъ свободной вина оптомъ и въ раздробъ

Библиотека "Руниверс"

въ Малой Россіи продажи и объ отставленіи указа правительствующаго сената вышеизъясненнаго, понеже существо сего различаетъ права и преимущества между дворянами равными во всемъ въ правахъ и вольностяхъ всемилостивѣйше всему здѣшнему краю равно пожалованныхъ.

4.

Блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государини императрицы Екатерины Вторыя, въ именномъ ея высочайшемъ указѣ 1783 года маія въ 3 день данномъ, по 11-му пункту повелѣно: «по городамъ винную продажу устроить единственно въ пользу городовъ на содержаніе магистратовъ и на другіе городскіе публичные надобности», а по 12-му пункту объяснено, «что все сіе разумѣется о такихъ городахъ, кои никакому сумнѣнію и спору подлежать не могутъ, будучи составлены изъ жителей казеннаго вѣдомства и никому во владѣніе не отданы, и какъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ по разнымъ случаямъ состоятъ за дворянами и чиновными людьми дворы съ крестьянами и земли, то и предъоставлено генералъ-губернаторамъ пріобрѣсть оныя въ пользу городовъ покупкою или промѣномъ, дабы тѣмъ города очистить отъ всего имъ не свойственнаго и поелику дѣйствительно и сколько намъ извѣстно, почти всѣ города въ Малой Россіи населены домами помѣщиковъ и чиновныхъ людей, имѣющихъ въ самыхъ городахъ крестьянъ и около городовъ земли и угодьи иныя по высочайшимъ пожалованіямъ, а другія по благопреобрѣтеніямъ законами позволеннымъ и большею частію таковыхъ, коихъ одно имѣніе въ городѣ состоящее, составляетъ всю цѣлость ихъ состоянія, слѣдовательно и пропитаніе; а вышеупомянутый высочайшій и всемилостивѣйшій указъ остался безъ исполненія и города не очищены отъ несвойственнаго имъ ни покупкою, ни замѣною, но городскіе думы имѣвъ препорученность взять въ свое распоряженіе винную продажу въ пользу городовъ предъоставленную, заключенными съ откупщиками контрактами безъ изъятія помѣщиковъ и имъ принадлежащихъ имѣній, людей, и земель, отъемлютъ всю свободу и вольность живущихъ въ оныхъ пользоваться въ полной мѣрѣ собственностью своею, по всевысочайше дарованнымъ для дворянства правамъ и преимуществамъ, а послѣдствіемъ того открылись и многія споры и тяжбы, сугубое и крайнее разореніе живущимъ въ городахъ помѣщикамъ приносящія и вовся не свойственно узаконенію винной продажи въ малороссійскихъ городахъ употребляется по судамъ винной уставъ ни малѣйше до Малой Россіи не

Библиотека "Руниверс"

касающійся, не для нея изданной, и малороссійскаго дворянства права и преимущества стѣсняющій. А всевысочайше жалованной дворянству грамоты по 24-му пункту узаконено: «да не дерзнетъ никто безъ суда и приговора въ силу законовъ судебныхъ мѣстъ, коимъ суды поручены, самовольно отобрать у благороднаго имѣніе или оное разорить». Что самое и вышеписаннымъ указомъ предъостережено, дабы всякъ пользующійся въ городахъ имѣніемъ, удовлетворенъ былъ продажею или замѣною, но не исполнивши сего, запрещено въ полномъ распоряженіи пользоваться оными, слѣдовательно таковыя помѣщики или чиновные люди, которые кромѣ въ городѣ и близъ городовъ, нигдѣ болѣе имѣній не имѣютъ, пребываютъ въ крайнемъ притѣсненіи и разоренія. Во уваженіе чего и всеподданнѣйше отъ его величества государя императора просить на 12 пунктъ выше изъясненнаго высочайшаго указа подтвержденія, о очищеніи городовъ отъ всего несвойственнаго; а до того высочайшаго его величества милосердія, дабы всякъ могъ пользоваться имѣніемъ въ полной свободѣ, какъ кто къ лучшему своему пріобрѣтенію заблагоразсудитъ.

5.

Въ малороссійскихъ четырехъ повѣтахъ а имянно: черниговскомъ, стародубовскомъ, мглинскомъ и новгородско-сѣверскомъ вообще извѣстно, что люди естественно гораздо менѣе въ ростѣ противу иныхъ сей же губерніи, отъ чего при случающихся наборахъ рекрутъ, открывается безмѣрное затруднѣніе въ отисканіи годныхъ по единому ихъ росту, какъ въ казенныхъ, такъ въ помѣщичьихъ, въ каковой крайности просить государя императора для сихъ токмо четырехъ повѣтовъ всемилостивѣйшаго уваженія, въ умаленіи хотя малой пропорціи роста людѣй противу указнаго, при всѣхъ протчихъ на службу годныхъ способностяхъ.

6.

Государыня императрица блаженныя и достойныя памяти Екатерина Вторая при неищетныхъ ея высочайшихъ къ намъ милостяхъ, желая просвѣтить Малороссійское благородное юношество науками, дальнѣйшее щастіе и собственное добро ихъ составляющими, высочайшимъ указомъ 1786 года, апреля 23 дня изданнымъ, соблаговолила въ Малой Россіи, въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, назначить быть университету и на содержаніе того сумму денегъ; но симъ высочайшимъ къ намъ и нашему юношеству благотвореніемъ до селѣ не ощастливлены. Дворянское наше собраніе весьма нужнымъ пола-

Библиотека "Руниверс"

гаетъ просить тосударя императора равно о пользахъ и выгодахъ вѣрныхъ его подданныхъ пекущагося, всемилостивѣйше подтвердить упомянутый высочайшій указъ, и ежели воспослѣдуетъ отеческое его воззрѣніе къ малороссійскому дворянству назначеніемъ университета и суммы на содержаніе его примѣрно другимъ, отъ казны его величества, то дворянское собраніе пріемлетъ на себя построеніе университета въ малороссійской губерніи изъ суммы отъ дворянъ же собранной и въ дворянской коммисіи сохраняемой.

Свѣдѣніе о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета. Изъ печатаемаго здѣсь «отношенія» генеральной канцеляріи къ черниговскому полковнику, видно, что въ полов. XVIII в. начато было составленіе подробной карты Малороссіи, но кончена не была эта карта и гдѣ она можетъ находиться—неизвѣстно.

«Высокоблагородній господинъ полковникъ чернѣговскій. Въ полученномъ въ генеральной войсковой канцеляріи отъ его ясневелможности высокоповелительного господина Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ гетмана и разныхъ ординовъ кавалера ордеру, изображено: отъ фортифѣкаціи де полковникъ господинъ Дебоскетъ присланнимъ къ его ясневелможности доношеніемъ представилъ, что всей Малороссіи сочиняется нинѣ имъ, полковникомъ, генеральная карта и даби де оная карта во всемъ исправна и аккуратно сочинена была, для подлинной справки ведать потребно: какіе во всѣхъ десяти Малороссійскихъ полкахъ, реки и речки имѣются, откуда оніе вишли и где впали, и какое на онихъ рекахъ и речкахъ, имѣется поселеніе, яко то: мѣстечка, села, деревнѣ, хутора, пасѣки, мелници, и протчіе знатніе урочища, такожъ граници отъ Великороссіи и Слободскихъ полковъ, и всякого малороссійского полку порознь по какихъ урочищахъ; и якоде его ясневелможности извѣстно что хотя имѣется въ генералной войсковой канцеляріи обо всей Малой Россіи генералная карта, однако оная не въ такомъ обстоятелствѣ учинена, какъ оной господинъ полковникъ Дебоскетъ требуетъ, ибо во оной всѣ реки и речки, такожъ и поселенія нѣкоторіе не показани. Для того онимъ его ясневелможности ордеромъ генералной войсковой канцеляріи велено—въ малороссійскіе полки предложить, дабы противъ вишшепоказанного господина полковника Дебоскета требованія учинени были по аккуратной виправки, обстоятелніе вѣдомости и оніе присланы бъ въ енеральную канцелярію, а

Библиотека "Руниверс"

изъ той генеральной канцеляріи отправить ихъ къ упоминаемому полковнику; такожъ ежели кто изъ инжинерныхъ офицеровъ или кондукторовъ отъ упоминаемого полковника Дебоскета по каковой либо къ тому жъ надобности, посланъ будетъ, тобъ онимъ посланнимъ отъ него чинено бъ было отъ полковихъ канцелярій потребное къ тому вспоможеніе и во исполненіе оного его ясневелможности высокоповелительного ордера, по опредѣленію генеральной войсковой канцеляріи какъ къ протчимъ господамъ полковникамъ предложено, такъ і вамъ чрезъ сіе предлагается, исполнить по тому повелительному его ясневелможности ордеру во всемъ непремено і въ самой скорости, противъ вишепоказанного господина полковника Дебоскета требованія учинить по аккуратной выправки обстоятелніе вѣдамости—какіе въ полку вашемъ реки и речки імѣются, откуда оніе вишли и где впали и какое на онихъ рекахъ и речкахъ имѣется поселеніе, яко то местечка села, деревнѣ, хутора, пасѣки, мелницѣ и протчіе знатніе урочища, такожъ границѣ отъ Великороссіи і Слободскихъ полковъ порознь по какимъ урочищамъ, и оніе вѣдомости прислать въ генеральную канцелярію для отправленія ихъ къ оному полковнику; тако жъ ежели кто изъ инжинерныхъ офицеровъ или кондукторовъ отъ него полковника Дебоскетъ по каковой либо по тому жъ надобности посланъ будетъ, то онимъ посланнимъ отъ него, чинить отъ полковихъ канцелярій потребное къ тому вспоможеніе, за силу того повелительного его ясневелможности ордера. Вашего высокоблагородія доброжелателній слуга Яковъ Якубовичъ. 1754 году марта 14 дня».

«По слушаніи сего ордера, въ полковой чернѣговской канцеляріи опредѣлено: во всѣ полку чернѣговского сотнѣ о учиненіи въ силѣ оного генеральной канцеляріи повелѣнія по аккуратной виправки въ тѣхъ сотняхъ обстоятелнихъ вѣдомостей и о присилки онихъ въ полковую канцелярію въ немедленномъ времени, чрезъ ордери предложить, и егда такови вѣдомости отъ сотень прислани всѣ будутъ, тогда съ онихъ полковую вѣдомость во обстоятелствѣ сочинивъ, отправить въ генеральную войсковую канцелярію при рапортѣ немедленно. Хоружій Григоровичъ».

Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. Въ дополненіе къ цѣлому ряду фактовъ, касающихся похоронныхъ обрядовъ и повѣрій въ Малороссіи, напечатанныхъ какъ въ разныхъ этнографическихъ

Библиотека "Руниверс"

матеріалахъ, такъ и приведенныхъ разновременно на страницахъ «Кіевской Старины» предлагаемъ еще нѣсколько данныхъ, сообщенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ нашими сотрудниками.

I.

Во время агоніи присутствующіе «души досмотряють», молятся «на схидъ души»: «Господи, прийми душу до власти, прийми душу до власти—у царствіи гриховъ уменши!» (с. Дружковка, бахмут. у. и с. Шебекино, бѣлгород. у.).

Помимо этого въ Шебекинѣ на умирающаго принято класть «винчаный рушникъ та платокъ» — «якъ же то швидко вмре—не буде мучиться, якъ кому Богъ дасть піднятись то піднымиться».

Въ с. Лебединѣ (чигирин. у.) во время агоніи, кромѣ помянутыхъ въ предъидущей замѣткѣ средствъ, прибѣгаютъ къ срыванію «стели»:—«одривають стелину або дви»—для облегченія выхода души.

Считается прилпчнымъ сидѣть у тѣла умершаго—«надъ тиломъ сидити—якъ у Божому дому простоять» (Дружковка).

Если «мертвець дивиться» т. е. глаза его полуоткрыты, то еще кто нибудь въ семьѣ умретъ—«непременно ще кого видивиться зъ хаты» —почему и стараются скорѣе закрыть глаза умершему (Лебединъ).

Во время пребыванія покойника въ хатѣ «смитти» не выносятъ; когда же тѣло унесутъ, выносятъ соръ и посыпаютъ «лавы» житомъ (Дружковка).

Ставятъ «хто воду, хто медъ—душа прибига, чи анголъ прилетить—наче, кажуть, душа—та води, кажуть, напьеться» (Шебекино); эта вода стоитъ до шести недѣль (с. Миколаевка, волчанск. у.).

Если свадьба встрѣтитъ «мерцця» то «життя вже не буде!» (Лебединъ).

Существуетъ убѣжденіе, что перешедшій дорогу похоронной процессіи покрывается чирьями; эти чирьи выжигаются раскаленнымъ желѣзомъ; безъ этого подвергнувшемуся имъ угрожаетъ смерть (Богородичное, изюмск. у., харьк. губ., записано отъ больной такими чирьями на дружковск. сах. заводѣ).

По приходѣ съ кладбища принято браться «за коменъ» (Лебединъ, Шебекино, Миколаевка).

У могилы сильно убивающимся по покойнику засыпаютъ «за комиръ земли» — «щобъ не було досади, щобъ скорише забути» (Лебединъ, Шебекино, Миколаевка) [1]).

[1]) Ср. у Сумцова, Культурныя пережив. „Кіев. Ст.“ 90. I, 73.

Библиотека "Руниверс"

Возвратясь изъ кладбища, обыкновенно садятся, «псальми спивають, прочи хорошыи речи разговарюють—души ждуть (Дружковка).

Подушку, которую кладутъ подъ голову мертвеца, набиваютъ сѣномъ или васильками (Шебекино).

Думаютъ, что евреи «придушують, додавлюють «мучащихся передъ смертью»; я и толку добилася», заявила разсказчица—«щобъ не перехрестилося—бо ще мучиться, мучиться, тай перехреститься!» (нужно понимать—не вынесши страданій, для облегченія ихъ. Лебединъ).

Женщинамъ обматываютъ ноги тряпками—«по митарству ходитиме—щобъ ноги не попекти»; приводится разсказъ—какъ на одну замершую дѣвушку надѣли чулки, подаренные ей покойницей барыней; очнувшись, замиравшая сообщила о томъ, какъ барыня «зняла зъ неи ти чулки» и она должна была ходить босой (Дружковка).

Въ прежней замѣткѣ мы привели описаніе обряда погребенія дѣвушки въ Лебединѣ; приводимъ таковое для Шебекина. «Убрали, юнку кумачову надили, у дви коси заплели и дружку повязали; квитками уквитчали; подарки давали мужикамъ и дивчатамъ; дивчата несли ii—хустками поперевязувани; на ногахъ панчохи (якъ богатый вмре—изъ плису шьють); одного хлопця перевязують хусткою (перевязанный хусткою изображаетъ собою жениха умершей) (Шебекино).

Умершихъ некрещеныхъ дѣтей предпочитаютъ хоронить у порога хаты въ томъ убѣжденіи, что эти дѣти современемъ «вихрещуються»—«де ногами ходимо то хрестъ робимо» (Дружковка); хоронятъ дѣтей обыкновенно въ садахъ (Лебединъ).

Надъ умершими голосятъ; обыкновенно это высокопоэтическія проявленія скорби; «голосиння», впрочемъ, необязательно и практикуется оно въ зависимости отъ того «якъ у кого яка удаль».

Приводимъ плачъ надъ умершей матерью: «ненько моя, матинко, родителько! та на щожъ ти мене несчастну спородила, на свитъ божій пустила? Чомъ ти мене маненькою не прикопала, сирою землею не всипала—щобъ я не жила и не горювала, чужимъ людямъ не годила; на щожъ ти мени такую несчастну, гирку долю вдилила...? (Миколаевка).

Украинскій народъ высоко цѣнитъ страданіе матери при родахъ; человѣкъ только что родившійся считается уже «великимъ гришникомъ» потому что «мати родила и кровъ проливала»; грѣшенъ онъ даже въ томъ случаѣ если «зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали» [1]).

---

[1]) „Кіев. Старин.“, 83, XI, 174.

Библиотека "Руниверс"

Тотъ же взглядъ проявляется и въ воззрѣніи на участь въ загробной жизни родившей. Участь беременной женщины, умершей до родовъ и во время родовъ - различна; умершая до родовъ будетъ мучиться «ажъ до страшного суду»; та же, которая умретъ послѣ того какъ «Господь распроста», «Богъ обрятуе», считается великомученицей и попадаетъ въ царствіе небесное.

Уже за шесть недѣль до родовъ «земля разступается де ій (родящей) полягать (въ случаѣ смерти)—помре—ій земля вже готова!» (Дружковка отъ Степаниды Кошовой 80-ти лѣтъ).

Вѣдьма и упырь, умирая, страшно страдаютъ — агонія можетъ продолжаться до трехъ недѣль; разсказчица приводитъ случай, при которомъ она лично присутствовала; умирала вѣдьма — «така що богато чужого займала»; она была вся нежива, только въ груди колотилось; разсказчица ночевала при ней двѣ ночи, потомъ отъ страху отказалась; приходитъ къ ней женщина—тоже вѣдьма—и даетъ ей совѣтъ—отпереть «скрини» въ хатѣ умирающей; разсказчица посовѣтовала это сдѣлать дѣтямъ вѣдьмы; какъ только отперли замки у сундуковъ тотчасъ душа оставила тѣло; у вѣдьмы уже лежали подъ плечемъ—сковорода и серпъ, но они, какъ видно, не помогли; разсказчица обмывала умершую и съ насмѣшкою показывала собравшимся при этомъ—хвостикъ; обмывши, положили вѣдьму на столъ «а вона и обмаралась якъ зъ ружжи»; давай снова скидать рубаху, обмывать; на вопросъ о причинѣ послѣдняго обстоятельства разсказчица замѣтила:—«та хиба жъ то вона?—то лыха тварь!» Это же обстоятельство имѣло мѣсто и при смерти упыря—«видьмака надъ видьмаками»; пришлось бороться съ помощью «клоччи» (Дружковка).

Послѣ того какъ душа оставляетъ тѣло, въ послѣднее вселяется «нечистая сила», «лиха тварь» и въ образѣ мертваго можетъ производить различныя дѣйствія; мертвецы одухотворенные «силою» ходятъ и посѣщаютъ людей; умершая женщина «якъ иде ажъ шумить намитною—тильки: шу-шу!» (Лебединь).

Та ночь, въ которую не поютъ пѣтухи, считается нечистой; въ такую ночь бродятъ вѣшальники, утопленники и «мерци» (Лебединъ).

Разсказчица изъ Дружковки увѣряетъ, что теперь мертвецы не ходятъ, потому что ихъ при погребеніи запечатываютъ; но въ дѣтствѣ лично видала ходившаго покойника.

А вотъ еще разсказъ. Шелъ дорогой человѣкъ; смерклось; онъ прилегъ въ сторонѣ отъ дороги на могилкѣ и задремалъ; ночью выходитъ изъ могилы мертвецъ. «Ходимъ зо мною!» Приводитъ че-

Библиотека "Руниверс"

ловѣка въ Дружковку къ одной изъ хатъ; а тамъ «колотнеча»; понапивались пьяными и дерутся; мертвецъ набираетъ съ полу крови «въ кобилячу голову» и даетъ выпить путнику; тотъ, испугавшись, не знаетъ что дѣлать; далѣе, смотря на мертвеца, онъ будто бы пьетъ, а самъ выливаетъ кровь себѣ за рубаху. «Ходимъ дали!»; приходятъ къ сосѣдней хатѣ, но войти не могутъ, такъ какъ окна «заминёвани»; пошли къ могилѣ; въ это время запѣли пѣтухи, мертвецъ такъ и «загувъ». Утромъ человѣкъ отправился въ волость и заявилъ о случившемся; вся рубаха его была въ крови; по наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно въ такой то хатѣ быладрака и кровопролитіе; откопали могилу и нашли въ ней мертвеца лежащимъ навзничь; тотчасъ вбили ему «въ потилицю» осиновый колъ— «кровъ такъ и бризнула!» (Дружковка) [1]).

«Нечистая сила», вселившись въ покойника, можетъ проявлять себя въ видѣ вихря, урагана. «Умерла одна баба — взяли у насъ рушники (семья разсказчицы живетъ у кладбища); та впустили рушники у яму тай забулися объ ихъ; батько оглядились—де ти рушники? лаютъ батько, що немае рушникивъ; а мы—що робыть? съ сестрою за лопаты; давай откопувать ту бабу; наровици зъ дви земли вивернули; якъ узяли тягнуть — повитягали... прыйшли до дому де й взявсь вихорь; якъ почавъ, якъ почавъ крутить! всю солому обдеръ, чуть хаты не перевернувъ!» (Лебединъ).

Дѣти въ играхъ, подражая явленіямъ обыденной жизни, часто имѣютъ склонность играть въ похороны; «матирки» такую игру строго воспрещаютъ.

На бурачныхъ плантаціяхъ бѣлгородскаго уѣзда очень популярна игра «въ мертвеця». Окончивши «урокъ» раньше положеннаго срока, дѣвушки собираются въ одно мѣсто; одна, посмѣлѣй, ложится, складываетъ руки, закрываетъ глаза; ее «квитчаютъ» полевыми цвѣтами или просто бурьяномъ и начинаютъ «голосить»; «голосиння» продолжается до тѣхъ поръ, пока рыданіе и взыванія въ шутку не перехолятъ въ настоящій плачъ—до того нервно настраивается толпа играющихъ; мнимый «мертвецъ» въ это время сохраняетъ полную серьезность (Шебекино).

Въ заключеніе приведемъ довольно рѣдкую пѣсню, характеризующую нравственныя отношенія въ украинской семьѣ и интересную для насъ въ данномъ случаѣ по погребальнымъ элементамъ въ ней упомянутымъ.

[1]) Ср. у Сумцова Культ. пережив. „Кіев. Старина", 90 г. I, 64.

Библиотека "Руниверс"

Ой поихавъ милий у дорогу,
Та покинувъ милу нездорову;
Поки милий прыихавъ изъ Гилу,
А вже его милу нарядили,
Червоною китайкою руки покрили,
А изъ кедрини труну зробили,
Високую могилу насипали,
Червону калину посадили,
Дорогимъ каминнямъ обложили.
Ой прыихавъ милий изъ Гилу до дому,
Ажъ нема его миленькои вже;
Та поихавъ милий до долини,
Привязавъ коня до калини,
Та припадавъ до могили:
«А ти, сирая земле, розсипся,
А ти, червоная калина, росхилися,
А ти, дорогий каменю, роскотися,
А ти, скедриная труно, розійдися,
А ти, милая, обизвися,
Чи позволишь мени ожениться»?
— «Оженись, мій милий, оженись,
Та возьми, милий жинку добру,
А щобъ вона тебе почитала,
А щобъ вона твоихъ дитокъ жалувала».

(Зап. въ 1884 г. въ Лебединѣ чигиринскаго у. „Гила“, по мнѣнію пѣвшей,— названіе города).

М. К. Васильевъ.

II.

Въ с. Краснопольѣ—въ 10 верстахъ отъ Коропа—существуетъ такой обычай. Проводивъ покойника на кладбище, всѣ участники похоронной процессіи возвращаются въ домъ покойника на поминальный обѣдъ. Послѣ обѣда моютъ всю посуду, бывшую въ употребленіи на этомъ обѣдѣ,—горшки, миски, ложки, также столъ, за которымъ обѣдали, всѣ помои сливаютъ въ горшокъ, хозяйка относитъ ихъ на кладбище и выливаетъ на свѣжую могилу, а горшокъ разбиваетъ.

Что касается монеты, то иногда ее вкладываютъ въ ротъ покойнику за лѣвую щеку, а иногда завязываютъ въ платокъ и кладутъ за пазуху, тоже съ лѣвой стороны. Относительно цѣли этого обряда

Библиотека "Руниверс"

я тамъ слышалъ (впрочемъ отъ лица грамотнаго) буквальное повтореніе классическаго вѣрованія, что она нужна для уплаты за переѣздъ черезъ рѣку на паромѣ.

Могилу роютъ чаще такъ, что на уровнѣ дна ея дѣлаютъ нишу, въ которую всовываютъ гробъ.

Одного общаго для всего села кладбища тамъ нѣтъ, а хоронятъ въ усадьбахъ «въ садку», а у кого садка нѣтъ, то просятся «у сусиде».

В. К.

Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій университета св. Владиміра въ октябрѣ 1835 г. Какъ извѣстно, въ октябрѣ 1835 года было не только предположено приступить къ закладкѣ зданія университета св. Владиміра, но даже все уже было приготовлено къ торжеству этой закладки самимъ императоромъ Николаемъ, котораго со дня на день ожидали въ Кіевѣ. Несмотря на то, что все уже было приготовлено, какъ-то: камни для закладки, медали, нарочно на сей случай отчеканенныя на монетномъ дворѣ, и пр.,—однако Николай не пожелалъ совершить этого торжества по причинамъ, указаннымъ въ «Исторіи университета св. Владиміра, т. I» Владимірскаго-Буданова, а также въ «Письмахъ о Кіевѣ» Максимовича[1]). А между тѣмъ до такой степени всѣ ожидали этого, что былъ даже выработанъ проектъ церемоніала сего торжества, сохранившійся въ бумагахъ тогдашняго ректора университета М. Максимовича въ подлинномъ видѣ. Судя по помѣткамъ на немъ, можно думать, что онъ 5 октября представленъ былъ попечителю округа фонъ-Брадке, а 25 октября, послѣ неудавшагося торжества, возвращенъ ректору.

Думаемъ, что въ пополненіе къ изданной уже исторіи университета св. Владиміра и это будетъ не лишняя страничка, а потому приводимъ этотъ проектъ церемоніала цѣликомъ.

1) Въ день закладки, по назначенію времени отъ Его Императорскаго Величества, совершена будетъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ литургія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, при коей будутъ присутствовать члены и воспитанники университета св. Владиміра и кіевскихъ учебныхъ заведеній.

2) Послѣ литургіи произведенъ будетъ изъ собора крестный ходъ съ иконами съ хоругвями, при колокольномъ звонѣ въ сопро-

[1]) Стр. 288—292.

Библиотека "Руниверс"

вожденій всѣхъ учебныхъ заведеній въ учрежденномъ для сего порядкѣ, до мѣста, Высочайше утвержденнаго для построенія зданія университета.

3) На Высочайше утвержденномъ мѣстѣ для университета отпѣтъ будетъ молебенъ съ водоосвященіемъ.

4) По окропленіи мѣста и каменьевъ, предназначенныхъ для закладки, святою водою, поднесены будутъ Его Императорскому Величеству одна платиновая медаль, на сей случай въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ, по Высочайше утвержденному проекту, выбитая, одна мѣдная доска и находящіяся нынѣ въ обращеніи новѣйшей чеканки монеты: платиновыя, золотыя и серебряныя, какъ равно и закладные каменья; послѣ того поднесены будутъ Его Императорск. Величеству и знатнѣйшимъ особамъ медали, на сей случай въ с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ по Высочайше утвержденному проекту выбитыя.

5) По окончаніи закладки провозглашено будетъ многолѣтіе Его Императорскому Величеству со всѣмъ Августѣйшимъ домомъ, и крестный ходъ возвратится въ соборъ при колокольномъ звонѣ.

6) Учебныя заведенія будутъ слѣдовать въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Кіево-Подольское уѣздное училище.

2) Кіевская губернская гимназія.

3) Конвиктъ бѣдныхъ дворянъ и училище землемѣровъ.

4) Благородный пансіонъ кіевской гимназіи.

5) Студенты университета св. Владиміра съ инспекторомъ студентовъ и его помощникомъ.

6) Ректоръ, преподаватели и чиновники университета св. Владиміра.

Сообщ. В. Науменко.

Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. Въ малорусскихъ народныхъ произведеніяхъ мы не разъ наталкиваемся на такія, которыя, въ той или иной формѣ, въ томъ или иномъ направленіи, даютъ характеристику разныхъ національныхъ типовъ; при чемъ многія изъ такихъ характеристикъ, какъ и слѣдовало ожидать, при параллельномъ освѣщеніи разныхъ націй, отдаютъ полное предпочтеніе своему родному типу, ставя его и по уму, и по нравственнымъ достоинствамъ выше остальныхъ. Но способность юмористической самокритики заставляетъ народъ иногда уклониться отъ

Библиотека "Руниверс"

этой нормы и освѣтить родной типъ далеко не радужными красками. Много такихъ разсказовъ помѣщено уже въ разныхъ этнографическихъ матеріалахъ (см. наприм., «Малорус. народ. предан. и разсказы», М. Драгоманова, стр. 125, 190, 193, 194, 195 и др.).

Помѣщаемъ теперь два коротенькихъ разсказа, сообщенные И. Ф. Бѣньковскимъ, изъ которыхъ одинъ, записанный въ ровенскомъ уѣздѣ, украинскаго простолюдина ставитъ на послѣднемъ мѣстѣ, а другой, не датированный мѣстностью, наоборотъ—на первомъ.

I.

«Отто якъ жыды взялы Ісуса Хрыста въ Гефсыманьскимъ садочку—то повелы его перше всего туды де стоялы ляхи. А йіденъ изъ ныхъ (ляхивъ) и каже: «выдыбъемъ нашого Спасытеля».—А Ісусъ Хрыстосъ и рече имъ: «за таке ваше щыре серце дамъ вамъ, диткы, таку миць—що вы будете воюваты завше».—И правда—що ляхъ—то вояка.

Потимъ повелы жыды І. Хрыста—де стоялы нимци [1]); йіденъ з ныхъ и каже: «видкупымъ нашого Спасытеля».—А Спасытель до ныхъ и каже: «за таку вашу щыристь—дамъ вамъ таку миць—що вы будете купуваты—покы вашого жыття.»—Що нимець—то купець!

На решти повелы жыды Спасытеля де наши мужики—сирякы пидъ корчмою стоялы—медъ, горилку попывалы. Йіденъ въ ныхъ и каже: видкрадемо нашого Спасытеля.—А Спасытель имъ и рече: «за таку вашу щыристь, дамъ вамъ, диткы, таку миць,—що вы будете красты—поки вашого життя».—И правда: що мужыкъ—то злодій!

(Записано въ ровенскомъ уѣздѣ, волын. губ.).

II.

Разъ захотивъ чортъ сотворыты подобного соби. Взявъ винъ накыдавъ въ котелъ, въ смолу разного зилля и ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—попробовавъ сотворыты подобнаго соби—и выйшовъ мужыкъ.

«Недоварывъ»—каже самъ до себе чортъ и зновъ ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—попробовавъ—и выйшовъ—ляхъ.

«Ще недоварывъ»—каже чортъ и знонъ ставъ варыты.

Варывъ—варывъ—зновъ попробовавъ—выйшовъ нимець.

---

[1]) Подъ „нѣмцемъ"—нашъ крестьянинъ разумѣетъ вообще всякаго иностранца:—англичанина, француза и т. п.

Библиотека "Руниверс"

«Ще чуточку не доварывъ»—и почавъ зновъ варыты.

Зновъ попробовавъ—и выйшовъ татарынъ.

Отъ-отъ ище капельку—и буде якъ разъ подобный на мене—и давай дали варыты.

Нарешти попробовавъ ще разъ,—вже остатній—выйшовъ жыдъ.

«Переварывъ»—крыкнувъ чортъ; це вже выйшовъ хитрійшый и мудрійшый видъ мене,—вже передавъ. Або-жъ неправда: жыдъ хитрійшый и мудрійшый видъ самого чорта: Винъ самого чорта проведе, обмане.

По другому варіанту переваренымъ оказался «нимець» а «жыдъ» чуточку недоваренымъ.

Сообщ. **Ив. Бѣньковскій.**

Разсказъ о происхожденіи табаку. Въ вагонѣ желѣзной дороги мнѣ удалось подслушать новый и совершенно оригинальный по содержанію, предлагаемый здѣсь, разсказъ о происхожденіи табаку.

Сѣдой дидъ, окруженный пятью или шестью случайными дорожными знакомцами, «съ повагомъ», важно ведетъ бесѣду и разсказываетъ что-то видимо интересное, судя по всецѣло овладѣвшему всѣми слушателями вниманію, старавшимися не проронить ни одного слова. Бесѣда замѣтно началась давно и все въ духѣ нравоучительно-религіозномъ. Настала пауза, разсказъ оконченъ. Разскащикъ замолкъ и застылъ въ раздумьи, упершись подбородкомъ на палку, которую все время держалъ въ рукахъ, и полузакрывъ глаза, какъ бы задремалъ отъ усталости. Слушатели, находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что слышаннаго, тоже молчатъ, каждый самъ про себя что то обдумывая. Такъ прошло минутъ пять. Сидѣвшій рядомъ съ дидомъ молодой парень первый пришелъ въ движеніе. Вынулъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, развязалъ его, досталъ оттуда сильно скомканную давно прошедшихъ годовъ исписанную толстую писчую бумагу, сильно испачканную чѣмъ то сальнымъ и, дѣлая изъ нея традиціонную цигарку, тяжело, во всю грудь, вздохнулъ и проговорилъ, ни къ кому не обращаясь, а какъ бы въ раздумьи, относясь лично самъ къ себѣ: «Ось и це, кажуть тежь грихъ, та ще й не абы якый малый»? Взоры всѣхъ остальныхъ, какъ по командѣ, вопросительно обратились на дида, въ надеждѣ сейчасъ же услышать его авторитетное, по поводу этого, мнѣніе, при томъ, можетъ быть, подтвержденное, какъ доказательствомъ, какимъ нибудь, вродѣ предыдущаго, разсказомъ. И дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительно, они не ошиблись. Дидъ долго себя ждать не заставилъ и, какъ бы подчиняясь общему молчаливому желанію, оживился, поднялъ голову, обвелъ всѣхъ глазами и съ какою то торжественною ноткою въ голосѣ рѣзко и громко проговорилъ: и, нема у цему а ни гриха, а ни спасенія. Сказалъ и замолкъ, снова понуривъ голову, какъ бы собираясь съ мыслями.—А чому такъ, такъ ось черезъ що: Бачь, кажуть грихъ й кажуть ти, шо ничого не знають. Чулы воны, шо шось, хтось, десь дзвонывъ, але хто й де—имъ це й байдуже. А було воно ось якъ: У давну давнину, ще далеко не запамьятку не то що батькивъ, або дидивъ нашыхъ, але й прадидивъ, царювавъ десь у якійсь земли царь Давыдъ. Бувъ у его одынъ однымъ сынъ на ймення... отъ и забувъ... це лыхо, й памьятавъ, кажу, а теперь забувъ! Якесь чуже. Описля може нагадаю, то скажу. Була ще у того царя Давыда, промижъ инчою челядью, дивка, царици вона услугувала, та така съ себе гарна, така брава, така краля, шо й не сказаты. Кращои надъ неи не було у всимъ царстви тимъ, ни мижъ панами, а ни мижъ мужыкамы. Не дыво жъ, що въ неи й вкохався отой, шо казавъ царевычъ, Давыдивъ сынъ. Эге, вкохався, та й удравъ погану штуку, якъ самы здорови заразъ побачыте. Занедужавъ ото парубокъ. А й хвористь то була не справдишня, а зъ хытрощамы. Заслабивъ такъ, шо й зъ кимнаты не выходе. Не сыла, каже, й ногамы двыгаты. Нема мочи й порога переступыты. Такъ, то й такъ. Прыйшовъ такый часъ, шо обидаты. Звуть й его, звычайно до гурту. Каже, ни чого не хочу, не навернусь до стравы. Не йде. Почувъ таке батько Давыдъ и каже своій жинци, царыци:—ты бъ, стара, видислала бъ сынови хочь бы печене яблучко; може бъ винъ зъивъ леженького за для трунку й солоденького, смачненького, бо не можно, хочь й хворому, буты безъ нiякои стравы, бо здоровый, та й то охляне, а винъ и подавну. Послухалась та. Вволыла его волю й заразъ заходылась, спрягла двойко яблучкивъ, поклала ихъ на срибну тарилочку и, покликавши ту красуню, звелила iй вднесты те до сына. Понесла та. Царевычь, одержавшы яблучкы, звеливъ iй дожыдаты, покы поисть, шобъ, бачь, тоди посуду взяла, а самъ тымъ часомъ поклыкавъ вартового москаля, шо повынно стоять воны биля царськыхъ дверей й давъ ему прыказъ найпильнiйше стерегты двери и ни кого, а ни якымъ побытомъ, не пускаты до его, та тоди й нумо съ тiею дивчиною женыхаться. Оттаке то! Черезъ яку годыну выбигла дивка видтиля плачучи й тужучи на ввесь двиръ й прямисинько майнула до царя Давыда жалуваться. Выслухавъ еи тай й жалiючи

Библиотека "Руниверс"

сина свого, бо у старовыну хочь не такъ було, якъ сего часу, але, якъ ось бачетымете, й жысты ришалы, й каже й велыть, шобъ вона мовчала й никому не казала, а винъ вже ей нагородыть й гришмы й усимъ. Боявсь, бачь, бильшъ вогню, тихъ суддивъ, шобъ воны, не дай Боже, не дизналисъ, бо ти таки, шо не подывляться, шо винъ царськый сынъ, а потягнуть судыты. Скажуть законъ, то проты цего й самъ царь ничого не вдіе. Шо не робывъ Давыдъ, якъ не приказувавъ, шобъ вси мовчалы, а ничого не вдіявъ. Чого боявся те й выйшло; бо якъ бы одынъ, або два зналы, то воно може бъ й тее, а то хиба ихъ мало було тыхъ, шо бачылы, якъ дивка зъ розскусьдженымъ волоссьямъ, та плачучи видъ царевича бигла; заразъ втямылы, шо воно це за ричь й розблаговистылы по усихъ усюдахъ. Языкъ, мовлявъ, безъ костей. Дійшло таки дило й до суддивъ. Дизналысь таки ти й заразъ зрадилы. Давай его, кажуть, сюды! будымо судыты; й потяглы. Судылы отто, судылы й прысудылы видтяты ему голову, бо вына, бачь, велыка. Поцимъ скаралы й поховалы за городомъ на степу, наче, якого розбышаку. Шо жъ вы думаете? Зробылась писля цего та дивка, якъ несамовыта. Плаче, туже. Й день плаче, й ничъ плаче. Ничого зъ нею й не зроблють. Ничимъ ей й не заспокоють. Бачь врозыло ей велме те, шо черезъ неи, та згубылы чоловика, та ще й не абы якого, а царського сына. Тильки на свитъ начне благословляться, то вона вже й чимчикуе за городъ на могылку. Упаде пластомъ на неи й тужыть й розлываеться, ажъ обаполо луною розлагаеться. Плаче, кажу, та просе все его, шобъ простывъ ей, а слезы ти съ очей, якъ зъ джерела, такъ и капотять и льються на землю. Полыва имы вона що дня ту могылку. Видтого й выросло тамъ зиллье, таке гарне, зелене, высоке, та кучеряве, якъ капуста. Дивчина толи й моле Бога: Господы, каже, колы ты й винъ мене простылы за мою выну, шо вона мене даве, то зробы такъ, шобъ це зиллье, котре выросло зъ моихъ слизъ, полюбылы уси людн всего свиту. Звернувъ увагу Господь на ін цю молытву й зробывъ такъ, якъ вона прохала й покохалы его уси люды, яки ни на есть на земли. Ось якъ воно було! А черезъ що пишла така назва цему зильлеви, такъ ось черезъ що: Була у тіеи дивчины маненька собачка—цуцыкъ, ось зъ тыхъ, якъ й теперь воны у панивъ у горныцяхъ бувають. Бигала вона усюды за нею. Було, куды не йде вона, то й цуцыкъ туды слидкуе. Оттакъ и на могылку ей не покыдало. Якъ выросло жь те зиллье, то цуцыкъ забижыть у его й вовтузыться тамъ й товче его. А дивчина було й прогоня его все видтиля, шобъ

Библиотека "Руниверс"

не шкодыло и поцимъ на его:—тю,-тю,-тю,-тю,-тю,-тю, крычыть. Ось черезъ що й пишла тютюномъ ця трава зваться. Бачъ якъ! Адже жъ такъ!? обратился дидъ къ слушателямъ и не получивши никакого отвѣта, ни подтвержденія, ни отрицанія, а одно упорное молчаніе, успокоился и продолжалъ:—отъ теперь й разсудить самы, чи воно грихъ, чи ни! Нема нінкого а ни гриха, а ни спасенія!

А. Катрухинъ.

Некрологъ. 31 іюля редакція «Кіевской Старины» понесла тяжелую потерю: скоропостижно скончался одинъ изъ давнихъ сотрудниковъ нашего журнала *Иванъ Петровичъ Новицкій*. При большихъ дарованіяхъ и массѣ знаній, покойный въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати пяти лѣтней литературной дѣятельности посвящалъ свои силы изслѣдованію прошлой и современной жизни южной Руси. Біографическія свѣдѣнія о покойномъ и обзоръ его работъ мы постараемся дать въ ближайшей книжкѣ нашего журнала.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ козаковъ. (Воронежъ, 1889). Стр. 207. Цѣна 1 р.

Мы имѣли уже случай отмѣтить прекрасную работу г. Щербины по исторіи кубанскаго козачьяго войска («Кіевская Старина» 1890 г.) и выразить желаніе, чтобы автору удалось болѣе детальнымъ образомъ ознакомить читающій міръ съ характеромъ экономическаго быта войска: настоящій трудъ г. Щербины какъ нельзя лучше удовлетворяетъ такому естественному желанію и при томъ въ сферѣ наиболѣе важной для народной экономіи. Книга даетъ болѣе, нежели обѣщаетъ ея заглавіе. Авторъ не только характеризуетъ порядки пользованія общинными козачьими угодьями, но кромѣ того предлагаетъ читателю весьма тщательно составленные очерки естественныхъ особенностей и колонизаціи края, развитія козачьяго землевладѣнія вообще, характеризуетъ дѣятельность станичныхъ обществъ и сходовъ, обрисовываетъ порядки пользованія общинными водами и войсковаго рыболовства. Всѣ свои выводы г. Щербина основываетъ на лично имъ добытыхъ въ 1879 и 1880 г. матеріалахъ, огромная часть которыхъ до настоящаго времени еще не была опубликована. Для трактуемаго предмета книга г. Щербины имѣетъ такое же значеніе, какъ спеціальныя работы г. Соколовскаго и г-жи Ефименко для исторіи общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи. То обстоятельство, что изслѣдователю приходилось имѣть дѣло съ явленіемъ, развивавшимся на протяженіи не болѣе одного столѣтія, нисколько не умаляетъ заслуги автора, снабдившаго свои заключенія внушительной массой добытыхъ на мѣстѣ данныхъ.

Какъ всякое глубоко жизненное явленіе, земельная община кубанскихъ козаковъ переживала въ своемъ вѣковомъ развитіи нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

фазисовъ, весьма тонко и детально охарактеризованныхъ авторомъ.

Хотя т. наз. черноморское козачье войско было прямымъ преемникомъ историческаго Запорожья, но условія развитія того и другаго были значительно различны. На пространствѣ въ 30,000 кв. в. первоначально было поселено не болѣе 25 тыс. душъ обоего пола, что давало безграничный просторъ для пользованія силами природы. Слабость земледѣльческихъ промысловъ, широкое развитіе скотоводства обусловили возникновеніе хуторскихъ формъ, заимки; съ увеличеніемъ населенія помощью воинской и правительственной колонизаціи хутора, бывшіе оплотомъ личнаго землевладѣнія, приходятъ въ столкновеніе съ «куренными поселеніями», позднѣйшими станицами, которыя имѣли и законное, и народно-обычное право считать земли своего района коллективною козацкою собственностью. Эта борьба съ хуторскимъ, личнымъ землевладѣніемъ затруднялась для козацкихъ общинъ тѣмъ обстоятельствомъ, что войсковая старшина, захватившая лучшія земли, не стояла въ Черноморьи въ такой зависимости отъ войска, какъ это было на Запорожьи,—не была выборною. Вмѣшательство законодательной власти въ регулировку между-козацкихъ земельныхъ отношеній въ концѣ концовъ привело къ образованію въ нѣдрахъ войска настоящей земельной аристократіи, во владѣніи которой нынѣ находится до 5% всей территоріи кубанской области. Вмѣсто запорожской выборной старшины мы имѣемъ уже дѣло съ настоящимъ сословіемъ «пановъ», и понятіе объ общекозачьей коллективной собственности на практикѣ подорвано въ весьма значительной степени. Пожизненное съ 1842 года пользованіе землею превратилось для старшины въ потомственное съ 1870 года, а еще черезъ десять лѣтъ въ среду козачества получили доступъ, благодаря разрѣшенію пріобрѣтать усадебныя земли, и не козаки, свившіе, по свидѣтельству г. Щербины, на этихъ когда то войсковыхъ земляхъ прочное гнѣздо кулачества и обирающіе тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ предки получили эти земли на правѣ полнѣйшей коллективной собственности. Явленія подобнаго же характера имѣютъ мѣсто на обѣихъ линіяхъ и въ Закубаньи.

Суммируя результаты своего изслѣдованія о развитіи формъ козачьяго землевладѣнія въ кубанской области вообще, авторъ, строго придерживаясь фактическихъ данныхъ, указываетъ, что козачье землевладѣніе началось съ войсковой формы землепользованія, близкой къ обычному на Запорожьи. Затѣмъ, подъ вліяніемъ внутреннихъ и

Библиотека "Руниверс"

внѣшнихъ причинъ, обособились, съ одной стороны, козачьи юрты или общинно-земельные надѣлы, а съ другой—частное козачье землевладѣніе. Слѣды войсковаго землевладѣнія сохранились лишь въ видѣ войсковыхъ земельныхъ угодій, соляныхъ озеръ и запасныхъ земель, отдаваемыхъ войсковою администраціей въ арендное содержаніе и состоящихъ въ вѣдѣніи войска только временно, какъ будущіе дополнительные участки станичныхъ общинъ.

Характеризуя затѣмъ общинное землавладѣніе кубанскихъ козаковъ, которому собственно и посвящена книга, авторъ въ цѣломъ рядѣ детальныхъ экскурсовъ доказываетъ, что въ развитіи своемъ порядки общиннаго землепользованія шли отъ простаго къ сложному—отъ вольнаго пользованія всевозможными угодьями къ цѣлому ряду разнообразныхъ ограниченій личнаго произвола и наконецъ къ обычаю дѣлежей. При обиліи пустошей, члены общины производили заимки по своему усмотрѣнію и таковъ былъ первоначально господствующій способъ землепользованія какъ въ отношеніи т. наз. «царинъ» и луговъ, сѣнокосовъ, пастбищъ, такъ лѣсныхъ угодій, водъ, усадебъ, садовъ и огородовъ. Первымъ по времени ограниченіемъ вольнаго пользованія землей было раздѣленіе юртовыхъ земель на части по угодьямъ—на общую царину или пашни, сѣнокосы и толоку или выгонъ, иногда—дѣленіе полей на клинья по роду хлѣбовъ. Раздѣленіе это влечетъ дальнѣйшія ограниченія въ отношеніи распашекъ на сѣнокосахъ и выгонахъ, пастьбы скота на пашенныхъ земляхъ, въ отношеніи размѣра земли, какой можетъ быть предоставленъ отдѣльному общиннику, и т. д. Послѣднимъ шагомъ въ развитіи этихъ порядковъ являются нынѣ дѣлежи пахатныхъ полей; дѣлежи эти начались съ разверстки частей въ пахатныхъ поляхъ большею частью съ «цѣлины», рѣже съ «мякоти», т. е. съ земли, бывшей уже въ разработкѣ. Сплошные дѣлежи юртовъ практикуются въ двухъ формахъ: малорусской, когда каждый хозяинъ получаетъ свой пай въ одномъ только мѣстѣ станичнаго юрта, и великорусской, когда пай дробится на нѣсколько частей, такъ что хозяину принадлежитъ нѣсколько кусковъ въ различныхъ угодьяхъ и клиньяхъ съ разными сортами хлѣбовъ. Въ самыхъ способахъ дѣлежей земли на паи или на души произошло, по словамъ автора, въ послѣднее время весьма замѣтное осложненіе въ формѣ дѣлежей земли на души по качествамъ почвы и въ соотвѣтственномъ дробленіи паевъ или душевыхъ надѣловъ на полосы. Въ отношеніи сѣнокосныхъ порядковъ первый ограничительный пріемъ состоялъ въ назначеніи опредѣленныхъ мѣстъ подъ сѣ-

Библиотека "Руниверс"

нокосы, затѣмъ слѣдовало назначеніе времени для начала сѣнокошенія, опредѣленіе количества дозволенныхъ косарей на отдѣльныя хозяйства, а послѣднимъ шагомъ въ ряду ограниченій вольнаго сѣнокошенія является дѣлежъ сѣнокосовъ на паи или души. Въ той же постепенности идутъ и ограниченія вольной рубки лѣса, вольнаго пользованія выгонами и толоками, усадебными мѣстами и т. п. Вопросу о пользованіи общинными водами и рыболовными угодьями авторъ посвящаетъ особый экскурсъ, гдѣ показываетъ, что рыболовство находится нынѣ на пути къ переходу исключительно въ руки крупныхъ предпринимателей—не козаковъ.

Мы привели здѣсь лишь главные тезисы книги г. Щербины, чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о богатствѣ и интересѣ новой работы неутомимаго изслѣдователя нашей народной жизни. Чисто экономической сторонѣ козачьей земельной общины, взаимоотношенію послѣдней и экономическаго быта кубанскихъ козаковъ авторъ обѣщаетъ посвятить особые очерки, скорѣйшаго появленія которыхъ слѣдуетъ пожелать отъ всей души. **Н. М.**

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. Историко-статистическій очеркъ. Кіевъ 1890.

Авторъ труда, заглавіе котораго мы выписали, задался скромною цѣлью—сдѣлать описаніе устройства господарскихъ замковъ на протяженіи южной Россіи, ихъ состоянія и средствъ обороны, и выполнилъ эту задачу весьма тщательно и умѣло. Основалъ г. Грушевскій свой очеркъ на изданномъ актовомъ матеріалѣ, разсыпанномъ въ «Памятникахъ кіевской археографической коммиссіи», въ «Актахъ западной Россіи», въ «Архивѣ юго-западной Россіи» и др. Вначалѣ авторъ обрисовываетъ значеніе замковъ въ исторіи южно-русской колонизаціи, для чего дѣлаетъ въ общихъ чертахъ весьма сжатый, но вполнѣ вѣрный очеркъ движеній осѣдлаго населенія въ степь и борьбы его съ номадами. «На первыхъ порахъ, по мнѣнію г. Грушевскаго, замки являлись чрезвычайно важнымъ средствомъ колонизаціи страны, составляя какъ-бы узлы, которыми болѣе или менѣе прочно привязывалось населеніе къ территоріи повѣта и удерживалось отъ конечнаго разсѣянія». Литовское правительство понимало важное значе-

Библиотека "Руниверс"

ніе замковъ и заботилось какъ объ увеличеніи ихъ числа, такъ и объ удовлетворительномъ ихъ состояніи. Эта забота выразилась въ цѣломъ рядѣ ревизій замковъ, а результатомъ этихъ ревизій явился цѣлый рядъ «описовъ» замковъ, въ которыхъ мы находимъ обстоятельное описаніе этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Указавъ на характеръ ревизій, на результаты, къ которымъ онѣ привели, авторъ приступаетъ къ самому описанію замковъ. Начинаетъ г. Грушевскій съ внѣшняго вида и устройства замка, затѣмъ говоритъ объ управленіи замка, перечисляя должностныхъ лицъ и указывая сферу дѣятельности каждаго изъ нихъ. Слабость замковаго управленія вытекала изъ совмѣщенія въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ нѣсколькихъ замковыхъ должностей и являвшейся отсюда необходимости раздачи частнымъ лицамъ нѣкоторыхъ отраслей замковаго вѣдѣнія. Не въ лучшемъ состояніи находилось дѣло укрѣпленія замка и его ремонтировки, о чемъ авторъ говоритъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей брошюры. Въ общемъ, состояніе замковъ было весьма жалкое, какъ со стороны ихъ крѣпости, такъ и средствъ обороны. Плоха была артиллерія и дѣло продовольствія. Но нужно помнить, что литовскимъ правительствомъ все было прекрасно предусмотрѣно и устроено, а слабость замковъ и вообще слабость военной обороны литовскаго государства проистекала отъ слабости его управленія и злоупотребленій во всѣхъ отрасляхъ государственнаго вѣдѣнія. Трудъ г. Грушевскаго читается съ большимъ интересомъ и легкостью, а по тщательности обработки матеріала и полнотѣ, съ которой авторъ исчерпываетъ вопросъ, представляетъ собой пріятное явленіе въ русской исторической литературѣ

П. Г.

Dr. J. L. Pič. Dejiny národa ruského. Díl I. Do konce XVIII století. V Praze, 1889. (Д-ръ И. Пичъ. Исторія русскаго народа). Стр. 284.

Сочиненіе г. Пича вышло въ серіи Новочешской библіотеки, издаваемой при музеѣ чешскаго королевства (вып. XXVIII), и обнимаетъ исторію нашего отечества съ 862 по 1796 годъ, до смерти имп. Екатерины II. Авторъ задается цѣлью составить обзоръ политическихъ и культурныхъ судебъ Россіи съ спеціально чешской точ-

Библиотека "Руниверс"

ки зрѣнія, такъ какъ русскія работы нерѣдко игнорируютъ то, что представляетъ особый интересъ для чеховъ.

Если не считать нѣкоторыхъ случайныхъ намековъ—сопоставленія мораванъ съ поляками, люксембургской династіи съ Романовыми, характеристики власти первыхъ русскихъ князей словами Козьмы Пражскаго и т. д.,—то читающему представляется неяснымъ, въ чемъ, собственно, состоитъ эта спеціальная точка зрѣнія. Г. Пичъ нѣсколько подробнѣе, нежели это дѣлаютъ составители русскихъ учебниковъ, останавливается на исторіи раздѣловъ Польши, во всемъ же остальномъ слѣдуетъ всецѣло установившимся у насъ шаблонамъ. На нашъ взглядъ, слишкомъ смѣло писать исторію «русскаго народа» по этимъ формамъ, и едва-ли изъ книги г. Пича читатель вынесетъ убѣжденіе, что нашему народу предстоитъ великая роль въ культурномъ движеніи стараго свѣта, какъ это предсказываетъ нашъ авторъ. Великая роль, конечно, можетъ принадлежать каждому культурному народу, но едва-ли основою для этого можетъ служить обширность государственной территоріи: между тѣмъ большинство исторій нашего отечества, не исключая и исторіи г. Пича, въ сущности представляютъ эпизодическій разсказъ о приращеніяхъ территоріи. Казалось-бы, что этой цѣли вполнѣ удовлетворили-бы нѣсколько синхронистическихъ таблицъ и историческихъ картъ. Для исторіи народа требуются краски, а ихъ то и недостаетъ на палитрѣ г. Пича. Мы опасаемся, что чехи вынесутъ неполное и неудовлетворительное понятіе о нашей исторіи изъ книги г. Пича.

Въ самомъ дѣлѣ, интересъ внутренней жизни многомилліоннаго и разноплеменнаго народа, каковъ русскій, не можетъ ограничиться ознакомленіемъ съ именами правившихъ лицъ и внѣшнимъ очеркомъ роста государственнаго тѣла. Государство есть лишь одинъ изъ видовъ общественнаго союза, и геній народа не всегда сказывается въ формахъ именно этого союза. Областная жизнь, порядки землепользованія, оригинальное разнообразіе племеннаго уклада и характера—черты, на которыхъ долженъ особенно подробно остановить свое вниманіе историкъ Руси, особенно въ до—петербургское время, если желаетъ привлечь сочувственное вниманіе читателя къ судьбамъ нашего народа. Преимущественный интересъ историковъ къ внѣшнимъ, показнымъ фактамъ и лицамъ подрываетъ у читателя всякій интересъ къ этой въ значительной степени мнимой наукѣ анекдотическаго повѣствованія.

Библиотека "Руниверс"

Упрекать г. Пича въ такомъ направленіи его книги, конечно, невозможно: онъ даетъ все, что можетъ дать, придерживаясь нашихъ образцовъ и ограниченный размѣрами труда. Перечисленіе именъ и годовъ занимаетъ много мѣста и для обзора внутреннихъ отношеній остается его соотвѣтственно менѣе, но все же авторъ не забываетъ этихъ отношеній и старается характеризовать каждый періодъ нашей исторіи по мѣрѣ силъ и умѣнья. Этнографическій очеркъ начальной Руси и сосѣднихъ земель составленъ даже съ тщательностью, рѣдкою для учебника. Спеціальная точка зрѣнія автора, вѣроятно, сказывается въ неравномѣрномъ распредѣленіи матеріала: эпохѣ Петра I посвящено 15, Екатерины II—около 100 страницъ.

Исторія кіевской Руси дѣлится у автора на эпохи богатырскую (879—1015 г.) и удѣльную и занимаетъ почти треть книги. Происхожденію и роли южно-русскаго козачества авторомъ посвященъ особый экскурсъ и достаточно подробно разсказана исторія козацкой войны съ Польшей въ XVII ст.; о гайдамакахъ XVIII в. упомянуто также. Неудобства усвоенной авторомъ точки зрѣнія сказываются, между прочимъ, и въ этомъ отношеніи: отмѣчены факты присоединенія новыхъ областей, и у читателя создается представленіе, что областная жизнь прекратилась, чего въ дѣйствительности не было и быть не могло.

Съ внѣшней стороны книга г. Пича составлена достаточно внимательно и аккуратно, хотя попадаются неизбѣжныя ошибки. Такъ, г. Пичъ приписываетъ Конашевичу-Сагайдачному сочиненіе противоуніатскихъ книгъ, повторяетъ разсказъ о посѣщеніи Кіева патр. Іереміею, смѣшиваетъ Хмѣлецкаго съ Хмельницкимъ, называетъ Гуню Куней, Остраницу—Остравицей и т. п.

Какъ первая попытка самостоятельнаго и систематическаго изложенія нашей исторіи на чешскомъ языкѣ, книга г. Пича заслуживаетъ вниманія, но при усвоенной авторомъ манерѣ группировать матеріалы должно опасаться, что предпріятіе не достигнетъ желанной цѣли — ознакомленія чеховъ съ характеромъ русской исторической жизни.

Н. М.

Библиотека "Руниверс"

Труды Комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Выпускъ четвертый. Каменецъ-Подольскъ. 1889 г.

Разработка мѣстной исторіи и собраніе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ по губерніямъ, начатая по мысли покойнаго Н. В Калачова, продолжаетъ развиваться не только въ созданныхъ имъ ученыхъ губернскихъ архивныхъ коммиссіяхъ, но также и въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ, имѣющихъ почти ту же цѣль—изученіе своей губерніи, и долгое время не обнаруживавшихъ никакой дѣятельности да и теперь еще часто бездѣйствующихъ. Такое явленіе обусловливается недостаточно практической организаціей этихъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени, особенно въ послѣдніе годы, и комитеты заявляютъ себя многими весьма полезными и цѣнными изданіями. Къ числу таковыхъ относится и настоящій четвертый выпускъ «Трудовъ Комитета для описанія подольской епархіи». Хотя онъ, подобно тремъ предъидущимъ, касается все той же религіозно-церковной стороны жизни Подолія, однако, по содержанію своему, по важности заключающихся въ немъ документовъ, долженъ быть поставленъ выше предшествовавшаго ему 3-го выпуска, о которомъ мы дали въ свое время отзывъ.

Программа изданія осталась та же: акты издаются цѣликомъ или въ извлеченіи, располагаются въ географическомъ алфавитномъ порядкѣ и печатаются съ переводомъ на русскій языкъ; актамъ предшествуетъ небольшая статья, а въ концѣ къ нимъ приложены указатели: личный и географическій. Ненужной роскошью въ этой программѣ мы считаемъ переводы къ актамъ, на томъ основаніи, что древніе оффиціальные документы, писавшіеся по строго опредѣлившейся формулѣ, легко понятны тѣмъ ученымъ, которые имѣютъ нужду въ подобныхъ актахъ; для нихъ переводы излишни; обыкновенные же читатели никогда не только актовъ, но и ихъ переводовъ читать не будутъ; это давно уже понято всѣми западными археографическими коммиссіями, печатающими также латинскіе и польскіе документы, и печатаніе переводовъ прекращено, хотя сначала велось. Передовыя статьи по большей части бываютъ не важны и по мысли, лежащей въ ихъ основаніи, и по исполненію; но такъ какъ эти статьи появляются въ оффиціальномъ изданіи, то могутъ служить выраженіемъ оффиціальнаго и общественнаго настроенія и мысли по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ, и какъ таковое выраженіе, имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи развитія мѣстнаго самосознанія.

Библиотека "Руниверс"

Сказанное приложимо и къ передовой статьѣ настоящаго выпуска, трактующей о церковномъ патронатѣ, который былъ орудіемъ въ рукахъ шляхты для подавленія православія. Но цѣность каждаго археографическаго изданія не въ этихъ случайныхъ приложеніяхъ, какъ передовыя статьи, переводы актовъ и проч., а въ содержаніи самихъ актовъ. Съ этой стороны акты четвертаго выпуска, какъ мы сказали выше, гораздо важнѣе актовъ предъидущихъ выпусковъ. Все это — эрекціи уніатскимъ церквамъ, презенты священникамъ, акты о выдѣлѣ земель и угодій въ пользу священниковъ, совершенныя на основаніи эрекцій, и акты объ опредѣленіи викарныхъ священниковъ, данныя польскими помѣщиками, какъ патронами. Прежде всего эти документы рисуютъ имущественное положеніе уніатскаго духовенства, вообще намъ мало извѣстное; во 2-хъ указываютъ на степень вліянія, оказываемаго путемъ матеріальнаго обезпеченія духовенства, на религіозныя вѣянія среди мѣстнаго общества, на его намѣренія путемъ поддержки лицъ того или другаго исповѣданія распространить или подавить послѣднее и, наконецъ, на территоріальное распространеніе уніи, если бы можно было найти наиболѣе древнія эрекціи, которыя это показывали; эти же эрекціи важны и для исторіи самыхъ селъ съ ихъ храмами имѣющей существенное значеніе для мѣстныхъ изслѣдователей; не слѣдуетъ лишь отбрасывать ничего, что касается общественной жизни такой мелкой клѣточки въ государственномъ организмѣ, какъ село или деревня.

Пожелаемъ, что бы и будущіе выпуски были также богаты содержаніемъ, какъ и настоящій, и послужили бы матеріаломъ для полной исторіи Подоліи съ ея особенностями, исторіи, которая лишь въ недавнее время начала разрабатываться.

И. Каманинъ.

Библиотека "Руниверс"

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 7; Русская Мысль № 7; Сѣверный Вѣстникъ № 7; Русская Старина № 7; Историческій Вѣстникъ № 7.

Вѣстникъ Европы № 7. *А. Стороженко. А. А Котляревскій.* Очеркъ. — Личныя воспоминанія автора о проф. Котляревскомъ, а также и о другомъ кіевскомъ славистѣ—Н. П. Задерацкомъ (стр. 168—181).

В. Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры (1829—1831). I—V.—Здѣсь разсказывается о сценическомъ дарованіи и успѣхахъ Гоголя въ школѣ и о его первыхъ литературныхъ опытахъ и трудахъ въ Нѣжинѣ и Петербургѣ (стр. 248—271).

Русская Мысль № 7. Въ отдѣлѣ критики: краткая рецензія книги: *«Нова сбірка народныхъ малорусскихъ приказокъ»*. Комарова. Одесса 1890 г.; сочувственный отзывъ о книгѣ: «Одиссея Гомера», изданной въ переводѣ на малорусскій языкъ редакціей журнала «Правда» во Львовѣ;—разборъ журнала Кіевская Старина съ ноября 1889 г. по май 1890 г. съ отзывами о статьяхъ: Я. Н. Шульгина, П. А. Шафранова, А. А. Востокова и др.

Сѣверный Вѣстникъ № 7. Въ отдѣлѣ: изъ провинціальной печати—указаніе на попытки переяславскаго земства урегулировать отхожіе промыслы рабочихъ (стр. 96—97) и на работы елисаветградскаго земства по вопросу объ изслѣдованіи условій жизни и быта пришлыхъ рабочихъ (стр, 97—98).

Русская Старина № 7. *Шенрокъ*, Николай Васильевичъ Гоголь. Приведено еще 6 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 195—212).

Коротенькая рецензія на книгу: «Слово о полку Игоревой», какъ художественный памятникъ кіевской дружинной старины». Изслѣдованіе Е. В. Барсова. Т. Ш. Лексикологія Слова А—М» (на оберткѣ).

Историческій Вѣстникъ № 7. *За чьи грѣхи?* Повѣсть изъ временъ бунта Разина (продолженіе) *Д. Л. Мордовцева.*—Приведена сцена пріема Разинымъ посольства отъ гетмана Брюховецкаго для обсужденія плана совмѣстнаго нападенія на московское государство (стр. 6—7).

Тимченко-Рубана. Изъ воспоминанія о прожитомъ (продолженіе). Посѣщеніе Кіева (стр. 103); открытіе въ Полтавѣ корпуса и первые годы жизни корпуса при директорахъ Святловскомъ, Струмилло и Врангелѣ (стр. 104—114)

Д. Эварницкій. Каменныя бабы. Происхожденіе бабъ, раіонъ ихъ распространенія (больше всего на югѣ Россіи) и изображеніе.—(стр. 180—194).

Библиотека "Руниверс"

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: *В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ.* Кіевъ 1890,—гдѣ подробно указывается мѣсто бывшаго замка,—стр. 224. Въ отдѣлѣ смѣси: *Археологическіе грабежи въ кіевской губерніи:*—краткая выписка изъ «Кіевлянина» о разграбленіи кургановъ (стр. 233). *Новый портретъ Гоголя*—подаренный, вмѣстѣ съ письмомъ Н. В. Гоголя, университету св. Владиміра студентомъ Гр. Соболевскимъ (стр. 233—234).

Дозволено ценз. Кіевъ, 20 августа 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

Предъ тѣмъ какъ сажать коровай въ печь, мужчины, украшавшіе коровай, выметаютъ ее вѣникомъ; женщины поютъ:

96.

Кучерявый пичъ вымитае,
Кучерява заглядае.
Чи хороше пичъ вымитае.
(Марія Юрченкова).

Въ опустѣвшую дижу втыкаютъ ножъ, женщины продолжаютъ пѣть:

97.

Коло дижи чотыри ножи,
А пятый на послузи,
Коло дижи свичи палають,
А на столи коровай бгають.
(Уляна Выборная).

Прилѣпляютъ къ дижѣ четыре свѣчки съ пѣсней:

98.

Прилетила бжилка
Съ чужои пасичкы,
Прынесла въ горщечку
Короваю на свичечку.
(Она же).

Затѣмъ свѣчи снимаютъ съ дижи и прилѣпляютъ къ окнамъ и дверямъ, а на крышку дижи, „вико", насыпаютъ немного муки и льютъ браги. Къ вику подзываютъ мальчика [1]) лѣтъ десяти, ко-

[1]) Обычай этотъ снѣтинскій.

Библиотека "Руниверс"

торый смѣшиваетъ мизинцемъ брагу съ мукой; на эту муку, разсыпанную по вику, кладутъ коровай, который дружко [1]) подноситъ съ викомъ къ печи и оттуда садитъ въ печь. Засунувъ коровай въ печь, поютъ:

99.

Пичъ наша зажыгаетця,
Коровай сподиваетця.
Пече моя, пече!
Чи хорошый коровай спечешъ?
(Марія Гриценкова).

100.

Варіантъ м. Сьнтина.

Пичъ наша зажыгаетця,
Коровай сподиваетця,
А припечокъ регочетця,
Короваю ёму хочетця.
(Уляна Выборная).

Дижу подбрасываютъ подъ потолокъ, иногда разбиваютъ, дружко и пидружный цѣлуются въ это время трижды со свашками, молодыцы поютъ:

101.

Ой пичъ стоитъ на сохахъ,
А дижу носятъ на рукахъ.
Ой пичъ наша, пичъ,
Испечи намъ коровай за ничъ.
(Уляна Выборная).

102.

Вечиръ, маты, вечиръ,
У насъ коровай не спеченъ.
Коровайныци пьяны,
Короваю не зобгалы. (Она же).

103.

Кукиль у пшеныци,
Частуй маты коровайныци,
Якъ не будешъ частуваты,
Перестанемъ коровай бгаты.
Якъ не дасте по чарци,
Спечемо завтра у ранци.
(Она же).

Спеченый каравай вынимается изъ печи и кладется на столъ, его убираютъ калиной, „жычкамы“ и колосьями ржи. Этимъ украшеніемъ коровая оканчиваются приготовленія къ свадьбѣ.

Воскресенье. Благословеніе хлѣбомъ.

Свадебный обрядъ открывается въ воскресенье, послѣ обѣда, благословеніемъ молодой хлѣбомъ ея родителями, старшими родственниками, крестными отцемъ и матерью, независимо отъ того происхо-

[1]) Если коровай у молодого; у молодой—знакомый, сосѣдъ.

Библиотека "Руниверс"

дило ли вѣнчанье въ то же воскресенье утромъ, или за недѣлю раньше, какъ это чаще бываетъ. Обычай этотъ исполняется такимъ образомъ: старшій братъ невѣсты, а за неимѣніемъ его двоюродный, наклоняетъ слегка шапкой („поклание“, „одклаияе“) молодую поочередно предъ всѣми перечисленными лицами, которые въ это время держатъ надъ нею хлѣбъ, дружки поютъ:

104.

Варіантъ м. Снѣтина.

Витеръ віе. по синечкахъ повивае,
Що братъ сестру отцю, неньци покланяе.
Ой прыступы, та Марусю, блызенько,
Поклонысь отцю, неньци нызенько,
Що воны тебе, молодую, годувалы,
Якъ билую лебидоньку на Дунаю.
Що билая лебидонька воду сколотыть,
Молодая Маруся жалю наробыть.
(Уляна Выборная).

105.

Варіантъ волчковской и засульской волостей.

Похыльнее дерево похыляетця,
А покирлыве дытятко поклоняетця.
Прыступы ты, Марусю, блызесенько,
Поклонысь отцю, неньци нызесенько,
Що воны тебе одклапялы,
И братови прыручалы,
И на посадъ выряжалы.
(Марія Гриценкова).

Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то поютъ:

106.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой кому ты, Марусю,
Та кланятымыся,
Що у тебе батенька
Та нема?
Ой о въ поли
Явирочокъ зелененькій,
То то̀ буде
Мій батинко та ридненькій.

Если нѣтъ матери, то поютъ:

Ой у садочку вышня зелененька,
То то̀ моя матинка ридненька.
(Уляна Выборная).

107.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Ой кому ты, Марусю, та кланятымыся,
Що у тебе батенька та нема?

Библиотека "Руниверс"

Кланяйся, Марусю, чужій чужыни,
Нехай дае порадоньку бидній сироти.
(Марія Юрченкова).

Воскресенье. Заведеніе за столъ. Молодая на посадѣ.

Послѣ того какъ молодая откланяется такимъ образомъ всему своему роду, братъ ея обращается трижды къ присутствующимъ съ просьбой: „старосты, пани старосты! благословить сестру за стилъ завесты“ и, получивъ разрѣшеніе въ обычной формѣ „Богъ благословыть“, беретъ молодую за рушныкъ и обводитъ три раза вокругъ стола, потомъ садитъ ее на лаву, покрытую скатертью или рядномъ, „на посадъ“; за ней садятся дружки, и на посадѣ, до пріѣзда жениха, поютъ слѣдующія пѣсни:

108 [1]).

Та йшла Маруся на посадъ,
. . . . .
Встричае ій батенько,
Изъ долею щаслывою,
Изъ доброю годыною.

109.

Що братъ сестру за стилъ завивъ,
Та рано, рано,
Що братъ сестру за стилъ завивъ,
Та ранесенько.
А завившы, ставъ пытаты,
Та рано, рано,
А завившы, ставъ пытаты,
Та ранесенько,
Чого тоби, сестро, найжальнійше?
Та рано, рано,
Чого тоби, сестро, найжальнійше?
Та ранесенько.
Жаль мени, брате, отця й ненькы,
Та рано, рано,
И всіи родыноньку,
Та ранесенько.
Сестре моя! неправда твоя,
Та рано, рано,
Сестре моя! неправда твоя,
Та ранесенько.
Ой жаль мени, брате, Васылька молодого,
Та рано, рано,
Жаль мени, брате, Васылька молодого,
Та ранесенько.
Сестрыце моя! правда твоя,

[1]) Пѣсни съ 110—116 №№ записаны отъ Уланы Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Та рано, рано.
Сестрыце моя! правда твоя,
Та ранесенько.

110.

Чорная галочка мала, невелычка,
На рокыти сыдила,
Та хотила вона рокыты поломыты.
Та не поломыла, не поломыла,
Тилько росу оббыла.
Молода Маруся въ свого батенька
На посади сыдила,
Та хотила вона
Свого батенька звеселыты.
Та не звеселыла,
А ще бильшъ засмутыла.

111.

Ой чого ты, Марусю, така била?
Чи въ тебе головка заболила?
Болыть моя головонька и тило все,
Покы мого Васылечка Господь
прынесе.

112.

Коло саду вышневого,
Та рано, рано,
Тамъ сокилонько облитае,
Та ранесенько.
У вышни садъ заглядае,
Та рано, рано,
Чи тутъ моя чорна галка?
Та ранесенько.
Чи тутъ вона гниздечко вье?
Та рано, рано.
Звый, галочко, соби й мени,
Та ранесенько;
Що соби звый зъ хмелыночкы,
Та рано, рано,
А мени звый зъ паутыночкы,
Та ранесенько.
Коло двору тестевого,
Та рано, рано,
Тамъ Васылько объизжае,
Та ранесенько.
И въ тестивъ двиръ заглядае,
Та рано, рано,
Чи тутъ моя молода Маруся?
Та ранесенько.
Чи тутъ вона виночкы вье?
Та рано, рано.
Звый виночокъ соби й мени,
Та ранесенько.
Соби звый съ шевлiечкы,
Та рано, рано,
А мени звый съ червонои стричкы,
Та ранесенько.

113.

Та летивъ, летивъ сокилонько
Черезъ вышню садъ,
Та вдарывся крылечкамы
Объ садъ виноградъ,
Та вдарывся крылечкамы
Тай пытае:
Чи тутъ моя чорна галка,
Чи немае?
Чи зъ иншымы соколамы
Десь литае?

Библиотека "Руниверс"

Та ихавъ, ихавъ та Васылько
Черезъ тестивъ двиръ,
Та вдарывся кинь копытомъ
Объ новый порогъ,
Та вдарывся кинь копытомъ
Тай пытае:
Чи тутъ моя Марусенька, (2)
Чи немае?
Чи зъ иншимы молодцямы
Десь гуляе? [1]).

114.

Ой на кого ты, Марусю, уповала,
Що ты того Васылька сподобала?
Чи на волы, чи на копи, чи на гроши,
Чи на его уродоньку, що хорошый?
Ни на волы, ни на кони, ни на гроши,
А на ёго биле лыце,—що хорошый.
Що коныкы вороныи, то то́ не ёго,
А жупаны голубіи, то брата ёго,
Що коныкы вороніи поминяють,
А жупаны голубіи полыняють,
Що коныкы вороніи продадутця,
А жупаны голубіи подерутця.

115.

Посадыла оришыну на въ городи,
Росты, росты оришына выще тыну.
Кохавъ мене мій батенько, якъ ридну дытыну.
Росте, росте оришына выще хаты,
Кохавъ мене ридный батько, щей маты.
Росты, росты оришына, не хылыся,
Жывы, жывы мій батеньку, не журыся.
(Марія Галавурова).

Воскресенье. Составъ поѣзда.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, молодой собираетъ свой поѣздъ, составъ котораго слѣдующій: двое старостъ, дружко и пиддружный,—женатые молодые люди, родственники жениха; отъ трехъ до десяти его товарищей, такъ называемыхъ бояръ или буяръ; двѣ, три молодыцы—свашки, отъ двухъ до пяти дѣвушекъ—свитилокъ, изъ нихъ одна—сестра молодого—называется старшей свитилкой и держитъ зажженный свѣтильникъ, т. е. саблю, иногда деревянный крестъ, перевитую большой восковой свѣчей и увязанную калиной

[1]) Въ сел. Волчкѣ слова: соколъ и чорна галка (иногда сокилонько) замѣняются словами: голубъ, голубка, и въ пѣснѣ прибавляется еще:

Хай литае, хай литае,
Бильшъ не буде,
Ужежъ тая голубонька
Моя буде. (Уляна Молькина).

Библиотека "Руниверс"

и васильками,—на поѣздѣ. Въ поѣздѣ участвуютъ также три музыканта со скрипкой, бубномъ и сопилкой, чаще, впрочемъ, участвуютъ только два первые. Кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ поѣздѣ есть еще „визныка“, назначеніе котораго привезть боченокъ съ брагой отъ молодого молодой, присматривать за лошадьми во время пребыванія перваго въ домѣ послѣдней и затѣмъ, вечеромъ, привезть ея приданое (скрыню) молодому. Когда поѣзжане соберутся въ весильный домъ, то родъ молодого благословляетъ его хлѣбомъ, а братъ заводитъ за столъ при горящемъ свѣтильникѣ съ тѣми же обрядами и пѣснями, что и у молодой. Тогда же свашки и свитилки пришиваютъ всѣмъ мужчинамъ, участвующимъ въ поѣздѣ, кромѣ молодого, красныя ленты къ шапкамъ, припѣвая при этомъ:

116.

Гадайте, старосты, гадайте,
По червоному скыдайте,
А вы, бояре, сумуйте,
По золотому готуйте.

(Уляна Выборная).

Бояре бросаютъ мелочь, которую закладываютъ молодому за воротникъ.

Предъ самымъ выѣздомъ молодого, мать его даетъ свашкѣ плетеный кошель, въ который кладутся новые сапоги, обвязанные красной лентой, предназначаемые для подарка тещѣ, чарка, тарелка и шишка, также нѣсколько платковъ, на дворъ выносятъ дижу, на которую кладутъ хустку, хлѣбъ, соль. Дружко обводитъ трижды молодого вокругъ дижи. Свитилки въ это время поютъ:

117.

Ой чія то дружына
Коло дижи ходыла,
Зъ музыкамы, цымбаламы,
Зъ хорошимы буярамы?
Та тожъ Марусина дружына

Библиотека "Руниверс"

Коло дижи ходыла,
Зъ музыкамы, цымбаламы,
Зъ хорошимы боярами.
(Она же).

Воскресенье. Предъ выѣздомъ молодого.

Изъ хаты выходитъ мать молодого въ кожухѣ шерстью вверхъ и несетъ въ заполѣ овесъ, орѣхи, сухія груши, сливы, конфекты, которыми обсыпаетъ молодого и весь поѣздъ, а дружко ударяетъ ее по кожуху палкой. Свитилки поютъ:

118.

Изъ за горы сонечко колесцемъ,
Та обсыпъ, матинко, овесцемъ,
Та на наши коныченьки вороніи,
Та на наши жупаны голубіи,
Та на наши бояре молодіи [1]).
(Она-же).

Обсыпавъ поѣздъ овсомъ, мать выводитъ жениха за платокъ изъ воротъ и обводитъ вокругъ повозки или саней трижды. Молодой и поѣзжане садятся и поѣздъ, состоящій изъ пятнадцати-двадцати пяти душъ на пяти-восьми повозкахъ трогается. На поѣздѣ поютъ:

119.

Соколонько съ саду вылитае,
А Васылько съ двору выизжае.
Соколонько та на вылёти,
А Васылько та на выизди,
Соколонько та по галочку,
А Васылько по паняночку,
Соколонько съ соколамы,
А Васылько съ буярамы.
(Прасковья Заикина).

[1]) Вмѣсто послѣднихъ трехъ строкъ поютъ также:
Щобъ цей овесецъ рясенъ,
Щобъ нашъ Васылько красенъ.

Библиотека "Руниверс"

120.

Варіантъ с. Засулья.

Ой у лыпыни, та въ осычыни,
Тамъ Васылько биле сино косыть,
Вороному коню исты носыть.
Ой йижъ коню се билее сино,
Ой пый коню холодную воду,
Ой грай коню теперъ подо мною,
Щобъ тещенька похвалыла,
Щобъ Маруся полюбыла.
(Марія Гриценкова).

121.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой у лыпыни, та въ оришыни,
Тамъ староста биле сино косыть,
Передъ свого коныченька носыть.
Ой йижъ коню се билее сино,
Ой пый коню холодную воду,
Та поидемо въ далеку дорогу (2)
Тай прывеземъ Марусю зъ собою.
(Уляна Выборная).

122.

Ой йихалы бояре рядъ по ряду,
А молодый Васыльку по переду,
Тай выризавъ зъберизкы трыризкы,
Тай ударывъ коныченька пидъ нижкы.
Ступай, ступай коныченько шыроченько,
Бо щей до Маруси далеченько.
(Уляна Выборная).

123.

Йихалы бояре горою,
Клыкалы Марусю зъ собою,
„Иды, иды, Марусю, изъ намы,
Дамо тоби квиточку зъ перами“.
„А я тіи квиточкы не зношу,
Полюбыла Васылька, якъ душу“.
(Она же).

Воскресенье. Поѣздъ у воротъ.

Молодой останавливается съ своимъ поѣздомъ предъ дворомъ родителей невѣсты, такъ какъ встрѣчаетъ здѣсь препятствіе: ворота затворены и охраняются толпой парней, сошедшейся обыкновенно со всего села, требующей отъ молодого водки. Только давъ этотъ „воритній могорычъ“ или заплативъ отъ одного до двухъ рублей, проходятъ поѣзжане во дворъ. У воротъ свитилки поютъ:

124 [1]).

Ой либонь мы заблудылы,
Не до свата прыйихалы?
Воротечка позачыняны,
И дверечка позатыканы,
И Маруся незряжена,
На посадъ не посажена.

[1]) Пѣсни съ 124—127 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

125.

Десь у тебе, Васильку,
Тутъ родины не мае,
Що не выйде, не прыгортае,
И на здоровье не спытае.

126.

Мы йихалы за три мыли,
Коныченьки потомылы
И шубочкы помочылы.
Пустить насъ одпочыты,
Шубочкы посушыты.

127.

Мы вамъ, свату, не докучемо,
Тилько шубкы пересушымо,
И кубочкы испорожнемо
И Марусю соби возьмемо.

Воскресенье. Поѣздъ во дворѣ.

Когда женихъ и поѣзжане входятъ во дворъ, дружки поютъ въ хатѣ слѣдующія пѣсни:

128.

Уже тіи гости на перемости,
А Маруся по двору ходыть.
По двору ходыть, били руки ломыть,
Свого батенька просыть:
„Заховай же мене, батеньку, въ себе
За горы камяны,
Обсады мене, батеньку, въ себе
Вышнямы, черешнямы“.
„Сховають тебе, доненько моя,
За столы тесовыи,
Обсадять тебе, доненько моя,
Пышнымы дружечками!“
(Улана Выборная).

129.

Ой ходыла та Маруся по въ городу,
Та садыла садъ-выноградъ зъ прыходу,
Тай забула воритечекъ зачыныты,
Не посмила та братика попросыты:
„Тай зачыняй, та братику, нови воритця,
Та не пускай Васылечка мого молодця,
Бо прыйиде та Василько зъ буярамы,
Та вытовче садъ-виноградъ конякамы,
Та выносыть коринячко за ногамы.
(Настасія Коломійцева).

130.

Варіантъ с. Засулья.

Ой скрыпнулы воритечка кленовыи,
Заиржалы коныченькы вороніи.
Сховай мене, матинко, въ комору,
Щобъ не взялы си гости съ собою,
Сховай мене, матинко, въ хижу,

Библиотека "Руниверс"

Поки я ихъ пересыжу.
Не того жъ воны, дытя мое,
пріихалы,
Щобъ воны безъ тебе поихалы.
(Марія Гриценкова).

131.

Варіантъ хут. Кремянки, матяшовской волости.

Ой скрыпнулы воритечка все
новіи,
Заржали конычєнькы вороніи.
Найихалы, мій таточку, гистоньки
до насъ!
Молы Бога, дытя мое, щобъ у
добрый часъ.
Не съ тымъ воны, дытя мое, на-
ихалы,
Щобъ безъ тебе, дытя мое, пой-
ихалы.
(Прасковья Заикина).

132.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой заржало два конычєнька на
стани [1]),
Та заграло два музычєнька на
двори,
Тай выбигла молода Маруся зъ
комори,
Тай упала своему батенькови въ
ногы.
„Не тдай мене, мій батеньку, одъ
себе,
Нехай же я попошу си два ви-
ночкы у тебе!“
Ой радъ бы я, дытя мое, не тдаты,
Такъ найихалы гостонькы, щобъ
взяты.
(Уліяна Выборная).

133.

Гусла гудуть, до двора йдуть.
Наряжайся, дивко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
Хочь я й наряжуся, я ихъ не
боюся,
Есть у мене отецъ и матуся,
Не тдадуть мене.
(Прасковья Заикина).

134.

Тай налетило симсотъ голубивъ
На нашъ двиръ.
Ой пизнавай, сызая голубко,
А де твій?
Що биленькій и сиренькій,
Тожъ не мій,
А сызенькій, сызокрылый,
То тò мій.
Найихалы молоды бояры
На нашъ двиръ.
Ой пизнавай, Марусенько,
Аде твій?

---

[1]) Въ Литвякахъ прибавляютъ еще:
Ой крыкнулы два лебеди на води,
Ой заржало и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Що въ сынёму, на сывому,
То не мій,
А що въ голубому, та на вороному,
То то тій.
(Уляна Выборная).

135.

Ой не сыды, Марусю, не сыды,
Одсунь виконце, погляды.
Чи высоко сонечко на неби,
Чи богато бояривъ на земли,
Чи хорошій Васылько на кони?
Ой хорошій, матинко, кращій всихъ,
Скынувъ шапочку швыдче всихъ,
Поклонывся матинци нижче всихъ [1]).
(Орышка Недилькина).

136.

Ой ты Марусю,
Ты наша душечко!
Ой на хати зилья,
А въ хати весилья.
На двори бояре,
Якъ макъ процвитають,
Молодый Васылько,
Якъ золото сяе.
(Уляна Выборная).

Воскресенье. Поѣздъ у порога.

Поѣзжане остаются у порога съ молодымъ, а дружко и пидружный входятъ въ хату при пѣніи подругами молодой слѣдующей пѣсни:

137.

Варіантъ м. Снѣтина.

Съ пидъ похылои вышни
Два дружбонькы вышло,
И маліи и невелыкіи,
Шепелявіи, недорикіи,
Ни шапочкы зняты,
Помогай би сказаты [2]).
(Уляна Выборная).

138.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!

---

[1]) Въ Снѣтинѣ еще прибавляютъ:
Ой хорошый, сестрыци, чорнобрывъ,
Его жъ мени, сестрыци, Богъ судывъ.

[2]) Въ с. Литвякахъ послѣдніе четыре стиха замѣняются такими:
И не сміють, и не вміють
Изъ нашимы говорыты.
Дайте имъ пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты.
(Варвара Иваненкова).

Библиотека "Руниверс"

Просы дружбоньку систы,
Билого хлиба йисты,
Червоного пыва пыты,
Щобъ умилы говорыты.
Ой щобъ умилы и розумилы
Зъ нашимы говорылы.

(Настасія Коломійцева).

Дружко и пиддружный садятся къ столу и старшая дружка сливаетъ первому на руки воду при пѣніи:

139 [1]).

Мые дружбонько рукы,
Поглядае на килочкы:
Чы не высять рушнычкы,
Потерты билы ручкы;
Изъ Кіева прывезены,
Шовкомъ мережаны,
Золотомъ гаптованы,
Всему роду дарованы.

140.

Поглядае дружко скоса:
Чи не мае на печи проса,
Колыбъ швыдче втекты,
Щобъ не заставылы товкты.

Поѣзжане между тѣмъ все еще стоятъ у порога и свитилки поютъ:

141.

Варіантъ м. Снытина.

Ой свату, нашъ свату,
Пускай насъ у хату,
Докы мы стоятымемъ,
Твій двиръ топтатымемъ
Червоными чобиткамы,
Золотыми пидковкамы?

142.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Чи мы вамъ не сваты,
Що не выйдете съ хаты?
Не выйдете й не вышлете,
Вы намъ добра не мыслете,
Хлиба, соли не выносыте,
Насъ у хату не просыте.

(Степанида Шевченкова).

143 [2]).

Пусты, свату, перегритыся,
На молоду подывытыся.
Якъ не пустышъ, самы війдемо
И Марусю соби визьмемо.
Якъ не дасте, то мы вкрадемо,
Черезъ Дунай попровадемо,
Черезъ Дунай, черезъ ричечку
Молодую невисточку.

---

[1]) Пѣсни съ 139—141 записаны отъ Уляны Выборной.

[2]) Пѣсни съ 143—158 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Дружки въ хатѣ отвѣчаютъ:

144.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!
Просы бояривъ до хаты,
Годи травыци топтаты
Червоными чобиткамы,
Золотыми пидковкамы.

Воскресенье. Одареніе поѣзжанъ.

Наконецъ изъ дверей показывается мать молодой съ маленькимъ горшкомъ въ рукахъ, который бояринъ беретъ у нея и трижды обводитъ вокругъ молодого, высыпая заключенный въ горшкѣ овесъ ему подъ ноги, а мать угощаетъ поѣзжанъ водкой и затѣмъ одаряетъ ихъ: старостамъ и дружкамъ даются рушники, а бояре, свашки и свитилки получаютъ по хусткѣ. Во время раздачи подарковъ поютъ одновременно два хора:

Дружки:

145.

Надибрана скрыня,
Надибрала маты,
Бояръ даруваты,
Тканычи рушнычкамы,
Шытымы хусточкамы.

Свитилки:

146.

Наша сваха пряха,
У неи дочка ткаля,
Рушнычкивъ наткала,
Хусточокъ напряла,
На Дунаю билыла,
Увесь поиздъ одарыла.

Библиотека "Руниверс"

Дружки:

147.

Стришки, оришки котятця,
Чогось наши буяре смутятця.
Не смутитця, та боярочки,
Що коротки та подарочки.
Нывка узенька,
Ненька старенька,
Конопелькы не вродылыся,
Подарочкы вкоротылыся.

Воскресенье. Поѣзжане въ сѣняхъ.

Затѣмъ дружко требуетъ подарка для молодого въ такихъ выраженіяхъ:

За кимъ пьемъ, гуляемъ,
Тому подарка не маемъ!

Мать даетъ сначала рушникъ, а за отказомъ дружка, платокъ, который прикрѣпляется къ поясу молодого или на его правую руку; молодой въ свою очередь даритъ сапоги тещѣ. Послѣ этого размѣна молодого впускаютъ въ сѣни и дружки поютъ:

148.

Сяють синечкы, сяють,
Бояре наступають.
Не наступай Лытва,
Буде межъ намы бытва!
Будемъ быты, воюваты
И Маруси не даваты!

Дружки продолжаютъ:

149.

Що то за ворона
Стоить край порога?
И ротъ розявыла,

Библиотека "Руниверс"

И крыла розставыла;
Хоче прылетиты,
Марусю вхопыты.

Свитилки отвѣчаютъ:

150.

Ой мы не вороны,
Мы ясны соколы.
Повставайте совы [1]).
Посидайте соколы.

Дружки:

151.

Мы сію сову знаемо,
Мы йіи піймаемо.
Оскубымо, осмалымо,
Передъ вамы поставымо.

Воскресенье. Поѣзжане въ хатѣ.

Дружко вводитъ молодого въ хату и обводитъ три раза вокругъ стола, за нимъ слѣдуютъ поѣзжане. Дружки, ставъ на скамьи, чтобы дать имъ дорогу, поютъ:

152.

Дружечкы, паняночкы,
Ставайте на лавочкы,
Пускайте дорогу
Князеви молодому.

Дружки продолжаютъ:

153.

Королю, королю,
Короливъ сынку,

[1]) Послѣдніе два стиха замѣняютъ иногда слѣдующими:
Повставайте молудывци,
Посидаютъ чорнобривци.

Библиотека "Руниверс"

Васильку!
Чого сяешъ?
Чомъ не сидаешъ,
Якъ у батенька,
Такъ и въ тестенька
За столомъ?

Свитилки отвѣчаютъ:

154.

Ой буду сіяты,
Та буду сидаты
Въ тестенька.
Есть у тестя
Хороша дочка
Маруся.

Воскресенье. Молодые за столомъ.

Женихъ садится рядомъ съ невѣстой за столомъ, отецъ угощаетъ ихъ водкой, дружки угощаютъ бояръ, а бояре ихъ. Дружки начинаютъ пѣсенную борьбу:

155.

Здвыгнулыся сины,
Якъ буяре силы,
А ще дужче здвыгнутця,
Якъ горилкы напьютця.

156.

Затрещалы лавы,
Якъ дружкы сидалы,
А ще дужче триснутця,
Якъ горилкы напьютця.

157.

Бодай тебе, князю,
Изъ твоимы та боярамы,
Изъ такимы та погаными.
Стари та усаты,
Якъ мыши хвостаты,
Сыдять по ослонахъ,
Якъ мыши по соломахъ.

158.

Де бояре забарылыся,
Чи по степу волочылыся,
Чи сино косылы,
Чи хлиба просылы,
Чи въ соломахъ ночувалы,
Мыши уха побъйидалы?
Обметыцю йилы
Бодай вы понимилы.

Библиотека "Руниверс"

Свитилки отвѣчаютъ:

159.

Йиздылы мы лугамы
Сирымы воламы,
Сиры волы потомылыся,
Мы до свита забарылыся.
(Марія Юрченкова).

Дружки:

160.

Варіантъ м. Снѣтина.

Ой вы старосты! вы люды старенькіи!
Ой вы бояре! вы сыны отецькіи!
Ой чого вы до насъ не рано найихалы?
Чи вы бувалы уЛьвови на торговли,
Чи торгувалы коныкы воронеиьки,
Чи набиралы жупаны голубеньки?
(Уляна Выборная).

Свитилки:

161.

Ой вы дружечкы! вы сывіи голубочкы!
У насъ коныкы посидланы стоялы,
У насъ жупаны посбиганы лежалы.
У нашого Василька ласкавенькый батенько,
Забарывъ винъ насъ ласкавымы словамы,
Напувавъ винъ насъ солодкимы медамы,
Годувавъ винъ насъ булкамы й калачамы,
Выпровожавъ винъ насъ съ доброю годыною,
Щобъ мы прыйихалы съ чужою дытыною.
Выпровожавъ винъ насъ щаслывою долею,
Щобъ мы прывезлы Марусю зъ собою.
(Она же).

Дружки:

162.

Варіантъ с. Литвяковъ.

Де вы сванечкы бувалы?
Чого вы до насъ не рано прыйихалы?

Свитилки:

Забарыла насъ Василькова маты.

Дружки:

Чи вы коныкивъ добувалы,
Чи вы жупаны позычалы?
(Настасія Коломійцева).

Свитилки:

163.

У насъ коныкы запряганы стоялы,
У насъ жупаны посбиганы лежалы.
Забарыла насъ Василькова матинка,
Годувала насъ билимы калачамы,

Библиотека "Руниверс"

Напувала насъ солодкимы медамы,
Выряжала насъ съ доброю годыною,
Щобъ прыйихалы съ чужою дытыною.
(Она же).

Дружки:

164.

Дружбоньку, сывый голубоньку,
Зрижъ мени шышечку зъ вершечку.
Якъ ты мени шышечки не дасы,
Я тебе у поли перейму,
Я въ тебе коныченька отыйму
Я тоби сорому нароблю.
(Уляна Выборная).

Дружки:

165.

Наша свашка не липашка,
Шышечкы не злипыла,
Дружечокъ не вдилыла.

Свитилки:

Напекла я шышокъ
Зъ гречанои луски,
Щобъ подавылыся дружкы.
(Она же).

Воскресенье, Прикрѣпленіе квитки.

Послѣ этой пѣсенной борьбы, сестра молодой (свисть) пришиваетъ къ шапкѣ молодого вѣнокъ (квитку), при чемъ поетъ вмѣстѣ съ дружками слѣдующія пѣсни:

166 [1]).

Ушлы маты дочку,
Прышыты квиточку;
Та дай же йій голку
И ныточку шовку (2)
Прышыты квиточку
Къ зятевому шлычку.

167.

А я зятеви квитку прышывала,
У Кыёви шовку куповала,
Одного червоного,
Другого зеленого,
Третьего голубого.
Для зятя молодого.

168.

Ой зятю, зятю хорошій,
Якъ тоби не стыдно безъ грошой!
Якъ тоби не стыдно безъ шлычка,
Безъ сестрыного виночка!

169.

Ой зятю, зятю! я твоя свисть.
Выкынь мени на тарилку рубливъ шисть.

[1]) Пѣсни съ 166—173 записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Якъ ты мени шесты рубливъ не положышъ,
То въ мене сестрыци не возьмешъ.

170.

Я не хочу пятакивъ браты,
Пятаками чоботы лататы,
Дайте мени хоть манисеньке,
Абы воно золотисеньке.

Пришивъ квитку, свисть надѣваетъ шапку себѣ на голову и скачетъ на лавѣ, дружки продолжаютъ:

171.

Скаче, свистонька, скаче,
Чогось вона хоче,
Срибного, золотого
Отъ зятя молодого.

Воскресенье. Платежъ брату невѣсты.

Уплативъ свисти заранѣе условленную плату за пришитіе вѣнка, обыкновенно 30—50 к. и 2—3 аршина ленты, молодой долженъ также заплатить (50 к., или 1 р. деньгами, чарку водки и шишку) брату молодой, который садится на лошадь молодого, или на палку, и скачетъ за ворота при пѣніи дружками:

172.

Ой ты душечко,
Наша Марусенько!
Забарніи дружкы
Забарылися въ хати.
На двори коня взято,
Сиделечко знято,
Ничимъ одъйихаты
Одъ тестевои хаты.

Дружки также обращаются къ молодой съ слѣдующей пѣсней:

173.

Ой ты душенько,
Наша Марусенько!

Библиотека "Руниверс"

Уже мы по нидылы,
Свитонька не выдилы,
Пусты насъ погуляты,
Свитонька повыдаты, (2)
Буяръ розглядаты,
Чи не крыви, не горбаты,
Чи умiють танцюваты.

Воскресенье. Молодые во дворѣ.

Первыми выходятъ изъ хаты на дворъ дружки молодой и бояре, а за ними спустя нѣкоторое время и остальные поѣзжане въ такомъ порядкѣ: дружко, свашки, свитилки съ горящимъ свѣтильникомъ, молодые и старшая дружка. Молодые и поѣзжане, кромѣ бояръ, обходятъ трижды вокругъ дижи[1]), молодые кланяются на всѣ четыре стороны, молодая беретъ свѣтильникъ у старшей свитилки, гаситъ его и въ сопровожденiи молодого и нѣсколькихъ гостей идетъ въ комору. Покуда они разговариваютъ въ коморѣ, молодежь—бояре дружки, зрители—танцуютъ во дворѣ.

Къ вечеру, молодые возвращаются за столъ и дружки начинаютъ пѣть:

174.

Добривечиръ сёмо!
А кто въ сёму дому[2]),
Старому, й малому
И сватови домовому.
(Уляна Выборная).

Такимъ образомъ исполняется это привѣтствiе въ Снѣтинѣ; въ Пѣскахъ, засульской волости, и въ Березоточѣ, волчковской, измѣняютъ такъ:

Добривечиръ сёму́,
Хто е въ сёму дому,

[1]) Обычай не повсемѣстный, иногда поѣздъ движется просто вокругъ пустаго мѣста, всѣ кромѣ молодыхъ слегка пританцовываютъ.

[2]) Вар. „А хто въ сёму до́ма“.

Библиотека "Руниверс"

Старому, й малому
И сватови домовому.

(Пелагея Куліева и Елена Дмитренкова).

Въ х. Кремянкѣ, матяшовской волости, такъ:

Зятови молодому.

Воскресенье. Молодые на посадѣ.

Затѣмъ дружки поютъ:

175.

Ой чого, чого въ свитлонци[1])
Такъ рано засвичено?
Та лыбонь сванечка свого старосту
На вловы выряжае:
Та пойидь старосто, пойидь старенькій
Черезъ горы[2]) на вловы.
Та поймай старосто,
Поймай старенькій
Куночку та на шубочку.
Съ тіи куночкы, съ тіи куночкы
Маруси дви шубочкы,
Съ тіи лапочкы, съ тіи лапочкы
Васылькови дви шапочкы.

(Пелагея Куліева).

176.

Черезъ улыцю, въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:
Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Волыка сиренького.
Зять волыка взявъ,
Шапочкы не знявъ,
Шурыночку не подякувавъ.
Черезъ улыцю, въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:
Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо зятю, подаруймо ему
Коныка вороного.
Зять коныка взявъ,
Шапочкы не знявъ,
Шурыночкамъ не подякувавъ.
Черезъ улыцю въ новій свитлыци
Тамъ рано засвичено.
Ой тамъ радятця два шурыночка:

---

[1]) Варіантъ: Ой чого, чого въ симъ новимъ доми
Такъ рано засвичено?
Острешки низеньки, виконця маленьки,
Тимъ рано засвичено
Та лыбонь . . . и т. д.

[2]) Вар. Въ чстеи поле на вловы.

Библиотека "Руниверс"

Що мы зятю подаруемъ?
Подаруймо затю, подаруймо ему
Сестрыцю молодую.
Зять сестрыцю взявъ, шапочку знявъ
Шурыночкамъ тай подякувавъ:
Ой спасыби вамъ, шурыночкы,
Та за ваши подаруночкы!
Що волыкомъ буду хлибъ робыты,
А коныкомъ въ гости йыздыты.
(Уляна Выборная.)

177.

Та литала галочка
Чорна, маленька,
Увесь день высоченько,
А якъ стало вечориты,
Стала нижче летиты.
Та сыдила Маруся,
Та сыдила молода,
Увесь день веселенька,
А якъ стало вечориты
Стала смутна сыдиты.
Оце тоби, галочко,
Оце тоби, чорненька
За твое литаньячко.
Що ты литала,
Перебирала
Ясными соколамы.
Оце тоби, Марусю, оце молода
За твое гуляньячко!
Що ты гуляла,
Перебирала
Молодымы молодцямы.
Выбрала соби переборчыка,
Васылька молодчыка.
(Она же).

Воскресенье. Раздѣлъ коровая.

Между тѣмъ, дружко молодого вноситъ изъ коморы коровай и начинаетъ рѣзать его на столѣ, дружки поютъ:

178.

Тоби, дружко, не дружковаты,
Тоби, дружко, свынарюваты,
Съ довгою ломакою,
Съ чорною собакою!

Дружко роздаетъ коровай всѣмъ присутствующимъ, также и и дружкамъ, которыя поютъ по полученіи коровая:

179.

Тоби, дружко, дружковаты,
Тоби, дружко, пануваты,
У Кыеви надъ водою,
Зъ хорошою уродою.

180.

Дружко коровай крайе,
Семеро дитей майе,
Та все съ кошелямы,
Весь коровай забралы.

Библиотека "Руниверс"

Свитилки отвѣчаютъ:

181.

А мы роду не такивьского,
А мы роду короливьского,
Мы кошеливъ не бралы,
Короваю не кралы.

Дружки поютъ:

182.

Чи бачышъ ты, дружку,
Що бояре коровай крадуть?
За гилечко захыляютьця,
Короваемъ запыхаютьця.

Воскресенье. Ужинъ.

Дружко приноситъ ужинъ [1]), во время котораго дружки поютъ:

183.

Брязнулы ложечкамы,
Червоными тарилочкамы,
Марусина челядь
Сидае вечерять.

184.

Черезъ садъ гуска летила,
Съ перцемъ юшка кипила,
Хочь съ перцемъ, не съ перцемъ,
Просымо съ чыстымъ серцемъ.

185.

Та просыла Маруся та мужа свого:
Ой вечеряй, Васильку, вечеряй молодый
У батька мого.
Щоты въ мого батенька одынъ день,
А я въ твого—весь тыждень.
А съ того тыждня до року,
А съ того року до вику.

186.

Ой вечеряй, Марусю, вечеряй молода,
Що твоя ненька варыла,
Варыла ненька все голубочкы
За для любои дочкы.

187.

Та вечеряй, Васильку, та вечеряй молодый,
Що твоя теща варыла,
Та варыла теща все голубьята
За для любого зятя.

Дружки продолжаютъ:

188.

Вы бояре молодесеньки,
Вы не будьте гордесеньки,
Якъ будете гордесеньки,
Пойидете голоднесеньки.

189.

Вы бояре чужесторонци,
Та не берить по повній ложци,
Берить по половынци,
Щобъ стало всій родынци.

[1]) Борщъ, зимой капуста, локшина съ говядиной или со свининой и водка.

Библиотека "Руниверс"

190.

Йылы бояре юшку,
Та вкралы галушку,
Заховалы въ кышеню,
Дивчатамъ на вечерю.

191.

Йылы бояре, йылы,
Цилого вола зъилы,
На столи ни рисочкы,
Пидъ столомъ ни кисточкы.

Дружки продолжаютъ:

192.

Одъ стола до порога
Втоптана дорога,
Бояре втопталы,
Помыи хлѣпталы.
А свашка бижыть,
А свашка крычыть:
„Оставте мени,
Хочь гущи на дни,
Хочь трошки“!

193.

Свитилочка пани,
Вечеряй изъ намы,
Яка бо ты пышна,
Якъ у саду вышня.
Не велила маты
Рота роззявляты,
Бо велыки зубы
Висять черезъ губы.

194.

Старша свитилка ласа
Попала кусокъ мяса,
За свитыльныкъ захыляетця,
Кубешою запыхаетця.

Варіантъ:

Старша свитилка ласа
Украла пличко мняса,
За братика захыляетця,
Пличкомъ мняса запыхаетця.

195.

Старша свитилка богата,
На йій сорочка чохлата,
По пидъ тымы чохлыцямы
Сыдять воши копыцямы.

Свитилки отвѣчаютъ:

196.

Ракы, дружечкы, ракы,
Брешете, якъ собакы,
А що раченята,
Брешете, якъ щенята.

Дружки:

197.

Старшая свитилка
Пры стини,
На йій сорочка
Не йіи.
Прыйшла сусида
До виконця,
Скыдай сорочку
За сонця.
Прыйшла сусида
Гукае,

Библиотека "Руниверс"

Скыдай сорочку
Смеркае.

Свитилки:

198.

Брешете дружкы, панянкы,
Въ мене сорочка съ кытайкы,
Мене маты выряжала,
Зъ кытайкы сорочку давала.

Дружки:

199.

Бигла столомъ мыша,
Старша свитылка лыса,
А бояре заглядалы
Та въ лысыну цилувалы [1]).

Свитилки:

200.

Старша дружка якъ стружка,
Пидстарша якъ мотузка,
Третя якъ барыло,
Четверту розсадыло,
А пьята на днякъ ходыть,
Семеро дитей водыть.

Дружки:

201.

У старшои та свитылоци
Тры чырякы на потыльци,
Бояре заглядалы,
Щобъ дужче роскыдалы.

Свитилки:

202.

Бигла сучка яромъ [2]),
А за нею дружкы рядомъ,
Думалы, що маты,
Та давай сучку ссаты.

Воскресенье. Уничтоженіе гильца.

Въ это время бояре хватаютъ и ломаютъ гильце [3]), а дружки поютъ:

203.

Въ лозы, дружечкы, въ лозы,
Рубайте занозы,
Бояръ запрягаты,
На квиткы [4]) ораты.

---

[1]) Варіантъ: Бояре цысвичують,
Лысыну заквичують.

[2]) Варіантъ: Бигла сучка токомъ,
А за нею дружкы скокомъ и т. д.

[3]) Остатки гильця дѣвушки кипятятъ въ горячей водѣ впослѣдствіи, и этой водой моютъ себѣ головы.

[4]) Вар. „На тютюнъ ораты .

Библиотека "Руниверс"

Перекоры кончаются такой пѣсней:

204 [1]).

Мыръ мыромъ,
Пырогы съ сыромъ,
Варенькы зъ масломъ,
Вы дружечкы красны,
Помырымось!

Воскресенье. Расплетеніе косы.

Часовъ въ 8 или 9 вечера братъ молодой входитъ въ избу и говоритъ присутствующимъ:

— Старосты, пани старосты! Благословить сестри косу росплесты.

Присутствующіе отвѣчаютъ:

— Богъ благословыть!

Тогда молодая склоняется надъ столомъ и братъ, расплетая кончикъ косы, вынимаетъ оттуда „косникъ“, который вдѣваетъ себѣ въ рубашку и отходитъ, а двѣ молодыя женщины, родственницы молодой становятся по обѣ стороны за ней на скамью и машутъ надъ ней девять разъ кускомъ кисеи (намиткой) или платкомъ, затѣмъ обвязываютъ ее („запынаютъ“). Дружки въ это время поютъ:

205 [2]).

Що братъ сестрыцю росплитавъ,
Де тіи росплитки подивавъ?
Чи винъ ихъ пропывъ, чи продавъ,
Чи меньшій сестрыци такъ отдавъ?

---

[1]) Пѣсни съ 178—204 №№ записаны отъ цѣлой улицы литвяковскихъ дивчатъ: Варвары Иваненковой, Оришки Недильчиной, Степаниды Шевченковой, Настасіи Коломійцевой, Оришки Мартыщенковой, съ участіемъ Уляны Выборной.

[2]) Пѣсни съ 205—207 №№ записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Воскресенье. Покрыванье молодой.

Женщины поютъ:

206.

Чи бачешъ ты, диво,
Несуть твое дило?
Якъ биль билесеньке,
Якъ папиръ тонесеньке.

207.

Покрывальныця плаче,
Порыватыся хоче.
Билого завывання,
Вичного покрывання.

208.

Оттакъ мы зробылы,
Якъ самы схотилы,
Изъ кныша паляныцю,
Изъ дивчыны молодыцю.

Дружки поютъ:

209.

Якъ бы мы схотилы,
Мы бъ йіи розвертилы,
Та повелы въ густы лозы,
Та заплелы въ дрибніи косы,
Дивкою нарядылы,
Зъ собою посадылы.

210.

Зумилася, та Маруся,
Зумилася,
Ой де йіи руса коса
Подилася.
Коло неи дви сванечкы
Блызько сыдилы,
Воны йіи русу косу
Десь заподилы.
А ще блыжче та Василько,
То то йіи панъ,
Сховавъ йіи русу косу
Пидъ сыній жупанъ.

211.

Ой глянь, маты, на мій посадъ,
Уси дружечкы въ косахъ сыдять,
А на мою та роса впала,
Що матинка росчесала.

(Устинья Калениченкова).

Воскресенье. Удаленіе дружекъ.

Дружки обращаются къ молодой еще съ слѣдующей пѣснью:

212.

Чи мы тоби, та Маруся, не казалы,
Чи мы тебе словечкамы не огорчалы,
Що не ходы та до броду рано по воду,
Та не слухай голубонькивъ де въ пари гудуть,
Воны гудуть, воны гудуть, да израдять,
Одъ батенька до свекорка переманять,

Библиотека "Руниверс"

А свекорко не батенько, не бье, та болыть,
А свекруха не матинка, та рано сбудыть,
Та ще пиде до сусиды тай осудыть:
Сонлывее, дримлывее, чужее дытя,
И синечокъ, присинечокъ тай не вымита,
И ложечокъ, тарилочокъ не перемыва,
И билои постилоньки не перестыла.
Ой неправда, сусидонькы, неправда йіи,
Я вымыла сины й хату при ясній свичи,
Я заплела русу косу зовыци.
(Дарья Котова).

213 [1]).

Прощай, прощай, Марусю!
Сестра наша!
Теперь же мы та не твойи,
Ты не наша (2)
Найшла соби та Васылька
Товарыша.
Прощай, прощай, та Марусю,
Бо вже мы йдемо,
Коло тебе та Васылька
Покыдаемо!

Воскресенье. Выряжанье молодой.

Съ этой прощальной пѣсней дружки уходятъ, а молодыци продолжаютъ пѣть:

214.

Тай уже ненько, уже не раненько,
Научай мене, моя матинко,
Ой навчай, навчай, щобъ знала звычай,
Якъ свекрови годыты.
Якъ тебе вчыты, жаль тебе быты,
Будь сама розумненька.
Свекоркови годы, вечерять вары,
Годы, доненько, годы.
А свекруси годы, головоньку гляды,
Годы, доненько, годы.
А диверкамъ годы, хустыночку перы,
Годы, доненько, годы.
А зовыцямъ годы, русу косу плеты,
Годы, доненько, годы.
Васылькови годы, билу постель стелы,
Годы, доненько, годы.
Та держы свитлоньку, якъ у виночку,
И рушнычокъ на килочку,
Та держы видерця вси чыстесенькы
И водыци повнесенькы.

[1]) №№ съ 213—215 записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Та будуть до тебе сусиды ходыты,
Будуть тебе хвалыты:
Яка Маруся чепурнесенька
И до людей прыятнесенька.

215.

Чого жъ ты, Марусе, такъ сыдышъ?
Чому батенькови не дякуешъ?
Уже рыдваны позавертаны,
Свекрови кони позапряганы.
Тилько систы та пойихаты.
Та велю конькамъ та вивса дать,
А визныченькамъ пидождать,
А покы прыйде та мій батенько
Изъ того саду—выноградy
Та до мене на пораду.
Скоро батенько на поригъ,
А Маруся нызько до нигъ:
Ой спасыби вамъ, мій таточку,
За ваше гуляннячко.
Та скилькы я въ васъ гуляла,
Важкого дила не знала,
А тилько знала змытьця, счесатьця,
Да хороше прыбраться.
А тилько знала кисоньку змыты
Та въ таночку походыты.

216.

Варіантъ х. Кремянки:

Чи я тоби, матинко, не дытятко,
Що ты мене противъ ничкы,
Та шлешь причкы?
Исправь мени, моя маты,
Дорогый нарядъ,
Червоныи черевыкы, голубый жупанъ.
А якъ буде, моя доню,
Твій мылый ревнывый,
То вжежъ тоби, моя доню,
И нарядъ не мылый.
Червоныи черевыкы пыломъ прыпадуть,
Голубіи жупанныкы—зовыци порвуть.

(Прасковья Заикина).

217.

Варіантъ м. Сньтина.

Чи я въ тебе, моя матинко,
Не дытятко,
Що ты мене протывъ ничкы
Шлешъ причкы?
Ой дай мени провиднычка,
Хочь братичка,
Ой дай мени провидныцю,
Хочь сестрыцю!
Будуть тоби провидныкы
Та диверкы,
А провидныци
Зовыци.

(Уліана Выборная).

Воскресенье. Отъѣздъ молодой.

Затѣмъ отецъ и мать даютъ молодымъ въ руки хлѣбъ, соль, восковыя свѣчи и образа („богивъ“). Молодые бьютъ поклоны передъ образами, кланяются родителямъ и идутъ во дворъ за дружкомъ,

Библиотека "Руниверс"

послѣ того какъ онъ испроситъ разрѣшенія „молодыхъ въ Божу путь весты“. Молодыцы поютъ:

218 [1]).

Маты Марусю родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Зорею пидперезала,
До свекра выряжала:
Цежъ тоби, Марусю, дорога,
Йидь до свекорка здорова.

Свашки и свитилки поютъ:

219.

Загрибай, маты, жаръ, жаръ,
Буде тоби дочкы жаль, жаль,
Кыдай у пичъ дрова,
Зоставайсь здорова,
Кыдай у пичъ трискы,
Дожыдай соби невисткы!

Во дворѣ молодые, свашки, свитилки съ пылающей свѣчей еще разъ обходятъ вокругъ дижи, поѣзжане танцуютъ при этомъ обхожденіи и поютъ:

220.

Выкотылы, выкотылы смоляную бочку,
Высваталы, выдурылы въ пана свата дочку.
Выкотылы, выкотылы та щей медяную,
Высваталы, выдурылы та щей молодую.
Буде свату добренька, буде кожухъ тепленькій,
А якъ буде лыхая, нагаечка дротяная,
Нагаечка дротяная у тры дроты звыта,
Ой будешь ты, та Марусю, симъ разъ на день быта.

Наконецъ молодая становится на возъ (или сани) крестится и кланяется на всѣ четыре стороны, дружко обводитъ молодого во-

[1]) Пѣсни съ 218—220 № записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

кругъ повозки, а мать выводитъ[1]) его за платокъ со двора, и поѣздъ мчится къ жилью молодого.

Воскресенье. Послѣ отъѣзда молодыхъ.

Послѣ отъѣзда молодыхъ, молодицы, гулявшія на весильи, поютъ опечаленной матери молодой:

221.

Закувала зузуленька въ зеленимъ вивси,
Оглядилась стара маты, ажъ дочкы не вси.
Сюды-туды по куточкахъ розглядае,
Найстаршои Марусенькы тай не мае.
(Марія Гриценкова).

222.

Ой пиду я въ комору—скрыни нема,
А ввійду въ свитлоньку—дочкы нема.
Одчыню я кватырочку, ажъ и слидъ
По дорози васылечкы пороспы,
Туды мою донечку повезлы.
(Пелагея Куліева).

223.

Засвиты маты свичку,
Подывыся у запичку:
Чи велыка щербына,
Що не майе семьянына?
(Уляна Выборная).

224.

Сусидонькы мои,
Жалуйте мене!
Не майе дочкы въ мене!
Та не майе дочкы,
Ни скрынечкы,
Ни Маруси челядыночкы.
Якъ дождемо лита,
Та насіемо жыта,
Та никому буде жаты,
Та займу постатьку
Малу, невелыку,
Та никому й пидогнаты,
Якъ схочется холоднои воды
Та никого посылаты.
Якъ найде печаль,
Велыка досада,
Та никому розважаты.
(Уляна Выборная).

---

[1]) Иногда мать выводитъ подъ уздцы лошадь съ возомъ, на которомъ выѣзжаютъ молодые.

Библиотека "Руниверс"

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Стеновича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. В., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лищенка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В Тимпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза. княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе пашѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ девятый. **ТОМЪ XXX.** **1890 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. П. Ѳ. Р. (341—372).

II. Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ). П. С. Левицкаго. (373—389).

III. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи. П. Нв. В. Теличенка. (390—419).

IV. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. V—VIII О. И. Роговой. (420—455).

V. Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (Переводъ съ польскаго). I—III. Н. М (456—476).

VI Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Сообщилъ О. И. Левицкій (477—485)

VII. Документы, извѣстія и замѣтки. Памяти Ивана Петровича Новицкаго. П. Камынина. Три письма гр. П. В. Завадовскаго. 1775 и 1776 г. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. А. Л. Къ исторіи кіевскаго паломничества. А. Л. Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. О К. (486—505).

VIII. Суботовская церковь. П. Б. (506—508).

IX. Библіографія. Tadeusz Jerzy Stecki. Z boru i stepu. Obrazy i pamiątki. П. М. Сборникъ харьковскаго Историко-филологическаго общества т 2-й П. Камынина. П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ картами въ текстѣ. П. Г. Мотыжинскій архивъ. Акты переяславского полка XVII — XVIII в. А. М. Обозрѣніе журналовъ. (505—524).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Свадебныя пѣсни въ лубен. у., полт. г. (Окончаніе).
2) Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда (херсонск. губ.). Собралъ свящ. Гавр. Сорокинъ.
3) Суботовская церковь.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Библиотека "Руниверс"

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. П. Левицкаго. Соцініанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особеностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1890 г. 8° 186 стр. Цѣна 50 коп. съ перес.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Библиотека "Руниверс"

Богданова церковь в Субботове

Библиотека "Руниверс"

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія.[1)]

II.

Семейныя отношенія.

Въ настоящемъ письмѣ я хочу подѣлиться моими наблюденіями надъ семейными отношеніями нашихъ селянъ. Я уже говорилъ въ предъидущемъ письмѣ о томъ, какое ограниченное значеніе я придаю своему привносу въ матеріалъ даннаго изученія; тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь приступить къ настоящему письму, не припомнивъ сказаннаго въ этомъ отношеніи въ предъидущемъ. Независимо отъ общихъ соображеній, тамъ высказанныхъ, въ данномъ случаѣ есть спеціальныя причины, побуждающія къ осторожности въ выводахъ и къ отведенію имъ подобающаго скромнаго мѣста. Дѣло въ томъ, что между распространенными въ народномъ же быту теоретическими формулами, касающимися семейныхъ отношеній и обыденнымъ взглядомъ на живыя, конкретныя детали тѣхъ-же отношеній—существуетъ, мнѣ кажется, значительная разница. Рядомъ съ этимъ идутъ постепенныя, болѣе или менѣе значительныя, видоизмѣненія во взглядахъ на разныя детали, связанныя съ семейнымъ бытомъ, при чемъ детальные эти взгляды не только не сведены въ какую нибудь болѣе общую формулу, но и сами по себѣ не формулированы. Неоднократно вы замѣтите, что высказывающій тотъ или иной взглядъ относится къ нему въ нѣкоторой мѣрѣ, какъ къ контрабандѣ мысли. Это и понятно. Санкціонированная

[1)] „Кіевск. Стар.“, 1886 г., № XI.

Библиотека "Руниверс"

религіей и гражданскимъ закономъ формула семейныхъ отношеній не выработана мѣстной народной жизнью, она внесена въ нее готовою и внесена съ такою торжественною санкціею, что общія ходячія теоретическія формулы народныя должны были съ теченіемъ времени воспріять основныя положенія этой формулы, но рядомъ съ этимъ самымъ фактомъ теоретическаго признанія этой формулы не могли окончательно атрофироваться инстинкты арійской расы съ одной стороны, съ другой—общія модификаціи пріемовъ мышленія не могли не коснуться тѣхъ или иныхъ деталей народнаго воззрѣнія на семейныя отношенія.

При такомъ общемъ положеніи дѣла трудность уравновѣшеннаго объективнаго изученія предмета значительно увеличивается; наблюдателю, желающему дать себѣ отчетъ среди разнообразія явленій данной сферы—приходится поочередно пользоваться то ходячей формулой, то стоящими внѣ ея жизненными явленіями, провѣряя одно другимъ и стараясь отыскать болѣе или менѣе удовлетворительный синтезъ въ области мышленія народной массы, съ которымъ насъ въ такой значительной мѣрѣ разобщили пріемы мышленія, вынесенные изъ нашего воспитанія. Я говорю здѣсь объ этомъ не только для того, чтобы еще разъ подчеркнуть какъ далекъ я отъ надежды исчерпать данный предметъ моими бѣглыми замѣтками, но и для того, чтобы указать методъ, котораго, мнѣ кажется, нужно придерживаться въ попыткахъ къ изученію его.

Первичный стимулъ семейныхъ отношеній—любовь между единицами разнаго пола—принимаетъ различныя формы въ зависимости и отъ общаго развитія единицъ, и отъ тѣхъ условій, въ которыхъ воспитывается данная спеціальная наклонность. Мнѣ хочется сначала очертить въ нѣсколькихъ словахъ условія ея развитія въ средѣ нашего сельскаго люда. Въ этомъ отношеніи наши „игрища межъ селъ“ составляютъ довольно цѣльную школу любви. Лишь только начнется „весна красна, изъ стрихъ вода капле“—наша сельская молодежь и подростки высыпаютъ по вечерамъ *на улыцю*, т. е. собираются въ какомъ нибудь мѣстѣ на выгонѣ или на улицѣ для игръ и пѣсенъ. Въ обширныхъ селахъ собирается нѣсколько *улыць*. Собранія эти, оче-

Библиотека "Руниверс"

видно, ведутъ свое начало изъ очень отдаленной старины, и нельзя не замѣтить той связи, какую онѣ имѣютъ со стариннымъ чествованіемъ временъ года. Обрядовое пріурочиваніе извѣстныхъ пѣсенъ на улицѣ къ веснѣ (веснянки), извѣстныхъ игръ и пѣсенъ къ празднику Пасхи, не говоря уже о спеціальныхъ обрядахъ и пѣсняхъ на „Ивана Купала“ (24 іюня) и т. п., слишкомъ ясно указываютъ на это. Прибавлю со всей осторожностью, подобающей профану, что и общій, крайне несложный, характеръ мелодіи *веснянокъ* связываетъ въ одинъ общій музыкальный циклъ веснянки, пѣсни „велыкодни, купальни, весильни“ и языческія колядки. Однимъ словомъ *улыця* со всѣми ея осенними и зимними варіаціями подъ разными наименованіями, все то, что называютъ общимъ именемъ *вечорныци*—представляется намъ съ одной стороны какъ продуктъ народной жизни того отдаленнаго времени, когда она развивалась, не сталкиваясь съ формулами болѣе сильной чужой культуры, съ другой—какъ хранительница традицій по вопросу половыхъ отношеній, выработанныхъ и перерабатывающихся на основаніи наклонностей расы и измѣняющихся условій жизни даннаго племени. Оттуда непреоборимая притягательная сила *улыци*.

Ой на вашій, на улыци,
Ой на вашій кручи
Выгравалы чорты куци
Изъ улыци йдучы.
А на нашій на улыци,
Ой на нашій ривній
Выгравалы козаченьки
Воронымы киньмы.
Ой на нашу улыцю, на нашу!
(Изъ веснянки) [1]).

Но не только *козаченьки* украшаютъ улицу; въ другой веснянкѣ вотъ что говорится о *дивчынѣ:*

Ой ты зиронька, та вечирняя
Чомъ ты рано не зиходыла,
Чомъ ты рано не зиходыла,

[1]) Для краткости я буду отмѣчать мѣсто записыванія только пѣсенъ и т. п. внѣ Романовки сквирскаго уѣзда. Остальное относится къ этому селу и ближайшимъ его окрестностямъ.

Библиотека "Руниверс"

Чомъ ты мисяця не догоняла?
Ой тымъ же я опизнылася,
Край Дунаю становылася,
Край Дунаю становылася,
На дивчыну заглядилася,
Тамъ дивчына умывалася,
Лычкомъ своимъ выхвалялася и т. д.

Но если *зиронька* заглядѣлася на нашу *дивчину*—какъ не заглядѣться на нее *козакови*, какъ не отозваться на зовъ: „ой на нашу улыцю, на нашу“!

И стекается на нее вся молодежь; она соблазнъ и украшеніе *парубоцькои* и *дивоцькои воли*.

Кому воля, а кому неволя,
А дивчатамъ уся воленька:
Якъ настане та недиленька
За стричечку, та за виночокъ,
На улыцю, тай у таночокъ.
Кому воля, а кому неволя,
А парубкамъ уся воленька:
За шапочку, та за дудочку,
На улыцю, та за дивочку.
(Изъ великодной пѣсни).

И дорога нескончаемо эта молодая воля; женщины особенно чувствуютъ ея утрату. Есть множество пѣсенъ, сопоставляющихъ веселую *волю* дивчыны съ тяжелыми хлопотами замужней женщины.

. . . . . молодыцямъ вся неволенька,
Якъ настане та недиленька:
Ой у печи та борщъ бижыть,
А въ колысци дытя крычыть,
А у синяхъ порося пыщыть,
А въ запичку та свекруха ворчыть,
А у хати чоловикъ лайе.
(Изъ той-же пѣсни).

И *молодыця* часто, особенно въ первое время замужней жизни, сѣтуетъ о томъ, что „вже жъ мени не ходыты на ти вечорныци“. Въ одной изъ весняновъ молодыця говоритъ:

Мисяць надъ горою,
Дивки на улыци...
Гей, доле, доле,
Дивки на улыци!...

Библиотека "Руниверс"

А я молодая
Коло печи стояла,
Коло печи стояла,
Свекруху благала:
Свекрухо-матинко
Пусты на улыцю!...
Гей, доле, доле...
Пусты на улыцю.
— Хочъ я тебе пущу,
Свекорко не пустыть.

И обращается молодыця и къ „свекорку-батеньку“, и къ „диверку-братику“, и къ „зовыци—сестрыци“, и къ своему „мыленькому“ (мужу)—и все напрасно ....гей, доле, доле... улыця мынулась“.

Я до сихъ поръ живо помню (а много уже лѣтъ прошло съ того времени) разговоръ на эту тему съ одной моей знакомой въ с. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). Я зашелъ въ хату къ ея родителямъ; Сыклита, недавно вышедшая замужъ, зашла тоже навѣстить ихъ. Она сидѣла у окна и пристально смотрѣла въ него; вечерѣло, и дивчата начинали собираться на улицу. Сыклита, говоря вообще, вышла замужъ довольно удачно, и потому я удивился, видя, какъ ея глаза заволакиваются слезами. Я сталъ спрашивать ее о причинѣ ея грусти; она печалилась объ утратѣ *дивоцькои воли*, она не могла смотрѣть равнодушно, говорила она, на дивчатъ, собирающихся на улицу. Она замолкла, продолжая смотрѣть въ маленькое *виконце* батьковой хаты и потомъ въ полголоса, про себя, какъ бы продолжая свои мысли въ пѣсенной формѣ, запѣла:

Ой пійду я лисомъ—боромъ,
Та стану я пидъ яворомъ,
Ой стану я, послухаю:
А що за мене говорять.
И свекорко мене лайе,
И свекруха проклынайе,
И свекруха проклынайе,
Мале дытя пропадайе.

Временный перерывъ въ общемъ обычномъ запретѣ участвовать замужнимъ женщинамъ въ играхъ молодежи—составляютъ *великодни* игры. Въ моемъ селѣ онѣ продолжаются только одинъ день, первый день Пасхи, въ другихъ недалекихъ 3 дня;

Библиотека "Руниверс"

въ играхъ участвуютъ преимущественно дивчата и въ меньшей количественной долѣ молодыя молодицы, но я помню, около тридцати лѣтъ тому назадъ я проводилъ праздникъ Пасхи въ полѣсскомъ селѣ Майданѣ Лабужскомъ (волынской губ. новоградъ-волынскаго уѣзда). Тамъ эти игры продолжались нѣсколько дней, чуть-ли не цѣлый *великодный тыждень* и въ нихъ принимали участіе не только женщины, но и мужчины. Къ сожалѣнію, я не помню содержанія этихъ игръ; въ моей памяти осталась лишь картина оживленнаго праздничнаго сходбища народнаго, общій характеръ котораго всего лучше опредѣляется словами народной пѣсни: „якъ макъ процвитайе". Игры эти свершаются въ церковной оградѣ; въ моей мѣстности онѣ продолжаются, какъ уже сказано, первый день Пасхи. Въ этотъ день мужская молодежь пользуется правомъ звонить цѣлый день въ церковные колокола, женская собирается для игръ. Ее окружаютъ зрители не только молодые парни, но и старшіе обоего пола. Иная молодица, считающая уже неприличнымъ принимать прямое участіе въ играхъ—такъ таки и *не выдержыть*, видя неумѣніе дивчатъ устроить какую нибудь болѣе сложную игру—напр. *крывый танець* и, отдавъ грудное дитя кому нибудь, возьметъ за руку предводительствующую дивчыну и проведетъ для начала игру, а дружный хоръ *дивчачый* припѣваетъ: „а крывого танця, та не выведу кинця" и т. д. И пойдетъ стройно извиваться въ изгибахъ *крывого танця* пестрая, нарядная *низка* дивчатъ и молодыць, а старшіе какъ то задумчиво и весело вмѣстѣ смотрятъ, да любуются на „молодейе-золотейе".

Не предпринимая здѣсь описанія *великодныхъ* игръ вообще, я хочу указать на нѣкоторыя, имѣющія болѣе прямую связь съ нашимъ предметомъ. Въ Романовкѣ была когда то въ ходу, а теперь вышла изъ употребленія, игра въ *короля*. Я ее встрѣчалъ около тридцати лѣтъ тому назадъ въ с. Дударахъ, каневскаго уѣзда. Въ народной средѣ она свершается такъ: образуется кругъ дивчатъ, одна ходитъ посреди круга и дѣйствуетъ сообразно со словами пѣсни:

Король коло города ходыть,
Король всихъ дивокъ выбирайе.

Библиотека "Руниверс"

Король! поклонысся нызенько,
Король! поцилуйсь хорошенько.

Поцѣлованная дивчына замѣняетъ собою избравшую ее и игра продолжается.

Еще выразительнѣе игра въ *нелюба и мылого*. Въ моей мѣстности она такъ происходитъ: образуется кружокъ дивчатъ, одна посединѣ выбираетъ по-очереди *нелюба*, потомъ *мылого* изъ того-же кружка и дѣйствуетъ во время припѣванія рефрена: „ой такъ, такъ“ сообразно съ содержаніемъ пѣсни, при чемъ платокъ исправляетъ должность постели.

Ой якъ, якъ, та нелюба выбираты?
— Ой такъ, такъ, ой такъ, такъ!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго вопроса).

Ой якъ, якъ коло нелюба сидаты?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ розмовляты?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ обниматься?
Ой якъ, якъ изъ нелюбомъ цилуваться?
Ой якъ, якъ нелюбому постиль слаты?
Ой якъ, якъ та нелюба выпроважаты?

Вытолканная при взрывѣ веселаго хохота дивчына, исправлявшая должность *нелюба*, становится въ кружокъ; ее замѣняетъ другая—*мылый*. Пѣніе продолжается съ тѣмъ же припѣвомъ.

Ой якъ, якъ мыленького выбираты?
Ой якъ, якъ коло мылого сидаты?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ розмовляты?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ обниматься?
Ой якъ, якъ изъ мыленькимъ цилуваться?
Ой якъ, якъ мыленькому постиль слаты?
Ой якъ, якъ мыленького выпроважаты?

Нѣжно проведенная дивчына—*мылый* становится въ кружокъ и этимъ заканчивается игра.

Мы видимъ здѣсь довольно полное наставленіе въ дѣлахъ любви и такой именно, каковою она понимается среди даннаго племени: безъ циническаго поклоненія половымъ инстинктамъ внѣ эстетическаго выбора и сердечнаго влеченія, но и безъ ложнаго маскированія громадной жизненной силы, служащей точкою отправленія даннаго чувства и цѣлаго ряда эстетическихъ явленій.

Библиотека "Руниверс"

Улыця продолжается всё лѣто, гл. обр. до жнивъ, болѣе или менѣе оживляясь въ зависимости отъ погоды и полевыхъ работъ. Въ пѣсняхъ веснянка исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самой ранней весны; пѣсни поются разныя; любовныя, составляющія такой громадный процентъ малорусской пѣсенности, конечно, на первомъ планѣ. Выборъ пѣсенъ зависитъ отчасти отъ моды (въ селѣ въ продолженіи извѣстнаго времени—какихъ нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ—входитъ въ моду какая нибудь пѣсня или вновь принесенная, или давняя, долгое время заброшенная и вновь оживающая), отчасти выборъ пѣсенъ зависитъ и отъ личныхъ свойствъ соучастниковъ *улыци*. Свойства эти и наклонности, конечно, не одинаковы. Здѣсь вы встрѣтите и ту дивчыну, которая „якъ не выйде на улыцю, то й улыця тыха“, и горделивые, недоступные типы въ родѣ „йедыныци, вдовынои дочки“, которая среднему парубку „не ривня“,

А якъ выйде на улыцю—
Якъ та короливна.
Ани зъ нею систы,
Ни заговорыты,
Тильки статы,
Шапку зняты,
На добры-день даты.

Иногда собранія сельской молодежи принимаютъ болѣе важный видъ. Собираются въ хатѣ, что, впрочемъ, не особенно важно, но собираются при „найидкахъ и напыткахъ“, точно какіе нибудь „господари“. Въ мои молодые годы въ с. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда) собранія эти назывались *складкою* и не были пріурочены къ какимъ нибудь опредѣленнымъ днямъ; въ Романовкѣ (сквирскій уѣздъ) онѣ устраиваются *на запуски* и *на Андрея*. На собранія эти *хлопци* поставляютъ *горилку*, дивчата—закуску изъ матеріаловъ, добываемыхъ правдою и неправдою изъ запасовъ материнскихъ.

Помню я живо наши маковскія складки, хотя съ того времени „воды чымало утекло“. Ночь. Хозяева улеглись спать. Вездѣ тихо. Мы поочередно собираемся на выгонѣ. „Це ты Йова? це ты Федько?... отъ и Тымишъ... осьде й Микита... э, та вже насъ гуртокъ чымалый. Ну, постукаймо до Гершка“, а пока мы

Библиотека "Руниверс"

складываемъ наши гроши на „тую ледащыцю". Нашъ запасъ сдѣланъ. Среди ночной тишины, раздается парубоцькій хоръ:

Ой не спыться, не лежыться,
Ще й сонъ мене не бере...
Пишовъ бы я до дивчыны,
Та не знаю, де живе... и т. д.

И идемъ мы дружно, презрительно посматривая на хаты, въ которыхъ *стари* спятъ, не догадываясь даже какою радостью пропитанъ воздухъ въ эту ночь... А тамъ, у Мотри уже блестятъ *виконця*—это наши дивчата *заходылысь коло печи*. И какія всѣ онѣ прекрасныя хозяйки, какъ дружно, какъ весело идетъ у нихъ работа!

„Ой ты, дивчыно, ой ты горда, пышна,
Чомъ ты до мене зъ вечора не выйшла?

Да, можетъ быть, она бы и не вышла спеціально для кого нибудь изъ насъ, потому что

„Неподоба зирци до мисяца та исходыты,
Не подоба дивци до козака та выходыты",

но здѣсь, на *складкѣ* онѣ всѣ въ сборѣ, и мы уже забываемъ, что онѣ бываютъ для насъ „горди и пышни". И Марья, и Сыклита, и Катря, и Тодоська... но, важнѣе всего, и Гапочка здѣсь; она „якъ не выйде на улыцю—и улыця тыха". Идутъ разговоры, пѣніе. Для многихъ, конечно, важно стать или сѣсть около той или другой, для иныхъ это не особенно важно, для нихъ всѣ онѣ болѣе или менѣе милы, они съ удовольствіемъ дышатъ атмосферой молодости и стихійной, неопредѣленной любви.

„И зиронька зійшла,
И все поле освитыла,
Дивчынонька выйшла,
Козаченька звеселыла".

И дѣйствительно, весело, хорошо намъ здѣсь. Убогій *каганецъ* (въ то время керосинъ еще не былъ въ ходу) освѣщаетъ хату; его неправильное мерцаніе производитъ прекрасные свѣтовые эффекты, особенно когда онъ освѣщаетъ лицо нашей Гапочки. Добрая треть насъ влюблена въ нее. Идутъ пѣсни—и сколько нѣмыхъ, недоговоренныхъ признаній влагается въ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

„Ты чорнява, ты билява,
Говоры зо мною,
Якъ не будешъ говорыты—
Умру. сердце, за тобою".

Въ дивчачемъ хорѣ при продолженіи пѣсни слышишь особенно отчетливо:

„Ой ты умрешъ изъ вечора,
А я въ тры годыны—
Нехай же насъ поховають,
Хочъ у одній домовыни".

и идутъ дальше пѣсни, и сердце какъ то особенно сжимается при каждомъ куплетѣ.

„На калыну витеръ війе,
Калына не слійе—
Козакъ дивку вирно любыть—
Заняты не смійе.

Но мы засѣли за *вечерю;* среди бесѣдъ и шутокъ мы и не замѣтили, какъ наша *вечеря* съѣдена, наша *горилка* выпита. Разговоры ведутся смѣлѣе, болѣе или менѣе маскируемыя предпочтенія обнаруживаются опредѣленнѣе, кое-гдѣ сблизились плечи, наклонились другъ къ другу головы—благо, Павло своей *сопилкой* вызвалъ танцы и направилъ туда вниманіе общества... И проходитъ такъ ночь, приближается „день биленькій" и возвращаемся мы по домамъ, не раздѣленные уже на *парубоцкій* и *дивоцкій* гурты, а смѣшанными группами, сообразно съ нашимъ мѣстомъ жительства. Кое-гдѣ звучатъ отголоски пѣсенъ...

„Я на славу сама стану,
Славы не боюся—
Зъ кимъ люблюся—обнимуся,
Ще й поцилуюся"... [1])

И долго, долго звучитъ въ ушахъ пѣсня, и воспоминанія, связанныя съ нею, наполняютъ сердце доброю, молодою, тихою радостью.

Но „не що дня—брыдня". Тяжела сельская, рабочая жизнь. Борьба за существованіе здѣсь не отвлеченная философская формула. Долю *хлопця* вотъ какъ рисуетъ народная пѣсня:

---

[1]) Изъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ Маковищахъ.

Библиотека "Руниверс"

„Та изрисъ я въ наймахъ, въ неволи,
Та не знавъ я доли николи“ [1]).

Для дивчины—это отчасти напряженная работа на своемъ огородѣ, часто *сапа* по чужимъ плантаціямъ свекловицы и т. д. „Безъ роскоши, безъ любовы зношу свойи чорни бровы, у наймахъ зношу“, по словамъ Шевченка.

Но не даромъ народная пѣсня воспѣваетъ тебя „молодосте—одрадосте, на серденьку своя воля“. Послѣ тяжелаго, трудоваго дня

„Ой и хтожъ то, пане-брате,
Та по улоньци свыще?
То товаришъ товарища
На вечорыньци кличе“.

И не даромъ кличетъ онъ его.

„Мисяцъ надъ горою,
Дивки на улыци...
Гей доле, доле...
Дивки на улыци.

Но приходятъ *жнива*. Хотя по пословицѣ только „ципъ робота, а коса охота“, но и коса и серпъ ежедневно—это уже не *выграшки*. Я слышалъ слѣдующій разсказъ про мазура (не знаю, почему именно про мазура). У мазура зародилъ прекрасный овесъ и „така то вже шыбнула йего охота выкосыть той овесъ“. Пристроилъ мазуръ *гробки* и пошелъ косить. Покосы ложатся прекрасные, что ни *ступинь*, то и снопъ. Косилъ нашъ мазуръ до самаго вечера, выкосилъ свой овесъ, откинулъ косу, лежитъ, еле дышетъ. Люди возвращаются съ поля. „Люды добри! перекажить моій жинци, щобъ выслала за мною пидводу. Та нехай высылайе дви пидводы, бо я зъ тею шельмою косою на йиднимъ вози не пойиду“.

Да, не шутки эта коса и серпъ. Когда настанетъ ихъ царство,—на полѣ всё отъ мала до велика; солнце жжетъ немилосердно, сорочки темнѣютъ отъ пропитывающаго ихъ пота, спины болятъ, не переставая, жажда томитъ день деньской, только и слышно, что *шелестъ* созрѣвшей соломы, падающей подъ на-

[1]) Изъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты Каменецкимъ.

Библиотека "Руниверс"

тискомъ серпа или косы, да дѣловые рабочіе разговоры. Пройдешь селомъ—оно какъ будто замерло, только малыя дѣти вертятъ пятою раскаленную, разсыпающуюся землю, устраивая такимъ образомъ „Кыйивъ“ [1]), да старые „старесеньки“ *диды* и *бабы* то грѣютъ свое дряхлое тѣло непосредственно у источника земной жизни, то прячутся въ *холоджахъ*, посматривая на *дитвору*. Вся жизнь ушла въ поле; оно поглотило ее до такой степени, что и наша *улыця* разбрелась и только кое-гдѣ дифференцированная, сосредоточенная любовь завлечетъ парня въ клуню къ любимой дивчынѣ или гдѣ нибудь въ „вышневымъ садочку“ или у сельской изгороди увидите парубоцьку свитку, накинутую *наопашки*, покрывающую дивчыну. Здѣсь уже исчезли *жарты* и грубыя формы *порубоцького* заигрыванья: въ этой теплой атмосферѣ молодости и любви ведутся только разговоры полушепотомъ, да думается:

„Ой мисяцю—перекрою,
Зайды за комору,—
Нехай же я зъ своимъ мылымъ
Трохи поговору“.

Изъ этихъ то свиданій выносятся воспоминанія:

„И нацилувався,
И намылувався—
Якъ у саду соловей,
Та й нащебетався“.

Но настаетъ осень съ ея длинными вечерами. Полевыхъ работъ не то что много,—ихъ уже слишкомъ мало для нуждающагося въ заработкахъ селянина и наша сельская молодежь собирается на *досвитки*.

Тамъ и сямъ въ разныхъ пунктахъ села отдѣльные хозяева „прыймають досвитки“. Дивчата сходятся на нихъ съ пряжею, мужская молодежь приходитъ для бесѣдъ съ ними, пряденіе перебивается шутками, разговорами, которые затягиваются въ позднюю ночь. Вносятъ солому, парни не безъ нѣкоторыхъ усилій побуждаютъ дивчатъ ложиться вмѣстѣ, и „ничъ — маты“

[1]) Дѣтская игра, состоящая въ образованіи изъ подвижнаго слоя земли концентрическихъ круговъ.

Библиотека "Руниверс"

покрываетъ своимъ занавѣсомъ тайны молодыхъ разговоровъ, сердцебіеній и пожатій. Не больше. Таковъ обычай. Я знаю, что онъ представляется многимъ въ извращенномъ видѣ, какъ бы однозначущимъ „съ грубою разнузданностью“, но для того, кто знаетъ нашихъ сельскихъ женщинъ (а всѣ онѣ бывали въ свое время на *досвиткахъ*) мысль о повальной ихъ разнузданности представлялась бы крайне обидною, если-бы она не была такъ смѣшна. Послушайте при случаѣ, какъ спокойно, безъ всякаго игриваго намека или осужденія, разсказываютъ замужнія женщины о своихъ *дивоцкихъ* досвиткахъ. Посмотрите, какъ иные родители, до крайности щепетильные по вопросамъ, связаннымъ съ дѣвственностью ихъ дочерей, преспокойно смотрятъ на ихъ хожденіе на досвитки. Молодости и связанной съ ней впечатлительности отводится въ народномъ понятіи извѣстное, опредѣленное мѣсто въ извѣстныхъ границахъ и формахъ. Въ игрѣ *велыкодной* показываютъ „якъ мылому постиль слаты“, въ народной пѣснѣ (не помню, гдѣ слышанной) поется:

„Яку мени, моя маты,
Прынаду давать?
—Стелы, доню, постиль билу,
Лягай изъ нымъ спаты.

Тѣ-же самыя сельскія женщины, которыя спокойно посѣщали досвитки, вполнѣ искренно скандализируются декольтированіемъ дамскихъ бальныхъ нарядовъ, обычаемъ пановъ „водыться пидъ руки“ и т. п. Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что въ нашемъ селѣ не найдется ни одной женщины—крестьянки, которая бы рѣшилась войти декольтированною въ многолюдное собраніе. Всѣ это вопросы привычной формы, сущность-же дѣла заключается въ томъ, что спросъ на впечатлѣнія даннаго порядка слишкомъ силенъ для того, что-бы можно было его замкнуть въ строгія, ригористическія рамки.

Но возвратимся къ нашему предмету. Если я успѣлъ сколько нибудь отчетливо передать наблюдаемое, отчасти пережитое мною, то для читателя станетъ понятна та *стихія* любви, среди которой выростаетъ наша сельская молодежь. Это и послу-

Библиотека "Руниверс"

житъ намъ къ объясненію нѣкоторыхъ явленій, связанныхъ съ позднѣйшимъ семейнымъ бытомъ.

Мнѣ приходится теперь перейти къ *сватаньямъ*, но прежде чѣмъ я это сдѣлаю—я хочу сказать еще два-три слова о нѣкоторыхъ общихъ свойствахъ нрава *парубоцького* и *дивоцького*.

Кто сколько нибудь внимательно наблюдалъ сельскую жизнь, тотъ не могъ не обратить вниманія на нѣкоторыя специфическія проявленія парубоцького нрава, облекающіяся въ грубыя формы, сопряженныя съ нарушеніемъ общественнаго благочинія, а подчасъ и съ дѣяніями, караемыми закономъ. Это тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что нашъ сельскій *парубокъ* представляется обыкновенно не только добросовѣстнымъ сотрудникомъ въ семейномъ хозяйствѣ, но и способенъ вообще къ воспріятію весьма тонкихъ впечатлѣній. Какъ сельскій хозяинъ, я имѣю давнее и частое дѣловое соприкосновеніе съ *парубоцьтвомъ*, которое является у меня то въ качествѣ поденныхъ рабочихъ, то въ качествѣ годовыхъ или лѣтнихъ *наймытовъ*, т. е. въ тѣхъ именно условіяхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ антагонизмъ интересовъ, свойственный нашему современному хозяйственному строю. И что-же? Въ этихъ именно условіяхъ я научился цѣнить способность нашего сельскаго парубка къ воспріятію тонкихъ впечатлѣній. Мнѣ случалось вызывать румянецъ стыдливой радости простымъ „спасыби“, обращеннымъ къ наймиту по поводу хорошо исполненной имъ работы. Не далѣе какъ въ прошлое лѣто моимъ *хлопцямъ* и моей *худобѣ* пришлось произвести относительно много полевой работы. Въ теченіи лѣта я сказалъ разъ, смягчая замѣчаніе полушутливымъ тономъ: „ну, хлопци, сегодня вы булы ледачи“. Мои хлопци тоже улыбнулись, и я завелъ съ ними посторонній разговоръ. Послѣ этого мнѣ не пришлось ни разу не то сказать, но и подумать, что они *ледачи*. А какъ они были рады, когда оказалось, что они совершили больше работы, чѣмъ мы предполагали, такъ какъ мы узнали, что въ данномъ участкѣ больше земли, чѣмъ мы думали. Мнѣ приходится часто удивляться той пріятельской охотности, съ которою они напрягаютъ свой трудъ выше средняго въ моменты усиленныхъ полевыхъ работъ, осложняемые метеорологическими и тому подо-

Библиотека "Руниверс"

бными обстоятельствами.—При разсчетахъ съ наймытами мнѣ приходилось не разъ исправлять свой счетъ въ виду напоминанія наймитомъ о взятыхъ имъ и незаписанныхъ мною деньгахъ. А вотъ факты другаго порядка. Хлопецъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ дивчыною; она забременѣла. Онъ засваталъ ее, несмотря на то, что стоялъ на очереди по отбыванію воинской повинности. Онъ чистилъ навозъ въ то время, когда я сказалъ ему: „Що-жъ ты засватався?—ну нехай Богъ помогайе на все добре“. Онъ поклонился мнѣ обычаемъ, просящихъ благословенія на брачный союзъ, и расплакался. „Хто его знайе, може я не вернусь зъ прыему, а самій дивчыни трудно“... Слезы перебили его рѣчь. Трудовая, будничная обстановка этой сцены придавала ей особенный рельефъ.

А вотъ другой случай. „Маты просылы, що бъ вы написалы имъ прошеніе“. Дѣло въ томъ, что братъ обращавшагося ко мнѣ съ этими словами стоялъ на очереди по отбыванію воинской повинности. Онъ былъ дѣйствительно слабоуменъ и нѣсколько часовъ передъ тѣмъ мать его краснорѣчиво разсказывала мнѣ, что онъ въ виду его слабоумія *пропаде*, очутившись среди чужихъ людей и въ чужихъ мѣстахъ. „Я, бачыте—продолжалъ мой собесѣдникъ, слегка краснѣя,—думавъ просыться, що бъ мене принялы на его мисце, а тимъ часомъ напышить прошенья, може его й не визьмуть“.

А между тѣмъ, рядомъ со всѣмъ этимъ вы замѣчаете въ той же средѣ проявленія той грубости и нарушеній общественнаго порядка, о которыхъ я говорилъ. Прежде чѣмъ объяснять явленіе, я постараюсь описать его въ нѣсколькихъ словахъ. Начнемъ съ самыхъ мелкихъ проявленій. Вы видите, напр., женскую молодежь, устраивающую игры на первый день Пасхи; вдругъ кто-нибудь изъ парней то начнетъ „перекрывлять“ женское сопрано, то броситъ разбитое въ игрѣ „на убытки“ яйцо въ которую нибудь изъ соучастницъ игры. Посмѣяться надъ „дивчатамы—овечкамы“, подставить ногу такъ, чтобы дивчына споткнулась („пидчепыть“), а то и довесть шутки („гранья“) до такой безцеремонности тѣлодвиженій, что предметъ ихъ приходитъ въ гнѣвное раздраженіе—дѣла, вызывающія одобрительный

Библиотека "Руниверс"

хохотъ среди мужской молодежи. А то пойдетъ она ночью въ корчму, выпиваетъ и бродитъ по селу, напѣвая охотно солдатскія пѣсни. Дѣла неособенно важныя, но рядомъ идутъ и другія проявленія парубоцькаго молодечества. То нападутъ они на какой нибудь садъ или *баштанъ*, не стѣсняясь при случаѣ напугать, а то и поколотить сторожа, зарѣжутъ гдѣ нибудь бродячую гуску и т. п. Сюда-же относятся и обычаи такъ называемыхъ „новобранцивъ“. Выпивать и нарушать общественное благочиніе во время близкое къ набору—дѣло обыкновенное, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ въ разныхъ селахъ. Тамъ, гдѣ данный обычай проявляется съ бо́льшею силою—поглумиться надъ проѣзжающимъ, обругать встрѣченнаго, перевернуть въ мѣстечкѣ на базарѣ или на ярмаркѣ столикъ съ булками, яблоками и т. п., расхитить эти *ласощи*—въ порядкѣ вещей. Въ иныхъ мѣстахъ торговцы подобными продуктами прекращаютъ на базарахъ свою торговлю, разъ на нихъ являются новобранцы. Понятно, что при всемъ этомъ случаются и драки, что удаль молодецкая, разгоряченная въ данномъ направленіи, заходитъ иногда и дальше и ведетъ подчасъ отдѣльныхъ лицъ на скамью подсудимыхъ то за нанесеніе побоевъ, то за присвоеніе *ласощивъ* (тарани, *цукеркивъ*) изъ склада какого нибудь сельскаго торговца. Таковы факты во всей ихъ наготѣ. Конечно, болѣе рѣзкіе изъ нихъ исключительны, но я ихъ привелъ для характеристики той почвы, на которой они выростаютъ.

Если взять во вниманіе ту тонкость впечатлительности, на которую я прежде указывалъ въ той-же общественной группѣ, то удовлетворяться обычнымъ оханіемъ въ виду нарушенія общественной тишины и благочинія—конечно, не приходится, хотя это и составляетъ господствующій пріемъ соціологическихъ изслѣдованій нашихъ сюртуконосцевъ. Я слышалъ и рѣчь прокурора, взывавшаго къ мечу правосудія для того, чтобы „пріудержать нашу расходившуюся сельскую молодежь“. Несмотря на то я въ данномъ случаѣ подвергаюсь искушенію попытаться объяснить явленіе внѣ данныхъ, щедро заготовленыхъ формулъ нашей домашней соціологіи.

Библиотека "Руниверс"

Бесѣдуя на данную тему съ старшими крестьянами, вы услышите не разъ осужденіе распущенности „теперешней“ молодежи, но не ошибайтесь: не думайте, что этимъ сужденіемъ исчерпывается ихъ взглядъ на данный вопросъ. Здѣсь дѣйствуетъ непривычка къ полному формулированію теоретическихъ взглядовъ. Дѣянія-то тѣ или иныя сами по себѣ не считаются похвальными, небезполезными считаются и тѣ или иныя мѣры къ пресѣченію данныхъ болѣе острыхъ проявленій, но въ глубинѣ суроваго осужденія нравственной сущности молодаго поколѣнія нѣтъ и быть не можетъ, какъ сейчасъ увидимъ. „Молодость—буйность“—да и только.

Когда-то, я помню, меня озадачилъ фактъ кражи гуски у сосѣда моею челядью, тѣмъ болѣе, что соучастники дѣянія были мнѣ знакомы, и знакомы, какъ добрые хлопци. Гуска легла въ основу пиршества, оживленнаго комическими вымыслами: пировавшіе представляли изъ себя пановъ съ лакеями, поварами и т. д. Фактъ обнаружился и послужилъ темою для бесѣдъ старшихъ. Они осуждали подобныя шалости, но въ дальнѣйшихъ разговорахъ пошли на воспоминанія своихъ лѣтъ *парубоцькихъ—молодецькихъ*, а вмѣстѣ съ этимъ всплыли и разсказы о гускахъ, убиваемыхъ на посѣвахъ и съѣдаемыхъ, а то и юмористическій разсказъ о сжаренномъ въ апалогичныхъ условіяхъ поросенкѣ. Послѣ этого я сталъ внимательно прислушиваться къ разговорамъ на подобныя темы и замѣтилъ, что, начинаясь осужденіями, они всегда почти оканчиваются воспоминаніями о какой нибудь добычѣ на баштанѣ, въ фруктовомъ саду и т. п., при чемъ отдаленіе во времени даетъ обыкновенно возможность живо, юмористически освѣтить разсказъ. Мнѣ случалось тоже бывать въ составѣ присяжныхъ въ то время, когда обвинялись молодые люди за болѣе рѣзкія дѣянія въ данномъ направленіи. То были—по юридической номенклатурѣ—кражи со взломомъ. Къ преступленіямъ, подходящимъ подъ этотъ терминъ, присяжные-крестьяне относятся обыкновенно довольно сурово, въ случаяхъ же, о которыхъ рѣчь идетъ, само названіе похищенныхъ предметовъ („сало, тараня, цукерки“ и т. п.), ихъ количество и лѣта подсудимыхъ сразу освѣщаютъ иначе

Библиотека "Руниверс"

фактъ. Безъ долгаго предварительнаго разсужденія они всѣ говорятъ о томъ, что нужно возможно мягче формулировать вердиктъ. Взломъ въ этихъ случаяхъ отвергается и присяжные-крестьяне склоняются охотно къ самой мягкой формулѣ. Я помню тоже, какъ ахнуло наше село, когда мировой судья примѣнилъ суровый законъ къ довольно многочисленному нападенію съ насиліемъ нашего сельскаго парубоцтва на баштанъ.

Такъ относятся къ данной категоріи явленій люди, стоящіе близко къ той группѣ населенія, среди которой онѣ встрѣчаются. И какія это странныя преступленія, которыя въ той или иной мѣрѣ совершаются почти поголовно въ молодости, не оставляя глубокихъ деморализирующихъ слѣдовъ въ болѣе зрѣлые годы? И какая это странная грубость нрава молодежи, которая не мѣшаетъ чередоваться ей съ деликатностью чувствъ въ молодости и не противорѣчитъ зарожденію въ болѣе зрѣлыя лѣта той спокойной *звычайности*, которая свойственна въ такой мѣрѣ украинскому люду?

Ключъ къ уразумѣнію этихъ странностей заключается, мнѣ кажется, въ томъ, что въ основѣ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, лежатъ не какія нибудь извращенныя нравственныя побужденія, а простой біологическій фактъ обилія силъ, свойственнаго молодости. Фактъ этотъ свойственъ молодости вообще и проявляется на различныхъ ступеняхъ культуры въ различныхъ только формахъ. Молодое, жизнеобильное поколѣніе съ трудомъ примиряется съ тѣми рамками, въ которыя втиснута обыкновенная общественная жизнь. Прюдомизмъ съ его условною моралью раздражаетъ своею банальностью молодой спросъ на жизнь, и оттуда столкновенія.

Перенесите эти побужденія въ болѣе культурную среду и посмотрите, какія услуги прогрессу мысли въ новыхъ поколѣніяхъ отдаетъ ихъ стремительный натискъ на отживающія доктрины и формы жизни, какъ съ нимъ связывается отыскиваніе новыхъ путей. Ту-же психическую подкладку, несмотря на громадное различіе формъ ея проявленія, имѣютъ и тѣ стороны парубоцькой жизни, о которыхъ здѣсь рѣчь. Молодая жизнеохотность, чувство обилія силъ вызываетъ здѣсь также презри-

Библиотека "Руниверс"

тельное отношеніе къ узко-законченнымъ формамъ жизни, спросъ на жизнь внѣ этихъ формъ, нетерпѣливое желаніе борьбы, опыты испробовать свои силы, но недостатокъ культурной подготовки и иныя условія современной жизни не даютъ возможности найти болѣе благообразный исходъ данному психическому настроенію. При общемъ, менѣе цивилизованномъ складѣ жизни подобнаго рода аспираціи не въ такой мѣрѣ разногласятъ съ общимъ ея характеромъ и находятъ исходъ въ какомъ нибудь гайдучествѣ и т. п., въ старой украинской жизни—на Запорожьѣ. Здѣсь не мѣсто распространяться о бытовыхъ особенностяхъ жизни „славного лыцарства“, но несомнѣнно, что съ современой точки зрѣнія мы найдемъ въ ней очень много иррегулярностей, весьма сходныхъ съ общимъ характеромъ той стороны жизни нашей сельской молодежи, о которыхъ мы говоримъ. Иррегулярности эти, какъ извѣстно, не мѣшали тому, что тѣ-же чубатые молодцы были способны на серьезные героическіе подвиги, что народныя аспираціи живѣе и чище, представлялись на Запорожьѣ, чѣмъ въ другихъ историческихъ группахъ населенія, что эти „*łotrzyki*“, были дѣлателями той „козацькой славы“, которая по выраженію исторической думы „по всему свиту дывомъ стала, по всему свиту разляглась, простяглась, луговымъ гомономъ роздалась“.

Въ современной жизни не можетъ быть подобнаго рода исходовъ, остается разсчитывать на болѣе прочный подъемъ ея подъ вліяніемъ широкаго распространенія лучшихъ плодовъ человѣческой мысли; пока—нужно разсматривать жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, стараясь уразумѣвать ея смыслъ независимо отъ нашихъ личныхъ привычекъ. Смотря на жизнь нашей сельской молодежи съ этой точки зрѣнія нельзя ограничиваться улавливаніемъ проявленій, шокирующихъ наши привычки. Молодая жизнеохотность ея проявляется не только въ какой нибудь корчомной *бучѣ* и т. п. Среди этихъ блужданій вырабатывается безсознательно привычка не смотрѣть на будничные интересы жизни, какъ на ея альфу и омегу, смотрѣть на нихъ нѣсколько свысока, вырабатываются чувства товарищеской солидарности и дружбы, и если въ дальнѣйшей трудной

Библиотека "Руниверс"

мужицкой жизни, сохраняется возможность отвлечься отъ ея будничной обстановки увлечься красотою, почувствовать альтруистическія впечатлѣнія, то указанныя здѣсь свойства свободной, товарищеской, парубоцькой жизни играютъ несомнѣнно серьезную роль. Я знаю зрѣлыхъ селянъ, у которыхъ при случаѣ разыгрывается презрительно-задорный нравъ, которымъ случается прогулять въ корчмѣ, угощая встрѣчнаго-поперечнаго, очень почтенныя относительно деньги, а то и затѣять драку и т. п. Эти же люди бываютъ въ обыкновенное время мягки и уступчивы, способны поступиться своимъ, сдѣлать сосѣдскую услугу („кровъ—говорятъ—не потече"), отзывчивы на болѣе широкую мысль или болѣе возвышенное чувство. Вотъ почему меня ни чуть не поражаетъ, что парубокъ, сдѣлавшій наканунѣ *бучу*,—обращается съ дивчыною со всею нѣжностью, на которую способна молодость, и вполнѣ основательно можетъ обратиться къ ней словами народной пѣсни:

Не зрадывъ я никого,
Ни малои дытыны—
Не зражу я и тебе
Дивки сиротыны.

Два-три замѣчанія о дивоцькомъ нравѣ. Прежде всего мы не можемъ не обратить вниманія на впечатлительность нашей сельской женщины вообще и дивчыны спеціально, на красоту предметовъ, подпадающихъ подъ ихъ зрѣніе. Замѣтнѣе всего это выражается въ ихъ любви къ нарядамъ. Посмотрите, какой это живой вопросъ для дивчыны „набрать спидныцю, пошыть курточку, купыть намысто" и т. п., посмотрите, какъ у дивчатъ подъ вліяніемъ этого чувства мѣняются моды. Посмотрите на нашихъ сельскихъ женщинъ на ярмаркѣ въ рядахъ, гдѣ продаются предметы женскихъ украшеній и уборовъ. Я былъ какъ то разъ въ домѣ, гдѣ одна немолодая барышня, изобрѣтательная въ дѣлѣ скопленія деньги, вывезла для перепродажи изъ Кіева довольно красивые вѣнки новаго для данной мѣстности фасона. Дивчата, бывшія на работѣ въ мѣстной экономіи, собрались въ дѣвичьей, гдѣ барышня—спекулянтка высыпала на столъ вывезенные вѣнки. Нужно было видѣть эти молодыя, ожив-

Библиотека "Руниверс"

ленныя лица. „Отъ серце... тай гарни-жъ... а дайте ще цього подывыться... по чому воны, панно“? посыпались возгласы со всѣхъ сторонъ. Маленькое зеркальце, висѣвшее тамъ-же, пошло живо въ ходъ. Въ этомъ отношеніи наши сельскія женщины довольно похожи на своихъ сестеръ изъ другихъ слоевъ общества съ тѣмъ однако различіемъ, что послѣднія смотрятъ на нарядъ, главнымъ образомъ, какъ на орудіе побѣды и потому скрытничаютъ и завидуютъ, наши сельскія женщины смотрятъ на него проще, какъ на красивый предметъ. Конечно, не ставится ему въ вину, если онъ пріукраситъ всю особу нашей восторженницы, но онъ уже самъ по себѣ милъ за то, что ярокъ красками, красивъ формою. Когда прохожій разносчикъ („венкгєръ“) развертываетъ свой скарбъ, то возгласы восторга вызываетъ не только то, что можетъ годиться для женскаго наряда; ихъ достается столько-же колоризированнымъ иконамъ, картинамъ и т. д. Съ такимъ-же оживленіемъ говорятъ и о красивой обстановкѣ дома, о цвѣтникѣ, о вновь видѣнной красивой церкви, объ улицахъ большаго города, о какой нибудь торжественной и пестрой церемоніи и т. п. Впечатлительность къ красотѣ нарядовъ только одно изъ проявленій данной общей впечатлительности, и потому старики крестьяне, смотря на пеструю, нарядную толпу дивчатъ и молодицъ, снисходительно и добродушно говорятъ: „ну, що теперъ хóроше ходять“.

Экспансивныя въ данномъ случаѣ—наши дивчата даютъ волю этой экспансивности тамъ, гдѣ молодежь мужская считаетъ это неприличнымъ; возможно, что онѣ и живѣе чувствуютъ нѣкоторыя впечатлѣнія. Посмотрите, какъ товарки—*дружки* заливаются слезами, прощаясь съ молодою при пѣснѣ:

Прощай, прощай, товарышко,
Бо мы уже йдемъ,
И гулянья, дивуванья
За собою беремъ

и т. п. А сколько слезъ вызываютъ свадебныя пѣсни на свадьбѣ сироты? А то—зайдетъ къ вамъ лирникъ; поетъ онъ то и другое—вдругъ кто нибудь попроситъ „сироту“. Дивчата, присутствующія здѣсь, постепенно размѣщаются по менѣе замѣтнымъ куточкамъ.

Библиотека "Руниверс"

„ . . . куды йдешъ сыритко?—Матинки шукаты.
. . . . . .
Обизвалась зъ гроба йейи ридна маты:
— А хто жъ то тамъ плаче на мойему гроби?'
— То-жъ то я, матинко; прыймить мене къ соби.

Тутъ уже задерживающая сила перестаетъ дѣйствовать, аккомпаниментъ лиры то и дѣло перерывается сдерживаемыми дивчачими рыданіями.

А сколько „щырыхъ слезъ“ пролили молодыя соотечественницы „незабутного кобзаря“ надъ его Катерыной?

Сердечная впечатлительность, выражающаяся въ этихъ случаяхъ, согрѣваетъ и отношенія сверстницъ. Въ дивчачемъ гуртѣ вы легко замѣтите маленькую компанію, частенько пару дивчатъ, почти неразлучныхъ. „Це йейи кольекга“ говорятъ у насъ. Недавно въ сосѣднемъ селѣ умерла 18-лѣтняя дивчына, дочь *заможнихъ* родителей. „Кого тоби шкода?“ спрашивала мать.—„Мени ничого не шкода, мени тильки шкода мойеи кольекги, Оксаны“.

Несмотря на всё это, и дивчата избѣгаютъ проявленія нѣжныхъ чувствъ; добрый тонъ выражается къ „насмишкуватомъ“ нѣсколько отношеніи къ вещамъ и людямъ. Только меньшая жизненная опытность и энергія рѣдко даетъ дивчачей насмѣшливости тотъ рельефъ, который она получаетъ у мужчинъ; оттуда частые маломотивированные взрывы смѣха среди *гурточковъ* дивчачихъ, которые и служатъ поводомъ къ выраженію: „дивчата—овечки“. Этотъ гордо-насмѣшливый тонъ удерживаютъ онѣ и по отношенію къ хлопцямъ, когда эти отношенія гурта къ гурту, или же и въ единичныхъ отношеніяхъ, не только тогда, когда нѣтъ болѣе опредѣленнаго влеченія, но и въ послѣднемъ случаѣ, пока оно ясно не очертится для обѣихъ сторонъ.

Таковы въ общихъ чертахъ стороны, связывающіяся въ брачный союзъ, условія и характеръ ихъ сближенія.

Брачный союзъ обставленъ обрядовыми формальностями *сватанья* и *весилья*. Объ обрядности этой я не буду говорить, коснусь только тѣхъ сторонъ ея, которыя имѣютъ болѣе прямую связь съ современною семейною жизнью.

Сватанье чаще всего является формальнымъ обрядомъ, такъ какъ парубокъ обыкновенно „допытуйеться слова“ у дивчыны

Библиотека "Руниверс"

раньше. Обрядность сватанья въ моей мѣстности значительно упростилась; тѣхъ обрядовыхъ рѣчей, которыя записаны въ „Маруси“ Квитки, у насъ не произносятъ или, можетъ быть, *уже* не произносятъ. Сватанье оканчивается предоставленіемъ послѣдняго слова дивчинѣ (въ случаѣ согласія родителей). Случается, конечно, что на содержаніе этого слова вліяютъ прежде родители, какъ и на рѣшеніе парубка сватать ту или иную дивчину.

Съ этимъ связывается вопросъ: какъ объяснить то, что при общихъ условіяхъ жизни нашей сельской молодежи, благопріятствующихъ развитію чувства любви, при интенсивности его, засвидѣтельствованной богатствомъ народной пѣсенности на любовныя темы—случается и то, что парубокъ, пославшій сватовъ къ одной дивчинѣ, въ случаѣ отказа переходитъ немедленно къ другой, а то и къ третьей. А парубокъ то этотъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ другихъ.

Меня тоже поражало когда-то это видимое противорѣчіе, но потомъ, присмотрѣвшись ближе къ сельской жизни, я сталъ, кажется, довольно вѣрно уразумѣвать подобныя явленія.

Когда-то довѣрявшійся мнѣ по многимъ вопросамъ своей жизни сельскій парубокъ пришелъ ко мнѣ посовѣтоваться на счетъ женитьбы. До того уже онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что въ ближайшую осень онъ женится; теперь онъ пришелъ съ тѣмъ же заявленіемъ, прибавляя только, что онъ въ недоумѣніи, кого ему сватать. Онъ указалъ мнѣ на трехъ дивчатъ, говоря, что родители и родственники совѣтуютъ ему взять такую-то (одну изъ нихъ).—„А ты-жъ якъ думаешъ?“—„Та мене и сюды и туды думка шыбайе. И це славна дивчына, и то ничого, и та также. Мабуть прыйдеться сватать Т.“, т. е. ту изъ нихъ, которую рекомендовали родители. Я не ожидалъ этого, такъ какъ съ одной стороны я зналъ, что родители оказывали ему предпочтеніе и не рѣшились-бы особенно настойчиво стѣснять его, съ другой—я не замѣчалъ, что-бы онъ когда нибудь, встрѣчаясь съ Т. на работахъ, ухаживалъ за нею сколько нибудь. Состоялось сватанье, въ которомъ и я принималъ участіе, и молодые люди были видимо довольны собой. Разъ засватавши Т., мой знакомый при встрѣчѣ съ ней началъ ей оказывать предпочтеніе, заигры-

Библиотека "Руниверс"

вать и вообще ухаживать за ней. Другой мой знакомый черезъ недѣлю, кажется, послѣ отказа одной дивчыны, засваталъ другую. Я не имѣлъ случая наблюдать ихъ отношенія въ промежуточный періодъ между сватаньемъ и бракомъ, но съ первыхъ же дней брака у нихъ установились хорошія отношенія, и они составляютъ одно изъ лучше живущихъ между собою супружествъ.

Присматриваясь къ подобнымъ случаямъ и сопоставляя ихъ съ условіями жизни сельской молодежи,—мы склоняемся къ заключенію, что въ этой жизни значительное мѣсто отводится стихійной, недиференцированной, такъ сказать, любви. Въ моихъ предъидущихъ замѣткахъ о собраніяхъ сельской молодежи — я старался указать, какъ рядомъ съ опредѣленными предпочтеніями идетъ общій, стихійный спросъ на любовь, присущій молодости. Красота женщины (я понимаю здѣсь не только внѣшнюю) проявляется нескончаемо разнообразно: тамъ васъ прельщаетъ сосредоточенная задумчивость, тамъ сіяющая жизнерадостность, тамъ мягкая доброта, тамъ тонкій умъ, пробивающійся искусно среди трудностей жизни и т. д. Ограничить сферу женской красоты какимъ нибудь однимъ типомъ такъ же односторонне, какъ, напр., ограничить красоту пейзажа мѣсностью исключительно гористою или исключительно ровною, исключительно мрачною, или исключительно веселою и т. д. Всѣ мы испытываемъ по временамъ неопредѣленное увлеченіе красотою не той или иной женщины, а женщинъ вообще; въ молодости впечатлѣнія эти, подогрѣваемыя силою половаго влеченія, конечно живѣе, и потому для меня вполнѣ понятенъ на нашихъ сельскихъ вечорыцяхъ, особенно при меньшей воспитательной дифференціаціи ихъ участниковъ, неопредѣленный, тѣмъ не менѣе сильно возбужденный стихійный спросъ на любовь. Самомалѣйшій толчекъ при этихъ условіяхъ опредѣляетъ направленіе данной потребности душевной и тѣлесной, и такимъ образомъ мнѣ становится понятно, что парубокъ, неоказывавшій наканунѣ сватанья предпочтенія извѣстной дивчынѣ, послѣ сватанья съ доброй искренностью ухаживаетъ за ней.

Такъ, мнѣ кажется, понималъ и Шевченко то, что я называю стихійною любовью. Въ его лирическихъ мѣстахъ, тамъ гдѣ рѣчь идетъ о любви, чаще выступаютъ вообще „дивчата,

Библиотека "Руниверс"

кари очи, вышневый садъ зеленый, ласки дивочи" и т. д. чѣмъ опредѣленныя единицы. Въ „Наймычкѣ" вотъ какъ опредѣляется потребность женитьбы Марка:

Уже Марко чумакуйе,
Вже въ осени не ночуйе
Ни пидъ хатою, ни въ хати—
Кого небудь треба сватать.

Интересно, что и въ личной жизни самого поэта мы встрѣчаемся съ отголосками этого сельскаго міровоззрѣнія. Такъ, въ болѣе поздніе уже годы, послѣ возвращенія изъ ссылки, мечтая о своей хатѣ и семьѣ, онъ поочередно дѣлаетъ предложенія разнымъ лицамъ то самъ (Катруся—въ Саратовѣ, кажется, Ликера), то поручаетъ родственнику своему Варѳоломею отыскать для него „сироту и наймычку", то переговорить съ Харытою, которую Тарасъ завидѣлъ у Варѳоломея, несущею *товчь* для кабановъ. Конечно, здѣсь проявляется и довѣрчивая доброта, и личная мечтательная впечатлительность, но нельзя не видѣть и вліянія той народной жизни, среди которой онъ выросъ, съ которою ничто не могло разобщить его и которую онъ такъ горячо воспѣлъ своими „слезамы—словамы".

Но рядомъ съ этою стихійною, неопредѣленною любовью—идетъ и сосредоточенная, дифференцированная. Я не умѣю опредѣлить въ какомъ процентномъ отношеніи сближаетъ та и другая отдѣльныя пары. Мужикъ по этимъ вопросамъ не словоохотливъ. „Це вже я тильки буду знаты", говорила любимая женщина одному моему знакомому, напоминавшему ей свои изліянія. Скорѣе вы услышите разсказъ о разстроившихся любовныхъ отношеніяхъ, чѣмъ обратное. „Якъ я зачувъ, що Сыклыту засваталы—мени здалося, що земля пидо мною проваліоться", говорилъ мнѣ одинъ парубокъ, товарищъ моихъ молодыхъ лѣтъ. Послѣ я наблюдалъ отношенія знакомаго мнѣ парубка С. къ дивчынѣ нашего села М. Въ голубыхъ глазахъ С. виднѣлась вообще склонность къ тихому восторгу. Я помню, какъ надъ нимъ посмѣивались, что, увидѣвши на ярмаркѣ необыкновенно красивую молодыцю, онъ окончательно растерялся и, засмотрѣвшись на нее, совсѣмъ позабылъ о своемъ ярмароч-

Библиотека "Руниверс"

немъ дѣлѣ. Такъ онъ впослѣдствіи засматривался на М. Я помню—семья М. и семья С. копали у меня бураки; ихъ *постати* были близкія. С. былъ плохой работникъ въ данномъ случаѣ въ своей семьѣ; когда ни придешь,—увидишь его на сосѣдней *постати*; то подкапываетъ онъ тамъ, то чиститъ бураки, то подноситъ на мѣрницу. Въ формѣ этихъ хозяйскихъ дѣяній изливались его чувства. Но

„Не вси тіи сады цвитуть,
Що на весну розвиваються—
Не вси тии винчаются,
Що люблять, то кохаються".

У С. была внѣшняя причина, разстроившая его любовь. Братъ С. былъ женатъ на сестрѣ М., что и составляло непреоборимое каноническое препятствіе. С. далеко не какой нибудь *богатыръ*, но онъ предлагалъ мѣстному священнику 100 руб. за то, что-бы онъ обвѣнчалъ ихъ. Священникъ отказалъ. Потомъ обыкновенный ходъ вещей взялъ свое—М. вышла замужъ за другаго, С. женился. Дѣло это было какихъ нибудь полтора десятка лѣтъ тому назадъ, но я недавно встрѣтилъ С. въ одномъ обществѣ. Въ обществѣ пѣли; когда запѣли только что цитированную пѣсню „не вси тіи сады цвитуть", С. задумался и съ выраженіемъ глубокаго чувства сказалъ: „тому й правда, що въ письни спивають".

Правдивъ бываетъ и слѣдующій куплетъ:

Любивъ тебе дивчыною,
Люблю тебе молодыцею,—
И ще буду симъ рикъ ждаты,
Може станешъ удовыцею.

Я знаю и такой случай. Ждалъ и дождался. Я могъ бы значительно умножить число этихъ примѣровъ, но не въ нихъ суть. Мнѣ хотѣлось только указать на то, какъ въ народной средѣ рядомъ съ стихійною развивается и дифференцированная любовь. Мнѣ кажется, что послѣдній типъ усиливается въ народной жизни.

Между дѣлами, разсматриваемыми въ волостныхъ судахъ, случаются довольно часто дѣла объ убыткахъ на сватанье. Обыкновенно родители заявляютъ, что они готовы сдержать слово,

Библиотека "Руниверс"

но дочь поразмыслила. Традиція сталкивается здѣсь съ личнымъ выборомъ прямо заинтересованной стороны. (Убытки обыкновенно присуждаются). Въ связи, мнѣ кажется, съ этимъ періодомъ колебанія между традиціей, основанной на понятіяхъ стихійной любви, и усиливающейся дифференціаціей единицъ, находится и явленіе, которое я замѣчалъ довольно часто въ послѣдніе годы. Побрачившись, молодые часто расходятся на нѣкоторое время. Явленіе это объясняется, кажется, тѣмъ, что традиція, основанная на томъ, что я называю стихійною любовью, довольно сильна для того, что-бы завязать бракъ, но болѣе сильно развивающаяся дифференціація единицъ вызываетъ опредѣленныя личныя требованія, неукладывающіяся въ рамки традиціи—отсюда нетерпѣніе и разрывъ. Но другая, болѣе сильная традиція дѣлаетъ слишкомъ труднымъ положеніе разошедшихся („свитъ имъ завязаный"), и они послѣ розмысла, пообрѣзавъ свой спросъ на личную жизнь, сходятся обратно.

Но говоря о любви до брака, нельзя не упомянуть о случаяхъ, когда брачныя отношенія антиципируются любящейся парою; оканчиваются они обыкновенно формальною легализаціею. Соображеніе о томъ, что „на козаку немайе знаку" играетъ, конечно, нѣкоторую роль въ жизни парубоцьтва, но такъ какъ часто бываетъ, что „хочъ коханьячко не зродыться, то черево заводыться", то сознаніе отвѣтственности въ виду даннаго факта составляетъ рѣшающій моментъ и принимаетъ готовую форму легальнаго брака.

Я знаю много такихъ случаевъ. Дѣйствуетъ здѣсь, впрочемъ, и личное влеченіе.

„Тыха вода береженьки зносыть,
Ой тамъ козакъ свого пана просыть:
Пусты мене, пане, на ту Украину,
Дыше дивка лысты, що мае дитыну.
—Можешъ цю провыну на иншого здаты.
—Не можу я, пане, буде Богъ караты.
Прыйизжае до свитлыци, билый день свитае,
Ввійшовъ у свитлоньку—дивчына вмырае,
Дивчына вмырае, дивчына хвору,
Упавъ на колинца—дивчыну цилуе".

Библиотека "Руниверс"

При такихъ условіяхъ неудивительно, что до обостренія, выраженнаго словами:

„Визьми соби, козаче, дитыну,
Бо далеби на покосъ повину"

доходитъ очень рѣдко. Напротивъ,—я знаю много случаевъ, когда дивчына защищала виновника факта отъ подозрѣній, что не помѣшало ему свободно, внѣ натиска жениться на ней.

Бываютъ замѣчательно упорныя умалчиванья; часто въ селѣ (а въ селѣ секретничать трудно) такъ таки никто не знаетъ „одъ кого найшлася дитына". Подобныя умалчиванія являются, конечно, чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительныя или мнимыя причины дѣлаютъ невозможной легализацію отношенія, а для другаго исхода, обезпечивающаго существованіе дитяти, нѣтъ смѣлости или же средствъ.

Въ этихъ преимущественно условіяхъ являются *покрытки*.

Судьбу покрытки живо и съ горячимъ человѣчнымъ участіемъ изобразилъ нашъ великій пѣвецъ и великій знатокъ народной жизни—Шевченко. Уже частое возвращеніе въ разныхъ мѣстахъ къ этой темѣ у Шевченка, указывая на данный вопросъ, какъ на наболѣвшее мѣсто, не позволяетъ намъ сомнѣваться въ общей вѣрности изображенія того суроваго взгляда крестьянской среды въ его время, который преслѣдовалъ такую мученицу.

И дѣйствительно, отголоски этой суровости слышатся въ извѣстной мѣрѣ и до настоящаго времени: рѣдкая дивчына не поблѣднѣетъ, когда ей опредѣленно представится возможность остаться покрыткою; слово *байструкъ* употребляется въ смыслѣ браннаго слова; я знаю случай, когда отецъ не дозволялъ сыну жениться на дивчынѣ, потому что она „самосійна"; процессы о дѣтоубійствѣ въ интересахъ скрытія факта дѣторожденія омрачаютъ до сихъ поръ отъ времени до времени судебную хронику, но въ общемъ суровость, вызывающая эти грустные факты, съ теченіемъ времени ослабѣваетъ. На это, между прочимъ, обратили мое вниманіе женщины, вышедшія изъ крестьянской среды, и утверждающія, что Катерына или Наймычка Шевченка въ современной жизни не имѣли бы достаточно реальной подкладки.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ случалось встрѣчаться въ крестьянскихъ обществахъ съ покрытками; я не замѣчалъ ни малѣйшей разницы въ обращеніи съ ними и съ другими женщинами. Когда онѣ потомъ выходятъ замужъ, то положеніе ихъ дитяти, прижитаго прежде съ другимъ лицомъ, ни чѣмъ въ сущности не отличается отъ положенія пасынка вообще. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и въ пересмотрѣнныхъ мною рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ къ имущественнымъ правамъ пасынковъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ относятся, повидимому, одинаково, но объ имущественныхъ правахъ рѣчь впереди. А вотъ разсказъ, сообщенный дивчыною, объ отношеніяхъ покрытки къ дитяти: „дивка прывела дитыну и сказала баби (повивальной), що хоче ту дитыну втопыть. Баба каже: добре, тильки якъ пійдешъ топыты, трейчы окрупысь, трейчы поцилуй дитыну въ губы и щички, погодуй ій, а тоди вже топы. Баба прыбрала дитыну. Пишла дивка до рички, зробыла все, якъ ій казано, та не топыла вже дитыны; вернулася зъ нею, а баба каже: а бачъ, суко,—свое дытя, та хтила стребыть“.

Объ обрядѣ *весильномъ*, чрезвычайно интересномъ и многократно описанномъ, я умолчу. Я хочу только указать на модификаціи въ одномъ изъ обычаевъ, переданныхъ стариной. Я говорю о брачной экспертизѣ, имѣющей въ виду провѣрить дѣвственность *молодой*. Если-бы было дозволено на основаніи общаго, такъ сказать, чутья жизненныхъ явленій извѣстной этнической группы, безъ болѣе спеціальныхъ соображеній, строить гипотезы о зарожденіи извѣстныхъ обычаевъ,—то я-бы сказалъ, что данный обычай при своемъ зарожденіи не имѣлъ въ виду данной провѣрки, что фактическій бракъ отличался отъ союза, признаваемаго обществомъ, только публичнымъ признаніемъ факта, какое и составляло его санкцію, откуда и зародились—при общей грубости нравовъ—публичное представленіе вещественныхъ доказательствъ совершившагося факта; что впослѣдствіи, подъ вліяніемъ другой культуры, данный обычай былъ утилизированъ въ интересахъ проповѣдываемаго ею ригоризма.

Такъ или иначе, но долгіе вѣка онъ держался въ смыслѣ присвоенія себѣ обществомъ права контроля надъ самыми интимными сторонами жизни единицъ, и то въ такой именно сферѣ

Библиотека "Руниверс"

явленій жизни индивидуума, которая не соприкасается, собственно говоря, съ интересами общества. Въ этомъ смыслѣ переданъ данный обычай и нашему времени, и потому мнѣ кажется очень интереснымъ вопросъ о модификаціяхъ его, совершающихся на нашихъ глазахъ.

Извѣстно, какія оскорбительные для молодой и ея родителей пѣсни и обряды передала данная традиція въ случаѣ, если весилья окажется *негарнымъ*. Но традиція эта слабѣетъ. Мнѣ случалось бывать на свадьбахъ, въ которыхъ молодая оказывалась недѣвственною. Въ послѣднее пятнадцати лѣтіе въ моей мѣстности я не встрѣчалъ подобныхъ пѣсенъ и обрядовъ; если какая нибудь болѣе выпившая баба по старой памяти пробовала *мурлыкать* пѣсню изъ даннаго цикла, то ее сейчасъ же *зацытькалы*. Обратно,—я видѣлъ усилія со стороны родителей и родственниковъ молодаго успокоить волненіе по этому поводу. На одной свадьбѣ молодая не допустила дѣла до выхода въ *комору* и тутъ же попросила прощенія у родителей молодаго. Этотъ исходъ, какъ ни тяжелъ онъ, или лучше такъ какъ онъ тяжелъ,—хвалится по традиціи и по ней-же устраняетъ дальнѣйшее обостреніе обряда. Мать сказала: „нехай тоби Богъ простыть; весилья одынъ день, а вамъ прыйдеться жыты ввесь викъ“ и благословеніе закончила словами: „перепросы людей“. И пошло это *перепрошуванья*, обращаемое ко всякому изъ присутствовавшихъ поочередно. Тяжелое впечатлѣніе обряда смягчалось однако значительно поведеніемъ публики; всѣ говорили въ успокаивающемъ тонѣ, но мое вниманіе особенно было занято великодушіемъ поведенія нѣкоторыхъ болѣе или менѣе давно замужнихъ женщинъ. „Отже жъ и я була така, а про те дай Боже усякій такъ прожыты, якъ я живу зъ своимъ“. Въ другомъ подобномъ случаѣ не были приняты мѣры подобной публичной исповѣди. Молодыхъ завели въ комору, а довольно многочисленная публика, преимущественно женская, оставалась въ хатѣ. Продолжительность отсутствія молодыхъ подсказывала публикѣ, что дѣло не клонится къ вывѣшиванію краснаго пояса на хатѣ. Родственники молодой видимо волновались, родственники же молодаго вели главнымъ образомъ разговоры, имѣющіе въ виду успокоеніе.

Библиотека "Руниверс"

„Це пусте—хиба мы не булы молодымы"—говорилъ почтенный старикъ, отецъ молодого. Въ подобныхъ разговорахъ и утонулъ вопросъ; публика мало по малу стала расходиться. Независимо отъ этого въ моей мѣстности начинаетъ усиливаться одинъ видъ обхода. Послѣ нѣкотораго времени удаленія—молодой заявляетъ кому надлежитъ о своей немощи въ данное время, молодая о своей дѣвственности, и далѣе идетъ весилья съ красными поясами, лентами и вообще со всей подобающей веселостью. Преданіе гласитъ, что устроеніе „гарнаго весилья" въ случаѣ если заявленіе молодой невѣрно—влечетъ за собою несчастіе для дома, но во многихъ по крайней мѣрѣ случаяхъ ни болѣе молодые, ни старики не придаютъ, очевидно, ему серьезнаго значенія. Я зналъ старика, отца новобрачнаго, который остроумно посмѣивался надъ мнимою немощью и вполнѣ спокойно устраивалъ гарне весилья. Случается и такъ, что болѣе стараго закала отецъ смущается долгимъ непредставленіемъ новобрачными вещественныхъ доказательствъ, сюда относящихся.

Рѣдко, но тѣмъ не менѣе бываютъ уже попытки не какими нибудь обходами, а просто, принципіально устранить изъ свадьбы весь данный обрядъ. Въ одномъ случаѣ отецъ новобрачнаго, когда дѣло по ходу свадебныхъ порядковъ приближалось къ данному обряду, заявилъ публикѣ, что она можетъ теперь расходиться. Въ публикѣ были недовольные, но старикъ настоялъ на своемъ. Я знаю случаи подобныхъ заявленій со стороны молодого. Въ одномъ случаѣ вышло нѣсколько комично, такъ какъ молодая, воспитанная въ данной традиціи, боясь подозрѣній, настояла на свершеніи обряда—съ результатомъ, разумѣется, желательнымъ по традиціи. Въ другомъ—обрядъ былъ устраненъ; правда, болѣе пожилыя родственницы молодого были имъ очень недовольны.

Такимъ образомъ мы видимъ по отношенію къ данному обряду и смягченіе суровости взгляда, обусловливающее его значеніе, и скептицизмъ, выражающійся въ разныхъ обходахъ и прямой протестъ. Обрядъ—къ чести развивающейся народной мысли—клонится, очевидно, къ упадку.

Библиотека "Руниверс"

Говоря все это—я имѣю непосредственно въ виду мою ближайшую мѣстность, но дѣло въ томъ, что преобразованія народнаго міровоззрѣнія идутъ, кажется, въ главныхъ чертахъ въ одномъ и томъ-же направленіи, но не съ одинаковою скоростью по отдѣльнымъ вопросамъ. Такъ, не выходя за предѣлы обитаемаго мною сквирскаго уѣзда, есть мѣстности, гдѣ данный обрядъ держится, повидимому, со всей суровостью. Однажды, во время сквирской сессіи окружнаго суда—подсудимая, желая указать на половую немощь мужа, настаивала въ вопросахъ, обращенныхъ къ бывшему весильному старостѣ, на то, что онъ долженъ былъ въ первую брачную ночь исполнить функціи, припадающія новобрачному. Свидѣтель смутился. Присяжные крестьяне подсмѣивались надъ его смущеніемъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ серьезно, что ему нечего смущаться, что „у насъ такій законъ“, что въ случаѣ надобности весильный староста долженъ „добуть весилья“. Въ ближайшей моей мѣстности я разспрашивалъ стариковъ, бываетъ-ли или бывало-ли у насъ что нибудь подобное—они отвѣчали отрицательно.

Ѳ. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

УКРАИНСКІЕ ЮМОРИСТЫ И ШУТНИКИ.[1]

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Юмористовъ и шутниковъ на Украинѣ называютъ штукарями. Штукарями называютъ и шутниковъ-юмористовъ, сопровождающихъ свой разговоръ жартами, т. е. непрерывными шутками и прибаутками, и такихъ людей, которые выражаютъ свои жарты въ дѣйствіи: въ шутливой мимикѣ, передразниваньи знакомыхъ, въ импровизаціи цѣлыхъ комическихъ небольшихъ сценъ собственнаго изобрѣтенія, смотря по настроенію духа, по неожиданному наитію творчества въ изобрѣтеніи комическихъ положеній.

Намъ приходилось встрѣчаться съ штукарями первой и второй категоріи въ деревняхъ каневскаго уѣзда кіевской губерніи. То были люди, выросшіе въ народныхъ преданіяхъ, люди, несомнѣнно вышедшіе изъ среды народа. Всѣ они были выразителями народнаго юмора, кроющагося во всѣхъ изгибахъ ума и фантазіи истаго украинца, юмора природнаго, такъ сказать непочатаго, дѣвственнаго, еще не стертаго и не видоизмѣненнаго налетомъ городской цивилизаціи.

Мы ограничимся краткою психологической характеристикой извѣстныхъ намъ штукарей. Припомнить подробно всѣ ихъ штуки положительно нѣтъ никакой возможности. Ихъ разговоръ былъ непрерывно испещренъ шутками и прибаутками. То былъ не разговоръ, а какой то непрерываемый фейерверкъ разноцвѣт-

[1]) Переводъ съ малороссійской рукописи.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ огней, искрящійся, сыплющій то блестящими звѣздами, то струями, то бьющій фонтаномъ разноцвѣтныхъ струй. Разговоръ штукарей былъ разговоръ живой, всегда веселый, жизненный, непринужденный, не закованный въ формы условной натянутости, не стѣсненный никакими условными формами. Душа выливалась какъ она есть, какъ она создана, во всей простотѣ и непосредственности, какъ выливается пѣсня соловья, щебетанье ласточки, какъ вылилась пѣсня народная изъ души чернобровой дивчыны, или пришибленнаго горемъ, но веселаго, несокрушимаго духомъ, гордаго и независимаго козака-запорожца.

Припоминается мнѣ личность одного изъ такихъ штукарей В. А... Мнѣ приходилось встрѣчать его нѣсколько разъ въ обществѣ по селамъ. Онъ служилъ въ канцеляріяхъ сахарныхъ заводовъ въ каневскомъ и черкасскомъ уѣздахъ. Въ одномъ домѣ собралось уже довольно много гостей. Пріѣзжаетъ въ гости господинъ среднихъ лѣтъ. Входитъ онъ въ гостинную медленной походкой, идетъ какъ то вяло, едва передвигая ноги. Лицо его продолговатое, обрамленное черными волосами. Говоритъ онъ медленно, даже немножко заикаясь. Всѣ тѣлодвиженія его лѣнивы, медленны. На лицѣ выражается равнодушіе, но черные глаза свѣтятся, блестятъ: въ нихъ видѣнъ умъ; они какъ то пронизываютъ человѣка насквозь, какъ будто заглядываютъ въ вашу душу. Онъ смотритъ пристально вамъ въ глаза и какъ будто наблюдаетъ, изучаетъ васъ. Прислушиваясь къ разговорамъ окружающихъ его лицъ, онъ улыбается едва замѣтною улыбкой: улыбаются какъ будто только углы его рта, слегка подвинутые внизъ. При этой улыбкѣ въ глазахъ просвѣчиваетъ тонкая хитрость человѣка, который, какъ говорится, себѣ на умѣ.

Гости съѣхались. Начинается общій разговоръ. А... какъ будто съ неохотой принимаетъ участіе въ разговорѣ. Онъ не рѣчистъ, говоритъ медленно, слегка заикаясь. Подаютъ чай. Разговоръ въ обществѣ дѣлается болѣе оживленнымъ. А... какъ будто пробуждается, немного оживляется. Въ его короткихъ, почти лаконическихъ фразахъ изрѣдка прорываются искорки юмора, легкія шуточки, вызывающія улыбку на устахъ собесѣдниковъ.

Библиотека "Руниверс"

— И пришла же охота шутить этому сонливому человѣку, да еще заикѣ: къ шуткамъ то у тебя, кажется, таки совсѣмъ *хысту нема*; и берется же человѣкъ не за свое дѣло!—думаешь бывало, услышавъ въ первый разъ его покушеніе пошутить.

Однако скоро убѣждаешься, что въ немъ именно и есть этотъ *хыстъ* къ шуткамъ. Послѣ чаю его шутка слышится все чаще и чаще; она становится все удачнѣе, острѣе, дѣлается меткою. За ужиномъ А... овладѣваетъ уже вниманіемъ всего общества. Его кратко выраженныя, лаконическія шутки сыплются одна за другою. Его только и слушаютъ, и поддерживаютъ съ нимъ разговоръ только для того, что бы дать ему матеріалъ для юмора, задѣть его. Бойкія шутки брызжутъ фонтаномъ. Поднимается хохотъ. Его шутки возбуждаютъ смѣхъ у самыхъ серьезныхъ людей, рѣдко смѣющихся и не любящихъ шутокъ. Его юморъ—какая то всепобѣждающая сила: онъ заразителенъ и противостоять ему нѣтъ возможности. А между тѣмъ самъ юмористъ не смѣется, даже не улыбается. Онъ невозмутимо спокоенъ, и только усиливающійся блескъ его черныхъ глазъ свидѣтельствуетъ о напряженіи творческой дѣятельности его ума. А... даетъ смѣшной оборотъ своимъ фразамъ, представляетъ все въ смѣшномъ, но не каррикатурномъ видѣ. Но его юморъ все таки легкій, не глубокій. Онъ лишенъ сатирическаго оттѣнка, лишенъ горечи гоголевскаго юмора, прикрытаго сладостью смѣха. Онъ шутитъ, никого не задѣвая, не касаясь ничьихъ недостатковъ, никого не осмѣивая.

Припоминаю другаго штукаря, тоже уроженца Каневщины: то былъ Костецкій, діаконъ въ мѣстечкѣ Корсунѣ каневскаго уѣзда. Мнѣ часто приходилось встрѣчать его въ то время, когда онъ былъ уже человѣкъ въ силѣ, сорокалѣтній мужчина. Онъ былъ высокаго роста, строенъ, какъ тополь, немного худощавъ, съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, съ темными блестящими глазами; взглядъ его тихій, спокойный; тѣлодвиженія изящны, медленны. Говорилъ онъ медленно, не спѣша, какъ бы обдумывая каждую сказанную фразу. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ, былъ игривъ, его любили и уважали въ окрестности. Его юморъ ровный, постоянный. Онъ постоянно шутилъ и въ

Библиотека "Руниверс"

гостяхъ, и дома: подтрунивалъ надъ собою, надъ женою, шутилъ съ своими и чужими наймытами, крестьянами; отпускалъ жарты, разговаривая съ евреями, задѣвалъ шутками паничей, не щадилъ и панянокъ. Онъ разсыпалъ свой жартъ направо и налѣво, и во всѣ стороны, куда попало. Юморъ его всегда лился ровно и непрерывно, какъ несетъ свои воды ровнымъ теченіемъ тихая рѣка. Относительно стариковъ и старшихъ его жарты были вѣжливы, почтительны; съ молодожью онъ былъ не слишкомъ церемоненъ: жарты его часто были глубоки, часто отзывались колкостью сатиры, но всегда были выражены въ такой смѣшной формѣ, что уколъ шиповъ его сатиры прикрывался какъ бы листьями и розами, и тотъ, на кого были направлены его стрѣлы, чувствуя уколъ и опуская глаза, все таки долженъ былъ смѣяться и извинять юмористу ради смѣха, или даже ради улыбки, вызванной штукаремъ. Бывало чуть только гости въ чьемъ нибудь домѣ увидятъ въ окно, что во дворъ въѣзжаетъ бричка о. Костецкаго, всѣ бросаются къ окнамъ, у всѣхъ на устахъ появляется улыбка. Молодежь выходитъ на крыльцо встрѣчать К., предугадывая, что уловитъ какой нибудь жартъ, такъ сказать, на лету, пока К. войдетъ въ комнаты. И надежда не обманываетъ *паничей* и *паннивъ*. Вотъ К. пріѣхалъ съ своей женой. Жена его чистый контрастъ со своимъ мужемъ: она полна, почти толстуха, тяжела, хотя не вяла. Костецкій легко спрыгиваетъ съ довольно высокаго *богуславського возка*, но жену его затрудняетъ высота возка и отсутствіе подножки. К. беретъ подъ руки и снимаетъ съ воза свою тяжеловѣсную половину. При этомъ онъ усиленно и, конечно, искусственно *кряче*.

— Ой, паничи! не берить соби такихъ гладкихъ жинокъ, якъ моя, бо пидвередитесь колысь на вику, якъ и я оце пидвередився, бо жинка,—бачте, таке дило, що, здаеться, його й Богъ сотворивъ на те, що бъ пидвередить чоловика. Якъ будете брать соби жинокъ, то берить такихъ, щобъ поставыть на долоню та тилькы дмухъ, а вона й полетыть. А то вы таки шукаете паннивъ важкенькихъ... часомъ, якъ казала маты сынови: беры, сынку, хочь козу, абы зъ золотыми рогами...

Библиотека "Руниверс"

Костецкій спокойно посматриваетъ на паничей. Паничи улыбаются, опуская глаза; панны хохочутъ. Отецъ діаконъ направляется къ крыльцу. Вдругъ черезъ тынъ перескакиваетъ Рябко и, почуявъ чужаго человѣка, бросается чуть не подъ ноги отцу діакону съ ревностью сельскихъ злющихъ собакъ. Отецъ діаконъ преспокойно обращается съ рѣчью къ Рябку.

— Та годи вже, годи! вже показавъ, що зъ тебе добрый наймытъ. Оце расходывся! Выдно, добри гроши берешъ въ хозяина... Годи вже, годи! Панычи! вынесить ему чарку горилки за ревность и усердіе.

Отецъ діаконъ продолжаетъ путь. Рябко, по мѣрѣ приближенія гостя къ крыльцу, удваиваетъ свое усердіе и наровитъ схватить его зубами за сапогъ.

— Жартуй бо, чоловиче, та и миру знай,—обращается опять съ рѣчью къ Рябку отецъ діаконъ. Но Рябко приходитъ въ неописанную ярость: выставляетъ свои челюсти и острые зубы до самыхъ десенъ и приподнимаетъ черныя губы. Наконецъ, Рябко хватаетъ отца діакона за полу рясы. Отецъ діаконъ въ одинъ мигъ схватываетъ стоящее у крыльца коромысло и ловко потчуетъ Рябка по спинѣ. Собака отпрыгиваетъ съ визгомъ.

— Ай, ай! або болыть! каесся, а лыхо робышъ,—говоритъ Костецкій, входя по ступенькамъ на крыльцо и шутливо поддерживая подъ руку свою супругу, притворно покрякивая какъ бы отъ безмѣрной тяжести, поднимаемой съ страшной натугой въ гору.

Отецъ діаконъ цѣлуется съ паничами. Перецѣловавшись съ цѣлымъ рядомъ непрекраснаго пола, онъ подаетъ руку первой стоящей въ ряду кавалеровъ дѣвушкѣ и протягиваетъ къ ней губы, изъявляя поползновеніе поцѣловаться и съ ней. Дѣвица отпрянула головой и бюстомъ назадъ и покраснѣла.

— Охъ, выбачайте! трохи не поцилувався и зъ вамы за гуртомъ. За гуртомъ и жидъ повисывся, спокойно говоритъ отецъ діаконъ.

Гость съ женой входитъ въ комнату. За нимъ вслѣдъ направляется вся молодежь, провожая его, словно почетная свита.

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ! — изрекаетъ отецъ діаконъ привѣтствіе въ древнемъ стилѣ—прыкыньте, хо-

Библиотека "Руниверс"

зяине, плату своему Рябкови. Наймытъ зъ ёго добрый: покусавъ мою рясу.

— Хвалыть Бога, що не васъ,—отвѣчаетъ хозяинъ,—роздягайтесь, тай будете нашимъ гостемъ.

— Колы втырывся въ хату, та ще й непроханый, то вже нигде дитысь: буду гостемъ,—отвѣчаетъ отецъ діаконъ,—де храмъ, то й мы тамъ.

Въ мѣстной церкви былъ храмъ. Въ прежнее время на храмовой праздникъ гости пріѣзжали къ мѣстному священнику и дьячку еще съ утра, чтобы побывать въ церкви на богослуженіи. Послѣ богослуженія, естественно, всѣ отправлялись къ батюшкѣ на обѣдъ, такъ какъ *громадськый* обѣдъ для духовенства и нищихъ совершался на слѣдующій день. Отецъ діаконъ, отслуживъ въ Корсунѣ обѣдню довольно поздно, не поспѣлъ къ богослуженію, за то попалъ какъ разъ на обѣдъ. Въ Корсунѣ, большомъ мѣстечкѣ, богослуженіе совершается на городской ладъ, а не по деревенскому обычаю, съ восходомъ солнца.

Въ столовой накрыты столы, все приготовлено къ обѣду. Хозяинъ дома приглашаетъ отца діакона въ столовую.

— Ого! жива теща! Зъ обида та зновъ на обидъ! Оце лышенько! Але... черево—не дерево! роздается,—восклицаетъ гость.

— Хвалыть Бога, що жива ваша теща,—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Жива, жива, нигде правды диты, та ще й огнемъ жегома,—отвѣчаетъ отецъ діаконъ.

Гостямъ невозможно удержаться отъ улыбки даже въ присутствіи дочери этой тещи: теща извѣстна во всей окружности; она, дѣйствительно, жгома огнемъ, да еще не простымъ, а настоящимъ пекельнымъ. Огонь ея пылалъ и распространялся на весь каневскій уѣздъ и даже на сосѣднюю часть звенигородскаго и черкасскаго.

— А мы неначе зналы, що у васъ дви диркы за столомъ, тай думаемо зъ жинкою: поидемо та позатыкаемо собою ти диркы,—говоритъ отецъ діаконъ.

Хозяинъ дома приглашаетъ гостей садиться за столъ. Гостей много, порожнихъ дирокъ даже за двумя столами не оказалось. Молодые панычи толпились кучею вокругъ другаго стола.

Библиотека "Руниверс"

— Тисненько! нигде правды диты. Якъ же то мы, жинко, вмостымось оце за столомъ? Пидъ насъ двохъ, пане господарю, прошу тры стильци: одынъ пидъ мене, а два пидъ жинку,—говоритъ отецъ діаконъ, опустивъ стыдливо глаза.

— Достанемо й тры тильки сидайте; знайдемо мисце.

За вторымъ меньшимъ столомъ толпились паничи; они едва усѣлись вокругъ стола; ихъ плечи и головы какъ бы обвиваютъ столъ плотною гирляндою. Между ними были и чиновники каневскаго духовнаго правленія, и служившіе въ корсунскомъ станѣ. Отецъ діаконъ устремляетъ свои спокойные глаза на этотъ столъ. Онъ туда *шпурляе* жартъ—бомбу чуть не орсиніевскую: съ молодежью онъ не особенно церемонится.

— Ото густо крючкивъ (крючками называютъ чиновниковъ разныхъ канцелярій). Неначе въ тисни бабы грають! Вы бъ, пане господарю, повишалы тихъ крючкивъ на крючкахъ, або на килкахъ, то може бъ и въ хати було бъ просторнише и на цимъ свити чыстише... отпускаетъ онъ сатирическій жартъ по адресу другаго стола.

И крючки, и всѣ гости смѣются, но нѣкоторымъ крючкамъ было не по себѣ. Взяточничество тогда было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Отцу діакону случалось собственнымъ носомъ нюхать этотъ букетъ дурману и блекоты въ цвѣтущую пору произростанія этихъ цвѣтовъ. Отецъ діаконъ таки порядкомъ не долюбливаетъ крючковъ. Хозяинъ дома предлагаетъ гостямъ предъ обѣдомъ по чарци. Очередь пить по чарци доходитъ до отца діакона. Выпивъ рюмку, онъ дѣлаетъ легкую гримасу.

— Ой, горилко! якъ таке паскудство пьють ти пьяныци? А чи не можна, пане господарю, ще по другій? Бо.... цего паскудства якъ выпьешь одну, то й другои схочется,—говоритъ отецъ діаконъ.

Онъ шутитъ: отъ другой чарки онъ положительно отказывается.

— Закусуйте-жъ, отецъ діаконъ! Берить пырога,—проситъ хозяинъ дома.

— Ой, вже мени ци пыроги... обидови ворогы. Ззисы пырогивъ, до борщу й не доторкуйся. А дайте мени найменьшій, чи то правда,—самого найбильшого,—говоритъ отецъ діаконъ.

Библиотека "Руниверс"

Однако въ его словахъ видѣнъ только жартъ—контрастъ: онъ отрѣзываетъ только половину пирога и закусываетъ. Хозяинъ, шутя, предлагаетъ по чарци и паннáмъ. Панны отказываются и жеманятся: потупляютъ глаза и улыбаются. Отецъ діаконъ и въ нихъ пускаетъ жартъ—хлѣбный шарикъ.

— При людяхъ не пьемо, а за дверыма по одній стукъ!

Между сидѣвшими паннами дѣйствительно было двѣ не молодыхъ, вполнѣ старосвѣтскихъ, которыя *за дверыма* стукалы не то, что *по одній*, а часомъ и по три и того болѣе. Гости знали объ этомъ. Очевидно, зналъ объ этомъ и штукарь—діаконъ. Рядомъ съ отцемъ діакономъ сидитъ старушка капитанша, беззубая, хилая. Она слишкомъ долго и медленно ковыляетъ своими беззубыми челюстями и оканчиваетъ свою порцію послѣ всѣхъ, когда уже всѣ перестаютъ ѣсть. Отецъ діаконъ пускаетъ и въ беззубую капитаншу жартомъ—шарикомъ, правда, маленькимъ, премаленькимъ.

— Еге, мамо! А вы ще и доси жуете: комъ-комъ—було-бъ двомъ, а вы й самы поилы,—говоритъ онъ капитаншѣ, которая едва одолѣваетъ кусочекъ жаркого.

Запасы его жартовъ неистощимы. Онъ разсыпаетъ ихъ въ теченіи обѣда, вмѣшиваясь въ разговоръ, отвѣчая на всякіе вопросы. Взрывъ хохота слышенъ ежеминутно. А между тѣмъ самъ Костецкій и не улыбнется. Смѣхъ, хохотъ вовсе несвойственъ ему. Кажется, по капризному жарту самой природы, онъ совсѣмъ лишенъ смѣха. Смѣхъ, хохотъ перешелъ въ его юморъ, воплотился въ его меткомъ словѣ и застылъ на кончикѣ языка, не достигнувъ до органовъ, выражающихъ наглядно смѣхъ и хохотъ. На видъ онъ постоянно и неизмѣнно солиденъ, серьезенъ. Жарты его не многорѣчивы, отрывочны, часто лаконичны, но метки въ краткости: онъ словно молоткомъ стукнетъ разъ, два—и готово.

Вотъ обѣдъ оконченъ. Костецкій крестится и благодаритъ: онъ уже пускаетъ въ себя бомбу-жартъ-самокритику:

— Спасыби Господеви милосердному, що мы, дармоиды, васъ, хозяине, обпылы та объилы. Дай Боже, и на будущій рикъ цего диждаты. А вы, хлопци-молодци, кажить: дай Боже!—обращается онъ заключительными словами колядниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Паничи, шутя, подхватываютъ этотъ жартъ и громогласно взываютъ совершенно какъ колядники:

— Дай, Боже!

Жарты наэлектризовали и ихъ. Одинъ смѣльчакъ изъ паничивъ „выхвачуеться“.

— За те й мы прыйдемо до васъ, объимо та обпьемо.

— Еге-жъ; колы мене не жаль, дочки нема, — бросаетъ отецъ діаконъ, бомбочку—жартъ въ смѣлаго панича:—хиба до моеи огнемъ жегомои... тоди пиде шкурка за вычынку, ще и зъ процентомъ...

Паничи улыбаются, но чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи. Имъ не чуждо злоупотребленіе гостепріимствомъ отцовъ семействъ въ качествѣ жениховъ.

Жарты отца діакона продолжаются безпрерывно и послѣ обѣда. Гости группируются вокругъ него; молодежь держится въ недалекомъ отъ него разстояніи, чтобы слушать его жарты. Къ вечеру онъ собирается домой и его провожаетъ та же многочисленная свита на ганокъ и до брычки.

Всю жизнь не истощались жарты въ этомъ типичномъ человѣкѣ. Огонь остроумнаго юмора не угасалъ въ немъ до смерти. *Давно это дiялось: ще якъ баба дивкою була!* Мы припоминаемъ только нѣкоторые мимолетные его жарты, потонувшіе въ туманѣ прошлаго, давняго времени. Говорятъ, когда Костецкій почувствовалъ себя плохо и понялъ, что смерть его за плечами, то и этотъ тяжелый моментъ закончилъ еще жартомъ:

Въ памяти моей возстаетъ еще одинъ типъ каневскаго штукаря въ словахъ; типъ самый симпатичный. Это былъ В. Е. Онъ въ молодости состоялъ чиновникомъ, не помню, въ Каневѣ или въ Кіевѣ. Это былъ типъ штукаря-весельчака и *реготуна*. Какъ живой стоитъ онъ и теперь передъ моими глазами. В. Е. изъ тѣхъ типичныхъ личностей, которыхъ никогда не забудешь. Ни время, ни тревоги жизни не посмѣютъ изгладить изъ памяти этотъ оригинальный, глубоко-симпатичный образъ. Онъ былъ небольшаго

Библиотека "Руниверс"

роста, но довольно полный, словно налитой. Формы его округлены. Круглая голова съ короткой шеей словно лежитъ на плечахъ. Онъ блондинъ съ голубыми, чисто бирюзовыми глазами, съ полными, извилистыми губами, изъ подъ которыхъ вѣчно блестятъ мелкіе, густые и бѣлые зубы. Волоса чуть чуть золотистые и кудрявые, щеки румяные, точь-въ-точь, какъ у амуровъ и купидоновъ, изображаемыхъ на картинахъ. Онъ весь какъ будто созданъ изъ веселья и смѣха. Только и слышно его: хи-хи-хи, перемѣшанные съ веселыми рѣчами. Когда онъ смѣется, то закидываетъ голову назадъ, глаза свѣтятся радостью, нѣгою, бѣлые зубы блестятъ какъ два ряда перловъ, слова льются въ перемежку со смѣхомъ; грудь его дрожитъ, золотистые кудри дрожатъ; дрожитъ, кажется, каждый мускулъ его полнаго, брызжущаго здоровьемъ лица, его полныхъ плечъ; дрожитъ каждая жилка, каждый нервъ этого нервно-веселаго организма. Смѣхъ его нервенъ, заразителенъ. Онъ васъ магнетизируетъ, заражаетъ. Слушая его смѣшные разговоры, разсказы и анекдоты, нельзя никакими силами удержаться отъ смѣха. Кажется, и мертвый засмѣялся бы, какъ у насъ выражаются, слушая его разсказы, слыша его веселый *регитъ*. Его жартъ легкій, не глубокій, часто лишенный глубокой сатиры, безобидный. Онъ никого прямо не задѣваетъ своими жартами. Горечь и полынь несвойственны ему, не гармонируютъ съ его веселымъ смѣхомъ. Онъ только смѣется и рѣдко осмѣиваетъ; онъ мастеръ все представить въ смѣшномъ видѣ, вездѣ найти смѣшную сторону, ловко подмѣтить ее и еще ловче передать все въ смѣшномъ видѣ, въ веселомъ комическомъ тонѣ. Разсказывая о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ крестьянами, съ евреями, съ помѣщиками и разными панками, разсказывая о какомъ-нибудь приключеніи съ собою или кѣмъ-нибудь другимъ, онъ всегда представитъ все въ смѣшномъ видѣ, хотя не карикатурномъ. Каррикатура чужда этому граціозному смѣху. В. Е. былъ какимъ-то воплощеніемъ смѣха и веселости. Что-то радостное, живое, какъ сама жизнь, было разлито во всемъ существѣ этого человѣка. Когда онъ входилъ въ комнату, переступая порогъ, на его румяномъ лицѣ, на золотистыхъ кудряхъ какъ будто свѣтился лучъ солнца. Природа положила на немъ эту

Библиотека "Руниверс"

печать, и онъ какъ будто былъ посланъ межъ людей веселить и тѣшить среди ихъ заботъ и хлопотъ. Его смѣхъ звонкій, серебристый, частый. Смѣется онъ, словно серебряный колокольчикъ звенитъ, словно горошкомъ сыплетъ. Его непрерывный, радостный смѣхъ освѣжалъ всѣхъ, какъ веселое журчаніе ручья освѣжаетъ раскаленный воздухъ въ горячую лѣтнюю пору. Его заразительный смѣхъ веселилъ всѣхъ, какъ неожиданно прорвавшійся изъ мартовскихъ тучъ лучъ весенняго солнца, упавшій на черную, мрачную землю и обратившій къ золото глинистыя кручи и провалья, обратившій въ серебро полосы бѣлаго побережнаго песку, превратившій мутную воду рѣки въ чистый хрусталь. Какъ бы на радость людямъ посланы эти глубоко-симпатичные, веселые люди! Эхъ, греки, греки! не знали вы этого веселаго смѣха, заразительнаго реготу! Не знала ваша фантазія бога смѣха и реготу. Вы создали дивный Олимпъ съ богами, прелестный, чудный! Но его прелесть—это прелесть плоти, а не духа. Есть пробѣлъ въ вашемъ пышномъ созданіи... Есть „дирка“ за столомъ боговъ, пировавшихъ на вашемъ Олимпѣ. И, живи я въ вашъ вѣкъ, я посадилъ бы въ эту дирку за вашимъ столомъ корсунскаго отца діакона и рядомъ съ нимъ для компаніи его сжигаемую пекельнымъ огнемъ тещу, превзошедшую самую Медузу. Отецъ діаконъ бросалъ бы въ васъ такіе перуны-жарты, отъ которыхъ Олимпъ треснулъ бы по всѣмъ направленіямъ, а его теща поднесла бы богамъ подъ носъ такой мицной табаки, отъ которой безсмертные боги убѣжали бы въ тартаръ или въ крайности, въ отчаяніи переселились бы на кіевскую лысую гору. Вы, греки и римляне, создали боговъ домашняго очага, боговъ печи, чуть не создали боговъ макогона и рогача, боговъ сковороды и макитры и... прозѣвали боговъ смѣха и реготу. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, улыбки фавновъ и сатировъ? Это застывшая глупая улыбка природы, улыбка лѣса, рощи въ знойный день, глупый животный смѣхъ комнатной собачки, которую почесали подъ ушкомъ или погладили по спинкѣ. Грѣхъ вамъ греки, за этотъ пробѣлъ въ олицетвореніи и выраженіи въ чудныхъ изящныхъ формахъ силъ

Библиотека "Руниверс"

духа. Вашу всесвѣтную ошибку исправилъ вполнѣ и съ достоинствомъ великій бриттъ—Шекспиръ. Однако мои волы вмѣсто *собъ* взяли *цабе* и свернули съ битаго шляху. Пожалуй, еще надѣлаютъ *патолочи*, попадутся въ *спашу* и очутятся въ *займани*... а строгій волостный сдеретъ съ насъ двойной штрафъ, конечно, положивъ его въ свой собственный карманъ, предварительно подѣлившись съ прожогою—волостнымъ писаремъ, и пропьетъ въ шинкѣ.

Съ лѣтами онъ сталъ полнѣть, и его полные плечи, грудь все также замѣтно дрожатъ отъ безпрерывнаго смѣха; дрожитъ отъ смѣха закинутая голова, дрожатъ золотистые локоны на плечахъ. Онъ не можетъ не выполнять своего назначенія—весело разсказывать и... еще веселѣе смѣяться. Неизгладимо врѣзался въ моей памяти одинъ разсказъ его о своей ссорѣ съ мѣстнымъ помѣщикомъ—паномъ П. Домъ, В. Е. былъ старъ и съ виду скорѣе похожъ на корчму или на жидовскій *заиздъ* (гостинницу), чѣмъ на порядочное обиталище. Помѣщикъ былъ обязанъ починять квартиру. Но помѣщикъ П. совсѣмъ не обращалъ вниманія на запустѣніе квартиры В. Е., похожей на ободранный сарай. В. Е. нѣсколько разъ жаловался начальству. Администраторъ, отъ котораго зависѣло это дѣло, посылалъ предписанія, но и предписанія не дѣйствовали. И вдругъ... этотъ администраторъ во время объѣзда является въ деревню. Квартира В. Е. поразила его. Онъ былъ нервенъ, вспыльчивъ и велѣлъ пригласить помѣщика. Помѣщикъ явился.

— Ты почему не строишь дома? — обратился къ П. раздосадованный администраторъ. — Развѣ я не писалъ тебѣ предписаній? Смотри же мнѣ! Я ѣду въ Богуславъ и буду тамъ ночевать. Догоняй меня и представь смѣту и поручительство, что домъ будетъ немедленно построенъ. Слышишь?

Панъ П. растерялся, поблѣднѣлъ и едва попалъ въ выходную дверь. Форма обращенія на „ты“, самый тонъ изумили его и задѣли амбицію.

— Мій панъ П., почувши таку рацею, постоявъ коло порога и насылу потрапивъ въ двери, зачепившись носомъ объ одвирокъ, сивъ въ экипажъ, тай поихавъ до дому. Прыизжае

Библиотека "Руниверс"

винъ у свій двиръ, злизъ зъ экипажа, тай до дверей не дійшовъ. Ой-ой-ой! ажъ стогне винъ; насылу дочалапавъ до прызьбы коло пекарни тай сивъ. Ой-ой-ой! все ойкае та важко дыше, взявшысь рукамы за колина. Такъ разсказывалъ В. Е.—„Грыцьку, каже винъ до погоныча, скажи ты мени, будь ласкивъ, що то таке за птыця?“ — „А хиба-жъ я знаю!“, отзывается Грыцько. — „Чы мае винъ яке право казать мени — ты? Винъ тыкавъ на мене, чи мае винъ таке право?“—„А Богъ его зна! Колы казавъ, то певне мае право“, отвѣчаетъ Грыцько. Панъ П. былъ старъ, вдовъ, не имѣлъ дѣтей. Ему, очевидно, не было съ кѣмъ душу отвести.—„Я панъ зъ дида, зъ прадида, зъ прапрадида. Може двисти, трыста, може тысячу литъ на мій ридъ нихто не тыкавъ. А це хтось прыихавъ, держыть мене коло порога на ногахъ, не посадывъ мене и тыкае на мене. „Охъ, охъ, охъ!“ все стогне панъ П. Вставъ винъ съ прызьбы, вхопывся обома рукамы за черево, тай понисъ свое важке черево въ покои; мабуть обида потрапыла ему въ черево та може й зашкодыла, разсказывалъ В. Е.

А писать бумагу и летѣть въ Богуславъ было неизбѣжно нужно. Панъ П. это чувствуетъ. Онъ пишетъ бумагу и отправляется въ Богуславъ и... потомъ немедленно приступаетъ къ постройкѣ дома.

За то панъ П. не остался въ долгу передъ В. Е. По вѣрѣ и по духу полякъ, но по крови и по характеру истый сынъ Украины, да при томъ тоже изъ штукарей, онъ „вструхнувъ штуку“ и В. Е.

— Разъ сыжу я въ своій новій хати, разсказывалъ В. Е., колы чую,—катерынка грае. Грае, тай грае, але десь далеко, нибы за церквою. Прислухуюсь я; катерынка грае якось чудно: якъ разъ якъ двери зъ моеи коморы запыщать самою высокою дыскантовою нотою, та зъизджають помаленьку ажъ на баса, щей гепнуть на кинци, та щей съ прытыскомъ. Оце, думаю, Богъ занисъ въ село якогось нимця. Выйду на часокъ та зъ нудьги послухаю, думаю я. Выхожу; колы чую—ажъ то свыня кувикае. Дывлюсь, ажъ прозъ мій двиръ помалесеньку, неначе молоду зъ перезвою, везуть на вози мою рябу свыню. Коло воза паньски

Библиотека "Руниверс"

наймыты. Посадылы мою свыню на задни ноги якъ собаку, а спыною прывязалы до крыжовныци. Крычыть свыня, ажъ рыло въ гору до неба задерла, неначе собака вые. А я стою та регочусь. Свыня крычала, крычала, тай зъ голосу спала; вже не кувикае, а мекае, якъ коза,—та скиглыть, якъ собака.—„Спасыби панови за кумедію, кажу я до паньскихъ наймытивъ; ще зъ роду не бачивъ, щобъ свыня сыдила на вози на заднихъ ногахъ, а теперъ побачивъ на свои очи, за це вартъ й гроши заплатыты".

Панъ П. мстилъ В. Е. по штукарски: поймавъ свинью его въ спашу на своемъ лану, онъ велѣлъ торжественно и съ особенной церемоніей провезти ее мимо враждебнаго двора В. Е., приказавъ посадить ее на возу въ комической, совсѣмъ не свиной позѣ. Бѣда не велика, если свинья помучится. Давніе штукари Потоцкіе, Каневскіе продѣлывали штуки еще похуже и надъ живыми людьми, и то сходило съ рукъ.

— Посылаю я до пана наймыта зъ выкупомъ за свыню, разсказывалъ В. Е.—„Нехай пише прошеніе на мене про свою свыню", каже П. до наймыта. Адже-жъ мусывъ я черезъ его пысаты бумагу, ажъ чубъ мени ставъ мокрый.—„Колы такъ, то нехай панъ взисть мою свыню, кажу я до наймыта, а бумаги пысать я не буду, бо одъ тыхъ бумагъ и въ мене чубъ стае мокрый. Иды та такъ и скажи панови. Колы дывлюсь, другого дня бижить моя ряба свыня въ мій двиръ ажъ пидскакуе, мабуть рада, що вырвалась зъ неволи. А що, думаю, прокаталась въ экипажи за прогуляння на панськихъ бурякахъ! Ото знай, що де два бьются—третій не мишайся, бо третему найгирше достается".

Такъ ли происходило дѣло со всѣми его смѣшными подробностями, сказать навѣрное не могу. Во всякомъ случаѣ фактъ этотъ былъ извѣстенъ во всей окружности, и веселый В. Е. умѣлъ передать неподражаемо въ смѣшномъ видѣ подробности происшествія. Разсказъ переходилъ, такъ сказать, черезъ его темпераментъ, былъ пропущенъ чрезъ призму его творчества и получалъ радужную, веселую окраску. И все это приправлено было непрерывнымъ звонкимъ смѣхомъ съ веселымъ настроеніемъ духа,

Библиотека "Руниверс"

что дѣлало разсказъ вдвое интереснѣе. Появляется В. Е. у кого нибудь въ гостяхъ, онъ вноситъ съ собою веселость, дѣлается центромъ вниманія, особенно если случится двѣ—три особы веселыя, способныя поддержать его штукарское творчество. Тогда его штукарство брызжетъ фонтаномъ, шумитъ непрерывнымъ каскадомъ, пѣнится, какъ шампанское. Разсказъ идетъ за разсказомъ то о сосѣдяхъ панахъ, то о крестьянахъ, то о евреяхъ и цыганахъ.

Однажды владѣлецъ одного очень маленькаго сосѣдняго приселка, уже не молодой паничъ, отправился за границу и даже для чего то побывалъ въ Англіи, вѣроятно, потому, что страстно любилъ лошадей и верховую бѣшеную ѣзду. Возвратившись изъ Англіи, этотъ паничъ влюбился въ англійскій спортъ и ради оригинальничанья, началъ изображать изъ себя англичанина—спортсмена.

— Напявъ на себе якесь куце кепи съ козырькомъ вгору до неба, надивъ цыганьську курточку, натягъ узеньки штанци тильного цвита та батфорты съ довгыми халявамы, тай гоняе по поляхъ та хуторахъ,—разсказываетъ бывало В. Е.,—ему, мабутъ, все здавалось, що винъ не въ Перетенчыцяхъ, а десь въ Лондони. Побачылы люде таке дыво тай пытають въ мене: „Що то сталося съ панычемъ? Поки не йиздывъ за граныцю на тепли воды, то ходывъ якъ уси люде: въ штанахъ и шапци, а якъ побувавъ за граныцею, то ставъ йиздыть, пробачайте, безъ штанивъ. Чы то воно такъ ходять тамъ на тихъ теплыхъ водахъ, чи що?“—„Прыдывиться, люде добри, лучче, говорилъ В. Е., то таки на йому штаны, тильки загранычни—дуже влыплы“.—А панокъ и справди часомъ було натягне на себе червону курточку до пояса, тай гоняе по ланахъ, неначе коза-дереза пивъ бока луплена... А въ пояси неначе облупленый, а одъ пояса неначе свитыть гнилымъ тиломъ“,—говорилъ В. Е.

Въ то время пошла мода на фортепіано. В. Е. купилъ и себѣ клавикорды и началъ учить свою дочь играть на нихъ. На вечерахъ молодежь плясала до упаду подъ звуки этихъ несчастныхъ клавикордовъ. В. Е. было смотритъ, смотритъ на эти безконечные танцы и потомъ говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

— У цихъ панычивъ та паннивъ одно веселье у серци, а другое у пяткахъ. Дывлюсь я на ихъ, а въ ихъ ноги тильки— мель, мель! чысто якъ куляки въ млыновому колеси. Неначе коваль стоить съ розчинеными общенькамы тай щипае кожного за пяты. Якбы катерынка йшла та грала до самисенького Кыева, то воны танцювалы-бъ слидкомъ за катерынкою до самого города и, може-бъ, тильки тамъ схаменулысь".

На сороковомъ году жизни В. Е. постигло несчастіе: нѣжно любимая имъ жена умерла. Отрѣзавъ ея роскошную русую косу, онъ велѣлъ заплести ее, какъ обыкновенно ее заплетала покойница, обвить червонымъ намыстомъ покойницы, и положилъ ее въ небольшой ящикъ подъ стекломъ, какъ дорогое воспоминаніе о своей супругѣ. Поставивъ ящикъ на столикъ въ углу подъ образами, онъ подолгу простаивалъ, глядя на эту роскошную русую косу да червоное намысто, какъ на слабый отблескъ угасшей въ сумеркахъ зари. По смерти жены В. Е. загрустилъ, пріунылъ, но... не надолго. Опять въ скоромъ времени раздалось его веселое хи-хи-хи! Опять онъ веселъ и забавляетъ всѣхъ. Только лицо его съ теченіемъ времени начало полнѣть не въ мѣру, стало буквально „ширше, нижъ довше", какъ выражаются у насъ селяне; щеки стали красныя... Онъ и теперь годился занять мѣсто на Олимпѣ, но уже не въ образѣ Купидона, а въ болѣе солидномъ образѣ Бахуса. Творчество его юмора начало упадать, какъ бы гаснуть. Онъ шутилъ и смѣялся все рѣже. Веселые разсказы какъ бы теряли букетъ и не вызывали взрывовъ смѣха, а только улыбки. В. Е. началъ какъ будто задумываться и въ одно прекрасное лѣтнее утро умеръ отъ удара.

Припоминается мнѣ еще одинъ штукарь. Этотъ былъ уроженецъ Кіева. Онъ происходилъ изъ средней кіевской буржуазіи. Его штуки тоже были смѣшны и забавны, но только нѣкоторыя изъ нихъ носили на себѣ отпечатокъ народнаго юмора. Онъ примѣшивалъ къ нимъ гостинные каламбуры, хотя и эти каламбуры были забавны. Замѣчательно, что какъ только онъ женился,—въ немъ положительно изсякъ этотъ источникъ штукарства. Его юморъ совсѣмъ погасъ, какъ гаснетъ потушенная свѣча. Супружескія-ли узы имѣли такое вліяніе на его способ-

Библиотека "Руниверс"

ность къ штукарству, или же онъ получилъ въ приданное кіевскую тещу, превзошедшую огнемъ жегомую, знаменитую корсунскую тещу отца діакона—объ этомъ исторія, вообще большая охотница скрывать истинныя причины многихъ и многихъ явленій жизни, благоразумно умалчиваетъ. Этому штукарю не попасть на Олимпъ.

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

ГЛАВА II.

Шляхетство.

Изобразивши броженіе умовъ въ Малороссіи, мы перейдемъ къ обозрѣнію наказовъ отъ шляхетства, какъ наиболѣе виднаго сословія, съ желаніями котораго приходилось сообразоваться правительству въ своихъ предначертаніяхъ. Къ даннымъ наказовъ мы постараемся присоединять по каждому вопросу все, что говорилось шляхетскими депутатами и на засѣданіяхъ коммиссіи, но заранѣе предупреждаемъ читателя, что малороссіяне говорили въ коммиссіи довольно мало и оживлялись только тогда, когда рѣчь заходила объ ихъ краѣ, привилегіяхъ и вольностяхъ. Въ этихъ случаяхъ депутаты обыкновенно старались подчеркнуть предъ своими собратіями по коммиссіи, что они, малороссіяне, особый „благоприсоединившійся народъ“ и потому желаютъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ; но такихъ моментовъ было немного, дѣла же Великороссіи и ея окраинъ вообще мало интересовали малороссіянъ, ибо не были имъ извѣстны. Что касается собственно шляхетства, то особенно замѣтное оживленіе въ его средѣ было вызвано чтеніемъ проекта о правахъ благородныхъ, и нѣсколько ораторовъ, говорившихъ по сему предмету, оставили намъ весьма обстоятельныя „мнѣнія“, но такъ какъ этихъ мнѣній немного, то намъ при

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1890, 8.

Библиотека "Руниверс"

характеристикѣ шлехетскихъ desiderata придется руководиться главнымъ образомъ наказами.

Обращаясь къ ихъ содержанію, необходимо прежде всего отмѣтить въ нихъ одну весьма яркую, проходящую красной нитью, черту—я имѣю въ виду страстныя и дѣятельныя хлопоты малороссіянъ остаться на томъ положеніи, „на какомъ Б. Хмельницкій со всѣмъ малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ“, при чемъ это желаніе не составляло особенности однихъ шляхетскихъ наказовъ, но являлось общимъ голосомъ всей Малороссіи, и не было ни одного наказа, гдѣ бы такъ или иначе не говорилось объ этомъ и гдѣ-бы прошлое малороссійскаго народа не выставлялось идеаломъ и для будущей общественной жизни Украины.

Не считая возможнымъ приводить здѣсь подлинныя прошенія по упомянутому предмету, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько ссылокъ для иллюстраціи, въ какомъ видѣ шляхетство различныхъ полковъ представляло себѣ подтвержденіе прежнихъ привилегій своего отечества въ новосочиняемомъ Уложеніи. Глуховцы и черниговцы просили, напримѣръ, чтобы Малороссія была оставлена при всѣхъ своихъ вольностяхъ и выгодахъ и чтобы онѣ для вѣчнаго храненія и исполненія были занесены въ проектируемое Уложеніе и помѣщены въ немъ на приличныхъ мѣстахъ; при этомъ черниговское шляхетство хлопотало еще объ исправленіи отечественнаго законодательства, справедливо находя его устарѣлымъ и указывая его слабыя стороны [1]); что же касается до глуховскаго, то оно, молило императрицу, объ утвержденіи малороссійскихъ вольностей новымъ „высокоматернимъ привилегіемъ“ и отдавало на ея волю все, что касалось исправленія или измѣненія этихъ вольностей при внесеніи ихъ въ новосочиняемое Уложеніе [2]). Почти съ такими же просьбами мы встрѣчаемся и въ наказѣ отъ переяславскаго шляхетства, полагавшаго, что императрица сама измѣнитъ въ его привилегіяхъ только то, что найдетъ или неполезнымъ, или непри-

[1]) Наказы, стр. 13.

[2]) Ibid., стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

личнымъ состоянію современнаго общества, лично же переяславцы не находили нужнымъ измѣнять своихъ правъ и вольностей ни въ чемъ, кромѣ положеній Статута, касающихся особы государя, да законовъ о шляхетской службѣ, не отвѣчавшихъ, по мнѣнію переяславцевъ, просвѣщенному состоянію ихъ сословія [1]). Въ общемъ, всѣ три наказа соглашались, что вольности Малороссіи должны быть удержаны безусловно, но въ то же время они сознавались, что многое въ общественномъ строѣ Украины нуждается въ освѣженіи и поправкѣ и предоставляли это сдѣлать самой императрицѣ по ея волѣ и усмотрѣнію, но лишь съ сохраненіемъ главныхъ, коренныхъ особенностей Малороссіи. Если мы коснемся остальнаго шляхетства,—полковъ: лубенскаго, прилуцкаго, гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго,—то и въ его наказахъ встрѣтимся съ тѣми же ходатайствами, чтобы край малороссійскій былъ трактованъ въ новомъ Уложеніи по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ и по подтвержденнымъ пунктамъ, но, въ отличіе отъ раньше названныхъ наказовъ, мы не найдемъ въ нихъ рѣшительно никакихъ просьбъ объ обновленіи законовъ, или объ измѣненіи ихъ по усмотрѣнію верховной власти; исключенія въ этомъ случаѣ не было сдѣлано ни для одной части Л. Статута, который, по словамъ лубенскаго шляхетства, „малороссійскій народъ въ судахъ и расправахъ своихъ чрезъ 113 лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удовольству“ [2]). Солидарность взглядовъ шляхетства въ этомъ отношеніи была полнѣйшая, однако же самое смѣлое напоминаніе, какое только было сдѣлано шляхетствомъ о подтвержденіи ему вольностей, мы находимъ не въ наказахъ, а въ прошеніи всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, поданномъ чрезъ маршала Бибикова Екатеринѣ II, по прочтеніи въ коммиссіи проекта о правахъ благородныхъ, когда шляхетству къ прискорбію пришлось убѣдиться, что его привилегіи не только не нашли себѣ мѣста въ проектѣ, но совершенно были пройдены молчаніемъ. При такомъ оборотѣ дѣла депутаты, и главнымъ образомъ, конечно, шляхетскіе, взяли

[1]) Наказы, стр. 37.
[2]) Ibid., стр. 57.

Библиотека "Руниверс"

на себя смѣлость напомнить императрицѣ о томъ, „извѣстномъ всему міру обстоятельствѣ“, что малороссійскій народъ, свергнувши съ себя иго польской республики, добровольно присоединился къ московскому государству на томъ основаніи, чтобы ему оставаться вѣчно при всѣхъ своихъ вольностяхъ, правахъ, свободахъ и обыкновеніяхъ такъ, какъ онъ состоялъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, безъ всякаго нарушенія и отмѣны [1]), и что упущеніе въ проектѣ о правахъ благородныхъ привилегій малороссійскаго шляхетства составляетъ нарушеніе самаго важнаго договора. Это заявленіе, сдѣланное торжественно въ многолюдной коммиссіи отъ лица всѣхъ депутатовъ, представляло самое сильное выраженіе протеста малороссіянъ противъ игнорированія ихъ областныхъ особенностей и мы привели его, что бы подтвердить, что малороссіяне боролись противъ этого и молили императрицу не нарушать ихъ вольностей. Сохраненіе правъ и привилегій Украйны и ея шляхетства—вотъ основной фонъ всѣхъ прошеній и въ соотвѣтствіи съ нимъ расположены и другія желанія малороссійскаго шляхетства.

Каковы же были желанія и нужды шляхетства?

Прежде всего остановимъ свое вниманіе на вопросѣ спеціально сословнаго характера, составлявшемъ главный нервъ шляхетскихъ помышленій, — вопросѣ о дворянствѣ малороссійскаго шляхетства и объ уравненіи его въ правахъ съ великорусскимъ. На первый взглядъ просьбы шляхетства о признаніи его дворянствомъ могутъ показаться довольно странными. Хочется спросить, почему-же шляхетству, т. е. тому же малорусскому дворянству, утвержденному въ этомъ состояніи грамотами королей польскихъ и царей московскихъ, явилась нужда просить объ утвержденіи себя въ дворянствѣ? Какъ это могло случиться?

Чтобы понять это явленіе, мы должны припомнить, что въ Малороссіи исконныхъ шляхетскихъ или дворянскихъ родовъ было очень мало, ими могла похвалиться развѣ только одна Сѣверщина; что же касается большинства остальныхъ родовъ, причислявшихъ себя къ шляхетству, то они были сравнительно

[1]) Ibid., 178.

Библиотека "Руниверс"

недавняго происхожденія и только фактически пользовались положеніемъ „шляхетскаго стану людей“, но не имѣли на свое званіе никакихъ грамотъ, ни польскихъ, ни русскихъ, не говоря уже о родословныхъ книгахъ. Это въ сущности были *старые старшинскіе роды*, представители которыхъ тогда или ранѣе занимали извѣстные старшинскіе уряды, владѣли населенными крестьянами землями и другими угодьями; шляхетское званіе они основывали, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, на службѣ, своей или своихъ предковъ, и на пожалованіи отъ царей и гетмановъ деревнями и землями за особыя заслуги предъ отечествомъ, хотя въ дѣйствительности этихъ заслугъ часто и не было и пожалованіе производилось по другимъ побужденіямъ. Но достаточно-ли было, могутъ спросить, одной принадлежности къ старшинскому роду, чтобы считаться шляхтичемъ? На это мы замѣтимъ, что до присоединенія Малороссіи къ Россіи старшина, т. е. государственный чиновникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичемъ, но не шляхетство давалось службой, а наоборотъ служба составляла право только лицъ шляхетскаго званія и никто другой не могъ ею пользоваться, съ измѣненіемъ же соціальныхъ отношеній въ Малороссіи, произведенныхъ козацкими войнами и возсоединеніемъ съ Россіей, измѣнились и многіе порядки. Прежде всего, важная перемѣна произошла въ томъ, что козацкая сабля разрушила весь прежній строй жизни; соціально-экономическія отношенія польско-шляхетскаго типа были разбиты, незначительная шляхта въ огромномъ большинствѣ случаевъ бѣжала за Днѣпръ и на развалинахъ панскихъ хозяйствъ возникла совсѣмъ другая, козацкая жизнь, пробивавшая себѣ русло въ предыдущіе годы. Завелся новый строй, новые порядки, новые обычаи; на уряды козаки стали избирать, конечно, не шляхетство, котораго послѣ его бѣгства за Днѣпръ было-бы слишкомъ недостаточно, а своихъ козацкихъ начальниковъ, старшинъ, которые и сосредоточили въ своихъ рукахъ власть гражданскаго и воинскаго управленія. Затѣмъ далѣе, благодаря личнымъ заслугамъ, богатству, талантамъ и способностямъ однихъ предъ другими, изъ рядовъ простого козачества волной историческихъ событій стали выдвигаться извѣстные роды, въ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

старшинская власть стала удерживаться по преимуществу и переходить изъ одного поколѣнія въ другое. Не вдаваясь въ обсужденіе причинъ этого обычнаго явленія преемственности власти, мы скажемъ, что далеко еще ранѣе разсматриваемаго времени въ Малороссіи образовалось довольно много старшинскихъ аристократическихъ родовъ, всплывшихъ, такъ сказать, на поверхность изъ рядовъ простого козачества; не всѣ они, конечно, занимали мѣста въ администраціи, но это и не было важно. Дѣло въ томъ, что не они, такъ ихъ предки занимали старшинскія должности и, пользуясь своимъ положеніемъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ отчасти путемъ пожалованія, отчасти путемъ заимокъ, захвата и другихъ болѣе или менѣе законныхъ средствъ, многочисленныя земли, населивъ которыя посполитыми и обложивъ ихъ податьми и данями, старшинская аристократія достигла вполнѣ положенія „шляхетскаго стану людей“ и считала себя сама и её считали другіе вполнѣ законнымъ шляхетствомъ, хотя у этого шляхетства и не было никакихъ документовъ о своемъ званіи, кромѣ голаго факта—привилегированнаго положенія и пользованія шляхетскими правами.

Конечно, лица, причислявшія себя къ шляхетству, не объясняли своей родословной съ такой откровенностью какъ мы, но утверждали, что они истинные потомки старой шляхты, но что ихъ грамоты и дипломы растеряны [1]) во время бывшихъ въ Малороссіи междоусобныхъ распрей и войнъ съ татарами, турками и поляками, и что ихъ шляхетское званіе достаточно доказывается уже принадлежностью ихъ къ старшинскимъ чинамъ и владѣніемъ населенными землями, ибо это въ древности составляло право только лицъ благороднаго происхожденія. Будемъ-ли мы вѣрить этому объясненію, или, зная о бѣгствѣ старой шляхты за Днѣпръ, усумнимся въ его правдивости, однако фактъ тотъ, что у шляхетства екатерининскаго времени рѣшительно не доставало доказательствъ своего званія и это была первая причина, почему оно съ особою тщательностью обратило вниманіе на вопросъ о причисленіи себя къ дворянамъ, ибо едва-ли

[1]) Нак., 68.

Библиотека "Руниверс"

можно сомнѣваться, что заботы шляхетства были бы далеко меньше, если бы у него имѣлись дипломы или другіе документы о не предполагаемой, а дѣйствительной принадлежности его къ старымъ дворянскимъ родамъ. Мы это говоримъ потому, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы русское правительство, признававшее дворянство иностранныхъ выходцевъ, отказало бы въ этомъ своимъ подданнымъ, которыхъ оно обѣщало содержать при всѣхъ ихъ правахъ и привилегіяхъ.

Второй причиной особыхъ хлопотъ шляхетства объ уравненіи съ дворянствомъ могло быть, по нашему мнѣнію, убѣжденіе, господствовавшее въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что въ Малороссіи нѣтъ дворянъ; такъ, напримѣръ, Сенатъ незадолго предъ этимъ подтверждая свое запрещеніе принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ, объявилъ, что въ „Малой Россіи нѣтъ дворянъ“ и, конечно, сами малороссіяне не могли въ душѣ не сознаться, что объявленіе Сената съ формальной точки зрѣнія было вполнѣ основательно. Обращаясь по этому поводу къ наказамъ, мы въ прошеніи гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства встрѣчаемся съ сознаніемъ, что за утратой родословныхъ документовъ, большая часть шляхетства узнается въ Малой Россіи не по документамъ, а по другимъ признакамъ, какъ-то: a) по владѣнію пожалованными землями, деревнями и др. угодьями, ибо это пожалованіе могло производиться только однимъ прирожденнымъ и заслуженнымъ шляхтичамъ, b) по службѣ въ военныхъ, гражданскихъ и земскихъ чинахъ, ибо въ эти должности могли выбираться только лица изъ знатнаго шляхетства, c) по происхожденію отъ знатныхъ чиновниковъ, ибо потомки ихъ должны пользоваться тѣми же правами, что и дѣйствительные чиновники и, наконецъ, d) незначительная часть по дипломамъ и другимъ документамъ. Изъ соображенія представленныхъ шляхетствомъ внѣшнихъ признаковъ принадлежности къ благородному сословію такимъ образомъ оказывается, что признаки эти довольно многочисленны и крайне растяжимы и что кругъ шляхетства не былъ очерченъ какими либо опредѣленными рамками, почему нельзя не согласиться съ Сенатомъ, что дворянъ, какъ сословія, въ Малороссіи не было.

Библиотека "Руниверс"

Въ томъ, что шляхетское званіе многихъ малороссійскихъ фамилій не было точно установлено, а иныхъ даже возбуждало сомнѣніе среди самихъ малороссіянъ, можно убѣдиться изъ письма Румянцева къ Екатеринѣ, въ которомъ онъ доносилъ ей, что не обошлось ни одно собраніе безъ того, чтобы одинъ не укорялъ другаго въ самозванномъ шляхетствѣ, и чтобы раздраженные противники не вели генеалогіи даже самознатнѣйшимъ вельможамъ отъ мѣщанина или отъ жида; „уличаемо было—продолжалъ графъ—что и по нѣсколько разъ свои имена нѣкоторые по необходимостямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе пороки здѣсь примѣшивались“ [1]). Оставляя въ сторонѣ сарказмъ Румянцева, нельзя не согласиться съ нимъ, что такъ какъ условія принадлежности къ шляхетству были очень эластичны, то нерѣдко шляхетскимъ правомъ въ Малороссіи пользовались на ряду съ заслуженными и извѣстными родами и лица совершенно темнаго происхожденія, ничѣмъ себя не выказавшія и, разумѣется, объ утвержденіи въ дворянствѣ хлопотали одинаково тѣ и другіе. До этого вожделѣннаго момента наша шляхта не могла себя чувствовать спокойной, несмотря даже на видимое безучастное отношеніе правительства къ положенію вещей ею завоеванному. И дѣйствительно, хорошо ей живется теперь, но кто знаетъ,—пройдетъ годъ, два, и верховная власть можетъ лишить ее благоденствія, капля по каплѣ ею созидавшагося впродолженіе цѣлаго столѣтія, точно такъ, какъ она лишила Малороссію гетмана и другихъ привилегій. Уже не разъ русское правительство обращало вниманіе на слишкомъ обильную и щедрую раздачу гетманами войсковыхъ маетностей въ ущербъ казнѣ и интересамъ войска; о разграбленіи коронныхъ земель въ самое послѣднее время говорили и Тепловъ, и Румянцевъ въ своихъ запискахъ о неустройствахъ въ Малороссіи; Румянцевъ, вообще недружелюбно относившійся къ старымъ порядкамъ въ Малороссіи, еще добавлялъ императрицѣ, что болѣе 300 селъ и деревень, не исключая и городовъ, принадлежавшихъ коронѣ, разошлись путемъ злоупотребленій въ частную собственность.

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос. т. 27, стр. 47.

Библиотека "Руниверс"

Шумъ, поднятый Тепловымъ и Румянцевымъ, о разграбленіи казенныхъ земель не имѣлъ бы, конечно, никакого значенія въ вопросѣ о дворянствѣ шляхетства, если бы послѣднее само не связало владѣнія землей, деревнями и т. д. съ шляхетскимъ званіемъ и не поставило бы послѣднее условіемъ для перваго, такъ что при возвращеніи разграбленной собственности въ казну многія лица потеряли-бы и самыя права на шляхетское званіе. Естественно, при такомъ взглядѣ могло случиться, что при такой неувѣренности и нетвердости своего положенія вопросъ объ уравненіи шляхетства, какъ оно выражалось, въ честяхъ и славѣ съ великороссійскимъ дворянствомъ составлялъ для него вопросъ жизни и смерти: если его претензія на дворянство не возбудитъ никакихъ пререканій и будетъ удовлетворена верховной властью, т. е. вся масса претендентовъ будетъ нобилитована, то его будущее спасено и обезпечено; если жъ благородство малороссійскаго шляхетства будетъ заподозрѣно и не найдетъ себѣ опоры въ проектируемомъ Уложеніи, то будущее его сомнительно и неизвѣстно.

Теперь понятно, почему составители наказовъ, не входя въ подробное разсмотрѣніе правъ и преимуществъ шляхетства, прежде всего поставили на видъ вопросъ о пріобщеніи его къ россійскимъ нобилямъ. На ряду съ этимъ наказы хлопотали также объ уравненіи воинскихъ малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими и о непредпочтеніи однихъ предъ другими. Нобилитація и уравненіе въ чинахъ — это два спеціально шляхетскихъ, сословныхъ желанія и ходатайства и онѣ составляютъ самое живое мѣсто во всѣхъ наказахъ, прошеніяхъ и устныхъ заявленіяхъ депутатовъ, говорившихъ въ коммиссіи. Здѣсь кстати можно напомнить, что ходатайства объ уравненіи чиновъ не были уже первыми; еще гетм. Разумовскій [1]) и ранѣе его малороссійская старшина хлопотали объ уравненіи въ чинахъ и о распространеніи на малороссіянъ дѣйствія табели о рангахъ, что въ свою очередь повело бы къ развитію въ Мало-

[1]) „Кіевская Старина", 1883 г., № 7. Прошеніе о возстановл. стар. правъ въ Малороссіи.

Библиотека "Руниверс"

россіи личнаго и потомственнаго дворянства. Слѣдовательно, вопросъ о чинахъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ для многихъ и вопросомъ о дворянствѣ, но, къ прискорбію нашихъ чинолюбцевъ, ихъ просьбы остались безъ всякой резолюціи и екатерининская законодательная коммиссія представила весьма удобный случай, чтобы снова заговорить о своемъ излюбленномъ предметѣ. И, дѣйствительно, наказы всѣхъ полковъ наполнены прошеніями о томъ, чтобы малороссійскіе чины „уравнить классами противъ великороссійскихъ“.... и „чтобы малороссійскіе чиновники могли пользоваться и онымъ съ ними уравненіемъ *и презираемы быть не могли*“. Гадяцкое, полтавское, миргородское, а также и другихъ полковъ шляхетство, кромѣ прочихъ мотивовъ уравненія чиновъ, выставляло на видъ еще и то обстоятельство, что, благодаря неравенству чиновъ, малороссіяне во всѣхъ случающихся коммиссіяхъ всегда бываютъ отъ великороссіянъ „презираемы“ и „упослѣжаемы“ и узнаютъ отъ нихъ обиду и многія огорченія. Этотъ мотивъ взятъ весьма вѣрно. Жалобами малороссіянъ на великороссійскихъ чиновниковъ, свысока третировавшихъ малороссійскихъ старшинъ и ихъ чины, дѣйствительно, можно было завалить нѣсколько коммиссій и уравненіе чиновъ могло-бы послужить нѣкоторой преградой къ пренебрежительному отношенію великорусскихъ чиновниковъ къ малороссійскимъ. Не имѣя нужды вдаваться здѣсь въ объясненіе причинъ, почему возникло предпочтеніе однихъ чиновъ предъ другими, мы должны сказать, что оно началось довольно рано, вскорѣ по возсоединеніи, и росло вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности Украйны. Спѣсь и заносчивость великорусскихъ чиновниковъ были, такъ сказать, прямо пропорціональны упадку внутренней жизни и правителей Малороссіи, не сдерживавшихъ въ должной мѣрѣ обидчиковъ. Сами малороссіяне, видя невниманіе верховной власти къ ихъ чинамъ на томъ основаніи, что чины давались не ею, а получались по выборамъ, стали относиться къ нимъ съ недовѣріемъ и охотно лѣзли въ великорусскіе штатскіе и военные чиновники. Такимъ образомъ, обезцѣненіе малороссійскихъ чиновъ шло съ двухъ сторонъ и достигло такого состоянія, что, по словамъ наказовъ, самый простой великорусскій офицеръ считалъ себя въ

Библиотека "Руниверс"

правѣ высокомѣрно обращаться съ знатными старшинами и оскорблять ихъ національныя чувства. Поэтому, ходатайства объ уравненіи въ чинахъ начали поступать отъ малороссіянъ довольно рано и нельзя сказать, чтобы само правительство не чувствовало этой необходимости. Такъ депутатъ Политика въ примѣчаніи къ своему представленію въ коммиссію сообщалъ [1]), что Коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733 г., Правит. Сенатъ въ 1756 г. и Коммиссія о дворянской вольности въ 1763 г. подали свои мнѣнія объ уравненіи чиновъ, „хотя-бы и съ уничтоженіемъ противъ бывшаго при Петрѣ Великомъ счисленія". О томъ же хлопоталъ въ 1764 г. и гетманъ Разумовскій въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи; малорусскій народъ—писалось въ прошеніи—въ бытность Малой Россіи подъ Польшею имѣлъ полное равенство съ коронными и литовскими чиновниками и для него не были закрыты первѣйшія должности, соединенныя съ сенаторскимъ достоинствомъ; съ присоединеніемъ къ московскому царству малороссіяне также содержались, согласно своимъ правамъ и достоинствамъ, т. е. гетманы считались въ первыхъ классахъ и жаловались въ бояре (Брюховецкій), а полковники—въ стольники. Съ введеніемъ Петромъ I табели о рангахъ малороссіяне остались въ невыгодномъ для своего честолюбія положеніи, такъ какъ въ табели ничего не было упомянуто ни о гетманѣ, ни объ остальной малороссійской старшинѣ и, что всего обиднѣе, въ ней не было даже указано, въ какомъ соотношеніи съ ея чинами должны находиться чины, существовавшіе въ Малороссіи. Послѣдствіемъ этого было то, что офицеры самыхъ низшихъ чиновъ стали считать за право, „чтобы преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только, что нѣтъ никакого понятія, какъ имъ считаться съ великороссскими чинами".

Изъ сказаннаго нами о связи между службой въ старшинскихъ чинахъ и правами на шляхетское или дворянское званіе можно, я думаю, догадаться, какимъ образомъ относились шляхетскіе депутаты къ извѣстному спору въ коммиссіи между по-

[1]) Наказы, 176.

Библиотека "Руниверс"

борниками дворянства по происхожденію или крови и „по чину". Такъ какъ однимъ изъ главныхъ основаній къ „положенію во дворянство" потомки малороссійскихъ чиновъ выставляли ревностную службу своихъ предковъ, а для многихъ изъ служившихъ государственная служба была, пожалуй, единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ полученію дворянства, то всѣ шляхетскіе депутаты и высказались за дарованіе дворянства чрезъ полученіе чина. Демократизмъ малороссійскаго шляхетства сходился въ этомъ случаѣ съ демократизмомъ табели о рангахъ, проводившей чрезъ свои ступени въ среду благородныхъ всякаго подлаго человѣка; пріятно вспомнить, что украинскіе депутаты не обнаружили по этому предмету никакихъ колебаній и нисколько не сокрушались, что пріобрѣтеніемъ дворянства по службѣ будетъ „уподляться" самое дворянское сословіе. Мы не встрѣтили также въ мнѣніяхъ депутатовъ и того желанія нѣкоторыхъ великорусскихъ дворянъ, чтобы среда самого дворянства была расколота на двѣ отдѣльныя части—одну дворянъ по крови, другую дворянъ по чину, и вообще мнѣнія малороссіянъ по этому вопросу отличались большою трезвостью. Для примѣра мы можемъ указать на рѣчь гадяцкаго депутата Мотониса, возражавшаго защитникамъ кровнаго дворянства. Каждое поколѣніе дворянъ—говорилъ онъ—имѣло свое начало, съ тѣмъ различіемъ, что одни получили дворянство „чрезъ заслуги и добродѣтели" раньше, а другіе позже; но похвальныя качества людей должны возводить ихъ въ благородство всегда, т. е. одинаково теперь, какъ и прежде, и это есть ничто иное, какъ возмездіе за заслуги, подобно тому, какъ наказаніе есть возмездіе за преступленія и злодѣянія. Подлаго, съ точки зрѣнія Мотониса, у государя не должно быть никого; всякій землевладѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ честенъ и знатенъ своими трудами, добрымъ воспитаніемъ и благонравіемъ; подлы только тѣ, кто, имѣя дурныя свойства, занимаются дурными дѣлами и нарушаютъ общественное спокойствіе. Развивая свою мысль далѣе, Мотонисъ находилъ, что Петръ I введеніемъ табели о рангахъ не сдѣлалъ ничего новаго противъ своихъ предковъ, такъ какъ и раньше его чины приносили дворянскую честь и достоинство и поэтому

Библиотека "Руниверс"

онъ находилъ, что чиновники имѣютъ полное право на возведеніе въ дворянство, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы оно не было въ тягость государству и согласовалось съ потребностями государственной службы [1]) Къ мнѣнію Мотониса единодушно присоединились и остальные малороссійскіе депутаты, а извѣстный своимъ патріотическимъ настроеніемъ Политика, раздѣляя точку зрѣнія Мотониса, заявилъ, что правами благородныхъ должны пользоваться не только кровные дворяне, но „такожъ и всѣ тѣ, кои до окончанія сего проекта (т. е. проекта о правахъ благородныхъ) получили воинскіе и гражданскіе, съ дворянствомъ сопряженные чины“ [2]). Причинъ тому Политика находилъ много: во 1-хъ, по его мнѣнію, государи вольны жаловать въ чины, влекущіе за собою дворянство, и было бы предосудительно ихъ слову выключить изъ числа дворянъ всѣхъ, получившихъ это званіе чрезъ службу, ибо этимъ были бы обижены всѣ, кто, не будучи дворяниномъ, достигъ чиновъ и пріобрѣлъ себѣ на этомъ правѣ недвижимыя имѣнія. Во вторыхъ, становясь на юридическую точку зрѣнія, Политика доказывалъ, что право новыхъ дворянъ есть родъ привилегій, а таковыя не отнимаются безъ какихъ либо преступленій и, наконецъ, полученіе дворянскаго достоинства только тамъ стараются сдѣлать затруднительнымъ, гдѣ очень много дворянъ, въ Россіи же, по мнѣнію докладчика, ихъ весьма недостаточно и кромѣ того опытами доказано, „что тѣ монархіи сильнѣе и безопаснѣе, которыя по мѣрѣ пространства своего имѣютъ довольное число дворянъ, потому то сей родъ людей первая и сильнѣйшая подпора престолу“. Защищая дворянство „по чину“, Политика однако считалъ необходимымъ предоставить право пожалованія имъ не высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ, дающимъ чины, а одному только государю, такъ какъ достиженія извѣстнаго чина въ его глазахъ еще недостаточно, чтобы стать дворяниномъ. Чинъ есть только условіе, но государь имѣетъ факультативное право сдѣлать или не сдѣлать кого либо дворяниномъ, хотя бы къ тому и существовали всѣ формальныя основанія. Что касается

---

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. IV, стр. 170.

[2]) Тотъ же Сборникъ т. 32, стр. 347.

Библиотека "Руниверс"

нобилитаціи наличной массы шляхетства, то въ пользу ея, кромѣ указаній на заслуги предковъ и награжденіе ихъ чинами, въ наказахъ особенно часто встрѣчаются ссылки на пожалованіе малороссіянъ деревнями, землями, мельницами и пр., что, по мнѣнію составителей наказовъ, само по себѣ уже даетъ право считаться наравнѣ съ дворянами, „ибо не одно имя дворянина, представлялъ Политика, но больше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство; между малороссійскимъ шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе состояло только въ одномъ имени, т. е. что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта аналогія Политики вполнѣ правильна и что наличность жалованныхъ деревень могла бы служить лучшимъ правовымъ основаніемъ для провѣрки законности претензій лицъ, хлопотавшихъ о дворянствѣ, но слабая сторона этого основанія состояла въ томъ, что при царствовавшей въ Малороссіи долгіе годы анархіи и волненіяхъ жалованныя грамоты многихъ были утрачены и къ концу XVIII вѣка было бы крайне трудно опредѣлить, у кого изъ малороссіянъ земли дѣйствительно жалованныя, а у кого скупленныя или захваченныя. Выйти изъ такого затрудненія можно было только признавъ всѣ старшинскіе роды, владѣющіе землями, дворянскими, конечно, къ большому ихъ удовольствію.

Какъ поступило по означенному вопросу русское правительство мы скажемъ немного ниже, теперь же посмотримъ, какъ думало шляхетство устроить внутреннюю организацію своего сословія, хотя, къ сожалѣнію, мы должны признаться, что обладаемъ по этому вопросу болѣе чѣмъ скромными данными. Существенное содержаніе всѣхъ наказовъ по этому предмету исчерпывается просьбами шляхетства объ учиненіи всѣмъ знатнымъ фамиліямъ, получившимъ дворянство отъ королей польскихъ, а также всѣмъ чиновникамъ, служащимъ и отъ службы уволеннымъ, а также и тѣмъ лицамъ, чьи предки вѣрно служили въ чинахъ военныхъ и штатскихъ, „*именного списка*“—„къ дости-

Библиотека "Руниверс"

женію прославленія и въ чинахъ равенства". Учиненіемъ этого списка, или иначе геральдическихъ книгъ, составители наказовъ полагали: во 1-хъ, устранить на будущее время сомнѣнія о шляхетскомъ званіи малороссійскихъ родовъ и пресѣчь злоупотребленія, происходящія отъ неправильнаго присвоенія его „простонародными", не имѣющими за собою никакихъ заслугъ и преимуществъ, и во 2-хъ, дать малороссійскому шляхетству „твердое мѣроположеніе", т. е. утвердить его сословную честь на пристойной степени и мѣстѣ, ибо, разсчитывали составители, разъ разряды или „порядочныя" книги будутъ заведены, то кругъ шляхетства точно установится, сомнѣнія о „породѣ" его устранятся сами собой и въ будущемъ уже не будетъ мѣста для повторенія тѣхъ печальныхъ явленій прошлаго, когда заслуги и военныя доблести шляхетства не только оставались безъ всякаго возмездія со стороны верховной власти, но и само сословіе подвергалось отъ великороссійскихъ чиновниковъ явному пренебреженію и лишенію слѣдуемой ему славы и чести.

Кромѣ общаго желанія всѣхъ наказовъ учредить для малороссійскаго шляхетства герольдію, нѣкоторыми изъ нихъ было выражено еще стремленіе создать изъ шляхетства болѣе или менѣе замкнутую сословную группу. Таковы, напримѣръ, были желанія черниговцевъ, просившихъ, чтобы никому постороннему, не внесенному въ шляхетскіе списки не было бы позволено покупать шляхетскихъ земель и угодій прежде чѣмъ покупатель не будетъ принятъ въ шляхетское сообщество по докладу г. губернатора общимъ всего шляхетства и его предводителя опредѣленіемъ [1]). Стремясь этимъ путемъ ограничить доступъ въ шляхетское сословіе, черниговцы, а съ ними переяславцы, выразили также желаніе имѣть свой особый для сословныхъ нуждъ органъ и съ этою цѣлью просили обратить временную должность предводителей въ постоянную и точнѣе опредѣлить ихъ права и обязанности по представительству мѣстныхъ интересовъ дворянскихъ обществъ предъ верховной властью. Это разумное желаніе малороссіянъ нашло себѣ сильную поддержку въ велико-

[1]) Наказы, стр. 16, 43.

Библиотека "Руниверс"

русскихъ и финляндскихъ наказахъ, исполненныхъ того же рода прошеній, и даже, можно сказать, болѣе подробно въ этомъ отношеніи разработанныхъ [1]); что касается другихъ желаній въ смыслѣ внутренняго устройства шляхетскаго сословія, то таковыхъ болѣе въ наказахъ не имѣется и мы, покончивъ съ этимъ вопросомъ, коснемся теперь того, какимъ образомъ согласить выраженное малороссійскимъ шляхетствомъ тяготѣніе къ децентрализаціи и самобытности съ его же стремленіемъ къ „сообществу и объединенію въ одинъ корпусъ“ съ великорусскими дворянами. Не противорѣчитъ ли одно другому? Мы ставимъ этотъ вопросъ потому, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ г. Авсѣенко, а за нимъ и г. Латкинъ, основываясь на иныхъ мѣстахъ наказовъ, трактовавшихъ о дружбѣ и единеніи съ великорусскими дворянами, пытаются доказать, что въ малорусскомъ обществѣ XVIII вѣка отсутствовали стремленія не только къ національной, съ чѣмъ согласны и мы, но и къ провинціальной обособленности, чего уже никакъ нельзя допустить въ виду массы указаній прямо противоположнаго характера. По мнѣнію г. Авсѣенко, содержаніе, тонъ и характеръ наказовъ „ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ, что въ малороссійскомъ шляхетствѣ XVIII вѣка не существовало никакихъ стремленій къ національной или даже провинціальной самобытности“, что шляхетство, хотя и сознавало свою отдѣльность отъ русскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось не только сравниться въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, но слиться съ нимъ дружественно и единодушно [2]) Того же мнѣнія держится и г. Латкинъ въ своемъ трудѣ „Законодательныя коммиссіи въ XVIII вѣкѣ“ [3]); но насколько это мнѣніе основательно и заслуживаетъ довѣрія можно судить по рѣчамъ малороссійскихъ ораторовъ, говорившихъ о проектѣ о правахъ благородныхъ, и по прошенію, поданному

---

[1]) Финляндское дворянство ходатайствовало о дозволеніи ему чрезъ каждые 3 года имѣть съѣздъ въ Выборгѣ подъ дирекціей своего предводителя „гдѣ бы о всѣхъ дворянскихъ установляемыхъ порядкахъ разсуждать и для апробаціи въ высшее мѣсто, куда будетъ повелѣно, поднести могли“.

[2]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 году, стр. 55

[3]) Латкинъ. Зак. Ком. въ XVIII вѣкѣ. стр. 265

Библиотека "Руниверс"

депутатами по обсужденіи проекта въ Коммиссіи, такъ какъ въ нихъ всего лучше открывается, каковы были истинныя намѣренія малороссіянъ и какъ далеки они были отъ приписываемыхъ имъ желаній стать подъ эгиду одного нивеллирующаго закона. Особенно это выяснилось при обсужденіи 43-го пункта проекта, гласившаго, „что всѣми, изложенными въ проектѣ правами никто не можетъ въ Россіи пользоваться, кромѣ россійскихъ благородныхъ". Этотъ пунктъ, упоминавшій только объ одномъ россійскомъ дворянствѣ и ни однимъ словомъ не обмолвившійся о существованіи другаго (малороссійскаго, лифляндскаго и пр.), вызвалъ среди представителей забытаго дворянства сильное волненіе и страхъ за цѣлость своихъ правъ и преимуществъ; тѣ самые депутаты, которые привезли наказы объ уравненіи себя въ честяхъ и преимуществахъ съ русскимъ дворянствомъ и о присовокупленіи себя „въ сообщество единого закона", теперь заговорили въ совершенно иномъ тонѣ. Недовольство редакціей 43-го пункта проекта было общее. Депутатъ повѣтовъ козелецкаго и остерскаго, Золотницкій, выслушавъ этотъ пунктъ, находилъ, напримѣръ, необходимымъ измѣнить его такимъ образомъ, что преимуществами, изложенными въ проектѣ о правахъ благородныхъ, должно пользоваться одно великорусское дворянство что же касается до малороссійскаго, лифляндскаго и эстляндскаго, то оно остается „въ *разсужденіи ихъ мѣстъ на прежнихъ правахъ и привилегіяхъ*". Но если кто изъ нихъ будетъ въ великороссійской службѣ или будетъ имѣть свои владѣнія въ Великой Россіи, тотъ въ разсужденіи сего пользуется уже и сими преимуществами великороссійскаго дворянства [1]). Съ мнѣніемъ Золотницкаго согласились всѣ депутаты не только шляхетскіе, но отъ городовъ и козаковъ; энергичнѣе же всѣхъ къ этому дѣлу отнесся Политика, взявшій на себя трудъ, собравши во едино всѣ привилегіи шляхетства, представить ихъ въ коммиссію и доказать, что сочиненный проектъ не можетъ удовлетворить желаній малороссійскаго шляхетства, такъ какъ заключаетъ въ себѣ, „великія несходства и недостатки" въ сравненіи съ

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 32, стр. 306.

Библиотека "Руниверс"

ихъ правами. Въ весьма интересномъ и замѣчательномъ по своему содержанію мнѣніи [1]) упомянтый ораторъ объяснялъ коммиссіи, что особыя преимущества малороссійскаго шляхетства заключаются прежде всего въ томъ, *что ему послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи*, а именно: „право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о поддержаніи оныхъ". За этой основной привилегіей Политика указалъ еще и на другія, болѣе или менѣе важныя, какъ-то: внутреннее самоуправленіе, основанное на свободѣ избранія старшинъ безусловно изъ природныхъ малороссіянъ, полную независимость шляхетства въ вопросахъ о наложеніи и снятіи податей и повинностей, свободу шляхетскихъ имѣній отъ военныхъ постоевъ, налоговъ, поборовъ и др. повинностей и такъ далѣе. Что касается личныхъ льготъ малороссійскаго шляхетства, то Политика напомнилъ собранію депутатовъ, что по малороссійскимъ правамъ шляхетскаго стану люди пользуются неприкосновенностью своей личности и жилища, въ силу чего ни одинъ шляхтичъ, имѣющій помѣстье, не можетъ быть арестованъ и лишенъ свободы иначе, какъ по суду, исключая случаевъ задержанія in flagrante delicto, и что даже самые уголовные преступники не могутъ быть взяты изъ шляхетскаго дома безъ согласія хозяина. Затѣмъ Политика перечислилъ и другія привилегіи шляхетства, при чемъ большинство изъ нихъ было экономическаго характера, какъ напримѣръ,—беззапретная и безконтрольная эксплоатація шляхетскихъ имѣній, рудниковъ, солеварень и пр., право безпошлинной торговли внутри и внѣ государства, свободный въѣздъ въ казенные лѣса, ловъ въ нихъ звѣрей, а въ рѣкахъ и озерахъ рыбы и т. д., такъ что въ существенныхъ чертахъ Политикой были перечислены всѣ желанія шляхетства. Мы пропустили, впрочемъ, еще одну привилегію малороссійскаго шляхетства, на которую обратилъ вниманіе и Политика, и проектъ о правахъ благородныхъ,—это свободный выѣздъ шляхетства въ чужіе края для житья, службы и наукъ, безъ всякаго препятствія со стороны правительства, но и приведенныхъ уже заявленій Зо-

[1]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 36, стр 355.

Библиотека "Руниверс"

лотницкаго и Политики, достаточно, чтобы судить, насколько правильно понимаютъ гг. Авсѣенко и Латкинъ вопросъ объ единеніи малороссійскаго шляхетства съ великорусскимъ дворянствомъ и объ отсутствіи у перваго изъ нихъ „провинціальной обособленности". Замѣчательная черта: при обсужденіи въ коммиссіи 43 пункта проекта на ряду съ шляхетскими депутатами принимали участіе и козацкіе; они горячо поддерживали желанія шляхетства относительно измѣненія редакціи 43-го пункта и дѣлали это на томъ основаніи, „что всѣ прежніе договоры и соглашенія во время благоприсоединенія М. Россіи къ россійской имперіи дѣлаемы были съ общаго всѣхъ чиновъ согласія"... и что „симъ благополучнымъ единствомъ и до нынѣ М. Россія утверждалась и управляема была". Но особенно значительную поддержку оказали малороссійскому шляхетству лифляндскіе и эстляндскіе депутаты, также домогавшіеся сохраненія своихъ льготъ и привилегій, ибо 43-й пунктъ проекта поставилъ ихъ въ одинаковое съ малороссіянами положеніе. Подъ конецъ обсужденія въ коммиссіи проекта соединенными силами всѣхъ недовольныхъ депутатовъ ихъ домогательства настолько выяснились и такъ явно противорѣчили намѣреніямъ императрицы, что она рѣшила прекратить на будущее время всякіе разговоры по этому предмету и 9 сентября 1768 года маршалъ Бибиковъ заявилъ коммиссіи, что она, за силою 15 ст. Обряда, „не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того для чего учреждена" и что малороссійскіе, лифляндскіе и эстляндскіе депутаты незаконно заявили въ коммиссіи желанія объ изъятіи ихъ изъ общероссійскихъ законовъ, такъ какъ это единственно должно зависѣть отъ власти самой монархини, но не коммиссіи, почему и всѣ замѣчанія и мнѣнія депутатовъ по этому поводу не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущихъ законодательныхъ работъ, но даже не могутъ быть приняты въ коммиссію и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратить ихъ авторамъ, оставивъ только тѣ, которыя не касались запретныхъ вопросовъ.

Нечего говорить, что рѣчь Бибикова была рѣшительнымъ ударомъ для малороссійскихъ депутатовъ. Тотчасъ послѣ нея они подали императрицѣ свое извѣстное прошеніе о томъ, что проектъ,

Библиотека "Руниверс"

прочитанный въ коммиссіи, совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ и что при такомъ направленіи дѣла они не надѣются достигнуть отъ коммиссіи удовлетворенія своихъ просьбъ и нуждъ и ждутъ ихъ разрѣшенія исключительно отъ ея императорскаго величества [1]), которая услышитъ ихъ мольбы *и утвердитъ всякому чину его вольности.* На нашъ взглядъ достаточно ознакомиться въ подлинникѣ съ означеннымъ прошеніемъ, чтобы убѣдиться, что малороссійское шляхетство никогда серьезно не желало „сливаться" въ одно цѣлое съ великорусскимъ дворянствомъ и ревниво оберегало свои традиціонныя привилегіи, желая расширить ихъ въ томъ же польскомъ духѣ, но не въ духѣ сочиненнаго проекта, и самымъ заявленіямъ наказовъ объ объединеніи мы не можемъ придавать другаго смысла, какъ стремленіе шляхетства занять въ русскомъ государствѣ положеніе ничѣмъ не низшее великороссійскихъ дворянъ, сравняться съ ними въ „чести и славѣ", „быть допущеннымъ во всѣ для дворянства учрежденныя науки и достоинства" [2]) и изъ безпорядочной массы организоваться въ сословіе столь же высоко стоящее и уважаемое, какимъ шляхетство было въ Литвѣ и Польшѣ. Что идеалы малороссійскихъ депутатовъ, ихъ настроеніе и желанія были, именно, старо-польскіе, старо-шляхетскіе, а не великорусскіе—это достаточно рельефно иллюстрировано въ мнѣніи лубенскаго депутата Политики, объявившаго, что правленіе дѣлъ въ Малороссіи должно зависѣть послѣ государя единственно отъ шляхетства, которому предоставлено право „установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи ихъ". Послѣ просьбъ шляхетства о нобилитаціи другими, занимавшими важное мѣсто въ наказахъ, были просьбы, касавшіяся шляхетскаго землевладѣнія. Переходя къ нимъ, мы должны сказать, что вся сущность этихъ просьбъ заключалась въ стремленіи шляхетства добиться дарованія себѣ подтвердительныхъ грамотъ и крѣпостей на владѣемыя имъ земли, хутора, деревни, мельницы, рыбныя ловли и пр. маетности, остававшіяся въ боль-

[1]) Наказы, стр. 178.

[2]) Наказы, 68.

Библиотека "Руниверс"

шинствѣ случаевъ не закрѣпленными за ихъ владѣльцами надлежащимъ образомъ и потому допускавшими противъ себя многочисленные споры и сомнѣнія въ отношеніи добросовѣстности владѣнія или пріобрѣтенія. Нужно добавить, что вопросъ, объ укрѣпленіи шляхетству и вообще всякому „чину“ людей его земель и угодій, поднятый безусловно всѣми наказами, занималъ интересы не только одного шляхетства, но и другихъ сословій потому, что съ разрѣшеніемъ его долженъ былъ быть положенъ предѣлъ и всѣмъ аграрнымъ затрудненіямъ и спорамъ, развившимся на почвѣ чрезвычайно запутанной и темной исторіи малороссійскаго землевладѣнія; съ разрѣшеніемъ этого вопроса, т. е. съ пожалованіемъ подтвердительныхъ грамотъ, каждый чинъ, каждое сословіе, каждое лицо надѣялись, наконецъ, достигнуть положительныхъ, непоколебимыхъ правооснованій своей собственности и полагали вывести свое землевладѣніе на настоящую, прямую дорогу, гдѣ не будетъ уже мѣста ни спорамъ и тяжбамъ различныхъ владѣльцевъ между собою, ни заподозрѣваніямъ другъ друга въ незаконныхъ пріобрѣтеніяхъ, ни, наконецъ, опасеніямъ и тревогамъ предъ правительствомъ о разоблаченіи имъ многихъ весьма предосудительныхъ мѣстъ въ исторіи шляхетской земельной собственности. Что касается, собственно, шляхетства, то оно было заинтересовано въ этомъ вопросѣ болѣе другихъ не только потому, что его владѣнія были обширнѣе, но и потому, что средства, которыми они были сосредоточены въ шляхетскихъ рукахъ не отличались легальностью и возбуждали подозрѣнія самихъ собственниковъ. Дѣйствительно, стоитъ только вспомнить, что среди бывшихъ въ распоряженіи шляхетства средствъ скопленія земельной собственности считались: недозволенная заимка казенныхъ земель, присвоеніе земель, опредѣленныхъ на старшинскіе уряды, захватъ и незаконная скупля у маломощныхъ козаковъ, т. е. такія, о предосудительности которыхъ достаточно свидѣтельствуетъ само названіе. Въ итогѣ, какъ бы мы ни разсматривали шляхетское землевладѣніе и какъ бы мы ни объясняли мотивы, заставившіе просить о дарованіи подтвердительныхъ грамотъ, нельзя не прійти къ заключенію, что со стороны юридической шляхетское землевладѣніе вполнѣ напоминало собой положеніе

Библиотека "Руниверс"

самого шляхетства, какъ сословія, ибо характерической чертой того и другаго въ историческомъ освѣщеніи является полнѣйшее отсутствіе на извѣстное право формальныхъ документовъ и вообще господство надъ правомъ факта, т. е. то неуравновѣшенное и неустановившееся состояніе сословныхъ и экономическихъ отношеній, которое вообще характеризуетъ молодые государственные организмы, гдѣ юридическія отношенія еще не вылились въ строгія нормы и не запечатлѣлись въ законѣ.

Мы разобрали уже, откуда возникли сомнѣнія „о породѣ шляхетства", теперь необходимо, хотя бы вскользь, посмотрѣть, откуда возникли упомянутыя нами спорность шляхетскаго землевладѣнія, отсутствіе должныхъ формальныхъ крѣпостей и неувѣренность, наконецъ, самыхъ собственниковъ въ своей собственности. Разумѣется, мы не можемъ ждать отъ наказовъ обсужденія этого вопроса съ должной откровенностью и объективностью, такъ какъ шляхетство являлось заинтересованной въ этомъ дѣлѣ стороной, желавшей по возможности обѣлить недостатки своего положенія; поэтому, напримѣръ, наказы совсѣмъ не сознаются въ незаконномъ характерѣ многихъ шляхетскихъ владѣній, но ссылаются лишь на независѣвшую отъ воли шляхетства утрату имъ жалованныхъ грамотъ, крѣпостей и другихъ документовъ во время бывшихъ въ Малороссіи войнъ и безпорядковъ, и этими безпорядками и утратами стараются объяснить все дѣло необоснованности малороссійскаго землевладѣнія. Впрочемъ, черниговскій наказъ [1]) къ этому объясненію присовокупляетъ и то, что отсутствіе у шляхетства подтвердительныхъ грамотъ на пожалованныя ему отъ гетмановъ земли и деревни иногда можетъ быть объясняемо и не утратой ихъ, а тѣмъ, что онѣ вовсе не были получены своевременно, такъ какъ полученіе ихъ было сопряжено съ хлопотами и расходами, не всегда доступными пожалованнымъ лицамъ отчасти въ силу ихъ бѣдности, отчасти же въ силу господствовавшихъ внутри страны безпокойствъ и волненій. Итакъ, по той или другой причинѣ, черниговскій наказъ признавалъ, что на часть земель шляхет-

[1]) Наказы, стр. 16.

Библиотека "Руниверс"

ство не имѣло у себя никогда никакихъ подтвердительныхъ грамотъ, мы же съ своей стороны добавимъ, что права на земли, розданныя гетманами старшинамъ не отличались особой надежностью не только по отсутствію подтвердительныхъ грамотъ, но и потому, что самая раздача земель нерѣдко являлась актомъ гетманскаго произвола и нарушеніемъ царскихъ указовъ и на имѣнія, добытыя такимъ образомъ, русское правительство смотрѣло весьма подозрительно. Уже въ инструкціи Измайлову, приставленному къ гетману Скоропадскому, Петръ I повелѣлъ гетманамъ ни давать, ни отнимать земель безъ царскаго на то соизволенія, за усердную же службу гетманы могли назначать земли съ общаго согласія генеральной старшины и по представленію объ этомъ государю. Однако, уже Д. Апостолъ не стѣснялся этимъ закономъ и раздавалъ земли, села и деревни по своему усмотрѣнію, такъ что, когда послѣ его смерти князю Шаховскому было предписано разсмотрѣть всѣ села и деревни, розданныя противно указамъ и возвратить ихъ въ прежнее вѣдомство, то такихъ земель по разслѣдованію оказалось цѣлое множество. Тѣмъ не менѣе правительство какъ-то медлило рѣшительными мѣрами и даже много лѣтъ спустя Румянцеву въ его запискѣ о неустройствахъ въ Малороссіи снова пришлось доказывать, что всѣ почти села и деревни, принадлежащія „коронѣ“, состоятъ въ партикулярныхъ владѣніяхъ и что расхищеніе ихъ по рукамъ произошло безъ всякихъ подтвердительныхъ грамотъ, ибо, по язвительному замѣчанію Румянцева, „трудно было таковыя конфирмаціи и испрашивать, одно, что можетъ быть и заслугъ при этомъ не доставало, а другое, что по чрезвычайности удержаться бы и давно велѣно было“ [1]). Изъ записки Румянцева явствовало, да это и не было новостью для самого правительства, что значительная часть земель, причислявшихся наказами къ пожалованнымъ, никогда таковыми не были, но составляли войсковую собственность и были расхищены старшинами и населены помѣщиками „къ лучшему прибытку государства“ посполитыми крестьянами. Дѣлалось это

[1]) Аѳѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

Библиотека "Руниверс"

старшинами подъ видомъ обычной заимки вольныхъ земель, но въ сущности по праву сильнаго и потому, что центральная власть не могла подробно вникать въ экономическія отношенія Малороссіи и на злоупотребленія въ этой области смотрѣла сквозь пальцы; однако же, естественно, что это обстоятельство еще не дѣлало заимки войсковыхъ земель законною и не освобождало заимщиковъ отъ необходимости исходатайствовать на свои займы подтвердительныя грамоты, т. е. иначе сказать отреченіе государства отъ своей собственности, безъ чего всегда можно было ожидать, что занятыя земли снова будутъ отобраны въ казенную собственность. Правда, до послѣдняго времени примѣровъ такого отобранія земель въ Малороссіи не было, но вотъ незадолго до созванія коммиссіи, какъ сообщаетъ черниговскій наказъ, нѣкоторыя владѣнія, „утвержденныя малороссійскому народу подъ именемъ займищъ“, стали подвергаться безпокойствамъ и многія изъ нихъ были отписаны въ казенное вѣдомство, что вызвало, конечно, среди малорусскаго общества большую сенсацію, ибо при отсутствіи точнаго разграниченія между землями, захваченными у короны и правильно пріобрѣтенными, владѣльцы ихъ одинаково рисковали и тѣми, и другими.

Если, такимъ образомъ, ни заимка, ни гетманскія пожалованія, какъ неправильныя, не могли давать малороссіянамъ спокойнаго и безспорнаго права собственности на ихъ имѣнія, то о деревняхъ, хуторахъ и пр., захваченныхъ старшинами подъ видомъ опредѣленныхъ на уряды, и говорить уже нечего, такъ какъ они были явно незаконно нажитыя; но казалось бы, что вполнѣ правовымъ характеромъ должны, по крайней мѣрѣ, отличаться земли и имѣнія, пріобрѣтенныя куплею и другими возмездными способами, и что просьбы объ ихъ укрѣпленіи новыми подтвердительными грамотами дѣло совершенно излишнее; однако у шляхетскаго землевладѣнія и здѣсь была своя ахиллесова пята, такъ какъ шляхетство въ теченіи долгихъ лѣтъ скупало въ свои руки земли и дворы ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія отчужденію, а именно—казенные и съ 1739 года козацкіе. Относительно первыхъ, Тепловъ писалъ [1]), что старшина подъ видомъ

[1]) Кулишъ. Зап. о Южн. Р., т. II. стр. 179.

Библиотека "Руниверс"

свободныхъ войсковыхъ неправильно раскупила принадлежавшіе казнѣ государя посполитые дворы съ землями и самыми мужиками и доказывалъ это тѣмъ, что по ревизіи послѣ гетмана Скоропадскаго такихъ дворовъ было болѣе 40 тыс., до гетмана Разумовскаго ихъ было роздано правительствомъ не болѣе 3 тыс., а между тѣмъ Разумовскій въ свое гетманство засталъ неразобранныхъ дворовъ не болѣе 4 тыс., остальные же попали въ руки старшины, хотя она и отрицала этотъ фактъ, заявляя, что посполитые посходили съ своихъ дворовъ въ Польшу. Что касается вторыхъ, т. е. козацкихъ земель, то въ 1739 году Анна Ивановна, въ виду сильнаго ихъ сокращенія и вреда для козачьей службы, запретила козакамъ продавать свои земли, тѣмъ не менѣе при господствѣ старшинскаго самовластья продажа и покупка ихъ продолжалась, хотя и безъ надлежащихъ актовъ, (если таковые не поддѣлывались только заднимъ числомъ до изданія ограничивающаго закона), но очевидно, что и такія пріобрѣтенія, какъ незаконныя, совершенныя вопреки царскому указу, должны были еще болѣе чѣмъ другія нуждаться въ подтвердительныхъ грамотахъ, утверждающихъ ихъ за тѣмъ кто купилъ. Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго нами анализа выясняется, что просьбы наказовъ объ укрѣпленіи грамотами шляхетскаго землевладѣнія были вызваны его характеромъ и имѣли въ виду прекращеніе споровъ и безпокойствъ, происходившихъ отъ неимѣнія на земли, дворы, деревни и другія имѣнія формальныхъ актовъ укрѣпленія; въ этихъ же точно цѣляхъ шляхетство просило также указать особымъ межевщикамъ и землемѣрамъ „размѣрять и обмежевать его земли и утвердить каждому помѣщику его помѣстье вѣчно и наслѣдственно въ родъ обоего пола [1])“. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчаются также просьбы о положительной отмѣнѣ указа Анны Ивановны 1739 г. и о дозволеніи шляхетству по старому покупать у козаковъ грунты, земли, мельницы и пр., такъ какъ отъ такой продажи не можетъ послѣдовать вреда для козачьей службы и такъ какъ „сходственно то будетъ съ правами малороссійскими“.

[1]) Наказы, стр. 17, 26, 57.

Библиотека "Руниверс"

Мы сказали о „положительной“ отмѣнѣ указа 1739 года потому, что отчасти онъ былъ уже отмѣненъ Разумовскимъ, дозволившимъ козакамъ продажу своихъ грунтовъ не полностью, а въ части, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы этимъ предупредить переводъ козаковъ въ посполитые, ибо козакъ, продавшій свой грунтъ полностью, но оставшійся на немъ жить, долженъ былъ отдавать повинность своему владѣльцу наравнѣ съ посполитыми и, слѣдовательно, выходилъ изъ рядовъ козачества.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о землевладѣніи удобно теперь же разсмотрѣть, что было высказано въ наказахъ и коммиссіи относительно посполитыхъ крестьянъ, населявшихъ шляхетскія земли, и взглянуть каковы были въ этомъ отношеніи тенденціи малороссійскаго шляхетства въ вѣкъ наибольшаго развитія рабовладѣльческихъ понятій и инстинктовъ. Хотя стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что вопросъ о томъ или иномъ положеніи владѣльческихъ посполитыхъ составлялъ для владѣльцевъ ихъ, т. е. шляхетства, вопросъ чрезвычайной важности, тѣмъ не менѣе мы должны заявить, что онъ весьма слабо былъ разработанъ наказами и только говорившіе въ коммиссіи ораторы бросили намъ кое какія отрывочныя разъясненія, вызванныя происходившими дебатами. Въ существенныхъ чертахъ содержаніе наказовъ по интересующему насъ вопросу состояло въ просьбахъ шляхетства о сохраненіи его посполитыхъ подданныхъ на правахъ и обыкновеніяхъ „предшествовавшихъ временъ“ и объ уменьшеніи и болѣе правильной раскладкѣ возложенныхъ на нихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей; весьма удивительно также, что ни въ одномъ наказѣ не было выражено желанія запретить посполитымъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто, чего такъ жадно еще недавно добивались малороссійскіе старшины и шляхетство въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Не имѣя основанія думать, что шляхетство вообще не желало интересоваться положеніемъ своихъ подданныхъ, ибо этому противорѣчатъ и естественный смыслъ, и заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, мы объясняемъ скромность наказовъ тѣмъ, что составители ихъ считали лишнимъ

Библиотека "Руниверс"

обращать вниманіе представительнаго собранія на знакомство съ экономическими отношеніями шляхты и посполитыхъ.

Да и къ чему это? могли думать составители наказовъ. Не лучше-ли вообще просить о подтвержденіи своихъ правъ и законовъ и о сохраненіи посполитыхъ на положеніи предшествовавшихъ временъ, ибо далѣе шляхетство само съумѣетъ установить свои отношенія къ подданнымъ и потребовать отъ нихъ надлежащаго послушанія и повинностей? Мы думаемъ, что шляхетству, дѣйствительно, нечего было много распространяться о своихъ подданныхъ такъ какъ просьбами о сохраненіи ихъ на положеніи „предшествовавшихъ временъ“ оно выражало все, а идти дальше этихъ временъ и требовать большаго было совершенно излишне даже въ глазахъ самыхъ ярыхъ поборниковъ шляхетскихъ интересовъ. Дѣйствительно, „предшествовавшія времена“ давали полную свободу владѣльцамъ распоряжаться въ экономическомъ отношеніи личностью своего подданнаго; подданные же обязаны были отдавать своему владѣльцу надлежащее послушаніе и повинности, а если „какое гдѣ подъ какимъ видомъ отъ подданныхъ противъ владѣльцевъ ослушаніе и преступство показалось, за то всякому владѣльцу подданнаго своего по разсмотрѣнію наказывать вольно, а въ криминальныхъ дѣлахъ въ подлежащіе суда отсылать должно [1]). „Это такая свобода, что даже Политика не счелъ возможнымъ требовать большаго и заявилъ только, что шляхетство, по силѣ правъ малороссійскихъ, должно пользоваться судомъ и расправой надъ своими подданными и не допускать чужаго вмѣшательства въ свои отношенія. Весьма интересные дебаты относительно посполитыхъ крестьянъ возникли въ коммиссіи, когда извѣстный депутатъ отъ Хоперской крѣпости, Алейниковъ, высказалъ мнѣніе, что малороссійской старшинѣ должна быть воспрещена покупка новыхъ крестьянъ, а купленные ранѣе должны быть отписаны на императрицу въ виду того, что они терпятъ притѣсненія, вызывающія грабежи, разбои и пр., и что, кромѣ того, скупая крестьянъ, старшина приводитъ рядовыхъ козаковъ въ крайнее убожество [2]).

[1]) Права, по которымъ судится мал. нар. стр. 52.

[2]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. VIII, стр. 214

Библиотека "Руниверс"

Мнѣніе Алейникова вызвало среди шляхетскихъ депутатовъ большую сенсацію; возражавшій на него депутатъ отъ шляхетства батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ, Божичъ, отвѣчалъ, что заявленіе Алейникова о положеніи посполитыхъ совершенно несправедливо, что Алейникову неизвѣстны ни настоящее устройство Малороссіи, ни права Лит. Статута, по силѣ которыхъ украинское шляхетство имѣетъ власть какъ заводить на своихъ земляхъ новыя селенія, такъ и свободно отчуждать ихъ и что только пріобрѣтеніе недвижимости иностранцами стѣснено извѣстными ограниченіями. Особенно же Божичъ ставилъ коммиссіи на видъ то обстоятельство, что за отмѣной въ 1728 году указа, запрещавшаго великороссіянамъ покупать въ Малороссіи земельную собственность, въ ней сильно развились великорусскіе помѣщики и весьма замѣтно стѣснили козаковъ и посполитыхъ. Этимъ возраженіемъ, Божичъ, очевидно, хотѣлъ отнести часть брошеннаго его сословію обвиненія на самихъ великорусскихъ помѣщиковъ; что же касается козаковъ, то онъ утверждалъ, что они не могутъ жаловаться на обиды отъ старшинъ, такъ какъ сами имѣютъ наравнѣ съ нею грунты и земли и пользуются тѣми же шляхетскими правами и что объ обидахъ старшинами козаковъ въ Малороссіи ничего не слышно. Съ тою же убѣжденностью о довольствѣ владѣльческихъ подданныхъ своей судьбой говорилъ по другому поводу и депутатъ отъ переяславскаго шляхетства, Забѣла [1]), взявшій на себя трудъ возражать депутату отъ екатерининской провинціи, скромно выступившему на защиту правъ посполитыхъ... Екатерининскій депутатъ предложилъ установить для малороссійскихъ крестьянъ такой порядокъ, чтобы они изъ семи дней недѣли—2 посвящали себѣ, 2 помѣщику, 2 государству (т. е. отбывали повинности), а 7-ой день отдавали Богу и, кромѣ того, въ виду выгодъ бѣднѣйшихъ помѣщиковъ онъ предложилъ ограничить свободу перехода крестьянъ наложеніемъ штрафа на помѣщиковъ, принимающихъ крестьянъ безъ всякаго вида отъ надлежащаго начальства. Какъ ни скромны были предложенія екатерининскаго депутата, но За-

[1]) Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 32 стр. 520.

Библиотека "Руниверс"

бѣла въ своемъ возраженіи удивлялся дерзости непрошеннаго реформатора и, ссылаясь на высочайшіе указы, просилъ оставить поселянъ на прежнихъ основаніяхъ, такъ какъ они всѣмъ довольны и счастливы подъ покровительствомъ владѣющаго ими шляхетства.

Насколько же шляхетству вообще были чужды желанія измѣнить правовое положеніе своихъ подданныхъ, мы можемъ сослаться на прошеніе миргородскаго, гадяцкаго и полтавскаго шляхетства, гдѣ, среди другихъ одобрительныхъ замѣчаній о возстановленіи Елизаветой Петровной старинныхъ правъ въ Малороссіи, съ удовольствіемъ подчеркивался даже непріятный для шляхетства указъ императрицы о возвращеніи малороссійскому народу свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто „во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ“ [1]). Совершенно невѣрнымъ и безосновательнымъ поэтому является замѣчаніе г. Латкина, что указъ 3 мая 1783 года, отнявшій у малороссійскихъ крестьянъ право перехода и поставившій ихъ въ условія крѣпостной зависимости, былъ отвѣтомъ императрицы на хлопоты южно-русскихъ шляхетскихъ наказовъ, ибо такихъ хлопотъ не было, хотя съ своей стороны мы не отрицаемъ, что шляхетство всегда добивалось установить болѣе прочную власть надъ поспольствомъ и въ эпоху коммиссіи болѣло этимъ недугомъ. Весьма любопытно, что высказанные въ наказахъ взгляды относительно перехода крестьянъ стояли въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ воззрѣніями шляхетства, выраженными въ прошеніи о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи: въ то время какъ составители наказа отъ миргородскаго, полтавскаго и гадяцкаго шляхетства находили (совершенно правильно), что свободный переходъ крестьянъ, по силѣ Статута, составляетъ ихъ право, не далѣе какъ въ 1764 г. старшина и шляхетство, на основаніи якобы тѣхъ же правъ и въ сходство ихъ изданныхъ сеймовыхъ установленій, ратовали предъ императрицей, что малороссійскіе мужики не должны имѣть никакой вольности въ свободномъ съ мѣста на мѣсто переходѣ,

[1]) Наказы, стр. 63.

Библиотека "Руниверс"

кромѣ случаевъ увольненія ихъ самими помѣщиками и что ни въ пунктахъ Хмельницкаго, ни другихъ гетмановъ вольный переходъ мужикамъ не дозволенъ, а усвоенъ ими въ нарушеніе закона и вслѣдствіе бывшихъ въ Малороссіи безпорядковъ, способствовавшихъ крестьянамъ во избѣжаніе повинностей переходить отъ одного владѣльца къ другому или даже записываться въ козаки. Отмѣченное нами измѣненіе во взглядахъ шляхетства весьма выгодно отличаетъ наказы отъ „прошенія“ и это тѣмъ болѣе для насъ пріятно, что такъ какъ свобода перехода крестьянъ имѣла интересъ не только шляхетскій, но и общегосударственный, и подвергалась порицанію со стороны такихъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Румянцевъ и Тепловъ [1]), то шляхетству ничего не стоило присоединить свой голосъ къ голосамъ порицателей и оно могло разсчитывать на полное удовлетвореніе своихъ желаній. Между тѣмъ шляхетство этого не сдѣлало и въ этомъ его заслуга.

Второй симпатичной чертой наказовъ нужно назвать еще отсутствіе въ нихъ фальшивыхъ жалобъ на обнищаніе шляхетства вслѣдствіе приписки мужиковъ въ козачье званіе. Потому-ли, что жалобы эти могли повлечь за собой противоположныя указанія объ обращеніи козаковъ въ посполитые, о скуплѣ ихъ грунтовъ и къ другимъ непріятнымъ разоблаченіямъ, или по другимъ причинамъ, но въ наказахъ нѣтъ ничего похожаго на то и возмутительное и курьезное заявленіе „прошенія“ 1764 года, что отъ зачисленія мужиковъ въ козаки шляхетство прійдетъ въ упадокъ, „а съ нимъ на послѣдокъ и вся Малая Россія опустѣетъ“.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Кулишъ. Зап. о Ю. Р., т. II, стр. 194.

Библиотека "Руниверс"

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА V.

ПОДЪ БАТОГОМЪ.

Польскій лагерь съ широкими окопами раскинулся по берегу Буга недалеко отъ Ладыжина, у горы Батога. Въ лагерѣ была совершенная тишина, только передовые пикеты сверкали въ прозрачномъ сумракѣ теплой майской ночи. У одного изъ такихъ сторожевыхъ огней пріютилась кучка жолнеровъ, отъ нечего дѣлать перекидываясь разсказами и предположеніями о предстоящихъ событіяхъ. Лица у всѣхъ были сумрачныя, не слышалось ни шутокъ, ни смѣху.

— А что, панове, спросилъ одинъ изъ нихъ, кто изъ васъ видѣлъ вчера, что на небѣ дѣлалось?

— Я, и я, и я тоже! проговорило нѣсколько голосовъ.

— Разскажите же толкомъ, панове, что было, и что видѣли?

— Сперва появился свѣтъ, сталъ разсказывать одинъ изъ жолнеровъ, красивый юноша съ почти дѣтскимъ лицемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не свѣтъ! А такія двѣ полоски, точно двѣ метлы.

— Ну, можетъ быть! съ досадою отвѣтилъ молодой человѣкъ. Не въ томъ дѣло. Потомъ, это ужъ всѣ ясно видѣли, вы-

---

[1)] „Кіевск. Стар.“, 1890 г., № 8.

Библиотека "Руниверс"

тянулся на небѣ красный мечь, длинный, предлинный, рукоятью на востокъ, а лезвіемъ прямо на польскій лагерь.

— Да панамъ, можетъ быть, пригрезилось? усумнился спрашивающій.

— Нѣтъ! Всѣ видѣли, подтвердили говорившіе—самъ панъ хорунжій вышелъ смотрѣть.

— Плохо, панове! Ой, плохо! проговорилъ пожилой жолнеръ, качая головою. Вотъ и панъ хорунжій не къ добру на смотру съ коня свалился и уронилъ знамя.

— Что и говорить, плохія времена! подтвердили другіе.

— А правда, панове, спросилъ молодой жолнеръ, что колдунья напророчила смерть пану коронному гетману и пану Самуилу?

Колдуньей звали Зелиму, оставшуюся въ войскѣ въ качествѣ маркитантки.

— Правда! подтвердилъ старикъ. За то ее панъ гетманъ видѣть не можетъ. Еслибъ не князь Дмитрій, то ея давно бы въ войскѣ не было.

— А къ князю Дмитрію она ходитъ каждый вечеръ колдовать...

Всѣ засмѣялись.

— Слышали, панове! таинственно проговорилъ молодой статный жолнеръ, молчавшій до сихъ поръ и задумчиво смотрѣвшій въ огонь. Слышали, что здѣсь по близости есть скала, тамъ изъ подъ земли слышится человѣческій голосъ. Вотъ бы спросить.

Въ говорѣ красиваго жолнера слышался иностранный акцентъ; онъ былъ природный французъ и служилъ въ войскѣ недавно.

— А далеко это? освѣдомился кто-то.

— Нѣтъ, верстахъ въ полутора, надъ самымъ Бугомъ.

— А кто говорилъ объ этомъ пану? освѣдомилась молодежь.

— Я самъ тамъ былъ, задумчиво проговорилъ французъ.

— И панъ слышалъ голосъ?

— Нѣтъ, я былъ днемъ, мнѣ показывали это мѣсто; а голосъ можно слышать только ночью, послѣ полуночи. Если кто хочетъ со мною пойти, то я готовъ.

Библиотека "Руниверс"

Старикъ поднялся.

— Пойдемъ, панъ! Мнѣ жить недолго; если вѣдьмы и съѣдятъ, не велика бѣда, шутливо замѣтилъ онъ.

— Одни только бабьи толки! замѣтилъ жолнеръ, начавшій разговоръ. Вдвоемъ пойдете, навѣрное ничего не услышите.

Всѣ встали, провожая уходившихъ шутками и пожеланіями счастливаго пути, и затѣмъ опять присѣли къ огню.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Однако, панове! что ни говори, началъ словоохотливый жолнеръ, а дѣла наши плохи. При такихъ окопахъ, какіе устроилъ панъ коронный гетманъ, чуть не на цѣлую милю, да еще въ такой мышеловкѣ, въ какую онъ насъ заключилъ, между горою, рѣкою и болотами, намъ навѣрное не сдобровать.

— Что же смотрѣлъ панъ Пржіемскій? возразилъ кто-то. Такой опытный воинъ долженъ же былъ видѣть ошибки гетмана.

— Онъ и замѣтилъ, съ жаромъ возразилъ говорившій. Онъ ему представлялъ всѣ резоны, уговаривалъ уйти за Днѣпръ и собрать тамъ войско; умолялъ выбрать другое мѣсто для битвы...

— Ну, и что же?

— Ничего и слушать не хотѣлъ панъ гетманъ; уперся какъ всегда. Когда онъ получилъ предостерегательную грамоту отъ козацкаго гетмана, гдѣ тотъ виляетъ передъ нимъ, какъ лисица, и увѣряетъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, кажется, только онъ одинъ и повѣрилъ этому письму. Всѣ поняли, что хитрый козацкій атаманъ только смѣется надъ нами, а онъ твердилъ наперекоръ всѣмъ, что теперь настало время отомстить за Корсунь, и что онъ на веревкѣ приведетъ гетманскаго сына королю...

— Панове! смотрите, смотрите! въ ужасѣ прервалъ молодой жолнеръ разскащика, указывая на небо.

Въ воздухѣ, дѣйствительно, происходило что-то странное. Былъ ли то отблескъ только-что потухшей зари, или сѣверное сіяніе, или же миражъ душной лѣтней ночи, но вдали надъ горизонтомъ точно поднялась какая-то завѣса и по небу задвигались какія-то свѣтлыя тѣни, точно два войска сражались, потрясая мечами, скользя и падая въ ночной сумракъ, разстилав-

Библиотека "Руниверс"

шійся внизу. Жолнеры вскочили и въ нѣмомъ изумленіи смотрѣли на странное зрѣлище.

— Доложить пану гетману, сказалъ кто-то, въ его палаткѣ свѣтъ; пусть полюбуется, можетъ быть, образумится.

— Пусть панъ идетъ и доложитъ! проговорили другіе.

— Чтожь, и доложу! отозвался тотъ и зашагалъ къ гетманской палаткѣ.

Странное явленіе длилось еще минутъ пять. Но когда коронный гетманъ въ сопровожденіи молодаго жолнера вышелъ изъ палатки, то все уже кончилось и только легкія полосы огненнаго свѣта догорали на небѣ.

— Гдѣ же панъ поручикъ видѣлъ миражъ? строго обратился Калиновскій къ молодому человѣку.

— Ясновельможный пане! смущенно отвѣчалъ молодой человѣкъ: видѣніе исчезло, но могу завѣрить, что всѣ мы ясно видѣли сражающихся огненныхъ людей на небѣ.

— Панъ поручикъ сейчасъ явится къ своему ближайшему начальнику и заявитъ ему, что онъ посаженъ мною подъ арестъ, вспылилъ панъ Калиновскій. И это еще легкое наказаніе для такихъ пустоголовыхъ трусовъ! крикнулъ онъ.

— Панъ гетманъ! въ свою очередь вспылилъ молодой человѣкъ, хватаясь за эфесъ шпаги.

— Да, я панъ гетманъ! не помня себя отъ гнѣва продолжалъ Калиновскій. А ты молокососъ слишкомъ молодъ, чтобы глумиться надо мною и тревожить меня изъ-за бабьихъ сплетень.

Онъ круто повернулся и скрылся въ своей палаткѣ. Молодаго человѣка тотчасъ же окружили его товарищи, издали слѣдившіе за происшедшей сценою.

— Что у васъ вышло? съ любопытствомъ спрашивали они.

Молодой человѣкъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ, въ чемъ дѣло.

— И по дѣломъ, не надо было пану къ нему ходить, замѣтилъ одинъ изъ жолнеровъ.

Въ эту минуту вдали показались французъ съ его спутникомъ, быстро приближавшіеся къ товарищамъ.

Библиотека "Руниверс"

— Отойдемте къ костру! осторожно замѣтилъ кто-то. А то еще и намъ достанется.

Поручикъ двинулся за ними.

— Пану, кажется, слѣдуетъ идти подъ арестъ! замѣтилъ молодой жолнеръ, разсказывавшій о вчерашнемъ видѣніи.

— Это до пана не касается! раздражительно возразилъ поручикъ. Еще успѣю и подъ арестомъ насидѣться.

Блѣдныя разстроенныя лица двухъ подошедшихъ къ костру путниковъ навели на всѣхъ остальныхъ паническій страхъ.

— Что случилось? спрашивали ихъ.

— Ужасно! Непостижимо! Дайте отдышаться! отвѣтилъ старикъ, усаживаясь къ костру.

Французъ ничего не говорилъ; онъ только обводилъ всѣхъ стекляннымъ взоромъ, какъ будто не понимая, гдѣ онъ находится.

— Да не томите же, говорите! приставали къ нимъ.

— Ничего подобнаго никогда не случалось со мною, началъ свой разсказъ старикъ. Только что мы подошли съ паномъ поручикомъ къ этой чертовской скалѣ, мнѣ показалось, что камни загудѣли. Я схватилъ пана за руку и въ эту минуту мы оба ясно услышали голосъ изъ подъ земли. Густой мужской басъ, вотъ какъ у пана хорунжаго...

Слушатели придвинулись плотнѣе къ разскащику, пугливо озираясь. И только послѣ нѣсколькихъ секундъ гробоваго молчанія, кто-то рѣшился робко спросить:

— Что жъ онъ вамъ сказалъ?

— Не знаю, не знаю, торопливо проговорилъ старикъ и, кивнувъ головою на француза, прибавилъ: спросите вотъ его, онъ ему много по французски наговорилъ, я ничего не понялъ. Я только разобралъ: hetman... hetman... barbe... barbe... А какъ я увидѣлъ, что мой товарищъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, то и пустился назадъ безъ оглядки, даже не зналъ, слѣдуетъ ли панъ поручикъ за мною. Всѣ обратились къ французу.

— Гей, пане! тряся его за рукавъ, кричалъ ему въ ухо арестованный поручикъ. Языкъ у тебя отнялся что ли, съ испуга?

— Принести ему вина! замѣтилъ кто-то.

Библиотека "Руниверс"

— Въ нашей палаткѣ есть, только я ни за что одинъ не пойду туда, сказалъ старикъ.

До палатки надо было дойти шаговъ сто, и вся компанія рѣшила идти вмѣстѣ, а потомъ тѣ, кому надо смѣнить дежурныхъ, вернутся.

Вообще о соблюденіи дисциплины въ польскомъ лагерѣ мало заботились, несмотря на то, что гетманъ кричалъ много, его слушали мало, тѣмъ болѣе что онъ отличался замѣчательною непослѣдовательностью и въ одинъ день могъ не разъ отмѣнить свои же собственныя приказанія. Поручикъ захватилъ горящую головню вмѣсто факела, и всѣ шумно двинулись къ палаткѣ на соблазнъ дремавшей стражѣ, вскакивавшей въ просонкахъ и хватавшейся за оружіе.

Въ палаткѣ спали въ повалку еще человѣкъ десять молодыхъ людей. Услышавъ шумъ, они повскакивали съ земли и, протирая глаза, съ удивленіемъ слушали разсказы прибывшихъ. Нашлось вино, обошла всѣхъ походная чарка. Французъ выпилъ даже цѣлыхъ три, и языкъ его развязался.

— Панове, проговорилъ онъ, не знаю, разсказывать ли то, что я слышалъ? Во всякомъ случаѣ паны меня не выдадутъ?

— Какъ можно, панъ поручикъ! дружно отвѣтили товарищи.

— Скажите вашему гетману, услышалъ я изъ подъ земли, что свирѣпый пьяница хочетъ обрить ему бороду, только бритва у него острая, съ бородой онъ можетъ отрѣзать и голову...

Не успѣлъ французъ окончить своихъ словъ, какъ сильный порывистый вѣтеръ ворвался въ палатку и загасилъ факелъ. Въ темнотѣ всѣ пришли въ смятеніе, всѣ заметались, попрятались по угламъ и только старый жолнеръ, не совсѣмъ потерявшій присутствіе духа, дрожащими руками высѣкъ огня и зажегъ восковую свѣчку.

Выглянувъ изъ палатки, онъ увидѣлъ, что началась гроза, и сталъ успокаивать своихъ испуганныхъ товарищей! Понемногу всѣ пришли въ себя, но толки о чудесныхъ событіяхъ не дали никому сомкнуть глазъ и съ разсвѣтомъ облетѣли весь лагерь, наводя на всѣхъ страхъ и суевѣрное предчувствіе чего то ужаснаго, чего никакъ нельзя предотвратить.

Библиотека "Руниверс"

На слѣдующее утро была суббота 29 мая, праздникъ Божіей Матери. Войско съ самаго утра было уже въ волненіи, только что возвратившійся разъѣздъ, посланный нѣсколько дней тому назадъ, наткнулся на передовые отряды татаръ почти у самаго лагеря. Всѣ точно застыли, услышавъ это извѣстіе; но потомъ въ войскѣ поднялся такой шумъ и крикъ, что коронный гетманъ едва могъ возстановить порядокъ. Онъ объѣхалъ весь лагерь и построилъ войско въ боевой порядокъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, дѣйствительно, появились передовые татарскіе отряды съ нѣсколькими козацкими сотнями. Они двигались чинно, спокойно, будто не замѣчая польскаго лагеря.

— Стрѣлять по собакамъ! скомандовалъ Калиновскій, принявшій начальство надъ войскомъ.

— Что дѣлаетъ панъ коронный гетманъ? остановилъ его старикъ Пржіемскій. Пусть бы ихъ ѣхали мимо. Для нападенія у насъ слишкомъ мало войска.

— Пустяки! горячо проговорилъ Калиновскій. Натискъ первое дѣло! Панъ артиллеристъ можетъ сидѣть со своими пушками въ окопахъ. Онъ увидитъ, какъ моя конница сомнетъ хлоповъ.

Послѣдовалъ залпъ. Татары круто повернули назадъ, и польская конница быстро понеслась за ними съ громкими возгласами: „Свента Марія!“ оставляя далеко за собою лагерь.

Въ эту минуту въ лагерѣ случилось что то странное. Съ сѣверной стороны послышалось какое-то смятеніе; пронесся крикъ:

— Козаки въ тылу! Непріятель въ обозѣ!

Въ тотъ же моментъ ротмистръ Зелинскій бросился за конницею, не дожидаясь даже приказанія главнокомандующаго.

— Назадъ! назадъ! кричалъ онъ. Вернитесь назадъ! Козаки въ лагерѣ!

Задніе ряды конницы повернули къ лагерю; передніе ряды неслись еще нѣсколько секундъ впередъ, но увидавъ, что они раздвоились, оставили преслѣдованіе. Козаки же и татары бросились по ихъ слѣдамъ. Зажужжали стрѣлы, засвистѣли пули, многіе всадники попадали. Ряды спутались, стройная колонна обратилась въ безпорядочный пчелиный рой. Достигнувъ лагеря.

Библиотека "Руниверс"

поляки не досчитались, по крайней мѣрѣ, трети своихъ воиновъ. Непріятель же сталъ внѣ выстрѣловъ и, казалось, не имѣлъ намѣренія отступать.

Собственно говоря, козаковъ еще въ обозѣ не было. Прибѣжали только остатки польскаго отряда, высланнаго къ Ладыжину и разбитаго на голову Тимошемъ. Онъ со своимъ отрядомъ двигался по лѣвому берегу Буга и переправился черезъ рѣку выше Ладыжина. Бѣжавшіе увѣряли, что козаки тотчасъ нападутъ на обозъ и что ихъ видимо невидимо, тысячъ до ста. Пану гетману съ большимъ трудомъ удалось опять привести войско въ порядокъ. Повсюду онъ наталкивался на сильное возбужденіе; начальники отдѣльныхъ отрядовъ не слушали его приказаній. Вездѣ слышался ропотъ. Старые заслуженные воины чуть не на глазахъ у гетмана сходились въ кучки и обсуждали свое положеніе.

— Онъ ничего не знаетъ, какой онъ главнокомандующій! Онъ загналъ насъ сюда, какъ въ бойню, и даже не узналъ хорошенько о непріятельскихъ силахъ.

Кто-то предложилъ отдать гетмана въ неволю татарамъ.

— Пусть его опять посидитъ въ Крыму. За что намъ погибать всѣмъ изъ за сумасбродной головы! раздавалось въ толпѣ.

— Нѣтъ! отошлемъ его Хмельницкому! кричали другіе.

— Трусы, измѣнники! вдругъ раздался въ толпѣ рѣзкій голосъ гетмана.

Калиновскій прибѣжалъ изъ палатки, запыхавшись, дрожа отъ волненія, глаза его метали искры, рука крѣпко сжимала саблю; онъ махалъ ею надъ головою.

— Вы сами сумасброды, вы потеряли головы! Впередъ изъ обоза, или я зарублю всякаго ослушника.

Въ первую минуту неожиданное появленіе короннаго гетмана смутило пановъ; они было смолкли, но тотчасъ же снова зашумѣли и наступая съ обнаженными саблями на Калиновскаго, кричали ему:

— Ты трусъ, ты измѣнникъ, а не мы! Ты предалъ насъ въ руки хлоповъ и татаръ.

Нѣсколько молодыхъ пановъ, въ томъ числѣ князь Дмитрій и Николай Потоцкій заслонили собою гетмана и старались об-

Библиотека "Руниверс"

разумить взволнованную толпу. Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бы Калиновскій, исчерпавъ все свое краснорѣчіе, не удалился въ свою палатку, куда за нимъ послѣдовали Пржіемскій и нѣсколько приближенныхъ пановъ.

На взволнованный лагерь спустился сумракъ; козаки еще не являлись, но ихъ ждали каждую минуту.

Нѣсколько храбрецовъ, наслушавшись отъ француза о чудесной скалѣ, въ полночь ходили туда и тоже опрометью вернулись назадъ; невидимый духъ повторилъ имъ по польски тоже самое, что и въ прошлую ночь.

Всю ночь до самаго разсвѣта просидѣлъ Калиновскій со старымъ артиллеристомъ, обсуждая всевозможные способы обороны. А въ лагерѣ, между тѣмъ, безотчетный, необъяснимый страхъ возросталъ каждую минуту, и едва только первая полоса утренней зари освѣтила лагерь, всѣ уже были на коняхъ, всѣ какъ одинъ человѣкъ рѣшились оставить гетмана и бѣжать куда глаза глядятъ. Этому много способствовало и поведеніе колдуньи. Она бѣгала по лагерю съ распущенными волосами и повелительнымъ жестомъ указывала на лѣвый берегъ Буга.

— Туда, туда надо вамъ идти! Я знаю, что онъ идетъ на васъ съ сѣвера, вамъ надо обойти его, перехитрить; здѣсь же васъ всѣхъ ждетъ гибель!

Панъ Самуилъ подошелъ къ ней и велѣлъ ей удалиться:

— Ступай прочь, Зелима! Тебѣ здѣсь не мѣсто!

— Это тебѣ здѣсь не мѣсто! возразила она, и взоръ ея сверкнулъ ненавистью: Ты вмѣстѣ съ отцомъ хотѣлъ выгнать бѣдную Зелиму. Смерть вамъ обоимъ! Аллахъ скоро отомститъ за меня.

Она побѣжала вонъ изъ лагеря, а за нею послѣдовали и многіе отряды.

Князь Дмитрій и панъ Самуилъ бросились къ палаткѣ коронаго гетмана.

— Отецъ, останови ихъ! Они бѣгутъ! въ волненіи вскрикнулъ панъ Самуилъ на порогѣ.

— Подлецы, трусы! вскрикнулъ Калиновскій, но голосъ его задрожалъ и оборвался.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ, какъ ошеломленный. Потомъ, выскочивъ изъ палатки и увлекая Пржіемскаго, онъ бросился къ артиллеріи, стоявшей на валу и не принимавшей никакого участія въ волненіи. Старые посѣдѣвшіе ветераны, дѣлившіе со своимъ старымъ вождемъ славу его въ битвахъ съ иноземцами, чинно стояли каждый на своемъ посту, готовые умереть, не моргнувъ глазомъ, по одному мановенію своего начальника.

— Я приказываю пану направить орудія на бѣглецовъ! скомандовалъ Калиновскій.

— Обдумалъ ли панъ коронный гетманъ, что онъ дѣлаетъ? попробовалъ его остановить Пржіемскій.

— Предлагаю пану слушаться главнокомандующаго! рѣзко отвѣтилъ Калиновскій.

Приказаніе было отдано. Раздался оглушительный залпъ, и дымъ застлалъ лагерь синеватымъ туманомъ, а обезумѣвшій отъ гнѣва гетманъ уже гналъ за бѣглецами нѣмецкую пѣхоту. Въ ту же почти минуту въ обозѣ вспыхнуло зарево. Панскіе хлопы, желая подслужиться козакамъ, сговорились сжечь лагерь. Когда дымъ пушечнаго залпа разсѣялся, первые лучи восходящаго солнца и яркое зарево пожара освѣтили ужасную картину. Множество поляковъ лежало на мѣстѣ; другіе съ яростью бросились на нѣмцевъ, завязалась отчаянная рукопашная борьба; нѣкоторые совершенно обезумѣли отъ страха и бросались кто въ воду, кто въ пламя горѣвшихъ костровъ. Изъ обоза то и дѣло вылетали цѣлые снопы пылавшаго сѣна, все болѣе и болѣе распространяя пожаръ по лагерю.

Вдругъ пронесся крикъ, и изъ за холма хлынула цѣлая волна козаковъ въ перемежку съ татарами. Впереди всѣхъ двигался красивый атлетъ запорожецъ, какъ изъ стали выкованный, и хитрымъ проницательнымъ взоромъ окинулъ страшную картину. Увидѣвъ борьбу, онъ заслонилъ глаза ладонью и сталъ всматриваться, удержавъ коня на вершинѣ холма. Занимъ остановились и козаки и стали въ удивленіи перешептываться.

— Не обманъ ли это? какая видьма ихъ зачаровала? Или они горилки перепились? говорили они вполголоса и нерѣшительно смотрѣли на своего предводителя.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ широкая усмѣшка озарила лицо атамана. Это былъ зять Богдана, храбрый Иванъ Золотаренко, первѣйшій врагъ ляховъ, хорошо изучившій всѣ ихъ звычаи и обычаи.

— Смотрите-ка, братове, что творятъ ляхи! крикнулъ онъ и громко расхохотался; сами себя сѣкутъ и сами себя жгутъ. Этакъ мы ихъ голыми руками заберемъ, да и подушимъ ихъ въ ихъ же огнѣ. Отомстимъ имъ за Берестечко, перебьемъ нашихъ враговъ!

Тысячи голосовъ отвѣтили ему громкими криками.

Какъ лава, растеклось козацкое войско по всему лагерю; польская конница въ мигъ была смята. Все войско пришло въ такое смятеніе, что цѣлые отряды бросались въ рѣку и топили другъ друга. Бросившихся въ обозъ козаки оцѣпили плотною цѣпью и они всѣ погибли въ пламени, искавшихъ спасенія за окопами въ лѣсу и болотѣ почти всѣхъ перекололи, перерубили, перерѣзали. Небольшая кучка воиновъ, преимущественно артиллеристовъ Пржіемскаго, столпилась около гетмана. Панъ хорунжій старался высоко держать знамя, надѣясь, что бѣглецы опомнятся, соберутся. Но вдругъ просвистѣла татарская стрѣла и панъ хорунжій, не испустивъ ни одного звука, упалъ на землю, а знамя покрыло его точь въ точь какъ нѣсколько дней тому назадъ на смотру. Князь Дмитрій стоялъ тутъ же подлѣ хорунжаго; густыя волны дыма окружали ихъ всѣхъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. Вдругъ къ князю приблизилась какая то тѣнь, схватила его за руку и онъ услышалъ голосъ Зелимы:

— Если не хочешь погибнуть, иди за мною.

Въ ту же минуту онъ увидѣлъ, какъ упалъ на землю панъ Пржіемскій, и изо рта у него волною хлынула кровь. Въ нѣкоторомъ разстояніи въ дыму можно было уже различить татаръ и козаковъ. Князь не сопротивлялся, онъ послѣдовалъ за татаркою; она влекла его куда-то, онъ послушно шелъ за нею, спотыкаясь о тѣла, задыхаясь отъ дыма, перескакивая чрезъ горящія головни. Наконецъ дымъ сталъ рѣдѣть, они достигли берега рѣки въ сторонѣ отъ окоповъ и лагеря. Татарка вошла по колѣна въ воду, увлекая за собою князя; такъ они прошли съ

Библиотека "Руниверс"

полверсты, скрытые высокою зарослью камыша. Тогда Зелима круто повернула за одинъ изъ выдающихся уступовъ скалы и указала князю на небольшой челнъ, скрытый между камнями.

— Надо подождать вечера, сказала она: до тѣхъ поръ Зелима скроетъ тебя въ пещерѣ.

Въ лагерѣ, между тѣмъ, продолжалась рѣзня. Калиновскій съ отчаянія самъ бросился въ толпу враговъ и пронзенный стрѣлами упалъ, обливаясь кровью.

Султанъ Нуреддинъ велѣлъ отрубить ему голову, а Золотаренко отрядилъ козака отвезти ее Богдану.

Самуилу Калиновскому съ нѣсколькими панами удалось вплавь перебраться черезъ Бугъ; но и они не нашли спасенія. Въ сосѣдней деревушкѣ, когда они скакали черезъ мостъ, гнилыя доски обломились и всѣ они упали въ воду, а хлопы не дали имъ выбраться на берегъ и добили ихъ.

Бѣдная пани Урсула! Отъ нея скрыли смерть мужа, увѣривъ ее, что онъ попался въ плѣнъ. Но и это извѣстіе такъ потрясло ее, что она долго не могла оправиться. Она продавала свои помѣстья и вотчины, а вырученныя отъ продажи деньги посылала въ Крымъ тому или другому агенту въ надеждѣ разыскать и освободить мужа.

ГЛАВА VI.

ВОЛКЪ ВЪ ЗАПАДНѢ.

Въ Яссахъ все задрожало при извѣстіи о батогскомъ разгромѣ. Побѣдоносный женихъ въ сопровожденіи своихъ воинственныхъ поѣзжанъ медленно надвигался къ границѣ.

Господарь созвалъ чрезвычайный совѣтъ. Засѣданіе этого собранія происходило при особенно торжественной обстановкѣ. Всѣ бароны совѣта и бароны дивана собрались въ большемъ аудіенцъ-залѣ, занимавшемъ центръ замка. У задней стѣны залы на высокомъ позолоченномъ тронѣ возсѣдалъ князь Василій, облеченный знаками княжескаго достоинства, въ богатой шапкѣ,

Библиотека "Руниверс"

украшенной страусовыми перьями. Поверхъ нея была надѣта княжеская корона. Въ рукѣ онъ держалъ жезлъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Надъ тропомъ висѣлъ образъ Іисуса Христа, приведеннаго на судъ передъ Пилатомъ, въ богатой ризѣ, блиставшей драгоцѣнными каменьями, а передъ нимъ спускалось прекрасное фарфоровое паникадило съ толстою зеленою свѣчею, распространявшею благоуханіе. По лѣвую руку князя возвышался другой тронъ пониже для митрополита, возсѣдавшаго въ полномъ облаченіи. За нимъ вся лѣвая стѣна была занята мѣстами бояръ, расположенными по чинамъ со строгимъ соблюденіемъ занимаемыхъ ими должностей. По правую руку князя стоялъ великій меченосецъ съ двумя помощниками и держалъ княжескій мечь; а немного поодаль отъ него помѣщался цѣлый рядъ постельниковъ со своимъ начальникомъ во главѣ. Почетный караулъ, состоявшій изъ апродовъ и армашей, двумя длинными рядами стоялъ противъ князя. По правой же сторонѣ зала сидѣли отставные бояре, тоже размѣщенные по прежнимъ ихъ должностямъ.

Князь открылъ засѣданіе краткою молитвою, обращенною къ Господу Іисусу Христу, затѣмъ принялъ благословеніе отъ митрополита и обратился съ рѣчью къ засѣдавшимъ боярамъ, причемъ въ голосѣ его не слышалось уже обычной, рѣзкой повелительной нотки.

— Благородные вѣрные бояре! какъ то необычно мягко и вкрадчиво проговорилъ онъ. Мудрые мои совѣтники! Обращаюсь къ вамъ и жду отъ васъ рѣшенія всѣхъ затрудняющихъ меня вопросовъ. Вамъ извѣстно, въ какомъ положеніи мы находимся. Козаки подступили къ границѣ и грозятъ новымъ разгромомъ. Они опять запаслись дружбою татарскою; а гетманъ козаковъ настоятельно требуетъ, чтобы я отдалъ руку моей дочери сыну его Тимоѳею. Но, друзья мои, поймите чувства отца. Мнѣ невыносима мысль, что прекрасная княжна, которую я лелѣялъ нѣсколько лѣтъ, станетъ простою козачкою, выйдетъ замужъ за полудикаря, за человѣка низкаго происхожденія и должна будетъ влачить жизнь въ средѣ, вовсе ей несвойственной. Мнѣ бы легче было видѣть ее мертвой! заключилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Библиотека "Руниверс"

Наступило тяжелое продолжительное молчаніе. Наконецъ всталъ одинъ изъ отрѣшенныхъ отъ должности бояръ и просилъ слова:

— Два года тому назадъ мы жестоко испытали, что значитъ гнѣвъ храбраго воина Тимоѳея Хмельницкаго. Побросавъ свое имущество, забравъ женъ и дѣтей, мы принуждены были бѣжать въ лѣса и съ высокихъ деревьевъ въ отчаяніи мы смотрѣли, какъ пламя пожирало наше имущество, уничтожало жилища, разрушало благосостояніе. Коварные поляки и не думали оказать намъ помощи. Ты же, князь, на нихъ тогда надѣялся такъ же, какъ надѣешься теперь. И теперь, какъ тогда, они не оправдали твоихъ надеждъ. Теперь они разбиты, а мы въ рукахъ козаковъ и татаръ. Настоящее нашествіе будетъ еще ужаснѣе перваго. О чемъ же теперь совѣщаться и что же тутъ обдумывать то, что очевидно. Неужели пережитыя бѣдствія не послужатъ намъ достаточнымъ урокомъ.

Глухой ропотъ пронесся по залу.

— Не хотимъ мы опять быть отданными въ руки татаръ! раздавались голоса бояръ. Чѣмъ Тимоѳей не зять князю, онъ храбрый воинъ и будетъ доблестнымъ его преемникомъ. Отдавай, князь, свою дочь за гетманова сына, его любитъ народъ, о его подвигахъ говоритъ вся страна, только ты одинъ не хочешь сознаться, что лучшаго зятя тебѣ не найти.

— Я долженъ присоединить и свою просьбу къ просьбѣ бояръ, сказалъ митрополитъ. Вѣра русская ближе къ нашей, чѣмъ католическая. Мы братія съ русскими по духу и должны сочувствовать имъ, такъ какъ они борятся за родную намъ вѣру. Народъ сильно не одобряетъ твою дружбу съ ляхами, князь, и если ты теперь воспротивишься, кто знаетъ, чернь можетъ возмутиться, посадить на престолъ храбраго Тимоѳея, а тебя изгнать навсегда изъ страны.

Василій слушалъ слова митрополита съ затаеннымъ гнѣвомъ. Въ другое время онъ не допустилъ бы такихъ рѣзкихъ возраженій; но теперь онъ зналъ, что во всемъ залѣ не найдется ни одного боярина, который бы отнесся къ нему доброжелательно. Онъ утомился въ этой безплодной борьбѣ и предчувство-

Библиотека "Руниверс"

валъ, что стоглавая гидра, которую онъ давилъ столько лѣтъ, поднимется и задушитъ его, задушитъ жестоко, безжалостно, не вспомнивъ ни одного благодѣянія, доставленнаго имъ странѣ, поставивъ ему въ вину каждую ошибку, какъ бы она ни была ничтожна. Онъ и не думалъ бороться съ этимъ грознымъ призракомъ, онъ хотѣлъ только отдалить эту роковую минуту, купивъ себѣ хотя временное спокойствіе какою-бы то ни было цѣною.

Слова митрополита вызвали шумное одобреніе. Князь нѣсколько разъ призывалъ къ молчанію, но его не слушали, каждый старался подѣлиться своими впечатлѣніями, каждый по своему выяснялъ сказанное.

Василій старался привѣтливо улыбаться; но сурово сдвинутыя брови и блестѣвшій изъ подъ нихъ далеко неласковый взглядъ напоминали волка, загнаннаго въ западню. Онъ далъ утихнуть волненію и тогда смиренно произнесъ:

— Я готовъ исполнить волю народа моего; но спасетъ ли это насъ отъ дикихъ необузданныхъ гостей и ихъ насилій? Не лучше ли снестись съ найяснѣйшимъ королемъ польскимъ и, получивъ отъ него подкрѣпленія, двинуть къ границамъ всѣ наши военныя силы.

Услышавъ эти слова, медленно поднялся съ своего мѣста великій дворецкій, величавымъ движеніемъ протянулъ онъ свой позолоченный жезлъ впередъ, указывая въ окно на полуразрушенные силуэты дворцовъ и зданій, на разоренныя окрестности города, и проговорилъ:

— Два года тому назадъ, наша столица цвѣла, утопая въ роскоши садовъ, богатыхъ пажитей и нивъ. Тогда легче было собрать сильное и крѣпкое войско и двинуть его на встрѣчу врагу. Но тогда князь надѣялся на своихъ друзей ляховъ, допустилъ опустошить страну, разгромить и сжечь столицу. Какихъ же воиновъ дастъ теперь наша страна, не оправившаяся еще отъ опустошенія, когда у нея не хватаетъ рукъ для воздѣлыванія полей, когда чуть не половина населенія томится еще въ татарской неволѣ? Нѣтъ, князь, поздно думать о войнѣ, заключилъ онъ, слѣдуетъ отбросить ложную гордость и смириться передъ побѣдителемъ.

Библиотека "Руниверс"

Князь поблѣднѣлъ отъ волненія, закусилъ губу, но черезъ минуту уже овладѣлъ собою и сказалъ:

— Пусть будетъ по вашему: для блага страны я готовъ пожертвовать дочерью!

При этихъ словахъ онъ три раза стукнулъ жезломъ объ полъ, въ знакъ того, что засѣданіе закрыто. Всѣ шумно встали съ своихъ мѣстъ, не соблюдая при этомъ обычнаго чиннаго спокойствія, предписываемаго этикетомъ.

На широкомъ княжескомъ дворѣ кучка бояръ столпилась около Георгицы.

— Долго ли же будемъ мы терпѣть козни этого волка? говорили они. Сегодня онъ говоритъ одно, а завтра дѣлаетъ другое. Лучше и вправду посадить на престолъ храбраго Тимоѳея.

Георгица насмѣшливо покачалъ головой.

— Тогда мы угодимъ изъ пасти волка въ пасть медвѣдя, проговорилъ онъ иронически. Если волкъ насъ подчасъ грызетъ волчьими зубами, то медвѣдь сразу насъ раздавитъ своею медвѣжьей лапой; и я незнаю, что хуже. Я предложилъ бы другое, дорогіе товарищи, проговорилъ онъ почти шепотомъ, осторожно озираясь. Пусть волкъ съ медвѣдемъ породнятся между собою и мнятъ себя въ безопасности. А мы тѣмъ временемъ потихоньку натравимъ на нихъ ихъ враговъ, да и стряхнемъ съ себя ихъ обоихъ.

— А потомъ что? освѣдомился великій вистерникъ, съ недовѣріемъ посматривая на своего сотоварища.

— А потомъ мы изберемъ изъ среды своей способнѣйшаго; онъ будетъ управлять нами разумно на благо страны.

Великій вистерникъ пытливо посмотрѣлъ въ глаза своему собесѣднику и, обращаясь къ остальнымъ боярамъ, проговорилъ:

— Сладкія рѣчи, давно мы ихъ слышали, да только власть то такая сила, кто до нея доберется, тотчасъ объ нихъ и забудетъ.

Всѣ поняли намекъ и, двусмысленно улыбаясь, стали расходиться, а Георгица, злобно смотря вслѣдъ удалявшемуся вистернику, прошепталъ про себя:

— Попомнишь ты эти сладкія рѣчи, на первомъ на тебѣ испробую силу власти.

Библиотека "Руниверс"

Черезъ нѣсколько дней Яссы готовились къ торжественному пріему жениха. Тимошъ шелъ одинъ съ козаками, по просьбѣ будущаго тестя онъ оставилъ татаръ въ Польшѣ. На границѣ его встрѣтило почетное посольство съ двоюроднымъ братомъ князя Василія во главѣ. Своевольнаго племянника, грозу боярынь и боярышенъ, отправили въ Чигиринъ въ качествѣ заложника. Бояре втихомолку смѣялись, что Молдавія ничего бы не потеряла, если бы Богданъ свернулъ голову этому заложнику.

Тимоша сопровождалъ Иванъ Выговскій, правая рука гетмана; самъ же Богданъ остался въ Чигиринѣ.

Жаркій знойный день не помѣшалъ господарю соблюсти со всею торжественностью обрядъ встрѣчи. Почти за часъ до прибытія жениха онъ ужъ былъ за городскими воротами, окруженный необычайнымъ великолѣпіемъ и пышностью. Конница въ богатыхъ золоченныхъ латахъ и крылатыхъ каскахъ блистала на коняхъ, покрытыхъ роскошною сбруею. Великолѣпныя попоны княжескаго и боярскихъ коней, переливались на солнцѣ своими драгоцѣнными украшеніями. Разноцвѣтныя страусовыя перья на шапкахъ, дорогіе аграфы, тяжелые пояса, цѣнностью въ цѣлое состояніе, бархатъ, атласъ, серебро и золото, все это переносило въ какой то сказочный міръ; а тысячная толпа, высыпавшая за городъ встрѣтить жениха ставшаго популярнымъ во всей Молдавіи, придавала торжеству оттѣнокъ чего то грандіознаго, чего то такого, что невольно заставляло сильнѣе биться сердце каждаго изъ присутствовавшихъ.

Наконецъ ожидаемый гость показался вдали со своею свитою. Князь Василій слѣзъ съ коня и пѣшкомъ, сопровождаемый высшими своими сановниками, пошелъ къ нему навстрѣчу.

Тимошъ былъ одѣтъ до чрезвычайности просто, въ обыкновенномъ синемъ козацкомъ кафтанѣ прекраснаго тонкаго голландскаго сукна, въ широкихъ бархатныхъ шароварахъ темномалиноваго цвѣта, спускавшихся волнистыми складками на высокіе блестящіе козацкіе сапоги съ большими серебряными шпорами. Подъ мышкой онъ держалъ высокую смушковую шапку съ бархатнымъ верхомъ цвѣта шароваръ. Черезъ плечо на ремнѣ висѣла сабля, подаренная ему султаномъ Калгою, съ драгоцѣн-

Библиотека "Руниверс"

ною рукоятью, осыпанною алмазами, изумрудами и рубинами, а за широкимъ поясомъ изъ массивныхъ золотыхъ бляхъ висѣлъ кинжалъ затѣйливой венеціанской работы, весь усыпанный дорогими каменьями. Этотъ простой нарядъ какъ то особенно изящно обрисовывалъ стройную фигуру молодаго козака, а его скромный и немного смущенный видъ составлялъ рѣзкую противоположность съ горделивой фигурой посматривавшаго на него свысока князя.

Приблизившись къ господарю, Тимошъ упалъ передъ нимъ на колѣни, но тотъ милостиво поднялъ его, поцѣловалъ въ лобъ и громко проговорилъ, осматривая его съ головы до ногъ.

— Любезный сынъ нашъ! вижу, что ты закалился въ бою, сталъ такимъ красавцемъ и молодцемъ, что, пожалуй, Локсандра и не узнаетъ тебя.

Комплиментъ будущаго тестя засталъ Тимоша врасплохъ. Простодушный юноша не ожидалъ такого ласковаго сердечнаго пріема и совершенно смутился. Онъ почувствовалъ себя вдругъ виноватымъ передъ этимъ человѣкомъ и несмотря на свои двадцать слишкомъ лѣтъ, вспыхнулъ, какъ красная дѣвица. На помощь къ нему подоспѣлъ находчивый Выговскій, совершенная противоположность Тимошу. Вся его фигура горѣла и блестѣла отъ множества драгоцѣнныхъ каменьевъ, украшавшихъ богатый бархатный кафтанъ съ золотыми позументами и шнурами, смотрѣвшихъ и изъ множества перстней на пальцахъ, и изъ аграфа на его шапочкѣ, и даже изъ пряжекъ на сафьянныхъ сапогахъ. Выговскій отвѣсилъ низкій поклонъ князю и проговорилъ:

— Наисвѣтлѣйшій князь, господарь всея Молдавіи, не осуди насъ, скромныхъ козаковъ, если мы не съумѣемъ вполнѣ выразить тебѣ всю нашу пріязнь, всю нашу готовность всегда и во всемъ служить странѣ твоей. Великій гетманъ всей Украйны шлетъ тебѣ свой братскій привѣтъ и поклонъ и проситъ тебя всегда держать въ любви сына его Тимоѳея. Онъ готовъ во всякое время помогать противъ враговъ твоихъ, кто бы они не были, и проситъ тебя быть увѣреннымъ въ его любви къ тебѣ.

Князь молча величественно поклонился, взялъ Тимоша за руку и подвелъ его къ богато убранному бѣлому коню, покры-

Библиотека "Руниверс"

тому серебряною парчевою попоною. Потомъ самъ сѣлъ на коня, пропустилъ Тимоша впередъ и процессія торжественно двинулась къ воротамъ. Сотни колоколовъ загудѣли во всѣхъ ясскихъ церквяхъ и заглушали собою шедшихъ во главѣ процессіи трубачей. Толпа единодушно, восторженно кричала:

— Да здравствуетъ Тимошъ, храбрый воинъ!

А женщины усыпали дорогу душистыми цвѣтами.

Всѣ улицы были наполнены народомъ; народъ сидѣлъ на крышахъ, на деревьяхъ, на колокольняхъ. Ни одного вновь избраннаго князя не встрѣчали съ такимъ тріумфомъ, и Василій невольно вспоминалъ угрозу, брошенную ему въ лицо митрополитомъ: „Чернь можетъ посадить на престолъ храбраго воина, а тебя, ненавистнаго князя, выгнать вонъ изъ страны“, повторялъ онъ про себя мысленно. „Да, это опасный соперникъ“, думалъ онъ, опустивъ мрачно голову. „Надо поскорѣе спровадить его въ Украину“.

На ступеняхъ дворца ихъ встрѣтилъ митрополитъ съ крестомъ и святою водою, а сверху изъ маленькаго окна высокой башни смотрѣла Локсандра, и сердце ея, какъ птичка въ клѣткѣ, билось, при видѣ мужественнаго статнаго воина, несмотря на всѣ препятствія съумѣвшаго завоевать ее себѣ.

Въ день пріѣзда жениха обычай не дозволялъ ей съ нимъ видѣться, и она отъ души завидовала своей мачихѣ, облачившейся въ княжескія парадныя одежды и ушедшей въ пріемные покои. Локсандра даже принялась плакать, но Маріанка съумѣла уговорить ее, заявивъ, что у княжны будутъ глаза красные, а это можетъ не понравиться жениху. Чтобы скоротать время, Локсандра ушла въ тѣнистый садъ, бродила тамъ по дорожкамъ, срывая то пышную розу, то душистый жасминъ, то нарядную лилію.

ГЛАВА VII.

С Г О В О Р Ъ.

На слѣдующій день начинался цѣлый рядъ торжествъ, предшествовавшихъ бракосочетанію. Прежде всего слѣдовало совер-

Библиотека "Руниверс"

шить обрядъ сговора по старинному обычаю страны. Панъ Кутнарскій вызвался быть руководителемъ. Съ вечера онъ зашелъ къ Тимошу, чтобы объяснить ему, что должно ему дѣлать. Его встрѣтилъ старинный его пріятель панъ Доброшевскій.

— Мое почтеніе пану! съ легкою ироніею проговорилъ Кутнарскій. Каково здоровье пана?

— Благодарю пана за ласку! холодно отвѣчалъ Доброшевскій. Живется мнѣ очень хорошо. Панъ Тимошъ храбрый благородный воинъ.

— Радуюсь благоденствію пана! съ еще большею ироніею проговорилъ Кутнарскій. Полагаю, что панъ тоже будетъ однимъ изъ печиторовъ (сватовъ).

— Кажется, панъ Тимошъ хочетъ справить сговоръ по украински! А впрочемъ, я доложу пану.

Онъ провелъ Кутнарскаго къ Тимошу.

Тимошу, собственно говоря, было все равно, какъ ни справить всѣ обряды, лишь бы поскорѣе съ ними покончить и увезти Локсандру къ себѣ на родину.

Но упрямые козаки, съ Золотаренкомъ, Носачемъ и Пушкаремъ во главѣ, непремѣнно хотѣли поддержать козацкую честь, тѣмъ болѣе что имъ пришлось вести переговоры съ заносчивымъ паномъ, не хотѣвшимъ да и не умѣвшимъ ихъ уламывать. Такъ какъ споры не привели ни къ какимъ результатамъ, то господарь рѣшилъ въ тотъ же день собрать семейный совѣтъ и сообща установить всѣ свадебные обряды. На совѣщаніе явились сваты, женихъ, господарь съ женою и еще нѣсколько приближенныхъ изъ семьи господаря.

Козаки предъявили свои требованія, чтобы были соблюдены не только молдавскіе, но и украинскіе обряды. Господарь поморщился и сталъ отнѣкиваться.

— У насъ, вѣдь, никто не знаетъ ни вашихъ пѣсенъ, ни вашихъ плясокъ, говорилъ онъ, еще чего добраго все перепутаютъ и выйдетъ не торжество, а посмѣшище.

За козаковъ вступилась господарша.

— Отчего же не устроить такъ, чтобы совершить и наши, и ихъ обряды? Мы поищемъ старыхъ козачекъ; онѣ научатъ

Библиотека "Руниверс"

нашихъ боярышень украинскимъ пѣснямъ. Это будетъ даже весело! А если выйдетъ въ чемъ нибудь ошибка, храбрые воины насъ не осудятъ; мы отъ души желаемъ угодить имъ! весело проговорила она, посматривая на Тимоша.

— Вотъ это умно! сказалъ Тимошъ, схватилъ руку тещи и громко ее поцѣловалъ, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ.

Господарша засмѣялась, вспыхнула, быстро отдернула руку, а князь сурово покосился на жену и предложилъ немедля обсудить, какіе изъ украинскихъ обрядовъ можно соблюсти.

— У васъ тамъ можетъ быть окажется что нибудь такое, чего не можетъ допустить нашъ придворный этикетъ! сказалъ онъ съ неудовольствіемъ, снова косясь на жену.

Но на этотъ разъ господарша совсѣмъ не замѣчала косыхъ взглядовъ мужа. Въ счастьи своей падчерицы она переживала вторую молодость, расцвѣла и повеселѣла и, казалось, ничего не видѣла помимо интересовъ Локсандры и Тимоша.

— Нѣтъ, Василій! отвѣчала она. Я отлично знаю все, что поется и дѣлается на малороссійскихъ свадьбахъ, тамъ ничего нѣтъ предосудительнаго, пѣсни хорошія, и не трудно ихъ выучить.

— Что-то ты скоро познакомилась съ украинскими обычаями? рѣзко проговорилъ господарь.

— Я хотѣла угодить Тимошу, скромно отвѣчала она, опустивъ глаза. Мы съ Локсандрой уже цѣлый мѣсяцъ разучиваемъ эти пѣсни, и козачки къ намъ ходятъ. Локсандра даже и плясать научилась. Господарша все это проговорила съ невиннымъ видомъ, какъ бы поддразнивая мужа. Съ нѣкотораго времени ей доставляло особое удовольствіе сердить его.

Василій еще сердитѣе сдвинулъ брови. Онъ собирался уже замѣтить, что все это дѣлалось за его спиною, безъ его позволенія. Но, взглянувъ на сіявшее лицо Тимоша, удержался. Теперь, когда этотъ ненавистный зять все таки навязался ему, не оставалось ничего другаго, какъ угождать строптивому козаку, приручить его и извлечь изъ него наиболѣе пользы.

— Хорошо! я согласенъ, проговорилъ онъ. Это дѣло женское, и мнѣ все равно. Я только желаю одного, чтобы нашъ обычай былъ соблюденъ во всей чистотѣ, чтобы никто не могъ

Библиотека "Руниверс"

сказать, что дочь господаря взята насильно, какъ боевая добыча.

— Это значитъ, тихо прошепталъ Золотаренко Носачу, мы хотимъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы.

— А какъ же мы будемъ по вашему объясняться? спросилъ Золотаренко, обращаясь къ господарю.

— Я могу помочь затрудненію, вмѣшался Выговскій. Если мнѣ въ общихъ чертахъ укажутъ, что говорить, то я не затруднюсь.

— Ну и добре! замѣтилъ Золотаренко. Ты говори, а мы будемъ поддакивать.

Затрудненія такимъ образомъ были устранены.

На другой день съ самаго ранняго утра всѣ суетились, шумѣли, толкались. Весь женскій персоналъ, начиная съ княгини и кончая послѣднею рабою, проникся торжественностью минуты. И немудрено! Предстояло одѣть княжну къ сговору такъ, чтобы она была краше всѣхъ, чтобы поразить и жениха, и сватовъ. Нѣсколько самыхъ знатныхъ боярынь и боярышенъ окружали господаршу и княжну, торжественно разбирая гардеробъ ея и обсуждая ея нарядъ до малѣйшей подробности. Локсандра только изъ приличія стояла тутъ же. Она совершенно равнодушно смотрѣла на богатую парчу, яркій шелкъ и драгоцѣнные каменья. Если бы спросили ея мнѣнія, она всего охотнѣе одѣлась бы въ малороссійскую плахту и запаску съ причудливымъ шитьемъ, подарокъ жениха, торжественно ей переданный утромъ паномъ Доброшевскимъ. Но ея мнѣнія не спрашивали, придворный этикетъ требовалъ особаго великолѣпія, и Локсандра покорно подчинилась ему, утѣшая себя мыслью, что покажется своему жениху въ украинской одеждѣ потомъ, когда минуютъ эти скучныя церемоніи.

Часа за два до назначеннаго времени въ большой залѣ замка собралась вся знать, бояре и боярыни и размѣстились на указанныхъ имъ мѣстахъ. Когда прибыли сваты, князь и княгиня вышли изъ внутреннихъ покоевъ въ сопровожденіи почетной свиты.

Роскошь и великолѣпіе царили повсюду. Одежды князя и княгини горѣли алмазами, боярыни щеголяли одна передъ дру-

Библиотека "Руниверс"

гою богатымъ шитьемъ, дорогими шелками, парчею и бархатомъ.

Наконецъ въ залъ торжественно ввели печиторовъ. Въ качествѣ старосты былъ панъ Выговскій въ богатомъ кунтушѣ, опоясанномъ драгоцѣннымъ поясомъ, съ дорогою цѣпью на шеѣ. Онь выступалъ плавно, мягко, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, нисколько, повидимому, не смущаясь многочисленностью собранія. Совершенную съ нимъ противоположность составляли остальные сваты. Ихъ дюжія, коренастыя фигуры съ длинными чубами, черныя, загорѣлыя лица и простой нарядъ запорожцевъ, а главное огромные неуклюжіе сапоги, работы сѣчеваго мастера, невольно обращали на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Козаки чувствовали себя неловко, не знали, куда дѣть руки, на кого смотрѣть.

Подойдя къ князю, Выговскій началъ свою рѣчь плавно, краснорѣчиво, со всѣми нужными оттѣнками и по залѣ пронесся шепотъ одобренія.

Онъ говорилъ:

— Свѣтлѣйшій князь, высокопрославленный господарь! Мы охотились съ господиномъ нашимъ, храбрымъ паномъ Тимоѳеемъ, сыномъ знаменитаго гетмана всея Украйны, Богдана Хмельницкаго, и забрели въ твою землю, обильную медомъ и млекомъ. Заманила насъ сюда еленица стыдливая, боязливая, заманила и скрылася въ домѣ твоемъ. Мы пришли по слѣдамъ ея, утомились, догоняя ее, и просимъ тебя отдать намъ ее или указать, куда она бѣжала.

Выговскій отвѣсилъ при этомъ низкій поклонъ и, опершись на рукоять сабли, ожидалъ отвѣта.

— Не знаю, не знаю! покачивая отрицательно головою, отвѣчалъ князь: не приходила такая дичина въ домъ мой, не сбились ли славные охотники въ слѣдахъ, не скрылась ли ваша еленица въ сосѣдствѣ.

— Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь! съ легкою усмѣшкою настаивалъ староста, еленица у тебя въ домѣ, наши гончія хорошо разнюхали ея слѣдъ.

Библиотека "Руниверс"

Князь далъ знакъ рукою. Отворилась дверь. Двѣ боярыни вывели старую грязную цыганку въ заплатанныхъ рубищахъ, съ босыми ногами.

— Тьфу! видьму какую подобрали! не вытерпѣлъ Золотаренко и сплюнулъ. Вотъ такъ сговоръ! Бисъ ихъ возьми!

Онъ вообще чувствовалъ себя не въ духѣ. Панъ Выговскій обернулся и строго посмотрѣлъ на него.

— Ничего, пане, я такъ, про себя! Бреши себѣ дальше! пробормоталъ козакъ.

— Вотъ вамъ еленица, добрые охотники! Не за нею ли вы гнались?

— Нѣтъ, великій властитель! съ трудомъ удерживая улыбку, отвѣчалъ Выговскій. За такою дичью нашъ господинъ не погнался бы. Та еленица была златорогая, златошерстая, у нея сокольи очи, жемчужные зубы, губы румянѣе вишень, тѣло, какъ у львицы, грудь гусиная, шея лебединая, персты нѣжнѣе воска, взоръ яснѣе солнца и мѣсяца.

— Никогда такой дичины мы не видывали, отвѣчала господарша. Ваши гончія ошиблись, дорогіе охотники.

— Хорошо! съ угрожающимъ жестомъ проговорилъ тогда староста, грозно выпрямившись и обнажая саблю. Если гончія наши ошиблись, такъ не ошибется наше оружіе. Съ обнаженнымъ мечомъ обойдемъ мы домъ твой, и горе тебѣ, господарь! если ты скрылъ еленицу.

— Вотъ такъ добре! проговорилъ Золотаренко и, слѣдуя примѣру Выговскаго, обнажилъ оружіе. То по нашему звычаю! Гдѣ языкъ не помогаетъ, тамъ шаблюка научитъ.

— Не гнѣвитесь, храбрые охотники! вставая и отвѣшивая старостѣ поклонъ, сказали князь и княгиня. Есть еще у насъ еленица пугливая, стыдливая.

При этихъ словахъ отворилась другая дверь, и двѣ боярыни торжественно ввели Локсандру.

Козаки не могли скрыть своего восторга.

— Вотъ-то гарная дивчина! проговорили они.

— Жаль, что только много на ней напутано, прибавилъ Носачъ, и не разглядѣть, какая она есть.

Библиотека "Руниверс"

Княжну увѣшали всевозможными ожерельями, нитками алмазовъ и жемчуговъ, украсили кольцами, браслетами, даже на сапожкахъ были намотаны нити драгоцѣнныхъ камней.

— Вотъ она наша давно желанная еленица! сказалъ Выговскій, преклоняя колѣна передъ княжною.

Вставъ, онъ медленно подошелъ къ входной двери и отворивъ ее, взялъ за руку ожидавшаго за дверью Тимоша и подвелъ его къ невѣстѣ.

Локсандра дрожала отъ волненія, не смѣла поднять глазъ и, дѣйствительно, напоминала загнанную еленицу. Ей было и страшно, и весело, и смѣшно, и грустно; казалось, что это сонъ, не вѣрилось, что подлѣ нея стоитъ Тимошъ, тотъ Тимошъ, которымъ она грезила и во снѣ, и на яву.

Вслѣдъ за женихомъ вошелъ митрополитъ въ полномъ облаченіи въ сопровожденіи протодіакона, несшаго на богатомъ блюдѣ кольца.

Молодыхъ людей обручили при громкомъ звонѣ колоколовъ, а господарша торжественно повязала всѣхъ сватовъ богатыми шелковыми ручниками съпрекраснымъ разноцвѣтнымъ шитьемъ. Тимошу же она перевязала правый рукавъ красивымъ шелковымъ платкомъ съ цвѣтной каймой.

Тимошъ думалъ, что ихъ теперь посадятъ подъ образа, какъ это дѣлалось на Украйнѣ и втайнѣ тѣшилъ себя пріятною близостью съ любимой дѣвушкой; но не тутъ-то было!

Боярыни подхватили княжну и увлекли ее во внутренніе покои, къ великой досадѣ жениха.

— Что, братику? проговорилъ Золотаренко, похлопывая Тимоша по плечу. Вотъ тебѣ и еленица! показала рога да и утекла.

— А я-жъ ее все таки увижу! сердито проворчалъ Тимошъ. Не будь я козакъ, если не увижу.

Господарь торжественно подошелъ къ Тимошу, взялъ его за руку и съ низкимъ поклономъ просилъ не побрезгать, откушать его хлѣба-соли.

Всѣ двинулись въ просторную столовую съ широкими массивными дубовыми столами и стѣнами, украшенными звѣриными головами и чучелами птицъ.

Библиотека "Руниверс"

Роскошныя яства, прекрасныя вина до нѣкоторой степени примирили козаковъ съ празднествомъ; а горѣлку вполнѣ замѣнило зеленое котнарское, густое, какъ масло, и жгучее, какъ раскаленное желѣзо. Душистые соты и всевозможные плоды закончили обѣдъ. Яблоки показались козакамъ слишкомъ мелкими и недостаточно сочными, груши были крѣпки, а сливы хоть и крупны да водянисты.

— Ишь, вражьи дѣти! ворчалъ Золотаренко, не умѣютъ и плодовъ выростить. Земля такая благословенная, а садовъ нема.

— Подожди, лукаво подмигнувъ, замѣтилъ Пушкарь. Какъ посадимъ мы сюда нашего молодаго батька, такъ не то будетъ. Онъ ихъ всему научитъ.

— Бреши, да не забрехивайся! многозначительно отвѣтилъ Золотаренко, искоса посматривая на Георгицу, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ.

Но Георгицѣ было не до нихъ. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе того, что происходило напротивъ, гдѣ сидѣли Тимошъ, господарша и князь.

Тимошъ, разгоряченный виномъ, увѣрялъ князя въ своей готовности всегда стоять за него и за его интересы.

— Не бойся, князь! говорилъ онъ. Теперь тебѣ не будутъ страшны никакіе враги. Мы съ отцомъ отстоимъ тебя отъ всякаго недруга. Не страшенъ намъ ни Ракоцій, ни Бассарба, всѣхъ ихъ заставимъ плясать по нашей дудкѣ. Понадобится Порту купить и ее купимъ, денегъ у насъ на это хватитъ.

Георгица многозначительно переглянулся съ женою, сидѣвшею наискосокъ по другую сторону стола.

Василій старался успокоить расходившагося зятя.

— Мы съ тобою еще переговоримъ объ этомъ! замѣтилъ онъ вполголоса и положилъ на столъ расшитый утиральникъ, поданный ему однимъ изъ пажей.

Великій постельникъ, ожидавшій этого знака, стукнулъ объ полъ серебрянымъ жезломъ, и всѣ встали изъ-за стола.

Тимошъ воспользовался удобною минутою и скользнулъ никѣмъ незамѣченный на женскую половину.

Библиотека "Руниверс"

— Гдѣ княжна? спросилъ онъ первую попавшуюся служанку по-молдавански.

Служанка совершенно оторопѣла при видѣ рыцаря и смущенно пробормотала:

— Гуляетъ въ саду.

— Добре! замѣтилъ про себя Тимошъ и, обращаясь къ рабынѣ, спросилъ: а гдѣ садъ?

У рабыни языкъ прилипъ къ горлу отъ страха, она могла только указать рукой на чернѣвшуюся дверь въ концѣ узкаго корридора и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать.

Тимошъ быстро направился къ указанному выходу, отворилъ дверь и очутился въ густомъ саду съ тѣнистыми буковыми аллеями, причудливыми гротами, бесѣдками и фонтанами. Онъ остановился было въ нерѣшимости; но взглянувъ на посыпанную пескомъ дорожку, привычнымъ взглядомъ отличилъ маленькіе узкіе слѣды кожаныхъ сандалій княжны.

Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и любовался стройною ея фигурою, наклонившеюся надъ фонтаномъ.

— Локсандра, серденько мое! проговорилъ онъ тихо.

Локсандра обернулась, и лицо ея изобразило полнѣйшій испугъ. Она замахала на него руками и въ ужасѣ проговорила:

— Уйди, уйди, сумасшедшій! Тебѣ не надо меня видѣть. Урбители прогнѣваются на насъ; нашлютъ на тебя Фрумоазель!

Тимошъ засмѣялся.

— Какіе тамъ Урбители? проговорилъ онъ. Ты моя Фрумоазель, и знать я ничего не знаю! Я и то цѣлыхъ два дня терпѣлъ: не видѣлъ тебя и не слышалъ о тебѣ. А теперь ни за что не уйду, пока ты меня сама не поцѣлуешь.

Онъ обнялъ ее и посадилъ на скамейку.

Почувствовавъ себя въ объятіяхъ Тимоша, Локсандра забыла и Урбителей, и Фрумоазель, и со всѣмъ пыломъ горячаго любящаго дѣвичьяго сердца прижалась къ нему.

— Что-жъ, уйти? проговорилъ онъ, цѣлуя ее.

— Ужъ пришелъ, такъ посиди! съ шаловливой улыбкой проговорила она. А все таки не хорошо, что мы видимся.

Библиотека "Руниверс"

— Вздоръ! ободрительно проговорилъ онъ: это только у васъ такой обычай; а у насъ во время сговора женихъ съ невѣстою пируютъ со всѣми вмѣстѣ.

Локсандра все таки не позволила ему долго оставаться съ нею. Она, видимо, безпокоилась и гнала его отъ себя, и разставалась съ сожалѣніемъ.

Тимошъ тѣмъ же путемъ пробрался въ залъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, подсѣлъ къ козакамъ.

— Ты это гдѣ шатался? спросилъ Пушкарь, многозначительно подмигивая.

— Невѣсту смотрѣлъ! лаконически отвѣчалъ Тимошъ.

— Эге-е! протянулъ Пушкарь. Ты тутъ видно, братику, всѣ входы и выходы знаешь.

Тимошъ усмѣхнулся и ничего не отвѣтилъ.

Скоро господарь раскланялся съ козаками, такъ какъ вечеромъ предстоялъ обрядъ расплетанія косы, нѣчто вродѣ дѣвичника; на немъ женихъ отсутствуетъ.

Господарша приготовила падчерицѣ пріятный сюрпризъ: она гдѣ-то раздобыла стараго дѣда-кобзаря. Онъ весь вечеръ распѣвалъ украинскія думы, а подъ конецъ пустился отплясывать гопака не хуже молодаго парубка къ великому удовольствію боярынь и боярышень.

Дѣвичникъ вышелъ скорѣе веселый, чѣмъ грустный. Даже господарша тряхнула стариною и прошлась въ плавномъ восточномъ танцѣ, позвякивая своими браслетами и ожерельями.

Свадьбу назначили черезъ два дня на тридцать первое августа, а черезъ недѣлю молодые должны были уѣхать въ Украйну. Это было отчасти противъ обычая, такъ какъ обыкновенно послѣ сговора слѣдовало пировать еще недѣлю. Но въ виду поспѣшности нѣкоторые обряды соединили съ дѣвичникомъ, такъ что не было обычныхъ просѣваленъ, когда женщины просѣваютъ муку для свадьбы.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VIII.

СВАДЬБА.

Въ день вѣнчанія Тимошъ съ утра устроилъ прощаніе со своими дружками и свадебными боярами, одарилъ ихъ всѣхъ кого саблею, кого конемъ, кого кафтаномъ и собрался съ ними въ путь верхомъ на статныхъ коняхъ задолго до часа назначеннаго для брачной церемоніи. Не доѣзжая дворца, свадебная свита его раздѣлилась на двѣ группы и одна изъ нихъ, имѣя во главѣ Выговскаго, поскакала впередъ, чтобы увѣдомить о прибытіи жениха.

Толпы народа стояли на улицахъ и смотрѣли на все происходившее.

Жениховы вѣстники знали, что на дорогѣ ихъ стерегутъ невѣстины бояре и чтобы поддержать честь жениха, они гнали своихъ степныхъ скакуновъ изо всей силы, стараясь ускользнуть отъ мнимаго непріятеля. На одномъ изъ поворотовъ, дѣйствительно, выскочило нѣсколько молодыхъ людей на прекрасныхъ молдавскихъ коняхъ, и пустились за ними въ догонку, стараясь перерѣзать путь, чтобы ввести ихъ во дворецъ съ тріумфомъ, какъ плѣнныхъ. Впереди всѣхъ скакалъ сорви—голова племянникъ господаря. Но козацкихъ коней не легко было догнать; нѣсколько разъ преслѣдующіе почти уже настигали козаковъ; но тѣ вертѣлись, какъ вьюны, и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, опять улетали впередъ. Только одинъ панъ Доброшевскій не поспѣвалъ за остальными; на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ лошадь его споткнулась и чрезъ минуту онъ уже былъ въ плѣну.

Дружки же, достигнувъ замка, соскочили съ коней и при громкихъ крикахъ толпы вступили во дворецъ.

— Что нужно храбрымъ воинамъ? спросилъ господарь, ожидавшій уже ихъ на верхней площадкѣ широкой каменной лѣстницы.

— Повелитель нашъ послалъ насъ объявить войну замку. Сейчасъ онъ и самъ прибудетъ сюда съ войскомъ! отвѣчалъ Выговскій.

Библиотека "Руниверс"

— Будемъ ожидать вашего повелителя, проговорилъ князь и, замѣтивъ плѣнника, прибавилъ:—идите къ господину вашему, а этого мы оставимъ у себя заложникомъ.

Послы вернулись навстрѣчу жениху, а пана Доброшевскаго заставили выпить выкупную чарку порядочныхъ размѣровъ.

Жениха встрѣтили пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ, а господарша торжественно приняла изъ рукъ дружекъ украинскій каравай, украшенный замысловатыми сахарными фигурами. Ихъ тотчасъ отвели на арену, приготовленную для ристанія. На широкомъ княжескомъ дворѣ собралась вся знать, размѣщенная по чинамъ; на возвышенномъ княжескомъ мѣстѣ сидѣла господарша въ порфирѣ и коронѣ, а подлѣ нея помѣщалась невѣста съ распущенными волосами и душистымъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Ей предстояло раздавать награды побѣдителямъ, состоявшія изъ кусковъ дорогой шелковой матеріи и сукна, лежавшихъ передъ княжною на большомъ серебряномъ подносѣ. Тимоша тоже ввели на княжеское мѣсто и посадили рядомъ съ Локсандрой. Князь занималъ въ этотъ день второе мѣсто послѣ жениха, дружки же, перевязанные на крестъ ручниками, помѣстились сзади невѣсты. Съ другой стороны Тимоша сѣла свѣтилка, роль ея за неимѣніемъ родной сестры исполняла двоюродная сестра Локсандры. Въ угоду жениху и невѣста, и господарша, и приближенныя боярыни и боярышни всѣ были въ малороссійскихъ костюмахъ.

Тимошъ подалъ знакъ, и началось ристаніе. Послѣ двухчасоваго состязанія, скачекъ въ запуски, черезъ барьеръ, черезъ ровъ побѣдителями остались двое: княжескій племянникъ и отважный козакъ, начальникъ украинскихъ левенцовъ, Грыцько. Коней ихъ торжественно украсили вѣнками изъ душистыхъ цвѣтовъ, а изъ рукъ невѣсты они получили награду, причемъ Грыцько торжественно обвязалъ кусокъ драгоцѣнной шелковой матеріи въ видѣ пояса. Такъ какъ вечеромъ предстоялъ пиръ, то два часа ранѣе зазвонили къ вечернѣ и невѣсту стали собирать къ вѣнцу; поѣзжане же и гости собрались передъ дворцемъ и расположились въ извѣстномъ порядкѣ, предписанномъ церемоніаломъ. Свадебная процессія отличалась особымъ

Библиотека "Руниверс"

великолѣпіемъ и пышностью. Новыя только что сшитыя одежды скороходовъ блестѣли серебромъ и золотомъ, высокія шапки ихъ на подобіе опрокинутыхъ стакановъ были украшены княжескими гербами, рельефно выдававшимися на золотомъ фонѣ. Великій конюшій съ двумя помощниками держали прекрасныхъ бѣлыхъ арабскихъ коней въ уздахъ усыпанныхъ драгоцѣнными каменьями и покрытыхъ попонами шитыми золотомъ и серебромъ. Кони эти были предназначены жениху и невѣстѣ. Позади ихъ второй конюшій со своими помощниками держалъ тоже богатоукрашенныхъ коней для господаря и господарши. Затѣмъ слѣдовала знатнѣйшая свита изъ перворазрядныхъ бояръ и боярынь. Къ нимъ присоединились по выходѣ изъ дворца и дружки, и родственники невѣсты. Свѣтилка ѣхала съ невѣстой рядомъ, торжественно держа саблю съ прикрѣпленною къ ней восковою свѣчею. Остальныя приближенныя боярышни по малороссійски были съ вѣнками на головахъ; онѣ окружали свѣтилку.

Передъ отъѣздомъ въ церковь жениха и невѣсту благословили господарь и господарша образомъ и хлѣбомъ, послѣ чего они три раза поклонились въ землю, приложились къ образамъ и поцѣловали ихъ руки.

Громкая музыка сопровождала шествіе въ соборъ, и за звуками трубъ не слышно было даже криковъ толпы, восторженно встрѣчавшихъ и провожавшихъ жениха и невѣсту пожеланіями всѣхъ благъ.

Посреди церкви былъ разостланъ коверъ съ разсыпанными на немъ червонцами. Сватъ и сваха съ двумя толстыми свѣчами ввели жениха и невѣсту и поставили жениха по правую, а невѣсту по лѣвую сторону ковра. Свѣтилка встала подлѣ невѣсты, а позади невѣсты двѣ старшія дружки; онѣ должны были держать вѣнецъ.

Раздалось торжественное пѣніе, какъ только женихъ и невѣста показались на порогѣ церкви. Во время бракосочетанія родственники невѣсты осыпали всѣхъ присутствовавшихъ мелкими деньгами, орѣхами и сухимъ хмѣлемъ. Священникъ читалъ обычныя молитвы при вѣнчаніи, три раза обручилъ ихъ кольцами, три раза въ вѣнцахъ обвелъ ихъ вокругъ аналоя и

Библиотека "Руниверс"

въ концѣ далъ имъ три раза вкусить хлѣба, намазаннаго медомъ. Невѣстѣ завѣсили лицо тонкимъ шелковымъ краснымъ платкомъ, прикрѣпленнымъ къ двумъ стрѣламъ.

На возвратномъ пути дѣвушки и женщины, окружавшія новобрачныхъ, бросали имъ подъ ноги букеты и вѣнки изъ цвѣтовъ, а во дворцѣ весь путь и всѣ залы были усыпаны розмариномъ и украшены пышными пестрыми гирляндами цвѣтовъ. Въ меньшемъ аудіенцъ-залѣ гостей ожидалъ богатый пиръ. Женихъ съ невѣстою, князь и княгиня, всѣ приближенные и родные заняли назначенныя имъ мѣста, кромѣ тѣхъ бояръ, которые должны были служить за столомъ. При звукѣ трубъ и литавръ стольничьи въ предшествіи ватава внесли кушанья и передали ихъ великому стольнику; онъ же поставилъ ихъ предъ новобрачными и всталъ на свое мѣсто за стуломъ князя. Всѣ встали, митрополитъ прочелъ молитву и благословилъ яства, а старшій медельничаръ принесъ воду для омовенія рукъ.

Громкій пушечный залпъ возвѣстилъ городу, что новобрачные сѣли за трапезу, а съ высокихъ хоръ зала раздалась турецкая музыка. Великій пачарникъ взялъ сосудъ съ виномъ, налилъ его въ кубокъ, стоявшій передъ княземъ и съ поклономъ отошелъ на свое мѣсто, помощники же его наливали вино остальнымъ гостямъ. Митрополитъ, за нимъ все духовенство и всѣ бояре встали въ ожиданіи, когда князь окреденцуетъ вино, т. е. отопьетъ первый глотокъ; но князь предоставилъ эту честь жениху, первый поклонился ему въ поясъ, а за нимъ и всѣ гости. Послѣ этого всѣ сѣли и принялись за обѣдъ; женщины, соблюдая этикетъ, едва замѣтно клали себѣ въ ротъ маленькіе кусочки, дѣлая видъ, что онѣ не ѣдятъ, а только пробуютъ, передъ монашествующими духовными стояли только рыбныя и молочныя блюда. Мужчины не заставляли себя просить, быстро истребляя и дичь, и жареныхъ быковъ, и барановъ.

Послѣ перваго блюда князь всталъ и провозгласилъ тостъ за своего храбраго сына Тимоѳея.

Громкое „да здравствуетъ“! огласило своды зала.

Тимошъ всталъ и, выпивъ свой кубокъ, велѣлъ себѣ налить второй, и провозгласилъ тостъ за любезнаго тестя своего,

Библиотека "Руниверс"

причемъ, выпивъ кубокъ до дна, сильно стукнулъ имъ по столу и громко прибавилъ:

— Да будетъ между нами миръ и согласіе! Я готовъ исполнить всѣ твои желанія, а какъ подѣлимъ мы съ тобою Волощину и Молдавію, такъ обоимъ намъ мѣста хватитъ, не изъ зачего будетъ ссориться.

Между боярами произошло легкое замѣшательство. Тимошъ же протянулъ свой кубокъ къ стоявшему за нимъ почарнику и провозгласилъ третій тостъ: за процвѣтаніе Молдавіи и Валахіи, скрѣпленныхъ дружескимъ союзомъ.

Василій съ неудовольствіемъ сдвинулъ брови и сердито взглянулъ на зятя, а великій логоѳетъ замѣтилъ вполголоса, что Валахіей нельзя распоряжаться по произволу, такъ какъ она находится въ зависимости отъ Турціи.

— Что за бѣда? самонадѣянно отвѣчалъ Тимошъ, мы сможемъ получить турецкое согласіе, такъ какъ турки наши пріятели. Султанъ Калга имѣетъ связи въ Константинополѣ, а онъ мой побратимъ, все для меня сдѣлаетъ.

Князь не зналъ, какъ прекратить этотъ непріятный разговоръ. На его счастье послѣ третьяго тоста началась смѣна первыхъ чиновъ; при чемъ великій меченосецъ, великій стольникъ, великій почарникъ и великій медельничаръ получили жалованныя имъ съ княжескаго стола блюда и ушли кушать въ сосѣдній залъ, гдѣ имъ былъ накрытъ особый столъ; вторые же чины заняли ихъ мѣста и подали вторую смѣну яствъ.

Провозглашены были тосты за новобрачную, за господаршу, за благоденствіе новобрачныхъ. Вино лилось рѣкой, и шумные разговоры нѣсколько разъ прерывались пушечными залпами. Наконецъ испили и три великія братины вина: первую за Божію милость и милосердіе, вторую за благоденствіе императора, и третью предложилъ митрополитъ за здравіе новобрачныхъ и князя.

При этомъ всѣ встали. Митрополитъ осѣнилъ князя крестнымъ знаменіемъ и благословилъ его, грянула музыка, раздался пушечный залпъ. Митрополитъ взялъ тяжелый серебряный кубокъ и, едва держа его руками, поднесъ къ устамъ. Бояре же, выпивъ свои кубки, по двое, поддерживаемые великимъ постель-

Библиотека "Руниверс"

ничьимъ, подходили къ князю, цѣловали его руку и потомъ занимали свои мѣста.

Пиръ длился долго, наконецъ великій медельничаръ принесъ свѣчи и всѣ встали изъ-за стола, чтобы перейти въ большой залъ, гдѣ начались пѣсни и пляски.

Остатки кушаньевъ расхватала княжеская прислуга; каждый старался хоть чѣмъ-нибудь полакомиться съ княжескаго стола. Великому ключару было не мало хлопотъ, чтобы собрать всю серебряную посуду, оказавшуюся во всѣхъ углахъ столовой.

Въ большемъ залѣ сперва пѣлась молдавская хора; дѣвушки и юноши, схватясь руками, образовали кругъ и переходили мѣрно въ тактъ справа на лѣво, причудливо извиваясь, то сходясь, то расходясь. Женихъ со своими дружками тоже былъ въ кругу, не отходя отъ невѣсты. За хорою слѣдовалъ данчь, всѣ взялись за руки, образуя длинную вереницу и плавно покачиваясь, описывая разнообразные обороты, круги, полукруги, свиваясь и развиваясь. Наконецъ великій постельникъ установилъ мужчинъ и женщинъ отдѣльно въ два длинные ряда, принесли два пестрыхъ жезла съ расшитыми платками на концахъ, выбрали двухъ старыхъ бояръ; они должны были вести свадебный танецъ. Женихъ и невѣста занимали третьи мѣста; на второмъ мѣстѣ мужскаго ряда свадебный маршалъ, на второмъ мѣстѣ женскаго первая сваха. Сперва оба ряда двигались тихо, медленно, то обращаясь одинъ рядъ къ другому лицемъ, то спиною, потомъ движенія стали все ускоряться, ряды завивались въ видѣ треугольника, четырехъугольника, овала, наконецъ оба ряда переплелись, и такъ какъ всѣ боярыни и бояре стали по чину, то жены очутились около своихъ мужей, а боярышни стояли рядомъ съ молодыми людьми одинаковаго съ ними общественнаго положенія. Боярышни пѣли малороссійскія пѣсни, а козаки такъ разошлись, что пустились плясать, припѣвая:

„А кто любитъ гарбузъ, гарбузъ, а я люблю дыньку,
А кто любитъ господаря, а я господыньку“.

Потомъ стали плясать и „журавля“...

Улучивъ удобную минуту, князь Василій отвелъ зятя въ сторону и сказалъ ему:

Библиотека "Руниверс"

— Я очень радъ видѣть въ тебѣ такого храбраго воина, но ты долженъ быть осторожнѣе и таить свои замыслы до поры до времени.

— Да, вѣдь, я говорилъ въ своемъ кругу, отвѣчалъ Тимошъ.

— Это у васъ, козаковъ, есть свой кругъ, и каждый стоитъ за своего батька, а у меня никакого круга нѣтъ, есть одни только враги; они при всякомъ удобномъ случаѣ готовы свергнуть меня съ престола, натравить на меня моихъ недруговъ.

— Такъ я-жъ того не зналъ, отвѣчалъ Тимошъ смущенно, впередъ буду умнѣе.

Георгица въ другомъ углу зала тихо разговаривалъ съ нѣсколькими боярами:

— Вы увидите, что этотъ молодой медвѣдь сдержитъ свое обѣщаніе. Если мы не примемъ мѣры, онъ осѣдлаетъ насъ хуже Лупула; за него войско и народъ. Слышали вы, какіе заздравные клики встрѣчали его при въѣздѣ; такъ не встрѣчали ни одного владѣтельнаго князя. Толпа всегда готова преклоняться передъ побѣдителемъ.

— Что-жъ тутъ дурнаго? проговорилъ великій вистерникъ лукаво посматривая на оратора. И какое намъ-то дѣло до того, что этотъ храбрый воинъ завладѣетъ Валахіею? Это можетъ волновать лишь тѣхъ, у кого тамъ есть родственныя связи, а мы коренные молдаване, и волохи никогда не были нашими друзьями.

При намекѣ на его родство съ валашскимъ правительствомъ Бурдуцъ закусилъ губу и проговорилъ:

— И мы не останемся въ сторонѣ, насъ заставятъ сражаться за валашскій престолъ.

— Заставятъ или не заставятъ, возразилъ вистерникъ, лучше промѣнять ястреба на сокола, чѣмъ на ворону.

Бурдуцъ поблѣднѣлъ отъ злости, а бояре разсмѣялись и замолчали, увидѣвъ приближавшагося князя.

Черезъ нѣсколько минутъ Георгица подошелъ къ женѣ и, шепнувъ: „мнѣ надо съ тобою переговорить“, прошелъ въ сосѣднюю небольшую комнату.

— Ты слышала, сказалъ онъ ей, что говорилъ за столомъ степной женихъ? Надо дать знать и въ Валахію, и седмиград-

Библиотека "Руниверс"

скому князю; пришла пора намъ дѣйствовать, если мы будемъ медлить, намъ не сносить нашихъ головъ. Домна Георгица одобрительно кивнула головой.

— Я давно тебѣ говорила, что пора дѣйствовать, только не упусти изъ рукъ тронъ, онъ самъ тебѣ дается.

Бурдуцъ со страхомъ оглянулся.

— Молчи, Бога ради! проговорилъ онъ женѣ. Не такъ то легко мнѣ дается власть, продолжалъ онъ шепотомъ. Враги мои мѣшаютъ мнѣ на каждомъ шагу.

— А ты заранѣе избавься отъ нихъ, отвѣчала она тоже вполголоса. Ты въ силѣ, господарь тебя слушаетъ, очисти себѣ путь.

Лицо ея приняло хищническое непріятное выраженіе, и мужъ ея посмотрѣлъ на нее со страхомъ.

— Я не Радулъ, тихо проговорилъ онъ.

— Нельзя достигнуть власти, не перешагнувъ черезъ трупы.

Георгица быстро взглянулъ на нее и ему показалось, что она читаетъ въ душѣ его.

Слѣдствіемъ этого разговора было то, что великій вистерникъ и еще нѣсколько бояръ попали въ опалу князя, судились— вистерникъ за мнимую растрату казенныхъ суммъ, остальные тоже по доносу разныхъ подставныхъ лицъ, и хотя не было открыто никакихъ явныхъ доказательствъ ихъ виновности, они были лишены занимаемыхъ ими должностей и удалены отъ двора. Причемъ дальновидный Бурдуцъ позаботился, чтобы на ихъ мѣста были назначены его кліенты.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПОБОЖЬЕ ВЪ XVII и XVIII В.

Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО) [1]).

I.

Побожье.—Главные землянскіе роды, осѣвшіе тутъ.—Ихъ наслѣдники въ началѣ XVIII в.

Колонизаціонное движеніе на пограничьи Брацлавщины, начатое въ половинѣ XVI в., тянулось почти столѣтіе, вплоть до хмельницины; съ теченіемъ времени оно пріобрѣтало все бо́льшую силу и развивалось почти съ каждымъ днемъ. Старинные землянскіе роды, густо осѣвшіе вокругъ Брацлава и Винницы еще на основѣ жалованныхъ грамотъ Витовта и Свидригайла, постепенно вымирали благодаря безпрерывнымъ военнымъ стычкамъ, на стражѣ угрожаемаго займища, но оставались въ живыхъ женскіе потомки. Путемъ брачныхъ союзовъ имѣнія переходили къ новымъ пришельцамъ или и мѣстнымъ землянамъ, которымъ удалось подняться изъ ничтожества благодаря измѣн-

[1]) Настоящая работа д-ра Антонія І. (г. Ролле), извѣстнаго изслѣдователя исторической Подоліи, появилась на страницахъ краковскаго журнала „Świat“ и затѣмъ издана отдѣльной брошюрой (Po inkursyi kozackiej. Kraków, 1890, стр. 138). Она составлена главнымъ образомъ по документамъ тывровскаго фамильнаго архива г. Адама Ярошинскаго. Сколько извѣстно, бумаги этого архива не были еще предметомъ литературной обработки до появленія монографіи г. Ролле, которую предлагаемъ здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями, преимущественно въ области генеалогическихъ изысканій автора.—*Прим. пер.*

Библиотека "Руниверс"

чивости окраинnаго быта. Такъ исчезли со сцены князья Коротки и Ковары, такъ вымерли Мормилы, Кошки, Якушинскіе, Байбузы, Красносельскіе, Сѣмашки, Ластовецкіе, Житинскіе, Слупицы, Клещевскіе и множество другихъ. Если нѣкоторые изъ нихъ по счастливой случайности и уцѣлѣли, то благодаря безпрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ впали въ убожество; лишенные имѣній и прежняго положенія въ обществѣ, они обыкновенно сливаются съ сельской массой и вынужденные добывать пропитаніе тяжкимъ трудомъ, утрачиваютъ всякое воспоминаніе о прежнемъ достаткѣ и выдающемся положеніи. Подобнаго рода перемѣны происходятъ всюду, онѣ въ порядкѣ вещей, но въ Брацлавщинѣ наблюдаешь ихъ слишкомъ часто, на протяженіи самаго незначительнаго промежутка времени. Лишенная прочной опоры благодаря исключительнымъ условіямъ быта, среди вѣчныхъ замѣшательствъ, колонизація погибала безвозвратно; на старыхъ пепелищахъ осѣдали новые поселенцы, привлекаемые самою опасностью предпріятія и тѣмъ очарованіемъ, которое такъ свойственно пограничью.

Дѣйствительно, лакомый кусокъ представляла полоса земли по обоимъ берегамъ Буга, начиная отъ Винницы до Саврани, на границѣ „дикихъ полей“; слегка волнистая равнина мягкими переливами плыла къ югу, широкая и спокойная; дѣвственная почва давала богатый урожай; колонизаторъ могъ добывать пропитаніе безъ чрезмѣрныхъ усилій; при этомъ множество притоковъ Буга, не высыхавшихъ въ самое жаркое лѣто, не грозившихъ наводненіями подъ часъ весеннихъ разливовъ, притоковъ, образующихъ обширные пруды, роскошные притоны для всевозможной рыбы, и дающихъ даровую рабочую силу для мельницъ, которую легко регулировать и направить по желанію. А вдоль побережья рѣки и прудовъ роскошныя сѣножати, на умѣренно сырыхъ лугахъ превосходныя травы для многочисленныхъ стадъ разнаго скота; палящій зной юга не только не портилъ травъ, но даже приносилъ свою пользу, умѣряя холодъ съ востока, гдѣ высились огромные лѣса, извѣстные всюду подъ именемъ бугскихъ пущъ; послѣднія тянулись вдоль берега и исчезали около Ладыжина, на сѣверо-востокѣ сливались съ литинскими

Библиотека "Руниверс"

и хмельницкими лѣсами, а на юго-западѣ соприкасались съ пущами барскаго староства. Достаточно было матеріала и для разныхъ построекъ, и для золы, необходимой при добычѣ поташа и селитры; достаточно сказать, что въ половинѣ XVIII ст. Захарія Ярошинскій въ теченіи четырехъ лѣтъ продалъ въ Данцигъ на 200,000 зл. этихъ матеріаловъ изъ лѣсовъ Василевки, что около Тыврова. Всякаго звѣря было довольно въ пущахъ; современные документы еще въ половинѣ XVI в. перечисляютъ въ качествѣ доходныхъ статей: „куницы, денежныя десятины, пчельное съ пасѣкъ, звѣриные ловы, бобровые гоны“ и т. п. Медъ и воскъ составляли важную статью дохода въ бюджетѣ сельскаго хозяина. Такъ, въ 1639 г. владѣтель небольшаго с. Клещева обезпечиваетъ своимъ дочерямъ по 2000 зл. на пчельной десятинѣ, и то всего на четыре года. Еще въ прошломъ вѣкѣ пчеловодство процвѣтало на Побожьи, какъ видно изъ люстрацій: такъ, напр., въ 1754 г. въ Рахнахъ 12 крестьянъ владѣютъ 260 пнями пасѣки, въ Шершняхъ—8 крестьянъ владѣютъ 126, въ Василевкѣ 22 кр.—685 пнями. Содержаніе водяныхъ мельницъ также играло большую роль въ сельско-хозяйственномъ обиходѣ. Такъ напр. въ раздѣльномъ актѣ 1645 г. въ третьей части тывровскаго имѣнія и селахъ Василевкѣ и Соколинцахъ упоминается о 18 прудахъ, годныхъ для устройства мельницъ, „excepto другихъ, которые въ актѣ раздѣла не оговорены“....

На этомъ то Побожьи свили себѣ гнѣзда цѣлые рои землянъ, чтобы попытать здѣсь счастья и побороться съ недолей, но мы обратимъ вниманіе на три землянскіе рода, соединившіе въ своихъ рукахъ значительные участки земли, такъ какъ нашъ разсказъ касается судебъ именно этой полосы.

Первое мѣсто принадлежитъ Слупицамъ, которые осѣли здѣсь еще по жалованной грамотѣ Витовта. Владѣнія ихъ тянулись на нѣсколько десятковъ миль, отъ Лобачева до Бершади и Батога; на этомъ пространствѣ уже въ XVI вѣкѣ насчитывалось свыше тридцати поселковъ, между ними т. н. Облинскіе грунты на 12 миль протяженія. Одинъ изъ первыхъ Слупицъ опозорилъ себя измѣной—передалъ брацлавскій замокъ хану пе-

Библиотека "Руниверс"

рекопскому, поэтому положеніе ихъ было испорчено, и черезъ столѣтіе фамилія угасла. Но еще раньше ихъ владѣнія значительно расширились благодаря бракамъ. Внучка кн. Богуша Коротки, Евдоксія Житинская, принесла въ приданое Семену Слупицѣ Коротковскій ключъ съ городомъ Ладыжиномъ и 26 деревнями, не считая урочищъ и хуторовъ. Единственная дочь Семена и Евдоксіи, Гальшка, въ 1622 г. вышла за Василія Рогозинскаго, и въ рукахъ наслѣдниковъ Гальшки соединилось какъ имѣніе матери, такъ и наслѣдство послѣ Мормиловъ, родственниковъ Василія Рогозинскаго, угасшихъ въ половинѣ XVII вѣка. Изъ семерыхъ сыновей Гальшки шестеро погибли подъ Батогомъ. Путемъ дальнѣйшихъ браковъ наслѣдство переходитъ по частямъ къ Вольскимъ, Борейкамъ, Свидзинскимъ, Барциковскимъ, Терлецкимъ, Пашковскимъ, Нарбутамъ и Веліогорскимъ; послѣ паліивщины на пространствѣ 100,000 морговъ наслѣдства, уцѣлѣвшаго въ разныхъ рукахъ по наслѣдству отъ Слупичанки-Рогозинской, насчитывалось едва нѣсколько поселковъ: Куна, Кунка, Губникъ, Калинякъ, Деревичи, Жерденовка старая и новая.... Затѣмъ были вскорѣ вновь заселены Соболевка, Скибинцы, Гусаковцы и Гарпачка. Въ сравненіи съ первоначальными владѣніями Козаровъ, Коротковъ, Мормилъ, Рогозинскихъ и Слупицъ имѣнія ихъ наслѣдниковъ представляли незначительную дробь. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда сюда входило все наслѣдство Збаражскихъ—ключъ Немировскій, Бершадскій, Ладыжинскій и часть Дашевскаго; отсюда Синявскіе получили свою Грановщину; Валентій Калиновскій, этотъ знаменитый собиратель украинныхъ земель—имѣнія Тростянецъ и Деренковъ; кн. Янушъ Острожскій—имѣнія Ольбачевъ и Треножинъ; Конецпольскій—рядъ имѣній „на богскомъ трактѣ“ около Саврани; и это только крупнѣйшіе изъ пріобрѣтателей, а сколько здѣсь осѣло мелкихъ даже перечислить нынѣ невозможно.

Подобную же судьбу испытали и сутисскія имѣнія, принадлежавшія въ 1552 году дочерямъ Семена Сѣмашки. Сюда входили Витава, Габинъ (?), Янковъ, Маяновъ, обѣ Шершни, Ворошиловка и другія, расположенныя „въ Брацлавскомъ воеводствѣ“. Въ 1611 г. имѣнія эти уже принадлежатъ пятерымъ

Библиотека "Руниверс"

владѣльцамъ, а въ началѣ XVIII в. „фортуна Сѣмашовская“ уже считаетъ цѣлый рой владѣльцевъ дѣйствительныхъ и не менѣе того претендентовъ: тутъ встрѣчаемъ девятерыхъ Прушинскихъ, Родонскихъ, Ластовецкихъ, Комаровъ, Пшездзѣцкихъ, Кобылянскихъ, Гулевичей, Снитовскихъ, Пясковскихъ и т. д.

Гораздо обширнѣе было родовое имѣніе Клещовскихъ, рядомъ съ сутисскимъ; земли и лѣсовъ было обильнѣе, оба берега Буга принадлежали сюда. Родовымъ гнѣздомъ было сельцо Клещево. Въ 1505 г. владѣльцемъ имѣнія былъ Ѳедько Дашковичъ, внукъ Германа, за которымъ утвердилъ земли вел. кн. Витовтъ въ награду за службу. Въ составъ его входили: Клещево, Шандырево, Тростянецъ, Тывровъ, Волчковцы, Нестеровцы и др., „дидына и отчына“ Ѳедька. Путемъ браковъ и переходовъ по наслѣдству, имѣніе съ начала XVI в. дробится безпрерывно, и уже въ первой половинѣ XVIII в. встрѣчаемъ здѣсь безконечный рядъ владѣльцевъ, какъ то: Маньковскіе, Плончевскіе, де Войно Андрушевичи, Боровскіе, Мысловскіе, трое Вишневскихъ, Зміевскіе, Бѣжинскіе, Гулевичи, Чарнецкіе (четверо), Ледуховскіе, Корженевскіе, Пневскіе, Красновскіе, Езерковскіе, Круковскіе, Буковскіе, Вольскіе, Жабокрицкіе (три рода), Ястрембскіе, Вируки, Лонцкіе (трое), Жабоклицкіе (пятеро), Яворскіе, Корыцкіе и Свидерскіе.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ пространство земли вдоль Буга, отъ Винницы до савранскихъ степей, разбилось на нѣсколько десятковъ небольшихъ имѣній; всѣ эти владѣльцы стояли между собою въ болѣе или менѣе отдаленномъ родствѣ или свойствѣ и составляли какъ бы одинъ большой родъ. При нормальныхъ условіяхъ, наслѣдство не раздробилось бы на такія микроскопическія части, такъ какъ болѣе богатые наслѣдники уплачивали бы бѣднѣйшимъ и такимъ образомъ погашали бы взаимные счеты. Но на дѣлѣ было не такъ: козацкое движеніе захватило и Рогозинскихъ, и Житинскихъ, и Клещовскихъ еще при жизни; они впали въ убожество и угасли именно въ ту пору, когда окраинныя земли охватилъ пожаръ, а затѣмъ надъ пепелищемъ все это время распространялъ свои права турецкій протекторатъ; затѣмъ наступило возстаніе Палія, и только около

Библиотека "Руниверс"

1715—20 г. начали смѣлѣе возвращаться прежніе владѣльцы на брацлавскія равнины. Наслѣдники послѣ трехъ отдѣльныхъ родовъ въ теченіи почти 70 лѣтъ размножались, росли и умирали гдѣ нибудь въ болѣе спокойныхъ уголкахъ Рѣчи Посполитой, лишь по преданію зная о гнѣздѣ, изъ котораго произошли, и сохраняя память о своихъ правахъ на наслѣдство въ краѣ, „текущемъ медомъ и млекомъ“; правда, край теперь былъ еще недоступенъ, но впослѣдствіи, когда все войдетъ въ мирную колею и падутъ всѣ препятствія, можно будетъ вернуться, и тогда то будутъ вознаграждены и лишенія и тоска безпріютной жизни... И на тему этого возвращенія воображеніе рисовало самые фантастическіе узоры, всѣмъ представлялись золотыя горы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, смотря по тому, какъ пришлось влачить каждому свое невольное существованіе вдали отъ обѣтованной земли. Кому удалось прочно осѣсть въ Великой Польшѣ или на Литвѣ, тотъ не очень то безпокоился о своихъ правахъ на окраинное наслѣдство; многіе относились къ этому вопросу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, несмотря на обширность наслѣдства. Какой нибудь Янъ Александръ Конецпольскій, послѣдній въ родѣ, ни разу не посѣтилъ своихъ пограничныхъ имѣній; онъ не побывалъ здѣсь даже послѣ прекращенія паліивщины, а между тѣмъ передъ турецкимъ занятіемъ въ этихъ имѣніяхъ числилось до 300 поселеній, приносившихъ въ мирное время 650,000 зл. ежегоднаго дохода, не включая сюда поволовщины, селитры, поташа и пчельной десятины. Если въ началѣ прошлаго вѣка имѣнія ничего не давали, то потому, что воевода не имѣлъ желанія заняться ими. Болѣе предпріимчивые конечно захватывали его владѣнія. Въ Котельнѣ засѣлъ какой то шляхтичъ, именовавшій себя котельницкимъ старостою; мгліевскимъ ключемъ завладѣлъ коронный хорунжій Янъ Александръ Яблоновскій, кажется даже раздобылъ себѣ *consens* и собиралъ доходы точно съ королевскаго имѣнія. А панъ Ледуховскій за 40,000 зл., занятыхъ воеводѣ, взялъ на три года въ залогъ шаргородское имѣніе, въ счетъ процентовъ по займу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по истеченіи срока кредиторъ не желалъ получить обратно долгъ, такъ какъ капиталъ приносилъ ему ежегодно 30,000 зл., т. е. 75% (Ра-

Библиотека "Руниверс"

miętniki o Koniecpolskich, стр. 336—409). Словомъ, всюду царилъ полнѣйшій безпорядокъ. Передъ смертью Конецпольскій записалъ въ 1725 г. Валевскому 12,000 зл., своимъ дворянамъ около той же суммы, и обезпечилъ записи на украинскихъ имѣніяхъ; Валевскій скупилъ претензіи этихъ дворянъ и перепродалъ ихъ и свою собственную за 1 милліонъ зл. коронному подстолію кн. Станиславу Любомирскому, который такимъ образомъ оказался владѣльцемъ половины нын. могилевскаго уѣзда, всего ямпольскаго, ольгопольскаго, балтскаго—въ границахъ, въ какихъ этотъ принадлежалъ къ Рѣчи Посполитой—и огромнаго пространства въ южной Кіевщинѣ, всего же по современному исчисленію около 5 милліоновъ морговъ земли. По городамъ такое отреченіе отъ собственности было еще очевиднѣе; такъ напр. въ Каменцѣ *post hosticum* безхозяйныя усадьбы стояли впустѣ цѣлыхъ 70 лѣтъ, и только при Станиславѣ Августѣ внесенъ былъ сюда нѣкоторый порядокъ.

Повторяемъ, не всѣ пользовались своими правами и привилегіями, довольствуясь тѣмъ, что успѣли добыть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и предпочитая вѣрный достатокъ будущимъ богатствамъ. Но такихъ было меньшинство; большая же часть обезземеленныхъ не успѣла устроиться приличнымъ образомъ; такой землянинъ, заброшенный игрою судьбы куда нибудь на другой конецъ Рѣчи Посполитой, оказывался безпомощнымъ, а такъ какъ приняться за черную работу казалось неприличнымъ, то оставалось лишь ожидать съ нетерпѣніемъ часа возвращенія на собственное пепелище; не удалось дожить до благословенной минуты—онъ передавалъ наслѣдникамъ документы, удостовѣрявшіе его права; наслѣдникъ, скиталецъ безъ средствъ и связей, при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ на окраину... Тысячи такихъ семействъ появились въ Брацлавщинѣ на поиски дѣдины и отчины; а такъ какъ во время козацко-панскихъ войнъ погибали не только деревни, но и цѣлые города и хранившіеся здѣсь документы дѣлались жертвою пламени, то возникъ невиданный хаосъ. Наслѣдникъ часто не въ состояніи былъ указать своего наслѣдства; нѣкогда многолюдное поселеніе представляло теперь простое урочище,

Библиотека "Руниверс"

нерѣдко—голую пустошь. Что всего хуже, на одну и ту же землю являлось разомъ нѣсколько, иногда даже нѣсколько десятковъ претендентовъ; если они приходили къ соглашенію и приступали къ раздѣлу, снова начинались раздоры, сыпались жалобы, заявленія, отзывы, возраженія, съѣзды и т. д. до безконечности. Случалось, что пришельцы заставали на своей отчинѣ совершенно неожиданнаго гостя: сосѣда ли, который округлялъ на ихъ счетъ свою границу, или залогодержателя, обыкновенно человѣка со средствами, лучше знакомаго съ мѣстными условіями, словомъ, опаснаго противника,—приходилось или вступать съ нимъ въ соглашеніе, или же подыскивать болѣе выгоднаго покупщика претензій. Вслѣдствіе этого развился въ краѣ особый классъ посредниковъ, которые въ собственныхъ интересахъ неутомимо поддерживали недоразумѣнія и замѣшательство... Въ концѣ концовъ оказалось, что не было въ Брацлавщинѣ ни одного имѣнія, которое не вело бы процесса о границахъ съ сосѣднимъ владѣльцемъ и не имѣло бы, рядомъ съ собственникомъ *de facto*, по крайней мѣрѣ нѣсколько владѣльцевъ мнимыхъ. Послѣдствіемъ этого было развитіе кляузничества. Въ Винницѣ подвизалось до тридцати адвокатовъ одновременно, которые содержали толпу писцовъ, и весь этотъ народъ кормился на счетъ землянъ, вынужденныхъ безпрестанно защищаться отъ самыхъ неожиданныхъ напастей.

Отъ общей характеристики перейдемъ къ деталямъ. Не были счастливѣе и наслѣдники трехъ землянскихъ родовъ, упомянутыхъ нами въ началѣ. Большую часть наслѣдства Слупицъ захватили Вишневецкіе; въ отчинѣ Сѣмашковъ хозяйничали наслѣдники князей Острожскихъ, а въ клещевскомъ имѣніи сидѣлъ залогодержатель, быть можетъ опаснѣе всѣхъ остальныхъ.

II.

Янъ Михаилъ Калетынскій, хорунжій брацлавскій.

О предкахъ пана хорунжаго извѣстно только, что бабушка его происходила изъ дома Красносельскихъ, а мать—Маріанна Ярошинская, сестра Ѳедора, житомирскаго подчашія. Ихъ было

Библиотека "Руниверс"

два брата: упомянутый Янъ-Михаилъ, родившійся въ 1672 г., и Юрій, старше его на пять лѣтъ. Младшему брату повезло въ матеріальномъ отношеніи, но дѣтей не было; у старшаго ничего не было, но за то отъ пятерыхъ дочерей остался легіонъ внуковъ и внучатъ. Вторая жена его Софья Боровская происходила изъ рода, имѣвшаго права на участіе въ наслѣдствѣ Клещевскихъ. Въ 1715 г. старшаго брата уже не было въ живыхъ, а убогіе потомки его разбрелись по бѣлу свѣту въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Въ то же время панъ хорунжій поселяется въ Тывровѣ въ качествѣ залогодержателя, хозяйничаетъ кромѣ того въ Соколинцахъ и Пилавѣ, ведетъ нескончаемые споры съ наслѣдниками Клещевскихъ, у которыхъ отнялъ порядочный кусокъ земли для округленія своихъ границъ. Онъ принадлежалъ къ числу выдающихся личностей и имѣлъ перевѣсъ надъ другими, въ особенности благодаря знакомству съ мѣстными условіями. Еще отецъ пана Михаила, выгнанный изъ имѣнія во время козацкой войны, пережидалъ бурю въ сосѣдней Волыни, но сынъ, родившійся здѣсь, уже постоянно навѣдывается на пограничье, приглядываясь, нельзя-ли поселиться тамъ навсегда. Съ 1700 г. онъ часто посѣщаетъ Винницу; пятнадцать лѣтъ спустя онъ предается сельскому хозяйству и съ той поры до самой смерти энергично работаетъ надъ водвореніемъ порядка въ краѣ; онъ заложилъ палацъ въ Тывровѣ—дѣло нешуточное въ эту пору, когда показывались признаки гайдамачества,—рядомъ съ дворомъ строитъ каплицу, привлекаетъ мѣщанъ, ремесленниковъ, торговцевъ, обезпечиваетъ торговыя выгоды купцамъ, строитъ дома, погреба въ ратушѣ, красиво высившейся среди главной площади. Затѣмъ послѣдовала сельская колонизація; старое урочище Гуту онъ заселилъ и назвалъ Шкляровкой; застроилъ старую Василевку и переименовалъ ее въ Михайловку; въ Соколинцахъ онъ поселилъ нѣсколько десятковъ раскольничьихъ семействъ филипповскаго согласія, освободилъ отъ чинша, обязавъ лишь очередной службы въ дворянской милиціи, которая выдѣлялась изъ числа прочихъ и внушала почтеніе разному бродячему и разбойному люду. Съ 1720 г. замѣтно уже участіе пана Михаила въ общественныхъ дѣлахъ; правда, тогда стало спокойнѣе

Библиотека "Руниверс"

въ краѣ, понемногу стекались и товарищи, именно Четвертинскіе, Грохольскій, Павелъ Ярошинскій, съ которымъ Калетынскій находился въ родствѣ. Въ сеймикахъ начинаютъ принимать постоянное участіе Михаилъ Потоцкій, Свидзинскій, будущій воевода брацлавскій, Калиновскій, староста винницкій, и даже кн. Августъ Чарторыйскій. Энергичнѣе всего поработалъ хорунжій брацлавскій въ эпоху безкоролевья послѣ Августа II, когда Брацлавщина такъ сильно пострадала. Равнодушный къ политикѣ, хотя державшійся партіи Лещинскаго, панъ Михаилъ болѣе всего заботился о спокойствіи своего уголка. Такъ онъ является, какъ депутатъ отъ шляхты, къ кіевскому генералъ-губернатору Вейсбаху съ ходатайствомъ о пріостановкѣ разорительныхъ военныхъ реквизицій (Арх. ю.-з. Рос., III, 3, стр. 183); нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ выступаетъ въ качествѣ посла на варшавскомъ сеймѣ, въ слѣдующемъ году назначенъ коммиссаромъ по разграниченію воеводства брацлавскаго отъ кіевскаго (ib., 222). Наконецъ, удалось усмирить бурю, союзныя войска начали помогать землянамъ въ подавленіи народныхъ движеній, чему болѣе всего содѣйствовалъ Калетынскій: онъ сошелся съ генераломъ фонъ-Гоймомъ, который квартировалъ съ своей дивизіей въ Немировѣ и часто гостилъ у пана Михаила. Противникъ устройства мѣстныхъ милицій, онъ стоялъ за введеніе регулярнаго войска. Его товарищъ по трудамъ, подкоморій брацлавскій Павелъ Ярошинскій, былъ другаго мнѣнія, но въ качествѣ „миротворца“ рѣшилъ, что и милиція не мѣшаетъ, и коронное войско можетъ пригодиться, поэтому была послана петиція къ гетману; въ 1738 г. хоругви притянули на окраину, но оказалось, что онѣ позволяютъ себѣ самыя жестокія насилія. Калетынскій имѣлъ мужество заявить объ этомъ публично на сеймикѣ 1740 г. и обвинялъ Нитославскаго, „региментаря украинской партіи“, въ томъ, что онъ ведетъ себя на родинѣ такъ, какъ не позволитъ себѣ вести даже въ непріятельской странѣ человѣкъ рыцарскихъ правилъ (ib., 306). Поступокъ былъ смѣлый, но панъ Михаилъ быть можетъ болѣе другихъ имѣлъ основанія пенять на такое отсутствіе охраны. Такъ, въ Таганчѣ, которую онъ арендовалъ, возмутившіеся крестьяне умертвили его племянника Яна Гораина и все

Библиотека "Руниверс"

опустошили. Убытковъ исчислено на 120,000 зл. Мало того. Импровизованный ватажекъ повстанцевъ, сотникъ Антонъ Приченко, узналъ отъ слугъ, взятыхъ „на квестію", что Калетынскій хранитъ въ барской кассѣ 80,000 зл., пробрался обманнымъ образомъ въ замокъ и захватилъ всѣ деньги (ib., 65). Это было въ іюнѣ 1734 г. Годъ спустя новое несчастіе. Какъ сказано выше, хорунжій заселилъ Соколинцы раскольниками; между тѣмъ союзнымъ войскамъ было предписано собрать всѣхъ великорусскихъ поселенцевъ на пограничьи и доставить за Днѣпръ; поэтому и Соколинцы опустѣли. Такъ какъ дѣло было въ началѣ сентября, то послѣ увода раскольниковъ остались полныя гумна хлѣба. Жившій въ Клещевѣ сынъ брацлавскаго стольника Михаилъ Чарнецкій воспользовался случаемъ, вторгся въ опустѣлое селище, захватилъ что могъ, а остальное предалъ огню (ib., 185). Такой неожиданный поступокъ сосѣда былъ слѣдствіемъ спора о наслѣдствѣ, большую часть котораго захватилъ Калетынскій. Но это еще не все. За Бугомъ, въ лѣсу, называемомъ Каламаньщына, стоялъ небольшой Клещевскій монастырь, на землѣ, принадлежавшей къ Тыврову; онъ возникъ, вѣроятно, еще въ ту пору, когда владѣльцы имѣнія исповѣдывали греческую вѣру. Убогіе монахи находились подъ защитой помѣщика, который охранялъ ихъ отъ обидъ со стороны иновѣрцевъ, не допуская мысли, чтобы единовѣрцы напали на скитъ и церковь, не обладавшую никакою цѣнною утварью; случилось однако иначе; одинъ изъ козацкихъ ватажковъ разогналъ монаховъ, а церковь и монастырь сжегъ до тла. Возмущенный хорунжій много лѣтъ добивался управы, безуспѣшно разыскивая за Днѣпромъ виновниковъ разбоя и похищенныя реликвіи (ib., 181).

Несмотря однако на матеріальныя потери, понесенныя во время безкоролевья, владѣтель Тыврова принадлежалъ къ зажиточнѣйшимъ обывателямъ въ краѣ. Старый холостякъ, бережливый, умѣренный, онъ не могъ тратить много... И вдругъ на шестидесятомъ году жизни онъ воспылалъ страстью къ княжнѣ Домицеліи Четвертинской, но что интереснѣе всего, легко получилъ согласіе на бракъ какъ отъ невѣсты, такъ и ея родственниковъ. Эта княжеская отрасль, осѣвшая въ Брацлавщинѣ,

Библиотека "Руниверс"

владѣла болѣе нежели скромнымъ состояніемъ. То были потомки кн. Гавріила, который вынужденъ былъ продать свое родовое гнѣздо Старую Четвертню и удовольствоваться крохами, уцѣлѣвшими отъ женина приданаго (изъ рода Оранскихъ). Имущества было мало, дѣтей—очень много: 7 сыновей и 6 дочерей. Правда, старшій изъ нихъ, Михаилъ, староста жичинскій и подкоморій брацлавскій (съ 1740 г.), сидѣвшій въ Латанцахъ, добился достатка и выкупилъ отчину, но и только. Остальные ютились при немъ; счастье еще, что собственныхъ дѣтей у него не было. Изъ этого то дома взялъ брацлавскій хорунжій себѣ жену въ 1735 или 1736 г. Отнынѣ панъ Михаилъ весь къ услугамъ своей новой родни; молодая жена овладѣла имъ нераздѣльно. Тывровъ ожилъ; дворъ полонъ гостей, потому что при п. Домицеліи жили двѣ молодыя сестры, а братья, кн. Александръ и Святославъ, тоже нерѣдко заглядывали сюда не безъ цѣли: у пана Михаила жили панны Островскія, его родственницы, съ весьма приличнымъ приданымъ. Панъ Михаилъ такъ увлекся, что женилъ обоихъ шурьевъ на двухъ сестрахъ; великолѣпная свадьба была отпразднована въ Тывровѣ въ 1739 г. Благословилъ брачущихся преоръ винницкихъ доминикановъ, и быть можетъ въ это время возникла мысль поселить этихъ монаховъ въ Тывровѣ. Вскорѣ кн. Александръ Четвертинскій сталъ брацлавскимъ подсудкомъ, а его младшій братъ Святославъ поселился въ Сахновѣ и при помощи опекуна очистилъ отъ долговъ и другое село Берлинцы, женино родовое помѣстье. Послѣ такого удачнаго устройства дѣлъ, супруги Калетынскіе отправились въ Ченстоховъ, чтобы возблагодарить Пр. Дѣву за всѣ благодѣянія, и здѣсь панъ Михаилъ купилъ у какой то дѣвочки образъ Божіей Матери, который велѣлъ повѣсить въ столовой тывровскаго палаца. Въ 1740 г. работавшій здѣсь еврей-ремесленникъ, погруженный въ субботнія молитвы, обратилъ вниманіе своихъ коллегъ на просвѣтленіе лика на образѣ; сбѣжалась дворня; пригласили капеллана Мошинскаго. Послѣ провѣрки факта, образъ перенесли въ замковую каплицу, а затѣмъ, когда коммиссія подъ предсѣдательствомъ луцкаго епископа 15 ноября 1742 г. удостовѣрила его чудотворность—въ уніатскую церковь,

Библиотека "Руниверс"

выстроенную тутъ-же за Бугомъ во имя св. Николая. Ежегодно, на первый день зеленыхъ святъ, стекаются къ чудотворному образу тысячи вѣрующихъ; лирники разсказываютъ для любопытныхъ исторію открытія образа... Съ этой поры въ характерѣ пана хорунжаго происходитъ рѣзкая перемѣна: онъ вѣчно занятъ мыслью о дѣлахъ благочестія. Такъ, онъ выстроилъ въ 1742 г. костелъ на мѣстѣ, гдѣ съ 1569 г. существовалъ старый деревянный, сожженный во время козацкихъ войнъ; кромѣ матеріала онъ даетъ на постройку еще 50,000 зл. Не лишено интереса, что именно въ эту пору панъ хорунжій совершаетъ формальное нашествіе на Носовку, принадлежавшую къ кунянскимъ имѣніямъ и неправо занятую кн. Вишневецкимъ; онъ имѣлъ притязанія на это село по закладной своей бабушки Красносельской. Калетынскій добивался своихъ правъ, угрожалъ, наконецъ, по совѣту жены, предпринялъ походъ. Значительный военный отрядъ сопровождалъ супруговъ, которые ѣхали на челѣ въ каретѣ шестерикомъ... Никто не предполагалъ враждебныхъ намѣреній; казалась, что супруги ѣдутъ въ гости, а военный отрядъ былъ обычнымъ въ то время конвоемъ, безъ котораго не отправлялись въ дорогу. Хорунжій, какъ порядочный человѣкъ, прежде чѣмъ приступить къ сраженью, предложилъ мировую; противникамъ пришлось „съ великой охотой и добрымъ сердцемъ уступить достопочтенному пану добродію", по совѣту друзей (Rulikowski, Bracławszczyzna въ *Kwiaty i Owoce*. Кіевъ, 1870, стр. 319). Точнѣе говоря, состоялось соглашеніе, въ силу котораго нападающая сторона отказалась за приличную сумму отъ своихъ притязаній на Носовку... и враги разстались въ мирѣ. Тотчасъ же по возвращеніи изъ удачнаго похода панъ Калетынскій пригласилъ преора винницкихъ доминикановъ и заявилъ о своемъ желаніи соорудить при костелѣ доминиканскій монастырь; назначилъ мѣсто, обязался выплатить 100,000 зл. съ условіемъ вносить эту сумму по частямъ ежегодно, но безъ процентовъ, на случай же смерти обязанность эта переходила къ наслѣдникамъ. По его желанію, четверо монаховъ были немедленно поселены при костелѣ; онъ назначилъ имъ для житья деревянный домикъ и кромѣ того фольваркъ за Бу-

Библиотека "Руниверс"

гомъ, „поля на три руки по пятнадцать дней въ каждой, сѣножати на двѣнадцать косарей, прудъ, мливо и два каменя воску". Хотя панъ Михаилъ не дожилъ до окончанія постройки, но передъ смертью прибавилъ еще 50,000 зл., въ томъ числѣ 5,000 зл. на богадѣльню для шести неимущихъ стариковъ, остальное на содержаніе костела. Во время многолѣтняго управленія хорунжаго мѣстечко Тывровъ расширилось и пріукрасилось; онъ выхлопоталъ для него у Августа III ярморочное право (1744 г.), обезпечилъ мѣщанамъ безопасность; по современной люстраціи въ Тывровѣ насчитывалось мѣщанскихъ семействъ 171, крестьянскихъ 72 (кромѣ платившихъ чиншъ натурою или работой), евреевъ-ремесленниковъ 61 и людей „вольныхъ отъ даней" 24 семейства. Кромѣ ратуши въ мѣстечкѣ числилось 347 домовъ, костелъ, православная церковь; господскія постройки и дворъ, называемый замкомъ, содержались въ великомъ порядкѣ. Замокъ выглядѣлъ настоящей крѣпостью и импонировалъ безпокойному люду, который, быть можетъ, слишкомъ уже легко давалъ вѣру слухамъ о безчисленныхъ богатствахъ стараго тывровскаго пана.

Такимъ образомъ, панъ хорунжій не даромъ пользовался почетомъ въ своемъ околоткѣ. Но онъ не былъ свободенъ отъ недостатка, который былъ такъ распространенъ въ ту эпоху: разъ захваченную землю онъ защищалъ до послѣдней капли крови; когда приходилось круто, онъ готовъ былъ платить, и платить щедро, но выжить его можно было только силой. Такъ, въ 1734 г. онъ предложилъ Жабоклицкимъ—главнымъ наслѣдникамъ по-клещевскихъ имѣній—54,000 зл. за ихъ наслѣдіе, которымъ владѣлъ безнаказанно уже болѣе 18 лѣтъ; соглашенія не послѣдовало, и панъ хорунжій поклялся, что истратитъ вдвое столько, а поставитъ на своемъ. Отсюда неудовольствіе, кляузы, ссоры. Лишенные своей собственности переуступили въ концѣ концовъ свои права и претензіи другимъ лицамъ; къ счастію для пана Калетынскаго, пріобрѣтателемъ правъ оказался Павелъ Ярошинскій, испытанный другъ, близкій родственникъ и человѣкъ, прежде всего желавшій жить съ всѣми въ мирѣ. Онъ выкупилъ все наслѣдство послѣ Василія Клещевскаго (т. е. третью часть всего имѣнія), но устроился хозяйствомъ только въ Василевкѣ, на

Библиотека "Руниверс"

кускѣ земли, котораго еще не успѣлъ захватить панъ хорунжій. Свои претензіи на остальныя захваченныя земли Ярошинскій представилъ *ad acta*... уже наслѣдники вынуждены были съ тяжкими усиліями добывать свои права собственности, а такъ какъ они располагали соотвѣтственными средствами, то борьба была энергичная, упорная и продолжительная... Недомогавшій панъ хорунжій, обременный лѣтами, готовъ былъ наконецъ на уступки, тѣмъ болѣе, что считалъ себя неправымъ, но тутъ уже жена не согласилась на полюбовное окончаніе прецесса; молодая, быть можетъ слишкомъ энергическая особа, она принимала на свою отвѣтственность послѣдствія этой домашней войны.

III.

Ярошинскіе.—Дѣятельность Павла Ярошинскаго въ окраинныхъ провинціяхъ

Познакомимся теперь съ главными дѣятелями борьбы, которая тянулась почти полвѣка. Ярошинскіе принадлежали къ старинной шляхтѣ, происходятъ отъ богатыхъ землянъ, несутъ то военную службу, то посольскія обязанности, часто встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ собственниковъ и залогодержателей на Волыни и въ кіевскомъ воеводствѣ; лишь въ XVIII ст. они осѣдаютъ главнымъ образомъ въ Брацлавщинѣ; люди со достаткомъ, умѣлые и дѣятельные хозяева, они въ концѣ концовъ наживаютъ большое состояніе. О родоначальникѣ ихъ Дмитріи извѣстно лишь, что онъ родился въ 1565 г., а въ 1597 г. былъ избранъ посломъ на сеймъ воеводства волынскаго. Сынъ его Петръ, женатый на Пеньковской, сидѣлъ въ родовыхъ Подлисцахъ въ луцкомъ повѣтѣ, пріобрѣтенныхъ въ 1636 г. отъ кн. Пузыны, владимірскаго подкоморія. Янъ Михаилъ Калетынскій, о которомъ шла рѣчь выше, былъ внукомъ Петра Ярошинскаго по дочери его Маріаннѣ.

Сынъ Петра Стефанъ, ротмистръ молдавской хоругви, получилъ въ 1653 г. отъ Яна Казимира „въ награду за военныя заслуги“ село Керданы въ кіевскомъ воеводствѣ, надъ р. Котлуемъ, конфискованное послѣ Семена Богушевича, „бунтовщика“. Въ ту пору Ярошинскіе придерживались восточнаго обряда, такъ какъ въ 1686 г. встрѣчаемъ Стефана въ спискѣ членовъ луцкаго

Библиотека "Руниверс"

братства „шляхетскаго сословія *sub titulo* Воздвиженія честнаго Креста“ (Памятн. кіев. врем. ком. Кіевъ, 1848. Т. I, ч. I, стр. 193).

Старшій братъ Стефана, Иванъ, мечникъ брацлавскій, начальникъ хоругви польнаго коронnаго писаря, получилъ отъ короля въ 1653 г. часть села Кошеватой; привилегія занесена въ томъ же году во владимірскія земскія книги. Въ концѣ XVI в. селомъ владѣли Любартъ Островскій и Грыцько Чернышевичъ (отсюда названіе села также Чернышки). Послѣ бѣлоцерковскаго трактата съ половинѣ XVII в., когда борьба съ Хмельницкимъ на время пріутихла, возникло живое колонизаціонное движеніе шляхты въ окраинныя земли, стоявшія впустѣ. Король охотно раздавалъ заслуженнымъ людямъ грамоты на эти земли. Такимъ образомъ оказалось, что Стефанъ Млодецкій, тоже жолнеръ, получилъ грамоту на Кошеватую еще въ 1651 г., за два года до Ярошинскаго,—по ошибкѣ-ли королевской канцеляріи, или по другимъ причинамъ трудно сказать. Но прежде нежели владѣльцы успѣли явиться въ пожалованное имѣніе, война началась вновь. Ярошинскій и Млодецкій оставались только титулярными собственниками, оба именовали себя кошеватскими старостами, но въ 1660 г. наслѣдники Млодецкаго добыли новую жалованную грамоту, съ точнымъ означеніемъ границъ, куда вошли не только мѣстечко, но и окрестныя села Кисла, Лукьяновка и и Лука (Słown. geograf., IV, 486—s. t. Кошеватая, ст. Э. Руликовскаго). Въ 1672 г. брацлавскій мечникъ умеръ, не добившись своихъ правъ—время было трудное; младшіе братья его Стефанъ и Ѳедоръ должны были удовольствоваться тѣмъ, что на сеймикѣ воеводства брацлавскаго ихъ признали „за старинныхъ, извѣстныхъ по предкамъ шляхтичей брацлавскихъ“.

Третій потомокъ Петра Ярошинскаго, начальникъ гусарской хоругви волынскаго подчашія и королевскаго ротмистра Вьельгорскаго, Ѳедоръ, получилъ въ 1652 г. отъ Яна Казимира с. Коростовецъ въ предѣлахъ бывшаго барскаго староства, но кажется ему не удалось вступить во владѣніе пожалованнымъ селомъ; родовыя Подлисцы были разорены въ время козацкой войны и панъ Ѳедоръ поселился въ Ольховцѣ на Горыни около Лановецъ. За женой онъ получилъ во владѣніе Горохово въ

Библиотека "Руниверс"

1661 г., пять лѣтъ спустя пріобрѣлъ отъ тещи права залогодержателя въ Берковичахъ на Волыни, Вернигородкѣ, Нападовцахъ и Слободкѣ въ Кіевщинѣ, кромѣ того владѣлъ Ушовкой во владимірскомъ повѣтѣ, Свинаровымъ въ луцкомъ, Крапивной, Зарудинцами и Рудней Рожанской въ овручскомъ; внукъ его Никифоръ Василій Шептицкій былъ лаврскимъ архимандритомъ и генераломъ базиліанскаго ордена, а правнукъ Левъ-Людовикъ—митрополитомъ всей Руси. Умеръ Ѳедоръ въ 1690 г. во званіи житомирскаго подчашія.

Единственный сынъ его, Павелъ, принадлажалъ къ выдающимся людямъ въ своемъ кругу. Въ молодости воинъ, затѣмъ политикъ, государственный человѣкъ, пользовавшійся милостями трехъ королей подрядъ, онъ добросовѣстно выполнялъ принятыя на себя обязанности. Онъ то былъ главнымъ основателемъ могущества рода Ярошинскихъ. Родился Павелъ въ 1656 г., въ 1691 г. получилъ отъ матери Берговичи, вскорѣ затѣмъ колонизовалъ Подлисцы, пріобрѣлъ Лучинцы и Горидничку, а въ 1700 г. Олизаровъ невдалекѣ отъ Горохова и съ той поры именуетъ себя уже Павломъ на Олизаровѣ Ярошинскимъ. Ему же принадлежали и Свинюхи въ луцкомъ повѣтѣ, весьма благоустроенное по тому времени имѣніе, какъ можно судить по размѣру учиненнаго здѣсь „капитанъ-лейтенантомъ“ литовскаго войска паномъ Мусинскимъ грабежа.

Съ 1680 г. панъ Павелъ почти въ теченіи десяти лѣтъ занятъ былъ военной службой; бывалъ въ походахъ въ Молдавіи и подъ Каменцемъ, тогда еще въ неволѣ турецкой. Въ это время и создалась неосновательная легенда о взятіи пана Павла въ плѣнъ татарами. На самомъ дѣлѣ, несчастіе это постигло его двоюроднаго брата Александра Пеньковскаго, и родственники безуспѣшно хлопотали лично и черезъ посланцевъ въ Крыму о его освобожденіи, для чего среди родни производились регулярные сборы пожертвованій „на выкупъ изъ неволи татарской“,—черта весьма характерная для той эпохи, когда оо. тринитаріи едва только начинали свою дѣятельность и нуждались въ средствахъ.

Въ 1699 г. панъ Павелъ оставляетъ военную службу, и въ награду за нимъ было подтверждено кошеватское пожало-

Библиотека "Руниверс"

ваніе, съ прибавленіемъ села Лукьяновки поблизу мѣстечка. Грамота была выдана пану Павлу въ августѣ, а въ декабрѣ уже началась борьба съ Млодецкимъ. Кошеватская королевщина лежала на рубежѣ воеводства кіевскаго и брацлавскаго, и хотя въ урядовыхъ актахъ числилась въ „бѣлоцерковскомъ повѣтѣ", никогда, впрочемъ, не существовавшемъ, но сборщики податей обоихъ воеводствъ требовали съ нея „квартъ". Ярошинскій имѣлъ пріятелей въ Брацлавщинѣ и при ихъ помощи началъ борьбу съ фактическимъ владѣльцемъ имѣнія Млодецкимъ; уже 14 декабря послѣдній жалуется на пана Павла за захватъ подводъ и разграбленіе Кошеватой (Опис. акт. кн. кіев. центр. арх. № 22, стр. 6), 30 декабря—на новое нападеніе и причиненное собственнику насиліе (ib. № 7, стр. 50), а 19 января 1700 г. кіевскій судъ за разбойное нападеніе приговариваетъ Павла Ярошскаго къ баниціи (ib. № 22, стр. 4). Такимъ образомъ, панъ Павелъ овладѣлъ своимъ имѣніемъ, но лишь на короткое время, такъ какъ Млодецкій тѣмъ же путемъ выжилъ его вновь. Примиренія не послѣдовало, и вплоть до конца прошлаго вѣка Ярошинскіе не забывали своихъ правъ на Кошеватую и передавали наслѣдникамъ необходимые для этого документы. Панъ Павелъ вынужденъ былъ вернуться въ опустошенныя Подлисцы и въ томъ же 1700 г. былъ назначенъ подчашимъ овручскимъ.

XVIII вѣкъ начался при самыхъ печальныхъ для Рѣчи Посполитой предзнаменованіяхъ: сверху—борьба за тронъ разбивала край на партіи; внизу—движенія мѣстнаго козачества, выбитаго изъ колеи распоряженіями, которыя проводились въ жизнь по смерти Собѣсскаго и уничтожали полки полѣсскихъ и украинныхъ воителей; козаки, непримиримые и неукротимые, опасавшіеся при томъ за свое существованіе, начали купами соединяться подъ крыльями Палія, который воспользовался современными замѣшательствами и если не *de jure*, то *de facto* завладѣлъ окраинными провинціями. На Подольи сохранялся какой-нибудь законный порядокъ только около Каменца, — Брацлавщина и Кіевщина были охвачены огнемъ. „Ребеллія" угрожала Волыни, поэтому шляхта собралась здѣсь, чтобы предупредить бѣду. Выгнанные изъ своихъ гнѣздъ, кіевляне и брацлавяне сбѣжались на

Библиотека "Руниверс"

совѣтъ во Владиміръ; въ Луцкѣ соединились всѣ три волынскихъ повѣта. Въ концѣ 1702 г. шляхта рѣшила создать пятнадца... хоругвей съ особымъ ротмистромъ для каждой; въ числѣ послѣднихъ оказался и панъ Павелъ Ярошинскій, какъ человѣкъ бывалый и опытный въ военномъ дѣлѣ. Онъ же былъ и замѣстителемъ главнаго начальника или полковника, пана Ледоховскаго, который пребывалъ въ Варшавѣ и затѣмъ умеръ. Дѣла шляхты были плохи, пока не вмѣшался Мазепа и не издалъ свой универсалъ изъ главной квартиры въ Дубнѣ (февр. 1706 г.). Какъ „региментарь-замѣститель", Ярошинскій исполнялъ свои обязанности, повидимому, аккуратно: по крайней мѣрѣ, въ современныхъ актахъ, переполненныхъ жалобами шляхты на дѣйствія ротмистровъ, нѣтъ ни слова противъ пана Павла.

По успокоеніи Волыни панъ Павелъ два года пробылъ въ глубинѣ Польши въ качествѣ начальника панцырной хоругви литовскаго хорунжаго кн. Іосифа Чарторыйскаго—задача нелегкая при необузданности шляхты—и затѣмъ вновь вернулся въ Брацлавщину. Дѣла его шли хорошо, состояніе расло; кромѣ собственнаго имѣнія, онъ съ 1697 г. держалъ въ арендѣ два большіе ключа—Дубенскій и Острожскій, выплачивая за нихъ ежегодно 20,000 зл., а во время похода всѣ хлопоты по хозяйству лежали на его дѣятельной и энергичной помощницѣ—женѣ. Всѣ доходы употреблялись на покупку земли и только земли. Сравнительно съ другими воеводствами, Волынь пострадала менѣе всего, населеніе было здѣсь гуще, имѣнія, или ничтожныя, или чрезмѣрно крупныя и вообще благоустроенныя, не давали большихъ выгодъ; въ Кіевщинѣ опасно было заниматься земледѣліемъ; за то Брацлавщина представляла въ этомъ отношеніи настоящій рай, особенно Побожье, такъ какъ земля лежала здѣсь нетронутою въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Выше было упомянуто объ имущественной неурядицѣ, царившей здѣсь въ началѣ XVIII в.; цѣлыя массы неимущихъ наслѣдниковъ сидѣли по городамъ съ своими документами, подыскивая покупщиковъ, лишь бы только на наличныя. А наличныя были у Ярошинскаго, онъ зналъ цѣну землѣ, зналъ, что при благопріятныхъ условіяхъ она въ недалекомъ будущемъ вознаградитъ

Библиотека "Руниверс"

его сторицею; поэтому, хотя быть можетъ надъ нимъ и подтрунивали изподтишка сосѣди, онъ дѣлалъ свое, такъ какъ понималъ, что дѣло стоило того.

Но не легко было пану Павлу вступать во владѣніе своими землями въ Брацлавщинѣ. Пріобрѣтеніе имѣній въ окраинныхъ провинціяхъ, недавно возвращенныхъ Польшѣ, было дѣломъ невѣрнымъ, въ виду легіона претендентовъ на одинъ и тотъ же участокъ земли. Владѣніе на залоговомъ правѣ было повсемѣстно распространено въ ту пору, а съ другой стороны пріобрѣтались права собственности на данное имѣніе, хотя имѣть право далеко еще не значило быть дѣйствительнымъ собственникомъ. Но пану подчашему удалось какъ-то обойти эти подводные камни. Наслѣдники сутисскихъ имѣній, обѣднѣвшіе и чрезмѣрно размножившіеся, не въ состояніи были даже получить въ руки своего наслѣдства; поэтому уже въ 1722 г. послѣ разныхъ споровъ вошли въ соглашеніе съ Ярошинскимъ. Сперва онъ пріобрѣлъ у нихъ Шершни, затѣмъ Сутиску и часть Витавы; прибавимъ, что ему пришлось имѣть дѣло съ 32 наслѣдниками по-сѣмашковскихъ имѣній—и однако онъ довелъ дѣло до конца. Еще ранѣе, въ 1714 г., онъ пріобрѣлъ отъ Красновскаго половину Василевки подъ Тывровымъ; нѣсколько лѣтъ спустя выплатилъ ихъ части Андрушевичамъ, Жабокрицкимъ, Пневскимъ—и сталъ собственникомъ трети по-клещевскаго наслѣдства.

Тотчасъ же онъ устроилъ въ Василевкѣ новую резиденцію, кромѣ волынской, очень удобную, такъ какъ она находилась невдалекѣ Винницы, центральнаго пункта воеводства. Недалеко же былъ и Тывровъ, гдѣ жилъ панъ Калетынскій, родственникъ и пріятель, вѣчно воевавшій съ обнищалыми наслѣдниками по-клещевскихъ имѣній. Панъ Павелъ жилъ въ мирѣ со всѣми, такъ какъ не пользовался своими правами съ обычной для того времени суровостью. Значительную часть своихъ капиталовъ онъ „помѣстилъ“, какъ нынче выражаются, въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Слупицъ, часть котораго лежала около Куны и Киблича. Послѣднему наслѣднику Слупицъ, подчашему новгородскому Фелиціану Борейкѣ, не повезло въ хозяйствѣ, слобо-

Библиотека "Руниверс"

жане неохотно селились на пустошахъ, подвергавшихся прежде всего военнымъ набѣгамъ во время козацкихъ волненій. Павелъ Ярошинскій охотно вошелъ въ сдѣлку съ Борейкомъ и его сестрами. Въ самомъ дѣлѣ, Ярошинскій этотъ представлялъ любопытный типъ современнаго хозяина: бережливъ до скупости, счастливъ въ скупкѣ земель, оборотливъ, мягокъ и уступчивъ съ неисправными должниками, если, конечно, не было опасности, что капиталъ пропадетъ. О процентахъ и рѣчи не было въ тѣ блаженныя времена. Такъ, кунянскія имѣнія поглотили почти 80,000 зл., которые въ теченіи пятнадцати лѣтъ не принесли никакого дохода.

Назначенный овруцкимъ стольникомъ съ 1718 г., панъ Павелъ не переставалъ принимать живѣйшее участіе въ общественныхъ дѣлахъ; родственныя связи съ вліятельнѣйшими панами, напр. Свидзинскими, имущественный достатокъ, старыя военныя заслуги—все это создало Ярошинскому выдающееся положеніе въ краѣ, а дѣятельность его въ роли приверженца Лещинскаго по смерти Августа II поставила пана Павла во главѣ брацлавскаго воеводства.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Автобіографическая „сказка" малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго.

Въ числѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII ст. было не мало такихъ образованныхъ людей, которые, съ успѣхомъ отправляя военныя и административныя обязанности, любили въ часы досуга браться за перо и съ увлеченіемъ отдавались историко-литературнымъ занятіямъ. Одни изъ нихъ, какъ генеральный хорунжій Н. Ханенко или генеральный подскарбій Я. Марковичъ, въ теченіе многихъ лѣтъ изо дня въ день вели записки или мемуары обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ; другіе списывали или передѣлывали старыя козацкія лѣтописи, дополняя ихъ повѣствованіемъ о событіяхъ своего времени; третьи, наконецъ, сознавая уже недостаточность однѣхъ этихъ лѣтописей для болѣе полнаго изученія прошлой жизни своей родины, занимались собираніемъ и сводомъ историческихъ матеріаловъ, черпая ихъ изъ другихъ, часто иноземныхъ источниковъ, переводили польскихъ историковъ, составляли хронологическіе конспекты историческихъ лицъ и событій и т. под. Такъ образовалась довольно значительная историческая литература въ Малороссіи въ XVIII ст., сослужившая службу и современникамъ въ дѣлѣ ознакомленія ихъ съ прошлыми судьбами края, и послѣдующимъ историкамъ, нашедшимъ въ ней готовый сводъ матеріаловъ.

Къ числу такихъ лѣтописателей—компиляторовъ принадлежитъ и Стефанъ Васильевичъ *Лукомскій*, начавшій службу въ 1731 г. въ генеральной канцеляріи и впослѣдствіи дослужившійся до чина полковаго обознаго. Еще въ бытность свою полковымъ прилуцкимъ

Библиотека "Руниверс"

сотникомъ, Лукомскій въ 1738 г. перевелъ съ польскаго дневникъ Окольскаго „О Остраниновой войнѣ зъ ляхами“ 1638 г., дополнивъ его разсказомъ о событіяхъ въ Малороссіи съ 1639 по 1648 г. на основаніи безымянныхъ козацкихъ лѣтописей; впослѣдствіи онъ перевелъ также съ польскаго записки Матѳея Титловскаго о двухъ походахъ султана турецкаго Османа I противъ поляковъ въ 1620 и 1621 годахъ, подвергнувъ и эти записки значительнымъ поправкамъ и дополненіямъ на основаніи мѣстныхъ лѣтописей. Оба эти перевода, по мысли Лукомскаго, должны были служить какъ-бы введеніемъ къ переведенной имъ же исторической поэмѣ Самуила Твардовскаго „Wojna Domowa“ (о войнахъ Б. Хмельницкаго). Наконецъ, въ 1770 г., состоя уже въ отставкѣ и проживая въ г. Прилукахъ, престарѣлый Лукомскій, не желая, какъ онъ самъ говоритъ, „напрасно и бездѣлно времени терять, но чтобъ какую-нибудь прислугу обществу дѣлать“, скомпилировалъ лѣтописный сборникъ подъ заглавіемъ „Собраніе Историческое“, обнимающій событія въ Малороссіи отъ временъ Гедимина до конца XVI ст. и составленный на основаніи сочиненій польскаго историка XVI ст. Александра Гвагнина и козацкихъ лѣтописей. Это „Собраніе“ напечатано въ приложеніи къ изданной въ 1877 г. кіевской коммиссіей Лѣтописи Самовидца, а переводъ Титловскаго и дополненіе къ дневнику Окольскаго помѣщены въ IV т. Лѣтописи С. Величка.

О жизни Стефана Лукомскаго доселѣ извѣстно было лишь только то, что въ 1738—43 годахъ онъ занималъ урядъ сотника прилуцкаго и участвовалъ въ занятіяхъ особой коммиссіи, учрежденной, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, для перевода и свода малороссійскихъ законовъ, а въ 1770 г. проживалъ въ г. Прилукахъ въ званіи отставнаго полковаго обознаго. Помѣщаемая ниже „сказка“ представляетъ весьма обстоятельный разсказъ самого Лукомскаго объ его происхожденіи, о службѣ козацкой его дѣда и отца, о его обученіи въ кіевскихъ школахъ и неудавшейся попыткѣ отправиться за границу для окончанія образованія и наконецъ о первыхъ годахъ служебной дѣятельности Лукомскаго въ войсковой генеральной канцеляріи. Помимо біографическаго интереса, разсказъ

Библиотека "Руниверс"

Лукомскаго о скитальческой жизни его родителей довольно живо иллюстрируетъ бѣдственное положеніе жителей правобережной Украины въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., когда населеніе этой благодатной страны, подъ вліяніемъ несчастливо слагавшихся политическихъ обстоятельствъ, неоднократно было вынуждаемо покидать родныя мѣста и селиться на чужихъ земляхъ въ гетманщинѣ.

Помѣщаемая „сказка“ доставлена намъ покойнымъ В. П. Масловымъ и извлечена имъ изъ хранящагося въ моск. архивѣ минист. юстиціи [1]) дѣла о Лукомскомъ, „о родствѣ его и о службахъ дѣда его Андрея Гайдука, а паче Василія, отца его, и прочихъ родственниковъ его россійскимъ императорамъ“. Дѣло это производилось въ 1733—1734 гг. въ генеральной войсковой канцеляріи; въ немъ заключаются показанія разныхъ лицъ полковой старшины и между прочими бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Емельянова. Этими показаніями вполнѣ подтвердились факты, о которыхъ упоминается въ личной „сказкѣ“ Лукомскаго. О немъ же самомъ войсковая старшина дала такой отзывъ, что онъ „человѣкъ добрый, вѣрный и къ ея императорскому величеству не подозрительный и въ службахъ е. и. в-ству быть достоинъ, годенъ и потребенъ“. Подъ этимъ отзывомъ подписались: генеральный подскарбій Андрей Марковичъ и генеральный судья Михайло Забѣло.

О. Л.

1733 году, августа 29 дня, въ генеральной войсковой канцеляріи Стефанъ Лукомскій сказкою показую: націею я малороссіянинъ, вѣры христіанской, благочестивого греческаго исповѣданія, лѣтъ отъ роду мнѣ тридцать два. Родился я за Днѣпромъ, въ украинскомъ городѣ Умани, подъ высочайшою державою ихъ императорского величества. Дѣдъ мой Иванъ Лукомскій и прадѣдъ (имени его не помню), козаки, родились полку лубенского, въ мѣстечку Лукомлѣ, и тамо они имѣли свои грунта,

---

[1]) Кн. дѣлъ Сената по малороссійской экспедиціи 1733, № $\frac{100}{1827}$, стр. 637—639; а также № $\frac{22}{1749}$, стр. 235—237 и 277.

Библиотека "Руниверс"

только жъ тіе грунта, во время войны гетмана Богдана Хмельницкого съ ляхами и ради другихъ въ тѣхъ старихъ годахъ неспокойствъ, отошли въ другіе владѣнія. Такожъ оные дѣдъ и прадѣдъ мой имѣли свои грунта за Днѣпромъ въ городѣ и около города Умани, помѣжніе съ Скоропадскими, изъ которыхъ и гетманомъ малороссійскимъ Иванъ Илличъ Скоропадскій былъ; такожъ съ Кочубеями, съ которыхъ нынѣ полковникъ полтавскій Василій Кочубей, съ Ханенками, изъ которыхъ нынѣ полковій обозній кіевскій Ѳедоръ, судія стародубовскій Николай Ханенки, и съ другими бывшими тамо за Днѣпромъ владѣльцы. И дѣдъ мой Иванъ Лукомскій, за тогдашними неспокойствіи, изъ Лукомля перейшолъ въ Полтаву и тамо въ Полтавѣ сплодилъ отца моего Василья; а когда дѣдъ мой Иванъ Лукомскій умре, а бабку мою Анну взялъ въ жену Андрей Гайдукъ, а отецъ мой Васыль малолѣтенъ остался, и тогда Андрей Гайдукъ, отца моего отчимъ, на прадѣдизніе и дѣдизніе отца моего и на свои грунта перешолъ за Днѣпръ и жилъ на своихъ козачихъ грунтахъ въ городѣ Умани съ отцемъ моимъ до турецкой под тимъ городомъ бывшой войны въ козацкой службѣ; а когда турки тотъ городъ украинскій Умань виняли и спустошили, тогда въ самомъ турецкомъ оттакованіи отчимъ отца моего Андрей Гайдукъ съ Васильемъ, отцемъ моимъ, изъ того города Умани вийшли и зайшли съ другими тогобочними людми въ Переясловле и тамъ многіе года жили въ козацкой же службѣ. Когда же за-днѣпрская Украйна въ державѣ ихъ императорского величества почела населятись по прежнему, тогда оные дѣдъ и отецъ мой (которой въ Переяславлѣ оженился на Евдокіи Дубсковнѣ [1]), малороссіянцѣ) перешли за Днѣпръ на свои жилля къ Умани, и что (такъ какъ) тотъ городъ Умань былъ разоренъ и спустошенъ, и многіе бывали въ ту Украйну набѣги и нападенія татарскіе, стали они, дѣдъ и отецъ мой, въ уманской жить поланцѣ, отъ города Умани верстъ въ семь, отъколя хаживалъ отецъ мой Василій, по отцу родному Лукомскій, а по отчиму Гайдукъ, въ разные походы на непріятелей тогда государства всерос-

[1]) Т. е. дочери Дубскаго.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

сійского: на татаръ съ Семеномъ Палѣемъ, полковникомъ тогда бѣлоцерковскимъ, да съ Карпомъ Часныкомъ, что нынѣ полковникъ охочекомонній, да съ Павломъ Циганчукомъ, обознимъ тогда полковымъ бѣлоцерковскимъ, и съ другими войсковыми людми. А сказывалъ отецъ мой (что я припомню), былъ онъ въ войсковыхъ походахъ и воинскихъ акціяхъ: 1) когда поланки татарскіе полковникомъ черниговскимъ Яковомъ Лизогубомъ и наказнимъ гетманомъ разорівани; 2) на нѣякомъ-сь урочищѣ при Кучманѣ, на Кодимѣ, съ тѣмъ же Семеномъ Палѣемъ, и когда отецъ мой въ томъ походѣ будучи настоящимъ атаманомъ и наказнымъ надъ паланскими козаками сотникомъ, и возвратясь отъ оной Кучмани, разбивши татаръ и отлучась отъ Палѣя къ Уманской поланцѣ съ восьмидесяти человѣкъ, тогда напали на нихъ татаре въ урочищѣ Сухой Дуброви, надъ рѣкою Ятранню, и тамъ отца моего съ другими товарищи татаре доставши, въ неволю взяли, и былъ въ той неволѣ больше полгода, и хочай полковникъ Семенъ Палѣй въ замѣну одного мурзу за отца моего мѣлъ отдать, толькожъ, понеже тотъ мурза съ другимъ за князя Четвертенского Юрія, тогда жъ въ полону бывшаго, отданъ, того ради отецъ мой съ той неволѣ себе пятсотма левковими выкупилъ; 3) Когда Бѣлую Церковь Палѣй отъ ляховъ досталъ, и тамъ раненъ отецъ мой съ флинты кулею въ правую ногу; послѣ же, по унѣверсалу тогда гетманскому, городъ украинскій Умань (который отъ Кіева миль въ дватцать) и другіе къ тому городу, яко къ полковому, надлежащіе сотенніе городки: Ладижинъ, Манковку, Манастирища, Буки, Мушуровъ, Воронное, Романовку, Таганное, и протчіе съ ихъ селами, по разореніи турскомъ, осадилъ и осадчимъ былъ всего уманского уѣзду, и подати прежде бывшимъ гетманомъ, яко то лисичное и звѣри дикіе приваживалъ въ Батуринъ и въ Глуховъ; 4) Съ гетманомъ Мазепою на службу императорского величества ходилъ по указу въ Полщу, а въ якихъ годѣхъ то было, того, понеже о семъ въ малолѣтствіи отъ отца своего слышалъ, подлинне не знаю; 5) А сему уже памятенъ, что во время благополучной Полтавской викторіи 1709 году, когда Андрей Кандиба, полковникъ корсунскій (который въ сихъ годахъ недавнихъ былъ генеральнымъ

Библиотека "Руниверс"

судьею), наказнимъ гетманомъ будучи, стоялъ по указу съ войсками заднѣпровскими надъ рѣкою Богомъ, въ томъ же войску и отецъ мой былъ настоящимъ уманскимъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ; 6) Да въ маѣ мѣсяцѣ на мѣстечко уѣзду уманского на Нерубайку якійсь татаринъ Летунъ съ запорожцами напавъ, конѣ и товаръ когда у обывателей позаймали и набѣги на подданныхъ ихъ императорского величества чинили, то отецъ мой, будучи сотникомъ уманскимъ, съ командѣрованними уманской сотнѣ козаками съ четыреста человѣки ходилъ на того татарина Летуна и на запорожцевъ, и на урочищи прозиваемомъ Гарбузина Долина, надъ рѣкою Мертводомъ, съ тимъ татариномъ Летуномъ (которій послѣ отъ полковника тогда чигиринского, а нынѣ прилуцкого, Игнатія Галагана убитъ) и съ запорожцами чинилъ войну, и отца моего съ козаками уманскими тамъ разбито, а двоюродного отъ матки брата моего Семена Дубского, переясловского родимца, хоружого сотенного уманского, въ той акціи убито, а отецъ мой списомъ въ обѣ руки и въ поперекъ спины тогда раненъ, въ полонъ взятъ, припровоженъ запорожцами къ Перекопу и отданъ нѣякомусь перекопскому каймакану, гдѣ въ Перекопѣ сидѣлъ въ ямѣ килька мѣсяцей и отданъ хану кримскому, а отъ хана кримского отданъ въ Цариградъ султану и тамо въ Цариградѣ сидѣлъ въ неволѣ. 7) 1711 году братъ мой родній Денисъ былъ въ походѣ съ войсками россійскими на Прутовой акціи, въ командѣ Василья Танского, нынѣшняго переясловского, а тогда россійскихъ волосскихъ корогвей полковника.

А когда обывателемъ заднѣпровскимъ велѣно, по указу ихъ императорского величества, переходить на сю сторону Днепра, а ту сторону полякомъ отдано, въ ту пору мати моя Евдокія Дубсковна со мною малолѣтнимъ и съ другими дѣтьми своими, съ протчими уманскими жительми, перешла полку лубенского въ мѣстечко Веремѣевку, а 1712 г. отецъ мой, выйшовши зъ неволѣ, прийшолъ въ Переясловъ и не имѣя здѣсь на чемъ жить, разоренъ будучи отъ той неволѣ, принужденъ за оскудѣніемъ своимъ пойтить на свое жилье прежнее, къ Умани; а я въ малолѣтствіи своемъ пошелъ въ Кіевъ въ наученіе и въ кіевскихъ

Библиотека "Руниверс"

училищахъ латинскіе проходилъ школы, и первое 1718 году съ протчими студентами на вѣрность ихъ императорскому величеству присягалъ въ Кіевѣ въ Братской церквѣ, при бытности князя Хотяновскаго и тогда бунчужного, а нынѣ обозного генерального Якова Лизогуба; а въ 1722 году, окончя въ Кіевѣ часть ученія своего, ходилъ въ чужестранніе краи, надѣясь тамо оное латинское мое совершить ученіе, но за приключившеюся мнѣ тогда болѣзнію, принужденъ остаться въ Польши, гдѣ, ради преслѣдованія за благочестіе греческого исповѣданія и что я малороссіянинъ, не могъ тамо долѣе ученія своего имѣть и, не соверша оного, въ 1726 году возвратился паки по прежнему въ Кіевъ, гдѣ и совершилъ богословію, о чемъ многіе малороссіяне могутъ засвидѣтельствовать. А между ученіемъ въ 1727 году въ другое на вѣрность ихъ императорскому величеству въ кіевской Братской церкви, а въ 1730 году въ третое на вѣрность всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, нынѣ благополучно самодержавствующей, ея императорскому всепресвѣтлѣйшему величеству въ Глуховѣ въ соборной глуховской церквѣ, съ сыномъ обозного войскового генерального Якова Лизогуба съ Григоріемъ Лизогубомъ, которому я тогда учителемъ былъ, присягалъ же. А въ началѣ 1731 году, генваря въ первыхъ числехъ, по опредѣленіи господина гетмана и кавалера Апостола, я нижайшій, природній ея императорского величества подданній и родимецъ малороссійскій, въ генеральную войсковую канцелярію принятъ и въ той канцеляріи, въ дѣлѣ ея императорского величества, вѣрно и безпорочно служа, въ-четвертое въ 1732 году ея-жъ императорскому величеству я подданній чесную вѣрность присягалъ-же. А сего 1733 году марта 14, по отлученіи прежде мене бывшаго старшаго канцеляриста Григорія Юркевича, что нынѣ полковій писарь стародубовскій, по опредѣленію оного-жъ господина гетмана и кавалера, по усмотрѣнію его, учрежденъ я быть въ той же войсковой генеральной канцеляріи старшимъ канцеляристомъ, и съ бытія въ оной канцеляріи, даже до полученія высокоповелительнѣйшого ея императорского величества указу, предостойнѣйшой ея-жъ императорского величества изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамоты, сего августа 13

Библиотека "Руниверс"

пущенной, а 27 полученной, изображенного, въ званіи моемъ при дѣлѣ-жъ ея императорского величества канцелярскихъ, по присяжной своей должности, служилъ я ея императорскому величеству со всякою вѣрностію и ревностію безъ жадного порока, о чомъ дѣла ея императорского величества, въ той-же канцеляріи имѣючіеся, по указамъ е. и. в. вѣрного службою моего произвожденіе, и генеральній писарь Михайло Турковскій могутъ засвидѣтельствовать; а принятъ я въ ту войсковую генеральную канцелярію и старшимъ канцеляристомъ былъ учрежденъ безъ особливѣйшаго обязательства и безъ присяги ея императорскому величеству въ вѣрности по прежнимъ здѣсь примѣрамъ. А что я природній ея императорского величества подданній, зъ дѣда и отца малороссіянинъ, и яко вѣрностно усопшимъ блаженнія и высокославнія ея императорского величества предкомъ дѣдъ, а паче отецъ мой Василій, по родному отцу Лукомскій, а по отчиму Гайдукъ, служилъ и за предостойнѣйшую ея императорского величества всероссійскую державу неволю и многіе раны терпѣлъ, и показаннія братья мои служили жъ, въ томъ имѣются свидѣтели, а именно: полковникъ кіевскій Антоній Танскій, полковникъ охочекомонній Карпъ Часникъ, бунчуковій товарищъ Афанасій Дорофеевичъ, сотникъ полковій нѣжинскій Григорій Романовскій, сотникъ Иванъ Дубранизкій, атаманъ Стефанъ Гаптаренко, полковіе переяславскіе, Ярема Золотаръ въ Кіевѣ, да перешедшіе на сю сторону Днѣпра съ Умани: Данило Рѣдкій, Иванъ Коробанъ, полку полтавского въ Кобеляцѣ или въ Санжаровѣ; попъ Матвѣй Тараховскій, полку гадяцкого, подъ Зѣнковомъ, въ селѣ Павловцѣ; Семенъ Богатій, полку лубенского, подъ мѣстечкомъ Веремѣевкою, въ селѣ Погорѣлахъ, и многіе, кого они свидѣтели въ моемъ родствѣ и о вышеписанныхъ службахъ покажутъ, понеже я, за тогдашнимъ малолѣтствіемъ, жильцовъ уманскихъ многихъ припомнить не могу. Да и родственниковъ своихъ здѣсь имѣю: тетка моя родная, инокиня Ѳеодосія Чайченкова, полку переясловского, подъ Золотоношею, въ Коробовцѣ, въ дѣвичомъ монастырѣ; двоюродніе сестры: Анастасія Чайченковна, швагеръ Николай Леенко, да Любка Дубсковна, и многіе, кого они род-

Библиотека "Руниверс"

ственники въ Переясловлѣ покажутъ; да братіе двоюродніе Василій и Захарій Дубскіе, полку лубенского въ Лохвицѣ, да сестры двоюродніе-жъ: Евдокія Дубсковна Свѣрская и швагеръ Иванъ Свѣрскій въ Нѣжинѣ, Евдокія Дубсковна-жъ за городомъ Нижнимъ Кіевомъ въ сильцѣ жительствуетъ; а отца моего братья родные на службѣ ихъ императорского величества татарми взяти въ неволю, въ якой неволѣ и по нынѣ обрѣтаются. А что тотъ городъ Умань, гдѣ я родился, въ державѣ ихъ императорского величества былъ до отдачи полякомъ о семъ явствуетъ и чертежъ, которій въ 1709 году, августа въ 15 день, по указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти императора и самодержца всероссійского Петра Великого его императорского величества и по приказу ближняго тогда стольника, кіевского воеводы князя Дмитрія Михайловича Голицына, діакомъ Аверкіемъ Леонтіевичемъ, подполковникомъ инженеромъ Иваномъ Тересаномъ обо всей за-днѣпровской Украйнѣ чиненъ, а по указу блаженнія и вѣчнодостойнія памяти императора и самодержца всероссійского Петра Второго его императорского величества изъ Верховного Тайного Совѣту 1727 году, мѣсяца (пропускъ) въ инструкціи тайному совѣтнику и министру господину Федору Васильевичу Наумову данной, въ 21 пунктѣ всемилостивѣйше повелѣно ему жъ, тайному совѣтнику, обще съ гетманомъ трудится и старанія прилагать, дабы которіе малороссійского народа жители до сего времени отъ хлѣбнихъ недородовъ или отъ чьихъ партикулярныхъ персонъ обиды и тягости перешли на житье за Днѣпръ и за рубежъ, тѣ-бъ паки на прежніе ихъ жилища возвратились, объявляя, что имъ дается позволеніе жить въ Малой Россіи въ прежнихъ мѣстахъ или за кимъ похотятъ по тамошнему ихъ обыкновенію и по стародавнимъ ихъ вольностямъ.

Къ сей сказки Стефанъ Лукомскій руку приложилъ.

Сообщилъ **О. И. Левицкій.**

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памяти Ивана Петровича Новицкаго. Читателей «Кіевской Старины» мы извѣстили уже въ прошломъ номерѣ о смерти одного изъ старѣйшихъ и даровитѣйшихъ сотрудниковъ нашего журнала И. П. Новицкаго. Смерть его случилась въ то время, когда августовская книжка заканчивалась печатаніемъ, и это обстоятельство не позволило намъ тогда же исполнить свой долгъ передъ покойнымъ.

Иванъ Петровичъ Новицкій родился въ 1844 году; онъ происходилъ изъ стариннаго русскаго православнаго дворянскаго рода кіевской губерніи; отецъ его служилъ въ уѣздномъ судѣ въ Таращѣ; намъ ничего неизвѣстно о первыхъ годахъ ученія и воспитанія покойнаго; дальнѣйшее же образованіе онъ получилъ въ кіевской 2-й гимназіи; по сложившимся несчастнымъ образомъ для мальчика условіямъ, онъ не окончилъ гимназіи, выйдя изъ пятаго класса. Одаренный отъ природы большими способностями, онъ еще на школьной скамьѣ обнаруживалъ любовь къ знанію и въ свободное отъ уроковъ время пополнялъ скудныя гимназическія свѣдѣнія по входившимъ тогда въ моду естественнымъ наукамъ. Выходъ его изъ гимназіи совпалъ съ оживленіемъ общественной мысли въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ; это не могло не отразиться на даровитомъ и чуткомъ къ біенію общественнаго пульса Иванѣ Петровичѣ. Привязанность и интересъ къ наукѣ сближали его съ школьными товарищами, изъ которыхъ многіе по окончаніи гимназіи поступили въ университетъ; онъ вошелъ съ ними и въ этотъ храмъ науки, который открылъ тогда свои двери для всѣхъ жаждущихъ знанія; въ числѣ таковыхъ былъ и нашъ покойный сотрудникъ. Мы не знаемъ, какая область знанія влекла къ себѣ любознательность покойнаго, но положительно можемъ утверждать, что политическія событія, происходившія въ краѣ въ 1863 году, окончательно опредѣлили на-

Библиотека "Руниверс"

правленіе работъ Ив. П—ча. Событія эти отразились на университетѣ, раздѣливъ учащихся (студентовъ и постороннихъ слушателей) на два лагеря по національности. Въ то время, многіе слушатели изъ поляковъ оставили университетъ, оставшіеся русскіе сблизились тѣснѣе, составили изъ себя кружокъ несочувственный польскому движенію и толковали о возможности существованія чисто русскаго университета въ Кіевѣ. Выдающіеся представители этого кружка положили начало изученію прошлой жизни южно-русскаго края съ цѣлью на почвѣ науки доказать господство въ немъ началъ русской жизни, языка и вѣрованій; къ нимъ примкнулъ и Ив. П—чъ и съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты своей жизни онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, защищая интересы южно-русской народности. Мѣстная исторія, этнографія, географія и вообще всѣ стороны и вопросы жизни юго-западнаго края были изучены покойнымъ глубоко и всесторонне. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго, мѣстнаго вопроса, по которому покойный не выступилъ бы печатно со своимъ мнѣніемъ, всегда раціональнымъ и основательнымъ. Увлеченіе Ив. П—ча этимъ научно-литературнымъ и полемическимъ движеніемъ не дало ему возможности пріобрѣсти служебныя права и преимущества; поэтому устроиться ему не удалось ни въ какомъ ученомъ или учебномъ учрежденіи; онъ могъ бы, конечно, при своихъ обширныхъ познаніяхъ и способностяхъ найти приложеніе гдѣ-нибудь и въ другой сферѣ, но обнаружившаяся въ это время психо-физическая болѣзнь, сведшая его въ могилу и укоренившаяся любовь къ наукѣ, дѣлала невыносимымъ для него канцелярскій трудъ, сухой, однообразный, механическій, а его самого, больнаго, неподходящимъ къ условіямъ этого труда. Эти два обстоятельства сдѣлали навсегда Ив. П—ча вольнымъ труженикомъ мысли. Но живо интересовавшійся и основательно знакомый съ условіями мѣстной жизни, онъ не могъ, конечно, не выступить рано въ печати со своими работами. Кіевъ въ ту пору не имѣлъ никакихъ органовъ для разработки и обсужденія мѣстныхъ вопросовъ кромѣ двухъ: полуоффиціальной газеты «Кіевлянина», начавшей издаваться въ 1864 году, и археографической коммиссіи, хотя существовавшей и съ 1843, но требовавшей, да и теперь требующей отъ своихъ сотрудниковъ сыраго матеріала съ обстоятельнымъ научнымъ изслѣдованіемъ его, а этотъ матеріалъ, хранящійся въ архивахъ, набирается не легко и не скоро. Само собой разумѣется, что покойному оставался одинъ исходъ—

Библиотека "Руниверс"

помѣщать свои работы въ мѣстной газетѣ. Онъ такъ и поступилъ. Участіе Ив. П—ча въ «Кіевлянинѣ» начинается съ первыхъ же годовъ его существованія и непрерывно продолжается до самой смерти. Было бы долго останавливаться на оцѣнкѣ и перечисленіи всѣхъ его газетныхъ статей и замѣтокъ. Число ихъ такъ велико, что, я думаю, и самъ покойный затруднился бы ихъ исчислить. Вообще же должно сказать, что вопросы національные, религіозные, экономическіе, вопросы научные: историческіе, этнографическіе, статистическіе и вопросы объ управленіи и проч. вызывали цѣлые ряды его статей, въ которыхъ онъ обнаруживалъ всегда знаніе дѣла, ясность мысли, глубокій критицизмъ, и большее или меньшее безпристрастіе; работы его не проходили безслѣдно, на нихъ обращалось вниманіе и они оказывали вліяніе на разрѣшеніе обсуждавшагося имъ вопроса въ ту или другую сторону, указываемую авторомъ. Какъ знатокъ края, покойный приглашался въ качествѣ эксперта во многія коммиссіи, занимавшіяся обсужденіемъ мѣстныхъ вопросовъ, какъ напр.: въ коммиссію по чиншевому вопросу, въ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ и т. д.

Кромѣ газетной работы, онъ работалъ и въ университетѣ по найму, исполняя въ теченіи шести лѣтъ обязанности помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ. Эти занятія многое дали покойному, ознакомивъ его по первоисточникамъ съ прошлыми судьбами края. Да и самъ онъ долженъ былъ работать надъ созданіемъ новаго дѣла—составленія описей. Центральный архивъ при университетѣ, учрежденный еще въ 1852 г. по мысли Н. Д. Иванишева, бывшаго ректоромъ университета и редакторомъ кіевской археографической коммиссіи, заключаетъ въ себѣ древнія актовыя книги, дающія неисчерпаемый матеріалъ для изученія прошлой жизни юго-западнаго края. Приведеніе въ извѣстность этого матеріала путемъ составленія описей къ актовымъ книгамъ велось до 1868 г. такъ неумѣло, что вся работа признана была негодной; только съ назначеніемъ настоящаго архиваріуса К. А. Царевскаго въ 1868 г. дѣло это стало на должный путь. Выборъ г. Царевскаго палъ на Ив. П—ча, какъ на человѣка болѣе или менѣе знакомаго съ мѣстной исторіей и способнаго къ труду. Описи, составленныя покойнымъ, были одобрены начальствомъ—и всѣ безъ измѣненія напечатаны; онѣ и до сихъ поръ служатъ образцомъ для составленія таковыхъ. Первое время описи печатались безъ обозначенія имени составителя и потому теперь рѣшительно невозможно сказать, которыя изъ нихъ

Библиотека "Руниверс"

составлены Ив. П--чемъ. Во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ составленіе не менѣе, если не болѣе, 10 описей. Служба въ центральномъ архивѣ сблизила покойнаго и съ археографической коммиссіей. Вмѣстѣ со своимъ товарищемъ К. Е. Козловскимъ, секретаремъ коммиссіи, онъ набралъ два тома матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ XV—XVIII вв. Козловскій скоро умеръ и обязанность написать изслѣдованіе по собранному матеріалу возложена была на покойнаго. Онъ прекрасно выполнилъ это порученіе, давъ своему сочиненію заглавіе: «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ». Въ тоже время онъ печаталъ матеріалъ по колонизаціи края въ эпоху войнъ Хмельницкаго въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», такъ какъ вопросъ о колонизаціи онъ считалъ основнымъ для мѣстной исторіи; отдѣльныхъ оттисковъ этихъ матеріаловъ не сохранилось. Зная по опыту, какъ затруднительно пониманіе юридическихъ терминовъ древняго актоваго языка, Ив. П—чъ составилъ небольшой словарь («Университетскія Извѣстія» за 1871 годъ), который и до сихъ поръ служитъ пособіемъ для начинающихъ работать въ архивѣ. По выходѣ, вслѣдствіе болѣзни, изъ архива, Ив. П—чъ продолжалъ работать въ газетѣ и коммиссіи; послѣдняя поручила ему составленіе указателей къ изданнымъ ею лѣтописямъ, памятникамъ и многимъ томамъ «Архива юго-западной Россіи» личнаго, географическаго и предметнаго; Ив. П—чъ успѣлъ напечатать лишь два первые, которые составляютъ огромные томы по 60 печатныхъ листовъ; особенно важенъ указатель географическій. Но названными двумя учрежденіями не ограничивалась дѣятельность Ив. П—ча. Намъ извѣстно, что онъ работалъ одно время въ качествѣ секретаря въ кіевскомъ статистическомъ комитетѣ. Результаты разработки имъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ комитетомъ, къ сожалѣнію, не печатались, но бывшія въ рукахъ Ив. П—ча цифры давали ему возможность дѣлать прочные выводы при обсужденіи мѣстныхъ вопросовъ въ газетѣ. Въ 1873 году открылся въ Кіевѣ отдѣлъ императорскаго географическаго общества и Ив. П—чъ явился дѣятельнымъ его членомъ; особенно много онъ поработалъ, какъ опытный статистикъ, при производствѣ однодневной переписи въ Кіевѣ 4 марта 1874 года вмѣстѣ съ другимъ не менѣе даровитымъ и опытнымъ статистикомъ, теперь также умершимъ П. П. Чубинскимъ. Съ послѣднимъ Ив. П—чу пришлось работать и въ экспедиціи, назначенной императорскимъ географическимъ обществомъ для изученія юго западнаго края. Такъ онъ напечаталъ въ Гу-

Библиотека "Руниверс"

бернскихъ Вѣдомостяхъ трехъ юго-западныхъ губерній программу для собиранія матеріаловъ по языку; собралъ и доставилъ для V тома «Трудовъ экспедиціи» 5000 малорусскихъ пѣсенъ, и приготовилъ къ печати бытовыя пѣсни. Изслѣдованія къ пѣснямъ при ихъ печатаніи онъ не успѣлъ сдѣлать, но оно появилось въ печати гораздо позже, именно въ 1884 г., въ художественно-литературномъ альманахѣ «Кіевлянка», изданномъ редакціей «Кіевлянина»; этотъ обстоятельный и прекрасный трудъ носитъ заглавіе: «Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ».

Какъ членъ кіевскаго юридическаго общества Ив. П—чъ извѣстенъ лучшимъ изъ всѣхъ читавшихся рефератовъ по вопросу о чиншевикахъ.

Съ началомъ изданія «Кіевской Старины» Ив. П—чъ былъ и ея постояннымъ сотрудникомъ. Изъ большихъ статей имъ напечатаны только двѣ: «Князья Ружинскіе» [1]) и «Адамъ Кисель, воевода кіевскій». Обѣ онѣ касаются двухъ главныхъ моментовъ въ исторіи козачества, которая обстоятельно была знакома автору, какъ излюбленный имъ періодъ мѣстной исторіи, первая изъ этихъ статей касается судьбы княжескаго рода, участвовавшаго и въ колонизаціи юга Россіи и въ созданіи козачества, вторая одного изъ главныхъ представителей польскаго общества, одного изъ его общественныхъ типовъ въ смутную эпоху войнъ Хмельницкаго. Кромѣ этихъ важнѣйшихъ статей, Ив. П—чемъ напечатано около полутора десятка мелкихъ историческихъ замѣтокъ, да столько же рецензій о новыхъ книгахъ. Особенно важны были послѣднія; благодаря способности къ глубокому анализу и обширнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, его замѣчанія пріобрѣтали большое значеніе; онѣ касались не только мелкихъ фактическихъ ошибокъ, но и цѣлаго плана сочиненія; удары его, какъ критика, были неотразимы и мѣтки, но наносились они въ мягкой, деликатной формѣ и всегда серьезнымъ тономъ. Много рецензій Ив. П—ча появлялось и въ газетахъ. Мы не касаемся его многочисленныхъ корреспонденцій въ столичные газеты и журналы.

Ив. П—чъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ самоучки и обстоятельная его біографія была бы весьма поучительна. Какъ мы сказали раньше, не было мѣстнаго вопроса, котораго бы не касался покойный въ своихъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, поэтому мы думаемъ,

---

[1]) Апрѣль 1882 г.

[2]) Сентябрь—Декабрь 1885 г.

Библиотека "Руниверс"

что собраніе по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ нихъ помогло бы многимъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелямъ разобраться въ запутанныхъ сословно-національныхъи экономическихъ вопросахъ юго-западнаго края. **И. Каманинъ.**

Три письма гр. П. В. Завадовскаго, 1775 и 1776 г.г. Печатаемыя здѣсь пйсьма Завадовскаго [1]) писаны къ Григ. Григ. Фридрикевичу, одному изъ видныхъ дѣльцовъ въ Малороссіи к. XVIII в., умершему въ 1797 г., на мѣстѣ предсѣдателя черниговской палаты гражданскаго суда и въ рѣдкомъ для тогдашней Малороссіи чинѣ—дѣйств. ст. совѣтника. Фридрикевичи происходили отъ Христофора Самойловича Фридрикевича—пасынка Мазепы; сынъ Христофора—Григорій служилъ бунчуковымъ товарищемъ и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, котораго Завадовскій въ письмахъ, почему то называетъ «братцемъ». Вдова Григорія Христофоровича, Федосья Томара, вышла во второй разъ замужъ за Степана Леонтовича, съ которымъ познакомилась, когда тотъ жилъ у седневскаго сотника Войцеховича «инспекторомъ» дѣтей. Отъ этого втораго брака у вдовы Фридрикевича было два сына, Степанъ и Иванъ и четыре дочери, въ томъ числѣ и извѣстная въ тогдашней Малороссіи умница Настасья, бывшая замужемъ за послѣднимъ въ родѣ—Семеномъ Полуботкомъ. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ умеръ бездѣтнымъ, завѣщавъ богатыя свои имѣнія, полученныя отъ жены Анны Яковлевны Чарныш (внучки генеральн. судьи) своимъ сестрамъ по матери.

Текстъ печатаемыхъ писемъ повидимому, нѣсколько попорченъ при печатаніи ихъ въ первый разъ.

1) С.-Петербургъ. Декабря 29. 1775.

Милостивый государь братецъ!

По совѣту вашему я получилъ переяславскія деревни. Будьте мнѣ еще благодѣтель, призрите, какъ сами знаете. Это степи отдѣленному Великаго Хутора къ Драбовому (sic). Мнѣ фельдмаршалъ обѣщалъ велѣть сіе сдѣлать. У меня нѣтъ знакомаго никого кромѣ васъ. Я на ваше усердіе полагаюсь и льщу себя заслужить вѣчное. Пожалѣйте, порадѣйте въ одолженіе тому, который на васъ полагается

---

[1]) Перепечатываемъ письма изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1883 г., № 49, гдѣ они были напечатаны съ подлинниковъ гр. Г. А. Милорадовичемъ.

Библиотека "Руниверс"

свыше чѣмъ на себя. Снеситесь въ Полтаву съ старшимъ моимъ братомъ и съ П. Я. Селецкимъ, они суть смежны. Мое же состояніе не дозволяетъ мнѣ думать о хозяйствѣ. Предаю себя въ продолженіе долгой вашей любви, пребываю съ нелицемѣрною преданностію вашимъ, милостиваго государя братца, всепокорнымъ слугой Петръ Завадовскій.

2) Спб. Генваря 26. 1776.

Присовѣтовавъ мнѣ выпросить переяславскія деревни, вы нажили тѣмъ себѣ неусыпныхъ хлопотъ. Послѣ письма моего, которое, я чаю, вы уже получили, я васъ еще безпокою, прося разсмотрѣть вложенную тутъ записку и дать совѣтъ моему брату и, когда можете, и депутату на соображеніе сихъ примѣчаній къ отдачѣ. Я сіе предлагалъ на такой только случай, ежели вы разсужденіемъ вашимъ найдете какой нибудь артикулъ выполнить удобнымъ къ вящей пользѣ, я весьма дѣлюсь (sic) отъ того, чтобъ хотѣть чужаго, а изъ свободнаго не худо отпросить какъ можно кусокъ поболѣ. Прошу, братецъ, сохраните сію мою записку для однихъ и увѣдомьте меня о вашемъ на оную мнѣніи такъ стоятъ ли чего нибудь переяславскія мои дачи, ибо братъ старшій, не знавъ степной экономіи, мнѣ кажется, не за великое ихъ ставитъ

Не забывайте дружескаго напамятованія того, кто есть и пребудетъ съ отличнымъ къ вамъ почтеніемъ вашимъ всепокорнымъ слугою Петръ Завадовскій.

Братцу вашему, милостивому государю моему, Ивану Степановичу[1]) свидѣтельствую нанусерднѣйшій поклонъ.

3) Февраля 16. 1776. Спб.

Отъ 5 настоящаго письмо ваше доказываетъ мнѣ ту любовь, на которую я уповалъ, и уповать не престану. Продолжите ваше благотвореніе, я васъ прошу съ чувствомъ, обыкшимъ почитать благодѣтелей и друзей. Послѣ тѣхъ описаній, которыя я нашелъ въ вашемъ письмѣ, о переяславскихъ деревняхъ, у меня прибыло духу нападать на моего брата Ивана Василіевича, чтобъ онъ внималъ отлично вашимъ словамъ и всѣмъ статьямъ полезнаго хозяйственнаго (sic).

Чѣмъ далѣе, то моя голова меньше свободна думать о чемъ нибудь своемъ; я уже безпредѣльно возложу на васъ, на брата и на

[1]) Леонтовичу, брату Гр. Гр. Фридрикевича по матери.

Библиотека "Руниверс"

Ивана Яковлевича Селецкаго быть въ моемъ имѣніи хозяевами вмѣсто меня, ибо Богу угодно (какъ кажется) отводить меня надолго отъ деревенской жизни, которую я не престаю любить отъ самой молодости; дѣлайте, что лучше, я васъ прошу всегда помнить, что вы тѣмъ усугубляете во мнѣ признательность. Если можно, не нарушая правъ, наданныхъ колонистамъ, достать Великій Хуторъ [1]), то по вашему совѣту я стану искать доброй пары. Поэтому больше всего нужно мнѣ ваше наставленіе и объясненія подробныя, коихъ въ свое время буду дожидаться.

Милостивому государю Петру Ивановичу прошу поклониться; пусть онъ успокоится со стороны дѣла въ сенатѣ. Я попрошу, и моя просьба здѣсь вѣсъ свой имѣетъ.

Даруй Богъ вамъ, братецъ, здоровья и долгой вѣкъ, а ничего больше для себя не желаю, какъ пожить съ вами вмѣстѣ, хотя на старость, и попить степной сыворотки. Пожалуйста пріохотите моего брата къ лошадямъ, и ежели онъ слѣпъ будетъ положить въ заводъ деньги, то ко мнѣ отпишите, я пришлю вамъ потихоньку отъ него. Я просилъ Н. П. Евреинова, чтобъ онъ порадѣлъ изъ заводовъ Разумовскаго купить жеребцовъ и кобылъ. Я вовсе не знатокъ, чтобъ здѣсь достать жеребцовъ, а имѣю случай и выписывать, но боюсь ошибиться въ статьяхъ и подпасть гнѣву и смѣху Вас. Н. Бурновскаго. Дайте, братецъ, совѣтъ, какъ поступать, и нѣтъ-ли у васъ на примѣтѣ человѣка, который бы мнѣ въ семъ случаѣ руководителемъ былъ. Да опять какимъ образомъ переводить отсюда? Не бываютъ (ли?) изъ вашихъ мѣстъ здѣсь со скотомъ люди, то укажите какъ мнѣ ихъ сыскать и подайте наставленіе къ выпискѣ и памяткѣ жеребцовъ, какихъ именно передъ прочнѣе и полезнѣе доставить. Я не стою за деньги, да кажется и случай подъ руками. Заочно графъ подарилъ мнѣ жеребца. Онъ... мнѣ хвалили о его достоинствахъ, а братъ пишетъ, что нѣтъ порока. Но его бъ онъ не имѣлъ. П. Завадовскій.

P. S. Мое владѣніе возбудило противъ меня зависть во многихъ нашихъ землякахъ. За Мефедовку я могу вообразить ненависть судейскую, мало однакожъ мнѣ нужды. Превосходительный или вельможный [2]) враждуетъ на меня, онъ не чувствуетъ по гордости, что

[1]) М. Великій-Хуторъ—золотоношскаго уѣзда. Здѣсь въ 1769 г. поселены были Румянцевымъ колонисты изъ „Ромунскаго народа“. См. Черн. Губ. Вѣд. 1854 г., № 4.

[2]) Разумѣется генеральный судья Илья Журманъ, у котораго с. Мефедовка (новгородсѣверскаго уѣзда) находилась въ ранговомъ пользованіи.

Библиотека "Руниверс"

титло свое настоящее долженъ онъ и на мою услугу нѣсколько относить; да я плюю на крики и на гнѣвъ всякаго, могутъ думать и толковать; но я чувствую, что въ стяженіи имѣнія современемъ мою умѣренность познаютъ. А если злобою дышатъ за одно сіе и то не за свое, то я прошу васъ, братецъ, дайте мнѣ знать, каковы суть Миклашевка и Бѣлоусовка и подручныя (ли) они къ хутору Драбову? Я слышу, что онѣ завидны. Расхвалили мнѣ Золотоношу и отъ меня зависѣло выпросить, но я съ письма помню ваши слова, что на весь вѣкъ приступятъ тяжбы. Однако жъ для переду скажите мнѣ мысль и о семъ мѣстечкѣ, что оно быть бы могло, если бы безхлопотно взять половину отъ тѣхъ, кои прихватили, ибо самъ Иваненко мнѣ говорилъ, что онъ своей земли радъ отдать половину, лишь бы другую оставить ему и есть что нибудь еще свободнаго.—Все сіе, братецъ, я пишу единственно въ откровенности съ вами, прошу сохраните мои мысли отъ всякаго пронизанья двугихъ и надѣюсь на вашу скромность. По прочтеніи, истребите сей листъ, который кажетъ вамъ мое противъ васъ расположеніе.

Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ, въ 1781 г. Малорусскіе образованные люди перестали удовлетворяться своими «латинскими школами» уже съ полов. XVIII в. Извѣстный своею образованностью генер. хоружій Н. Д. Ханенко отправивъ одного изъ своихъ сыновей въ кильскій университетъ, писалъ ему туда въ 1756 г.— «не можно ли тамъ достать какого добраго учители, чтобъ сюда (въ Глуховъ) къ намъ выѣхалъ и завелъ гимназію, который здѣсь собравши учениковъ хоча съ 10, можетъ хорошую имѣть пенсію, ибо отъ всякой персоны можетъ получать по три рубля въ мѣсяцъ, что чрезъ годъ учинить ему доходу триста рублей, а сверхъ того и квартера дастся» [1]). Письмо это указываетъ, что и кромѣ Ханенка было не мало желающихъ замѣнить чѣмъ нибудь новымъ—старый строй средней школы... Затѣмъ, намъ извѣстно, что въ концѣ XVIII в., въ Глуховѣ, существовалъ уже пансіонъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, заведенный одною француженкою, женою поселившагося въ Глуховѣ отставнаго учителя французскаго языка «поручика» Делэянса [2]). Тогда же было предположеніе у другаго фран-

---

[1]) Опис. Стар. Малорос. I, 79.

[2]) Сулимовск. Арх., 137 и Списки Черниг. дворянъ 1783 г. (Черниговъ, 1890) стр. 105.

Библиотека "Руниверс"

цуза, завести такой же пансіонъ и въ Ромнѣ. Объ этомъ предположеніи и говоритъ печатаемая здѣсь записка, найденная въ бумагахъ тоже одного изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ второй полов. XVIII в., Гр. Андр. Полетики (р. 1725 † 1784). Былъ ли открытъ пансіонъ француза Больё въ Ромнѣ—не знаемъ. **А. Л.**

Le sieur Beaulieu s'engage de se rendre à Romna pour y elever une pension de filles et garçons ou ils pourront apprendre les langues française, allemande, l'arithmetique, le dessein, la geographie, l'histoire, la mithologie, les bonnes moeurs etc.

A cet effet le dit s-r Beaulieu demande pour le faciliter à se rendre sur les lieux et acheter les choses necèssaires à cet établissement une avance de 400 roubles, qui lui seront rètenus sur les pensionnaires qu'il recevra chez lui, il ose d'autant plus se flatter de contenter les parents des dits enfants qui lui seront confiès, que lui et son fils, ont ètè dans des ètablissements, ou la propretè et le bon ordre y regnent et qu'ils en sont eux mêmes amateurs, chose bien essentielle.

Le fils du d-t s-r Beaulieu qui a été cinq ans au corps des nobles cadets de terre, avec beaucoup d'approbation et en dernier lieu cher m-r le genéral de Svistounow, gouverneur de Koursk, est actuellement au gimnase de Ckarkow, ainsi sur l'invitation de son père il pourra se rendre à Romna et y prendre les arrangements ulterieurs à ce sujet et en rendre compte à son dit père qui partirait pour s'y rendre, moyennant la dite somme susmentionnée. St. Peteusbourg, le neuf Iuin 1781—S'adresser—m-r Beaulieu et á m-r Urbain marchand, dans la maison de m-r le comte Cheremetoff, Grande Millionne, á Petersbourg.

NB. Que pour la somme demandée par avance le fils du d-t s-r Beaulieu s'en rendra caution [1]).

---

[1]) Г. Больё обязывается отправиться въ Ромны, чтобъ устроить тамъ пансіонъ для дѣвочекъ и мальчиковъ, гдѣ они могли бы обучаться французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, географіи, исторіи, миѳологіи, благонравію и проч.

Въ виду чего помянутый г. Больё проситъ—чтобъ способствовать его отправленію въ тѣ мѣста и для закупки необходимыхъ для заведенія вещей—дать ему въ задатокъ 400 рублей, которые будутъ вычтены изъ платы за будущихъ пансіонеровъ. Кромѣ того онъ смѣетъ надѣяться удовлетворить родителей будущихъ своихъ воспитанниковъ тѣмъ, что онъ и его сынъ были въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ первое

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи кіевскаго паломничества. Подлинникъ приводимаго здѣсь «листовнаго свидѣтельства» напечатанъ на обыкновенномъ листѣ сѣрой бумаги, церковнымъ шрифтомъ, съ пропускомъ мѣста для вписанія имени богомольца. Вверху листа помѣщены гравированныя изображенія: пресв. Тройцы и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ. Такія «свидѣтельства» лавра, какъ видно, выдавала паломникамъ при возвращеніи ихъ изъ Кіева на родину, какъ удостовѣреніе посѣщенія «Іерусалима россійскаго», при чемъ это свидѣтельство имѣло въ виду еще и облегчить паломнику его возвратный путь... Нѣтъ сомнѣнія, что полученіе «листовныхъ свидѣтельствъ» сопровождалось извѣстнымъ пожертвованіемъ со стороны паломника. Когда прекратилась выдача «свидѣтельствъ» — не знаемъ. Въ нашемъ собраніи письменной малорусской старины ихъ имѣется два, оба выданныя архимандритомъ Іосифомъ Оранскимъ (1748—1751 г.г.).

А. Л.

Изображеніе преподобнаго Антонія печерскаго.	**Изображеніе святой Тройцы.**	**Изображеніе преподобнаго Ѳеодосія печерскаго.**

Божею милостію святыя великія чудотворныя лавры печерскія кіевскія архимандритъ Іосифъ.

Авраамское тщащійся постигнути отъ Бога благословеніе авраамскому благопокорнымъ оусердіемъ оказатель писанія сего *слободского харковского полку мѣстечка Мерефи житель Тімовей Іосифовъ* послѣдова нраву, иже изшедъ изъ дому своего гласу благодати Выш-

---

мѣсто занимали чистота и порядокъ, что, разумѣется, они и сами будутъ преслѣдовать.

Сынъ упомянутаго г. Больё, бывшій пять лѣтъ (воспитателемъ?) въ кадетскомъ дворянскомъ сухопутномъ корпусѣ, заслужилъ тамъ особую похвалу, а затѣмъ (находился) и на послѣднемъ мѣстѣ у генерала Свистунова, курскаго губернатора, а теперь (находится) въ харьковской гимназіи; онъ могъ бы по приглашенію отца, поѣхать въ Ромны и тамъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по этому поводу, для сообщенія ихъ отцу, который по полученіи сказанной суммы и могъ бы отправиться въ Ромны. Іюня 4 дня, 1781 г.

Библиотека "Руниверс"

него внутрь зовущу его, пріиде въ Богомъ показанную преподобныхъ отецъ печерскихъ землю Іерусалимъ россійскій гору, юже возлюби Богъ, наслѣдіе Богоматернее, и видѣвъ благодать Божію: нетлѣнныя преподобныхъ мощи, главы мироточивыя святыхъ, красная преподобныхъ селенія и походивъ по пещерамъ, руками святыхъ ископанныхъ и ногами утреннымъ, подобающую коемуждо тамо положенныхъ святыхъ съ вѣрою и любовію воздаде честь, себѣ же за труды не отемлемое преподобныхъ отецъ благословеніе и молитвы отъ дому Господня пріемь съ радостію духовною возвратися во свояси, славя дивнаго во святыхъ своихъ Бога, вся по желанію сердца его добрѣ устроившаго, и имѣетъ отъ насъ просимое о богоугодномъ своемъ дѣлѣ листовное свидѣтелство, еже всякъ чтущій же и слышащій, яко свободнаго оказателеви онаго путешествія да не возбраняетъ тако и страннолюбнаго, яко странному у себе имѣти молимъ да не отрицаетъ угощенія, вѣдый яко пріемый странника мзду и самъ страннническую пріиметъ и тогожде съ нимъ сподобится отъ Бога благословенія, якое получити всякому хотящему молитвеннѣ усердствуемъ.

Данъ во святой великой чудотворной лаврѣ Кіевопечерской, въ лѣто отъ созданія міра 7259, отъ воплощенія же Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1751, мѣсяца *мая 24* дня.

Вышшейменованній | **Печать монастира печерского Успенія пресвятыя Богородицы.** | *архімандритъ.*

Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. I. *Военное населеніе г. Карпова въ 1652 г.* Въ 1646 году правительство царя Алексѣя обратило вниманіе на заселеніе военнымъ людомъ города Карпова (нынѣ село курской губерніи бѣлгородскаго уѣзда). Памятникомъ этого вниманія дошла до насъ карповская десятня отъ 30 мая 1652 года, составленная мѣстнымъ воеводою Иваномъ Тимоѳ. Фустовымъ да подъячимъ Матвѣемъ Львовымъ по грамотѣ изъ Москвы за приписью дьяка Ивана Сѣверова. Воевода роздалъ денежное жалованье «карповцомъ *дѣтемъ боярскимъ* (значитъ «выбора» въ Карповѣ не оказалось), и драгуномъ, и козакомъ, и стрѣльцомъ пѣшимъ, и пушкаремъ, и воротникомъ и кузнецомъ». Дѣти боярскіе и конные козаки получили по три руб.; драгуны—по

Библиотека "Руниверс"

четыре рубля; стрѣльцы, пушкари, воротники и кузнецы—по два руб. Всѣмъ роздано было жалованье съ поруками, что «имъ тѣмъ г-вымъ жалованьемъ въ Карповѣ на вѣчное житье строитца и указные свои земли пахать и хлѣбъ сѣять, и съ Карпова не съѣзжать, и никакимъ воровствомъ не воровать, и г-ва ц-ва.... служба служить и отъ татарскіе войны и ото всякихъ воинскихъ людей г-вы украины оберегать, а для службы дѣтемъ боярскимъ, и драгуномъ, и козакомъ держати у себя лошади и ружье доброе». На жалованье было прислано изъ Москвы съ подъячимъ разряднаго приказа М. Львовымъ 3438 руб. Нѣкоторые *дѣти боярскіе* получили указное жалованье на Москвѣ (напр. И. И. Ушаковъ, по которомъ ручались въ службѣ и въ деньгахъ драгуны (л. 2., С. Р. Кистеневъ). I. Составъ *дѣтей боярскихъ* представляется въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) Дворовые—двое (И. И. Ушаковъ и П. К. Нелюбовъ съ помѣстн. оклад. въ 400 и 350 четв.).

2) Городовые—одинъ съ пом. окл. въ 400 чет., одинъ съ пом. окл. въ 350 чет., одинъ съ пом. окл. въ 300 чет., четыре съ помѣст. окл. въ 250 чет., четыре съ помѣст. окл. въ 200 чет., тридцать два съ помѣстн. окл. въ 150 чет., двадцать три съ помѣст. оклад. въ 100 чет., четверо съ пом. окладомъ въ 70 чет., а всего съ пом. окл. отъ 400 до 70 четв. 70 человѣкъ.

3) Новики 158 года—тридцать три съ помѣст. оклад. въ 150 четв., десять съ пом. окл. въ 100 четв.

4) Новики 159 года—одинъ съ пом. окл. въ 150 чет., одинъ съ пом. окл. въ 100 чет.

5) Новики 160 года—трое съ пом. окл. въ 150 чет., одинъ съ пом. окл. въ 100 чет.

6) Безъ окладовъ—четверо.

7) Неверстанные—десять.

Итого, *дѣтей боярскихъ* въ Карповѣ поселилось ***135 челов.*** Десятня ничего не говоритъ о ихъ земельныхъ дачахъ, перечисляя лишь ихъ дѣтей и родню мужескаго пола да описывая вооруженіе каждаго сына боярскаго (л. л. 2—18). Вооруженіе обыкновенно такое: «на меринѣ, съ пищалью, съ саблею», или «на конѣ, съ карабиномъ, съ саблею», или «на конѣ, въ саадакѣ, съ саблею», или «на меринѣ, съ пищалью, съ топоркомъ». У немногихъ изъ 135 человѣкъ служили и сыновья съ 14—20 лѣтъ (съ своею пищалью или съ рогатиною). Но никто изъ карповцевъ дѣтей боярскихъ не выводилъ съ собой на службу своихъ людей.

Библиотека "Руниверс"

II. *Драгуны* съ казенными пищальми и шпагами на меринахъ и меринкахъ служили конную службу съ карповцами дѣтьми боярскими въ такомъ составѣ:

1) Ивашкова капранства Сѣркина 24 чел. (порука въ деньгахъ и въ службѣ капранствомъ своимъ сами межъ себя, другъ по другѣ).

2) Тимоѳеева капранства Сабельникова. . . . . 24 чел.
3) Кудинкова капранства Еремина. . . . . 23 чел.
4) Семенова капранства Звегинцова. . . . . 25 чел.
5) Ларкова капранства Лапина. . . . . 23 чел.
6) Никифоркова капранства Кубенцова. . . . 23 чел.
7) Ивашкова капранства Стародубцева . . . 24 чел.
8) Воинкова капранства Васильева. . . . . 23 чел.
9) Аѳеимова капранства Дунцова. . . . . 19 чел.
10) Гаврилкова капранства Демина . . . . 21 чел.
11) Васькова капранства Нефедова. . . . . 23 чел.
12) Васькова капранства Суровцева. . . . . 21 чел.
13) Васькова капранства Рожкова. . . . . 24 чел.
14) Алешкина капранства Бобренева. . . . . 18 чел.
15) Гаврилова капранства Блудова. . . . . 21 чел.

Итого, въ 15 капральствахъ *336 драгунъ*.

III. *Козаки* (среди нихъ упоминаются пятидесятники и десятники)—въ числѣ *208* челов. (порука по нихъ въ службѣ и въ деньгахъ каждый пятидесятникъ «своею *пятиною* сами межъ себя другъ по другѣ»).

IV. *Стрѣльцы* [1]) пѣшіе съ казенными пищальми (среди нихъ десятники и пятидесятники)—въ числѣ *374* челов.

V. *Пушкари*—въ числѣ 41 чел., *воротники*—въ числѣ 4 чел. и кузнецы—въ числѣ 3 чел.

Таковъ былъ составъ военнаго люда города Карпова въ 1652 году. Всего было 1101 челов. (роздано имъ 3217 рубл.).

Въ особой рубрикѣ перечислены всѣ такъ или иначе переставшіе служить въ Карповѣ (съ л. 71); двое дѣтей боярскихъ прямо бѣжало со службы. Такихъ исчезнувшихъ изъ Карпова оказалось 59 человѣкъ.

Въ томъ же 1652 г. въ г. Карповъ явилось 13 *нововыѣзжихъ черкасъ*, которымъ согласно отпискѣ яблоновскаго воеводы князя Григорія Семеновича Куракина дано было 94 руб.

---

[1]) Съ отмѣтками: „холостъ“, „дѣтей нѣтъ“, „одинокъ“.

Библиотека "Руниверс"

Неполучившіе жалованья по разнымъ причинамъ во время били челомъ 28 іюля 1652 г.; имъ дано было жалованье изъ остаточныхъ денегъ (44 чел.).

Отсюда цифра военнаго населенія г. Карпова достигаетъ *1158* человѣкъ.

Нельзя умолчать о нѣкоторыхъ любопытныхъ свѣдѣніяхъ, которыя встрѣчаемъ относительно бившихъ челомъ о жалованьѣ 28 іюля. Сынъ боярскій М. П. Мориновъ въ своей челобитной писалъ, что онъ въ 159 году «по г-ву указу сосланъ въ Карпово изъ Новосили съ женою и съ дѣтьми на вѣчное житье». Дѣти боярскіе новики 160 года 31 чел. подали въ Приказной Избѣ воеводѣ И. Т. Фустову челобитную, въ которой писали: «въ нынѣшн. въ 160 году верстали ихъ въ Карповѣ воеводы Яковъ Хитрой (въ дес. при раздачѣ жалованья *не* упоминается) да Иванъ Фустовъ изъ дѣтей боярскихъ и изъ *вольныхъ людей* и карповскихъ стрѣльцовъ и козаковъ дѣти, и братья, и племянники отъ большихъ семей не изъ службъ, и землями испомѣстили и сѣнными покосы и всякими угодьи ихъ устроили». Это любопытное свидѣтельство, что въ дѣти боярскіе верстали изъ вольныхъ людей и изъ неслужилыхъ стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей. отъ большихъ семей. Бѣгство служилыхъ людей изъ Карпова объясняется отчасти ихъ обѣдненіемъ. Такъ въ челобитной стрѣльцовъ, мценскихъ сведенцовъ, читаемъ: «сведены изо Мценска въ Карпово на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми и г-во жалованье и на дворовое строенье имъ дано и, будучи они въ Карповѣ, обѣдняли и съ прошлаго съ *157 году* съ бѣдности изъ Карпова сошли на Ефремовъ»; однако «въ 159 г. по г-ву указу съ Тулы окольничей и воевода князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ, сыскавъ ихъ, съ Ефремова выслалъ въ Карпово на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми» [1]).

(М. А. М-Ю. д. д. № $\frac{\text{нов. } 187}{\text{ст. } 461}$ на 79 листахъ).

II. Военное населеніе г. Курска. Другой документъ, именно разборная и раздаточная десятня 1642 года рисуетъ намъ составъ военной дворянской силы города Курска. Во введеніи къ ней читаемъ.

[1]) Въ десятнѣ 1649 г. (№ 190 л. 36) упоминается галицкій помѣщикъ Т. Я. Дивовъ, служившій по дворовому списку и по городу Можайску; о немъ замѣчено: „съ городомъ служитъ мало, былъ въ Карповѣ сторожевье до отпуску, ѣздитъ по приказомъ, а нынѣ на приказѣ въ Стародубѣ Воцкомъ“. Далѣе на л. 88 о немъ же читаемъ: „въ стародубскихъ селѣхъ на приказѣ..... а во 154 году по г-вѣ грамотѣ въ Карповѣ валъ валилъ и ровъ копалъ“. Вообще служба въ Карповѣ упоминается лишь со 154 г. см. № 190 л. 90 (Карпово сторожевье), л. 92 об.

Библиотека "Руниверс"

Роздать «денежное жалованье курчаномъ тремъ человѣкомъ выборнымъ и дѣтемъ боярскимъ дворовымъ и городовымъ и новикомъ на 150 годъ по списку, каковъ списокъ присланъ съ Москвы за дьячьею приписью, и по окладчиковѣ сказкѣ, у которыхъ дѣтей боярскихъ въ прошломъ во 149 году отъ татарскіе войны помѣстья ихъ разорены и которые дѣти боярскіе на татарскомъ бою съ головою съ Иваномъ Бунинымъ были, а съ татарскаго бою не побѣжали и отъ татаръ съ головою съ Иваномъ Бунинымъ вмѣстѣ на степи отстоялись; и которые дѣти боярскіе на томъ же бою татарскомъ побиты и въ полонъ поиманы и которые побиты на бою жъ въ черкаскую измѣну, какъ курскіе черкасы во 149 г. государю измѣнили, побѣжали въ Литву, а послѣ тѣхъ всѣхъ побитыхъ остались дѣти, а въ службу посѣли,—и тѣмъ дано государево денежное жалованье по 10 рублевъ. А у которыхъ дѣтей боярскихъ въ прошломъ во 149 году татарскіе войны не было, а помѣстья за ними и крестьяне и бобыли есть, и тѣмъ г-во ден. жалованье дано по пяти рублевъ; а за которыми дѣтьми боярскими крестьянъ и бобылей нѣтъ, и тѣмъ дано по 6 рублевъ. А за которыми дѣтьми боярскими помѣстей нѣтъ, и тѣмъ г-во жалованье дано по 7 рублевъ. А которые дѣти боярскіе въ прошломъ же во 149 году въ татарскую войну и въ черкаскую измѣну побиты и въ полонъ поиманы, а послѣ ихъ остались жены и дѣти малы, а въ службу дѣти не посѣли, и тѣмъ дано по 8 рублевъ на семью. А у которыхъ дѣтей боярскихъ женъ и дѣтей не осталось, а осталось у ково мать вдова, или братъ не въ службѣ, или сестра вдова или дѣвка, и тѣмъ дано по 5 руб. А которымъ курчаномъ дѣтемъ боярскимъ 50 человѣкомъ нынѣшняго лѣта мая съ 1 числа велѣно быть на государевѣ службѣ на Хотмышскомъ, а на передъ сего во 150 же году для Хотмышскіе службы дано г-во ден. жалованье по 6 рублевъ, и тѣмъ г-во жалованье къ прежней ихъ дачѣ для Хотмышскіе службы дано по 4 руб. человѣку». Таковы были статьи, сообразно съ которыми предписано было послѣ предварительнаго разбора раздать денежное жалованье.

Дворянъ (т. е. служившихъ «по выбору») въ Курскѣ было только *четверо* (В. А. и М. А. Анненковы, П. И. Анненковъ и К. Б. Виденьевъ) съ помѣстными окладами въ 700, 650, 600 и 450 четв. и съ помѣстными дачами въ 700 [1]), $615^1/_2$, 310 и 230 четв. да съ 30, 20, 19 и 10 крестьянскими и бобыльскими дворами. Изъ нихъ одинъ

[1]) Предположительно; остальныя три цифры вполнѣ точны.

Библиотека "Руниверс"

былъ впервые написанъ «по выбору» за службу и по родству, другой—только за службу (л. л. 7 и 8); одному была придача къ помѣстному и денежному окладу «за черкаскій бой и за убитые мужики». Эти четверо были самые богатые въ Курскѣ, выводившіе съ собою на службу по нѣсколько человѣкъ. Такъ В. А. Анненковъ (л. 5) выводилъ за собою «*въ полкъ* два человѣка на конѣхъ съ пищальми, да человѣка на меринѣ съ простымъ конемъ, да человѣка *въ кошъ* съ пищалью».

Дѣтей боярскихъ дворовыхъ оказалось *19* человѣкъ съ помѣстными окладами отъ 550 до 250 четвертей; нѣкоторые безъ крестьянъ и бобылей, двое совсѣмъ безъ помѣстей, а одинъ съ помѣстной дачей въ 9 четей. Упоминаются придачи нѣкоторымъ за бой и за убитые мужики.

Дѣтей боярскихъ городовыхъ перечислено *731* чел. съ помѣстными окладами отъ 500 до 70 чет. Безпомѣстныхъ среди этой массы курскихъ дѣтей боярскихъ было самое незначительное количество, за то безусловно подавляющее большинство не имѣло вовсе крестьянъ и бобылей. Помѣстныя дачи вертятся около цифръ 50, 70, 100 четв. Что касается курскихъ новиковъ, то составъ ихъ рисуется въ десятнѣ Г. Г. Образцова въ слѣдующихъ цифрахъ.

Новики верстанья Ивана Бутурлина 147 года—въ числѣ *202* челов. съ помѣстными окладами отъ 200 до 70 чет.

Новики верстанья на Москвѣ въ Разрядѣ 150 года—въ числѣ *9* челов. съ помѣстн. окладами отъ 250 до 70 четв.

Во всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ разрядахъ курскаго городоваго дворянства владѣніе помѣстьемъ «вопче» съ братьями встрѣчается не болѣе трехъ-четырехъ разъ (см., напр., л. 161 при дачѣ въ 50 чет.).

Далѣе слѣдуетъ особая рубрика (л. 419) *курчанъ дѣтей боярскихъ* по смотрѣнному списку стольника Г. Г. Образцова написанныхъ въ списокъ съ помѣстными окладами, а на Москвѣ въ Разрядѣ въ курскихъ десятняхъ и въ подлинныхъ спискахъ не сысканныхъ. Отсюда строгій допросъ окладчиковъ о такихъ лицахъ и запись ихъ въ десятнѣ подъ особою рубрикою. Такихъ оказалось *29* человѣкъ. Къ указанной рубрикѣ, повидимому, надо относить еще (л. 442) *12* человѣкъ новиковъ 144 г. верстанья въ Курскѣ Нефталима Тимашева. Новая рубрика начинается перечисленіемъ курчанъ *дѣтей боярскихъ*, верстанныхъ въ разныхъ годахъ, а въ московскомъ разрядномъ спискѣ записанныхъ въ числѣ неверстанныхъ. Ихъ насчитывается (съ л. 448) *21* челов.

Библиотека "Руниверс"

Далѣе (съ л. 468) читаемъ перечисленіе *12* челов. *дѣтей боярскихъ*, о которыхъ велѣно было всѣмъ городомъ и окладчиками сыскать, когда и кѣмъ они были верстаны помѣстными и денежными окладами. Изъ числа 12 указанныхъ дѣтей боярскихъ четверо бились подъ Смоленскомъ въ солдатахъ (получили придачу къ окладамъ) и большинство оказалось поверстаннымъ на Москвѣ.

Подъ особою рубрикою записано въ десятнѣ съ помѣстными и денежными окладами *четверо* челов. дѣтей боярскихъ вслѣдствіе особой грамоты изъ Разряда (л. 482) отъ 15 іюня 150 г., да *одинъ*— по грамотѣ 30 іюня того же года.

Прописныхъ (т. е. пропущенныхъ въ московскомъ разрядномъ спискѣ) курчанъ дѣтей боярскихъ (л. 487) перечислено *66* человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ служили въ солдатахъ подъ Смоленскомъ и многіе поверстаны на Москвѣ, одинъ въ Орлѣ, одинъ въ Рыльскѣ и нѣсколько человѣкъ въ Курскѣ.

Неверстанныхъ, написанныхъ въ московскомъ разрядномъ спискѣ безъ окладовъ и служащихъ въ рядъ съ курчанами съ отцовскихъ помѣстей оказалось *20* челов. (л. 567).

Согласно наказу, выдано было также денежное жалованье (л. 583 и слѣд.) матерямъ вдовамъ, женамъ и дѣтямъ побитыхъ въ татарскомъ и черкаскомъ бояхъ *35* чел. курчанъ дѣтей боярскихъ.

Нѣсколько человѣкъ дѣтей боярскихъ (именно *33*) совсѣмъ не объявилось у денежной раздачи, «а окладчики про нихъ сказали, не знаютъ». Впрочемъ, встрѣчаются въ этой рубрикѣ и особыя отмѣтки, напр.: «такова въ Курску нѣтъ» (л. 612 об.), «окладчики сказали на Чугуевѣ въ Съѣзжей Избѣ въ дьячкѣхъ» (л. 613 об.).

Наконецъ (л. 614 об.) послѣдняя рубрика перечисляетъ дѣтей умершихъ, побитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ (16 чел.) и отъ татарской войны изъ Курска сшедшихъ въ разные города (18 чел.; сошли на Хотмынь, Орелъ, Рыльскъ, Вольное, Чугуевъ, Корочу, Яблоновъ, въ московскіе стрѣльцы).

Такимъ образомъ наличный составъ военной дворянской силы по Курску въ авг. 1642 года равнялся 1130 чел. [1]). Денегъ на жалованье вышло 7315 рублей. На послѣднихъ листахъ встрѣчаются отмѣтки, относящіяся къ 150, 151 и 152 г.г.

(М. А. М. Ю. д. д. № $\frac{\text{нов. } 188}{\text{ст. } 462}$ на 625 листахъ). Сообщ. **В. Н. Сторожевъ.**

[1]) Итогъ десятни на л. 621 показываетъ 1139 чел., что можетъ быть вѣрнѣе, ибо при счетѣ мы легко могли ошибиться.

Библиотека "Руниверс"

Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. Въ лубенскомъ музеѣ Е. Н. Скаржинской, при посредничествѣ студента дерптскаго ветеринарнаго института С. Г. Кирьякова, получена въ даръ отъ Н. А. Казимира случайно выкопанная въ его имѣніи с. Яноуцахъ хотинск. у., на водораздѣлѣ между Днѣстромъ и Прутомъ, глиняная урна съ жженными человѣческими костями. Урна изъ весьма маркой глины пепельно-сѣраго цвѣта имѣетъ форму обыкновеннаго кувшина до двухъ четвертей высоты съ выпуклыми боками, неширокимъ горломъ и одной ручкой, довольно стройная, сдѣлана правильно на кругѣ. На ней незначительный, но довольно характерный орнаментъ: вокругъ вѣнца три параллельныя узкія желобовидныя полоски и тисненая полоса въ два пальца ширины, проведенная вдоль по наружной сторонѣ ручки. Полоса эта составлена изъ двухъ смежныхъ параллельныхъ желобовидныхъ углубленій, образованныхъ движеніемъ по мягкой глинѣ двухъ рядомъ сложенныхъ перстовъ, отчего вдоль средины полосы получилось незначительно возвышающееся ребро, придающее ей пріятный двугранный видъ. Между содержащимися въ урнѣ жженными костями не оказалось никакихъ предметовъ.

По разсказу г. Кирьякова, подобныя урны съ такимъ же содержимымъ встрѣчаемы были неоднократно въ опредѣленномъ раіонѣ на полѣ г. Казимира. Надъ ними никакихъ возвышеній не замѣчается, зарыты онѣ не глубоко, такъ что часто разрушаются плугомъ, и поле, гдѣ онѣ встрѣчаются, усѣяно черепками на значительномъ пространствѣ. Собранные г. Кирьяковымъ для лубенскаго музея черепки принадлежатъ сосудамъ различной величины, качества и цвѣта; изрѣдка попадаются и съ тисненымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ волнистыхъ линій, параллельныхъ полосокъ и ямочекъ. На многихъ толстыхъ красныхъ черепкахъ находятся небольшія, но прочныя ушки съ поперечными отверстіями въ карандашъ—въ палецъ величиною, какъ бы для продѣванія въ нихъ веревочки. Ушки эти были расположены, повидимому, на выпуклыхъ бокахъ сосудовъ. Между черепками попадаются плоскіе, обитые кремни, ошлифованные камни, кости животныхъ, какъ кухонные остатки, между прочимъ, кости свиньи.

Въ томъ же имѣніи г. Казимира находится нѣсколько древнихъ могильниковъ: одинъ приблизительно въ 100 кургановъ, другой въ 150, третій въ 200; есть и отдѣльно разбросанные курганы, въ

Библиотека "Руниверс"

числѣ которыхъ одинъ значительной величины. Пробная раскопка одного изъ небольшихъ обнаружила кострище.

При находкѣ вышеописанной урны, нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ было сообщено, что въ хотинскомъ уѣздѣ и въ настоящее время дѣтское мѣсто а также и мертворожденныхъ младенцевъ зарываютъ обыкновенно въ горшкахъ. Ѳ. К.

Библиотека "Руниверс"

СУБОТОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Къ рисунку).

Верстахъ въ 8-ми выше г. Чигирина по Тясмину живописно раскинулись бѣлыя хаты на вершинѣ, по склону и у подошвы гористаго праваго берега рѣки. Это село Суботовъ. Небольшой хуторъ Богдана Хмельницкаго, имъ же самимъ заселенный, разросся теперь въ большое село. Извѣстно историческое значеніе этого села: личная вражда, возгорѣвшаяся изъ за него между Богданомъ и подстаростой чигиринскимъ Чаплинскимъ, послужила началомъ борьбы двухъ народовъ. Въ центрѣ села на возвышенномъ мѣстѣ находится каменная церковь, построенная Богданомъ въ 1651—3 гг., она изображена на прилагаемомъ рисункѣ Шевченка. Церковь во имя пророка Иліи; мѣсто занимаемое ею составляло часть усадьбы Богдана Хмельницкаго, который устроилъ свой дворъ такъ, какъ вообще устраивали дворы вельможи того времени: укрѣпилъ усадьбу рядомъ валовъ и рвовъ, построилъ каменный домъ и вблизи него домовую церковь. Размѣры церкви подтверждаютъ ея назначеніе: по измѣренію Бантыша-Каменскаго вышина главнаго фасада восемь саж., длина церкви тридцать два аршина, ширина шестнадцать; принимая во вниманіе, что стѣны церкви очень широки—отъ 2½ до 3-хъ арш., внутренность получится очень незначительная. Кромѣ этой церкви, въ Суботовѣ всегда была другая приходская въ честь Архистратига Михаила.

Богданъ Хмельницкій былъ погребенъ, согласно его желанію, въ выстроенной имъ церкви; ненависть нашла его и въ землѣ: Чарнецкій наругался надъ его прахомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣдующее затѣмъ время мало кѣмъ поддерживаемая Богданова церковь приходила все больше и больше въ упадокъ, сначала она служила приходскою для половины жителей с. Суботова; въ 1820 г. отнесена къ кладбищнымъ церквамъ и приписана къ приходской Михайловской.

Отъ времени не только деревянныя части церкви пришли въ ветхость, но и каменный сводъ далъ поперечныя трещины; въ такомъ незавидномъ положеніи ее и изобразилъ Шевченко. Но, несмотря на это, церковь была еще довольно крѣпка. Такъ было до 1851 года. Въ этомъ году мѣсто священника въ Суботовѣ занялъ о. Романъ Орловскій, который, сознавая всю важность сохраненія такого памятника, какъ Суботовская церковь, энергично взялся за дѣло возобновленія церкви. Очень интересна исторія этого дѣла, какъ характеристика отношенія нашего общества къ памятникамъ родной старины. Заслуживающія полнаго уваженія стремленія о. Романа Орловскаго встрѣтили главнымъ образомъ препятствія со стороны палаты государственныхъ имуществъ, которая предназначила церковь къ разборкѣ; къ счастью этого не случилось, но дѣло съ 1852 тянулось до 1862 г., нѣсколько разъ въ Суботовъ пріѣзжали инженеры, осматривали церковь, одинъ разъ находили ее непригодной къ реставраціи, въ другой, что исправленіе возможно и т. п.; наконецъ съ 1862 г. дѣло приняло благопріятный ходъ и возобновленная Богданова церковь была освящена 30 сентября 1869 г.

Несомнѣнно заслуга о. Романа Орловскаго очень велика. Начавъ дѣло, несмотря на неблагопріятныя условія, онъ довелъ его до конца; помимо поддержанія церкви, о. Орловскій хотѣлъ, чтобы былъ сохраненъ первоначальный видъ ея, для этой цѣли онъ снесся съ М. А. Максимовичемъ, прося у него рисунка церкви; вотъ отвѣтное письмо Максимовича, которое мы приводимъ съ разрѣшенія о. Орловскаго: „Не разъ порывался я къ вамъ туда, да нѣтъ возможности оторваться надолго изъ дому, а хотѣлось бы очень посѣтить тотъ прекрасный уголокъ Украины и васъ. Рисунокъ суботовской церкви находится въ Исторіи Малороссіи Бантыша-Каменскаго *второго* изданія, которой у меня здѣсь нѣтъ, а изъ Кіева еще не

Библиотека "Руниверс"

получилъ. Вы сами легко можете достать его изъ Кіева; но при обновленіи надо придержаться точь вточь рисунка и если старый фундаментъ и стѣны еще довольно крѣпки, то отнюдь не разбирать ихъ, а только подновить. Это святыня украинскаго народа. Въ 1839 г., когда Иннокентій ѣздилъ осматривать епархію (а я тогда лежалъ больной), я просилъ его отслужить панихиду по Богданѣ Хмельницкомъ, и онъ, воротясь въ Кіевъ, говорилъ мнѣ, что исполнилъ мое желаніе. Отслужите же и вы 15 августа (1859)... М. М.“

При возобновленіи древній видъ церкви не нарушенъ, только деревянный куполъ перенесенъ на алтарную часть; вмѣсто деревянной колокольни выстроена каменная и соединена съ церковью каменнымъ же корридоромъ. Итакъ, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ памятниковъ сохраненъ еще на многіе годы.

Н. Б.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Tadeusz Ierzy Stecki. Z boru i stepu Obrazy i pamiątki (Kraków, 1888). Стр. IV † 342.

Настоящій посмертный трудъ Тадеуша Стецкаго († 14 авг. 1888 г.) посвященъ той же области, которой принадлежатъ лучшія работы покойнаго,—стародавней, богатой историческими забытками Волыни. Еще въ 1864 г. вышелъ первый томъ его «Волыни въ статистическомъ, историческомъ и археологическомъ отношеніи», въ 1871 г.—второй томъ. Пять лѣтъ спустя Стецкій выпускаетъ монографію Луцка (Luck starożytny i dzisiejszy. Monografia hictoryczna. Kraków, 1876). Одновременно съ этими болѣе крупными работами своими, Стецкій печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ небольшіе очерки другихъ мѣстностей Волыни, игравшихъ роль въ свою пору: Берестечка, Волочищъ, Киселина, Козина, Ляховецъ, Овруча и т. д., при чемъ съ особенною любовью и вниманіемъ останавливался на судьбахъ мѣстныхъ землянскихъ и шляхетскихъ родовъ. Эти кропотливыя и утомительныя изслѣдованія облегчались для Стецкаго благодаря его связямъ съ мѣстнымъ дворянствомъ и возможности утилизировать семейные архивы, обыкновенно недоступные. Сообщеніе нѣкоторыхъ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ или указаніе на содержаніе ихъ составляетъ немаловажную, если не главную, заслугу покойнаго въ исторической литературѣ. Такъ какъ волынскіе урядовые акты хранятся въ Кіевѣ, то въ этомъ отношеніи Стецкій пользовался лишь случайными копіями и матеріалами, уже изданными, что до извѣстной степени неблагопріятно отразилось на характерѣ его работъ. Факты внѣшняго свойства—генеологическія подробности, переходы имѣній изъ рукъ въ руки—представляютъ интересъ отнюдь не сами по себѣ, а лишь въ связи съ данными, болѣе

Библиотека "Руниверс"

вразумительно рисующими экономію жизни народа,—между тѣмъ для лицъ послѣдняго разряда остается весьма мало мѣста въ трудахъ Стецкаго. Должно сказать, впрочемъ, что покойный и не ставилъ себѣ задачъ, которыхъ не могъ разрѣшить удовлетворительно по свойству доступныхъ ему матеріаловъ. Онъ писалъ, если можно такъ выразиться, въ простотѣ душевной. Все, что можно было въ данный моментъ собрать объ извѣстной мѣстности, онъ сводилъ добросовѣстно въ картинку, связывалъ эти отдѣльныя картинки внѣшнимъ образомъ и предлагалъ читателю родъ христоматіи или словаря, лишеннаго строго-систематическаго порядка. Общей, критически разработанной исторіи любезнаго ему края Стецкій не далъ и не обѣщалъ дать, такъ какъ онъ не былъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ,—работа подобнаго характера, въ виду неподготовленности всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, оказывается непосильною даже для лицъ, несравненно лучше Стецкаго вооруженныхъ въ научномъ смыслѣ.

Въ то время, какъ два тома «Волыни» имѣли цѣлью дать читателю общее понятіе о краѣ, настоящій посмертный трудъ посвященъ небольшой части этого края, главнымъ образомъ нын. ровенскому уѣзду, съ которымъ Стецкій былъ знакомъ лучше всего по своимъ семейнымъ отношеніямъ. Манера изложенія автора остается неизмѣнною на всемъ протяженіи книги: избѣгая общихъ очерковъ и общихъ историческихъ заключеній, онъ переходитъ изъ села въ село, изъ мѣстечка въ мѣстечко, знакомится съ мѣстными литературными и письменными памятниками, разскажетъ читателю генеалогію владѣльцевъ, припомнитъ какой-либо выдающіися случай въ жизни панской семьи, опишетъ панскій палацъ, иногда укажетъ на какое-либо забытое городище или курганъ, сдѣлаетъ выдержку изъ люстраціи,—и спѣшитъ далѣе. На первый взглядъ получается впечатлѣніе пестрое и до крайности разбросанное, но и среди этихъ внѣшнимъ образомъ сведенныхъ матеріаловъ читающему удается найти подробности не лишенныя интереса. Стецкій, какъ авторъ, отличается симпатичною особенностью: онъ не подбираетъ факты предумышленно, ничего не желаетъ вуалировать или подкрашивать, и потому въ его книгѣ промелькнетъ изрѣдка нѣсколько указаній, превосходно характеризующихъ внутреннюю жизнь излюбленной имъ шляхты и подданнаго люда. Особенность и важное преимущество экономической исторіи заключаются въ томъ, что сокровеннѣйшія черты національной натуры сказываются здѣсь въ неподкрашенномъ,

Библиотека "Руниверс"

голомъ видѣ. И дѣйствительно, гдѣ Стецкій затронетъ эту сторону жизни шляхетства, тамъ всплываютъ наружу яркіе контрасты: внѣшній блескъ и жалкая задолженность, широкій розмахъ можновладской тароватости и неблаговидныя, чисто плутовскія продѣлки для прикапливанья добра, богатство магнатовъ и убожество поселянъ и горожанъ, разливное море сверху и еврей-ростовщикъ рядомъ, клаузничесво шляхты и грабительскія ея наклонности,—все это сохраняетъ у Стецкаго свой колоритъ, благодаря усвоенной имъ эпизодической, безпритязательной манерѣ изложенія.

Изъ болѣе крупныхъ и цѣльныхъ монографій, соединенныхъ внѣшнимъ образомъ въ книгѣ Стецкаго, можно указать на очеркъ Ровно, Межирича-Корецкаго, Пересопницы, Клевани, Дубровицы и Степани. Правда, поиски автора на полѣ стародавней исторіи былыхъ княжескихъ удѣловъ на Волыни не отличаются большою глубиною,—чаще всего авторъ ограничивается Карамзинымъ и Максимовичемъ, но для обычнаго читателя и такая сводка матеріаловъ явится настоящимъ откровеніемъ. Кромѣ того, слѣдя за линіями владѣльцевъ и переходами имѣній изъ рукъ въ руки, Стецкій нерѣдко извлекаетъ изъ семейныхъ архивовъ неизвѣстные еще документы и приводитъ ихъ in extenso, впрочемъ, въ польской транскрипціи. Что касается литературныхъ указаній, то Стецкій отличается въ этомъ отношеніи чрезмѣрною скудостью: почти всѣ новѣйшія русскія изслѣдованія по исторіи и археологіи Волыни ему не извѣстны, онъ даже не знаетъ объ описаніи пересопницкаго евангелія П. И. Житецкаго и недоумѣваетъ, что сталось съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ южнорусской рѣчи (стр. 181). Въ книгѣ изрѣдка встрѣчаются упоминанія о народныхъ обычаяхъ на Волыни, напр. бросаніе незамужнихъ дѣвушекъ въ воду въ пасхальный понедѣльникъ въ Басовомъ-Кутѣ (стр. 68); записано нѣсколько преданій, напр. о невирковскихъ церковныхъ трубахъ (стр. 130), на нашъ взглядъ, происхожденія отнюдь не народнаго; приведены нѣкоторыя народныя суевѣрія, выразившіяся, напр., въ убійствѣ бабы-чародѣйки изъ подъ Олыки, наславшей моръ на односельчанъ (стр. 200), но все это случайно, мимоходомъ. Спеціалистъ можетъ извлечь изъ книги Стецкаго развѣ случайныя полезныя справки, всякій же любознательный человѣкъ прочтетъ книгу не безъ интереса, какъ писанную легкимъ языкомъ о предметѣ, который интересенъ самъ по себѣ. Поэтому, быть можетъ, не слѣдуетъ сожалѣть, что Стецкій мало внесъ въ свое изложеніе данныхъ изъ люстрацій, хотя ему были извѣстны изданія г. Ал.

Библиотека "Руниверс"

Яблоновскаго, касающіяся Волыни (Zròdla dzeijowe, t. V и VI); съ другой стороны, любителя легкаго чтенія, конечно, не мало позабавятъ нѣкоторыя соображенія Стецкаго по части славянской филологіи и миѳологіи, какъ напр. производство имени с. Хотина отъ славянскаго *хоть*, какъ доказательство, что село названо такъ по воспоминанію о какомъ-то романтическомъ случаѣ (стр. 309), открытіе какихъ неслыханныхъ славянскихъ богинь, въ родѣ, Бабы, Быстрицы, и т. п. Повторяемъ, трудъ Стецкаго—не ученый трудъ въ строгомъ смыслѣ слова: это сводка случайныхъ поисковъ любознательнаго туриста, умѣющаго цѣнить важность историческихъ изученій и стремящагося принести посильную пользу дѣлу этихъ изученій.

Н. М.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества т. 2-й. Харьковъ 1890 г.

Являясь органомъ названнаго ученаго общества, «Сборникъ» имѣетъ и соотвѣтственное содержаніе: въ него входятъ «Отчеты (или вѣрнѣе отчетъ) о засѣданіяхъ историко-филологическаго общества», составленные секретаремъ общества проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ за время съ января 1889 г. по апрѣль 1890 г., т. е. почти за 1½ года, и матеріалы по исторіи и этнографіи. Историко-филологическое общество при харьковскомъ университетѣ возникло въ 1876 г. и въ отчетномъ году вступило въ 14-й годъ своего существованія; число членовъ его въ отчетѣ не обозначено; въ полуторагодичный промежутокъ времени общество имѣло 14 засѣданій, въ которыхъ прочтено 24 реферата; въ предшествовавшемъ $18^{88}/_{89}$ г. было 9 засѣданій, въ которыхъ прочтено 12 докладовъ. Прочтенные рефераты можно такъ распредѣлить по ихъ содержанію: по археографіи и археологіи—3; по этнографіи—5, по исторіи древняго быта славянъ—1, по исторіи раскола—4; по исторіи землевладѣнія—1; по исторіи литературы—4, по философіи—1, по исторіи искусства—1, по исторіи просвѣщенія—1 и некрологовъ—3. Наибольшее число рефератовъ сдѣлано проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ и Д. И. Багалѣемъ, которые принимали участіе сверхъ того въ дебатахъ по другимъ рефератамъ. Общество обнаруживаетъ большую заботливость о своемъ «историческомъ архивѣ», честь учрежденія котораго принадлежитъ проф. Д. И. Багалѣю; въ настоящее время онъ имѣетъ до 30,000 старыхъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ полтавскаго, черниговскаго и харьковскаго губернскихъ правленій, пополняется отчасти передачею старыхъ дѣлъ изъ учрежденій въ университетъ, отчасти пожертвованіями частныхъ лицъ и даже путемъ покупки; при архивѣ находится и вспомогательная библіотека, довольно богатая изданіями актовъ и грамотъ. Люди науки не разъ скажутъ спасибо учредителямъ, а забота Общества объ архивѣ заслуживаетъ полнаго уваженія и признательности, а также подражанія со стороны другихъ ученыхъ обществъ. Въ архивѣ постоянно производились разысканія матеріала нѣсколькими лицами для своихъ изслѣдованій; въ отчетномъ году работало шесть человѣкъ.

Главную часть «Сборника» составляютъ не эти отчеты, печатающіеся въ немъ впервые, а отдѣльные выпуски, входящіе въ него. Первое мѣсто по важности и объему принадлежитъ «Матеріаламъ для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ.», собраннымъ проф. Д. И. Багалѣемъ; это первый выпускъ «Сборника». Вторымъ являются «Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. И. И. Манжурой» а 3-мъ—«Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ», собранные г. Ивановымъ (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова); о послѣднемъ мы имѣли уже случай говорить, разбирая его отдѣльно, и теперь займемся двумя первыми.

«Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта», собранные проф. Багалѣемъ съ внѣшней стороны представляютъ увѣсистый томъ (уже 2 й) въ 448 стр. (15 стр. предисловія); точно также и по содержанію своему онъ представляетъ богатый кладъ данныхъ для всякаго рода выводовъ и заключеній объ географическомъ, административномъ, экономическомъ, промышленномъ и торговомъ положеніи края; большая часть документовъ—весьма цѣнный матеріалъ не для одной исторіи колонизаціи; по даннымъ этого богатаго матеріала можно нарисовать живую картину природы того времени, описать съ мелочными подробностями твердость и силу пограничныхъ укрѣпленій, богатую или бѣдную домашнюю обстановку поселенцевъ, даже благолѣпіе церквей. Трудно въ краткой рецензіи охватить все обиліе новыхъ данныхъ: возьмите, напр., стрельныя книги, осмотръ шляховъ, вѣсти о татарахъ, объ ихъ разореніяхъ, перечтите переписи населенія, описанія городовъ и уѣздовъ,—и передъ вами воскреснетъ прошлое юго-восточной окраины Россіи со всѣми своими ужасами: тяжкими трудами въ новыхъ поселеніяхъ, стонами убиваемыхъ набѣгающими татарами, слезами уводимыхъ ими въ плѣнъ женъ и дѣтей,

Библиотека "Руниверс"

окраины, пріобрѣтенной болѣе потомъ и кровью самоотверженныхъ великороссіянъ и черкасовъ, чѣмъ мечемъ служилыхъ и ратныхъ людей. Таковъ XVII-й вѣкъ! Въ XVIII-мъ вѣкѣ наступаютъ болѣе мирныя времена, которыя и отражаются на бытѣ населенія; ему уже не грозитъ опасность отъ разбоевъ и грабежей татаръ; оно осѣдаетъ, увеличивается въ числѣ, и колонія мало по малу усвоиваетъ себѣ строй метрополіи; природа и люди измѣняютъ свой внѣшній и внутренній характеръ. Эту перемѣну къ лучшему и даютъ возможность прослѣдить собранные г. Багалѣемъ матеріалы. Позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что и изслѣдованіе Д. И. Багалѣя будетъ такъ же интересно и богато выводами, какъ богаты данными разсмотрѣнные нами матеріалы, тѣмъ болѣе что и самъ неутомимый собиратель ихъ сознается въ предисловіи, что «исторія внутренняго быта—вопросъ совершенно почти не затронутый въ печатной исторической литературѣ».

Всѣхъ документовъ въ настоящемъ томѣ 52; изъ нихъ одинъ относится къ XVI вѣку, сорокъ—къ XVII; остальной десятокъ къ XVIII; по объему послѣдній занимаетъ $^2/_3$ книги; въ немъ по своему интересу выдѣляются, кромѣ «экстракта о слободскихъ полкахъ 1734 г.», «инструкція слободско-украинской губ. 1766 г.» и описаніе городовъ и мѣстечекъ, доставленное въ Екатерининскую коммиссію для составленія проекта новаго уложенія 1767 г.

Входящіе въ настоящій томъ документы извлечены Д. И. Багалѣемъ частью изъ московскаго архива министерства юстиціи—19 самыхъ древнихъ, преимущественно строельныя книги, при этомъ г. Багалѣй замѣчаетъ: дорожа мѣстомъ, я пропускалъ именные перечни населенія и приводилъ только общіе итоги; но сдѣлалъ исключеніе для г. Карпова для того, чтобы представить хотя одинъ примѣръ переписи въ ея подлинномъ видѣ». Читаемъ строельную книгу г. Карпова и что же находимъ? Указаніе на число домовъ и семей, на составъ семьи, на возрастъ ея членовъ и на ея большую или меньшую состоятельность, выражающуюся въ перечисленіи имущества. И эти драгоцѣнныя данныя г. Багалѣемъ опущены лишь для того, чтобы дать мѣсто большимъ документамъ XVIII в., которыя удобнѣе было отложить печатаніемъ до слѣдующаго 3-го тома. Изъ харьковскаго историческаго архива авторомъ извлечено 6 большихъ документовъ XVIII в., занимающихъ болѣе половины книги. Изъ церковно-археологическаго музея кіевской духовной академіи 23 небольшіе документа, заимствованы и 4 документа изъ частной коллекціи г. Гурова.

Библиотека "Руниверс"

Выборъ документовъ изъ другихъ частныхъ коллекцій, предоставленныхъ владѣльцами ихъ въ распоряженіе Д. И. Багалѣя, онъ отлагаетъ для 3-го тома Матеріаловъ, къ изданію котораго думаетъ приступить.

Въ концѣ выпуска приложены краткіе указатели: личный, географическій и предметный.

«Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ екатеринославской и харьковской губ. И. И. Манжурою», оставлены авторомъ безъ всякаго объясненія; потому о системѣ расположенія ихъ можно судить, просмотрѣвъ самыя сказки. Онѣ рисуютъ характерныя особенности животныхъ, богатырей, вообще людей (собственно малоросса-селянина) и въ частности солдатъ, цыганъ, евреевъ, нѣмцевъ, великороссовъ, чорта, вѣдьмы, опять животныхъ, растеній и явленій природы.

Затѣмъ собраны заговоры противъ болѣзней, молитвы по поводу разныхъ случаевъ, медицинскіе совѣты, даже выписки изъ старой рукописи, но какой собиратель не сообщаетъ; далѣе примѣты, повѣрья, обычаи народа, приказки, присловья, загадки и слова екатеринославской губ. Все это вмѣстѣ составляетъ цѣнный матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія.

И. Каманинъ.

П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ картами въ текстѣ. Курсъ систематическій. С.-Петербургъ. 1890 г.

Всякій, конечно, согласится съ тѣмъ, какъ трудно написать хорошій учебникъ по какому-бы то ни было предмету. Особенно это относится къ учебнику исторіи вообще и русской въ частности. Выборъ матеріала, его группировка, способъ изложенія—все это должно быть подчинено одной образовательно-педагогической цѣли. Задача трудная. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что изъ массы существующихъ учебниковъ по исторіи бо́льшая часть далеко неудовлетворительна. О важности хорошаго учебника для дѣла преподаванія предмета нечего и говорить. Понятно, съ какимъ вниманіемъ встрѣчаетъ преподаватель появленіе въ свѣтъ всякаго новаго учебника. И въ настоящее время, безспорно, существуютъ уже довольно хорошія руководства по исторіи, но это обстоятельство, конечно, не должно уничтожать у людей, посвятившихъ себя преподавательской дѣятельности, стремленія къ усовершенствованію учебниковъ по мѣрѣ того,

Библиотека "Руниверс"

какъ совершенствуются самые пріемы преподаванія и всякая попытка составить новый учебникъ должна быть радушно привѣтствуема. Вышеуказанный учебникъ по русской исторіи принадлежитъ перу извѣстнаго автора «Исторіи русской литературы», и одно уже это обстоятельство заставляетъ отнестись къ нему съ большимъ вниманіемъ. Г. Полевой поставилъ себѣ ту цѣль, которую долженъ поставить всякій, приступающій къ составленію учебника, если онъ дѣйствительно желаетъ принести пользу дѣлу преподаванія того или иного предмета. «Мы задались, говоритъ г. Полевой, одною главною цѣлью по возможности облегчить ученику изученіе предмета и притомъ такъ упростить изложеніе его, чтобы фактическая сторона русской исторіи легко сохранялась въ памяти ученика въ опредѣленной связи и послѣдовательности». Достигнуть этой цѣли авторъ надѣется подборомъ фактовъ, исключеніемъ всего несущественнаго и установленіемъ связи между событіями. Для лучшаго усвоенія этой связи г. Полевой основываетъ изученіе фактовъ на изученіи географіи и родословныхъ таблицъ. Самое изложеніе должно быть упрощено, и всѣ иностранныя слова должны быть исключены изъ употребленія. Никто, конечно, не будетъ спорить, ни противъ цѣлей, поставленныхъ себѣ составителемъ учебника, ни противъ средствъ, которыми онъ думаетъ ихъ достигнуть. Между прочимъ только скажемъ, что употребленіе иностранныхъ словъ не имѣетъ еще важнаго значенія. Учебникъ назначается для учениковъ такого возраста, когда главнѣйшіе научные спеціальные термины, взятые изъ иностранныхъ языковъ, уже понятны имъ, а между тѣмъ толковое употребленіе научныхъ терминовъ придаетъ извѣстную серьезность учебнику, что также не должно упускать изъ виду. Говоримъ,—это не важно. Сама же по себѣ простота изложенія вещь весьма важная, и съ этой стороны г. Полевымъ сдѣлано все возможное. Мы даже склонны упрекнуть его въ излишней иногда простотѣ изложенія въ ущербъ его серьезности. Къ числу недостатковъ придется также отнести стереотипность нѣкоторыхъ выраженій, повторяющихся при характеристикахъ историческихъ лицъ и событій. Эта излишняя простота изложенія въ соединеніи съ такою стереотипностью выраженій производитъ то, что содержаніе иныхъ страницъ учебника не оставляетъ у читающаго никакого впечатлѣнія и плохо усваивается. Нельзя также не сказать, что составитель, имѣя въ виду удалить изъ своего учебника все несущественное, погрѣшаетъ иногда и противъ существеннаго. Вслѣдствіе этого нѣкоторые отдѣлы скомканы, черезъ чуръ сокращены. Какъ

Библиотека "Руниверс"

примѣръ можно указать на исторію Владиміра св., люблинской и церковной уніи,—переданныхъ, по нашему мнѣнію, далеко не съ достаточной полнотой и ясностью. Мы увѣренно говоримъ, что учащійся вынесетъ весьма смутное представленіе объ этихъ важныхъ событіяхъ изъ разсказа о нихъ г. Полеваго. Но, повторимъ, въ общемъ изложеніе отличается легкостью, простотою и даже изяществомъ.

Нельзя не принести составителю учебника благодарности за обиліе историческихъ картъ, помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ. Прикрѣпленіе фактовъ къ данной мѣстности не только способствуетъ уясненію ихъ взаимной связи и причинной зависимости, но и уничтожаетъ тотъ огромный недостатокъ, который такъ часто замѣчается у учениковъ при усвоеніи ими изучаемыхъ фактовъ. Мы говоримъ о прикрѣпленіи факта къ мѣсту учебника. Изученіе исторической карты уничтожаетъ это печальное явленіе. Нельзя не согласиться съ г. Полевымъ, что помѣщеніе историческихъ картъ среди текста полезнѣе, чѣмъ отдѣльно, гдѣ-то въ концѣ книги. Эти карты среди текста и ихъ обиліе даютъ учебнику г. Полеваго преимущество предъ другими. Правда, въ картахъ существуютъ нѣкоторыя невѣрности, неточности, но онѣ могутъ быть легко исправлены и не имѣютъ особенно важнаго значенія. Нельзя однако также отнестись къ хронологіи и родословнымъ таблицамъ, находящимся въ учебникѣ г. Полеваго. Но тутъ мы переходимъ къ самому главному, къ разбору содержанія учебника.

Въ одномъ изъ богоспасаемыхъ городковъ земли русской былъ, а, можетъ быть, и теперь существуетъ, преподаватель исторіи, который свое изложеніе до сихъ поръ основываетъ на Карамзинѣ. Очевидно, если бы ему вздумалось написать учебникъ русской исторіи, то онъ не мудрствуя лукаво, сократилъ бы «Исторію государства россійскаго». Является вопросъ: насколько его учебникъ былъ бы удовлетворителенъ? Мы думаемъ, что удовлетворительнымъ онъ не былъ бы. Какъ для здороваго питанія тѣла необходима пища свѣжая, такъ и для питанія ума пища не должна быть залежалой. Отсюда вытекаетъ требованіе, чтобы учебникъ, по передачѣ фактовъ и ихъ освѣщенію, стоялъ въ уровень съ современной исторической наукой. Это главное и основное требованіе, которое мы имѣемъ право предъявить составителю учебника. Приходится, къ сожалѣнію, сказать, что отъ учебника г. Полеваго въ этомъ отношеніи приходится пожелать довольно многаго. Мы не будемъ перечислять всѣхъ погрѣшностей автора противъ хронологіи и исторіи. Укажемъ на тѣ изъ нихъ, которыя особенно бросаются въ глаза. Какимъ образомъ составитель

Библиотека "Руниверс"

учебника датируетъ правленіе Витовта 1392—1415 годами, когда Витовтъ умеръ въ 1430 году? Зачѣмъ до сихъ поръ вносится въ учебникъ фиктивный фактъ завоеванія Гедиминомъ Кіева въ 1321 году, когда эта историческая неправда опровергнута уже въ 1877 г. В. Б. Антоновичемъ въ его трудѣ «Очеркъ исторіи в. к. литовскаго?» Отчего авторъ не обратилъ вниманія на труды Европеуса, Анучина, Винклера и др. въ области этнографіи и антропологіи и продолжаетъ называть племена весь и мерю финскими, ничего не говоря о племенахъ угрскихъ? Соловьевское объясненіе удѣльныхъ усобицъ лишь одними родовыми счетами въ настоящее время, послѣ появленія цѣлаго ряда трудовъ по исторіи отдѣльныхъ областей русской земли, является уже абсолютно невозможнымъ, а между тѣмъ авторъ именно показываетъ слабое знакомство съ этими работами. Мы не въ правѣ требовать отъ составителя учебника знакомства съ русскими лѣтописями или польскими хрониками, но если бы г. Полевой познакомился (а это для него было обязательно) съ трудомъ г. Андріяшева «Очеркъ исторіи волынской земли», вышедшимъ въ Кіевѣ въ 1887 году, то онъ, навѣрное, не написалъ бы своемъ учебникѣ, что Романъ Галицкій погибъ во время борьбы съ Литвою, а узналъ бы, что это случилось во время войны съ Польшей, въ стычкѣ при Завихвостѣ. Интересно также знать, откуда составитель взялъ, что Шварнъ Даниловичъ былъ женатъ на дочери Войшелга, монаха, а не Мендовга? Тутъ кстати будетъ сказать и о родословныхъ таблицахъ, которыми г. Полевой снабдилъ свой учебникъ. Сами по себѣ такія таблицы, конечно, весьма полезны, но составленныя г. Полевымъ не выдерживаютъ критики: въ бо́льшей части изъ нихъ старшинство князей перепутано, но этого мало. Въ таблицѣ «Родословіе князей литовскихъ» мы находимъ этихъ князей въ такомъ порядкѣ: Мендовгъ-Войшелгъ-Гединовъ. Да развѣ Гединовъ былъ сынъ Войшелга?! Вѣдь это совсѣмъ можетъ сбить съ толку учащагося.

Вообеще у автора странное отношеніе къ новымъ трудамъ по русской исторіи. Отъ этого получаются слабыя, неточныя и невѣрныя характеристики дѣйствущихъ лицъ и событій, повторяются старыя, отжившія свой вѣкъ мнѣнія. Пора бы, напримѣръ, бросить отождествленіе личности Лжедмитрія I съ Гришкой Отрепьевымъ. Что Лжедмитрій I—самозванецъ,—это вѣрно, но что онъ не есть Гришка Отрепьевъ,—это тоже вѣрно. Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ еще одинъ странный фактъ. На основаніи какихъ данныхъ г. Полевой утверждаетъ, будто городъ Василевъ, изъ котораго про-

Библиотека "Руниверс"

исходили родители св. Ѳеодосія, былъ въ нынѣшней курской губерніи? Очевидно, тутъ г. Полеваго ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что родители св. Ѳеодосія происходили изъ г. Васильева, кіевской области, а потомъ переселились на житье въ Курскъ, откуда и пришелъ въ Кіевъ св. Ѳеодосій. Можемъ увѣрить автора, что г. Васильева ни въ древности въ курской области не имѣлось, ни теперь въ курской губерніи нѣтъ.

Хотѣлось бы намъ задать автору разбираемаго учебника еще нѣсколько вопросовъ, и о смердахъ, и о Русской Правдѣ, и о боярынѣ Шеинѣ, героѣ Смоленска, и о патріархѣ Филаретѣ, этомъ «адамантѣ твердомъ» и т. д., но нашъ отчетъ и такъ уже очень растянулся. Мы полагаемъ въ концѣ концовъ, что переработка учебника г. Полеваго весьма желательна. П. Г.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв. изданіе Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г.

Этотъ сборникъ актовъ, изданный подъ редакціей А. М. Лазаревскаго, представляетъ въ главной своей части дополненіе къ изданному подъ редакціей А. М. Лазаревскаго же въ 1884 г. Сулимовскому Архиву. Гг. Савицкіе, свойственники Сулимъ, владѣютъ нынѣ нѣкоторыми изъ прежнихъ сулимовскихъ имѣній, въ одномъ изъ которыхъ—м. Мотыжинѣ, кіевскаго уѣзда, и сохранились изданныя бумаги, чѣмъ и объясняется данное сборнику названіе. Впрочемъ, ни сулимовскій, ни мотыжинскій архивы не исчерпываютъ всѣхъ сохранившихся бумагъ, относящихся къ роду Сулимъ; намъ извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторыя находятся у А. В. Стороженка, владѣльца хутора Кучакова (переяславскаго уѣзда), тоже нѣкогда принадлежавшаго Сулимамъ.

Въ составъ Мотыжинскаго Архива вошло 93 №№ актовъ, которые раздѣлены (кѣмъ?) на 2 группы: а) семейныя бумаги Сулимъ (№№ 1—61) и б) будто бы постороннія бумаги (№№ 62—93). Не видимъ основаній для такого дѣленія: во первыхъ, въ такъ наз. посторонних бумагахъ есть акты, вполнѣ относящіеся къ роду Сулимъ (№№ 88—90, 93); во вторыхъ, въ такихъ изданіяхъ, какъ Мотыжинскій Архивъ, которыми пользуются для занятій главнымъ образомъ люди, къ работѣ по источникамъ привычные, лучше всего держаться хронологическаго порядка документовъ. Мало того, отъ столь

Библиотека "Руниверс"

опытнаго редактора, какъ А. М. Лазаревскій, мы могли бы ожидать приложенія къ Мотыжинскому Архиву своднаго хронологическаго перечня актовъ, вошедшихъ въ оба изданные имъ Архива. Впрочемъ, это дѣло еще поправимое, и подобный перечень, куда могли бы быть привнесены указанія и на иные, относящіеся къ роду Сулимъ (а также и Скорупъ) напечатанные документы, можетъ быть напечатанъ и особо.

Нечего и говорить, что документы изданы въ Мотыжинскомъ Архивѣ съ тою аккуратностью, какую мы всегда встрѣчаемъ въ изданіяхъ А. М. Лазаревскаго, и снабжены соотвѣтственными примѣчаніями.

По содержанію большинство документовъ идентично съ таковыми же, существующими вообще у нынѣшнихъ представителей старыхъ малорусскихъ фамилій, частью и напечатанными. Видимъ здѣсь купчія крѣпости на усадьбы и земли (грунты, плацы и пр.), а также и иные договоры, универсалы на земли и млыны, рѣшенія судовъ по спорамъ объ имуществѣ, духовныя завѣщанія и т. п. Не мало бумагъ относится и къ тѣмъ мелочнымъ дрязгамъ, въ которыя были погружены значные люди Малороссіи въ XVIII в.; видимъ раннія попытки къ закрѣпощенію козаковъ; матеріалы для исторіи водворенія въ Малороссіи въ XVIII в. русскихъ помѣщиковъ; но все это довольно обычно. Болѣе рѣдки акты, подобные №№ 61 и 62, которые относятся къ тому времени, когда лѣвобережною Малороссіей владѣла еще Рѣчь Посполитая; особенно въ № 61 есть любопытныя историческія указанія. Кстати сказать, въ силу своей хронологіи этому акту слѣдуетъ быть не подъ 61 номеромъ, а подъ № 1, тѣмъ болѣе, что онъ относится къ сулимовскимъ бумагамъ, къ которымъ причислилъ его самъ редакторъ.

Кромѣ Сулимъ, напечатанные въ Мотыжинскомъ Архивѣ документы могутъ дать не безъинтересныя указанія и для исторіи еще нѣкоторыхъ малорусскихъ родовъ, напр. Максимовичей, Томаръ, Мировичей, Завоекъ, также Кондратьевыхъ (слободско-украинскихъ) и др. Въ одномъ изъ актовъ (№ 93, стр. 220) есть небольшое указаніе, относящееся къ матери гетмана Мазепы; въ другомъ (№ 25) къ епископу Кириллу Шумлянскому; два акта (№№ 43 и 46) интересны, какъ письма Гр. Н. Теплова и т. д.; есть не мало указаній на разные малорусскіе монастыри, которыя могутъ быть пригодны для ихъ исторіи. Отмѣтимъ и еще любопытный памятникъ (№ 60) стихотворный надгробокъ Анны Акимовны Сулимы, сочиненный въ 1800 г. ея отцемъ въ духѣ тогдашняго сентиментализма.

Библиотека "Руниверс"

Попадаются въ Мотыжинскомъ Архивѣ, разумѣется, акты, имѣющіе отношеніе и къ былевой исторіи Малороссіи, собственно ко времени гетманства Самойловича; они указаны въ предисловіи къ Архиву самимъ его редакторомъ, но ихъ немного. Это объясняется самимъ характеромъ дѣятельности Сулимъ въ XVII—XVIII в. Крупные землевладѣльцы Переяславщины, они никогда не играли видной роли въ судьбахъ Малороссіи, а въ XVIII в. хотя и дали Россіи нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, но также не первостепеннаго значенія. Исключеніе составляетъ знаменитый Петрикъ (Петръ Ивановичъ), послѣдній боецъ за независимость Малороссіи, который въ бытность свою въ Крыму называлъ себя Сулимою и, вѣроятно, не былъ самозванцемъ, такъ какъ ложное принятіе имъ на себя этой фамиліи отнюдь не усиливало бы его политическаго значенія, да притомъ всегда могло быть и опровергнуто малороссами, часто въ Крыму бывавшими. Если Петрикъ дѣйствительно былъ изъ рода Сулимъ, то оказывается, что родъ этотъ ярче, чѣмъ полагаютъ вписалъ свое имя въ исторію Малороссіи, но дѣятельность Петрика была такова, что въ интересахъ Сулимъ XVIII в. было какъ можно скорѣе забыть о ней, чтобы и другіе этого не вспоминали.

Къ Мотыжинскому Архиву приложены: родословная Сулимъ, которая была уже приложена къ Сулимовскому Архиву, но теперь исправлена и дополнена на основаніи указаній новыхъ источниковъ, и указатели лицъ и мѣстъ; словомъ изданіе сдѣлано весьма аккуратно. Въ заключеніе намъ остается только указать читателямъ «Кіевской Старины», имѣющимъ фамильные документы XVII — XVIII в., на прекрасный примѣръ гг. Савицкихъ, давшихъ средства на изданіе Мотыжинскаго Архива. Ждать же, чтобы подобные акты были напечатаны въ какомъ либо періодическомъ изданіи, хотя бы и спеціально ученаго характера, можно безконечно долго—и не дождаться.

А. М.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 8; Русская Мысль № 8; Сѣверный Вѣстникъ № 8; Историческій Вѣстникъ № 8; Русская Старина № 8; Przegląd Tygodniowy 1—37.

Вѣстникъ Европы № 8. *В. П. Шенрокъ. Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры.* Окончаніе статьи, начатой въ іюлѣ, излагающей

Библиотека "Руниверс"

первые литературные опыты Гоголя и ихъ успѣхъ (стр. 487—520). Въ отдѣлѣ: *Литературное обозрѣніе*—рецензія «Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества, томъ 2-й», гдѣ помѣщено много статей, относящихся къ исторіи и этнографіи юга Россіи (стр. 861—865).

Русская Мысль № 8. Въ отдѣлѣ *библіографическомъ*—краткая рецензія на: «Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи. №№ 7—9. Подъ редакціей правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова. Симферополь 1889—90 г.» съ указаніями на раскопки Ящуржинскаго въ Неаполицѣ и Стевека въ Херсонесѣ.

Сѣверный Вѣстникъ № 8 В. Бородаевская. «Сильные волею, больные духомъ» излагаются наблюденія надъ жизнью и вѣрованьями шалапутовъ екатеринославской губ., въ новомосковскомъ уѣздѣ, въ с. Прядивнѣ (стр. 93—117).

Въ отдѣлѣ: «*областной отдѣлъ*»—о сельскохозяйственномъ съѣздѣ, бывшемъ въ Кіевѣ въ февралѣ сего года (стр. 55—56); указаніе на проектъ устройства питомниковъ при сельскихъ школахъ въ екатеринославской губ. (стр. 58) и мѣры нѣкоторыхъ земствъ (кролевецкаго, нѣжинскаго) къ поднятію сельскохозяйственныхъ знаній среди народа (стр 59); изложеніе проекта страхованія харьковскимъ земствомъ недвижимыхъ имуществъ и сельскохозяйственныхъ произведеній (стр. 61—62).

Въ отдѣлѣ— «новыя книги» —краткая рецензія книги: «Шевеличкій збирникъ творивъ Грицька Квѣтки. Харьковъ, 1890 г».

Историческій Вѣстникъ № 8. *Тимченко—Рубанъ. Изъ воспоминаній о прожитомъ* (окончаніе). Ведется разсказъ о внутренней жизни полтавскаго корпуса при директорахъ Юрьевѣ, Тихоцкомъ и баронѣ Икскуль фонъ-Гильденбандтѣ (стр. 304—333).

Русская Старина № 8. *В. И. Шенрокъ «Н. В. Гоголь. Письма къ нему А. Ѳ. Смирновой»*, гдѣ приведено новыхъ 7 писемъ г-жи Смирновой изъ Калуги. Въ отдѣлѣ: *библіографическій листокъ* (на оберткѣ)—краткое изложеніе содержанія книги: «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ 1889 г., изд. подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова», гдѣ между прочимъ помѣщены изслѣдованія: Барсова—«Слово о полку Игоревѣ» т. III, Карпова—«Въ защиту Хмѣльницкаго» и Кулиша—«Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» т. III.

Przegląd Tygodniowy №№ 1—37. № 7. Извѣстіе о выходѣ слѣдующихъ книгъ:

Ziemie ruskie, Wołyń i Podole—A. Jabłonowskiego.

Библиотека "Руниверс"

Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi, T. Sternala.

№ 10. Описаніе выставки картинъ кіевскихъ художниковъ.

№ 11. Извѣстіе о представленномъ въ краковскую академію изслѣдованіи д-ра Гринцевича «Физическая характеристика украинскаго племени на основаніи 3226 наблюденій и 1292 непосредственныхъ измѣреній живыхъ людей».

№ 19. Рецензія на изслѣдованіе Коперницкаго (12 t. Zbioru wiadomości do antropologii krajowej, wydawanej staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie). Трудъ автора основанъ на 188 точныхъ антропометрическихъ измѣреніяхъ и собранныхъ имъ этнологическихъ данныхъ, касающихся образа жизни и характера жителей Карпатовъ.

№ 23. Некрологъ Оскара Кольберга.

№ 31. Въ статьѣ о новѣйшихъ успѣхахъ антропологіи упоминается объ изслѣдованіяхъ Эмме, (Bullet. de la Soc. de naturalistes de Moscou), который различаетъ среди малороссовъ 3 различныхъ антропологическихъ типа: 1) типъ—длинноголовыхъ брюнетовъ, 2)—короткоголовыхъ брюнетовъ и 3)—короткоголовыхъ блондиновъ.

Въ приложеніи къ «Przeglądu» за августъ помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Были ли лѣса въ степяхъ южной Россіи». Авторъ статьи ссылается главнымъ образомъ на докладъ, представленный вольно экономическому обществу профест. Докучаевымъ. Упомянувъ о важности разрѣшенія этого вопроса какъ для научныхъ, такъ и для чисто практическихъ цѣлей, авторъ перечисляетъ доказательства, приводимыя различными изслѣдователями за и противъ существованія въ нынѣшнихъ степяхъ большихъ лѣсныхъ пространствъ. Особенно интереснымъ является палеонтологическій и геологическій методъ, примѣненный проф. Докучаевымъ. При изслѣдованіи наслоеній у устьевъ рѣкъ Ворсклы, Сулы и Псела—въ мѣстности, носящей чисто степной характеръ, были найдены рога, принадлежащіе породѣ оленя, живущей исключительно въ большихъ лѣсахъ. Наблюденія надъ ходами и норами, вырытыми сусликами и др. животными, водящимися исключительно въ степныхъ мѣстностяхъ, показали ихъ отсутствіе на большихъ пространствахъ нынѣшнихъ степей. Наконецъ сравнительныя изслѣдованія лѣсныхъ и степныхъ почвъ указали на рѣзкія различія въ ихъ свойствахъ, происходящія отъ того, что корни большихъ деревьевъ, растущихъ на данной почвѣ, производятъ столь характерныя измѣненія въ физической структурѣ ея (образованіе промежуточнаго слоя изъ многогранныхъ зеренъ пепельно-сѣраго цвѣта), что ошибка при опредѣленіи становится невозможной.

Библиотека "Руниверс"

При помощи этого метода Докучаевъ напр. нашелъ, что чисто степныя мѣстности по берегамъ Ворсклы въ доисторич. времена были покрыты на большомъ протяженіи лѣсами. Лѣсныя площади простирались мѣстами верстъ на 15—20 въ ширину и 40—50 въ длину. Конечно, точныя опредѣленія границъ прежнихъ лѣсовъ будутъ возможны только тогда, когда увеличится число подобныхъ наблюденій.

Дозволено ценз. Кіевъ, 20 сентября 1890 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXX, 1890 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

		стр.
I.	Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. V—XII. **Я. Н. Шульгина**.	1—21, 192—223
II.	Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. **О. И. Роговой**.	22—59, 224—263, 420—455
III.	Культурныя переживанія. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**.	59—87
IV.	Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани (волынской губ., ровенскаго уѣзда). **Ѳ. Кудринскаго**.	88—104
V.	Надъ Днѣстромъ. Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ **Осипа Федьковича**.	105—116
VI.	Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи **Ив. В. Теличенка**.	161—191, 390—419
VII.	Люди старой Брацлавщины. **Ц. Г. Неймана**.	264—281
VIII.	Не судилъ Богъ. Разсказъ. **Омелька Репьяха**.	282—309
IX.	Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳ. Р.**	341—372
X.	Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ). **И. С. Левицкаго**.	373—389
XI.	Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (Переводъ съ польскаго). **Н. М**.	456—476

Библиотека "Руниверс"

стр.

XII. Автобіографическая «сказка» малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. **Сообщилъ О. И. Левицкій** 477—485

XIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Рѣчь кн. Н. Г. Репнина и дѣло объ ея напечатаніи. **Сообщилъ В. Ю.** Разбойникъ Тараненко. **Бориса Познанскаго.** Замѣтка о гетманѣ Павлѣ Тетерѣ. **П. Шафранова.** Памятникъ И. Ѳ. Богдановича въ Курскѣ. **Т. І. Вержбицкаго.** Некрологъ **Г.** Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. **А. Л.** Свѣдѣніе о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Дебоскета. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. **М. К. Васильева и В. К.** Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладѣ зданій университета св. Владиміра въ октябрѣ 1835 г. **Сообщилъ В. Науменко.** Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. **Сообщ. Ив. Бѣньковскій.** Разсказъ о происхожденіи табаку. **А. Катрухина.** Некрологъ. Памяти Ивана Петровича Новицкаго. **И. Каманина.** Три письма гр. П. В. Завадовскаго. 1775 и 1776 г. Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. **А. Л.** Къ исторіи кіевскаго паломничества **А. Л.** Матеріалы для исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. **Сообщилъ В. Н. Сторожевъ.** Урны съ жженными человѣческими костями въ хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. **Ѳ. К.** . . . 105—135, 309—329, 486—505

XIV. Суботовская церковь. **Н. Б.** . . 506—508

XV. Библіографія. 1) Дополненія и поправки къ Собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря В. В. Латышева. 2) Греческія надписи, найденныя въ 1881—1888 гг. на берегахъ Киммерійскаго Боспора и Херсонеса Таврическаго. В. Латышевъ. **Проф. Ѳ. Г. Мищенка.** Stanisław Smolka. Kiejstut i Iagełło. **П. Г.** Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца. Книга

Библиотека "Руниверс"

стр.

четвертая. Изданана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. **И. Каманина.** Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. **И. Ж.** Ѳ. И. Успенскій. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ. **В. Я.** Ф. Щербина. Земельная община кубанскихъ козаковъ. **Н. М.** М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ половинѣ XVI вѣка. **П. Г.** Д-ръ И. Пичъ. Исторія русскаго народа. **Н. М.** Труды Комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Выпускъ первый. **И. Каманина.** Tadeusz Jerzy Stecki. Z boru i srepu. Obrazy i pamiątki. **Н. М.** Сборникъ харьковскаго Историко-филологическаго общества т. 2-й **И. Каманина.** П. Полевой. Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ картами въ текстѣ. **П. Г.** Мотыжинскій архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в **А. М.** Обозрѣніе журналовъ. 136—160, 330—340, 505—524

Приложенія: 1) Лѣтопись Подгорецкаго монастыря.
2) Свадебныя пѣсни въ лубен у., полт губ. Собралъ В. М.
3) Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда (херсонск. губ.) Собралъ свящ. Гавр. Сорокинъ.
4) Суботовская церковь.

Библиотека "Руниверс"

Воскресенье. Поѣздъ молодыхъ.

Свашка и свитилки поютъ во время поѣзда:

225 [1]).

Якъ булы мы въ лискý
Та поймалы лúску,
Чубатую, волохатую,
Хорошую щей богатую.

226.

Рыстю, коныченькы, ристю,
Веземо корыстю,
Веземо корысточку,
Молодую невисточку.

227.

Ой кони, кони ведмеди,
Чы чуетесь вы на себе,
Чи довезете намъ скрыню?
Ой скрыню, перыну,
Ще й молодую княгиню [2]).

228.

Що матинци та полехшало,
Що въ комори поменьшало,
А свекруси погиршало,
Що въ комори побильшало.

229.

Тоби, маты, не журытыся,
Тоби, маты, веселытыся,
Тоби, маты, печи не топыты,
Тоби, маты, дижи не мисыты,
Тоби, маты, хаты не мести,
Тилькы порядокъ вести.

230.

Леты, леты соловейко до свекорка мого,
Нехай столы тесовыи застилають,
Нехай кубки золотíи наповняють,
Нехай свичи до пивночи не згасають,
Нехай роду одъ свого двору недпускають,
Нехай мене молодую дожыдають.
(Пелагія Куліева).

231.

Засвиты, ненько, раненько,
Щобъ було въ хати выдненько,
Бо прыйиде сывый голубонько,
Та прывезе сызу голубочку.
Вона сыза, сызесенька,
Головонька билесенька,
Вона сыза, сызокрыла,
На лыченьку якъ калына.
(Уляна Выборная).

---

[1]) Съ 225—230 отъ Уляны Выборной.

[2]) Эту и слѣдующую пѣсню поютъ также, когда везуть скрыню, которую отвозитъ визыця въ сопровожденіи свашки и свитилки въ воскресенье нѣсколько раньше молодой.

Библиотека "Руниверс"

Воскресенье. Пріѣздъ молодыхъ.

Молодыхъ встрѣчаютъ въ сѣняхъ отецъ и мать и принимаютъ отъ нихъ хлѣбъ, соль, образа и свѣчи. Молодые низко кланяются трижды, потомъ цѣлуются: молодой съ своимъ отцомъ, его жена съ свекровью. Свашки и свитилки поютъ въ это время:

232.

Выйды, матинко, подывысь,
Що тоби буяре прывезлы,
Чи вивцю, чи ярку,
Чи молодую панянку?

233.

Выйды, маты, съ хаты,
Оглядысь дытяты,
Одного рожденого,
Другого суженого.

234.

Прилетила перепилочка
Не вчора, а теперечка.
Не кышкайте, не полохайте,
Нехай вона прывыкае,
Свого роду забувае.

235.

Прыйихала пани
Въ голубимъ жупани.
Побачыте люде,
Що зъ сіи пани буде.

(Всѣ эти 4 пѣсни записаны отъ Уляны Выборной).

Воскресенье. Обрядъ первой ночи.

Послѣ того какъ молодые сядутъ за столъ и подкрѣпятся водкой и легкой закуской, дружко въ послѣдній разъ въ воскресенье обращается къ присутствующимъ въ весильномъ домѣ жениха съ просьбой:

— Старосты, пани старосты! Благословить молодыхъ спать весты.

Выждавъ отвѣтъ: „Богъ благословыть!“ дружко отводитъ молодыхъ за платокъ въ комору, гдѣ на полу, несмотря на время года[1]), приготовлена брачная постель. За молодыми въ комору идетъ свашка и, совершенно обнажая молодую, надѣваетъ на нее рубашку, привезенную отъ ея матери. Молодыхъ оставляютъ однихъ.

[1]) Въ луденскомъ уѣздѣ, по экономическимъ соображеніямъ, три четверти или даже четыре пятыхъ всѣхъ свадебъ бываетъ зимой: работъ нѣтъ, хлѣбъ смолоченъ и въ достаточномъ количествѣ, есть мясо, безъ котораго невозможно справить свадьбу, и наконецъ разныя закуски („квасыво“). Да и наборъ отошелъ.

Библиотека "Руниверс"

Спустя нѣкоторое время, въ комору входятъ свашка и дружко. Первая надѣваетъ на молодую новую рубашку, плахту, расплетаетъ косу и надѣваетъ очипокъ, а дружко въ это время беретъ скинутую рубашку и несетъ въ избу для изслѣдованія.

Воскресенье. Торжество молодой.

„Хорошая“ молодая ступаетъ правой ногой на порогъ хаты и поетъ:

236 [1]).

Не бійсь, матинко, не бійсь!
Въ червони чоботкы обуйся,
Топчы порогы пидъ ногы,
Щобъ тіи пидкивкы брязчалы,
Щобъ наши ворогы мовчалы.

(Пѣсня поется трижды).

Пропѣвъ трижды эту пѣсню, молодая входитъ въ хату, становится на колѣни среди хаты и бьетъ поклоны, потомъ идетъ по скамьямъ цѣловать богивъ (образа), а затѣмъ скачетъ [2]) (топче лавы). Ужинать ей одной даетъ сама свекровь, дружко съ женщинами и музыкой идутъ оглашать по селу о качествѣ молодой (по прыданахъ). На прыданахъ поютъ:

237.

Ой пиду я въ лугъ по калыну,
Та выломлю калынову квитку,
Та застромлю за билу намитку,
Щобъ сіи квиткы не подавыты,
Щобъ свого роду не погнивыты,
Блызького й далекого
И батенька ридненького,
Бо у мене мій родъ пышный,
Бо у мене свекорко ризвый,
А свекруха не ридная маты,
Щобъ не выгнала зъ хаты.

238.

Великого лугу калына,
Доброго батька дытына,
Увесь лугъ закрасыла,
Увесь ридъ звеселыла,
Блызького й далекого,
И батенька ридненького.

239.

Ты, Марусю, калына, малына,
Намъ на тебе дывытыся мыло,
Ты, Васильку, повная рожа,
Намъ на тебе дывытыся гоже.

[1]) Пѣсни съ 236—240 № записаны отъ Уляны Выборной.

[2]) Робкая молодая не скачетъ, а вмѣсто нея скачетъ дружко.

Библиотека "Руниверс"

Воскресенье. Позоръ молодой.

„Нехорошу“ молодую не ведутъ въ комору; вмѣсто того она проситъ свекра и свекровь простить ей ошибки молодости; родители мужа иногда легко извиняютъ ей, иногда насмѣхаются, а гости, празднующіе свадьбу (свадьбяне), принимаютъ рядъ мѣръ напоминающихъ экзекуціи, примѣнявшіяся въ дореформенное время при неуплатѣ податей; въ хатѣ оббиваютъ потолокъ и стѣны, льютъ на полъ воду, насыпаютъ туда золу и въ такихъ лужахъ танцуютъ. Мажутъ хату дегтемъ и сажей, и тутъ же въ домѣ поютъ:

240.

Бодай тебе та морозочку,
Поморозывъ та калиночку,
Та погнивывъ всю родыночку,
Блызькую й далекую
И матинку ридненькую.

Понедѣльникъ. Утро молодой.

Въ понедѣльникъ утромъ молодая, проснувшись, должна принесть воды и дать умыться свекру и свекрови, потомъ завязать имъ по лентѣ (стежки) въ сорочку и одарить платками. Завтракаетъ въ этотъ день молодая коржемъ, пирогами, яичницей, которыя приносятъ ей бывшія подруги—дружки, еще разъ такимъ образомъ напоминающія ей о себѣ. Потомъ въ весильный домъ сходятся родственники мужа и молодая даритъ имъ платки и хустки, а они отдариваютъ деньгами, полотномъ, домашними животными: телками, овцами, поросятами. Послѣ размѣна подарковъ, молодую, если она „хороша“, ведутъ въ церковь, здѣсь священникъ ставитъ ее и мужа на рушникъ, благословляетъ и покрываетъ платкомъ. Женщины, сопровождавшія молодыхъ, по возвращеніи изъ церкви поютъ:

241 [1]).

Мы булы въ Бога,
Молылыся Богу,

[1]) Съ № 241 и до конца всѣ пѣсни записаны отъ Уляны Выборной.

Библиотека "Руниверс"

Святій пьятинци,
Марусиной матинци,
Вона йіи вродыла,
Хорошого челядына.
(Марія Гриценкова).

Послѣ посѣщенія церкви молодыхъ приводятъ къ рѣкѣ и льютъ по нѣсколько капель воды за воротникъ съ пѣніемъ слѣдующей пѣсни:

242.

Дай Боже добрее лито,
Щобъ уродыло жыто
И на коринь коренистое,
И на стебло стеблыстее,
И на колосъ колосыстее,
И на зерно зерныстее.
Наши княззя маліи,
Щобъ навстоячкы жалы.
(Уляна Выборнал).

Понедѣльникъ. Перезовъ.

Затѣмъ общество, праздновавшее весилля у жениха, расходится до обѣда въ разныя стороны: молодежь съ музыкантами идетъ къ дружку, отъ него къ пиддружному, потомъ къ старшему бояинру и отъ него домой; старшіе идутъ къ старостамъ, на такъ называемую бéседу, или балъ, гдѣ „балуютъ“, т. е. пьютъ водку, поютъ и гуляютъ. Такъ проводятъ утро понедѣльника въ домѣ родителей молодого. Въ хатѣ родителей молодой собираются между тѣмъ ея родственники и ждутъ посла съ шишкой отъ жениха. Шишку приноситъ его младшій братъ, перевязанную красной лентой и гарусомъ, если молодая „хороша“, или толстыми нитками (валомъ) въ противномъ случаѣ. Поѣвъ шишки, родъ молодой отправляется также „баловать“ къ старостѣ, къ крестному отцу, и ужъ оттуда на обѣдъ къ молодымъ, „въ перезовъ“. Молодыци, приближаясь къ хатѣ, поютъ:

Библиотека "Руниверс"

243.

Чи не рій то гуде?
Чесная перезва йде.
До чесного дытяты,
Калыноньку ломаты.

244.

Тутъ наша родына
Тутъ намъ заробыла
И пыты, и йисты,
И за столомъ систы.

245.

Ой казалы превражіи люды,
Що зъ Маруси ничего не буде.
Вона гарна, гарнисенька,
Якъ рожа повнисенька.

246.

Знаты, Марусю, знаты,
У которій вона хати,
Чебрыкомъ осыпана [1]),
Калыною утыкана,
И лавки й прылавкы
Зъ червонои китайкы

247.

Была Марусю маты
Калыновымъ дубцемъ зъ хаты,
Вона сёго побоялася,
Въ комирку заховалася,
А съ комирочкы, та въ присинечкы,
А съ присинечокъ въ загорожу,
Та въ червоную рожу.

---

[1]) Вар. Шепшыною осыпана.

Библиотека "Руниверс"

Перезовъ останавливается у воротъ, молодой выходитъ имъ на встрѣчу и ведетъ тестя и тещу подъ руки въ хату. Въ это время бояринъ машетъ шестомъ, на которомъ вѣетъ красная запаска или плахта. Въ хатѣ родители молодого угощаютъ сватовъ водкой и закуской, если въ хату сойдутся съ баловъ женщины (такъ наз. побоярныци), то поютъ перезвѣ:

248.

Спасыби тоби, сваточку,
За твою кудряву мяточку.
За твою червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Перезва обѣдаетъ, затѣмъ одаряетъ молодыхъ полотномъ, деньгами, животными, молодыци танцуютъ съ большимъ оживленіемъ на дворѣ, и натанцовавшись, возвращаются домой съ пѣніемъ:

249.

У нашого свата
Зъ лозы, зъ вербы хата,
Синечкы зъ березы,
Идемо тверезы.

259.

Якъ пидемо мы до свого батька,
Та заберемъ черепочкы,
Та сядемо коло бочкы,
Будемъ пыты и гуляты
И Марусю спомынаты.

Вторникъ. Молотьба ржи и пропиваніе батька.

Гости, принимавшіе участіе въ свадебномъ празднествѣ, ещ разъ, во вторникъ утромъ, посѣщаютъ тотъ весильный домъ, въ которомъ гуляли. На полу разстилается рядно и посѣтители молотятъ снопъ ржи цѣпами, или сдѣланной изъ улья молотилкой. Смоло-

Библиотека "Руниверс"

ченную рожь закупаетъ отецъ молодого, или молодой, смотря по тому, въ какомъ весильномъ домѣ происходитъ это подражаніе молотьбѣ, и вмѣсто платы угощаетъ одной, или двумя квартами водки. Иногда этимъ дѣло не оканчивается, а родителей везутъ еще въ питейный домъ, причемъ свекровь, какъ получившая прибыль въ хозяйствѣ, наряжена въ шолковый платокъ, плахту и намисто, какъ молодая женщина, лошади разубраны красными лентами, а дуга перевита краснымъ поясомъ. Въ питейномъ домѣ выпивается еще нѣсколько кварть водки. Этимъ обыкновеніемъ, носящимъ названіе „батька пропывать“, заканчивается весилье.

Библиотека "Руниверс"

СВАДЬБЫ И СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ У МАЛОРОССОВЪ И ВЕЛИКОРОССОВЪ М. ДМИТРОВКИ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО У. (ХЕРСОНСКОЙ ГУБ.).

Собралъ

священникъ **Гавріилъ Сорокинъ.**

Предисловіе.

Образцомъ въ настоящей работѣ для меня послужили „Свадебныя пѣсни въ елисаветградскомъ уѣздѣ", записанныя Еленою Марковичъ. („*Степь*". Херсонскій беллетристычный сбирнык, изд. 1886 г.),

Собирая предлагаемыя ниже пѣсни, я записывалъ тѣ, которыя были или своеобразны и совершенно самостоятельны по содержанію, или представляли варіанты. Тѣ-же, которыя дословно приведены въ трудѣ г-жи Марковичъ, я не буду приводить, а ограничусь только указаніемъ страницы и № въ вышеуказанномъ трудѣ.

Кромѣ пѣсенъ малороссійскихъ, я нашелъ необходимымъ собрать и записать пѣсни, которыя поются на свадьбахъ у великороссовъ. Думаю, что это представитъ интересъ въ виду того обстоятельства, что населеніе м. Дмитровки состоитъ изъ двухъ, почти равныхъ частей: малороссовъ и великороссовъ. Мнѣ кажется, что еще никто не собиралъ свадебныхъ пѣсенъ великороссовъ, живущихъ въ херсонской губ.

Великороссы живутъ въ Дмитровкѣ съ конца прошлаго столѣтія. Вотъ уже сто лѣтъ прошло, а у насъ есть нѣсколько улицъ, на которыхъ живутъ исключительно великороссы и между ними не встрѣтите ни одного семейства малороссовъ, и наоборотъ.

Библиотека "Руниверс"

За послѣдніе 3—4 года, новыя мѣста для усадьбъ выходящимъ изъ семейства начали давать безъ различія народности; на такъ называемыхъ „новоселицяхъ“ рядомъ съ малороссомъ селится великоросъ, тогда какъ раньше этого времени ни за что малоросъ не согласился-бы занять мѣсто рядомъ съ великороссомъ и наоборотъ.

Великороссы прежде почти не выходили изъ семьи, и только недавно стали подражать малороссамъ, выдѣляя сыновей. Еще много есть семействъ, въ которыхъ вмѣстѣ живутъ три—четыре брата, имѣющихъ даже внуковъ. Великороссы многое заимствуютъ у малороссовъ и больше всего сохранили свою народность въ свадебныхъ обрядахъ, да и то въ нѣкоторыхъ частностяхъ, даже въ пѣсняхъ, замѣтно малороссійское вліяніе. Вотъ почему я нашелъ необходимымъ сообщить обряды и пѣсни тѣхъ и другихъ. Свадебныя пѣсни великороссовъ сообщаю всѣ, какія только могъ собрать.

О заимствованіяхъ малороссовъ и великороссовъ другъ у друга въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ говорить здѣсь я не буду.

Свящ. **Г. Н. Сорокинъ.**

I. Свадьба у малороссовъ.

Если на семейномъ совѣтѣ отецъ, мать и сынъ порѣшили, что послѣднему нужно жениться, то отецъ приглашаетъ одного или двухъ человѣкъ изъ хорошихъ своихъ пріятелей, людей опытныхъ и толковыхъ, быть старостами. Если у сына нѣтъ раньше на примѣтѣ невѣсты, то совѣтуются со старостами куда идти и, намѣтивъ невѣсту, которая по общему сужденію окажется подходящей, отецъ и мать приглашаютъ еще двухъ человѣкъ сосѣдей, снимаютъ икону и благословляютъ сына. Затѣмъ отецъ подноситъ по рюмкѣ водки присутствующимъ, а мать идетъ къ сосѣдямъ и занимаетъ ржаной хлѣбъ, съ которымъ отправляетъ старостовъ съ женихомъ. Хлѣбъ долженъ быть занятъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что съ чужимъ—занятымъ хлѣбомъ, скорѣй можно высватать, а со своимъ навѣрное откажутъ. Въ домъ невѣсты входятъ только старосты, а женихъ остается подъ окномъ.

Библиотека "Руниверс"

Поздоровавшись съ хозяевами, старосты говорятъ, что они охотники и увидѣли, какъ во дворъ невѣсты забѣжала лисица, а потому просятъ позволенія поискать.

Отецъ невѣсты, сообразивши въ чемъ дѣло, отвѣчаетъ: „если у васъ хортъ хорошъ, то онъ самъ найдетъ!“

Потомъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: отъ кого они присланы, изъ какого роду женихъ, не родственники-ли они ему? Если нѣтъ, то разспрашиваетъ много, если-же окажутся родственниками—то мало. Старосты просятъ дать отвѣтъ; отецъ никогда положительно не отвѣчаетъ, а зоветъ дочь, которая, замѣтивши, что пришли старосты, старается раньше, пока отецъ разговариваетъ съ ними, сказать матери, согласна она или нѣтъ, потомъ приходитъ, становится возлѣ печи и обязательно *„колупаетъ комин“*, на предложеніе старостовъ она отвѣчаетъ уклончиво, ссылаясь на отца, который иногда проситъ день—два сроку подумать. Въ такихъ случаяхъ женихъ и не входитъ, а старосты оставляютъ хлѣбъ и уходятъ; но, обыкновенно, послѣ уклончиваго отвѣта невѣсты, отецъ говоритъ старостамъ, чтобы они пригласили жениха въ хату, посмотрѣть каковъ онъ изъ себя. Женихъ входитъ, кланяется всѣмъ, невѣста отходитъ отъ печи и выказываетъ намѣреніе выйти изъ хаты, и если на поклонъ жениха подастъ ему руку, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что она согласна, а если только поклонится и выйдетъ изъ хаты, то это означаетъ положительный отказъ.—При согласіи, отецъ и мать снимаютъ тотчасъ икону и благословляютъ жениха и невѣсту, которые становятся рядомъ и бьютъ три поклона предъ иконой и цѣлуютъ её, потомъ цѣлуютъ отца и мать въ губы и руки, наконецъ, цѣлуютъ хлѣбъ, который принесли старосты. Мать съ невѣстой достаютъ изъ *скрыни* рушники или платки, невѣста кладетъ ихъ на деревянную тарелку и прежде всего перевязываетъ жениху руку. Женихъ бросаетъ на тарелку не менѣе 30 коп., иногда рубль, смотря по достоинству подарка, хотя старается дать больше, чѣмъ стоитъ подарокъ; если онъ положитъ меньше стоимости, невѣста можетъ принять за насмѣшку и могутъ выйти непріятности; потомъ невѣста перевязываетъ старостовъ чрезъ плечо, они тоже

Библиотека "Руниверс"

бросаютъ деньги: 2—3 коп., рѣдко 5—10, хотя-бы рушникъ стоилъ больше рубля.

Невѣста съ женихомъ идетъ тогда-же къ своимъ ближайшимъ родственникамъ, приглашаетъ ихъ на заручины, равно какъ и самыхъ близкихъ сосѣдей. Пока родственники и сосѣди сойдутся, женихъ съ невѣстой идутъ за водкой, которую покупаетъ женихъ, не менѣе кварты или 1/4 ведра.

Прежде чѣмъ пить водку, благословляютъ опять жениха и невѣсту иконою въ присутствіи собравшихся, съ которыми они цѣлуются; собравшіеся садятся за столъ, а женихъ съ невѣстой выходятъ во дворъ, или на огородъ, гдѣ разговариваютъ, при этомъ невѣста беретъ въ *пазуху насиння* и угощаетъ жениха. По окончаніи пирушки, старосты, оставаясь перевязанными, идутъ съ женихомъ къ его отцу. Идутъ по улицѣ медленно, чтобы обращали на нихъ больше вниманія, гордясь удачей.

На слѣдующее утро отецъ жениха приглашаетъ отца и мать невѣсты, которые берутъ хлѣбъ и вмѣстѣ со своими ближайшими родственниками идутъ на сватовство, или такъ называемыя *розглядыни*. У жениха собираются и его ближайшіе родственники и сосѣди, обѣдаютъ и цѣлый день пьютъ водку (на сватовствѣ выпивается 2—3 ведра водки); условливаются о времени вѣнчанія и свадьбы, затѣмъ отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ и тамъ заканчиваютъ сватовство. Если женихъ изъ другаго селенія, то все-таки къ нему ѣдутъ отецъ и мать невѣсты съ самыми ближайшими родственниками. Предъ днемъ вѣнчанья женихъ ищетъ себѣ боярина, а невѣста дружку. Благословляютъ въ путь къ вѣнцу въ домѣ жениха и въ рѣдкихъ случаяхъ у невѣсты (если послѣдняя изъ другаго селенія). Послѣ вѣнца идутъ обѣдать къ жениху, даже въ тѣхъ случаяхъ, если женихъ изъ другаго села. Обѣдаютъ самымъ скромнымъ образомъ; съ невѣстой, кромѣ дружки, никого не бываетъ съ ея стороны. За обѣдомъ выпиваютъ не болѣе какъ по двѣ—три рюмки. Къ вечеру женихъ провожаетъ невѣсту домой, гдѣ и самъ остается ночевать. Все время отъ вѣнчанія до свадьбы,

Библиотека "Руниверс"

которая бываетъ не ранѣе какъ чрезъ двѣ—три недѣли, женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Дня за три до свадьбы, невѣста приглашаетъ дружекъ и молодыхъ женщинъ печь коровай, шишки, лежни и калачи. Дружки однѣ, безъ молодыхъ женщинъ, не могутъ печь коровай. Когда приготовляютъ коровай и шишки, то поютъ, кромѣ помѣщенныхъ подъ №№ 11, 12 и 13 въ „Степу“, стр. 170 и 171, слѣдующую пѣсню:

1.

„Нихто не вгадае,
Що въ нашимъ короваю.
Три мирочки перцю,
А четверта инберцю,
А пята шамраю,
Що въ нашимъ короваю!

Когда посадятъ коровай въ печь, то двѣ молодыя женщины и двѣ дѣвки крестообразно, женщина противъ женщины, дѣвка противъ дѣвки, берутъ дижу и поютъ:

2.

Пичь стоить на сохахъ,
А дижу носять на рукахъ;
Пичь наша, пичь, пече,
Хорошенько коровай спече!
Кучирявый пичь вымита,
А кучирява въ пичь загляда;
Ой де-бъ мини систы
На счастлывимъ мисти?

Когда спекутся коровай и шишки, мать невѣсты даетъ каждой дѣвкѣ и женщинѣ по 6 шишекъ, которыхъ пекутъ не менѣе 200. Въ субботу утромъ сходятся приглашенныя дивчата, сажаютъ невѣсту на кожухъ, старшая дружка расплетаетъ ей косу, а дивчата поютъ [1]): (Степь, № 14-й).

[1]) Николайчикъ. Кіевск. Стар. стр. 379.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ надѣваютъ цвѣты, берутъ шишки и невѣста идетъ съ дружками обѣдать къ жениху; послѣ обѣда, выходя изъ дома поютъ:

3.

Якъ булы мы у пана,
Була намъ добра шана;
Пилы мы горилку
За Наталку дивку.
Зозуле, зозуленько,
Чего встаешь раненько?
Чого плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не куваты?
Одного зозуля мала,
Тай того утеряла!
Ты, Наталчина ненька,
Чего встаешь раненько?
Чего плачешь жалибненько?
Якъ мини не вставаты,
Жалибненько не плакаты?
Одну дочечку мала,
Та-й ту утеряла:
Изъ поля робитныцю,
Отъ печи топилныцю,
Отъ коровъ коривныцю,
Отъ коморы клюшныцю,
Отъ серця розлучныцю!

Тогда идутъ по селу приглашать на свадьбу; поютъ, кромѣ №№: 16, 17, 18, 19 и 25 (Степъ), слѣдующія:

4.

Нейдить дружечки тыхо,
Крешить пидкивкамы,
Якъ небо зиркамы.
Ой загулы голубоньки,
У садъ литючи;
А за ными Наталка,
У слидъ плачучи.
Ой верницця, голубоньки,
Я вамъ щось скажу,
Вернить мое дивовання,
Я вамъ заплачу.
Не вернемось, не вернемось,
Бо знаемъ чого,
Булобъ тоби шануваты
Батенька свого;
Булобъ тоби нейты замижъ,
Тай ще погулять,
Булобъ тоби здоровячко
Пошанувать!
Чи далеко, голубоньки,
Залетыте,
Чи далеко дивовання
Тай занесете?
Полетымо мы, Наталко,
Въ чисте поле,
Занесемо мы дивовання
Въ сыне море.
Полетымо мы, Наталко,
У чужій край,
Та вкинемо дивовання
У тыхый Дунай!
Полетить, голубоньки,
У мій садочокъ,

Библиотека "Руниверс"

Та знимить изъ яблони
Мій цвиточокъ;
Та понесить неньци
У кимнату,
Та повисьте цвиточекъ
Надъ кроватью!
Устане моя ненька,
Тай буде узнавать,
Тай буде мій цвиточокъ
Слизьмы облывать!

5.

Ой на шо ты, Наталко, уповала
Що ты соби Ивана сподобала:
Чи на ёго два коныки вороные
Чи на ёго два жупаны голубые!
А е въ ёго два коныки,
Тай то не ёго;
А е въ ёго два жупаны,
Та брата ёго,
А е въ ёго три перстепи,
То сестрици ёго!
А въ ёго молодого,
Нема ничого.
Биле лычко, чорны бровы
То тильки ёго!
Два коныки вороные
Пидыбьюцця,
Два жупаны голубые
Подеруцця,
Лита твои молодые
Не вернуцця!

6.

Ой зацвили полуцвиты
По крутій гори,
Усю гору камьяную
Устылылы!
Тильки одну дорижеиьку
Пропустылы.
Туды йшла Наталка
Зъ дружечкамы,
А за нею Иванко
Зъ буярамы.
Пидожды ты, Наталко,
Не чія—моя!
Вона стала—отгадала:
Ще я не твоя!
Ще я въ свого батька—паняночка,
А ты у свого—панъ,
Шукай соби паняночки
Такои, якъ самъ!
Й выходывъ—й выиздывъ
Села города,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты молода!
Й выходывъ й выиздывъ
Увесь билый свитъ,
Та не найшовъ паняночки,
Якъ ты, рожевый цвитъ!

Возвращаясь домой съ обходу, поютъ:

7.

Росты верба вгору,
Мы идемо до дому,

Библиотека "Руниверс"

До своеи неньки,
Де столы повненьки! [1])

Вечеромъ невѣста возвращается домой, дружка обращается къ дружку́, который находится тутъ, до прихода невѣсты:

„Старосто, пàне старосто!
Благословить молоду за стилъ завесты".

Даётъ „*хустку*" въ руки невѣсты и ведетъ; а дивчата поютъ: № 32 [2]) (Степъ) но полнѣе:

8.

А той посадъ
Пысарь пысавъ
Й маляръ змалювавъ:
Темнои ничи
Коло свичи,
Яснаго сонця
Коло виконьця! [3])

Затѣмъ благословляются „*гильце выть*", которое украшаютъ конфектами, пряниками, орѣхами и проч., при этомъ дивчата поютъ „Степъ" №№ 34, 35, 36 и 34 и еще:

9.

Ой де-жъ ты, сосно, изросла,
Тыхымъ Дунаемъ приплыла.
Наталка на столи зацвила.

---

[1]) Потомъ какъ и въ Стенъ, № 28.
Не гнивайся, моя ненько, на мене,
Що я веду усю челядь до себе!
Я-жъ тебе, дочко, не лаю,
Я-жъ твою усю челядь прыймаю.
И еще № 30 Степъ стр. 178.

[2]) Иде Палажка на посадъ,
Зостричавъ ii Господь самъ,
И зъ долею зъ щастливою,
И зъ доброю годыною.

[3]) Ср. Чубинскій, № 239.

Библиотека "Руниверс"

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Кампинскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грынцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Стеновича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лищенка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В Тимпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза. княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Ист. Общ. Н. Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За пер. прилагается 25 к. Кн. 3 ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины".

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Библиотека "Руниверс"